АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Исторический ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ

сказания и предания

Запись текстов,
перевод и комментарии
Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА·ЛЕНИНГРАД
1966

Ответственный редактор
В. И. ЦИНЦИУС

7-4-3
146—66

ВВЕДЕНИЕ

Эвенки — наиболее многочисленная (24.6 тыс. человек) и широко расселенная народность из малых народов Сибири. Перепись 1959 г. зарегистрировала их во всех краях и областях Сибири, за исключением Алтая и степной полосы, примыкающей к Байкалу (в Забайкалье степные тунгусы ассимилировались с бурятами и монголами к началу XX в.). Таким образом, помимо тех мест, где они постоянно жили (Амурская, Иркутская, Томская, Сахалинская и Читинская области, Якутская и Бурятская АССР, Красноярский и Хабаровский края и Усть-Ордынский национальный округ), в 1959 г. эвенки отмечены также в Хакасской АССР, в Тюменской области, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах.

В настоящее время эвенки составляют основное население в охотничье-оленеводческих колхозах Эвенкийского национального округа Красноярского края и Катангского района Иркутской области, в глубинных охотничье-оленеводческих колхозах Бурятской и Якутской АССР, Амурской и Читинской областей и Хабаровского края (Аянский, Чумиканский, Верхне-Буреинский и Хабаровский районы). В колхозах и совхозах остальных упомянутых выше областей и районов они составляют меньшую часть населения.

Эвенки по языковым и этнографическим особенностям делились в начале советского периода на следующие группы: 1) сымская (потомки нижнеангарско-енисейских тунгусов XVII в.) — расселена к западу от Енисея и к северу от Ангары (по притокам Подкаменной Тунгуски); 2) подкаменнотунгусская — в бассейне Подкаменной Тунгуски и севернее, до р. Нижней Тунгуски; 3) илимпийская — к северу от Нижней Тунгуски, до зоны расселения долганов и нганасанов, а также в районе г. Туруханска и севернее, на запад от Енисея; 4) ербогоченская — в бассейне Нижней Тунгуски, между реками Илимпеей и Еромой, и восточнее, в бассейне вилюйской Чоны; 5) непская — в бассейне Нижней Тунгуски, между реками Еромой и Икой (притоком Непы), и восточнее, включая верховья Чоны (притока Вилюя),

Пеледуя (притока Лены) и нижнюю часть бассейна Витима, а также верховья притоков Лены (до Киренги); 6) токминская — в верхней части бассейнов Нижней Тунгуски, Непы (притока Нижней Тунгуски), Куты (притока Лены), Илима (притока Ангары); 7) верхнеленская — в верхней части бассейнов Лены и Киренги; 8) северобайкальская — в северном Прибайкалье и в бассейне Верхней Ангары; 9) баргузинская — в верхней части бассейна Баргузина; 10) бауптовская — в бассейнах средних и верхних левых притоков Витима; 11) витимо-олекминская — в бассейнах верхних и средних правых притоков Витима и во всем бассейне Олекмы; 12) токкинская — в верхней части бассейнов Токко и Чары (левых нижних притоков Олекмы); 13) верхнеалданско-зейская — в бассейне верховьев Алдана, Томмота, Сутама (притока Учура), Амги и Гилюя (левого притока Зеи) с его притоком Тындой; 14) учурско-зейская — в верхней части бассейнов Учура, Зеи и смежной с последней Алгомы (притока Учура); 15) буреинско-урмийско-амгунская — в верхней части бассейнов Буреи, Амгуни и Урми (притоков Амура); 16) чумиканская — в бассейнах Уда, Тугура, Торома, Чумикана; 17) аянская — в районе Аяна и в бассейне Нелькана и его притока Тотты; 18) сахалинская — в северной части Сахалина.

За годы Советской власти хозяйство, культура и быт эвенков — таежных охотников-оленеводов были коренным образом преобразованы. В настоящее время эвенки объединены в охотничье-оленеводческие колхозы, в которых наряду с ведущими отраслями развиваются и новые отрасли, такие как звероводство, а местами животноводство и огородничество. Охотничьи и оленеводческие бригады составляются главным образом из эвенков.

Неизменно выросла и культура эвенкийского населения. За эти годы большинство эвенков получило образование, и сейчас многие из них работают в административных, кооперативных, школьных, медицинских, культурно-просветительных и других учреждениях.

До сих пор в быту эвенков, особенно среди колхозного населения, сохраняются многие элементы национальной культуры. К ним в первую очередь следует отнести родной язык. Зная русский язык, большинство колхозных семей говорит дома по-эвенкийски. Сохраняется и сокровищница духовной культуры — фольклор.

Фольклор играл в жизни эвенков большую роль. Он включал как рациональные, так и иррациональные знания об окружающей природе, о происхождении окружающего мира, — знания, выработанные сотнями поколений в значительной части на основе наблюдений и опыта. Фольклор отразил и устную историю народа. Он оказывал значительное влияние на формирование мировоззрения охотника.

С раннего детства, как только ребенком эвенк начинал понимать речь, и до возмужания он впитывал в себя те знания,

которые ему могло дать устное творчество. Первые сведения о животных дети получали из сказок, рассказываемых во время отдыха по вечерам и днем во время домашней работы. Сказки эти обычно начинались с вопроса познавательного характера (например, почему дятел имеет красные перышки на голове), ответ на который давался в художественной, поэтической форме. До сих пор большинство эвенкийских сказок сохраняет этиологическую концовку.[1] Имелись и специальные детские сказки, из которых дети узнавали, чем питаются животные, и в которых раскрывались качества и свойства предметов или говорилось о способах их починки, если они ломались. Для усвоения счета в большом ходу были считалки, благодаря которым порядок счета до десяти запоминался с помощью сочетаний чисел со словами, имеющими сходные первые один-два слога. Во время рассказов старики рисовали на земле следы птиц и животных, которые затем показывали детям в действительности.

Загадки тренировали сообразительность; их начинали загадывать детям, когда они осваивали стрельбу из игрушечного лука. Считалось, что охотник, убивший впервые копытного зверя, должен уметь быстро отгадать любую загадку. Все загадки, как и сказки, начинались с вопроса: *Тар ёкун?* — «Это что?». Возможно, что форма загадывания распространилась и на сказки. Наряду с загадками и оберегами подростки узнавали и мифы о вселенной, о ее происхождении, о происхождении человека и животных, о древних шаманах и др. Наконец, когда дети становились «настоящими людьми» (т. е. взрослыми), им рассказывали сказания и предания. Еще Георги писал в XVIII в. об эвенках, что «знания их утверждаются только на преданиях».[2] Сказания формировали представления об идеале охотника-воина, показывали его выносливость, храбрость, стойкость, знакомили с людьми иной культуры. Если между событиями героического сказания и современностью временная связь была уже утеряна и сказитель не воспринимал как реальные названия родов, имена героев и топонимы, то рассказчик родовых преданий видел в героях своих предков. Названия родов, личные имена и географические названия в преданиях соответствуют современным. В отдельных случаях рассказчик помнил все поколения, от поколения действующего лица до своего. Таким образом, у молодого поколения вырабатывались знания правил и норм поведения, обязанностей и мо-

---

[1] Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936 (Труды Инст. народов Севера); Г. М. Василевич. Ранние религиозные представления о мире у эвенков. Сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», М., 1959 (Труды Инст. этнографии, нов. серия, т. V).

[2] П. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. 3. СПб., 1776—1777, стр. 36—37.

рали. По некоторым героям определяли время действия («до» и «после» того или иного героя).[3]

Эвенки относились к сказаниям и преданиям как к неписанной истории и старались передавать их в неизменном виде.

Известно, какую роль играет фольклор как источник для разных отраслей науки: фольклористики, лингвистики, истории, этнографии и археологии. Тексты сказаний и преданий, созданные самим народом, творцом и носителем истории, в художественной форме отражают разные этапы ее и «служат источником при разработке важнейших историко-этнографических проблем»,[4] например таких, как связи между родами, взаимоотношения с соседними народами, общественная организация, моральные и правовые кодексы, развитие религиозных представлений и др. Героические сказания, служа источником для фольклориста-тунгусоведа, являясь своего рода зародышем эпоса, интересны и в общем плане генезиса этого жанра. Тексты, записанные у разных групп эвенков, отражают местные разновидности речи и служат источником для диалектологических и общих лингвистических исследований.

Богатый и красочный эвенкийский фольклор еще недостаточно записан и очень слабо изучен. В нем представлено большинство жанров: песни (в их числе импровизации, песни с устойчивым текстом — самобытные и переводные, шаманские песни), рассказы о случаях из жизни, родовые предания, эпические или героические сказания и мифы (о происхождении вселенной, человека и животных и др.), сказки (о животных, бытовые, юмористические, детские и другие, как свои, так и заимствованные), поговорки, загадки, считалки, обереги. Но углубленным анализом каждого из жанров этого фольклора почти никто не занимался, если не считать жанра загадок.[5]

Сами эвенки различают в своем устном творчестве следующие виды: 1) *нимнакāн* (*нимкāн* у сахалинских и аянских эвенков) — этим термином называются сказка, миф, предание и сказание; 2) *улгур* (букв. «рассказ») — бытовой рассказ о случае из жизни взрослого поколения; 3) *икēн*, *хаҕан* (*хāн*) — песня-импровизация и песня с коротким устоявшимся текстом; *давлавūн* (заимствовано из монгольского) — песня переводная; *эрūвūн* (букв.

---

[3] Еще в начале нашего века илимпийские эвенки, рассказывая К. М. Рычкову о чем-либо, датировали события «до» и «после» войн оленных пришельцев с местными эвенками (К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. I—II, 1917; кн. III—IV, 1922).

[4] В. К. Соколова. Фольклор как историко-этнографический источник. Сов. этнография, 1960, № 4, стр. 11.

[5] М. Г. Воскобойников. Эвенкийская загадка. Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 132, Л., 1957, стр. 249—271; В. И. Цинциус. Загадки негидальцев. Ученые записки Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 132, Л., 1957, стр. 216.

«клич») — песня шаманская; 4) *ноновко, тагивка* — загадка; 5) *од'ō, ңэлумэ* — оберег; 6) *турэчивкэ* — поговорка.[6]

На термине *нимңакāн* следует остановиться подробнее. Он характерен для всех тунгусо-маньчжурских языков, за исключением маньчжурского, и имеет несколько значений. Например, в эвенкийском: 1) устное народное произведение (миф, сказка, сказание, предание; производные слова: *нимңакат*— «сказывать сказание», *нимңакāчāмнī* — «сказитель» и др.); 2) старина, традиция, время (*тар нимңакāндӯ бичэн* — «это было в старину»); 3) камлать, шаманить (производные слова: *нимңаңки* — «шаманский бубен», *нимңанивка* — «камлание»).[7]

Между устным народным творчеством и обрядом также прослеживается связь.[8] Так, юноша, чтобы стать признанным охотником, кроме обладания специальными навыками, должен был знать сказки о животных и уметь быстро отгадывать любую загадку. Некоторые сказки можно было рассказывать только в тайге у костра или в охотничьем шалаше, так как, по представлениям эвенков, их слушали звери. Во время сказа сказитель, как и шаман, иногда покрывал голову платком и, рассказывая, подражал голосам зверей, а также имитировал их движения. Сказ, как и камлание, начинался с вечера и продолжался всю ночь до утра, а нередко и на следующий вечер. Все это происходило при притушенном огне очага, а когда сказитель пел, слушатели иногда подпевали (*д'ариḋ'ачāтин*) ему, как и шаману на камлании. В обоих случаях слушатели должны были быть внимательными и не разговаривать; разрешалось только вставлять реплики, отражая свое отношение к содержанию.[9] У забайкальских тунгусов во время посвящения в шаманы начинающий шаман должен был рассказывать биографии шаманов-предков.[10] Наиболее древ-

[6] См. образцы: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1.

[7] Интересно, что сходное с *нимңан* слово *лымн'ыл* имеется также в чукотском и корякском языках, но здесь оно известно только в значении «сказка». Имея в виду соответствие согласных *л* ~ *н*, можно говорить об общем происхождении тунгусо-маньчжурского и чукотско-корякского терминов. См. подробно: G. Wassilewitsch. Ursprung der Gesänge, Tänze, Spiele, Legendenerzählungen und Schamanierens bei den Ewenki. Acta ethnographica, t. IX, fasc. 1—2, Budapest, 1960.

[8] О тесных связях народной поэзии с магическим обрядом, о совмещении ролей певца, вождя и шамана у тюркских народов см.: В. М. Жирмунский. 1) Введение в изучение эпоса. В кн.: Киргизский героический эпос Манас. М., 1961; 2) Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 169—171.

[9] Аналогичное отмечено и в процессе сказа у бурят и монголов: «Рапсод, как и шаман, есть своего рода вдохновенный поэт. Хотя и поет по трафарету, но всегда вносит какие-нибудь варианты, в зависимости от настроения и обстановки. И стоит только остановить хотя бы на один момент поющего рапсода или шамана, как он собьется, начнет путать и вдохновение исчезнет» (Образцы народной словесности монгольских племен. Собр. Ц. Ж. Жамцарано. Т. 1, вып. 3. Пгр., 1918, стр. XIV—XV).

[10] S. Shirokogoroff. Psychomental complex of the Tungus. London, 1935, p. 352.

ние из таких биографий превратились в мифы.[11] У илимпийских эвенков в обязанности шамана входило «хранение» биографий духов-предков.[12] Все эти факты свидетельствуют о первоначальной связи между сказителем и шаманом и о совмещении этих двух профессий в одном лице, что характерно также для кетов, тюркских, монгольских и других народов.[13]

В настоящее время в связи с ростом культуры исчезли некоторые жанры эвенкийского фольклора, связанные с первобытными религиозными представлениями и шаманством, такие как мифы, обереги, шаманские песни, некоторые сказки.

Сейчас широко бытуют песни, в значительной степени переводные *(давлāвӯн)*. Песнями (в разных вариантах) стали многие стихи, опубликованные в первых учебниках. Широкое распространение в бригадах и на колхозных праздниках получила песня-импровизация. По своей роли она может быть приравнена к частушкам. Многие варианты сказок о животных через школьную литературу проникли туда, где их раньше не знали. До сих пор поются и рассказываются в бригадах сказания и предания. Слушают их с удовольствием, громко произнося реплики и подпевая сказителю.[14]

Большую роль сыграл фольклор в создании оригинальной эвенкийской литературы.[15] В послевоенный период в газете «Совет-

---

[11] Например, мифы сымских эвенков о Муревуле, Гуривуле, Хеладане (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 38—41, 45—52, 59—64).

[12] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. III—IV.

[13] Изложенное выше не говорит о признании «приоритета шаманов в сказкотворчестве», как это приписывают мне (см.: М. Г. Воскобойников. Эвенкийский фольклор. Учебник для педучилищ. Л., 1960, стр. 12), а указывает лишь на то, что на определенном этапе функции сказителя (хранителя устного народного творчества) и шамана были недифференцированы и что шаманство в формах камлания наследовало многое от форм сказа.

[14] К. А. Новикова в 1949 г. застала еще широкое бытование сказаний среди сахалинских эвенков, см.: К. А. Новикова и В. Н. Савельева. К вопросу о языках коренных народов Сахалина. Ученые записки Лен. гос. унив., серия факультета малых народов Севера, № 157, 1955; В. Соловьев. Исполнение нимнгаканов у сахалинских эвенков. Северянин, Л., 1955, № 1 (журнал научн. студенческ. общ. при Лен. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).

[15] Еще в 1925—1929 гг. при разъездах по тайге с эвенками-проводниками я записывала от них новые песни, сочиненные ими в пути на мотивы старых песен или на несколько измененные мотивы русских песен. В Ленинграде, в Институте народов Севера, мы разбирали на занятиях ритмы записанных песен и сравнивали с ритмами русских песен и стихов. Затем на ритмы родных песен эвенки стали сочинять стихи. Через некоторое время в литературном кружке эвенки начали зачитывать не только стихи, но и предания и сказания, а также сказки, написанные ими в стихах. Многие из них были позже опубликованы. См.: А. Салаткин. 1) Тайга играет (Аги эвидерэн). Сб. стихов. Под ред. Г. Василевич. Л., 1937; 2) Гегдаллу и Ульгорик (Гегдаллукэн, Улгэриккэн). Поэма. Под ред. Г. Василевич. Л., 1935; Г. Чинков-Эден. 1) Родная земля (Балдыдяк

ская Эвенкия», издающейся в Эвенкийском национальном округе, время от времени публикуется литературная страничка. В ней на русском и эвенкийском языках печатаются старые и вновь созданные сказки.[16]

Публикации исторического фольклора на эвенкийском языке очень незначительны. В сборнике «Материалы по эвенкийскому фольклору» (Л., 1936) мы поместили четыре сказания: два, записанные у сахалинских эвенков, одно амурское и одно аянское. Там же помещены родовые предания, записанные у сымских и ербогоченских эвенков, и фрагменты — у северобайкальских и тунгирских эвенков. Тексты преданий с переводом приложены в работе А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков» (Л., 1936). Они представляют собой переданные в виде рассказа ответы на вопросы собирателя, и только последний текст (№ 10) является подлинным преданием о столкновении рода Момо с родом Нюрумня. В 1937 г. нами был издан на эвенкийском языке сборник «Торганэй». Тексты в нем несколько сокращены и по языку приближены к литературному диалекту. Полный текст первого сказания мы помещаем в настоящей книге (сказание 15). В 1960 г. вышел учебник для педучилищ «Эвенкийский фольклор» М. Воскобойникова. В нем опубликованы два сказания сахалинских эвенков (из «Материалов по эвенкийскому фольклору», т. 1), три текста баргузинских эвенков (одно предание, опубликованное впервые в 1927 г.,[17] фрагмент текста о происхождении названия реки Баргузин, записанный Воскобойниковым, и одно предание о столкновении Киндигиров с Чангурами, записанное Н. Гладковой) и одно предание подкаменнотунгусских эвенков, записанное В. Колесниковой и В. Горцевской. Этими материалами пока исчерпывается публикация исторического фольклора (тексты с переводом).

В начале XX в. у эвенков с р. Котуй (илимпийская группа) несколько преданий записали на якутском языке В. Н. Васильев и К. М. Рычков; последний делал записи также у сымских эвенков. В 20—30-х годах были произведены записи и у ербогоченских эвенков. Бо́льшая часть их вошла в приложение к сборнику «Ма-

---

бугав). Сб. стихов. Под ред. Г. Василевич. Л., 1938; 2) Гарпани (Гарпаниндя). Сказание в стихах. Под ред. Г. Василевич. Л., 1939; 3) Стихи (Стихил). Под ред. Г. Василевич. Л., 1940; 4) Лис (Сулакичан). Сказка в стихах. Под ред. Г. Василевич. Л., 1940; А. Салаткина-Вакувагир. Совенок (Иптылгучан). Сказка в стихах. Под ред. Г. Василевич. Л., 1946; А. Платонов. 1) Песни эвенка (Эвенки давлавурин). Под ред. М. Воскобойникова. Л., 1938; 2) Лучшие стихи (Аяткул стихилин). Под ред. М. Воскобойникова. Л., 1946; «Прежде. Теперь» («Учэлэ. Тыкин»). Литературный альманах. Под ред. Г. Василевич. Л., 1938.

[16] В 1961 г. эти произведения были собраны в сборник и изданы в Красноярске под названием «Слово эвенка» («Эвэнки турэнин»).

[17] П. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927.

териалы по эвенкийскому фольклору».[18] Из неопубликованных текстов сказаний и преданий известны записи К. Новиковой 1948 г. у сахалинских эвенков; записи преданий подкаменнотунгусских эвенков, сделанные В. Колесниковой, В. Горцевской, О. Константиновой и Е. Лебедевой. В Якутии в 1959—1963 гг. производили записи исторического фольклора сотрудницы Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, сами эвенкийки, А. Романова и М. Мыреева.

В настоящей книге представлены тексты героических сказаний и родовых преданий, которые записаны нами на эвенкийском языке в 1935—1960 гг. во время экспедиций в разные районы расселения эвенков. Записи производились попутно со сбором этнографических, лингвистических и других материалов в чумах (на стоянках бригад), в школах и в домах колхозников (см. карту маршрутов).

Так, в 1935—1936 гг. мы принимали участие в экспедиции Министерства просвещения в Эвенкийский национальный округ Красноярского края по следующему маршруту: Красноярск—Подкаменная Тунгуска—Байкит—Тычаны—Байкит—Тура—Кербо—Стрелка-Чуня—Вановара—Кежма—Канск—Красноярск. Весь маршрут был проделан с помощью местного транспорта (лодки, оленные нарты и верховые олени).

В 1947—1948 гг. мы участвовали в экспедиции Института этнографии АН СССР и Института истории, языка и литературы Якутской АССР. Маршрут экспедиции следующий: Якутск—Чульман—Золотинка—Тында—Золотинка—Сутам—Алгома — Покровское—Алгома—Учур—Якутск. Весь путь был совершен верхом на олене и на нарте.[19]

Продолжением этой экспедиции явилась поездка летом 1948 г. из Хабаровска в эвенкийские колхозы на реках Урми и Амгунь.

В 1959 г. мы участвовали в экспедиции Института этнографии АН СССР по маршруту: Киренск на Лене—Ербогочен—Тетея—Ербогочен—Хомокор—Наканна—Ербогочен — Преображенка—Непа—Токма—Ербогочен—Киренск.[20]

В 1960 г. тексты были записаны во время экспедиции Института этнографии АН СССР в Эвенкийский национальный округ.

---

[18] Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 245—255, 262—263, 269, 271—272. К. М. Рычков оставил и неопубликованные тексты (Рукописный отдел бывш. Института востоковедения Академии наук, ныне Института народов Азии, фонд 49, тетр. 1—4).

[19] Г. М. Василевич. 1) Эвенкийская экспедиция. Краткие сообщ. Инст. этнографии, вып. V, 1949; 2) По колхозам джугдырских эвенков. Изв. Всесоюзн. геогр. общ., вып. 2, 1950; 3) Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948; 4) Угдан — жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов. Сб. МАЭ, т. XX, 1961.

[20] Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М., 1962 (Труды Инст. этнографии, нов. серия, т. 78).

Маршрут экспедиции проходил через следующие пункты: Красноярск—Байкит—Тура—Нидым—Тутончаны—Учами—Тура—Байкит—Полигус—Байкит—Куюмба—Байкит—Красноярск.

Из наиболее известных сказителей, которые нам рассказывали в 1935—1936 гг., могут быть отмечены Лучаткан Чемда и Кокотой Нюшкагир, оба из поселка Вановара. В их передаче мы записали пять преданий. На р. Тычаны нами было записано семь преданий от Чурчанчи Момо. Последний, кроме того, знал много фрагментов. В 1960 г. на Полигусе был еще жив слепой сказитель Павел Баяки, который хотя и помнил много преданий, но рассказывал их не так хорошо, как другие, часто забывал и повторялся. Интересно, что, рассказывая, он вставлял свои реплики. Рассказывая в третьем лице, он иногда переходил на рассказ от первого лица. В 1948 г. в восточных районах был широко известен среди эвенков живший на р. Урми в пос. Талакан сказитель-колхозник Гаврила Эдян. От него мы записали пять сказаний (сказания 1, 3, 4, 5, 7).

Остальные рассказчики из встреченных нами на Урми и Амгуни знали не больше одного сказания. Сказание 2 записано на магнитофон в Ленинграде от эвенка С. М. Савина, приехавшего в гости к сыну. По отцу С. М. Савин якут, по матери — эвенк, но считает себя эвенком. Он слышал много якутских олонхо. Записанное с магнитофона сказание 2 (о Кодакчоне) значительно отличается от других сказаний большим количеством включений из якутских олонхо. Сказания 10, 11 и 12 записаны от студентов родом с рек Тугур и Чумикан и с Сахалина. В 1947 г. мы записали на р. Тынде (притоке зейского Гилюя) от учительницы тындинской школы Александры Боярковской (из рода Хэбгимнгу) сказания и сказки, которые она слышала от своего деда Донгоя. Записи нескольких текстов от Анастасии Салаткиной (из рода Вакувагир) произведены в Ленинграде. А. Салаткина после войны училась два года на подготовительных курсах Ленинградского университета. Она имела отличную память и очень любила свои нимнгаканы, которые знала от матери. Текст «Бэрко и чангиты» записан от студента Института народов Севера Н. Сахарова, приехавшего в Ленинград в 1936 г.

Предлагаемые в книге героические сказания и родовые предания публикуются впервые. Чтобы видеть разницу между языком повествования и разговорной речью, мы поместили в Приложении I несколько рассказов на бытовые темы (случаи, имевшие место в конце XIX и в начале XX в. и представляющие интерес для истории). Тексты других жанров будут опубликованы в подготавливаемой нами отдельной книге.

Героические сказания 1—13 распространены среди эвенков, проживающих на восток от линии Алдан—Учур—Зея—Селемджа и до Охотского моря, включая и сахалинскую группу (см. карту-схему). Такого же типа сказания, часто с именами тех же героев

(Кидани, Гарпани, Дарпек, Нивони, Хулуро ~ Чулуро), встречаются и у эвенов, а от них некоторые попали и к юкагирам.[21] Все эти сказания имеют традиционное вступление (*нимӈакāн тэкэнин* — «основание сказания»), которое, по словам эвенков, должно указывать, что содержание относится к глубокой древности. За ним, после краткого описания первых этапов жизни героя, следует повествование о походах на восток («в сторону восхода солнца»), о встречах с другими богатырями, о борьбе с ними, о помощи таежным охотникам в борьбе с их извечными врагами, имеющими металлическую броню и оружие и ездящими на лошадях. В награду за оказанную помощь (помощь самой девице или ее отцу или брату) герой получает невесту. После свадьбы герой, прожив некоторое время у жены или у ее отца или брата, возвращается в свои места. Иногда, если жена или ее отец имеют оленей, герой возвращается с небольшим количеством оленей. Здесь он начинает обычную для охотника жизнь. У него рождается сын, который, дойдя до определенного возраста, как и отец, отправляется в поход. Иногда к состарившемуся герою приходит другой богатырь пробовать свои силы. Тогда герой обращается за помощью к сыну. Концовок эти сказания не имеют.

В сказаниях прямая речь поется, все остальное повествуется. Прежде и этот текст передавался речитативом.[22] По словам урмийских эвенков, каждый герой имеет свою *икэвкэ* (запев, дающий мотив) с постоянным словом, значение которого ныне позабыто (см. Приложение II — нотные записи мотивов). Запев дает ритм для пения всей прямой речи и повторяется неоднократно как припев, что характерно также для мифов и шаманских песнопений.[23]

В некоторых случаях можно установить, что постоянное слово запева прежде было именем героя или названием его рода, а возможно, и племени. Так, например, запев и припев «Орель, орель!» можно сопоставить с названием рода амгунских эвен-

---

[21] W. Jochelson, The yukagirized tungus. The Jesup North Pacific Expedition, v. IX, Leiden—New York, 1926, pp. 290—297.

[22] См., например, запись 1930 г. (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 115):

Дулин дуннэ дулкāкйндӯп,
Умӯн йэнэ буркачāпдӯп
Дулин дуннэ Умуснинд'эн бирэп.
Утук-утук утакāчй
Д'апкӯн мō калтакāд'ип бвчā.
Тāдук ēкӯӈин-дā āчин
Уларин мэӈун уп'акāптун.

На самой середине земли,
На островке одной реки
Умуснинде среднего мира жил.
Был у него чум-утэп
Из половинок восьми дерев.
И больше ничего не было,
Только золотое колечко.

[23] Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I, стр. 141, № 110; стр. 142, № 112; G. M. Wassilewitsch. Schamanengesänge der Ewenken (Tungusen). Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963, pp. 395—399.

ков — Орильский, зарегистрированным в документах XVII в.[24] О существовании этого рода амгунские эвенки помнили еще в 1948 г.; кроме того, след их пребывания оставался в названии озера Ориль в нижней части бассейна Амгуни. Постоянные слова запева-припева «Дэвэдареко» или «Кидани» (сказание 1), «Кедайканен» (сказание 2) увязываются с названиями родов Деведарский и Кидарский, зарегистрированными у тех же восточных тунгусов XVII в.; слова «Кима ~ Кимо ~ Кимоко» — с названием родов Кима (эвенки) и Кимонко (удэ); слова запева «Ваку-ваку» (сказки непских эвенков) — с названием рода Вакувагир, с которым перекликается топоним Вакунайка (верхний приток Лены, приток вилюйской Чоны, приток Учами), напоминающий о местах кочеваний эвенков этого рода. Потомки его и по настоящее время живут на Нижней Тунгуске. По сообщению эвенков, каждый герой имеет свой запев-припев (например, в сказании 1: «Кудэргие» — запев-припев героя Кодакчона, «Дэвэдареко» — запев-припев героини Секак, «Кемонин» — запев-припев героини Монгукчон; в сказании 3: «Оле-доле» — запев-припев матери героини Секак, и т. д. Но запев-припев постоянных врагов таежных охотников один и тот же во всех сказаниях — «Дынгды-дынгды».

При сравнении сказаний восточных эвенков (сказания 1—13) с эпическими сказаниями других народов, в первую очередь соседей эвенков — якутов и бурят, мы находим ряд общих черт: аналогичное вступление, иногда генеалогическую цикличность, почти одинаковые описания появления врага и поединков, особое внимание к имени и названию рода, обусловленное экзогамией. В. М. Жирмунский объясняет типологическое родство эпоса тюркских и монгольских народов сходством идеологии на одинаковой ступени развития.[25] Нам представляется, что общие поэтические традиции складывались в глубокой древности, когда тюрко- и монголоязычные племена были такими же охотниками, как и тунгусоязычные, и скотоводство у них еще только зарождалось.

Но вместе с тем сказания восточных эвенков имеют столько отличий, что можно говорить о дальнейшем самостоятельном пути их развития.

Эти отличия касаются целого ряда черт, перечисленных ниже.

Во-первых, отсутствие традиционных концовок.

Во-вторых, отсутствие красочных, подчас витиеватых описаний быта, что характерно для тюркских и монгольских сказаний, а также крайняя редкость метафор; для эвенкийских сказаний характерны скупые описания действия и в то же время его динамичность.

---

[24] Дополнения к актам историческим, т. X, стр. 342; т. XII, стр. 97.
[25] В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса, стр. 192.

В-третьих, постоянное восточное направление походов главного героя. Случайные заходы на запад обусловлены погоней за врагом чулуро, отклонения на юг — погоней героя за девицей. Выполнив то, ради чего он изменил направление пути, герой продолжает свой путь на восток.

В-четвертых, героями походов могут быть и женщины-богатырши.

В-пятых, целью походов является желание увидеть «край земли», найти противника, чтобы проверить свои силы, ловкость, и, наконец, найти «товарища» (мужа, жену). Во всех случаях богатыри в пути оказывают помощь нуждающимся в ней и разбивают их врагов. За оказанную помощь герой получает в жены девицу.

В-шестых, главный герой всегда бывает пешим охотником горной тайги, не имеющим никаких богатств. Он не берет ничего от побежденного врага. В сказаниях никогда не упоминается о том, что герой занимается рыболовством или оленеводством. Но племена, с которыми герой встречается в пути, занимаясь охотой, имеют в то же время коней и оленей, мясом которых пользуются в тех случаях, когда нет мяса диких животных. Наряду с отличительными чертами быта, внешности встреченных иноплеменников в сказаниях отмечается и языковая общность некоторых из них с героем.

В-седьмых, в эвенкийских сказаниях большее внимание, чем в тюркских и монгольских, уделяется названию местожительства героя и мест, где происходят его походы.

В-восьмых, в сказаниях отсутствуют шаманы и духи-помощники.

В-девятых, во взаимоотношениях со встречными народами и с исконными врагами (конным народом, имеющим железную броню) всегда соблюдаются традиции чести.

В-десятых, элементом фантастики в сказаниях являются лишь превращения героев в птиц, что может быть объяснено пережитками тотемизма. Деление мира на три части (небо, земля и преисподняя), характерное для сказаний разных народов[26] и объясняемое как пережиток более древних представлений, встречается и в эвенкийских сказаниях, но в большинстве случаев эти миры имеют здесь другое, более реальное значение: верхний мир — это высокогорные районы, средний мир — горная тайга, нижний мир — степи и речные долины. В сказании 6 даже указывается конкретно место в нижнем мире, где живут враги чулуро-Сэлэргуны: к западу от р. Онона и к западу от ущелья Котор. Исключением является описание нижнего мира в сказании 2, заимствованное из олонхо.

---

[26] Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по Аарне. Л., 1929. стр. 97.

Представление о трех землях — Сивир, Кидан и уранкаев, по-видимому, является отражением более позднего административного деления Верхнего Приамурья на три округа (см. подробнее сказание 3, прим. 16).

Таким образом, нам представляется, что героические сказания восточных эвенков стоят ближе к эпосу, чем к героическим сказкам.[27] Они отразили один из этапов расселения древних тунгусов на восток из районов южного Забайкалья, датируемый не позднее VI в., судя по типу описываемого дома («айгурский») и по западному местонахождению врагов всех охотников (к западу от р. Онона).

Сказания 14—20 распространены у эвенков, живущих в районе между Олекмой и Амгой на западе и реками Зеей и Учуром на востоке (верхнеалданская и верхнезейская группы); отсюда они проникли на север — к верхнеамгинским эвенкам и на запад — к верхнеленским (см. карту-схему).

Зейско-алданские сказания рассказываются, и только в редких случаях (когда включены элементы из сказаний восточных эвенков) прямая речь поется.

По языку и художественным средствам они беднее первых; они не имеют ни вступления, ни генеалогической цикличности. По элементам фантастики (превращения героев, наличие волшебных помощников — животных и предсказателей, наделение богатырей сверхъестественными качествами, введение образа хозяйки тайги, преодоление сказочных препятствий, борьба с многоголовым змеем), а также по описанному в них способу наказания (привязывание к хвостам лошадей и др.) они ближе к богатырским сказкам и в них немало мотивов из эпоса тюркских и монгольских народов. Вместе с тем описание жизни героев (пеших и конных охотников, но не рыболовов и скотоводов) вполне реалистично, как и сами факты взаимоотношений с соседями-скотоводами. И эти сказания описывают походы героев, которые оканчиваются браком с девицей из группы скотоводов (сказание 20) или из группы охотников (сказания 14, 19). Иногда походы кончаются местью братьев сестре за ее самовольный выход замуж за скотовода (сказания 16—18). Хитрость, обман, к которым прибегают скотоводы, чтобы уничтожить героев (спаивание вином; поджог жилища, где они спят; попытка убить их сонными; предложение вступить в бой со многими воинами или многоголовым змеем), — мотивы нехарактерные для эвенкийского фольклора и явно заимствованные.

В этих сказаниях, по-видимому, отразились более поздние брачные связи между охотниками и скотоводами, имевшие место в Верхнем Приамурье. Охотники жили в верховьях рек в тайге

---

[27] В. Жирмунский. Героический эпос. М.—Л., 1962; Е. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963.

небольшими группами, а скотоводы жили по соседству на той же реке, в степной полосе. Охотники отправлялись в далекий путь и проходили ряд испытаний, прежде чем добивались своей невесты. Поэтому в сказаниях подвиги героя опоэтизированы и преувеличены.

Особый интерес в алданско-зейских сказаниях представляют такие факты, как содержание в тайге девицами коневодов детей, рожденных от охотников, как грамотность работницы скотоводов, захваченной в плен от охотников. Собственные имена охотников с суффиксом *-нэй, -най* характерны для эвенков; имена соседей этих охотников — коневодов и скотоводов — с суффиксом *-лга, -лгун, -дыр, -дор, -нгой* характерны для монголов и соответствуют именам, известным по русским источникам XVII в.

Второй раздел книги посвящен родовым преданиям.

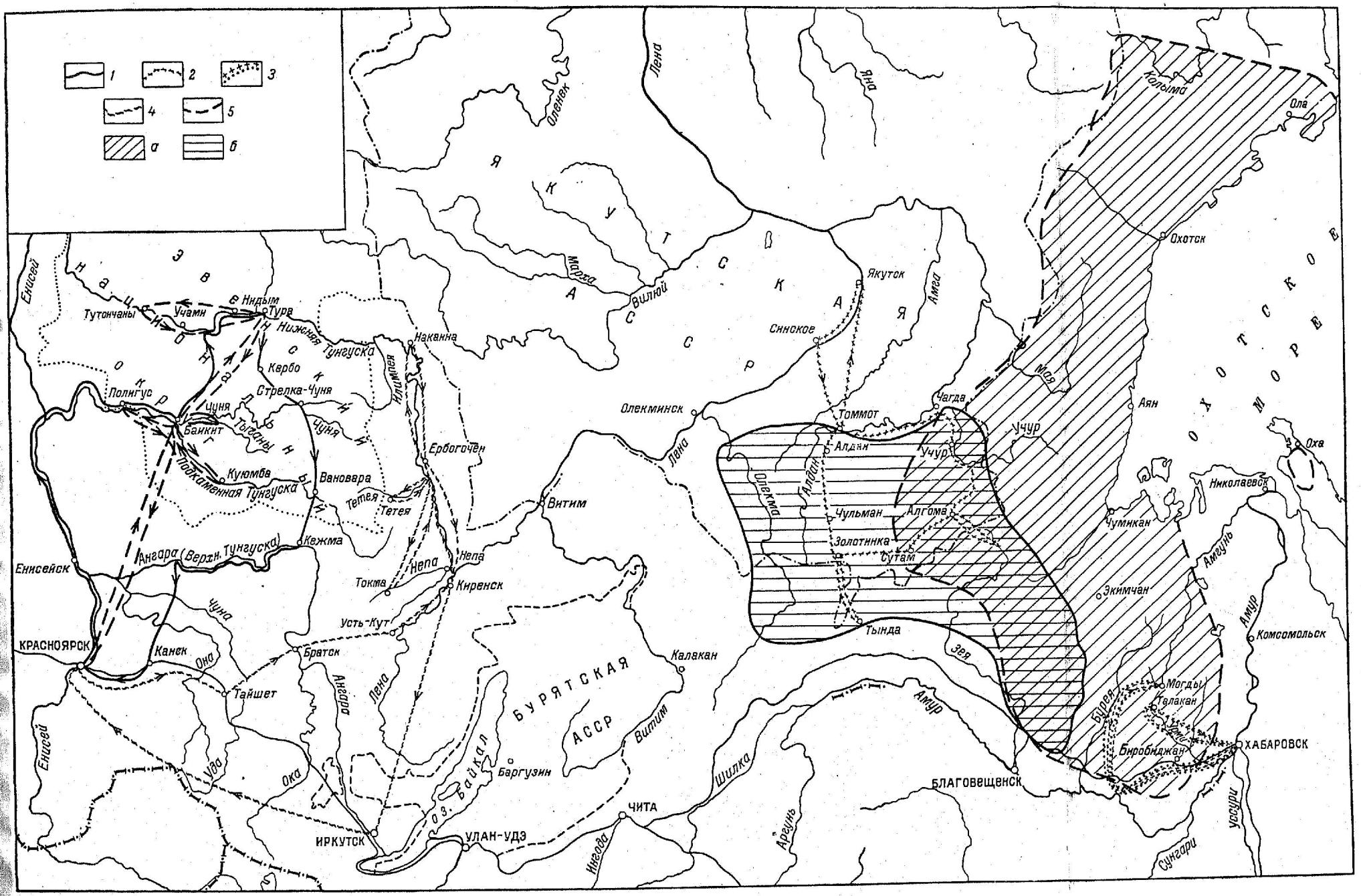
Такие предания имеются у всех групп эвенков. Предлагаемые нами записаны в большинстве своем среди эвенков с бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгусок. Они отразили жизнь эвенкийских родов в период до и после прихода русских в тайгу (XVI—XVII вв.) и позднее. Предания илимпийских эвенков (к северу от Нижней Тунгуски, включая верховья рек Котуя, Хатанги и Оленека) о Нурговуле, Уроне, Олувуле и Унгковуле распространились среди оленекских якутов (ассимилированных тунгусов) и вошли в оленекский хосунный эпос.

Предания рассказывались обычным разговорным языком, так же как обычные рассказы из жизни. Для сравнения языка мы даем в виде приложения несколько рассказов о случаях из жизни, имевших место в конце XIX и в начале XX в.

Герои преданий также являются пешими или оленными охотниками (о рыболовстве предания не упоминают). Преобладающей темой в них являются межродовые столкновения. Причины столкновения могут быть различными. Чаще всего это — неудачное сватовство (предания 8, 10, 11, 20). Иногда столкновение вызвано смертью сородича; в таких случаях считалось, что шаман соседнего рода «съел» его душу (предания 6, 9, 11). Реже причиной бывает ссора (предания 14, 16) и еще реже — кровная месть (предания 11, 23—25). В преданиях подкаменнотунгусских эвенков рассказывается о случаях, когда столкновение вызвано тем, что лося, за которым гнался один охотник, убивал охотник из другого рода, или когда вместо дикого оленя по ошибке или из-за голода убивали домашнего оленя; последнее указывает на относительно позднее появление оленей у потомков ангарских пеших эвенков, ушедших с Ангары к северу.

В некоторых преданиях рассказывается о ссорах между членами одного рода.

Предания илимпийских эвенков отличаются от преданий всех соседних, более южных эвенков: сюжет их построен по схеме, характерной для эпоса и богатырских сказок тюркских и монголь-



Карта-схема распространения сказаний и маршрутов собирателя.

Районы распространения сказаний: *а* — дальневосточных эвенков; *б* — верхнеалданско-зейских эвенков. Маршруты: *1* — 1935—1936 гг.; *2* — 1947 г.; *3* — 1948 г.; *4* — 1959 г.; *5* — 1960 г.

ских народов. В них рассказывается, как один богатырь убивает в поединке другого и уводит его жену. Сына убитого спасает дед (иногда бабка), который воспитывает в нем воина. Подросший сын идет мстить за смерть отца и освобождает свою мать. В конце концов он погибает от медведя. По-видимому, тема мести за убитого отца и сама структура этих преданий были принесены в районы на запад от Лены группами оленных эвенков, выходцев из Забайкалья и Верхнего Приамурья.[28] Имена действующих лиц этих преданий принадлежали реальным людям. Так, Нурговуля из предания можно сопоставить с Нурговулем — из списка ессейских эвенков 1683 г.; имя Унгковуль сохранилось в топониме Юнкебиль (якутская огласовка) — названии протоки Оленека; имя Олувуль — в названии тундры на истоках рек Илимпеи и Тетеи, притоков Нижней Тунгуски.

Предания, вошедшие в оленекский хосунный якутский эпос, получили местный, тундровый колорит и, бытуя среди якутов, включили в себя эпизоды, характерные для якутских преданий.[29]

В преданиях отражены традиции и разные стороны жизни родового общества. Такие факты, как объединение двух родов, совмещение в одном лице вождя и охотника — кормильца всей группы, выдача женщин одним родом в оплату за убитого члена другого рода в знак примирения после столкновения, взаимный обмен невестами между двумя родами, и многое другое перекликаются с данными документов XVII в.

Как сказания, так и предания интересны с этнографической и исторической точек зрения. В них много подробностей, описывающих общую для всех тунгусов традиционную подготовку к поединку или к бою, правила поединка, обычай пробовать свои силы при встрече мужчин. Для этногенеза эвенков с бассейна Енисея интересны в преданиях моменты, относящиеся к разным группам эвенков. Например, для западных эвенков характерно увертывание, отскакивание от пущенной противником стрелы; восточные же эвенки ловят стрелу серединой своего лука. Различен и способ уничтожения тела убитого врага (для западных — путем варки в котле, для восточных — путем сжигания на костре).

Кроме целых преданий, мы помещаем также фрагменты некоторых из них, чтобы дать более подробную характеристику родового строя, поскольку в каждом из них имеются сведения, не встречающиеся в других.

---

[28] Г. М. Василевич. 1) Ессейско-чирингдинские эвенки. Сб. МАЭ, т. XIII, 1951, стр. 182—186; 2) К проблеме заселения тунгусами енисейской тайги. Рукопись. Архив Инст. этнографии.

[29] Например, в предание об Уроне введен образ работника по имени Нучча, нехарактерный для эвенкийских преданий. См.: Б. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952 (Труды Инст. этнографии, т. 18), стр. 81. Слово «Нучча» (фонетическая переогласовка слова «русский») введено после того, как якуты познакомились с русскими.

Тексты даны без изменений и отражают различные говоры, на которых говорили дикторы. Они записаны на говорах следующих диалектов: подкаменнотунгусский (Полигус, Байкит, Куюмба, Тычаны, Ванавара), илимпийский (Учами, Агата, Пеконгда, Нидымкан), ербогоченский (Тетея, Накапна), северобайкальский (Верхняя Ангара, Байкал), олекминский (Тунгир), верхнеалданский (Чульман, Алгома, Учур), зейско-учурский (Тында, Зея, Амуткачи), буреинско-урмийский (Керми, Бирая, Бурея, Урми, Амгунь), чумиканский (Тугур, Чумикан) и сахалинский. Перевод близок к подлиннику, но дан в формах русского языка. Это потребовало введения слов для связи главных и придаточных предложений, а также местоимений-подлежащих, что нехарактерно для эвенкийского языка. Дополнительные слова русского перевода даны в квадратных скобках. В отдельных случаях, когда буквальный перевод, который обычно дается в скобках, представляет особый интерес, мы оставляем в тексте его, а в скобках даем необходимое разъяснение, например: «[Мы] вышли из лужи земной» (т. е. с берегов озера); «Речь твою не брошу на землю» (т. е. рассказ твой не забуду).

Тексты записаны в общепринятой советскими тунгусоведами транскрипции, т. е. на расширенном практическом алфавите с обозначением заднеязычных *ӈ* и *ɣ*, палатальных *н'* и *д'* и среднеязычного *й*. Добавлены гласные звуки среднего ряда *ɛ*, *ɪ* и обозначены долготы гласных (чертой над буквой). Варианты фонемы *э* обозначены буквами *а*, *о*, *э*.

В прямой речи сказаний срединные и конечные слоги, вставляемые для ритма, опущены и лишь в некоторых случаях сохранены конечные добавочные слоги. Поэтому ритм стиха в текстах в большинстве случаев не соблюдается. Но в каждом случае он определяется по напеву. В русском переводе для удобства чтения количество строк прямой речи героев не соблюдается.

В Приложении II даны нотные записи мотивов из сказания 2 (в эвенкийском тексте в соответствующих местах в скобках указаны номера мотивов). Нотацию составили Б. М. Добровольский и В. В. Коргузалов. Пояснения к нотации написаны Б. М. Добровольским.

Перед каждым текстом и переводом указаны имя и фамилия рассказчика (в скобках — родовое название), год рождения, место и время записи.

В заключение мы выражаем благодарность сотрудникам Института этнографии АН СССР — сектора Сибири (в Ленинграде) и секторов Севера и Русского фольклора (в Москве), а также рецензентам, сделавшим ценные замечания.

Г. Василевич.

УЧӢР, УРМӢ, ЧУМУКӘН, САХАЛИН, ЭВЭНКӢЛИН НИМҢАКĀРТІН

1. Кōдāкчэн

Билир, билир дуннэ элэкэс ōвд'аңахин, н'аңн'а элэкэс илармāн сēрукāрд'ин н'аңн'а ōвд'аңахин, бира мӯн элэкэс дуннэдук йӯктукӘнңэчин йӯд'эңэхин, дулин дуннэ дулкакӣндӯн, умӯн йӘнэ хулӣдӯн Котор ңӘку ойодӯн утэк-утэйэ бичӘ. Тāдӯ бид'энэ мата-бэйэ балдīд'аран. Нуңандӯн умӯн эңнэкӘн-орон āчин, умӯн нина āчин. Тар бэйэ умӯн ахӣ-нэкӯчӣ бичӘ. Тар бид'энэл, нуңартін д'эргӘйэвэр-бэйңӘва вāчāл бичӘтін. Тар бэйэ бэрин бичӘ ирӘктэ āкрэвāн ōнан. Тар н'āн н'урин бичӘн. Тарит ēма-дā бэйңӘва д'улгӣдӘлӣви энэ ңэнэвкӘнэ, вāвкӣ бичӘн. Ңэнӯ дэҕӣвэ уҕӣдӘлӣви эхин дэҕӣвкӘнэ, илан тамнаксал уҕӣдӘлӣн дэгд'эрӣвэ. Тāдук тар бэйэ тāдӯ бичӘ, уллэвэ д'эпнэ, наннавāн тэткӘйэви хунāд'ин ōвкӣ бичӘ. Тар акӣнӣн гэгдэк эмэрӣтікин тэлӣвкӣ бичӘ. Тар н'экэксӘ, акӣнӣн гэрбӣн Кōдāкчэн-мата гэрбӣн бичӘн. Хунāд'ин гэрбӣн бичӘн Сēкак гунэрӣ. Тар н'экэмӣ, нуңартін-бэйэл думайд'ачāл бичӘл. Умӯн сиксэнӣдӯ пэкӯнтікӣви турӘтчӘ:

Кудєргӣйэ! Кудєргӣйэ!
Д'э, пэкӯ, митı
Эр дулин дуннэдӯ,
элэкэс ōвд'аңахин,
мит ōскєчāл.
Мит д'ӯри, аҕи
бэйңӘңин ōксāл,
дулин Сивир ойодӯн
ōскєкāр, ōн балдīчāл?
Мит аңад'акāр?
Амӣнтı, эпӣнтı
ōн āчир бичӘн?
Дуннэ сиктулӣн
йӯчӘл бихикит,
сāмэн бимчӘ.
Мит кōндє- мōдук
йӯчӘл бихикит,
сāмэн бимчӘ.
Уҕиник илармāн
сēрукāрдı н'аңн'адук
тıкчӘл бихикит,
орондӯт саңикса бимчӘ.
Би думайчим —
дэҕи умуктан
нэлки сэслӘнэ,
ңэпэттэн-вит.
БэйңӘ н'āн
хутэчӣ ōттан.

Тāдук хунāд'ин турэ̄читтэ̄н:

Дєвєдāрєко! Дєвєдāрєко!
Кōдāкчэн-акāй,
мит энӣчӣл, амӣчӣл
бичэ̄л, бид'иӊэ̄н?
Кедан-дуннэ кирӣйдӯн
миткэчин бэйэ
бихин, бид'иӊэ̄н?
Ēракин-дā, мит
аӊад'акāр балдīд'ан?
Миткэчин уранкай
бихин бид'иӊэ̄н.

Нэкӯндукин улгимӣттэн: — Си, сāрӣ бимӣ, улгучэ̄кэл!
Нэкӯнин, Секак-ахӣ, турэ̄читтэн акӣнтикӣви:

Дєвєдарєко! Дєвєдарєко!
Би, акӣ-эдэ̄,
дīлачāвэ амаргут
ичэчэ̄. Ōн сāд'эм
си энэвэс сāрэ?
Си, сāмӣ, сāмчāс!

Тāдук гунӣттэн нуӊан, тар ахӣ этэттэн гунӣксэ̄. Тар некӯнтикӣви н'āн турэ̄чӣттэн мата:

Кудєргийэ! Кудєргийэ!
Сēкак нэкэ̄й!
Би дулин дуннэвэ
гиркудāви д'алдāчим.
Буӷава ичэдэ̄ви
сōт эйэ̄чим!
Си д'энтī-д'эвгэ̄
бэйӊэ̄ уллэвэ̄н
тэлӣнэ, бид'иӊэ̄н,
Утэк-утэндӯви
мэнэ̄д'иӊэ̄с-вит.
Тīмāтнэ эрдэ
тэӷэксэ̄, д'эвгэ̄ви
бэлэннєдāви! —

гунӣттэн: — Д'э, эр дулин дуннэвэ гиркуд'иӊāв!

Д'э, тīкэн гунӣксэ̄кэ̄р, āнӊэттэ. Тīмāтнэ Сēкак-хунāд'ин эрдэ сōт тэӷэчэ̄, н'ōву гēвандӯ тэӷэчэ̄. Д'э, тар тэӷэксэ̄кэ̄н, нуӊан д'эвгэ̄ви астаттан. Д'э, акӣнин тэӷэттэн, н'ӯвэ̄читтэн тулиски д'ӯдукки. Тар н'ӯксэкэ̄н, д'ӯлāви ӣрэн, дэрэви авуттан. Д'э, тариӊин эхилэ тīмар д'эвгэ̄вэ д'эвуттэн. Тар д'эбуксэ̄ этэксэ̄кэ̄н, нуӊан алаӊави, н'урви камуйчāн. Тāдук д'ӯдукви йӯхинчэ̄. Тар йӯд'эрэкин, нэкӯнин эргэчин гуннэ турэ̄тчэрэн:

Дєвєдарєко! Дєвєдарєко!
Кōдāкчэн-акāй,
минэвэ эмӯкинд'и
э̄дӯ ōн эмэ̄никсэ̄,
ӊэнэхинд'энни?
Д'э, би ōн э̄дӯ
эмӯкин бид'иӊэ̄в?
Кōдāкчэн-акāй,
э̄дӯ д'ӯллэвэ
бихикис, айа бимчэ!
Турэ̄нмэ̄в дōлдīкал!

Тар тīкэ̄ гуннэ, турэ̄чиксэ̄ этэрэн. Тар акӣнин гунӣттэн. Дōнтикӣ иликсā, поростилāчана, тīкэ̄н гунӣттэн:

Кудєргийэ! Кудєргийэ!
Синэвэ ēкӯн
д'эннэд'э-дэ̄,
эмэксэ̄, д'эбд'эн?
Сēкак-нэкэ̄й,
вāнāд'ā, эмэксэ̄,
вāллэкин, д'энтэкин,
би, бэйэ бимӣ,
ӯд'авāн ӯд'ад'аӊāв!
Айат, энэ мэргэрэ,
энэ соцоро, мэнэ̄д'экэл!
Горолӣ, дагали
поросай биӷин!
Тунӊа ӊэнэлдулӣ
мучуд'иӊāв-ӊан,
иникин бимӣ.

Д'э, тар поростилāксā, тулйскй йӯрэн. Тар нуңан-дā дылачā йӯптуткэкйн ңэнэхинчэн. Нэкӯнин бимй тāдӯ, ңэнэхикин, инамуткан тікчэ. Тарит эмэнмӯрэн тāдӯ. Акйнин ңэнэрэн йэнэңдң солокй. Д'э, эр бэйэ бимй йэнэ дэрэнмэн бэйуктэнэ, эчин иста бичэн. Бэйэ бимй тариңдң солоксэкэн, йаңдулā истан, тӯктірэн ойолōн. Тар йаңд'а ойолōн тӯктікса, дэрӯмкйд'эрэн. Тар дэрӯмкйд'энэ, дуннэвэ муннйттэн. «Бира дэрэн тавāлā бихин. Тар бира дяптунин тāлā бихйн», — тікэ гуннэ, ичэчиттэн. Д'э, бэйэ бимй, тэгэчйксэкэн, дэрӯмкйчйксэн, иллан, ңэнэхиндэви н'экэрэн. Ңэнэхиндэви н'экэд'эрэкин, сēндӯн дэги турэнңэчин дōлдīвуттан. «Д'э, ēкӯн дэги турэттэн?», — гунчэчэ. Тар бэйэ дōлдīдāви айамамат дōлчӯнчаран. Тар дōлчаттакин, уҕискэкй турэн дōлдīвӯттан. Арай дōлчāттакин, дōлдīнан бичэ уҕилэ турэн бихин. Эргэчин гуннэ турэчиттэн:

Кēмонин, кēмонин!
Кēмонин, кēмонин!
Дулин буҕа матан,
доровойо дōлдīкал!
Ēма Сивир-буга
бэйэн бихинни?
Ичэпэви, дōлдīнави
кэ, улгучэкэл?

Ēма буҕадӯ
айаннад'арй бихинни?
Илэ ңэнэд'энни?
Д'э, мата бэйэ,
ни гербйлкэн
мата бихинни?
Энйнил, амйнин
ңийэ гэрбйлтін? —

гуннэ улгумйд'эрэн. Д'э, тікэн гунйксэкэн этэрэн. Тадук матабэйэ «Си улгучэкэл!», — уҕйскй ичэтчэнэ гунд'ирэн. Д'э, тікэн улгучэнд'эрэн:

Кудергийэ!
Кудергийэ!
Би эмӯкйн балдичāв,
энйнэ, амйна āчин,
аңад'акāн бихим.
Умӯн хупāт
пэкӯчй бихим.
Би ēма буҕава
ңэнэрйвэ эпэ сāра
элэ эмэхинчэн.
Би, гэлтэр гэрбивум,
улгумйрэкис,
дулин буга омолгйң

Кōдāкчэн гупэрй
мата бихим-ңэн.
Сй-кэнэ иргит
тэгэлкэн-цэн?
Йдӯ буҕалкāн?
Улгучэкэл-кэн!
Гэрбйс нййэ?
Амйнми-дā,
энйнми-дэ,
гэрбйлвэтти
улгучэкэл!
Би дōлдīшав, ичэнэв
ēкӯн-дā āчин.

Тікэн гунйксэкэн этэрэн. Тарит нуңан уҕилэ бихй ахāкāн улгучэнд'эрэн:

Кēмонин, кēмонин!
Кēмонин, кēмонин!
Д'э, би ахāкāн
улгучэнд'эктэ!
Кэ, дōлдīкал,
д'ӯр баргу сēнд'иви
уйдекал-дэ!
Сивир-дуннэ ситкидӯн,

д'э, Кидан-дуннэ киридӯн
кēхалгāва ичэпэ
н'экэйэрй бихим.
Онон-дуннэ оргодӯн
н'экэйэмй-вит,
эрбйнэ эцэрдэхимнин
бокед'ам-цāн.

Тар ахӣ чāскӣ гунд'эрэн:

Ёкӯна кēхалгāва
улгучэ̄никтэ?
Дōлдīкал!
би гэлтэр гэрбӣвэв
улгумӣрэкис,
айат дōлдīкал!
Дулин буга хунāд'ин,
Мэӈукчэ̄н-ахāкāн
Ёкӯма эр эвӣд'э
улгучэ̄ничим?
Инэӈӣвэ, долбонӣва
гиркучӣм-ӈэ̄н.
Би муданми ōдан.
Уӷэ̄м суптіксамӣ.
Дуннэ ойолӣн
Суптіксанмӣ туркэвум.

Минду айава ōракис,
амаргут ōкин-мал
тамамчāв-вит!
Итік-турэ̄нмэв
илинкал-вит!
Д'эннэ̄д'э̄ минэвэ
д'эбдэ̄ви н'экэрэн.
Авахи минэвэ ахалнāн
илан анцанӣ ōдан
Хэргу буӷа хэгдиӷӯн
авахи н'уцэн ōн-дā
суптіцасāвав
эчэ̄н бакара.
Мӯду хэрэлӣн
суптіксатмӣ туркэвум.
Бокорӣн эр-ті ōдан.

Тікэ гунӣксэ̄кэ̄н, ахӣ бимӣ этэрэн турэ̄чиксэ̄. Д'э, эр бэй бимӣ турэ̄лкэ̄н бимӣ, тар ахиткӣ турэ̄тчэрэн:

Кудєргийэ!
Кудєргийэ!
Ахāкāн-Мэӈукчэ̄н,
ёкӯнд'и би-вэл
бэйэвэ бэлэд'эм?
Турэ̄нмэс дōлдīракив.
гуд'эйвэ, айувсє

мулāнчалӣви
ōн н'экэд'эм-ӈэ̄н?
Тар-дā бичэ̄лӣн,
турэ̄нмэс дуннэдӯ
этэ̄м гарадāра.
Тарицис-кā
ōкин эмэттэн?

Таргит этэттэн турэ̄чӣттэ. Д'э, тар ахӣ н'āн турэ̄читтэн:

Кēмонин, кēмонин!
Кēмонин, кēмонин?
«Ōкин эмэд'эӈэ̄н?»
гуннэ, улгумӣнин?
— Ділачā элэкэс
дэгд'эрэкин, эмэд'эӈэ̄н.
Хэгдиӈэ̄, багар,

ёкӯндук-та хэгдиӈэ̄
Иникин бимӣ,
бакалдид'аӈат!
Миндӯ, сатар,
илан-диӷин инэӈийэ
сатаракис, айа бимчэ.

Д'э, тар тікэ̄н гунӣксэ̄кэ̄н, тар ахāӈин этэрэн. Инэӈ дулинин оптуткӣн дэгтілэ̄н игин тартікӣ инӈӯрэн. Ділачāткӣ мэнэ гилбэнэ̄кэ̄тчэн.

Д'э, тар бэйэ иӈадӯ тэӷэтчэрэн. Тар бэйэ тэӷэтчэ̄н инэӈивэ, долбонӣва тāдӯ, тар Котор йаӈинд'а ойодӯн. Д'э, тар бэйэ тэӷэтчэрэкин, тімāнна ділачā д'эгд'эрэкин, ур ахи эмэнэӷид'ин иӷ инӈучэ̄ бичэ̄н. Агдī агдīригачин иӷин инӈучэ̄н. Д'э, тар бэйэ ичэнэ, дōлчāтна игтікэ̄кӣ ичэттэн. Ичэтнэн бичэ̄ ділачāва кайна эмэд'эрэн. Тар думайд'аран: «Авахи истан. Д'э, эмэрэн, бадага», — гунчэрэн. Тар бэйэ бимӣ тар авахива «нуцан сōниӈ», — гуннэ гунчэд'эрэн. Тар авахӣ истан нуцандулāн. Ичэнэн бичэ̄

илан дɪличӣ уксукӣнд′э бичӗ. Эмэд′энэ, ичэчӗ бичӗ. Тар ичэнэн авахӣ турӗчиттэн:

Дɪңдɪ, дɪңдɪ!
Дɪңдɪ, дɪңдɪ!
Мата, дорово!
Би ахавӯнмав

ахāкāнма ичэнни?
Ӗлӣ-тɪ эмэчӗн,
ур-дӗн эмэчӗн.

Д′э, тɪкӗн гуниксӗкӗн этэрэн. Тар бэйэ тɪкӗн гунэкин, турӗтчэрэн авахӣткӣ:

Кудɛргийэ!
Кудɛргийэ!
Си, авахи,
бэйэ, эдэ,
дорово, гунэм.
Си ахавӯнни
ахāкāңңас
этэйэмнӯ

эчӗв ӧда!
Си тар ахāкāнма
ӗкӯн ухава
ӧнадукип
ахактанни?
Ӗкӯн буруйичӣ
ахāкāн тар?

Тɪкӗн гунӣксӗ этэрэн. Д′э, тар авахӣ бинэ, н′уриктэн уйӣскӗкӣ уҫирӣвд′эрэн. Тар авахӣ бинэ турӗтчэрэн, тɪкуликсā бинэ. Эмңэ эмңэ турӗнд′иви турӗтчэрэн:

Дɪңдɪ, дɪңдɪ!
Дɪңдɪ, дɪңдɪ!
Дулин буга
омолгӣн-мата,
сӧ сурактак

Кӧдāкчэн гунэрӣ,
сӧпиң-мата,
би эрбӗп ичэксӗ,
синэвэ, сипэвэ
этӧм илтэнэ!

Гуннэ, тар дуннэлӗ тɪктэн. Д′э, тар тɪктэкин, Кӧдāкчэн турӗтчэрэн:

Кудɛргийэ!
Кудɛргийэ!
Айдан авахӣ
сӧпиңӣнд′ан,

си хэгдɪңӧдукис
чурчан устанд′ин
эхим чугурӯйа!

Д′э, нуңартɪн гӯмӗтчӗл:

Бакалдɪран!
Си минэвэ д′эшмӣ,
«Д′эбум», — гундӗви!

Минэвэ вāмӣ,
«Вāм», — гундӗви!

Д′э, нуңартɪн айамат дэпкӣлтӗнэ илилдīксāкāр, «Кэ, колтокол! — Си н′ӧрāкал!», — гӯмӗтчэл. Авахӣ-сӧпиңмāн Кӧдāкчэн гунйттэн:

Кудɛргӣйэ! Кудɛргӣйэ!
Кэ, си, авахӣ,

сӧпиң-бэйэ
си н′ӧрāкал!

Д′э, авахӣ бимӣ колторон. Колторокин, бэйэ иличӣксā ӧдан. Д′э, бэйэ-авахӣ колточӧлӧн, «Би-бэйэ бимӣ колтод′ом», — гӯнэш. Авахӣва колторон, сӧпин тэкэндулӗн колторон. Авахӣ бимӣ н′āн иличӣксā ӧдан. Д′э, нуцартɪн бимӣ кухиллэ. Оңкучак-дун-

нэвэ томторихӣна, томтор-дуннэвэ оцкучакӣцна. Нуцартін гугда урэвэ хэргӣскӣ нэктэликнэн хэкӣрэ. Сиҕи-бугава авлацна, буҕава-дуннэвэ талгиҕ ӧвкāтна, мӧва чукчара. Д'э, нуцартін кухӣд'эчэ̄тін тāдӯ. Бэйэл тэрэцкэ̄кӣ кухӣд'эрэ. Тāду нуцартін инэци долбонӣ кухӣд'эрэ. Авахӣ бихӣ, гуннэ: «Аҕӣ-бэйэйэ н'āн эцэ̄т кēйра». Аҕӣ-бэйэ авахӣ-бэйэйэ н'āн эцэ̄т кēйра. Тэрэ̄цкэ̄кӣ кухӣд'эрэ. Нуцартін кухӣнэвэтін аділлава эхин сāврэ. Д'э тар кухӣд'энэл, нуцартін бимӣ хойо-хойолӧвор намарāд'анал, мирэмирэдуквэр турмалдīксāл, д'э, адулāмāтчэрэ — ци-кэ д'аланин силгинчэ̄, ци-кэ гирамнан боско ӧчā. Тар ичэрэкин, авахӣ д'аланин ивєгєрєс ӧчā. Авахӣ гирамнан силгинд'эрэн. Д'э, тар авахӣ, ичэксэ̄ гирамнави силгинд'эрӣвāн, сāчā. Авахинд'а турэ̄тчэрэн:

Дицди, дицди!
Дицди, дицди!
Дулин буҕа матан,
Кӧдāкчэн-эдэ̄,
мит ēкӯн ухадӯвун
кухӣд'эрэн-ку?
Нопонті анцанӣду
уха āчин бичэ̄н,
Ēкӯнмар тіссэмэ̄тмӣ,
кухӣд'эрэн-ку?
Этэҕэ̄т, бэйэ!

Гӯнэкин, матаҥив, дулин буга Кӧдāкчэн гунд'эрэн:

Кудєргӣйэ! Кудєргӣйэ!
Би синэвэ кēйрӣ ӧмӣ,
умӯн турэ̄нэ āчин вад'ицāв!
Би-дэ̄ кēтармӣ,
умӯн турэ̄нэ
этэ̄м алтāтта!
Си, кēймӣ,
минэвэ вāкэл!
Би, кēймӣ
синэвэ вāд'ам!

Тікэ̄ гунӣксэ̄кэ̄н этэксэ̄л, н'āн кухӣд'эрэ. Тар кухиксэ̄, авахӣва кēйда н'экэллэн. Колторӣклāн тэмтэкэ̄чивки ӧдан. Д'э, авахи гунӣттэн:

Дицди, дицди!
Дицди, дицди!
дулин буҕа
сӧниц-бэйэ,
Кӧдāкчэн-мата,
кēйрилāви ихинин.
Д'э, эдук минэвэ
цици бэлэд'ицэн?
гуннэ турэтчирэн.

Д'э, тар авахӣва ӧцкантікн гарадāран, хакинин ойодун тэҕэрэн. Д'э, тэҕэксэ̄кэ̄н, нуцан кавкавāн хӧгдāви н'экэрэн. Авахӣва тар вāрэн. Ваксāкāн, отува иларан. Нуцанмāн илаксāкāн. далгаран. Д'э, нуцан тогодӯ улэнтун ӧмнан. Илаксā, муду итіктан. «Э̄дуккэр дулин дуннэлэ̄ авахи эҕин хэргиҕит йурэ!».

Ур бэйэ алаҥави, н'урви цэнэви бакаксā, цэнэхинэн. Ур н'ӧвутви цэнэви ділачā йӯнтуткин цэнэд'эрэн. Тар бэйэ цэнэвкэ̄нд'эрэн, айаннāд'аран. Айаннāд'ана умун тāкэн ойодун дэрумкӣд'эрэн. Дэрумкӣксэ̄кэ̄н, ур бэйэ бими илд'аран. Илд'аракин, ēкӯн-ка турэ̄н бихиҕэчин дӧлчӯран. Тар бэйэ долчунан бихи,

уҕӣскӣ турӭн бихиҕэчин. Дiҕӣ туксу ойолӣн, йэҕи туксу хэргидӭлӣн ӭкӯн-мал дэгд'эрэ. Тар бэйэ дӧлчāттакин, тар нэкӯнин турӭн бихин. Нэкӯнин эргэчин турӭнмэ икӭвкӭнд'ирэн:

Дєвєдарєко!
Дєвєдарєко!
Кӧдāкчэн-акāй,
доровойо дӧлдiкал!
Горо айаннāд'акāкӯнāнни!
Си эмэхиҷис илан бӭҕа
ӧдан.
Тар айаннāвас
илан инэҷӣдӯ
эмэксӭкӭн, ихим.
Си «тавар айаннāрӣв
ӭма буҕава иссаҷāв»,
гуннэ, ҷэнэхинчӭс?
Горо, горо эмэд'энни!
Д'э, Кӧдāкчэн-акāй,
горолӣ, дагалӣ
поросай бид'эн!

Тар тiкэ гунэкин, акӣнин тiкулд'аран, нэкӯнтiкӣви турӭтчэрэн:

Кудєргийэ!
Кудєргийэ!
Синэвэ ни
«Эмэкэл», — гупчӭн?
Ӭкӯнма гэлӭмӣ,
ҷэпэнни-ҷӯ?
Бэйэ бараксан,
амаргут ӧкип-мал ичэмӣ,
сӣгдэвэс илид'аҷāв!
Ӭкӯндулā ҷэпэнни?
Д'ӯви дагаҷаха,
мучукал-кāн!

Тар тiкӭн гунӣксӭкэн хуйӭттэн. Д'э, тар бэйэ бимӣ д'улӭви н'āн айаннāд'аран. Нуцан д'улгӣдӭн ӭкӯн-да эхип ичэврэ. Айаннāд'аракин, умӯн буҕа-бирава хитчэчӭн. Хитчэрэкин, умӯн бугава ӭкӯн-кā хэтэкӭнэн. Эр бэйэ тарā ахамāттэн. Эр бэйэ бимӣ ахаран, ахаран тарā. Тарā боколток ӧран. Боколток ӧран, арай орон-абду биҷӭн. Д'э, тариҷӣн бимӣ умнэт хоҕоликсā, иннӣви лавадāхинча. Д'э, тар бэйэ бимӣ д'авалтак, д'авалтак ҷэнэчӭ. Тар д'авалтак ҷэнэд'эрэкин, умӯн д'ӯлā истан. Ампар-д'ӯ бичӭ. Тар ихиксāкāн, д'ӯва ӣчэксӭ, аракӯн ҷэнэчӭ. Арай ичэнэн д'ӯн уркэдӯн д'апкун халгачӣ сэлэмэ дэлкӭн бид'эрэн. Тар дэлкӭн ойодӯн умӯн ахāкāн н'уриктэлви игдiд'аран, мэҷумэ игдiвӯнд'и мэҷумэ остол ойодӯн. Д'э, тар ичэрэкин, ахāкāн игдiвӯнми настолилби камӯйран. Н'уриктэлби осолкмо билатiтви билаттāран. Матава ичэрэн Ичэксӭкӭн, Нуцан д'ӯлāви ӣрэн. Д'ӯлāви имурэкин, бэйэ уркэлӭн иллан. Улгумӣрэн:

Кудєргийэ!
Кудєргийэ!
Би агӣ-бэйэ бихим.
Горо буҕадук эмэм!
Горо дуннэвэ
айаннāкса, эмэм.
Минэ авєттӯ
эмувкӭнд'иҷӭс?

Тiкӭн гунӣксӭ этэрэн бэйэ. Уркэдӯн илитчана, д'э, турӭн бихин дӧлā. Дӧлчаттакин, тар ахāкāн эргэчин гуннэ турӭтчэрэн бӧкантiкӣви:

Кӭмонин, кӭмонин!
Мата-бэйэ эмэрэн.
Уркэвэ нӣкэл;
д'ӯлāвар ивкӭкэл!

Тар н'экэксэкэн, бокании ипрэн. Ипрэкин, нуцанмăн ивчэн. Тар йвуксэкэн, нуцанмăн малудувар тэрэвкэнэ. Тар тэрэвкэниксэкэр, нуцандукин улгумйрэ:

Кемонин, кемонйи!
Ема буга бэйэ-матан?
Гэрбйс цийэл?
Ейа ичэнии, долдинии?

Ичэнэви-дэ
долдинави-да
улгучэкэл-вит!

Тарит нуцардутин бэйэ улгучэнд'эрэн:

Кудергийэ!
Кудергийэ!
Би эйинми ачин,
амйнми ачин н'ăн.
Ацад'акăн-да
эмукин оскачав.

Си-дэ ахăкан,
д'учи ахăкан
долдинави, ичэнэви
улгучэкэл-кэн!
Си гэрбйс цийэл? —

гунд'эрэн мата. Д'э, тикэн гунэл, улгумйксэл, ахăкăн бэйэвэ дэнтїкэки тэгэксэкэн, улгучэнд'эрэн:

Кемонин, кемонин!
Би гэлтэр гэрбйвэв
сунтар сураккав
улгумйрэкис,

улгучэнд'эктэ.
Би гэрбйв —
Мэцукчэн-ахăкăн
бихим, — гунэм.

Д'э, бэйэ, гэрбйви улгучэнэкин, сăран. Мэцукчэн-ахăкăн амарин авахйдук ахактанăн ахи бихин. Д'э, тар ахăкăн нуцандун айа д'эвгэвэ улйрэн, нуцан орон авдучи бичэ. Иландулă эмэгэлкэн байтахун, дїцидулэ эмэгэлкэн вачă бичэ. Тарă нуцандун улйксэкэн, туйучэ. Тарйцдукин умун кирбас сулачă, имуксэдукин н'ăн умун амцахпкта сулачă. Тадук нуцан силэдукин умум умкăн довăн сулачă. Д'э, тар этэксэкэн, нуцан: «Пахибэ», — гунчэн. Буцадукки эмэхинчэдукки элэкэс д'энтэн. Д'э, нуцандун н'экэксэ сэктэвупмэн, попкоксэ хуллавăн бучэ. Нуцан ăнцэчă. Эр бэйэ таду д'уллэвэ ăнцатчă, дэрумкитчэ. Тар ăнцэксэкăн, умун тиманйду улгучэнд'эрэн, дэнтики тэгэксэ:

Кудергийэ!
Кудергийэ!
Горо дупнэвэ
эмэм, айаннăм.
Би ацад'акăн
умукин бэйэ.
Би гиркййэви
гэлăктэрй, н'экэйэрй
бэйэ бихим.
Суглергкис,

мит умундў
умўнунтэкит,
д'ўрй, ăи бимчэ?
Си д'алдўс-ка
ăи бихинин?
Сугламй,
«сугле!», — гукэл.
Эхй суглера бихинкис,
айан бэйэцин
цэпэви цанэд'инэв!

Тар этэрэн турăчиксэ. Тар ахи н'ăн турăтчэрэн:

Кемонин, кемонин!
Си, мата, дулин буга
омолгйи, Кодăкчэн-мата,
гунэрйс турăнин

минду элэкин.
Си кононтї нинанду
би кехолгавав
ачинцинйвас,

айава ōнавас
эчӭв омӊоро.
Си гунэрӣс-тӭ

миндӯ элэкин.
Миндӯ-дӭ энӣпми,
амӣпми-дā āчип.

Тарит нуӊартін колбонитта. Д'ӯрӣ колбониксāкāр, курумн'авар ōра. Умӯн оронмо вāра. Вāксāл, улӭрэ. Даӷадӯ бихӣлвэ гэннӭчӭл. Нуӊартін илаллава курумма д'эпчӭл. Тāдук айат билчӭл.

2. Кōдāкчэн

Нонопті анӊанӣдӯ элэкэс бира эйӭнчэд'эрэкин, элэкэс чука балдід'аракин, д'ӯр куӊакāн, балдīксā, балдīчāл дулин дуннэдӯ. Эрӭ бид'эрӣн бихимнэ, нуӊантін бихӣтін, ӣдук эмэнэвэр эхӣ сāра: уӷу буӷадук тікнӭвэр эхӣ сāра, дулин дуннэдӯ н'экэйэнӭвэр-н'ун сāрэ.

Ичэрэкин, адуларакин бихӣмнэ, тāдӯ утумэкӭн-д'ӯчӣ бичӭ ēкӯпдук-та хэгдіӊӭ — эвгӣдӭн, баргӣдāн эхӣ ичэврэ д'ӯ бичӭ. Д'ӯксӭкӭн бичӭн: гē бичӭн бумӯрик бэйэ бичӭн, болε. Бумӯрик бэйэ гэрбӣн, ēма бэйэ, гундӭ, Бэскэнд'арӣнд'ā бичӭн, болε. Гē бэйэ куӊакāн, сō бэйэ Кōӊдε мōдук балдīчā Кōдāкчэн-бӯкатір бичӭ.

Нуӊартін бихиктін, илан д'āр анӊанӣмактӯ гē нэкӯнин бумӯрик хуклэд'эвкӣ бичӭ. «Бумӯрик хуклӭд'эннε», — тар акӣнӣн бихиннэ, нуӊанмāн улӣд'эвкӣ, бичӭ, бэйӊӭлбэ тікӭн вāнэ арахинай. Ӣлӭ-тāлā н'экэйӭнэ, олус сō бэйэ, эӊэхӣ бōкатір-бэйэ бичӭн.

Тар н'экэксэ, «Кэ-нэ, горово адікāтāн анӊанӣмактӯ, — гунӣксӭ, — бутчэнни?».

Эр бэйэ илан д'āр анӊанӣн даӷамад'аран, бумучӭн. Эр акӣнӣн гунӣттэн:

— Тар илан д'āр анӊанӣмактӯ улӣчим би шинэвэ. Эр тікин бумучинни.

— Бэйэл кэтэвэ ин'эттэ минэвэ: «Эргэчӣн бумӯчинни биси», — гуннэл.

— Ēрāт-ті āнӊэс бэлӭтічим, — гунӣттэн, — илан анӊанӣмактӯ эхикис илла, бэйэ ōда, тӭлӣ он'овос ичэд'иӊӭв!

Тар н'экэйэрэкин бичӭ, бэйӯчӭ. Эр бэйӯчӭлӭн, нуӊан думайдāракин: «Эннӭ бутунну бэскэн бэйэ, бумӯд'эрӣ бэйэ. Ōн-мал н'экэксӭ, иликсāкāн бихӣ, цэнэктэ!», — гӯнэн. Эркӭн миркиксӭ, миркиксӭ, иликсāкāн, миркиксӭ, миркиксӭ, миркиксӭ, д'ӯллэмэктӯ култірдулā цэнэхиннэ, курεлāн иссā. Тар ӣксāкāн бихӣ, тāдук цэнэрэн.

Эргэчӣн мō, сōма гуд'эй мō бихип. Мōтīкиндӯлāн сāмэ бӯдӭви н'экэд'эчӭн. Арай тар н'экэд'эрэкин, иргит-кэ ēкӯпдук-тā гуд'эй айа чивкāчāн эмэксӭкӭн, арай тāдӯ мōци хэрэдӯн тэӷэд'эрэн. Тар тэӷэксӭкӭн, арай турӭчӣ ōксāкāн, турӭтчэрэн, икӭд'эрэн (см. ноты 1):

Гӗрукāнєн! Гӗрукāнєн!
эркӗн эшӣлӗ икӗд'эм!
Сō бэйэ эрє
илан д'āр аңңанӣмактӯ
бумӯрикāн ōд'аксāкāн,
мōнд'аңи тэкӗндӯн
буксэд'эрӣ ōкāкӯнанни!
Йдук тэкӗнни улгучӗкэл!
Гӗрукāнин! Гӗрукāнин!
Аңанд'ави аңад'акал!
Би шиндӯ-цэн
бэлэгӗвэ бӯд'эктэкӗн!
Эшӣлӗ цэнэрэкєн
ōккакин-кан эрє-ґу

айа ōксāкāн,
иллакис-кан,
сōма даґадӯ-ґан
ӗкӯндук-та хэгдиңӗ
д'ӯмӣ бид'иңӗн, гӯнэм.
Тāдӯ, гӯнэм, арахинай
тэткэ, тэтті бид'иңӗн
бōкатірил тэтчэрӣл,
арахинай, гӯнэм
н'экӗксэмэ тэтілкӗн,
мэґурӗнд'эн, сэлэмэнд'эн
тэтті н'āн бид'иңӗн.
Гӗрукāнин! Гӗрукāнин!
Амцави аңад'акал! — гунэм.

Тар н'экэксӗкӗн, эри амцави аңачāлāн, умуктакāнцачин тікчэчӗн, бид'иңӗн. Тар тікчӗлӗн арай бэйэ умнӗт бэйэ ӗкӯндук-тā айа сō бэйэ ōдан. «Илчā бихиннє», — иликсāкāн гунӣттэн, — «Миндӯ тікӗн гунчāн-ивит тарє чивкāчāн. Би-ті цэнэктэ тарті д'улӗскӣ», — гуннэ, н'экэнэн. Д'улӗскӣ цэнэксӗ, д'ӯ бихин эри ңинакин ділдукин хэгдіңӗ кил'учӣ. Тарā тāцэрōр тāнчā. Сō эңэхӣ бэйэ ōчā. Нуңан бимнэ н'экэксэмэ тэтілби, сэлэмэ тэтілби тэтівэ тэттэн — тэкэвӯттэн, тарā тэттэн — тэкэвӯттэн. Эхилэ сō сōйа тэті, букатірин — кухикӣт тэтівэ тэтчӗн-вэли.

Тар тэтіксӗкӗн, «Тар иртікӣ?», — гунӣксӗ, тар гиркӯксā, тар сō эргэчин н'āн д'ӯ бид'иңӗн. «Тāлā цэнэкэл!», — гунчӗ тар чивкāн. Тāлā цэнэн бихин арай ӗкӯндук-тā дуннэдӯ д'ӯ бичāн, нинаді ділкāкӯнин кил'ус бичӗн. Тāрā тāцэроор тāнчā биңнэрэн бичӗн. Ӗкӯндук-тā гуд'эй мурин илитчаран арай. Мӗндуккє эмэгэлкӗн, мӗндуккє дэктілӗлкӗн мурин арай. Уйиргит уйитчэвки бичӗ. Тāрā тāцэроор тāнчā тар букатір мӗндулӗви, тулиски йучӗ. Тар йӯксӗкӗн, ойолōн хэтэкӗнд'эчэн-дӗ кирбас уллэвэ тіцэлэктэчӗн, калан ӯлэкин кимнилāчāн. Д'ӗргу муринин бихин илан инэцимэктӯ нуңанмāн н'ōдāдāви муцначā, иртікӣ-тартікӣ тандʼэнэ, «букатір буруд'иңӗн», — гуннэ.

Букатір умнӗ-кэт эчӣн бурурэ. Тікӗн илан инэцимэкту муцнаксā, муцнаксā, нуцан бичӗн илитчā. Мурин, иликса, «Кэхилэ! — гунӣттэн, — си хуцнив бид'иңӗс-тā, илэ эйэтчэнни, цэнэґӗт!».

Нуцан хэтэкӗнмукӗнчӗн болє, ӗкӯндук-та сō бэйэ окса.

Арай илан инэцимэктӯ хуктінӯксā, д'улāви исса. Тар д'улави эмэксӗкӗн, муринми уйӣтчӗ. Уйӣксӗкӗн бихин, нуцан, утэндулэ эмэксӗкӗн, тāдӯ чистэ тэхичӗ, тоґови илачā. (*«Все болезни выбросил», — добавил по-русски сказитель*). Тоґови илаксакāн, тар н'экэд'эрэкин, акӣнин-дā эмэд'эрэн, сō бэйэ Кондэ модук балдічā Кōдāкчэн-букатір. Эмэксӗкӗн, ин'эмунчэчэ горойодук. Ин'эмунчэксӗкӗн, нуцан гунчӗн:

— Д'э, тэд'ӗмэт нэкӯкӗкӯнми бэйэ ōчā, айа ōча. Тоґон д'эгдэд'эрэн, айат н'экэйэдӗвэр н'экэрэкин, урунчэ.

Тар н'экэксэкэн, д'ӯлӑви ичэ. Нэкӯнин хунтукэкӣ бэйэ очӑ. Нэкӯндулэви «Дорово» гуннэ гунйттэн. Эхин-кэт ичэхинэ, ёкӯнма-кӑт эхин турэттэ.

— Он тара одан? — тикэн гӯнэн, тар акйнин нэкӯндукки турэнэлйн тикӯлйксакан, гуннэ турэтчэрэн:

— Илан инэӈи эхикис бэйэ ода, он'овос од'иӈав!

Тадук тикӯлйксӑ, тар бэйэ хэтэкэнчэ. Хэтэкэйксэкэн, муриндулӑви ӈэнэчэ. Муриндулӑви эмэксэкэн, хуктивчэ муринд'и сэ.

— Д'э, — акйнйн гунйттэн, — хо! Таваргачйн бэйэ! Си ахун гороло — н'экэйэкэкӯнд'энни, бэйэ, бикӑкӯнд'энни сикэкӯн!

Эр акйнйн ӈэнэчэ, ӈэнэчэ ӈэнэчэ.

Арай ӈэнэд'эрэкин, эргэчйн мор'анд'алӑ иссӑ. Тар мор'анд'алӑ ихиксакан, арай муринйн илчӑ. Муринйн тикэн гӯнэн, икэд'энэ (см. ноты 2):

Лэргэк! Лэргэк! Лэргэк!
Лэргэникɛн хеӈуй!
эркэй эшилэй икэкэл-гӯ!
илан д'ӑр анӈанййадӯ
эскɛд'ачӑ, бумурик бичэ.
Бэскэнд'аринд'а, дэлчӑткал
акйнми турэнмэн!
Элэ-кэ дэлдӣра-ӈан,
энэ-кэ ханӈӯтчара,
эмэкэкӯтчэ тар акйнми,
айат турэттэкин.
Кэӈ гӯним би,
эргйскӣ ичэхинэкин,
уӷйскӣ ичэхиӈнэкэл!
Эркэй уӷйскӣ ичэрэкин,
эргйскӣ ичэхиӈнэкэл!
Ёкӯндук-тӑ сэ бэйэ,
ёкӯндук-та айа бэйэ.

Н'уӈэдукин эӈнэкэл гунчэндэви
элкэй дэлчӑткал!
Мэра-эн'эйдӯвэр
хэтэкэнд'иӈэв-ӈӯ.
Тадӯ сомат маннуд'ана,
мурин сɛлɛдукин д'аваксакан,
айамат тикарйд'акал!
Эркэй мэралӑ ихиксӑ,
хэтэкэпиксэкэн-ӈу
баргйдалӑ иссаракит,
диӷин иӈа бид'эӈэн.
Тадӯ-ка, гунэм
диӷин халганд'иви иллакив,
талɛ айаканд'и н'экэйэд'иӈэт.
Д'ӯр халганд'иви тӯмй-ӷӯ
Мэра будэрӣ эн'эйдулэ тикчэӈэт!
Сони маннувд'акал! — гунчэ.

Тар-хилэ мэралӑ хэтэкэнд'эчэн бола. Хэтэкэниксэ, «Дэгкэл-дэ, дэгкэл-дэ», — ёкӯндук-тӑ химат дэгд'эчэн. Эр бэйэн бихимпэ сомат тикэн тикэрэчӑ, аран-аран эхин бурурэ. Сомат дэгрэн-дэ, дэгрэн. Талӑ диӷин иӈа бичэн, диӷин халганд'иви хэтэкэнэн. Диӷин халганд'иви тӯрэн, тэтиктэрэн. Д'ӯр халганд'иви тӯксэ, мэралӑ тикчэ. Халганд'иви гиркӯткэкӯнд'аран элэнд'э.

Арай тар н'экэд'эрэкин, арай со бэйэ Кодакчэн иргит эмэксэкэн, тар мэралӑ тикчэрэкин, диӷинӈӯчан цалэтпи уййскӣ н'одахинпа. Тар уййскӣ н'оданан, нуӈан тадӯ дунпэлэ тикчэн, морилкан бэйэ.

Умпэт бӯксэ, таргачйн сэ бэйэ цаладӯви тумпйчан, тарйт-кан цалатпи бунпичэ-дэ, нонон он бичэтпи таргачйкакӣ айа очӑ.

— Кэ-хилэ, — тикэн гунпэ улгучэнд'эрэн ханӈӯчан нэкӯндукви: — Би сипдӯ н'уцпйктэ, — гупйттэн, — горо буӷалӑ ӈэнэд'ицэн, надан дэӷи надарӑкан балдӣксӑ, истӣ буӷапӑ цэнэкэл, — гунйттэн, длачӑ йӯксэптикйн цэнэкэл!

Д'Әр (< д'ә әр) бәйә тікӘн икӘд'әчӘн. Тар акинин нуцантікин икӘд'әчән нәкӯндӯви ниҕәрӯд'әрән, тікӘн гуннә, икӘд'әрән (см. ноты IIа):

Гӗңдє, гӗңдєронин!
Геңдє, геңдєронин!
Сӧниң бәйәнд'ә,
ӘркӘн БәскӘнд'аринд'а,
нәкӘрӘй хинкӘ-гәнча,
дӧлчӓткал-гӯ!
Әркәй падарӓкӓн
Дәку-дәҕил умӯксӓл
истӣ буҕалӓтін исчаңӓс.
Әркәй ӗма бәйә бихӣ-ңу
ӗкӯндук-тӓ байан
әтіркӘн бид'иңӘн,
байан әтіркӘн-ңу
умӯн хунӓд'ин бид'иңӘн,
умӯн омолгӣчӣ бид'иңӘн.
Тар д'ӯлӓн әнә иста
д'ӯр километри иликсӓкӓн,
ӗкӯндук-тӓ хәгдіңӘ
Аллук-мӧнд'а бид'иңӘн.
Айа тєҕӓн-ңу,
әвәнкӣл-бәйәл-ҕу
хулгад'акӣчӣтін
мӧ бид'иңӘн.
Әмәксӧл, ниңӯвкӣл
мӧңилтін бид'иңӘн.
Тар мӧва ихиксӓкӓн,
айакӓн гаралбӓн-ңу
хокормӣгда тӓпиксӓ,
әгдіңӘ тоҕонд'овӧн
илаксӓкӓн-ңу,
айакӓн абдулбатін,
орорботін-ңу, гунәм,
силаптінд'аңнакал!
Айа бәйа авӯндікӓкӯнмӓн,
уха бәйә коколлодікӓкӣнмӓн
тоңормӣгдӓ, улләвәтін
тӓнә, д'әвуңнәд'әкәл!
Тар-ка амаргут ирӘ-ҕу илаксӓ,
н'әкәйәд'әрәкис,
н'уңәйән-әтіркӘн
ӗкӯндук-тӓ байан бид'иңӘн
умӯн омолгӣңин-хутән бид'иңӘн.
Тар-ка әмәксӧкӘн-ңу,
«Ӗма буҕадук тӧкун, әмәксӧ,
ӗма дуннәдук,
әлкәху хулгад'акӣт мӧлба
бутунну сукчаксӓкӓн,
д'әвд'әрән», — гуннәкӘн,
әркәй әтіркӘндулӘ
әмәвд'әңӘн-кәҕу
таркай әшӣләй
тар әтіркӘн хутән,
«Д'әви», — гуннә уңд'әңӘн,
әңнәкәл ичәхинә-кәт,
әңнәкәл ин'әмунә-дә.
Синә-кә «горо буҕадук
әмәчӘ бәйә бихинни
д'ӯлӓви цәнәкәл!», —
гуннә, әрӣд'әңӘн.
Әркәй әшӣлә-ҕу
әңнәкәл ичәхинә-кәт,
әңнәкәл нуцантікӣн
ин'әмунтӘд'әрә-ҕу.
Тарңис әрӣкӘкән,
«Әрӣ амӣндулав
цәнәд'иңӘт!», — гунд'ән.
Тар-ка амӣнин гунәмӣ:
«Бӧкӓмӣлтӣ, әр-кә
Хоролд'он бӧкӓнті
тікӯлӣвкӓнчӓн, бид'әңӘн.
Горо буҕалдук
айал бӧкатірил-гӯ,
әмәнәвәтін хӗнивкӓнчӓл-гӯ».
Кә, тікӘн Хоролд'ән-ңу
оштодулӓ әнә ишта,
идакад'аңӓн», — гӯнӘн.
Тӓдук хунӓтин уңд'әңӘн.
Хунӓд'ин айа тәтілби
тәтчәксӧкӘн, халд'атна,
хӓлд'атнә-ҕу, ӣд'әңӘн.
Айа турӘнд'иви: «Әр-кә,
уваскӣ-гән ичәхикәл!
Д'ӯлӓвун ирәмӘд'әкәл!», —
гуннә-гӯ, әрӣд'әңӘн.
Тӓдӯ әнңәкәл-кән
ичәхинд'әрә-ҕу,
тар-кә әрӣйәйә-кә:
«ӮхәчӘ амӣндулав цәнәд'әңәт!».
Кә-лә, — гунәм, — тӓду
амӣнд'амӣ, н'уңәйән
әтіркӘн, әмәксәкән,
«ӢлӘ цәнәгәт?
Дәрумкӣткәл!», — гунд'әңән.
Тӓдӯ әңнәкәл дӧлдіра!
Тӓдук-кар хәргу дуннә
бӧкатіринд'а-авахинд'ан,
хәргу дуннәдук Сәләнунд'ә,
әмәксәкән, тар ахатканма
әксәд'әңән-ңӯ.
Тӓдук илан ділилкан
уксукӣнд'амийа оксакӓн,
тар-ка ахӓтканма әшилә
никимпадӯви тәҕәвкәнд'әңән.
Тар асӣкӓн гунд'әңән:
«Тар-би Аллукма мӧдун
тәҕәтчәри од'ӧ, бид'иңән-ңу,

тӑрӑ гиркӗйэвэл чаварихӗкал»,—
авахйдӳ мэтэвд'эцӗн.
Эркэй тэд'ӗмэ-ти, даганӗ
илкэй ӗдук-тӑ-цан
сурдэ бӧкатӧр бид'ицӗн.
Иргӗд'йи-дӗ этӗнни вӑра,
иргӗд'йи-дӗ этӗнни капутта.
Эркэй, мӗванин даҫадӳи
д'ӳр эргэчӗн д'улакин
уллэчӗ бид'ицӗп-эркэй.
Эр-кэ мӗнтӗрӗ будэрӗ
инэцичӗ бид'ицӗн.
Эшӗлэ синэн-шинэвэ
цӑлатни, дэгд'энэ,
чаварӗхинд'ацӑн эшӗлэ,
никимнадӳви тэҫэвкэнд'эцӗн.
Тӑдӳ тэҫэтчэнэ,
ӗхалбӑн-ӈу бутуннӳ,
эликнэнин ичэрэ,
тумпӗна-ҫу, турӗтнэ-ҫу,
д'аргад'ана цэнэӈнэкэл!
Тӑдӳ тикӳликсӑкӑн,
умӳи буҫадук эмэксэкэн,
иргийэдук кӗйд'ицӑс.
«Иргийэдук минэвэ тумнӗшни?
Кэ, вӑкал!», — гуннэ тэҫэд'эцӗн.
«Кэ», — гуннэ, эргэп тэҫэксэкэн,
Сэлэмэнд'эмййэ, бэйэ ӧксӑ,
тэҫэд'эцӗп-кэҫэп
Тӑдӳ си гундэви:
«Эхйткӳкэн эмэд'эцӗв», — гуннэ
нуцандукин туксад'иӈас, бид'ицӗн.
Тӑдӳ бид'ицэв.

Эр бэйэ бичэн муриндӳви укчалэчӗ эркэн-дэ цэпэд'эчэн. Горо ӧдан — цэнэви эчэ сӑрэ, даҫа ӧдан — эчэ сӑрэ. Тамнакса дӧдӳн цэнэвкэнд'эчэн. Дэҫивкэниксэ, дэҫивкэниксэ, сӧ бэйэ адыкӑтӑн анцапймактӳ дэҫиксэкэн, дэҫиксэкэн, ӑкчӑн. Ёкӳндук-тӑ байан бэйэ, ёкӳндук-тӑ этиркэндулӑ иссана, эр ихиксӑкӑн, нуцан дӗптикӗ ичэхинэ бихин. Тӑдӳ-дӑ ёкӳндук-тӑ мӧнчӑп илйтчаран. «Акйнми, — гӳнэн, — тар тэд'эви улгучэнэн». Тар мӧлӑ илйксӑкӑп, муринми тӥнчэн. Иссӑкӑн бимӗ, мӧлви уҫйскэкӗ туктӥксӑ, бутуннӳ гаралбатин хокоҭорон. Хокогоксӧ, сӧ отувитоҭово иларан. Д'э, самай айаргӳ ороробтин д'авана, д'авана, силатна, д'эвд'эвкӗ бичӑп.

Арай тар д'эвд'эрэкин, умӳи Оролд'ин-бӧкан, эмэксэкэн, ичэчэ. «Эриндукин тӧкун, эмэксэкэн, ёма буҫадук эмэксэ, эртикэн п'экэд'эннп?», — гуннэ, тикӳликсӑ, д'аргавкӗ нуцанмӑп.

Нуцанмӑп эвкӗ ичэхинэ, тар бэйэ д'эвд'эвкӗ. Нуцандулӑп нэнэрэп тар этиркэндулэ, байан этиркэндулэ. Тар цэнэксэкэн, «Тӧкун, эмэксэкэн, бутуннӳ мӧва суксачӑ, ороробо айаргӳрба вачӑ. Ёкӳпдук-тӑ уха бэйэ эмэчэ!», — гуннэ этиркэндулэ цэпэчэ. Этиркэп, тикӳликсӑ, «Арахинай буҫалдук эмэчэ букатӧр хёнивкапэнни, бид'ицэн!». Тӑдук иктэкчэрэп мӧт.

Тимӑтнэ, тимйнин хутэви, д'э, учйттан. Хутэви уциксэкэн, «Ичэпэкэл, — гуниттэп, — ёкӳнма тар улгучэнд'эрэп. Тар бэйэ акпйй бихин». Тар хутэви уцпэп. Нуцап цэпэчэп. Тар ёкӳп бэйэп, эмэксэ, арай ичэпэп — бэйэ ёкӳндук-тӑ айамама мӧва бутуннӳ хокоҭочӑ, ороробтин д'эбд'эрэп. Тикэп гуйттэп:

Дицдє, дицдє! Дицдєронин!
Дицдє, дицдє! Дицдєронин!
Эркэй эсилэй-гацап,
Горо буҫайацйлби
бӳкатӥрилтӥп-цу,
айал сагділ бэйэл
итчачйл бэйэл,
эркэй эмэд'экэл!

Н'уцэйэп-этӥркэп
синэвэ эрйрэп-цу!
«Эркэп, д'ӳлавуп эмэксэкэн,
дэрӳмкйкэл-ҫу», — гуппэ эрйрэп.
Эркэй ёма буҫайалдук
эмэкэкӳичэ-ҫӳ? —
эркэй эсйлэ-кэҫэп гуппэ.

Тар бэйэ эчэ ичэхинэ-кэт, ӧра-кат. Д'эбд'эчэн, д'эбд'эвкй. Тар нуцанмăн ухэрэн эрйтчэмй. Кайатĭн эрйд'эцэн? Амйндулăви цэнэчэ тар бэйэ. Цэнэксэкэн, гуннэ: «Ӧн н'экэчэн ӧкӳндук-тă бӳкатĭр бэйэ, — гунйттэн, — мӧлба бутушну хокоґӧчă, орорбо бутуннy д'эбд'эрэн».

Этĭркэн сӧмат мэргэхинчă: «Ӧн эчэ эмэрэ тар бэйэ? — гуннэ нуцанмăн — мундулэ ирэмэцэт! Хутэ, си-цэн цэпэкэл!». Хунăтни уциттэн. Хунăт тэтĭвӳксэкэн, айа тэтĭлби куктэвэ, ӧкӳн-ка тэтĭвэн тэтĭвкэнчэ. Хунăд'ин сӧмат хăлд'ачйвкй бичэ. Эмпэк цэпэрэ н'экэттэн. Н'ăн цэлэттэн, «Аминми турэд'ицэн», — гуннэ.

Д'э, нёлит тэтĭксэкэн, букатĭрдулă дaґамăд'ачăн. Дагамăксăкăн. Сӧмат хăлд'атна, арай ичэнэн — бӧкатĭринчанак тар оророботĭн д'эбд'эпкй, силăтчапкй, силăтчапкй. Эхйлэ эмэксэкэн, дaґамаран. Дагамăксăкăн, эркэн хăлд'атна, хăлд'атна, турэтчэрэн икэд'энэ:

Кёдай-кăнĭн! Кёдай-кăнĭн!
Эрикэкэн эхйлэ
горо буґа мэниӈйлтĭн,
горо буґа чиӈэрӈйлтĭн
н'уцэйэн-кэн этĭркэнд'э
минэ-цу амйнми уцнэн.
Горо буґадук эмэксэ,
д'эмулчэ бид'эцэн-кэн.
Н'амахйкал д'ӳйăлăвун.
эмэксэкэн, дэрӳмкйкал!
Ёма-кайа буґайăлдук
гиркӳд'арйл бэйэл бихис?
Ӧн, гунд'экэл эхйлэ? —
ахăкăн эхйкэн гӳпэн.

Тар бӧкатĭр-бэйэ эвкй ичэхинэ-кэт, ичэхиндэви эйэчиттэн. «Акйнми турэтнэвэн алгахаракив, уха бид'эцэн», — гуннэ, эчэ ичэхинэ. Сӧма ин'эмӳнчэндэви н'экэттэп. «Акйнми ӧн гунчэн, таргачйкăн би эктэ ичэхинэ», — гуннэ. Тар хунăт ухэксэ эритмй, ухэксэ эрйтмй, аран энэ соцоро, д'ӳлăви мучӳран. Д'ӳлăви мучӳксăкăн, «Арай эхин ичэхинэ-кэт, ӧра-кат, ёкӳн бэйэн, бӧла?».

Тăдук гуннэ н'экэчэн этĭркэн: «Би мэнми цэпэктэ, эрид'эцэн!».

«Нй-кэт эмэрэкин, эдэви эмэрэ, эдэви нуцарбатĭн ичэхинэ», — акйнми гуннэвэн д'ӧпан.

Н'уцэйэн-этĭркэн, тэтĭлби тэтĭксэкэн, цэпэрэп букатĭрлă. Эмэксэ, д'э, арай ичэрэн — бутушну мӧцилбăн хокоґӧчă, тоґово илаксă, д'эбд'эрэн оророботĭп. Горойӧдук нидэрнэ, нуцанмăн гуниттэн:

— Кэ, ирэмэкэл, — гуннэ, икэд'эчэн, тĭкэн турэтчэрэн: — Горо буґадук эмэчэс. Дэрӳмкйкэл мундулэ!

Уґэррэн, уґэррэн, тĭкэ эрйтчэмп нуцанмăн. Эрикэ, эрикэ, эчэ нуцанмăн кёйна. Этĭркэн д'ӳлăви цэпэкэкуттэн.

Д'ӳлăйи цэпэчэлэн, бимэлчӳксэкэн, илан нидэци илтэнчэлэн, арай дуннэцци бутушну курбулчэ бичэн. Арай хэрґу дуннэдук авахинд'а эмэрйп инэцй эмэчэ. Эмэксэкэн, д'э, умпэкэмэ дуннэвэ лэпурэгэр йувкэпэн адĭ-ка огухичй бичэн, болґ сиргачи бичăн. Сиргадӳви тэґэксэ, умӳн халгачй, ӧхави андукки хойодӳп умӳн ӧхачй. Ёкӳндук-тă сурдакмийа. Сэлэмэ тэтййи иргит-ть бэйэ эхип кёййа нуцанмăн — бутушну охйкталип сэлэ. Ёкӳндук-тă

бэйэ эхин кёййа эр авахинд'а эмэчэ. Тар авахинд'а тунйттэн горойодук. Тйкэн турэтнэйэ эмэчэ, гуннэ икэд'эчэ болє:

Дєңдє! Дєңдє! Дєңдєрбнин!
Дєңдє! Дєңдє! Дєңдєрбнин!
Уғбйан-этйркэн бид'экэн эщйлэ!
Дйңдє! Дщдє! Дщдєрбнин!
Айан ашйва экўн илчарєлкан
Н'ўрд'ак-хунатпа би гад'ам.
Айа тэтйлби тэтйлд'экэл!
Нэнэхинэрйдў бэлэннєкєл!
Айакан д'эптйлэйэ бэлэщекал!
Турэнми гушкэрйн
эд'элйн илтэнэ-ғў
хунатпи бўд'экэл, этйркэн!
(Бўд'эн-цў этйркэн?)
Эхикис бўрэ, буғавас суксад'иңав!
Дуннэвэс бутунну ачйңңйд'аңав!
Дєңдє! Дєңдє! Дєңдєрбнин!
Би турэнми гуғин эд'элйн илтэнэ,
химат ашатканма бэлэннєд'экэл! —
гунд'эрдэгэ.

Этйркэн бихин бн н'экэд'эңэн? Соңоно, соңоно хутэви тэтйвэн тэтйвуксэкэн, хунатпи авахидў цаладўн бўд'эчэн. Эр авахинд'а: «Химат нада цэнэмй эр буғадук!», — хуниллэчэ, хуниллэчэ, бургинэчэ илан дйлилкан уксукйткан бча. Тар уксукйпчанак бнадўн бихин тар хунатпа н'икимнадўви тэғэвкэнчэ. Н'икимнадўви тэғэвкэпиксэкэн, д'э, дэғйлд'эчэн. Буғаткй цэнэхинчэ тар авахинд'а. Тар дэгд'эрэкин, тар ахй тйкэн гуннэ икэд'эчэн (см. ноты III):

Дєвєдарєкэй! Дєвєдарєкэй!
Сэлэлунд'э авахинд'а,
минэвэ дблчатчэкэл!
Дєвєдарєкэй! Дєвєдарєкэй!
Эр-кэ мит дэгд'эрэкит,
экўндук-та хэгдщэ мб бид'иңэн
Тадуккар эр бэйэ, тогово илатчарй,
ороробо д'эпчэрй бэйэ бид'иңэн.
Сағадукин д'аваксакан,
Дєвєдарєкэй! Дєвєдарєкэй!
Н'икимнадўви н'бдадави!
Дєвєдарєкэй! Дєвєдарєкэй!
Сб бэйэ бид'иңэс, — гунйттэн.

— Тара, багас, — гунйттэн, — никимнадўви нэд'иңэв!

Арай тар авахинд'а дэгд'эрэн мбтикиндўн ббкатиркан бид'эрэн. Цалатпи саварйксакан, н'икимнадўви тэғэвкэнчэ тар бўкатирба. Д'э, эр ббкатир бихиннэ, тар цэнэд'энэ, тйкэн д'аргад'анки бичэн, турэд'энки бичэн:

Авахй-бэйэ, бкин айа ахйва гачас?
Си, авахи, минэвэ хэргў буғаткй эксэд'энни,
Си эргэчйн-таргачйн бихинни!

Ехалбан тумнид'анкй, тумнйд'анкй болє, элйкпэпин ичэрэ. Айа авахицйт сбмат тйкўлчэ:

— Иргид'и-кэ кёййимнак, си, багас, минщэчйн эргэчйн ббкатирва. Би эхиткэн ищама бэйэ-д'оло бксэ, тэгэд'иңэв! Иргид'ив палкад'ицас, ёд'ицас? Кэ-сэ, экўнд'и гидалад'ицас?

Авахинд'а, тйкўлйксэ, дуннэдў тэгэксэкэн, д'оло-бэйэ бчан. «Ур акйнми мэтэвчэн ббла: «д'э, эхйткэн эмэд'эцэв».

Тар туксаран тартикй, арай тадў акйнйн илитчаран. Сб бэйэ Коңдє мбдук балдичэ Кбдакчбн илитчаран. Арай пуцан эргэчйкэн-таргачйкэн ичэдэлкэн, сэлэмэ гидави гаксэ, пуцандулан туксад'аран. «Пуцан сари минэ варивэн». Авахицйн цблэлчэ.

— Ңи эхин сāрэ, — гуннэ, — синэвэ. Эргэчин нэкӯнми ичэдэвэн ичэдэлэксэ, сэлэмэ гидатпи минэвэ вāдāви н'экэнни! Минэвэ экэл вāра! Би синдӯ айава бд'иңāв. Ёма-дā буҧалā ңэпэксэ, бэлэтчэңэв!

Д'э, гуннэ, н'экэчэв! Арай сб Кбдāкчэн-ббкатір гуннэ икэд'эрэн:

Гёң, гёңрбнин! Гёң, гёңрбнин!
Эркэй Сэлэнд'эмййэ-ббкатір,
авахинд'амййа, дблчāткэл!
Сбңан бэйэ Сэлэргунд'эмййэ,
бикэн нэкӯйэлби-ҧӯ
буҧалāн эксэксэкэн,
бкӯнма-кат эпэ илэчэрэ,
таргачйн-ка буҧалāн эксэкэл!
Тэлй би шинэвэ этэм вāра.
Би турбнмэв дблчāткал!
«Айакāнд'и эксэчэ бихикис,
этэм вāрэ», — гунд'эчэн акйнйн.

Тар эхйлэ гунчэлэн бихй авахинд'а ңэлэкэкӯтчэ ббла.

—Д'э, йлэ эксэвкэнэкис, эксэд'иңэв, этэм нуңанмāн илэчэрэкāт, ёра-кāт, — гунд'эчэ.

Тар нэкӯнмэн авахи буҧаткāкй эксэд'эхинэн. Тар буҧалā эксэксэкэн, тар айакāнд'и ихивкэнчэ бичэн. Нуңанмāн тāдӯ эмэниксэ, авахи хуңту буҧалā ңэнэчэ.

Кбдāкчэн ббкатір, д'э, ёма-дā городук горо буҧалā ңэпэд'эчэн. Тіргимэн н'экэйэвкй бэйэ, мурин-кāт, ёкӯп-кāт нāдайа āчйн, сэлэмэ тйэвӯкэчй бичэ. Горово-до ңэпэдэви ңэпэрй бэйэ эркэн ңэпэд'эк-дэҧэ ёкӯндук-тā сб бэйэ бихин.

Умнэт тігдэ тігдэктэрэн, ббкта ббктаран, ёкӯрдук-тā сурдак бэйэ ңэпэрдэгэ нуңан. Бн ңэпэрйвэн бэйэ куктэн дблдивки — игмийэн. «Ёкӯн, игрит эргэчйң букатір-бэйэ ңэпэд'эрэн?», — гуннэ, тікэн адулāвкй бичэн. Унэкин дуннэвэ эрчэкмэктӯви, доцото дуннэвэ хэнңэнмэктуви тӯксад'ачāн бблє. Эркэн-дб тӯксад'ана тӯксачā, тӯксачā, горово тӯксад'ачā, ади-кāт анцанимактӯ тӯксад'ачā, тӯксачā. Д'эптілэн-кбт манавчā, тэттін-кбт бутуннӯ манавчā. Нуңан, д'э, эркэн ңэнэд'эрэн. Эркэн ңэпэксэ, ңэпэксэ бутуннӯ бэйэдук-кāт, ёкӯндук-кāт ухачй бчāн бблє. Сбмат арай ңэпиксэ, тэттін āчин бчā, д'эмӯклисэ, будэви н'экэд'эрэн. Арай ңэпэд'эчэ. Ңэнэксэ, ңэнэксэ, ңэпэксэ эцэхйн āчин бран.

Арай ичэнэн — умӯн д'ӯкчапак бихин. Эр бэйэ бихинпэ нэхилэ тāрā ихиксā, уркэвэтін чбцкед'ачāн, д'ӯтін бутуннӯ силгилинкэнин. Арай тар н'экэд'эрэкин, ёкӯндук-тā хэгдицэ букатір-ахāкāн бэйэвэ адулāчāн биси. Нуңанмāн «Д'э, сб эргэчин бэйэ,ема буҧадук эмэнни? Сурдак бинэ, экэл йрэ би д'ӯлāв!», — гунэ н'экэттэн, эчэн йврэ.

Бн н'экэд'эңэн буксэд'эпэ, буксэд'эпэ, н'āн д'улэски ңэпэхинэн. Тар ңэнэд'эрэкин, н'āн хэгдицэ д'ӯкчапак бдан. Тар д'ӯлā ихиксāкāн арай нуңан: «Йвкэл д'ӯлā», — гуннэ, чбцкеран. Тāдук-кā хэгдицэ ахāкāн тікэн бёҧадкāн дэрэлкэн, ёкӯндук-тā сурдак ахāкāн: «Эргэчйн уха бэйэ, эмэкэлкэн, бу д'ӯлдулāвун таканāран! Ңэпэкэл! Ңэпэкэл!», — гуннэ.

Ӧн н'экэд'эчӧн? Аран эчӧ соцокӧкӯна. Тар бэйэ н'ӓн-дӓт цэнэрэн. Цэнэксӧ, цэнэксӧ, цэнэксэ, арай умӯн д'ӯлӓ истан. Бултэк, бултэк эрйксэгдэн истан. Арай тар н'экэд'эрэкин, уркэвэтін аран-аран истан. Даҷамӓксӓкӓн, чӧцкинан бихимнэ. Ёкӯндук-тӓ, ёкундук-тӓ хэгдіцӧ ахӓкӓн уркэви нйчӧн. Уркэви нйксӧ, ин'эмӯнчэксӧкӧн ӧксӓ, «Эргэчйн горо буҷадук цэнэд'энэ, аҷй-бэйэ, эвэнкйл бэйэлтін бурицйтін, тікӧн ӧданни? — гуннэ н'экэчӧ: — Кэ, д'ӯлӓв йҷӧт!», — гуннэ, анцӯ цӓладукин д'аваксӓкӓн, д'ӯлӓви аран-аран йврэн.

Эр д'э бихин, д'э бургйпчэчӧн болɛ. Уллид'эчӧн ёкӯндук-тӓ таҷанй. Айа бэйэ ӧксӓкӓн, д'эптілӧйэ д'эвуксӧкӧн, хунцукӧкй ӧдан, ноноптіва ичэдэлӧви ичэдэчй ӧдан. Арай тар н'экэд'эрэкин, ур ахӓкан тікӧн гуннэ улгучэнд'эчэн эрɛ (см. ноты IV):

Кимэ, кимэку!
Кимэ, кимэку!
Эр ёкӯн эцйлэ,
Ёкӯн бинӧн-цу?
Мӧйадук балдічӓ
Кӧдӓкчэн-сониҷ
Кёму, кимаку!
Эр-кэ горо бугайадук
эмэксӧ, эрэйдэниксӧ,
н'экэйӧд'экӧкӯнэнни!
Кима, кимаку!
Кима, кимаку!
Эркэн сатару
Кима, кимаку!

Сурдак авахинд'амййа
Кима, кимаку!
элӧ эмэксӧкӧн,
минэвэ эксэдӧви н'экэрэн!
Кима, кимаку!
Тарӓвэ ӧн н'экэд'эцӧс?
Кима кимаку!
Ёкӯндук-тӓ сурдакмййа!
Кима, кемаку!
Тоҷоҷдо эрйксэлкӧн,
тоҷокинд'о авахинд'а
эмэд'эрэн, — гӯнэм.
Эсйлэ сӧ бэйэ бимй,
тулуйд'иҷас, — гунйттэн.

Эр ахӓкӓн тікӧн гунйкэнд'эчӧн, гуннэ:

— Д'э, — тар гунйттэн, — ӧн н'экэд'эцӧс?

— Эмэрэкин, кухимкӧд'эцӧт! Ҷи кёйчӓ-бэйэ д'алучй ӧд'иҷӓн?

Д'э, тар бихин, илан инэҷимэктӯ илтэнчӧлӧн, хэргӯ дуннэ бутунну курбулйксӧкӧн, ётікӓн, ёкӯндук-тӓ иҷ ӧксӓкӓн, хэргӯ дуннэдук эрӧйӧдук икӧн эмэд'эрэн. Тікӧн гуннэ, турӧтчэрэн (см. ноты V):

Гуҷер! Гуҷер? Гуҷер!
Гуҷер! Гуҷер! Гуҷер!
Сэлэмэнд'э авдулд'ави,
сӧмат маппуд'акаллу!
Гуҷер! Гуҷер! Гуҷер!
Гуҷер! Гуҷер! Гуҷер!
Хэргӯйӧдуннэдуклэпурэгэр,
дулин дуннэлӧ исчаҷӓт!
Гуцɛ! Гуцɛ! Гуцɛ!

Гуцɛ! Гуҷɛ! Гуҷɛ!
Айа ашӓкӓн Шёкак-ка,
буҷалӓвэр эксэд'эцӧт!
Гуҷер! Гуҷер! Гуҷер!
Гуҷер! Гуҷер! Гуҷер!
Би-гэп-бэйэ иҷинд'эмйв
горо буҷалӓ инӯрэн.
Гуҷер! Гуҷер! Гуҷер!
Гуҷер! Гуҷер! Гуҷер!

«Сӧт химӓт», — гуннэ, абдулви илбэд'эчӧн. Арай тар н'экэд'эрэкин тар бӯкатір бихимнэ бэлэннэд'эчӧн. Бэлэннексӧк, бӯкатірн'ун тэтті тэткӧви тэтчӧн. Бэлэннед'энэ, со бэйэ Кӧцдэ мӧдук балдічӓ Кӧдӓкчэн-бӯкатір дёптікй гиркуд'ачӓн. Эр дёптікй

гиркуксāкāн, авахинчанак, хэргӯ дуннэдук йӯксэ̄кэ̄н, арай ичэнэн дэ̄птікӣ ēкӯндук-тā хэгдı бōгатıрӣнчанак илитчаран. Д'э, эр авахи тікэ̄н гӯнэн: «Коңсо бэйэ!».

Кōңдє мōдук балдīчā бэйэ Кōдāкчэн бӯкатıр, гуннэ турэ̄тчэрэн:

Геңє, геңєрōпин!
Авахинд'а бōкатıринд'а,
ēмайā буґайāлā айаннāд'аппи?
Эркэй улгӯрд'экэл!
Тікиӣ нопопті инэңӣдӯ
доровойо д'авад'акал!
Эр-кэ би-ңэн бэйэ
синэвэ бакалдīдāви
эйэ̄чим, — тікāн гӯнэм.
Дулин дуннэ бōкатıрӣнд'а
сōниц-бэйэ Кōдāкчэн бихим.
Си-цэн ēма гэрбилкэ̄н,
авахинд'а атаманӣн ōданни?
Эркэй улгучэ̄кэл! — гунӣттэн.

— О-о! Би сō бэйэ бихим, Сэлэргунд'э, тоґово эрӣксэ̄лкэ̄н, Тоґондор-бōкатıр бихим, — гунӣттэн, — би эсӣ эмэд'эм, Сиекак-ахāчӣ ахӣва гамнак.

— Си эхинни гада тар ахӣва! Нонон улгучэ̄мэ̄ткэ̄т! Нӣ эңэхӣ бэйэ этэ̄н кēйӣксā, гад'аңāн!

Нуңартін эхӣлэ ахакāн турэ̄ндук тікӯлмāчӣксāкāр, д'э, мэ̄мэ̄рӣвэр колтумāтчачāтін бōлє. Колтумāтчэрӣл нуңартін бэйэл ēкӯн-тāнэ сурдакил бэйэл, ēкӯндук-тāни сōл бэйэл. Авахинд'а Сэлэмэнд'э тэтінд'э ēкӯндук-тā эхӣ ңэ̄лэттэ. Эркэ̄н томтор-дуннэвэ оңкучакиңчāтін, оңкучак-дуннэвэ тэңкэңчэ̄тін, ēкӯндук-тā эхӣ таґавра, серилэ̄ исчарӣгачӣн кухӣд'эчэ̄тін. Д'ӯр бōкатıр бинэл кухӣмнэдӯтін бихимнэ ēкӯндук-тā сурдак уґӯ буґадук тэд'э̄мэті тігдэ тігдэчэ̄н, бōкта бōктачāн, арахинай бэйуңӣлтін, чука эчэ̄н балдıра, балдıрӣ куңакāн эчэ̄н балдīра. Дуннэңӣтін бутунну суксадāвэр н'экэрэ, ēкӯндук-тā сурдакит хавахинчāтін. Нуңартін бинэл кухӣчэ̄л. Эр кухӣксэ̄л, кухӣксэ̄л, кухӣксэ̄л, нуңартін, д'э, авахи бимнэ эхин кеййа, нуцан бōкатıр туґи-дэ̄ хин кēййа. Тэрэ̄ңкэ̄кӣ кухӣксэ̄л, кухӣксэ̄л, дıґиллэвэ кухид'э-эл. Д'э, нуңартін кухӣд'эрдокторо.

Д'э, умнэ̄кэ̄н сō бэйэ бичэ̄н тікэ̄н гунд'эрдоро турэ̄тчэрэн сō бэйэ Кōдāкчэн бӯкатıр:

Гуцєр! Гуцєр! Гуцєрōпин!
Эркэй Тогондор-бӯкатıр,
авахинд'а дōлчāтчакал!
Горо буґалā цэнэґэ̄т мит-кэ?
Дуннэлбэ эґэ̄т суксара,
бэйэлбэ эґэ̄т эрэ̄дєрэ!
эркэй бōкатıрил-ка
кухӣкӣл дуннэлэ̄тін цэнэґэ̄т!
Тар-кай сэлэмэ мōста бид'ицэ̄н.
Д'улакин бэйэ-гу
эхин утэндӯ илитчара.
Тāдӯ тогоґочин-цу
д'эгдэд'эрӣ мōста бид'эцэ̄н,
Эркэй мōра-энӣн даґадун,
тāлā суруксэ̄кэн,
авгӯ-ґӯ кēйд'ан-каґу?
Си-цэн-цӯ кēйд'ацас,
би-ґӯ кēйд'аңав?
Элэкин-цӯ, элэкин ачин-цӯ?

Гуннэвэ̄н думайдан, эчэ̄н гунӣттэ.

— Хо! — авахӣ гунӣттэн, — тāлā-дā цэнэґэ̄т, даґанӣ! Нӣ кēйчā бэйэ, сō бэйэ ōд'ицāн.

Эр бэйэ ңэпӯ дэҕӣ ӧксāкāн, ēкӯндук-тā сō дэҕӣ хэгдіңэ дэҕипчэн. Гē илан ділилкāн уксукӣпчэнэк ōксā, нуңартін дэҕӣлчэтін тар буҕаткāкӣ. Эр дэҕиксэл, дэҕӣксэл, дэҕӣксэл, эр д'ӯр дэктілэлдук тоҕогочӣн д'анучāн. Сō бэйэ Кōдāкчэн бӯкатір ēкӯндук-тā химāт дэгд'эчэн. Арай д'э, химāт дэгд'энэ, арай авахӣңин эмэнмучэ.

Мōра мōсталāн иссāл. Тāдӯ илд'ара. Ӣдук-ка д'ӯр сēлинма гаксāкāн, гарандāран. Д'ӯр мурин ōксāкāн, мōра итчилэн ңэнэчэ. Пахибачāн нуңандӯн, алāтчиран. Авахипчанак амарнӣксāкāн, эмэчэ-дэ. Амарнӣксāкāн эмэксэ, авахи сэлэмэ тэтіксэвэн, таргачикāкӯн ōчā. Сō бэйэ Кōдāкчэн бихин дэптікāкӣ иликсāкāн, ңуңан бихимнэ, нуңартін д'авалдічāтін. Д'авалдіксāл, кухӣмэлчуксэкэн, авахӣ гӯнэн:

— Д'э, илан анңанӣмактӯ би шинэвэ гарандāкта! Сō бэйэ бимӣ, тулуйд'эңэс, уха бэйэ бимӣ, мōралā тікчэңэс, — гунд'эрэн авахӣ.

Ур бōкатір уҕӣскэкӣ уҕӣррэн, бōкатір. Тікэ илан долбонӣлкāн инэңӣлбэ тандӯттан, гаравӯттан. Эчэ кēййа, гарандāра.

— Д'э, — гунӣттэн Кōдāкчэн, — кэ-хилэ, би н'āн синэвэ гарандāкта!

— Д'э, си тулэймӣ, тулэйд'иңэс. Талӣ ичэд'иңэт! — гунӣксэ, тэпкэхинд'эчэ бōкатірӣпчāнэк сō бэйэ Кōдāкчэн. Илан инэңӣмэктӯви уҕӣскэкӣ уҕирӣксэкэн бимнэ, бōкатіринд'а тэпкэчэ. Ир-кэ илтэн илан инэңӣмэктӯ гаравӯчӣксā, гаравӯчӣксā, умнэкэмэ мōра дōлāн д'эгдэд'эрӣ тоҕолō нōдāчā.

Эр-кэ буҕаткāкӣ ңэнэд'энэ, авахӣ тīкэн гуннэ, икэд'эвкӣ.

— Уркэн-куңакāн элэкэс улукӣкэнд'и эвӣд'эрэкин, хунāткāн киптікāнд'и гирд'аракин, ирэмэнд'иңэв би синдулэ!

Хэргӯ буҕаткāкӣ соңоно, соңоно тікчэчэн болε.

Д'э, эр бэйэ сō бэйэ Кōдāкчэн хуниллэчэн, бургиңнэчэн, ңэнӯ дэҕи ōксāкāн, амаскāкӣ д'ӯлāйи дэгд'эчэн. Эр д'ӯлāйи дэҕӣксэкэн, Сēкак-ахāкāн дулин дуннэлэ эмэксэкэн бихӣ, тāдӯ дэрӯмкӣтчэчэн болε.

Эр ңэнэксэкэн, балдīд'āк ахāкāн буҕалāн ихиксāкāн бихимнэ. Тар ахӣ, урӯнӣксэкэн, бōкатір эмэнэдукӣн дэптīкӣ бакалдīксāкāн, доровойо н'экэд'эчэн бōлε. Эр н'экэйэд'энэ бинэл, н'амахӣ д'ӯлāйи йвӯксэкэн эр ахӣ арахинай д'эптілэ улӣксэкэн, «Дэрӯмкӣткэл», — гунӣттэн.

Тāдӯ бимэлчӯксэкэн, адī-кат инэңӣмэктӯ дэрӯмкӣксэкэн, гуннэ:

— Тарунд'āк-буҕалāви тэңкэдӯн, балдīд'āк-буҕалāви ңэнэдэви эйэтчэм — бōкатірӣнд'а тар ахāкāнма гунӣттэн.

— Сō ахӣ, — гунӣттэн, — Сēкак, аҕӣ буҕалāн ңэнэктэ! Би, — гунӣттэн, — буҕадӯви нэкӯнми нэкӯчӣ бичэв. Тарңи гэлэлим, — гунӣттэн, — д'э, ңэнэдэви н'экэд'эм, — гунӣттэн.

Тар инэңилдӯ нуңан: — Ēкӯкāнми камӯйкал! — гунӣттэн тар ахāкāнма. — Бэйэл ōд'аңāт, — гунӣттэн, — горо буҕалā ңэнэд'э-

ҷӘт! — гуниттэн. — Эр ҷэнӯ дэҷӣ надарāкāн балдīксāкāн, умӯксāкāн, истī буҷалā ҷэнэҷӘт! Таргачӣн горо буҷадук, эмэчӘв, — гунӣттэн.

ҶэнэдӘвэр н'экэд'эрэ.

— Д'э, эхӣлэ ҷэнэдӘвэр н'экэд'эрэн. Д'энтi-кӘт, тэттi-кӘт ӗкӯнма-кāт экэл эксэрэ, — гунӣттэн, эр буҷадук, д'э, ҷэнэҷӘт!

Тар ахӣ Сӗкак гунӣттэн:

— ҶэнэҷӘт, даҷанӣ, эмӯкин эмӘнмурэ этӘм эдӯвэр, элэкин ічӣн! — гунӣттэн.

Нуҷартiн бихимнэ буҷалāвэр, комуйӣксāкāр, дэгдӘвэр эйӘтчэрэ. Эр бӧкатiр-ахāкāн бихин мӘндукки эмэгэлкӘн, ӗкӯндук-тā даҷанӣ айа мурга-муричӣ бичӘ ӧдан. Тар ахāкāн бихимнэ тар муриндӯви эмэксӘкӘн, эрӣрэҷ, эмэрэн муринин, дагамāран. Нуҷан, укчалāксāкāн, ҷэнэхинэрӣ ӧдан. Сӧ бэйэ Кӧдāкчэн-бӧкатiр хуниллӘчӘн, бургиҷнэчӘн, ӗкӯндук-тā хэгдi уксукӣ-дэҷи ӧчāн. Ахāкāн-ахӣ бихимнэ муриндӯ укчалāран. Нуҷан д'э, тэттiви эчӘ гада буҷадуккар: «Тāдӯ бакад'иҷāт», — гуннэ.

Ҷэнэхид'эчӘтiн болε. Эр бӧкатiр-бэйэ ҷэнэхиннэдӯн тэд'ӘмэдӘ эдiн эдiнд'эчӘн, хиҷин хиҷинд'эчӘн. Нуҷартiн, д'э, ҷэнэхиннэ дэҷнэл ҷэнэд'эчӘтiн бӧлε Калтака сӗнми хэргӣскӣ дӧлчāтна, калтака сӗнми уҷӣскӣ дӧлчāтна. Ӗкӯн-мал буҷадӯ ухава ӧд'арӣватiн адулāнал ҷэнэд'эчӘтiн. ЭркӘн-дӘ дэгд'эчӘтiн, эркӘн-дӘ дэгд'эчӘтiн. Горово-дӧ дэгнэвэр эхӣл сāра: боло бихиткин, уксӘнд'и сāнэ, д'уҷа бихикин, силӘксэд'ин сāнэ, ҷэнэд'эчӘтiн. — «Ӗкӯндук-тā горо буҷā», — гунӣттэн.

Ҷэнэд'эрэктiн, ҷэнэксӘ, ҷэнэксӘ, арай билирги бэйэ нэкӯнӣн хутэчӣ ӧчā-вит. Тар хутэн акӣнми гэлӘктэнӘд'эрэн. Ӗкӯндук-тā ситi бэйэ эрэй эмэд'эрэн. Идагурчан-бӯкатiр дӘнтiкӣ гэлӘктэнӘчӘ. Тар акӣнми Кӧҷдε мӧдук балдīчā Кӧдāкчэн-бӯкатiр дӘнтiкӣ аран эчӣнми лэпурэгэр ҷэнэрэ. ТiкӘн гуннэ икӘд'эрэн:

Геҷε, геҷεрӧнин!
Эркэй эсӣлэ икӘҷӘт!
Ӗма буҷадук эмэнни?

Кэ, — гунэн, — сӧниҷ-куҷакан,
Ӗма буҷадук тэҷэлкэн ӧданни?
Эсӣлэ миндӯ улгӯрд'экэл!

Химāт, камар-каҷу гуннэ, гунд'ичӘн.

Нэкӯнин хутэн бихимнэ тiкӘн гуннэ, турӘтчэрэн:

Тiнтε, тiнтεрӧнин!
Тiнтε, тiнтεрӧнин!
Билир, билир, гунэм,
горокӧн анҷанӣ ӧдан
би амӣнми акӣнд'амӣйа

хоктоҷон гэлӘн-ҷу
гэлӘктэд'энэкэн эркэй,
би-ҷэн бэйэ гэлӘктэд'эм.
БэскӘн БэскӘнд'эринд'э
хутэн биҷнэм-ҷэн.

Тар гунд'эчӘн эрε, тāдук гӯнэн: «П'экӘ! Эй! — гуннэ, — си нэкӯнми хутэн бихиннε-вит! УлгучӘмӘткӘт!».

Хоктодӯ иликсāкāр, н'укāнимāтчāл, бид'иҷӘн. Тар н'укāнимāтчанал эхӣлэ буҷалавэр, д'э, умӯндӯ дэгнэл ҷэнэд'ичӘтiн. Амаскӣ мучӯран тар куҷакāн. Эр куҷакāн, ҷэнэксӘкӘн, ҷэнэксӘкӘн, горо дуннэлӘ эмэчӘ-вит.

Билир горо анцанйдӯ цэнэксэкэн, тӑдӯ бэйэ кэтэ ахакӑн бивкй бичэн, бэйэкэкӯн баран сӗ ӧчӑ, кэтэл бэйэл ӧчӑл.

Д'э, нуцартин тар акйнйн нэкӯнйн бихимнэ, урӯнйксэкэн бимнэ. Акйнми дэптикй эмэксэкэн, эмэчэ. Ахӑткӑн муринмӑн сергадӯ уййтчэ. Н'укӑнимӑтсӑл, доровотчӑл, урӯнйксэкэр, д'ӯлӑвэр йд'эчэтин. Утэмэ д'ӯ ачйн ӧксӑкӑн, айакама д'ӯва ӧчӑ тар бэйэ. Д'э, нуцартин эхйлэ урӯнйксэкэр: «Буцалӑвэр истап, — гуннэ, — айат бид'эцэт!».

Бимэлчуксэкэр, гуннэл, арахинай бэйэлбэ эрйксэкэр, «Мундӯ бихй анцанйлтӑ ӧдан, сивайбава ӧд'инӑт», — гунйвкйл. Орорбо вӑксӑкӑр, горолй, дӑцалй бид'эрпвэ бэйэвэ эрйксэкэр, сивайбава ӧчӑтин.

Эр бэйэ тикэн гуннэ икэд'эчэн, сӗ бэйэ Кӧцдэ мӧдук балдичӑ Кӧдӑкчэн-бӧкатир:

Гецэр, гецэрӧнип!
Г'ецэр, гецэрӧнип!
Арахинай бэйэпд'эмййэл!
Наротинд'ан дӧлчӑткэллу!
Арай горо буцалӑ
н'экэйэксэкэн,
дулин буцайацин
Оцчор-буцайацин
бутунну н'экэйэксэкэн,
арахинай бӳкатирилн'унми
бӳкатирдаксӑкӑн, гуннэ,
эркэй н'экэйэд'эчэв.
Даракӑкй тэгэтчэрй
ахӑкӑнми гиркййэви бакаксӑкӑн,
айакӑнд'и бидэвэр н'экэмй,
эхйлэ умӯндӯ бид'эцэт!
Айакӑнд'и эвйд'экэллу!
Эркэй би инэмпэкти инэцйдӯ
бэйэ ӧд'арй инэцй ӧдан, —
эсйлэ гунйттэн.

Арахинай д'эптилэвэ нэксэкэр, нуцартин бихи сивайбава ӧра. Хӑдӏ бэйэ, соктоксӧкӧр, бутунну атиркӑр, этиркэр ёкӑкӑрбэ вӑксӑкӑр, соцопкйл. Тар айал куцакӑр эвйд'эвкйл бичэл.

«Эр бид'энэл эхйлэ умӯн буцадӯ биҷэт», — гуннэ бид'эчэтин. Тар муданин, этэврэн.

3. Сёкак

Билир, билир, билир дулин дуннэ мойкачӑн мётагачин мокйвд'ацахин, уҷӯ н'уцурмэн сёрукӑлдир н'ацн'а элэкэс тэҷэвунэхин, йэҷип йэнэ хулидӯн, котор цэкэ ойодӯн умӯн утук-утэн илитчачӑ. Тӑдӯ умӯн ахй, ӯмӯн бэйэ бид'эчэ. Ахйнан бичэ. Бэйэ, мэнип бэйэ дулинмӑн исчӑ бичэ, ахй н'ӑн дулинмӑн исчӑ ахй бичэ — диҷип д'аричй.

Тар бимй, нуцартин умӯн бира д'алум орон авдучйл бичэл. Умӯн хупӑт хутэчйл бичэл. Элэкэс гиркӯкталчӑ. Тар тӑдӯ нуцартип хутэвэр иргйтнэл бид'эчэл! Бэйэ гэрбйн бимй Ництэнймата гупэрй бичэ, ахй бимй Эрэкчэн гупэрй ахй бичэ. Тар бид'энэл, хутэтин турэчй ӧчӑ. Тар хутэтин бимй, турэчй ӧксӑкӑн, энйнтикйви турэчйлчэ ӧчӑн:

Чими торокӑпэн!
Чими торокӑпэн!
Эрэкчэн-эн'эй!
Ниҷтэн'е-амӑй!
Мипдӯ гэрбййэв
гэрбйкэллу! — гӳпэм.
Ӧп гэрбййэ ачип
бид'эцэв! — гӳпэм.

Тікӭн гӯниксӭ этэрэн. Энӣнӣн гӯнэн: «Амӣнин гэрбиҕин!». Амӣнӣн гунчӭ: «Энӣнӣн гэрбӣҕин!». Тарит энӣнин гэрбидӭви турӭтчэрэн:

Олє долє! Олє долє!
Утэ, никӭ, багар,
гэрбӣктэ, гунэм,
эҕӭт сэллэ бихӣкис,
гэрбӣйэс гэрбӣд'эҕӭв.
Ҕӣ, гуннэ, гэрбӣд'эм?
Ниҕтэнӣ сӧниҕ-бэйэ
хунӭд'ин, гунэм,
Эрӭкчӭн-атіркӭн
дігирмӭн сувинми
дӧҕидӭдӯн ӧскєтиан,
д'анкун энтілэни
дӧгидӭ элгэдӯн
турӭн ҕиҕэн хунад'ин
сӧ суралкан, — гунэм,
айа гэлтэр гэрбилкэн
айа ахӭкӭн, гунэм,
Сӧкак гэрбилкэн
ахӭкӭн ӧд'акал!

Тарит этэрэн. Хунӭткӭн гэрбӣви урӯниксӭкӭн, тулӣлӭ йӯксӭкӭн, хэкӣттэн: «Миндӯ айа гэрбӣв!», — гунчӭ.

Тӭдук нуҕартін бид'эрэ. Эр хунӭткӭн эвӣктэвкӣ ӧдан. Хунӭткӭн киптікӭнд'и гиркӭчӣвкӣ, гиркӭчӣвкӣ, инмэт улликӭчивкӣ ӧдан. Олус айа хунӭткӭн, сӧма гуд'эй хунӭткӭн ӧд'аран. Мӯвэ мӯлӭвкӣ, мӧва ӣвувкӣ ӧдан.

Тар бичӭтін нуҕартін, тӭдӯ турӭнд'эчӭтін, эркӭн-таркӭн оронмор таҕӯвӭн эхӣ сӭра. Оронтін д'уҕанӣ ӧракин, ҕанмактадӯ, иргактадӯ д'ӯлӭтін эмэшшэн. Эмэчӭ оронмор д'уҕа сіртівкӣл бичӭл. Уллэҕӣтін ӭчӣн ӧракин, оронмор вӭчӭтін. Вӭксӭл, уллэвӭн д'эбуҕкӣтін.

Тар бид'энэл умнӭкӭн хунӭд'итін турӭтчэрэн:

Чими, торокӭнєн!
Чими, торокӭнєн!
Ниҕтэнӣ-амӭй!
Эрӭкчӭн-эп'ӭй!
Д'э, эр мит бимӣ,
бид'энэ, аҕунӣм.
Сӧ ӧдан, гунэм,
сӧма хуркэйӣн ӧдан
умӯн бугадӯ бимӣ,
кандарӣн, гунэм,
энэйӣн бимӣ,
инэҕи эхин манавра,
анҕанӣл ҕонумул ӧда.

Тікӭн гунӣксӭкӭн, хунӭт турӭтчэрэн:

Чими торокӭнєн!
Чими торокӭнєн!
Би, ахӭкӭн,
булд'ар-буҕава,
тэҕкэ-дуннэвэ
тэҕэнмӭн, — гунэм,
тэнтэндӭви эйэчим.
Би даҕава
н'экэйӭдӭви
д'алдӭчӭв.
Ӧн бимчӭ, би
н'экэйӭрэкин, гунэм.

Гунӣксӭкӭн этэрэн, д'э, амӣнӣн гӯнэн:

Орєл, орєл!
Би-дӭ гунэм.
Орєл! Орєл!
Сӧкак хутэ-діҕэн,
Си тікӭн н'экэксӭкӭн
ӧма дуннэ тэҕэнмӭн
истӭви ҕэнэксӭнни?
Экэл ҕэнэрэ, гӯнэм.

Тари этэрэн, хунāд'ин гунд'эрэн: «Ēракин-дā ӊэнэд'иӊэ̄в!». Хунāд'ин энэ дōлдīра, ӊэнэдэ̄ви н'экэлчэ̄:

Чими тороканєн!
Чими тороканєн!
Эн'э̄й, амāй,
ӊэнэд'иӊэ̄в!
Ēракин-дā, ӊэнэд'иӊэ̄в!

Энӣнӣн н'āн турэ̄тчэрэн:

Олє, долє!
Олє, долє!
Хутэв Сēкак,
экэл тікин ӊэнэрэ!
Гирамнас буксэ
эчин нилбэн,
уллэс эчин маӊалла
д'алис эчин д'алупта!
Сатар э̄дук
д'ӯр анӊанӣйа
ӊэпэрэкис,
айа бимчэ̄, гунэм.

Тарит этэрэн. Хунāт «Ēракин-дā, ӊэнэд'иӊэ̄в!», — гӯнэн. Сōмат д'аличӣ хунāт бичэ̄. Тікэ̄н гӯнэн, тэттіви тэттэн. Хэргӯ тэттіви уӷӣскӣ уӷӣррэн, уӷӯ тэттіви хэргӣскӣ тікиврэн. Тікэ̄н тэттэн-дэ̄ йӯрэн. Тулӣлэ̄ йӯксэ, тікэ̄н турэ̄тчэрэн:

Чими торокāнєн!
Чими торокāнєн!
Сēкак, эн'эй,
би ахāкāн, д'э
ӊэнэхинэм.
Буӷа тэӊэ̄нмэ̄н
ēракин-дā ичэксэ̄,
мучӯд'иӊāв.
Мудан горо
поросай, порості!
Энэл мэргэ̄рэ,
энэл соӊоро
бикэллу! гунэм.

Тікэ̄ гунӣксэ̄ этэрэн. Этэ̄ксэ̄кэ̄н, бираӊми дэрэ̄нтікӣ гиркуд'ахинан. Хунāт, гиркӯксāкāн, амаскӣ этэ̄хинэн, «Горолō эмэм» — гунчэчэ̄н д'алдӯви. Д'ӯн тар ичэврэн. Хунāт айаннā-д'аран. «Горокє, д'ӯдукки эхим горолло». Д'э, хунāт ӊэнэд'эрэн. Ӊэнэд'энэ, нуӊан умӯн тāкэн ойодӯн тэӷэрэн. Ділачā инэӊ дулин ōчāн. Ділачāӊӊи ичэхинэн — инэӊ дулин ōчāн. Хунāт д'эмулчэ̄ тар сигділэ̄дӯн. Хунāт «олєхин-дэ̄, — гунчэчэ̄, — д'эмулим», — д'эбдэ̄ви эйэчӣлчэ̄. Хунāт тікэ̄н гунчэксэ̄кэ̄н, турэ̄тчэрэн:

Чими торокāнєн!
Чими торокāнєн!
Олıхин амӣнми, энӣнми
«Экэл ӊэнэрэ», — гуннэл,
пувчāтін минэвэ.
Умӯн инэӊӣ калтакадӯн
ӊэнэксэ̄кэ̄н, д'эмулим.
Д'э, би ахāкāн
амаскӣ эхӣ этэхинэ бихим.
Д'улэ̄ви ӊэнэд'иӊэ̄в
Би солкомо билатів,
турэ̄нми итчирбуксэ̄,
мэ̄нин уӷу ичэврӣ
сēрукāрдір н'аӊн'ар-эн'э̄й,
дōлдīкал би турэ̄нмэв!
Дулин тур-дуннэӊив
итчин, дōлдīкал!
Минэ, сэхэргэвэв
айат дōлдīкал!
Би ахагас амӊатми
айдард'ам-ӊан,
кондє комуйӣтни
курулєд'эрӣвэв дōлдīкал!
Д'э, багдарин мэӊун
мэӊурэ инӊакталкāн
багдарин гаха ōксā,
дэгилӊэ̄тів!

Тікӭн гунӣксӭкӭн, дәгилд'әрән. Нуцан уҕӣскӣ дәгд'әрән. Нуцан мӭнин буҕа тәҕәнмӭн ичәтнә, дәгд'әвкӣ бичӭ. Нуцан әркӭн-таркӓн айаннӓд'аран. Тар айаннӓд'аракин, д'улгидӭлӣн чивкан-дӓ әхин дәгрә. Нуцан цәнәрән тар ділачӓ йӯнтуткӣ айаннӓд'аран. Тар цәнәд'әрәкин, ӗкӯн-кӓ иҕин ӧдан. Тар иҕин ӧдакин, дӧлчӯран. Дӧлчӯнан арай турӭн бихин:

Дєцдәлє, дәлє!
Дєцдәлє, дәлє!
Ема буҕа, ӗма дуннә
хунад'ин-киливлин?
Тавар багдарин
мәцурә инцакталкӓн,
гуд'әй, айа дәги-гаха
айаннад'аран?
Пононтӣ бакалдӣду
дорово ӧҕин!
Болгой токтокол!
улгӯрйә улгӯчӭмәткӭт!
Бад'ан бакалдӣксал,
сәгәнә сәхәргәскӭт!

Тікӭн гуниксӭ этәрән. Ахӓкӓн ичәхинән, арай олдонцӣд'ин инәц дулин ӧктуҕӣд'ин сәләмә гӗҕичӓн, гӗҕин-дәҕи ӗдук-тӓ тургәнд'и әмәрән. Тар әмәрәкин, ахӓкӓн улгучӭнд'әрән:

Чими, чими торокӓнєн!
Чими, чими торокӓнєн!
Сәләмә гӗҕин-дәҕи,
дороводӯс — дорово ӧҕин!
Д'ә, улгумӣрәкис,
улгучӭнд'әцӭв.
Билир дулин дуннәдӯ
ӧскєри сӧниц
Ництәнӣ гәрбӣлкӭн
этіркӭнмә-цән
дӧлдіцкӣс, бид'ицӭн?
Дулин буга хунӓд'ин,
Әрӭкчӭн-атіркӓнма
сураккӓн дӧлдӣцкис, бид'ицӭн?
Тар хунӓд'ин, Сӗкак гәрбӣлкӭн ӧдам!

Сәләмә гӗҕин турӭчиттән н'ӓн:

Дєц, дәлє дәлє!
Дєц, дәлє, дәлє!
Дулин буҕа-цан
Ництәнӣ-сӧниц,
Этіркӭн хунӓд'ин
Сӗкак-ахӓкӓн,
Д'ә, би улгучӭниктә.
Ӧхӓ-этіркӭн,
Утәлд'ин-этіркӭн.
Ӧхӓ-атіркӓн,
Утакӓн-атіркӓн,
омолгин-цан бихим.
Сәләмә гӗҕин-дәҕи
Д'упкулкӭн-Д'упкулд'ин
мата, гунәрӣ, бихим.
Би си айаннад'арӣс
суракка дӧлдӣкса,
суруйӓн әмәчӓн.
Д'ә, ӣлӭ, гуннә
айаннӓд'анни?
Ема буҕала,
ӗкӯн пӓдәдун
цәнәд'әнни-цән?

Тарит этәрән турәчиксӭ. Тар ахӓкӓн, д'ә, турӭтчәрән:

Чими, чими торокапєн!
Чими, чими торокапєн!
Мата, сәләмә гєҕи
Д'упкулкӭн-
Д'упкулд'ин
си, мата, би цәнәрӣ
цәнәнәв ӗкӯн пӓдәдӯн
улгумӣнни-цән?
Синду би ӣлӭ цәнәрӣв
пӓдә ӓчин, бид'ицӭн!
Би мӭнми сӓритни
н'әкәйәд'әцӭв-цән
Мата, горо мудан,
поросай ӧҕин!

Гуннә, ахӓкӓн д'улӭви цәнәхинән. Ахӓкӓн тар-ті цәнәви дәгд'әхинән.

Д'упкулд'ин-Д'упкулкэн мата н'ан турэтчэрэн:

Дєң, дэлє, дэлє!
Дєң, дэлє, дэлє!
Сэкак-ахакан,
эда баран сэхэнэ
улгучэмэттэ?
Едук цэлэми-цэн,
цэнэхинэнни?
Бэйэ, токтокол!
Улгучэмэткэт!
Екундула хэлинчэд'энни?
Инэци эрдэ, анцанй цонум! —

гунд'ирэн. Тадў Сэкак ахакан турэтчэрэн:

Чими, чими тороканєн!
Чими, чими тороканєн!
Си, ахаканма
айаннад'арива ахива
экэл дэмэрйгдирэ!
Би горо бугава-цэн
д'алдачав-цэн.
Си мэнни йлй
цэнэлкэн бимй, цэнэкэл!
Миндў си цэнэрйс
нада ачин-цан.
Би мэнми сарйтпи
айаннад'ацав.
Си мэнни сарйтпи
цэнэкэл, гунэм.

Тикэн гуниксэ этэрэн. Сэлэмэ гєцин тар-дат амардукин дэцйллэн. Амардукин дэгд'энэ, икэд'эрэн:

Дєң, дэлє, дэлє!
Дєң, дэлє, дэлє!
Сэкак-ахакан,
си, ахакан-бэйэ,
болгой токтокол!
Едэ минйкўн-цэн
эхинни улгучэмэттэ?
Утачаксэ, эма буцала
химат истави
хэлйнчэд'энни?
Он-да хэлинчэчэлйс
тар-да бихикин,
би мата-бэйэ бихим,
доцор ўд'авас тоцсуйирй
уникин ўд'анас гуннерй.
Дуннэ тэкэндулэн
истакис, н'ан
эхй туркэврэ-цэн
бэйэ бихин-цэн.
Уцу н'уцурмэн
сэрукарди н'ацн'а
уцидэлйн цэнэчэлйс
н'ан эхй бурйрэ
бэйэ бихим-цэн.

Тикэ гунйксэ этэрэн. Ахакан Сэкак турэтчэрэн:

Чими тороканєн!
Чими тороканєн!
Д'упкулд'ин-мата,
экўн нададўн
кара каргис
одави н'экэд'энни?
Сомат сэвав садави
н'экэрй одакис,
багар, бодокол!
Сэвав садави н'экэмй,
амаргут эцэт соцоро!
Аксара эмй,
амаргут багар,
Сэкак-ахакан
цонум иргидўви
учйхиниксэ-цэн,
«Эрдин горо буцала
иктэвўкэнэн, — гуннэ, —
эцэт соцоро бодокол!».
Би синэвэ-цэн
он-ка, гуннэ,
нонопти бакалдирйдўвар
эчэв синэ ухат турэттэ
сэруйан си мэпни
д'алилд'анни-цэн!

Тар ахакан гунйксэкэн этэрэн. Тар этэчэлэн, д'э, нуцартин гукчанд'ара. Сэкак-ахакан бимй тикэн гунд'эрэн:

Чими, чими тороканєн!
Чими, чими тороканєн!

Д'упкулкэн
Сэлэмэ гєцин

Д'упкулд'ин-мата,
эр ёма Кидап-дунив
кирйлăн айаннăд'ап?
Би-ахăкăн гунд'эм:
Эр йэ̆рин булд'ар
д'апкун лăм бакалдĭп
д'апкун калдıс

кадарă лондорин
ойолбн гукчанцат!
Цĭ-кэ попон исчан?
Си мбнин сăритин,
би эр-ти цэнэд'эрйв
д'улăйэкбклбн, бид'ицбн.

Тар гунйксэ этэрэн. «Д'э, тимăтиэ дылачă йўрйдўн исчанцăт. Ци н'бвўт иссап?». Тикэн гунйксэкэн, нупартин цэнэрэ хуйэчйксэл д'ўрмэт. Мэн сăрйвар цэнэрэ. Тар хупăт цэнэвкэнд'эрэн. Цэнэвкэнчэ, цэнэвкэнэн, ур цэпэдукви хăврэн. Д'э, лăм лондордулăн истан. Ихиксăкăн, ахăкăн н'бхицци авран. Авуксăкăн, этэмурэкин, эмэрэн сэлэмэ геŋин. Эмэксэкэн, тикэн турэтчэрэн:

Дæц, дэлæ, дэлæ!
Сэкак-ахăкăн,
си бкигда-цан

эмэмулд'эчэс?
Би «эчин иста, бид'ицбн!», —
гунчэчэв, гунд'ирэн.

Тăдў нупан, мата бимй, гунд'ирэн:

Сэкак-ахăкănд'а,
дблчăткал-цан
би гуннэрйвэв!
Си н'бŋут ихинни,
тарит си химăт
эмэчэ бихинни-вит.

Тар-дă бичэлйн,
ёракин-дă-цан,
синэвэ, н'экэйэрйс
таŋудўн-цэп мбдулăрэ
эхй эмэнмурэ бэйэ бихим!

Тикэн гунйксэ этэрэн. Сэкак бимп тикэн турэтчэрэн:

Чими, чими, торокăнæп!
Чими, чими, торокăнæп!
Д'упкулдин-мата,

си бурæ мини'ун
экэл дагадўв-кăт
н'экэйэрэ, — гунэм.

Турэчиксэ этэрэн. Д'э, нупан, ахăкăн бими, д'улэви цэнэд'эхинэн:

Мата, горо мудан
поросай биŋин!

Ахăкăн дылачă йўптуткэкйн цэнэд'эрэн, мата тăдў эмэнмурэн. Д'улэви цэнэвкэнд'энэ, ахăкăп айаннăчăкăн айаннăд'аран. Таркăнэркэн цэнэвкэнд'эрэн. Д'уŋанйвăн силэксэ тіктід'ин сăттан, туŋэнйвэн — сацйкса тіктід'ин сăттан, болопива ўксэнд'ин сăттан. «Болорон-ивит», — гунчэттэн. Нэлкинйвэ абданна балдирид'ин сăттан. «Нэлкирэн-ивит», — гунчэттэн. Тарит айаннăд'аран д'улэви. Амйндукви, энйндукви эмэхинпэви эчэ сад'эра. Цэнэд'эксэкэн, цэнэд'эксэкэн, дылачă хэргидэткин дагамăд'аран. Умўн сбма айа дуннэлэ истан. Сбма айа авлăн буŋава цэпэхинэн. Тăдук д'улэскй ахăкăн ичэрэн, «Багдарин йац», — гунэ. Тарицци дагамăнан д'у — ампар-д'ў ўдан. Тăдук нупан айамат адулăракин, багдарин диŋин кирилкăп мэцумэ ампар-д'ў ўчă. Уŋў буŋадук илармăн мэцумэ томкот тутăкилкăн, хэргў буŋадук д'апкун сэлэ

тірэвулкэн д'у ōдан. Тāлā истан. Ихиксāкāн, ахӣ тāлā тіктэн. Тікиксэкэн, уркэвэн адулāрэн. Ділачā йӯптуткӣн уркэчӣ. Тāлā ихиксāкāн, тікэн турэтчэрэн:

Чими, чими торокāнєн!
Діґин кирилкан
айгур ампар-д'у,
д'э, би горо буґадук
айаннāцнам.
Дōдӯви итчилкāн бимӣ,
би турэнми годонмōн
дōлдівкāкэл! — гунэм.

Би дулин буґадук
сōма горо буґадук
айаннāцнам,
сатар āнцэктӯ
д'ӯлāви ивкэкэл!
Д'эвгэт-тэ омӣнам,
тэттіт-тэ сиңэм!
Д'э, сатар хулӣчэвкэкэл!

Тікэн гунӣксэ этэрэн. Тар ахāкāн дōлчāттакин, дōлā турэн бихин:

Дєвєдāрєко! Дєвєдāрєко!
Сумкэлд'ин, бōканми

уркэвэ нӣкэл,
химāт тургэнд'и!

Уркэвэ нӣрэ. Нӣнэлӣтін ӣрэн. Ӣксэкэн, илан д'ӯпті д'ӯва ңэнэксэкэн, діґӣлāтін ӣрэн. Діґӣтін д'ӯдӯ тэґэтчэрэн катунин. Тарā «дорово» гунд'ирэн. Доровоксō, тэґэрэн. Тар тэґэчэлэн, д'ӯчӣ ахӣ улгумӣд'эрэн:

Герєвлакāн!
Герєвлакāн!
Ахāкāн, хунāт,
ēма буґадӯ
ōскєчā, балдīчā
ахāкāн бихинни?

Ēмāл атіркāр,
этіркэр хунāттін
бихинни? гунд'эм.
Гэрбӣс ңийэл?
Ēйа ичэнни, дōлдīнни?
Улгӯрйэ улгучэкэл!

Этэрэн. Ахāкāн турэчиллэн:

Чими, чими торокāнєн!
Чими, чими торокāнєн!
Би ахāкāн улгучэниктэ,
сураккав улгумӣрэкис.
Ӣдук тэкэлкэнмэв
улгумӣрэкис-цэн,
ңӣйэл хунāд'итін
улгумӣрэкис-цэн,
улгучэнд'эктэ.
Билир дулин дуннэдӯ
дōлдīцкӣс бид'иңэн

Ниңтэнӣ-сōниц гунэрӣ,
дōлдīцкӣс, бид'иңэн?
Эрэкчэн-атіркāнма
дōлдīцкӣс, бид'иңэн?
Байандӯ гэрбӣвчэ,
олус баран орочӣ
этіркэн бичэ.
Тар хунāд'ин ōдам
Сēкак гэрбилкэн
ахāкāн би бицнэм.

Нунацтікӣн гуниксэ этэрэн. Д'ӯчӣ ахӣ ахāкāндӯ туйӯрэн. Этэксэкэр, нуцартін ēкāкāнмэ сэхэргэттэ, д'ӯр ахӣ. Нуцартін тікэн н'экэд'эрэктін, сиксэрэн. Тāдӯ āнцэрэн. Илаллава-ґӯ, діґиллэвэ-ґӯ тāдӯ инитчэрэн. Нуцан умнэкэн тікэ турэтчэрэн:

Чими, чими торокāнєн!
Чими, чими торокāнєн!
Ділачā хунāд'ин,
Тіргāкчāн-экӣ,

дōлдīкал-кат
би улгучэнэрӣвэв.
Айа гэрбӣлэс
горо буґадук

серуйан эмэчӭв.
«Ёкӯн нāдадӯн?», —
гунэкис, «Минэвэ
ёкӯкāндӯ-цан
таткад'иӊāн,—гуннэ,—
араснай идэдӯви
таткад'иӊāн», — гуннэ,
элӭ эмэчӭв.

«Дуннэ муданмāн
сāран, бид'иӊэн,
ичэвкє», — гунмӣ,
элӭ эмэчӭв.
Д'э, он н'экэд'иӊӭс?
Минэвэ умӯндӯ
эксэктэмчӭс, он бимчӭ?

Тар этэчӭлӭн, Тіргакчāн-ахāкāн турӭтчэрэн:

Гєрєвлаканєн!
Гєрєвлакāнєн!
Дулин буҕа
байандӯ гэрбӣвчӭ
Ниӊтэнӣ-мата
ахакан-хунāд'ин,
Эрӭкчӭн-атіркāн
айадӯ сурагӣрчā
киливли-ахāкāн,

Сӭкак гэрбӣлкӭн,
Би буҕа муданмāн сāм,
дуннэ тэгӭнмӭн
бутунну сāӊнам
хуӊтумэ айа
тэҕӭвэ ичэм.
Би ділачā хэргидӭдӯн
балдīнави устадӯн,
би эхӣв сāра āчин.

Тарит этэрэн. Этэксӭкӭр, н'āн ёкāкāнмэ мӭртін сэхэргӭттэ. Тāдук ділачā хунāд'ин н'ан турӭтчэрэн:

Гєрєвлакāнєн!
Гєрєвлакāнєн!
Сӭкак-ахāканд'а,
дӭлдīкал айамат!
Д'ӯр баргу сӭнд'иви
дуливкал-вит!
Айат иргэлэви
д'иктэвкэл-вит
би улгучӭнэрӣвэв!
Ёма буҕа муданмāн
ичэдӭви эйӭтчэнни?

Ёма дуннэ тэҕӭвӭн
ичэдӭви эйӭтчэнни?
Би илан дуннэ
уранкайван бутунну
тунӊа чӧраткигачинми
сāӊнам-ӊан.
Йлӣ бихи-вит
Ап'ур-хоктово сāм.
Бутунну сāӊнэм
Йлӣ ӊэнэврӣ буҕава
би сāчим-ӊэн.

Тарит этэвкӣ. «Ӊэнэрӣ бихикис, — гунд'ирэн, — инэӊмӭн ӊэнэд'иӊӭт!». Мӭртін тікӭн гумӭчиксӭл, ёкāкāнмэр камуйиксāл, «ӊэнэҕӭт!», гуннэл, ӊэнэхинэ. Тулискӣ йӯрэ. Йӯксэкӭр, багдарин гахал ӧда, дэҕӣллэ. Дэҕилӣксӭкӭр, ӊэнэд'эрэ нуӊартін. Д'э, нуӊартін мӭнӭн ӊэнэрэ д'улӭвэр. Эркӭн-таркāн айаннāд'ара, уйӣскӭкӣ тӯктід'эрэ. Тӯктіксӭл, тӯктіксӭл, нуӊартін бичӭл уҕӯ буҕава иста. Уҕӯ буҕава ихиксāкāр, ӊэнэд'эрэ, айаннāд'ара. Айа дуннэчӣ дуннэ. Буҕадукин хуӊту буҕа: айа, гуд'эй буҕа. Тар ӊэнэксӭкӭр, умӯн д'ӯлā иста. Д'улā испатін айа д'у бичӭ: діҕин кирилкан ампар-д'ӯ. Тāлā ихиксāкāр, тāлā тіктэ. Тікиксэкэн, Тіргакчāн-атіркāн тікӭн турӭтчэрэн:

Гєрєвлакāнєн!
Гєрєвлакāнєн!
Уҕӯ буҕа хунāд'ин,
Дэҕӣкчӭн-эдӭ,

буҕалас эмэнэм,
ихим, гунэм.
Д'э, уркэви нӣкэл!
Сāнам, эмэм, гунэм.

Тікӧн гунэкин, нӣрэн. Нӣчӧлӧн, ӣрэ. Д'ӯлāн ӣксӧкӧр, тэҕэрэ. Д'ӯчӣ ахāкāн тікӧн турӧтчирэн:

Дэҕи дэрэкӧн!
Дэҕи дэрэкӧн!
Ділача хунāд'ин,
эдӧ,
ӧйа ичэнни?
Ӧйа дōлдінни?

Тавар гиркӣс
ӧма буҕа-ҥан
хунāд'ин ōдан?
Ҥӣйэ гэрбӣлкӧн
хунāд'ин ōдан?
Гэрбӣн ҥи?

Сӧкак-ахāкāн тікӧ турӧчиллэн:

Чими, чими торо-
кāнєн!
Чими, чими торо-
кāнєн!
Уҕӯ буҕа хунāд'ин,
Дэҕӣкчӧн-ахāкāн,
би, улгумӣрэкис,
улгучӧнд'эктэ.
Иргӣт тэкӧнмэв
тэкӧлгирэкис,
ӣдук балдīнавав
улгумӣрэкис,
ӧма атіркāн
ӧма этіркӧн
Гэрбӣлвэтін
улгумӣрэкис,
улгучӧнд'иҥӧв

Би мӧн гэрбӣви
н'āн улгучӧнд'иҥӧв.
Амӣнми — дулин буҕа
байандӯ гэрбӣвчӧ.
Ниҥтэнӣ-этіркӧн
киливли-хунад'ин,
Сӧкак-ахāкāн
гэрбилкӧн бихим.
Энӣнми гэрбӣн
Эрӧкчӧн-атіркāн.
Ичэнэв, дōлдīнав
ӧкӯн-дā āчин.
Си ӧйа дōлдīрӣ,
ичэрӣ бихинни?
Ичэнэви, дōлдīнави,
сāнэви улгучӧкэл!

Тарит этэрэн. Тари этэчӧлӧн, Дэҕикчӧн-ахāкāн турӧтчэрэн:

Дэҕи, дэҕи доракан!
Дулин буга хунā-
д'ин,
д'э Сӧкак-эдӧ,
би-вэл дōлдīнав,
ичэнэв ӧкӯн бид'эн?

Бэйэдӯ бэйэ
улгучӧннэтін-ҥэн
сурак āчин.
Гэрбӣв-дӧ
Уҕу буҕа хунāд'ин
Дэҕӣкчӧн-ахāкāн бихим.

Тарит этэрэн. Нуҥартін-ахāкāр туйӯрэ д'алдӯвар. Тāдӯ тāрā āнҥэрэ. Тар āнҥэксāкāр, тімāтна тэҕэрэ. Тэҕэксӧкӧн, «Иртікӣ ҥэнэд'эп?», — гумӧтнэл, улгучӧмӧтчэрэ. Дэҕикчӧн-ахāкāн д'алтікӣви гунд'эрэн:

Дэҕи, дэҕи доракан!
Эдӧйэл, эрӧ уҕӯ буҕа
сōниҥилтін эвӣкӣт
буҕадӯвар умӣптīтін,
эмэрӣтін, эвӣнӣлтін
инэҥи инэҥмӧн ōдан.
Эвӣкӣттулӧвэр

арāснэй матал
сōниҥил эвӣпӧмӣ,
инэҥи арчалдīкӣттін
инэҥмӧн ōдан.
Д'э, тāлā мит иланӣ
ҥэнэрэкит, ōн бимчӧ?

Этэрэн. Сӧкак-ахāкāн турӧтчэрэн:

Чими, чими торо-
кāнєн!

Уҕӯ буҕа хунāд'ин,
Дэҕӣкчӧн-эдӧ,

Би-лэкэ бэйэвэ
эчин ичэрэ бэйэ
бихим.
Ичэдэ̄ви сӧт эйӧчим.
Эвӣнмэ эчин са̄ра,
эвӣнэдӯ таттāви

эйэчӣцнэм-цэн.
Балдӣкса̄, эвӣнмэ
эчӣнми ичэрэ.
Ичэдэ̄ви эйӧчилим,
арасӣэй эвӣндӯ
таттāви эйӧчим.

Тарит этэрэн. Иланӣ цэнэцӧтіл ӧда. Цэнэхиндӧвэр тэткэлбэр ӧмакталба тэттэ. Нуцартін цэнэхинэ. Тāдӯ эвикитнатін уґӯ буґа хунāд'ин сāран. Тартікāкӣ айаннāд'ара. Сāриви дуннэвэ цэнэд'эрэ. Дэґӣкчӧн-ахāкāн тар сāттан дуннэвэ. Д'э, айаннāксāл, нуцартін иста. Испатін эвӣкӣт буґатін сӧма айа буґан. Бэйэл умивчāл, уґӯ буґа сӧницӣлтін умӣнчэл. Эвӣд'эрэ, икэнд'эрэ. Дэґикчӧн-ахāкāн, уґидӧдӯтін хариктад'ана, турӧтчэрэн:

Дэґи, дэґи доракāн!
Уґӯ буґа сӧницӣлтін
матал, дорово ӧґин!
Бӯ эвӣрӣ буґалāхун
иснарав; илан буґа
хунāд'ин бихив.
Уґӯ буґа хунāд'ин
Дэґикчӧн-ахāкāн
би бихим, гунэм.
Ділачā хэргидӧдӯн

ӧскерӣ Тіргакчāн-
ахāкāн — умӯнмун.
Умӯнмун — дулин
буґа ӧскечā
Ництэнӣ-этіркӧн
киливли Сӧкак
гэрбӣлкӧн ахāкāн ӧдан.
Мунэвэ эвӣндӯвэр
эвӣлдӣвкӧнд'ицахун?

Тікӧ гуниксӧкӧн этэрэн. Тāдӯ умӯн бэйэ турӧтчэрэн:

Дєц долє, долє!
Дєц долє, долє!
Эр-дӧ, эдӧл, гунэм,
уґӯ буґа-вит
сӧницилтін, эдӧл,
д'э, илан буґа
Кӧдак килӣвлилтін
эмэчӧл эвӣндӯвун.
Эвӣлдӣвкӧнцӧт
эмэчӧлвэ, бад'ан?
Минэвэ улгумӣрэкис,
би н'ан дулин буґа

Уха-этіркӧн
Утэлд'ин хутэн —
Сэлэмэ гӧґин
Д'ункулд'ин-Д'ункулкӧн
мата бинцэм-цэн.
Сӧкак-ахāкāн,
д'э, дорово ӧґин!
горово, гунэм-цэн,
бакалдічадуккар
ӧн н'экэйэчинин?
Ӧйа ичэнин? — гунэм.

Тāрит этэрэн. Сӧкак-ахāкāн, д'э, турӧттчэрэн:

Чими, чими торокāнєн!
Д'э, дулин буґа
Уха-этіркӧн хутэн,
Утэлд'ин-хутэн,
сэлэмэ гӧґин

Д'ункулкӯн-Д'ункулд'ин
эргу, уґу буґала
ӧкин эмэчӧс?
Би ӧва-да эчӧв
ичэрэ-дӧ, дӧлдіра-да.

Тāрит этэрэн. Тар нуцартін икӧниктутін икэнд'эрэ. Илалламāктӯ икӧнэ. Икӧниксӧл, икӧниксӧл нуцартін буґа буґалāвэр ӊэнэхинирӣтін ӧда. Д'э, Сӧкак-ахāкāн эннинми, аминми д'ӧнан. Д'ӧникса, амӣнтікӣви эннинтікиви мучуцāт ӧдан. Д'э, буґалāви ӊэнэхинӣксā, ахāкāн турӧтчэрэн:

Чими, чими торокāнєн!
Дiлачā хунāд'ин
Тiргакчāн-экӯй,
буҕалкāн буҕалāви
мучӯрӣдӯ элэкин ōдāн.
Энӣнми, амӣнми д'ōнам.

Энӣнми, амӣнми-вит
ōн бид'эрэ тiкин?
Горо ōдан амӣндукки,
энӣндукки эмэнэв.
Горо мудан порости!

Тāрит этэрэн. Д'э, цэнэхинэн, дэҕилд'эхинэн. Буҕалā цэнэрэн, айаннāд'ахинан. Айаннāчāкāн айаннāд'аран буҕалāви. Сōва горово буҕава цэнэчэ̄. Айаннāксāкāн, д'ӯлāви истан. Сагданчā энӣнин, амӣнин. Утэвэр эмэнэдӯн урӯнчэксэ̄кэ̄р, н'укāнимāтта хутэвэр. «Утэ, он н'экэйэ̄ксэ̄, цэнэнни? Ēма буҕалва н'экэйэ̄нни?», — улгумӣд'эрэ. Хунāд'итiн турэ̄тчэрэн, икэ̄д'эрэн:

Чими, чими торокāнєн!
Эн'э̄й, амāй,
би д'ӯр буҕава
н'экэйэ̄м-цэн,
д'ӯр буҕа-вит
сōниҕӣлбатiн
упкатпа ичэм,
бакалдiм-цан.
Дiлачā хунāд'ин
Тiргакчāн-ахāкāн
сōниҕ-ахāкāнн'ун
умӯндӯ уҕӯ буҕалā
н'экэйэ̄чэ̄в, гунэм.
Цэнэд'энэл-вит
уҕӯ буҕа хунāд'ин
Дэгикчэ̄н-ахāкāн

гунэрӣтiн д'ӯлāн
ишшāвун, гунэм.
Тар ихиксāкāр,
иланӣ уҕӯ буҕа
дуннэлдулэ̄тiн
ишшāвун, гунэм.
Сōниҕӣлтiн эвӣкӣт
дуннэлдулэ̄тiн
ишшāвун, гунэм.
Тāдӯ эвинмэ
эвӣксэ̄кэ̄р, хуйэ̄тчэ̄вун.
Упкат д'āлбун
буҕалāвэр мучӯчāтiн.
Би-дэ̄ н'āн буҕалāви
мучӯчāв, гунэм.

Тāрит этэрэн, тiкэ̄н гуниксэ̄. Тāдук тāдӯ бид'эрэ нуҕартiн. Орортiн сōҕур баран ōчāл.

4. Илан ахāкāр

Билир, билир дулин дуннэ ойодӯн, н'аҕн'а бимӣ чуҕурӯн чуҕурэ̄ҕэчин балдiд'аҕахин, ōскєчэ̄л бичэ̄л умӯн утук-утукэ̄ндӯ ахāл бимӣ илан бичэ̄л. Илан ахӣ, иланӣ. Авгӯватiн умӯтэл калачӣхал бичэ̄л: мэ̄мэ̄дӯвэр аставкил, улэ̄вкил бичэ̄л. Д'эвгэ̄йэвэр мэ̄нмэ̄нцӣвэр д'эвувкӣл бичэ̄л. Иланӣ мōйавар мōлāвкӣл бичэ̄л. Нуҕардӯтiн умӯн оронтiн, умӯн нинатiн āчин бичэ̄н. Илан бимӣ эвкӣл сэхэргэстэ бичэ̄л, ēкӯнма-дā эвкӣл улгучэ̄мэ̄ттэ бичэл. Мэ̄ртiн тāдӯ балдiд'ара. Тар балдiд'анал, нуҕартiн бимӣ бид'эчэ̄л. Умӯн Сēкак-ахӣ гунмурӣ, умӯн ахӣ дулгӯтiн Мэҕукчэ̄н, умӯнтiн Дэҕикчэ̄н-ахāкāн бичэ̄н.

Тар эхилэ̄ Сēкак-ахӣ турэ̄тчэрэн д'алтiкӣви, д'ӯр нэкӯнтiкиви:

Дєвєдāрєко!
Дєвєдāрєко!
Мэҕукчэ̄н-дэ̄,
нэкӯйэй-дэҕэн,
дōлдiкал-даҕан

би турэ̄нмэ̄в!
Цэ̄рихӣ дiлачā
хэргидэ̄дӯн-дэ̄
ōскєксāкāр,
мит уп'амалāнтi

эчӣлтı сэхэргэттэ.
Би инэцмэ̄н
инэцӣдӯ-да̄
би сэхэргэктэ!
Ӗма буҕадӯ
о̄скєкса̄ка̄р,
аҷад'ака̄р-да̄,
энӣн, амӣн а̄чин
о̄н балдӣча̄т?
Гунчэрэс су?

Мит уранкай
аҕӣ бэйэцин,
о̄н эмӯкир иланӣка̄н
о̄скєчэ̄т, бид'иҷэ̄н?
Ӗракин-да̄
митнэ урэ̄чэ̄л
уранкай бихӣ, бид'иҷэ̄н?
Сӯ са̄рэс-дэн,
бид'иҷэ̄н, багар?

Тар тıкэ̄н гунӣксэ̄кэ̄н, этэ̄ттэн турэ̄читтэ. Та̄дук Мэцукчэ̄н-ахӣ турэ̄тчэрэн:

Кємо-о-о-нин!
Кємо-о-о-нин!
Д'э, гунэ-эм!
Экӣнд'э-цэн,
гунд'эм-цэй,

сӣ дıлача̄ва
н'о̄ҕут ичэчэ̄!
Сӣ-ҕӯ, са̄мӣ,
са̄мча̄с-да̄.
Би о̄н са̄д'иҷа̄в?

Тıкэ̄ гуниксэ̄ тар этэттэн турэ̄чиксэ. Тар тıкэ̄н гунэкин, Сӗкакахӣ н'ан турэ̄тчэрэн:

Дєвєда̄рєку!
Дєвєда̄рєку!
Д'э, гунэм-цу
Мэцукчэ̄н, н'экэ̄,
Д'э, гунэм-цэн,
дулин Сивир-дуннэвэ,
Кейан-дуннэвэ
н'экэйэ̄рӣл

бичэ̄л бимӣ,
мит аха̄ка̄р
буҕа тэкэ̄нмэ̄н
гиркумча̄лтı!
Эр буҕадуккар
мит цэнэмчэ̄лтı!
Ӣлэ̄ иссаҷа̄т?

Тıкэ̄н гуннэ этэттэн турэ̄чиксэ. Мэцукчэ̄н-аха̄ка̄н н'а̄н турэ̄тчэрэн:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Д'э, гунд'эм би,
Би-лэкэ, гунэм,
бугадукки,
н'ама д'ӯдукки
эхӣ горолло бихим.

Сӣ д'аличӣ бимӣ,
Кейан-дуннэвэ,
Сивир-дуннэвэ
н'экэйэ̄цэт бимӣ,
ба̄гар цэнэрэкис,
этэ̄м танчэрэ,
гунд'эм-цэн.

Тар этэрэн. Сӗкак-аха̄ка̄н гуттэн:

Дєвєда̄рєку!
Дєвєда̄рєку!
Би аха̄ка̄н
турэ̄нмэв
до̄лча̄ткэллу!
Д'э, дулин
дуннэвэ
ахун-ка горо

дуннэвэ дєлэй,
ахун-ка эмцэ
дуннэвэ-цэн
би ахакан
тıма̄нна-цан
инэцидӯ
айанна̄д'аҷа̄в!

Тікӭн гунӣксӭ этэрэн. Д'э, тар Мэҥукчӭн-ахӓкӓн:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Сӭкак-экӭй!
Си ахумӣ,
горо дуннэвэ
ҥэнэдӭви
ҥэпэксӭпни?

Тікӭ гуннэ, этэрэн турӭчиксӭ. Умӯнтін эхин турӭттэ, д'улӭскӭкӣ тэҕэчиттэн, так дӧлчӓчиттан. Д'э, нуҥартін сиксэрвэ д'эбгӭвэр д'эптэ. Д'эбуксӭкӭр, ӓхина. Тімӓтна эрдэ тэҕэрэ. Д'эбгӭвэр д'эптэ, н'ан мӭрдӯвэр улӭттэ. Тар ахӣ бимӣ д'эптӭви этэрэн, тіҕэви камӯйран. Урбӓкэви уҕӣскӣ ойоҥӧптуран, н'уриктэлви айат уттан, билатни билаттӓран, сӯксалби сӯҕран. Д'э, ҥэнэхиндӭви йӯхинэн. Д'э, йӯксӭкӭн, уркэви дӭптікӣ иллан. Илӣксӓкӓн турӭтчэрэн:

Дєвєдӓрєко!
Дєвєдӓрєко!
н'экӭйӧл-ҥэн,
д'э, горо мудан
поросай, гунэм,
айат бикэллу!
Иникин бимӣ,
ӭма-вал дуннэ
Кӭдан киридӯн
бакалдӣд'аҥӓт
багар-ҥан!
Дулин дуннэвэ,
манни мӭванд'иви,
манни акӣнд'иви
д'алдӓчиксӓкӓн,
д'э, гиркухинам!
Минҥэчин
ахӓкӓн-ҥан
йдӯ эҥнэрэн
тӓкэчанд'и
таҥара?
Йду тіладалӓви
ҥэнэд'иҥэв?
Синэви бихид'ин
ҥэнэд'иҥӭв.
Поросай биҕин!
Мудан горо
поросайвэ гӯкэллу!
Айат бид'экэллу!

Тар гунӣксӭ, тар этэрэн турӭчӣксӭ. Ҥэнэд'эхинэн. Тар эмӭнмурэ. Сӭкак-ахӓкӓн айаннӓд'аран. Д'улӭви айаннӓд'ана, инэҥ дулиндулӣн айаннӓд'аран. Айаннӓксӓ, нуҥан — «Д'э, умӧ!», — гуннэ, эхин таҥара. «Умӧ», — гуннэ, мӯвэ эхин умна, айаннӓттэн. Д'э, тар ҥэпэксӭ, умӯн буҕалӓ эмэрэн. Ӭкӯндук-тӓ айа куҥтікӭ-дуннэ: чукалкӓн, эхӣ авгун авданначӣ буҕалӓ истан. Ахӣ тар, ихӣксӓкӓн, адулӓран, муннӣран. Муннӣнэн — умӯн буҕадӯ ӓмут бихин. Ӭдук-тӓ айа ирас мӯлкӭн-мӯчӣ, туҕэнӣдӯ-дӭ эхӣ доҥоторо ӓмуткӓн бичӭ. Тӓдӯ ичэнэн — арӓснай айа н'икӣ, н'уҥн'акӣ дӧкӣчитін буҕа бичӭ. Тар ахӣ д'иктіргєттан. Д'э, ӓмут хулидӯн иҥанд'а бичӭ. Тӓдӯ тэҕэрэн. Тэҕэксӭ, нуҥан турӭтчэрэн:

Дєвєдарєко!
Дєвєдарєко!
Гунэм-ҥэн
Дулин Сивир
дуннэдӯ
хуҥтутікӣн
дуннэл биттэ.
Эргэчин-ҥэн
эхӣ авгуна
авданналкӓн,
илан халагӣлкӓн
солко лэкэпнэ
балдіттан-ивит!
Эргэчӣн айа
йӯктэ мӯлкӭн-дӭ
туҕэнӣдӯ-дӭ

эхӣ доҷоторо
мӯлкӭн ӓмут!
Эрдӣн баран
дэҷӣ дэҷичӭн
оҷкойкӣчӣлтін.

Эмэчӭ дэҷӣ
экӣчӣн илтэнэ,
эхин илтэнэ
дуннэ биттэн.

Тар ахӣ «би ахӓкӓн, ӭдӯ олоксо, ӧрӣдӯ д'алив олус», — эйӭттэн. Тікӭн гунӣксӭкӭн тар этэрэн. Ахӣ д'ӯдукки эмэхинми, котонд'ово эмӯвчӭ бичӭ. Тар ахӣ авсави н'ӓн эмӯвчэ бичӭ, ун'аптӯнми ахӣ гадан. Гаксӓ, анҷӯ ҷӓладӯви котови д'аваран. Тікӭ турӭтчэрэн:

Дєвєдӓрєко!
Дєвєдӓрєко!
Гуд'эй айа дуннэ,
би ахӓкӓн
ӭдӯ олокучӓ,
буҷалӓчӓ бимӣ,
ахун дэҷивӭн
сӓмчӓв-дӓ?!
Эрбӭн баран
дэҷи дэҷичӭн
н'экэйӭрӣн буҷадӯ
Ӗракин-кӓт,
ӧн-дӓ бихикин,

дэҷӣвэ д'эннэд'э
эмэрӣн буҷа бичӭ.
Битэр ӧкӯн-мал
ӧхикталкӓн
бэйҷӭ, багар,
миндӯ вӓвд'аҷӓн?
Эр буҷадӯ
умукӣчӣ дэҷӣ
умуктан-дӓ
умуракин-дӓ,
д'эннэд'э, багар,
эмэрӣн буҷа, бид'иҷӭн!

Гуннэ, тар тікӭн гунӣксӭкӭн этэрэн. Тар ахӣ н'ӓн турӭтчэрэн:

Дєвєдӓрєку!
Дєвєдӓрєку!
Би д'оличӣ-да
бихикив,
би ахӓкӓн
эр умӯн тоҷорӣчӣ
котовов уҷӣскӣ
н'аҷн'алӓ гарадам!
Миндӯ, гӯнэн,
діҷин алгачӣ
сэлэмэ дэлкӭн

ӧкал! Ӧкал!
Тӓдук эр
би ун'акӓптунми
гарадам-ҷан,
турӭнми итчин
итчирбӯксэ,
би ун'акӓптунми
чӧрама д'укчанд'а
ӧкал! Ӧкал!
Мӭндукки д'эвгэчӣ,
Мӭндукки тэтічӣ!

Тікӭн гунӣксӭ, тар ахӓкӓн уҷӣскӣ гарадӓран ун'ӓптунми, котови. Гарадӓксӓ, ахӣ уҷискӣ ичэхинэн. Ичэхиниксэ, уҷискӣ ичэхӣнэрӣ — сигділӭдӯн айа куҷтікӭ дуннэлӭ, діҷин халгачӣ сэлэмэ дэлкӭн ӧкса, тіктэн. Д'ӯн н'ӓн ӧн гуннэгэчин тіктэн. Тӓдук д'ӯлӓви инэн. Айа тэті бутунну бэлєн, д'ун дӧдӯн, араснай д'эвгӭтін ӧдан. Тар ахӣ тӓдӯ бид'эрэн. Тӓдӯ ӓнҷэрэн. Ӓнҷэксӓ, тімӓнна тэҷэксэ, тулӣскӣ йӯвӭттэн. Йӯвӭчиксӭ, ӓмуд'иҷҷи ичэттэн — никӣ сӧма баран. Ахӣ д'ӯлӓви ӣрэн. Уркэви сӧмуксӓ, тэҷэрэн. Тар ахӣ айамат тімар д'эвгӭви ӣриксӓ этэрэн. Этэксӭ, д'эбулдӭви н'экэд'эрэкин, арай ӧкӯн-кӓ тулгидӭдӯн иҷин инҷурэн. Инҷурэкин, ахӣ уркэви саҷардулин ичэттэн. Дӧлчӓттакин, арай уркэдӯн ӧкӯн-кӓ бэйэ инми тікиврӣгэчин инҷӯрэн. Тар н'экэксӭ, турӭтчэрэн тулӣлӭ:

Кударийа, кударийа!
Кударийа, кударийа!
Минци āмуд'ицлав
ӧкӯн итчин эмэчӧ?
Нопонтіл анцанӣлдӯ
цӣйэ-дӧ бимӣ,
уркэви нӣкэл!

Д'эпнэд'э бимӣ,
химāт д'эбд'ицӧс.
Вāнад'ā бимӣ,
химāт вāд'ицāс.
Айнад'а бимӣ,
химāт айд'ицāс.

Тікӧн гуннэ, тар этэрэн турӧчиксӧ. Тар ахӣ уркэйи нӣрэн. Нӣнэдӯн арай мата ӣрэн. Тар ӣнэдӯн ахӣ малудӯви тэґэвкӧнэн. Тэґэчӧлӧн, ахӣ турӧтчэрэн:

Дєвєдāрєку!
Дєвєдāрєку!
Мата, гунэм,
дорово, гунэм.
Ӗйа дӧлдінни?
Ӗкӯна ичэнни?
Иргит тэґэлкӧн?
Иргит ництэлкӧн?

Иргит сӧксэчӣ
бихинни си-ґӯ?
Дєвєдāрєку!
Дєвєдāрєку!
Ӣлӧ айаннāд'анни?
Мата-бэйэ,
энӣнни, амӣнни
цӣйэ гэрбӣчӣл?

Тікӧн этэрэн. Мата турӧтчэрэн:

Кудєрйэй, кудєргийэ!
Кудєрйэй, кудєргийэ!
Си, ахāкāн, эдӧ,
улгумӣнэдӯс
д'э, улгучӧниктэ.
Би эмӯкин ӧскєрӣ
Умӯсни гэрбичӣ

мата бихим.
Си, ахāкāн, эдӧ,
иргит тэґӧлкӧн?
Цӣйэ гэрбӣс?
Улгучӧкэл-кэн!
Эр бугалā эмэнэс
ахун горо анцанӣ ӧдан?

Гуннэ, улгумӣтс'эн. Ахāкāн гунэн:

Дєвєдāрєку!
Дєвєдāрєку!
Гунэм-цэн.
Мата-бэйэ,
улгучӧниктэ.
Би — дэґици,
би энӣнми āчин,
амӣнма эхим сарэ.
Гэрбӣв Сӧкак
акāкан бихим.

Би балдīд'āк буґав
дулин буга
Сивир-буга.
Д'ӯр ахӣ-цан
нэкӯчӣ бихим.
Тарицӣлби
утэн д'ӯвар
этэвнэл-дӧ
мӧнӧчӧтін.

Тікӧн гуниксӧ, ахāкāн этэрэн улгучӧниксӧ. Мата турӧтчэрэн:

Кудєрйэй, кудєргийэ!
Кудєрйэй, кудєргийэ!
Би-бэйэ, гунэм-дӧ.
Сунтар сураккас
Дӧлдīчāв-дā.
Билир гуницкӣтін
дэґил сэхєргєрӣвэтін.
Илан Сивир ахāкāнин,
иланӣ умӯндӯ-цэн

ӧскєд'эрэ, гуннэл,
сэхєргєцкӣтін
Тāрā би илан Сивир
матава гэлӧктэлнэв,
илан анцанӣ-копукин
д'алуптан-цан.
Дэґи баранмāн
ахактана, эмэд'энэ,
д'э, бакам би.

Тар тікӘ гуннэ этэрэн. Туйӯрэн, ӧран матадӯви. Этэрэн туйӯксӘ, тāдӯ нуцан āнцэрэн. Д'э, д'ӯр бинэл сэхэргэттэ, улгучӘмӘчиттэ. Тар мата, āнцэксā, тімāнна эрдэ тэҕэрэн. ТэҕэксӘ, нуцан д'эвгӘйэвэр д'эптэн. Мата, тар ахӣва дӧптіки тэҕэксӘ, турӘтчэрэн:

Кудєрйэй, кудєргийэ!
Кудєрйэй, кудєргийэ!
Ахāкāн дӧлдīкал
би сэхэнмэв, улгучӘннэвэв!
Уйдєкал-дā!
Д'э, би бэйэ,
уркӘн-куцакāн
нāд'эривāн, нāдавāн

Эйӣнни, амӣнни бихикин,
амӣндукис улгумӣмчэв.
МӘндукки гиркичи бими
н'ан турӘнд'и
улгумӣвкэнимчэв.
Си, ахāкан мӘнни
сагдı илча, ахи бихинни.
Тāра мӘнни-дэ

си мӘнни сāнни.
Аҥад'акāн-бэйэ
умӯкин ӧскєчӘ бэйэ,
би канийа āчин,
д'ӯйа āчин бэйэ.
Д'уйави гэлӘктэмӣ,
н'экэйӘри бэйэ бихим.

д'алдуви д'алдачакал!
Эхӣ суглєрӣ бимӣ,
багар «этӧм» гукэл!
Маца турӘн эчӘ бихӣ.
Экэл халд'атта!
Кудєрйэй, кудєргийэ!

ТікӘ гуннэ этэрэн, турӘнми бӯрэн:

Дєвєдāрєку!
Дєвєдāрєку!
Мата-бэйэ,
си-дӘ гунэрӣс
турӘн буҕаскӣ

эчӘв-дӘ бихӣ.
Би аҥад'акāн
ахӣ бихим.
Ӗван этӧм суглєра?

ТікӘ гуннэ этэрэн, турӘнми бӯрэн:

Дєвєдāрєку!
Дєвєдāрєку!
Д'э мата-бэйэ,
си минэвэ
тэд'Ә мӧванд'иви,
хāкинд'иви
д'алдāрӣ д'алдāксā,

тэд'Ә умӯнду
умӯнэйэт д'ӯри
умӯнӯнцэтіл бими,
курумн'авар
ӧкукана бакаракит,
айа бимчэ!

Тікэ гуниксӘ этэрэн. Мата турӘтчэрэн:

Кудєрйэй, кудєргийэ!
Сивайбава бакаврӣ
маҥа эчӘ бихӣ

Эр-ті инэцмэн
сивайбавар ӧшшан!

ТікӘн гуннэ этэрэн. Тарит мата тулӣски йӯксӘ, алацави, н'урви инихӣнӣксӘ, тар цэнэрэн. ЦэнэксӘ, сивайбайэви бэйӯрэн. БэйӯксӘкӘн, тар-ті-дāт, инэц дулинин эд'элӣн ӧра, эмӯврэн умӯн анам бэйунмэ. Тарицитиар нуцартін сивайбара. Тāдӯ бу-

ɣайавар бакара. Нуңартин д'ӯчӣл, ӗйачӣл ӧра. Ахӣ этиркӗнңин сӧма бэйңӗвэ вӑвкӣ, дэɣивэ вӑвкӣ бэйэ бичӗн. Бэйңэңин, вӑракин, вӑракин, манавран даɣӑдӯн, дэɣиңин н'ӑн манавран. Сӑксӑл, эллэ н'экэйӗрэ, цӗлэлчӗл. Тӑдӯ бид'эрэ. Адӣ анңанйва бинэвэр эчӗ сӑрэ.

Тар н'экэд'энэ умӯн утэтин балдиран. Хуркэкӗн-куңакӑн балдӣчӑ. Уркӗн-хутэтин сӧма айа куңакӑн, олус айа, ирас бичэ. Утэтин эмкэдӯви тэɣэчйвки ӧдан. Куңакӑн миркйктэвкӣ, гуркӯктавкӣ ӧдан.

Тар бид'эрэктин, тимӑнна эрдэ арай ӗкӯн-ка иɣин эмэрэн. Тар эмэнэдӯн этиркӗнңин бимӣ, уркэвэ нйксӗ, ичэрэн. Арай дилачӑ тикйптиɣид'ин эхӗ эмэрэн. Д'ӯткӑкйтин эмэд'эрэн, бэйӯкйт ӯд'алйн. Бэйэ алацави гадан, н'урви гадан. Гаксӑ, йӯрэн. Нуңанмӑн гарпад'аран. Гарнанан н'урин, ичэчиткэр бихикин, олукин гарпаран. Гарнанан н'урин чӑклӑн йӯрэн. Тариңин тиктэн. Эхӗңди бэйэ, туксана цэнэксӗ, ирихинан д'ӯлӑйи. Ирихинйксӑ, уркэдӯви нӗдэн. Тариңди наннавӑн хигрэн. Сӧма бургу эхэ бичӗн. Тариңди д'эптэн. Тариңди д'эбуксӗ, илаллава ӑнңэрэн. Илаллава ӑнңэчйксӑ, тимӑнна эрдэ ӗкӯн-ка турӗнин бихигэчин дӧлдӣттакин, арай турӗн бихин тулйлӗ:

Цеңде, деңде!
Цеңде, деңде!
Д'э, гунэм-ңэн
си-и-гилэ
умӯнд'и-ɣӯ
балдирй-д'ен,
Умусни-д'ан
мата-бэйэ,
эдӗ, дорово
н'ӧрйд'эɣин!
Минциви-д'ен

качйкӑнмэв
ӗкӯн вӑран?
Ноноптидӯ
анңанйлдӯ
сураккас-кат,
эңкйв дӧлдӣра.
Мулӑ! Мулӑ
качикӑнмэв!
Ёкӯн уха
буруйдулйв
вӑнни? гунэм.

Гуниэ тар тикӗ этэрэн. Умусни турэтчэрэн:

Кудерйэй, кудерйэй!
Д'э, гунэм-ңэн
Д'э, бэйэ-мата,
айдан авахӣ,
эдӗ, си-ɣэн, гӯнэм,
качикӑнмас

би-ɣэн эчӗв вӑра!
Качикӑнми бимӣ
ӗдӑ тинчӗс?
Ёкӯпма-дан
д'оромовкӧндӑви
тинчӗс, гунэм.

Тикӗ гуниэ этэрэн. Д'э, авахӣ бимӣ турэтчэрэн:

Цицде, дицде!
Би-кэ, гунэм,
качикӑндулйи
ӗкӯна-ңан
тамад'ицас?
Тавар хуркэн
хутэйэви

амңав дӧлйи
гарадӑкэл!
Элйв д'эптэ
илйтин бӗɣа ӧдан!
Дицде, дицде!
Дицде, дицде!
Ахйви-да

миндӯ буд'иҷӧс!
Бурэкис-тӓ,
эксэчим би.
Ёракин-дӓ.

Сӧкак-ахӣвас.
эхикис-кэт
бурэ, тітэчим!

Тарит этэрэн. Тар этэксӧкӧр, бэйэ йӯрэн тулиски. Йуксӧкӧн, мата авахӣва кукускӓттэн. Авахӣ хӧнниттан. Енниксӓ, нуцартін кухилӣттэ. Авахӣ сӧма сӧниц, эҷэхи бичэ. Нуцанмӓн Умуснӣ-мата илан инэцӣдӯ кейдӓви н'экэрэн. Эҷэт тірэрэ ӧдан. Тар кухӣд'эрэктін, хутэн соцод'орон эмкэдӯви эмкӯлэчэд'энэ. Хутэн тар соцод'оно турӧтчэрэн:

Гӧц гӧронин!
Гӧц гӧронин!
Гӧц гӧронин!
Гӧц гӧронин!
Сӧкак-эн'эй,
д'э-гӧҷэй,
си-лэ тавӓр
тавӓр-гу-цан
ичэкэл-цэн!

Сӧкак-эн'эй,
д'э, гунэм,
си ӧва сана,
тэҷэтчэнин?
Умуснӣ-цэн
амӣви-да
д'эбдӓви-дӓ,
вадӓви-дӓ
н'экэрэн авахӣ.

Тікӧ гунӣксӧ этэрэн. Этэчӧн. Горокӧнмо бичӧлӧн авахи турӧнин ӧдан:

Дицдє, дицдє!
Умуснӣкӧн
этіркӧҷҷэс
вӓм-дӓ би!
Д'э, эхӣлэ,
химӓмӣйат
ӧкӓкӓрби
камӯйд'акал!
Мит цэнэҷӧт!
Химӓмӣйат
камӯйд'акал

уркӧн-хутэви!
Уха бэйэ-цэн
хутэвӧн-цэн
ӧкӯнави
эксэд'энни?
Ката би
эхӣткӧн-дӓ
хакичарбан,
мӧвачарбан
такалад'ицав!

Тікӧ гуниксӧ этэрэн. Ахи бимӣ соцорон. Соцод'оно, турэлкӧн ӧксӓ, турӧтчэрэн:

Дєвєдӓрєко!
Дєвєдӓрєко!
Биргэл ӧда!
Д'э, би авахӣ
амцадӯн-дӓ
ацанинниксӓ,
балдӣчӓ-дӓ,

бӧллагам!
Би-вэл, инэкин
сулабӯкса,
ӧва ц'экэд'эм?
Д'эбцэт бими
д'энкэл минэ!

Гуннэ этэрэн турӧчиксӧ. Тар ахи тулиски йурэн. Тулиски йӯксӧ, нуцан авахин'ун кухиллэн. Кухид'эрэн ахи д'ур инэцилкӧн долбонӣмактӯн, эчӧ-лэкэ дабдара, кетарра. Илалладӯ кухӣд'эрэн. Илалладӯ кухӣксӧ, авахи турӧтчэрэн:

Дицдє, дицдє!
Д'э, гунэм-цэн,
би дулин дуннэдӯ

хуцтутікир
сопицӣлн'ун
кухӣми-дӓ,

илалладӯ
эвкӣ улӭвкӭнэ
бичӭв-дӭ!
Ӗдӯ сатаран

ахӣ ӧча?
Балдӣчӓн-цан
эргэчин-цэн
олус ахӣ!

Тікэн гунӣксӭ, авахӣ этэрэн турӭчиксӭ. Д'э, тар ахӣ турӭтчэрэн:

Дєвєдӓрєко!
Дєвєдӓрєко!
Авахинд'а,
си амцас дӧлӣн

амцадӯс
эхӣ батта
ахӣ бихим!

Тікӭн гуннэ, ахӣ турӭтчэрэн-ивит. Н'ӓн илаллава кухӣрэ. Н'ӓн эчӭ дабдара. Ахӣ авахӣва кейцӓткачин ӧран. Авахӣ н'ӓн турӭтчэрэн:

Дицдє, дицдє!
Д'э, гунэм,
Сӗкак-ахӣ,
нононті-дӓ
анцанӣдӯ
ухат ӓчин бичӭн.
Этэгӭт-тӭ!
Эгӭт кухӣрэ! —

гунэм би.
Ӧкин-дӓ-ден
кейрӣлӓви
бихинни-д'ен!
Би синэвэ
алтачим
айа турӭнд'иви!

Гуннэ этэрэн турӭчиксэ. Ахӓкӓн н'ӓн турӭтчэрэн:

Дєвєдӓрєку!
Дєвєдӓрєку!
Би, ахӣ, гунэм
этіркӭццэв
вӓнэвӓс-та
ӗкӯнд'и-цэн
кӧталӓксӓ,
бокондӧви бӓ-
д'эн?

Аран кӗйӣксӓ,
би эхим этэрэ.
Арай этӣркӭццэв
нонон бинэгэчӣнин
арӣвуксӓн ӧрӣ
нононтігачӣн
бид'ӭктулӭн
ӧвкӓнэкис,
эмчӭв вӓра.

Тікӭн гунӣксӭ, этэрэн турӭчиксӭ. Д'э, авахӣ гунд'эрэн:

Дицдє, дицдє!
Д'э, гунэм би,
этӣркӭццэс

арӣвд'иӊӓр!
Экэл вӓра-дӓ!

Авахӣ нуцандӯн таргачин эцэхӣ бэгӭ бичӭ. Тарӣцци арӣвучӣллан. Авахӣ Умуснӣвэ бэгэдӭрӭн, арӣвран. Умуснӣ-бэйэ бэйэтпи ӧдан. Ӧчӓлӓн, ахӣ, авахӣва олуктукин д'авaксӓ, ӧцкӓнтікӣ тірӭрэн. Тірӭксӭ, нуцанмӓн котонд'отпи ӯрйэвӭн хуптӣрэн, вӓран. Тар вӓксӓ, д'ӯлӓви цэнэрэн. Ахӣ Умуснӣн'ун уркӭн-хутэн'унмэр бид'эллэ.

5. Мэкигдін

Билир, билир, дуннэ дулкӓкӣндӯн мӧ бимӣ, чукагачин элэкэс йӯд'эцэхин, ӧскєчӓ, урэ бимӣ элэкэс кирагинцачин томторгод'оцохин, уранкай ӓчин бицэхин, тар тӭлӣкӭкӯн бэйцӭ д'огор

биңэхин, хэгдіңэ̄ ирэ̄ктэ а̄чин биңэхин, эр бэйэ бими о̄скєд'ача̄н. Эр бэйэ д'ӯйавӣ о̄вкӣ бичэ̄, кира п'ахамнава утэнэви. Нуңан тар бид'энэ д'эвгэ̄йэви ē ка̄ка̄нма д'эбувки бэйэ бичэ̄. Мо̄ңин, тар бид'эрэкин, хэгдіңэ̄л о̄ча̄л, ихэвчэ̄л. Д'э, тар бэйэ дэгиңин уғӣдэлӣн баран дэгӣктэвкӣл бичэ̄л. Д'э, тар бэйэ эйэ̄читтэн, д'эбгэ̄йэви ва̄тīкса̄. Д'э, тар бэйэ дӯмайд'ача̄ умнэ̄кэ̄н. «Би нуңардуктін ē ма албахитни ва̄тīд'эңа̄в?», — гуниттэн. Д'э, тар бэйэ мо̄ илака̄ва̄н гастан. Тар гакса̄ка̄н, томкоршон. Томкоксо̄, нуңан хуркайави о̄ран. О̄кса̄ка̄н, нуңан умӯн а̄муттула̄ ңэнэрэн. Та̄дӯ нуңан хуркалби дэғӣдӯ оңкокиттӯтін тулэрэн. Тар тулэксэ̄кэ̄н, нуңан д'ула̄ви эмэрэн. Тариңңи эмэксэ̄кэ̄н, д'ӯдӯви а̄нңэрэн. А̄нңэкса̄, тіма̄тна эрдэ тэғэрэн. Тэғэксэ̄ эрдэ̄кэ̄н хуркалби ичэнэ̄рэн. Тар ичэнэ̄ксэ̄, никил хуркалдукин тағавра. Тарӣңилби инихинӣксэ̄ д'ӯла̄ви мучӯвран. Д'ӯдӯви иңңакталбатін истэн. Ихӣксэ̄, уллэтīрэн, д'энтэн. Д'энтэкин, ē дук-та̄ айа д'эвгэ̄. Д'э, тар бэйэ тарит д'эбувкӣ о̄ран. Тар бэйэ п'а̄н д'алда̄д'аран: «Би эр то̄кӣва ва̄кса̄, д'эбумчэ̄в, тар айал бэйңэ̄л бичэ̄л!». Д'э, эр бэйэ думайда̄кса̄ка̄н, бэркэ̄нми о̄ран. Тунңа бэркэ̄нмэ о̄кса̄ка̄н, умӯн бирака̄ндулӣ ңэнэрэн. Та̄дӯ хокторо̄нин, со̄ма айа хокторо̄нин бихин. Та̄дӯ бэркэ̄нми тулэ̄рэн. Тулэ̄ксэ, бэйэ эмэрэн. Эмэксэ, д'ӯдӯви а̄нңаран. А̄нңакса̄, тіма̄нна тэғэрэн. Тэғэксэ, бэркэ̄нми ичэнэ̄рэн. Ичэнэн — умӯн бэркэ̄ндӯн бэйун гарнавча̄, та̄дӯ тікчэ̄. Тара̄ ва̄рэн. Тарӣңңи бутунну, энэ хиғрэ, инихӣнэн. Иннэ, д'ӯла̄ви эмэрэн. Эмэксэ̄, тарӣңңи хиғрэн. Д'э, бэйэ д'энтэн. Д'э, эрдэйэ бэйңэ̄рӣ идэдэви бакаран. Бэйэ та̄дук сэмэксэ̄, баран толкӯйча̄. Д'э, нуңан алаңайави о̄ран. О̄кса̄, п'урйави о̄ран. Тарит бэйуктэвкӣ, гарнавкӣ о̄дан. О̄кса̄, нуңан д'ӯйави о̄ран то̄кӣ инңакталд'ин туғэлд'эн. Нуңан, д'э, бэйэ гэрбин Дулин буға омолгӣн Мэкигдін гунэрӣ бэйэ балдіча̄. Нуңандӯн нэкӯнин а̄чин. Тар бимӣ, нуңан думайда̄вки о̄дан. Нуңан горолдулӣ д'алда̄ттэн. Тар бэйэ бимӣ, нуңан: «Би эрдін баран бэйңэ̄вэ ва̄м. Тэлӣм, ē кӯнми ңиңив д'эбд'эн? Би ңэнэктэ! Ңэнэви амңави бакад'иңа̄в. Умӯн утук-утэндӯ дуннэвэ энэ гиркура, сагдандāви п'экэм? Буға тэғэ̄нмэ̄н энэ ичэрэ, сагдандāви п'экэм?». Эрбэ̄н д'алда̄кса̄: «Би ңэнэңэ̄т бихим, буғава тэғэ̄нмэ̄н ичэдэ̄ви!». Тар думайда̄кса̄, а̄хинча̄. Тар ахинӣкса̄, тіматна эрдэ тэғэчэ. Д'э, тар тэғэксэ̄, тіма̄тна ē ка̄ка̄рд'и камуйча̄. Нуңан умӯн наннава тэнкӯйэви о̄ча̄ бичэ̄. Тар о̄кса̄, та̄дӯ иргихэви тэвчэ. Тариңит инихинӣксэ̄, ңэнэ̄хинчэ̄. Ңэнэхиниксэ̄, уркэдукви илара̄ гираникса̄, амаскӣ иллан. Иликса̄, нуңан утэнтікиви турэ̄читтэн:

Докє, докє, доонин!
Докє, докє, доонин!
Д'э, гунэм, инчэ̄лэ̄ви
ңэнэхиним би.

Утук-утукэ̄н,
до̄нд'а бимӣ,
горо-горот
поросай о̄ғин!

Тар бэйэ тікэн гуннэ, айанна̄д'ахинан. Мэкӣгдін мата бимӣ ңэнэрэн. Д'э, тар ңэнэд'энэ, нуңан умӯн буғадӯ сиксэрэн,

аңцаран. Аңцэксā, тімāтна эрдэ цэнэхиндāви инми хэркэрэн. Хэркэксэ, цэнэхиндāви инихинэн. Инихинйксэ, д'улэскй ичэттэн. Ичэтнэн — ёкўн-кā эмэд'эрэн нуцантікāкйн. Эмэд'эрйвэн ичэттэн — арай эхэ. Сома хэгдиңэ эхэ эмэд'эрэн. Бэйэ думайд'аран: «Нуцанмāн би вāрйдў вāксā, уллэвэн д'эбд'иңэв,» — гуннэ д'алдāран. Алаңави бэлэннэран. Бэлэннэксā, гарпадāви н'экэрэн. Думайдан тардалāн даҕамāран. Даҕамāд'ана, гарпадāви н'экэрэн. Тариңци эхэцин тэҕэрэн. Тэҕэксэ, турэтчэрэн:

Лурил, лурил,
Лурил, лурил!
Д'э, дулин буга
омолгйнд'ан,
Мэкигдиндʼа,
хутэ-ника,
д'оҕонэй эсилэ
эр-гу минэвэ
таварит, гунэм,
алаңанд'атни
иткалинни
минтікэкй?
Н'ёгў, н'урви
бэринд'иви
иткании-цэн?
Д'э, минэвэ экэл,
экэл гарпара!
Миндў никимнадўв
илан даричй
сэлэмэ куйиргй
бихин, гунэм.
Кэ, тāдў д'авакал!
Тэлй би синэвэ
сад'иңāв, гунэм.
Бэйэн-кў бэйэвэс
сад'иңāв, гунэм.

Д'э, бэйэ бими алаңави, н'урви нэд'эн. Нэнэн, эхэ эмэрэн, даҕалāн. Даҕалāн эмэчэлэн, Мэкигдин ичэрэн — тэд'эмэтi илан дарилкāн цонум сэлэ куйиргин ирд'аран. Тар эхэ: «Д'э, миндук, куйиргидукив д'авакал! — гунд'ирэң. — Бэйэглэ бимй, маннукал, айамат тўктэви бкал! Си минэвэ эхй токтотто бдакис, би синэвэ цэнэвд'иңэв!». Д'э, бэйэ д'аваран. Д'авакса, айамат маңа дуннэлэ халганми батканан. Эхэ д'укурйллан нуцанмāн ирихиндāви. Бэйэ нуцанмāн д'улэскй эхин тāнмукāна. Бэйэ эхэвэ амаскй бнкāниңнан тāниттан. Иларāкāң д'укурйхиниксэ, эхэ турэтчэрэн:

Лурил, лурил!
Лурил, лурил!
Дулин буҕа
омолгйн-дā,
Мэкигдиндʼа,
мата-бэйэ,
маңа, маңа
батканд'анни!
Д'авандʼас
маңа, маңа!
Ургэ, ургэ
бэйэ бихинни!
Лурил, лурил!
Д'э, Мэкигдин,
матандʼа, бэйэ,
Д'бпалви-ҕу
дблдічаткал!
Айат гунэм:
Д'э, дулин-цу
Сивир ситкивбн
д'э, д'ўрйкбн
гиркуцатıл бихип!

Цэнэксэл, айаннāд'ара. Д'э, тарā айаннāд'ана, эр бэйэ хэгдидэ хокторбндулā истан. Д'э, ихиксā, хокторбндулйн цэнэрэн. Цэнэксэ, хоктон илан буҕаскй хуйэнэн. Д'э, бэйэ айамат иликсā, хоктодўви хуйэнэвэн адулāран, муннйрэн. Муннйнэн д'эгинтікй хокто хуйэлдидўн арай долбохик диличй сўчāл. Д'э, бэйэ дулиндулй бихй хоктово ичэтнэн — аңцйдалā хокто бэҕин диличй

сӯчā. Д'э, бэйэ тāдук н'āн анцӯтін хоктово ичэттэн. Ичэтнэн — арай солко инцакталкāн мурин иргин иргид'ин сӯчāл ділачā йӯптуткӣн. Д'э, бэйэ тāдӯ думайд'аран: «Авгӯватін хоктово цэнэд'ицэ̄в, — гуннэ думайд'аран. Тар думайдаксā, цэхиндэви н'экэксэ̄, эхэ̄цци гунд'эрэн:

Докє, докє, доонин!
Докє, докє, доонин!
Си, эхэ, уранкай бихӣ
даґат илӣ бид'ицэ̄н
гунчэнин? — гунэм.

Эхэцин айамат хуклэ̄хинчэ̄. Уклэ̄хинӣксэ̄, амтатчаран. Амтачиксā, эчэ̄ амтара, туркэ̄врэн. Бэйэ, тарицци тікӯликсā, котор ирэ̄ктэвэ нэлгэгэлӣ суллурагар тāнэн. Тāниксā, дулин дулин хоколӣран. Хоколӣксā бэйэ эхэцци ділвāн н'анчурагар иктэрэн. Тар вāран, эхэцци ділвāн хōгран. Хōгиксāкāн, долбохик ділин локӯчарӣдӯн ділачā тікӣптікӣ ділицци локорон.

Лококсō, бэйэ цэнэхинэн. Бэйэ думайдāран: «Д'э, дулгӯтін ӯд'ава цэнэд'ицэ̄в». Тар дулгӯтін ӯд'ава цэнэхинэн. Тар цэнэнэтін ӯд'атін тартікӣ иритта, бэйэ мучунан — ӯд'ан āчин. Сōл-дā хэгдіцэ̄л бэйэл ӯд'алтін бичэ̄л биттэ. Бэйэ айаннāд'аран. Д'э, тар цэнэд'энэ, умӯн буґадӯ бэйэл ӯд'алтін ōмактал. Д'э, бэйэ: «Тар бэйэл ахӯлла гороло цэнэрэ? Бокончō бимӣ айа бимчэ̄». Тінӣвэнті ӯд'атін āчин. Тарицӣлба цэнэчэ̄, бокончō. Боконон — нуцанцачинин хэгдіцэ̄л бэйэл-вит. Тар амаргӣд'ин бокониксā, бэйэ турэ̄тчэрэн:

Доки, доки, доонин!
Доки, доки, доонин!
Д'э, гунэм эхӣлэ,
матал-бэйэл,
эдэ̄л-гӯ, доровойо
дōлдікаллу! — гунэм.
Ема буґа маталин?
Нийэ гэрбилкэ̄н ōдас?
Ичэнэлвэр, дōлдіналвар
улгучэ̄кэллу, гунэм.
Йлэ̄, гуннэл,
айаннāд'арас?

Тар тікэ̄ гунӣксэ̄ этэрэн. Этэчэ̄лэ̄н, бэйэ турэ̄тчэрэн:

Гурукāнєн, гурукāнєн!
Д'э цэнэдэ̄ бэйэ-дiґин
дороводӯс дорово ōґин!
Д'э, гэлтэрмэ-цэн
гэрбӣнд'эвэ-ґӯ
улгумӣрӣ ōдакис-кӯ,
д'э, улбулӣкэ̄н-цэн
улгучэ̄ннэрӣ бэйэ бихим.
Геруканєн, геруканєн!
Гэ, си-кэ гуннэ-дэ
эдэ̄, сунтар сураканэв
улгумӣрӣ ōдакис,
йэґин йэ̄нэ уйӣлдідӯн,
д'анкун булд'ар бакалдідӯн,
ирэ̄ктэ мō сувэрэ̄ндӯн
тӯмнэйилкэ̄н, гунэм-цэн,
сōнин-бэйэ гунэрӣтін,
Ирэнӯчэн-бэйэ бихим.

Д'э, гиркӣвэ̄н н'āн улгумӣд'эчэ̄н: «Миті бэйэцит?». Мэкигдін улгумӣрэн: «Си ēма гэрбӣчӣ бихинин?», — гуннэ, улгумӣрэн. Чāґӯ бэйэ улгучэ̄рэн:

Даву, давукєнин!
Даву, давукєнин!
Эсилэ Мэкигдін-мата,
си, эдэ̄, дōлдікал!
Би улгучэ̄никтэ:
дулин буґадӯ ōскєчā,

д'апкун кадаґа,
д'апкӣдӯтін ӧскєчā
Каданӯчāн гэрбӣчӣ,
мата бихим-ӊэн.
«Йлӭ, — гуннэ, —
айаннāд'анни?»,

улгумӣрэкис-ӊэн,
Ділачā йӯптулӣн
ділачā хунāд'ин
ахāкāндулā-вит
айаннāд'ам би.

Кэ, тар нуӊартін улгучӭмӭчӣксӭкӭн, иланӣ умӯндӯ айаннāхина. Тар ӊэнэд'энэл, умӯн бирава эйӭкӭкӣ итчэрэ. Д'ӯр тӭрӣӊин урэ бӧм ӧдан. Бэйэл урэвэ хӭндулӣн ӊэнэттэ. Д'э, бэйэл бӧм эрґӣдӭн мудандулāн иста. Иснатін урэ тӭрӣндӯн сӧма хэгдіӊӭл сӧниӊил сэлэмэ палкачӣл илитчара. Мэкӣгдін амардуктін ӊэнэд'эчӭ. Тар сӧниӊӣлдулā ишшāл. Ихиксакар, сӧниӊил нуӊарватін ичэчӭл. Мит бэйэӊӣлті турӭтчэрэ сӧниӊӣлтікӣ:

Герукāнін, герукāнін!
Герукāнін, герукāнін!
Йлӭ-кэгу хэдэрӣтін
бэйэлті-ӊин

Котор йӭнэ-бира?
Д'ӯр тӭрӣӊин урэйэлдӯ
ӭкӯнма-ґӯ тіксутмӣ,
ӭкӯнма-ґӯ этӭвд'эрэс?

Тарил бимӣ турӭтчэрэ:

Н'эриґи, н'эриґи!
Н'эриґи, н'эриґи!
Тіли, тіли!
Бу-бэйэл тіксӯтчэрэв,
«Ӭкӯн нāдадӯн», —
Гунэкис-ӊэн,
ділачā хунāд'ин
Н'унурмэк айа ахāкāн
«Дулин буґа омолгӣн
сӧниӊ-бэйэ Мэкигдін
эмэд'эрэн», — гуннэвэтін

дӧлдіксāкāн, гунэм,
ділачā хунāд'ин
«Этэвкэллу! — гунчӭн, —
Каравкаллу!», — гунчӭн.
«Би буґалāв эмэмӣ,
айава этӭн ӧра, —
гуннэ. — «Эрэ буґава
экэллу хэдэвкӭнэ!», —
гуннэ, мунэвэ
этэвувкӭнӣлчӭн.

Бэйэл тāдук тікӯлдіксāл, лэгӣмӭчилчӭтін. «Сэлэмэл палкалд'ивар ділилбахун н'апчуд'иӊāвун!», — гӯнэ. Д'э, Ирэнӯчӭн бимӣ гунд'ирэн: «Д'э, би н'ӧрāкта! Минэвэ нонон вāмӣ, вāктін — сагді бэйэвэ», — гунд'ирэн. Тар бэйэ нонон Ирэнӯчӭн ӊэнэрэн. Ӊэнэчӭвэ эр бэйэвэ Сэлэргун сӧниӊ уґӣґӣд'ин иктэрэн. Иктэнэн — адаґуд'арӣва калтака мирэвэн хурурэгэр иктэчӭ. Бэйэ тāдӯ тікчӭ. Тāдуккар Каданӯчāн сӧниӊ Мэкӣгдіткӣ гунд'ирэн: «Эдӭ, мулā! Гиркӣвэт вāран. Д'э, би-кэнэ ӊэнэктэ!», — гуннэ, ӊэнэрэн Сэлэргӯнтікӣ. Сэлэргӯн-сӧниӊ палкави бэлэннӭчэд'эрэн. Тар ӊэнэчӭвэ сэлэмэ палкатпи иктэрэн, адагад'арӣва, калтакā оґовӧн хокорогор. Бэйэ тāдӯ-дā тэґэрэн. Тāдук Мэкӣгдін гунд'ирэн:

Докє, докє, доонин!
Докє, докє, доонин!
Эдӭл бэйэл ӧни ӧд'ас?
Сӧт суракихун,
хэгдіӊӭ гэрбӣлкӭхэл
бэйэл бичӭвун, гунэм,
Сэлэргӯл, гунд'эм,

д'ӯр Сэлэргӯн-сӧниӊил,
минэвэ эмӯкинмэ
ӭкӯнмāн сулад'ас?
Д'албав вāрас, д'эптэс.
Д'э, минэйӭкӣвэ
умӯн иктэдӯ
этӭрэс сулара!

Тікӭн гӯнэн, бэйэ цэнэрэн. Ңэнэксӭкӭн, н'ӓн-дӓт иктучад'аран Мэкӣгдіңма. Д'э, Сэлэргӯн-сӧниц гунд'ирэн:

Н'эригӗ, н'эригє!	ӧкӯнни эмӭнмучӭн
Мэкигдін-мата,	амаргӣлӓ кӓничи бимӣ,
Ңэрихӣ инэцицӣ	нэкӯчӣ, акӣчӣ бимӣ,
порости, гӯкэл!	порости гӯкэл!
Нонокӣдук амаргилӓ	

Гунӣксӭ, д'э иктэд'эрэн палкатни. Иктэд'эрӣвэ Мэкӣгдін адаґаран. Адаґанавӓн урӓксӓкӓн, д'улгӣдӭдӯн хэгдіцӭ д'оло бичӭн. Тӓлӓ тунца путэчӣ сэлэмэ палкави діґин буҕалӣ урургэцнэн. Сэлэргӯн богатір палкайа ӓчин ӧдан. Гэ, Сэлэргӯн эмэхӣнчӭн. Тар эмэхӣнд'эрэкин, гэ, Сэлэргӯнмэ Мэкӣгдін колтод'орон. Сэлэргӯнмэ сӗнин тэкӭндулӣн колторон. Колтонон, Сэлэргӯн-богатір баргӯвӯ сӗндулӣн сӭксэ йӯрэн. Гэ, Сэлэргӯн эмэрэн. Палкатни иктэд'эрэн. Мэкӣгдін палкавӓн д'аваран. Д'авакса, тӣтӭрэн. Тӣтӭксӭ нуцанмӓн палкад'ин ділвӓн н'апчурагар иктэрэн. Тар д'урӣвэ Сэлэргӯрбэ вӓран. Сэлэргул д'утін даґа бичӭн. «Д'алби халгартін хокоргочӧл-гӯ?». Тариңӣлби д'ӯрӣвэ ичэхинӣксӭ, Сэлэргӯн д'ӯлӓтін цэнэврэн. Ңэнэвӯксӭ, тӓдӯ нӭдэн. «Халгарбар хуйӭлбэр оґороктін! Буґалӓвар мучӯңнакаллу! Мэррун сӓдӓвэт!», — гӯниксӭ, тар цэнэрэн.

6. Нивэнӣнд'э

Билир, билир дуннэ улапкӯн кумалӓнмӓтін гарадӓвчӓгачин, тэнинэ гарадӓвчӓгачин бид'эрэкин, д'ӯлкӓн уранкай ӧскєд'ачӓ. Утэн д'ӯчӣ бичӭ. Эр бэйэ «энӣ» гунэрӣ, энӣн ӓчин бичӭ; «амӣ» гунэрӣ, амӣн ӓчин бичӭ. Аңад'акӓн ӧскєд'ачӓ. (Тар нимцакӓн тэкӭнин).

Эр бэйэ гэлтэр гэрбӣн, сунтар суракин Нивэнӣнд'э гунэрӣ сӧниц бичэ. Ӣдук-тӭ йӯнэрӣви эхиц сӓра. Уґӭттэн думайдӓтмӣ. Мӭнми д'алдӯви: «Олус сӧниц бихим. Минцэчин сӧ бэйэ ӓчин», — гунчэттэн. «Йэґинд'э билкӭн Онон-дуннэ оргодӯн минцэчин бэйэ ӓчин», — гунчэттэн.

Д'э, эр бид'энэ, нуцандулӓн урацкай-бэйэ эчин эмэрэ, эчин бакалдӣра. Эннэдукви бакалдӣра дєлби-мэт тікӯлиттан. Тімӓр хӗлтандӯ йӯнэ, йӯнэ тэпкэчӣвкӣ бичӭ. «Хэргӯ буґадӯ халд'аркай ӧскєракин, айа бимчӭ! — тэпкэттэн. — Баран бэйэ кухиллэкин, ци сӧ бэйэ сулапчӓ бимӣ, би кухимчӭв, бӧла!», — гуннэ, тэпкэд'эчӭн. Ӓнцэксӓ, тімӓтна мӗликсӓ, бӗдӯ хуклӭд'эрэкин, тулӣлӭ бэйэ тэпкэтчэрэн:

Герєвлакӓнин!	сӧ бэйэ ӓчин», — гуннэ
Герєвлакӓнин!	
Сӧцку Нивэнӣнд'э,	тэпкэвкӣ бихинни.
Доровойо дӧлдӣкал!	Утэн-утэндукви
«Эр дулин дуннэдӯ	йлӭ-кэт энэ цэнэрэ,

кихɛргɛд'ийат.
Тикӧн гунчинин,
хуцутикӧр сӧниɲил

кухӣд'ӛрӛ бӛйӛл —
тӛлӛ си, суруксӧ,
кухӣлдӏмчӧс, бӧла!

Тар ахӣ турӛчиксӧ этэчӛлӛн, Нивэнинд'э турӛчилкӛн ӧттан:

Гецɛ-ɛ, гецɛ-ɛ-оройӏ
Синиɲи-дӧ ӑчин
Вакаксӧ, кухид'эцӧв!

Тар турӛчиксӧ этэрэкин, ахӣ турӛтчэрэн:

Герɛвлакӧнин!
Герɛвлакӧнин!

Симбир этӧнин,
этӧнин тэрӧрэ!

Тар тикӧн гунэкин, дɛлбимэт тикулӣттэн бӛйӛ Нивэнинд'э. Тар кухӣд'эрӣл бӛйӛлбӛ ахӣ улгучӧниттэн: «Хэргӯ буɣа сӧниɲин, авахи п'уɲӛйӛмэтин сӧниɲ, Гарагалтун Силин гунмурӣ, уɣӯ буɣа сӧниɲ, Катан гунэрӣ. Тар суруксӧ, тар сӧниɲилн'ун кухӣкэл!». Тар гунэкин, кухӣд'эрӣл сӧниɲилдулӑ цэнэдӛви эцэхинд'эрэн Нивэинд'э. Тикӧн гуннэ, турӛтчэрэн:

Гецɛ-ɛ, гецɛ-ɛ-оройӏ
Би-цэн бӛйэ,

дулин буɣа сӧниɲин,
ӗмӣ-дӑ исчаɲӑв!

Д'э, онохошӣксӑкӑн, цэнэхинд'эрэн. Эр цэнэхинд'энэ. Эр цэнэхинд'энэ эргэчин гуннэ турӛлкӛн ӧд'аран:

Гецɛ-ɛ, гецɛ-ɛ-оройӏ
Дулин буɣа сӧниɲинд'ан

Нивэнинд'эн-цэн
сурум сӧниндулӑ!

Кухипӛми цэнэхинэн. Буɣави нороспӣлӑксӑ, тиргимэт цэнэхинчӧн, ороно-кӧт ӑчин, ӗкӯма-кӑт авдуйа ӑчин бинэ.

Д'э, хэргӯ буɣа сӧниɲдулӑн цэнэхинчӧн тиргимэкӧн. Д'э, д'ӯдукин цэнэхинӣксӧ, дилачӑ тикиптиткэкӣ цэнэхинчӧн. Д'э, тар эркӧн-таркӑн цэнэвкӧнэн бӛйэ. Эркӧн цэнэвкӧнд'эрэкин, д'улгидӛткин эргэчин турӧн инцуд'эрэн. Д'э, нуɲан дӧлчӑтчаран. Эргэчин гуннэ инцуд'эрэн:

Пэдэрэкӧнин!
Пэдэрэкӧнин!
Хэргӯ буɣа сӧниɲин,

Гарагалтун Силин,
д'эптӏврӣв
муандулӑ ихивраɲ!

Туксад'ана турӛтчэрэн:

Пэдэрэкӧнин!
Пэдэрэкӧнин!
Авахӣ-сӧниɲин
д'эптӏврӣв

муандулӑ ихивчӑ!
Ӗмӑ буɣа сӧниɲин
минэпэ, эмэксӧ,
айд'аɲӑн, бука?

Д'э, эрэ Нивэнӣнд'э-сōниӊ дōлчāтчā. Дōлчāчӣксāкāн, нуӊан дōптікӣн туксад'ача. Тӯксахинӣксāкāн, умнэт-тэ бакалдīран. Бакалдīксāкāн, ичэттэкин, аӷӣ-сōниӊмāн авахӣ-сōниӊ боколток ōчā, д'авалтак ōчā. Нивэнӣнд'э, эр бэйэлбэ ичэксэкэн, турэлкэн ōчā:

Геӊε-ε, геӊε-ε-орой!
Хэргӯ буга сōниӊин
Гарагалтун Силин,
аӷӣ бэйэвэн кēйиксā,
ахад'анни «д'эбдэви», гуннэ.
Минэвэ кēймӣ,
сō бэйэ бид'иӊэс!

Д'э, нуӊартін бакалдīксāкāн, турэчӣлчэл. Сōниӊ олуктӯви д'авучад'ана, турэлкэн ōд'аран:

Геӊε-ε, геӊε-ε-орой!
Геӊε-ε, геӊε-ε-орой!
Хэргӯ буӷа сōниӊин
Гарагалтун Силин,
аӷӣ бэйэ аханавāн
он'овос сō ōд'иӊāв!

Тар турэттэкин авахӣ-сōниӊ, олуктуви д'авӯчад'ана, тікэн турэлкэн ōд'аран:

Діӊді, діӊді!
Діӊді, діӊді!
Аӷӣ сōниӊин
Нивэнӣнд'э-мата,
доровойо дōлдīкал!

Тікэн гунэкин, Нивэнӣнд'э-сōниӊ авахӣ-сōниӊмāн покойва энэ бӯрэ, колтод'очō. Эр колтонодӯн авахӣ-бэйэ тэмтэриксэкэн, эчэн тіктэ. Тар тэмтэрӣчиксэ, авахӣ-бэйэ тікэн турэлкэн ōд'ачā:

Діӊді, діӊді!
Діӊді, діӊді!
Нивэнӣнд'э,
сōӊку бэйэ,
колторӣс, ēдӯс
сōтаран ōд'ачā.
Хуӊтутэнэл ураӊкай
колтороктін,
эчӣнми тэмтэрэ бичэв.
Эр синдӯ элэкэскэн
тэмтэрӣм би
колторокӣс.

Тар ӊэнэксэл нуӊартін кухӣлчэл. Эркэн-таркāн кухӣд'эрэ. Тар кухӣд'эксэкэӊ, авахӣва Нивэнӣнд'э-сōниӊ, кēйиксā ōттан, илалладӯ кухӣксэ. Тар кухӣксэкэр, авахӣнд'ава кēйӣксā, вāллан бōла. Авахӣ турэлкэн ōттан:

Діӊдε, діӊді!
Діӊдε, діӊді!
Нивэнӣнд'э-мата,
экэл минэ вāра!
Эдук аӷӣ бэйэн'ун
этэм мэкӯстэ-ӊэн!

Тариӊин энэ дōлдіра, вāран. Вāксā, тікэн турэчиллэн:

Геӊε-ε, геӊε-ε-орой!
Геӊε-ε, геӊε-ε-орой!
Эӊнэкэллу эмэрэ!
Аӷӣ бэйэн'ун
экэллу мэкӯстэ!
Симбир вāд'иӊав,
Симбир кēйд'иӊāв!

Кēйӣксāкāн, кēтарӣвкӣ бэйэвэ: «Д'ӯлāви ӊэнэкэл! — гунӣттэн. — Тар ӊэнэксэкэн, минэвэ д'ōниӊнакал, атагастаракин. Тар д'ōнакис, ӣдӯ-дэ бимӣ, дōлдīд'аӊāв», — гунӣттэн.

Тар хуйӧ̄чӣлдӣттэ. Нуӊан, Катан, д'ӯлāви ӊэнэрэн. Нивэнӣнд'э мӧ̄нин сāрӣтпи ӊэнэттэн. Тар хуйӧ̄чӣксӧ̄кӧ̄н, Нивэнӣнд'э-сōниӊ ӊэнэчӧ̄ дiлачā инэӊдулӣн ōптiкāкӣ. Эр ӊэнэчӧ̄, ӊэнэчӧ̄, эркӧ̄н-таркāн ӊэнэчӧ̄. Эр ӊэнэвкӧ̄нд'эрэкин, уӷӣскӧ̄кӣ турӧ̄н инӊуд'эчӧ̄, уӷӯ буӷаткāкӣ. Эрӧ̄ нуӊан, Нивэнӣнд'э дōлчатчаран:

Н'ен'єдāрєку!
Н'ен'єдāрєку!
Дулин буга
сōниӊинд'ан
доровойо дōлдӣкал!

Тар гунӣксӧ̄, н'āн турӧ̄тчӣрэн:

Н'ен'єдāрєку!
Н'ен'єдāрєку!
Нивэнӣнд'э,
сōниӊ-бэйэ,
минэвэ-дэ
дулин буӷа
сōниӊинд'ан
атагастад'аран.
Минэвэ айкал!
Минэвэ бихакал,
Нивэнинд'э-сōнин!

Тар гунэкин, Нивэнӣнд'э-сōниӊ турӧ̄тчэрэн:

Гӗӊє-є, гӗӊє-є-орой!
Гӗӊє-є, гӗӊє-є-орой!
Би, ӗмӣ-кāт
пуӊанмāн исчаӊāв!

Тар гунӣксэ, ӊэнэвкӧ̄нд'эрэн эрдэт. Эр айаннāксāкāн, тар бэйэвэ эрдэт истан. Эр ихӣксā, эргэчин бимӣ, турӧ̄лкӧ̄н ōд'аран:

Гӗӊє, гӗӊє-є-орой!
Ӗкӯн ухавāн ōчā?
Ахāкāнма-дā
атагастачинни?
Би синэвэ-дӧ̄
он'овос од'иӊāв!

Тар ахӣва атагаставкӣ бэйэн Ōтанӣнд'а-сōниӊ. Тар бакалдӣксāкāр, кухӣдӧ̄вэр н'экэд'эрэ. Ōтанӣнд'а-сōниӊ эргэчин гуннэ, турӧ̄лкӧ̄н ōчивкӣ:

Орєл-дā, орєл-дā!
Сōӊку бэйэ-дӧ̄,
минэвэ эмӣ сāрэ
бакад'иӊас.
Миндулӧ̄ эмэнэвэ
идакāксāкāн,
ахад'иӊāв-ӊан!

Тар гуннэдӯн Нивэнӣнд'э, тiкӯлӣксā, эр-дэт кухӣдӧ̄ви н'экэчӧ̄. Д'э, кухӣчӧ̄л-дӧ̄ кухӣчӧ̄л. Кухӣликсӧ̄л, эркӧ̄н-таркāн колтомāтчāл. Нивэнӣнд'э-сōниӊ таркāн кӗйчāн. Эр Ōтанӣнд'а тiкӧ̄н турӧ̄лкӧ̄н ōчāн:

Орєл-дā, орєл-дā!
Экэл минэвэ вāра!
Эдук д'улӧ̄скӣ
этӧ̄м мэкустэ!
Тӣкэл инэкинд'и!
Эхикис вāра,
хунāтпи бӯд'иӊӧ̄в!
Айа нэкӯчӣ бихим!

Тарит элихэ Нивэнӣнд'э этэрэн дугд'амӣ. Тар Нивэнӣнд'э-сōниӊ, Ōтанӣнд'а хунāтпāн ахӣйави гаксāкāн, д'ӯлāви мучӯхинан. Эргэчин гӯнэ, турӧ̄лкэн ōд'аран:

Гӗӊє-є, гӗӊє-є-орой!
Ōтанӣнд'а, киннив,
би буӷалāви
сурухиӊнэв.

Эмэрӣ, сурурӣ-ҷӯ
атагастаракин,
минэвэ, ӗмӣ-кāт
д'ōниҷпакал-дā!

Поростилāксāкāн, д'ӯткāкӣви-утэнтікӣви ҷэнэхинэн, ахӣви бодомно. Д'э, эр ҷэнэвкэ̄нд'эчэ̄тін. Ҷэнэвкэ̄тчэрэктін, уҷӣскэ̄кӣ, буҷатҷāкӣ турэ̄н инҷуд'эчэ̄н:

Нєдєроконин!
Нєдєроконин!
Сōҷку бэйэ,
Нивэнӣнд'э,
сōниҷинд'а,
доровойо дōлдīкал!
Адīрāкāнин
аҷардас-тā
сигдэ кӗйинин
Синҷэчин бэйэ āчин!

Нивэнӣнд'э-сōниҷ ахӣгаливи д'ӯлāви эмэчэн. Тāдӯ билчэ̄л.

7. Ōтанӣ

Билир, билир, билир мōйкан мӗтадін тэҷэр-дуннэ тэвӯвд'эҷэхин, лāм элэкэс котор йэ̄нэдін ōд'аҷахин, котор йэ̄нэ дэрэ̄нин йӯд'эҷэхин, элэкэс гугдаринин ухулэт д'ӯгд'ӯтін кєрдіс ōҷахин, утэн ҷэ̄кудӯ илитчаран. Тар дōдӯн умӯн мата балдīд'ачā эмӯккэ̄кӯн. Нуҷандӯн умӯн оронин āчӣн, умӯн нинайа āчӣн. Энӣнми, амӣнми иргӣтта балдінави эхин сāра. Бэйэ думайдāттан, думайдāд'аран. Думайдāд'энэ гунчэд'эрэн: «Дулин дуннэ ситкӣдӯн йӯчэ̄ бихикив, анҷӯ эптілэ̄дукив тукалā балдīчā бимчэ̄; мōдук йӯчэ̄ бихикив, сигдэдӯв угдакса намарāчā бимчэ̄, уҷӯ уҷӣврӣ сӗрукāрді н'аҷн'адук тікчэ̄ бихикив, орондӯв саҷӣкса намарӯмчā», — гуннэ думайд'аран. Туҷэлд'эн д'ӯн куйэ кōкчилкāн, лэрӯмнэ инҷакталкāн; д'уҷад'ан д'ӯн ҷэнӯ дэҷӣ тарамна дэктілэ̄н илбэрӣлкэ̄н.

Нуҷандулāн дэҷи-дэ̄, эмэксэ̄, эллэн эмэрэ. Уларин гакӣ эллэн эмэрэ, эллэн турэ̄ттэ. Ҷэнӯ дэҷиҷин н'ан āчӣн ōдан — манавран. Тōкӣ бэйҷэ̄ҷӣн, сāксāкāн, сāксāкāн, элдэн алīна.

Тар бэйэ тāдӯ бид'эрэн эмӯккэ̄н. Сэхєргєдэн — гиркӣн āчӣн, улгучэ̄мэ̄ттэн — ҷӣ-кэт āчӣн. Тар бэйэ эмӯкэ̄ккэ̄н бимӣ, аҷунӣллан. Эмӯкӣн бихӣ сōмат энэлгэ̄ллэн. Тар мата гэрбӣн Ōтанӣ гэрбӣчӣ бэйэ бичэ̄. Мэ̄н думайдāттэн, дулин дуннэвэ гиркудāви, дулин дуннэвэ н'экэйэ̄дэ̄ви. Д'э, ҷэнэхиндэ̄ви, нуҷан сиксэ тікэ̄ думайдāксāкāн, āхинэн. Тімāтна эрдэ тэҷэрэн. Д'эбгэ̄йэви д'эптэн, тэтīлби тэттэн. Ирэ̄ бэйун наннан купэмичӣ бичэ̄. Энинбэ̄йун гилҷинин-сирихинин эн'эҷэнтӯчӣ бичэ̄. Тариҷҷи эн'ӣҷэнтӯксэ̄кэ̄н, бэйэ тулискӣ йӯрэн. Йӯксэ̄кэ̄н утэнми уркэдӯн иллан. Тар бэйэ — «эргэчӣкэ̄кӣ ōҷин!» — сэхєргєд'эрэн. «Таргачӣкāкӣ биҷин!», — икэ̄д'эрэн:

Дэки, дэки,
Доҷ, доони!
Д'э, гунэм, би-лэ,
Утэк-утэн д'ӯ,
гунэм би-лэ,
илармāн сōналкāн,
діҷинмэ̄н курдулкāн
энэ тіктэ бикэл!
Эрдін анҷанӣли
эмэд'иҷэ̄в бӣ.

Эхим болд'оро.
Би, бэйэ нāдави
ситэри гиркуд'ам.
Д'угалд'ан д'ӯ
дэҕӣ дэктилэд'ин

элбэрӣлкэн д'ӯ,
туҕэлд'эи д'ӯ
чӧрама д'ӯкчāв,
мудан горо
поросай биҕин!

Тікэн гунйксэ, этэрэн турэчйксэ. Эр бэйэ нуцан бимӣ, цэнэхинчэн Йэнэцци солокōкӣ айаннад'аран. Эркэн-таркāи цэнэд'эвкӣ бичэ. Нуцан д'улгйдэлйи коцнорин гаки «гак!» эхин н'экэрэ. Д'эр, бэйэ бимӣ айацнад'ари йэнэцци-бираңми дэрэндулэн истан. Сӧма котор йацинд'а. Тар тӯктірэн. Тар ойолбн тӯктіксэкэн, д'э, муннйд'эрэн дэрумкйд'энэ. Эр бэйэ бими, дылачā тікиптікӣ ичэттэкин, дылачā йӯптутткйи ичэттэкин, олус айа цэрӣ дуннэ ичэвуттэн. Тар бэйэ бимӣ думайд'аран: «Иртікӣ цэнэд'ицэв», — гуннэ. Д'э, тікэ думайд'аксāн турэтчэрэн:

Дэки, дэки дӧнин!
Дэки, дэки дӧнин!
Эмңэ амцатпи
айдард'ам-цан!
Коңдɛ комуййтпи
мэникэн сэхэргɛд'ам.
Н'ултэр дылачā

йӯптуп айа,
гуд'эй, сэгд'эннɛ
дуннэл ичэвӯттэ.
Ёракин-дā
н'ултэр дылачā
исчā бимӣ айа,
гунэм-дэ.

Тікэ гунйксэ, этэрэн турэчиксэ. «Д'э, би, мата-бэйэ бимӣ, цэнэхиндэви н'экэм», — гӯнэн, иллан. Илйксāкāн, гирахиндāви н'экэд'эрэн. Гирахиндāви н'экэд'эрэкин, ёкӯн-ка цанмакта турэнцэчин дiгинād'эрэн дэҕи турэндукин хунту. Бэйэ тарā дӧлчāттэн. Айамат уйдɛрэн. Арай уҕйскэкӣ бихин. Бэйэ тарā д'иктɛргɛксэкэн: «Йдӯ бихин? Турэтчэрэн», — гунчэрэн, уҕйскэкӣ адулэд'эрэн. Тар ичэттэкин, дылачā йӯптуҕйд'ин эмэд'эрэн. Бэйэ тара д'иктɛргɛран: «Дэҕи турэнин ураңкай турэнмэн урэчэ», — гуннэ. Тар эргэчйн гуннэ, турэтчэрэн:

Гɛрɛвлакāпин!
Гɛрɛвлакāпин!
Д'э-гэй, гунэм,
дулин буҕа
омолгйн-цэн
Отанйид'а-сбиң,
дорово! — гунэм.

Ичэнэви-дэ
дӧлдинави-да
улгучэкэл!
Анцанӣ эрдиндӯн
бакалдiран!
Йнэци эрдиндӯн
ичэлдiрэн!

Тікэ гунйксэ, этэрэн турэчиксэ. Мата турэтчэрэн:

Дэки, дэки
до-он доонин!
Дэки, дэки
до-он доонин!
Мата, д'э, си
уҕилӣ дэгрӣ
цэнӯ дэҕӣ
би, ураңкай,
турэнмэн-цэн

урэчэ бинэ,
турэлкэн ӧксā,
турэтчэнни.
Ураңкай гуид'эңдӯ,
дэктилэчй ӧданни!
Ёма буҕадӯ
ӧскɛча бихинни?
Си-кэ улгучэкэл!
Би ичэнэв, дӧлдiнав

ēкӯн-дā āчӣн.
Аӈад'акāн би,
эмӯккēкӯн-ӈэн
балдīчā бихим.
Энӣн, амӣн бэйэ
āчӣн бихим.

Си ēкӯна-ӈан
дōлдīчинни?
Иргит тэгēлкēн?
Ӈӣйэ гербӣлкēн
ōихинни си?

Тікēн гуннэ, этэрэн турēчиксэ. Ӈэнӯ дэгӣ турēтчэрэн:

Герєвлакāнин!
Герєвлакāнин!
Мата бэйэ-ӈэн
уӈӯ ичэврӣ
илармāн
сēрукāрдīр
н'аӈн'а хэргӣдēлӣн
дуннэ н'экэйēмӣ,
дуннэвэ тэгēнмēн
тēнтэнмӣ,
ичэнэв, дōлдīнав
баран сō.
Хуӈтӯмэлчэлвэ
ичэчим-ӈэн,
хуӈтӯмэлчэлвэ
дōлчачим-ӈэн.
Ēхалкāн, сēлкāн
ōксā,
энэ дōлдīра, энэ
ичэрэ,
ōн н'экэйēд'эӈēс?
Дулин дуннэ

ойойодӯн
араспай бихин:
бэйэ бэйэви-дэ
вāд'эрӣвāн
ичэчим би.
Сō сураккав
сулагаларӣ
ōдакис-тē,
улгучēнд'эктэ.
Н'ултэн дīлачā
дīгин буӈалӣ
тīргирӣ-дē,
дīлачā-дā
хэргӣдēдӯн
ōскєча бичē
Тīргакчāн-ӈан
ахāкāн-ӈан
биӈнэм би.
Мудан горо,
поросай биӈин!

Гунэн амаскӣ токорихинан:

Мата-бэйэ,
Эр би ӈэнэнэв
ӯд'авав ичэткэл!

Айаннāд'адāви
йлӣ эӈнэлӣв
ичэврэ-дē.

Тікē гуннэ-дē, эӈд'эрэн ичэврэ. Тар ӈэнэрэн. Бэйэ бимӣ сōма ōрдак сōма тікулчā бичē. Тікӯликсā, турēтчэрэн:

Докє, докє,
до-он, доонин!
Д'э, гунэм-ӈэн,
си гуд'эй дэгӣ-ӈэн
гуд'эй, н'ултэр
дīлачā хэргӣдēдӯн

ōскєри Тīргакчāн
киливли-ахāкāн
эӈнэс ӯд'авас
тоӈсуйд'иӈāв!
Уникин ӯд'авас
упкєд'иӈāв!

Тікēн гунэн-дē хэтэкēнд'эрэн бэйэ. Тікēн этэкēнӣксēкēн, нуӈан туксад'аран. Кэ, нуӈан туксаран, туксаран дīлачā йӯптуткӣн. Эр туксарин чимдӯн ниткӯн мō томковуттан, хэгдīӈē мō нэлгэгэли сулудаттэн. Д'э, бэйэ туксад'аран-дā туксад'аран. Эр бэйэ бимӣ туксанави мудандӯн, килєйнави мудаклāн истаӈалāн ӈэнэттэн. Д'э, бэйэ туксад'ана, умӯн котонд'о д'оло бихин. Тарā нуӈан судурӣксēкēн хойотни нāчаран. Тіктэн ойотни, д'олон хурургэрэн.

Ойон дулин дулин дэлпэрэгэр, дэлпэрэгэр. Ңэнэрӣдӯн бэйэ д'улэскӣ судурнэ, судурнэ ңэнэрэн. Ңэнэви мудаклāн, сэлэмэ гēҕин ōксā, дэҕилд'эрэн. Дэҕӣлӣксэкэн, айаннāд'аран дiлачā йӯптуткэкӣн. Уҕӣскэкӣ уҕӯ илармāн сēрукāрдi н'аңн'амактӯ тӯктiрэн. Тар тӯктīксэкэн, нуңан дiлачā йӯптуткэкӣн тiкчэрэн. Д'ӯр дэктīлэдукин тоҕо хутапкӣгачӣнин чургӣхинан, кургӣнэ ңэнэрэн. Тāдӯ надан лāм бакалдīтiн, йэҕин йэнэ уйӣлдīтiн, багдама лāм чувар ойолōн тiктэн. Н'аңн'ава иссарӣ йāң бичэн. Тар ойолōн дōран. Тар дōксāкāн, бэйэ айамат муннӣд'эрэн. Тар муннӣд'энэ, иртiкӣ-кэ турэнмэ дōлдīран. Дōлдīнан — эргэчӣкэкӣ, гуннэ турэнмэ дōлдīран:

Герєвлакан!
Герєвлакан!
Эрэй, гунэм,
Ēкӯн, ēкӯн
мувэн умчāн?
Ēкӯн, ēкӯн
чукавāн д'эпчэн?
Мата балдiчāн
олихин-дā
сурахирңāтпи
сурахирчā.
Эргэчӣн-мата
дулин бугаду
ōскєнэв
син ахӯкāнма
н'экэйэмӣ!
Илан Сивирдӯ
эргэчӣн матава
эчӣнми дōлдīра.
Ичэнэдӯв-дā
āчӣн-ңан.
Дōлдīнадӯв-дā
āчӣн-ңан.

Тiкэн гунӣксэкэн, н'аңн'ава иссарӣ йаңңа ойолӣн чāгӣдāткӣ дэктiлэтпи сирбина алāнд'аран, аран баттiлӣви. Д'э, бэйэ дэгӣллӣвэн ичэчӣксэ, ңэнэнэ ӯд'аван ңэнэрэн. Ңэнэксэ, нуңан н'аңн'алā далкӣчаран. Йаңци тāлӣ ңэнэхиксэкэн, бэйэ ңэнэрэн. Д'э, нуңан тāлā таҕаксāкāн, амаскӣ-дā эхин чуптургара, д'улэскӣ-дэ эхин йӯрэ. Д'э, бэйэ тāдӯ кайивран. Кайивӯксāкāн, бэйэ турэтчэрэн:

Дэки, дэки
до-он, доонин!
Надан лāмуңив
йэҕин булд'арив,
багдама-ңан
лāмунд'а-эн'эй,
багдама-ңан
йаңинд'ā-дā
итчинд'эн
дōлдīкал,
сēлкāн ōмӣ!
Эрэй Кетан
буҕа киридӯн
эрэй буҕа
эңэрдэхилим!
Би дiлачāв
хэргӣдэлӣн
ōн-мал, гунэм,
чилдīвкāкэл!
Чāскӣ би-дэ
дiлачā эргӣдэвэн
ичэдэви эйэтпи
д'аличӣ бичэв,
буҕадукки-ңан
эмэхинңэхӣви
гунд'эм-ңэн.

Тiкэн гунӣксэкэн, тар эхилэ этэрэн. Этэчэлэн ирҕӣт, иргӣт ēкӯн-ка турэнин бихин. Турэнтiкӣ ичэхинэн. Бэйэ, Ōтанӣ-мата, ичэхинэн — умӯн атiркāн арай илитчаран авгӣдāдӯн даҕадӯн. Тар илӣтчана, эргэчӣн гуннэ турэтчэрэн:

Ōлє, дōлє!
Ōлє, дōлє!
Гунэм-ңэн.
Ēкӯн, ēкӯн

дулин буҕа
омолгӣн Ӧтанӣ,
хутэ-никā,

эрэй горо, горо!
буҕава д'алдāчāс

Тікэ̄н гунӣксэ̄кэ̄н тар этэрэн. Тāдуккар турэ̄тчэрэн тар атіркāн:

Ӧлє, дӧлє!
Ӧлє, дӧлє!
Хутэ-ника,
Ӧтанӣкāн,
ділачā-дā
хунāд'ин
Тіргакчāн

Кӧдакчāн-киливли,
Д'эвилгэ-Кувулгат
ахакāнд'ā
сӣ «он бокоид'оцӧв?», —
гуннэ, ахад'анни!
Горо эрэ̄вэ
эрэйдэ̄д'ицэ̄с!

Тар тікэ̄ гунӣксэ̄кэ̄н, атіркāн йлӣ-дэ̄ цэнэвкӣ ичэксӧчā. Бэйэ д'улэ̄скӣ ичэттэкин, н'āн дуннэ дуннэтни, йац-дā āчӣн ӧчā. Тарит бэйэ д'улэ̄тни цэнэд'ирэн. Ӧтанӣ цэнэвкэ̄нд'эн. Эркэ̄н-таркāн цэнэвкэ̄ниттэн, сэлэмэ гēкчāн ӧксāкāн, дэҕӣлд'эрэн. Д'э, мата бимӣ анцӯ сēнд'иви дӧлчāчиттан. «Уҕӯ цэнэрӣви анцӯ сēнд'иви дӧлдīд'аҷāв, — гуниттэн, — д'эҕинцӯ сēнд'иви, хэргӯ буҕа авахин сӧниҷ дулин дуннэлэ̄ йӯрэкин, д'эҕинцӯ сēнд'иви дӧлдīд'аҷāв!», — гунчэттэн. Д'э, бэйэ ділачā йӯптуткэ̄кӣ айаннāд'аран. Тар цэнэд'энэ ēкӯн-ка иҕвэ дӧлдīран. Ēкӯн-ка иҕин инцӯттэн. Ӧтанӣ-мата, тāрā дӧлчӯна, цэнэд'эрэн. Эр бэйэ айамат дӧлдīракин, арай дуннэ ниргӣд'эрэн. «Агді агдīран, — гунд'эрэн, — кунту». Д'э, бэйэ дӧлдīракин, колто иҕин бинэ̄т бэйэ тіҷилэкин иҕин биҷэ̄т — иркӣттэн-вит дуннэ. Д'э, дӧлдīҷан арай, дагамāнэн арай. Бэйэ иҕвэ̄н дӧлдīкса, ичэтнэ цэнэнэн — ичэвуллэн. Арай бэйэл кухӣд'эрэ-вит. Умӯн Чулурэ̄, умӯн мата — д'ӯр бэйэл кухӣд'эрэ. Чулурэ̄ матава кейҷāт ӧчā, бадаҕа. Мата турэ̄нин бихин:

Гецє, генє-ей!
Гецє, генє-ей!
Сэлэргун-бэйэ,

кейрилāви ихинни,
д'эбдэ̄ви н'экэнни!

Тар Сэлэргун турэ̄тчэрэн н'āн, бэйэ дӧлчāчиттан:

Діҷдє, діҷдє!
Діҷді, діҷді!
Уҕӯ буҕа сӧниҷин,
Д'олонӣ-сӧниҷ,

илан анцанӣва
кухиксэ̄кэ̄н-цэн,
діҕӣтін анцанӣдӯ
кейдāви н'экэд'эм!

Тікэ̄н гунӣксэ̄ тар этэрэн. Ӧтанӣ-мата д'э, турэ̄нин ӧттан:

Докє, докє!
Доон, доонин!
Д'э, эдэ̄л,
дорово ӧҕин!
Ēкӯн эвӣнд'и
эвӣд'эрэс?
Айа, гуд'эй
эвӣд'эрэс!

Хэргӯ буҕа Чулурэ̄н,
Сэлэргун, сӧниҷ-бэйэ,
си тавар
матава-дā
ēкӯн буруйдулӣн,
ēкӯн ухавāн
ӧналӣн-дā

атагāстанни? улгучэкэл!
Си миндӯ-цэн

Тикэн гунйксэкэн этэрэн. Авахй турэтчэрэн:

Диңдɛ, диңдɛ! баран бэйэвэн
Диңдɛ, диңдɛ! манаксāкāн,
Би дулин буға би, этиркэнмэ
байанду гэрбйчэ кēййксāкāн,
сōниң Мэңрурй хунāтпāн-цан
этиркэн-цэн гадāви-дā
надан хупāд'ин ң'экэд'эм-цэн!
хэргэмэлтин Нуңан-дā
хупāтпа-цан эмэксэкэн,
гадāви н'экэд'эм! мэнин-цэн
Мэңрунй-этиркэн мэхийд'ɛд'аран.

Д'э, Ōтанй-мата бимй тāдӯ турэтчэрэн:

Доки, доки! хунāтпāн-цан
Доон, доонин! авахи ōкин
Д'э, би гунэм, ганавāн сāнни?
хэргӯ буға авахйн Ōкин-дā эчйн
Сэлэргун-сōниң, арй бэйэцин
Чулурэ, авахйдук н'ан
Си ағй бэйэцин эчйн гада-дā!

Тикэ гунйксэ этэрэн. Д'э, авахй турэтчэрэн:

Диңдɛ, диңдɛ! гуннэл, ичэл'л'э.
Диңдɛ, диңдɛ! Би-вэл бэйэдук
Минэ авахйл ēкӯнми итэгэс?

Тикэн гуниксэ, авахй багар турэтчэрэн:

Диңдɛ, диңдɛ! сōниңин-дā
Диңдɛ, диңдɛ! Ōтанй-сōниң,
Си-дэ бикэл, синэвэ-дэ
гунэм-цэн, соторо кēйрйв!
Дулин буға

Гунэн этэрэн. Нуңартин тāдӯ, лэгимэчйксэкэр, кухйллэ. «Авахй-сōниң н'ōракал! Колтокол!», — гунд'эрэн Ōтанй. Авахи колторон. Колтон тɛнчаран. Нуңартин тāдӯ д'ӯрй кухйллэ. Колтотин иңин уӯ буңāла, агдӣ ōнā, ниргйнэ цэнэршэн, хэргӯ буңалā тицилэкитин иңин тиргйттэн. Нуңартин таркāн кухйд'эрэ, тāдӯ кухйд'эрэ, кӯхйд'эрэ. Томтор дуннэвэ оцкучакиңнара, талңик бугава авлацна, авлāн дуннэвэ талгйңнара. Нуңартин мунукэ ицава кириңна Нуңартин тэрэнкэкй бэйэл кухйд'эрэ. Авгӯва-дā эцэтил кēйилдīра бэйэл. Нуңартин кухйнэвэтин адī боғава-дā, адī аңңанива эхйл сāрэ. Д'э, эр кухйд'энэл, нуңартин умӯң бира эйэкэкй кухйнэл цэнэрэ. Д'э, авахй-сōниңин турэтчэрэн:

Диңдɛ, диңдɛ! Мит, гунэм,
Диңдɛ, диңдɛ! д'ӯр сōниң,

бакалдīксāл,
кухйлнэт
туҕурук
аниҕанй бдан.
Диҕдɛ, диҕдɛ!
Мит дунпэвэ
чукчараи,
балдīрй-дэ
эллэи балдīра.
Муниҕдэ-дэ
хэргӯ буҕа авахин
ушкат болгоро.
Ӯрӯ буҕа
сбницин,
айат, гунэм,
эллэ тэрэрэ.
Мит этэрэкит,
д'окилдīракит,
би бимчэ?

Тикэн гунйксэ, этэрэп турэтчэми. Отанй-мата турэтчэрэн:

Докɛ, докɛ!
доои, донин!
Би умнэ-дэ
илдаксā,
эхим мултӯвра
д'алви бихим.
Кэйми, кэйдалāви
этэм этэрэ!
Бумй, умӯн
турэн āчйи
буд'эрй бэйэ
бихим би.
Би мата
аҕад'акан,
эмӯкин бэйэ,
балдīксā,
йдӯ-дэ д'алйа:
нэкуи, акйи āчйи.
Би йдӯ-дэ
бучэлйи-дэ
соҕорй āчйи!
Эмӯккэкӯи
мэлми, гунэм.
Авахй, си
эрдин баран
арй бэйэҕэн
мананас.
Бокоймчāт,
буруйпи, ухан
тирэрйдӯв
элэкин бичэ.

Тикэн гунйксэ этэрэн. Н'ап-дāт кухйд'эрэ. Эркэп-таркāн кухйд'эрэ. Авахɛ-сбниц турэтчэрэн:

Диҕдɛ, диҕдɛ!
Дулии буга
сбницин,
Отанйид'ā,
сбниц-мата,
элɛхін-дā
сурагирцāтпи
сурагирчā бихим.
Екӯи мӯпэн
умӯксā, балдīчā?
Бад'акɛ-дā
сурдак бихинни!
Лэррй д'алацци
āчйи, н'уцни
сумус āчйи.
Екӯма-цан
урацкайдукин
балдīчā
бэйэ бихинни?
Бола-цан,
Оп кэйрй бдам?

Тикэн гунйксэ этэрэн. Отанй-мата турэтчэрэн:

Докɛ, докɛ!
Доои, донин!
Хэргӯ буҕа
Чулурэн,
Сэлэргӯн,
сбниц-мата,
би, бэйэ, гунэм,
гиллуи суму
гилдɛллэи,
катан чахамнав
д'э, н'урэллэи.
Д'э, маннӯвкал
сбт айат!

Тикэн гунйксэ, этэрэн. Гунйксэкэр, н'ап кухйд'эрэ. Отанй д'э, хāврэн эиэхйви. Бутуннуд'ии авахйва тар н'экэксэкэн, ну-

ҷан сэлэмэ тэтівэ̄н э̄лӣ-та̄лӣ туҷ'улмӣгда колтовкӣ о̄дан. Авахӣ колторӣкла̄н амҷадукин сэ̄ксэ д'олконӣвкӣ о̄дан. Авахӣ иксаран. Тарба̄н мултечэ̄лэ̄н, нуҷанма̄н кӗйда̄ви н'экэрэн. Тар-да̄т о̄ҷкаптікӣ гарада̄ран. Гарада̄кса̄ка̄н, билирги котови д'о̄никса, эҷиҷэптӯндукви, энэкӣдукки котови лувухӣнан. Тариҷӣн сэмтучэ̄. Тариҷҷи гакса̄ка̄н, хо̄гд'аран. Хо̄гран, ва̄ран. Ва̄кса̄ нуҷанма̄н, тоҷово иларан. Илакса̄, тоҷодӯ далгаран. Тогодӯ далгакса̄ка̄н, бутунну хулэптэ̄нмэ̄н мӯдӯ итіктан. Та̄дук «Айдан авахӣ дулин буҷала̄ эҷин эмэрэ», — гӯшшэн.

Тар вакса̄ка̄н, бэйэ ҷэнэрэн. Кухӣнэви ӯд'алӣви амаскӣ мучӯд'аран. Ӯд'алӣви мучӯкса̄ка̄н, умӯн буҷадӯ со̄ма баран д'ӯ бичэ̄ бихин. Та̄дӯ адікӯн д'ӯ тоҷо тіпӯттан. Та̄ла̄ истан. Умӯн эгдіҷэ̄ д'ӯнд'а бихин. Бэйэ тар д'ӯнд'ала ҷэнэрэн. «Бэҷинтін, н'уҷэйэ̄тін, хэгдівӯтін д'ӯн бид'иҷэ̄н?», — гунчэд'эрэн. Та̄ла̄ истан. Уркэдӯн иллан. Тар илчаракин, умӯн мата эмэрэн, «дорово» гунд'эрэн. Та̄дук матадук О̄танӣ улгумӣд'эрэн:

Докє, докє!
Доон, донин!
Си, мата,
эдэ̄, бэйэ,
улгучэ̄кэл,
н'уҷэйэ̄хун
д'ун ӣдӯ бихин —
миндӯ мэтэ̄вкэл!

Тікэ̄н гунӣксэ̄ этэрэн. Этэчэ̄лэ̄н улгучэ̄нд'эрэн: «Эр-ті бихин, — гунэн, — би бэҷиндулэ̄ви мэтэвӯктэ!». О̄танӣ долча̄тчэрэн тар турэ̄нмэ̄н. «Бэҷин н'уҷэйэ, Мэҷрунӣ-мата эмэчэ̄, си д'ӯвас улгумӣд'эрэн». Н'уҷэйэ̄тінд'э Мэҷрунӣ-этіркэ̄н гунд'эрэн: «Мата эмэчэ̄ бихикин, хима̄т тургэ̄нд'и ӣвкэллу!», — гунд'эрэн. Матава ӣвд'эрэ д'ӯла̄вар, э̄лгэнэ ӣврэн. Тэҷэрэн. Ӣчэ̄лэ̄н, этіркэ̄н тікэ̄ турэ̄тчэрэн:

Гени, ген'э!
Гени, ген'э!
Мата-бэйэ,
ӗйа до̄лдінни,
гунэм-ҷэн,
ӗма буҷадук
эмэнэ̄нни?

Гуннэ этэрэн. Мата турэ̄тчэрэн:

Докє, докє!
Доон, донин!
Би дулин буҷадӯ
о̄скєчэ̄ бихим.
О̄тани гунэрӣ,
мата бихим,
гунд'эм-ҷэн.
Си этіркэ̄н
ӗйа до̄лдічинни?
Улгучэ̄кэл-ҷэн!

Тарит этэрэн. Этіркэ̄н турэ̄тчэрэн:

Гени, ген'э!
Гени, ген'э!
О̄танӣ-мата,
би этіркэ̄н,
билнэв-ҷэн
горо анҷанӣ о̄дан.
Э̄дӯ сагданам.
Баран орон
авдува-да̄
иргитчэ̄ бихим.
Баран бэйэ
эмэкӣчин
дуннэ бичэ̄н.
Байанча̄в би,

Әдӯ бимӣ.
Тар бид'эрэкив,
авахӣ ЧулурӘ
сӧниӊинд'а-дӓ,
Сэлэргун-мата
элӘ эмэксӘ,
бэйэӊив, гунэм,
барадівӓн
манакса,
д'эптэн, варан.
Си айава ӧнни,
хутэ, айава ӧнавас
ӧкӯнд'и-ӊан
тамад'иӊав?

Гуннэ этэрэн. ЭтіркӘн омолгӣткӣви гунд'эрэн: «Омолгӣл, иландулӓ эмэӷилкӓн ваӊгай-байтахуна вӓкаллу! Матадӯ туйудӘвэр! ДіӷиндулӘ эмэӷилкӓн актайа вӓкэллу, матадӯ туйудӘвэр!», — этэрэн. Вӓксӓл нуӊандун туйурэ. Буӷадукки эмэхинчӘдукки элэкэс д'эптэн. Д'ӯр орон уллэвӘн бутунну умнӘкӘн улӘрэ. Тариӊӊатін умӯн д'эбӯктэт д'эбӯттэн. Тар д'эбӯксӘкӘн, нуӊан тӓдӯ ӓнӊэрэн. Ӓнӊэксӓкӓн, тімӓнна тэӷэрэн. Тӓдӯ инэттӘн, умӯн инэӊӣвэ дэрӯмкӣттэн. ИнэчӣксӘкӘн, ӓнӊэрэн; этіркӘӊӊин тӓдӯ сӧма айат нуӊанмӓн д'эбӯвкӘниттэн, арӓснэй айа тэттівэ бӯшшэн. Д'э, нуӊан ӓнӊэрэн тӓдӯ н'ӓн. Ӓнӊэксӓкӓн тімӓнна эрдэ тэӷэрэн. Эрдэ тэӷэксӘкӘн, тімӓрва д'эбуксӘкӘн этэрэн. ЭтіркӘнтікӣ турӘтчэрэн:

Доки, доки!
Доон, донин!
Д'э, н'уӊэйэ,
эхэкӘ бэйэ,
билир билигидук
горо анӊанӣва
эмэчӘ си
сагді бэйэ,
ичэнэс, дӧлдӣнас
синӊи баран,
бид'иӊӘн-ӊэн!
Би турӘнмэв
дӧлчӓткэл!
Би сэхєргєлим.
Эрдін баран
орон авдучӣ
иргитчӘ бихинни.
Баран хутэвэ
балдівчӓ бихинни,
иргитчӘ бихинни.
Би аӊад'акӓн
умӯн бэйэ
гиркурӣ
гиркунми,
умӯн надачӣ
бихим-ӊэн.
«Ӗкӯн надӓс?», —
гуннэ-ӊэн,
улгумӣ бихикис,
би нӓдав —
даран тэгэрӣ
гиркӣв-ӊэн
атіркӓӊйави
гэлӘктэмӣ,
гиркурӣ-дӓ
бэйэ бихим.
Надан киливли
хэргӘтін-ӊэн
ділачӓдӯ
энэ ділачӓвкӓна,
салгиндӯ
энэ салгиннавкӓна
иргитнӣс
надан дарнир
надан д'ӯнті
дарни дӧдун
ӧскєтна иргитнӣс
Дарнєкчӓн,
ахӓкӓн-хунӓд'ис
Кида киливлис
бихин, гунэм.
Би тарӣӊӊас
гэлӘд'эм-ӊэн.

Д'э, этіркӘӊин тӓдӯ турӘтчэрэн:

Гени, ген'э!
Гени, ген'э!
Ӧтанӣкӓн,
хутэ-ника,
си-дӘ гунэрӣс
турӘн-ӊэн
син элэкин.
Би-дӘ эхим

буҕаскӣ гунэ.
Дарпєкчāн
хунāд'ив-да
тāрā мэ̄нин
сāд'иӊан-ӊан,
мэ̄ндукин
улгумӣмӣ.

Тарӣӊӊар этіркэ̄н тāдук гунд'ирэн: «Хунāтпа гэннэ̄кэллу!». Хунāт, гэннэ̄рэктін, д'э, эмэрэн. Умӯн ахӣ элгэттэн, умӯн ахӣ д'улгидэ̄дӯн арпулӣттан. Эмэнэдӯн хунāтпан д'ӯр ӊāлэдукин д'аваксāл, тэҕэвкэ̄нэ. Тэҕэвкэ̄никсэ̄, амӣнин улгумӣд'эрэн:

Гени, ген'е!
Гени, ген'эй!
Би хэргэ хунāд'ив,
Дарпєкчāн хутэв,
аӊнакӣ бэйэ,
си сурактулāс
эмэксэ, гэлэ̄д'эрэн.
Миттӯ хэгдіӊэ̄
айа ōкса,
бид'эрӣ бэйэ
ӊэ̄рихӣ инэӊиӊэт
ичэвкэ̄нэн.
Митпэ Чулурэ̄
Сэлэргун-ӊэн
сōниӊдук
авахӣдук-тā
бихāран.
Тāрā-дā д'алдāкал!

Тікэ̄н гунӣксэ̄ этэрэн. Ахāкāн, д'э, турэ̄тчэрэн:

Дєвєдāрєко!
Дєвєдāрєко!
Мэӊрунӣ-амāй,
Сēкалāн-эн'э̄й,
сӯ бӯрэксун,
суглєрэксун,
би-вэл ēдā
этэ̄м суглєра?

Тарӣт нуӊан: «Ӊэнэҕэ̄т, ӊэнэд'иӊэ̄в», — гунэн. Тара этэрэн. Ōтанӣ-мата бимӣ улгумӣрэн:

Докє, докє!
Доон, донин!
Элэкин-ӊэн
турэ̄нми-дэ̄
бӯнэдӯс. Мит ēкӯн
курумучӣл бидэ̄т?
Миндӯ ēкӯн-дā
абдуйа āчӣн —
ураӊкай бихим!
Эр буга ēкӯн
бэйӊэ̄чӣ бивкӣ?
Тōкӣ бэйӊэ̄
бихин-ӊу, āчӣн-ӊӯ?

Тарӣт этэрэн турэ̄чӣксэ̄. Этіркэ̄н турэ̄тчэрэн:

Гени, ген'э!
Гени, ген'э!
Хутэ-ника,
Ōтанӣкāн,
э̄дӯ аҕӣ бэйӊэ̄н
ӊӣ-вэл бэйӯктэчэ̄,
сāд'ан, бид'иӊэ̄н!
Билир, билир,
эдэр биӊэхӣви,
бэйӯктэӊкӣв.
Би-дэ бэйӊэ̄вэ
вāӊкив-ӊэн
Сагданӣксā,
эллэм бэйӯктэрэ.
Горо анӊанӣ
ōдан, гунэм.
Орон авду
ахӯкāн эчэ̄ бихӣ.
Барап орон
бихин, гунэм.
Би-вэл мэ̄н
байандукив
сивайбава
ōмӣ, ēд'ан?
Орон авдуйа
вāкэллу, гунэм.
Ахӯн эйэ̄тнэвэр
тар сивайбадāкаллу!

Тар этэрэн. Нуцан тар сивайбацāт ōдан. Тар оронмо дıґинмэ вāчал, бадагар. Омолгӣлин, хунӣлин — бōкалӣн бутунну умӣвӯксāл, хāдıлтıн мōйа мōлāтта, хāдıлтıн мӯйэ мӯлōттэ, хāдıлтıн уллэвэ минōттэ, хāдıлтıн улōттō. Химāмӣйат улōмулдōро, н'ачас ирӣрэ. Д'э, упкатпа д'ӯлāвэр д'уґурэ, урӣнал, урӣнал каландук. Д'эбӯликсāкāр баран бэйэвэ гэннōрэ. Уґӯ буґа сōницилбатıн гэннōрэ. Уґӯ буга сōницилтıн ахāкāрба эмӯвчōл бичōл. Дулин буґа сōницилбāн н'āн эмӯвчōл бичōл. Мэцрунӣ этıркōн бимӣ тıкōн турōтчэрэн:

Гепи, ген'эй!
Гепи, ген'эй!
Эрдıн баран
бэйэл ōксал,
умӯнӯбӯксал,
курулєксāл,
эвӣксōл-дō,
курултīксāл,
эвӣнэ эвӣкэллу!

Ēма эвӣн
эґэлгэд'и
эвӣкэллу!
Ичэдōвун,
иникин н'экэйōмӣ,
д'ончари
д'ōнчантīцатıн!
Д'улōскӣ балдīрӣл
улгучōнэнтīцōтıн!

Тıкōн гуннэ этэрэн. Бэйэл тарит: «Ēкӯн эвӣнэ эвӣд'эп?», — гумōтчэрэ. Д'э, истангалāдāвэр н'экэттэ истангалāтта бэйэл. Истангалāмӣ, Ōтанӣ-матадӯ уґӯ буґа сōницӣлтıн эхӣ тэрōрэ. Истангалāвэр этэксōкōр, н'ōрчатта. Н'ōрчамӣ Ōтанӣдӯ тэрōрӣ бэйэ āчӣн. Тар н'ōрчаксāкāр этэксэл, араснай эвӣрд'и эвӣксōл этэчōл. Икōнивкō икōндōвэр н'экэчōл. Икōнӣккэр икōнӣлчōл баран бинэл. Д'э, тар икōнд'энэл, хōкчэнэл сōма баран бэйэ хōкчōн. Ōтанӣ-мата сōма дōлдīн сēчӣ бичō, сōма катан ēхачӣ бичō. Тарбāн баран бэйэдук нуцан ēкӯн-ка турōнмōн дōлдīран. Дōлдīнан турōн уйӣскӣ бихин:

Герєвлаканєн!
Герєвлаканєн!
Мэцрунӣ-этıркōн
киливлин-цэн
Дапрєкчāн, эдō,
дорово биґин!
Мула, мула!
Айа эвӣндукви
миндӯ ēдā

эчōс мэтōврэ?
Эрбōн баран
сōницил-да
умӣнчарактıн,
миндӯ ēда
эчōс сāвканэ?
Курумдулавар
эчōс эмэвкōнэ?

Гуннэ, тэрōтчэрэн. Бэйэл икōнчэтнэр икōнд'эрэ, хāдıлин, энэл дōлдīра. Этэксō, н'āн турōтчэрэн:

Гıривлаканıн!
Гıривлаканıн?
Ōтанӣ-мата,
доровойо ōґин!
Н'āн-дāт билир
буґадукки
эмэхинцэхис
бакалдīчāдуккар
ōн н'экэйэд'энни?

Гунэм-цэн,
тāдук ōдакин,
д'э, би ахāкāн
би синдӯ инми
ичэнтıнэс
хуларин мэцун
ун'акāнтунми
д'э, тıкивум.
«Бӯмӣ, — гунэм, —

бухиктэд'иңэс».
Багдарин мэңун
мэңурэ томкот
ухйвӯксэкэн,
тикивӯм.
«Д'апакал!», — гунэм

Дарпекчӑн-эдэ,
этиркэңдӯс
хуларин мэңун
ун'акаптунма
бэлэктэран,
«Экэл тикӯлла», — гуннэ.

Гунйксэ этэрэн. Тар этэксэкэн, уҫйскй ичэттэн мата Отанй. Ичэттэкин, экӯн-ка уйййт тоҫоҫочйн тикчэрэн. Бэйэ тара хэкнэйэ анңӯ цаладӯн тэвэрэн. Тэвэксэкэн, д'авад'арйгачйн бичэн цаладӯви. Он-да онави эчэ сара. Икэнд'эрйл бэйэл эмэнмурэ. Бэйэ йлэ-дэ иснави эчэ сара.

Арай умпэкэн уйдэмэк одан, арай экӯндук-та хактира дуннэдӯ цэнэд'эрэн-цу, ед'аран-цу. Цэнэд'эрйви эчэ сара. Арай сенин куҫунэттэн. Бэйэ айамат уйдексэ, ичэхинэн. Ичэхинэн, арай д'ӯр оҫонйви тэкэндукин дэктилэчй мурин ойодӯн укчалад'аранивит. Ичэтттэкин, дуннэцйн каландыкан эмэнмучэн хэргилэ. Тадӯ уйдексэкэн бэйэ турэтчэрэн:

Доки, доки!
До-он допин!
Эрє, эрє
экӯма вапад'эн,
экӯма-ка
кувулгатын
эксэрэн минэ,
энэ савкана?
Вамй-да,

вадави н'экэнни?
Д'эпмй-дэ
д'эбдэви н'экэнни,
энэ савкана?
Сачӑ бимй,
синдӯ тикэн
эмчэв д'эбӯврэ,
гунэм-ҫэн.

Гунйксэ, д'э, тар этэрэн. Этэчэлэн, арай турэтчэрэн:

Гереврлакапеп!
Гереврлакапеп!
Отапй-мата
би д'эпнэд'э
эчэв бихй.
Экэл цэлэрэ,
Экэл болгоро!
Ёда цэлэлинни?

Би длачӑ
хэргидэдӯн оскери,
д'апкун бугалй
тиргарй-да
длачӑ хунад'ин
Тиргакчӑн-ахакан
бихим, гунэм.

Тикэн гунйксэ этэрэн. Отанй мата айамат уйдеран. Арай уйдеракин, эҫэн'элин кумпэчэ ахакан дэҫивд'эрэн. Мурин ойодӯн, д'ӯрй умӯн мурындӯ дэҫивд'эрэн. Бэйэ тадӯ турэтчэрэн:

Докє, докє!
Доон, допин!
Си, ахакан, едӯ
албастактанни?
Кувулгат-ахакан
оданни, гунэм.

Ёда тикэн
н'экэнни-ҫэн?
Ема буҫалӑ
минэ эксэнни?
Екӯн нададӯн? —
гунэм-ҫэн.

Тарит этэрэн. Тар этэксэ, бэйэ ахакан муринми сомат илбэрэн. Тар айаннаксакан, айаннаксакан, истан буҫалави, д'ӯлави. Отанй-матава цаладукин элгэнэ, д'ӯлави йврэн. Отанй-мата тэҫэ-

рэн. Тəŋэксэкэн, д'ӯвӑн адулӑран. Олус-тӑ айа, гуд'эй д'ӯн дӧн. Багдарин мэцун мӯд'ин булкӯчӑл д'ӯлкӑн. Ахӑкӑпмэ, бэйэ, дэптикэкй тəŋэксэкэн, улгумйд'эрэн:

Докɛ, докɛ!
доон, допин!
Си, ахӑкӑп,
ӧдӑ минэвэ
эмӯвчэс? —
гупэм-цэп.
Би синэвэ
ахӑйави гад'ицӑн!

Тар гунйксэ этэрэн. Ахӑкӑн турэтчэрэн:

Герɛвлакӑнɛн!
Герɛвлакӑнɛн!
Мата-бэйэ,
Отанй-мата,
би синдук
эцӑт цӧлэрэ бимӣ,
эмчӑв эмӯврэ, гупэм.

Тикэн гунйксэ, этэрэн турэчиксэ. Нуцартин тӑдӯ ӑнцэрэ. Ахййави гадан тар бэйэ. Тӑдӯ биллэн. Нуцан тӑдӯ надаллава ӑнцэрэн. Тӑдук бичэлэн, долбо дулинин бэйэ дӧлдӣран — турэн бихин уййскэкй. Д'э, дӧлдӣракин, Дарɪɛкчӑн-ахӑкӑн кидан турэнин бихин-ивит:

Давɛдӑрɛко!
Давɛдӑрɛко!
Тиргакчӑн,
ахӑкӑн-эдэ,
дорово ӧŋин!
Ноноптиду-дӑ
бакалдиндӯ
си д'ӯлас ирэмэм.
Айа ахӑкӑн,
сураклалас эмэм.
Дилачӑ хунӑд'ин,
Тиргакчӑн,
ахӑкӑн-эдэ,
уркэви нйкэл,
химӑт, гупэм.

Тикэн гунйксэ, д'э этэрэн. Тар этэчэлэн Отанй-мата турэтчэрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, допин!
Тиргакчӑн-эдэ,
ӧкӯн турэнин ӧдан?
Илкал, тэŋэкэл!
Уркэви нйкэл!

Гуннэ, сэрӯврэп. Тиргакчӑн-ахӑкӑн турэтчэрэн:

Гирɪвлакӑнɪп!
Гирɪвлакӑнɪп!
Отанй-эдэ,
ӧкӯн долбо
турэтчэн?
Би д'ӯв итчин
кулунд'аран.
Ахикал, гупэм,
экэл курбухинэ!

Тикэн гунйксэкэн, ахй этиркэцци кумлэрэп. Ахӑкӑн Дарɪɛкчӑн н'ӑн турэтчэрэн:

Давɛдӑрɛко!
Давɛдӑрɛко!
Тиргакчӑн,
ахӑкӑн-эдэ,
Д'эйдэ-Д'эвилгэн,
Кувулгат, гӯпэм.
Мэцумэ д'ӯдуккис
этэм таŋапра.
Би си сӧпицдукис
эхим цӧлэрэ!
Би-вэл синдук
ӧтпи итэгэс

ахӣ бид'эҥэ̄в?
Си ōрӣвас ōрӣ,
си уҕирнэвэс уҕиррӣ
ахāкāн бихим,
си дэгнэвэс дэгрӣ
ахāкāн бихим.
Эр-ті д'ӯс уркэвэ̄н
дулин дулин
дэлпэрэгэр хэкихинэм!

Тікэ̄н гунӣксэ̄ тар нуҥан этэрэн. Ахāкāн Дарпєкчāн тіктэн. Д'э, тар тікӣксэ̄, нуҥан уркэвэ̄н дэлпэрэгэр хэкихинӣксэ̄кэн, д'ӯр буҕалӣ ҥэнэҥнэн, д'ӯлā ӣрэн. Тар ӣрэкин, ахӣ тэҕэрэн. Ōтанӣ-мата н'ан тэҕэрэн. Тар ахӣ турэ̄тчэрэн:

Давєдāрєко!
Давєдāрєко!
Тіргакчāн,
ахāкāн-эдэ̄,
би этіркэ̄ҥҥэв
ēкӯн удāдув
си д'оромочōс?
Этіркэ̄ҥҥи
ӯд'аван ӯд'амӣ,
элэ̄ эмэм!

Тікэ̄н гунӣксэ̄ этэрэн. Тіргакчāн-ахāкāн н'āн турэ̄тчэрэн

Герєвлакāнєн!
Герєвлакāнєн!
Ōтанӣ-мата,
би синдук н'ōҕӯт
ахӣлганав,
Нонон сāрӣв,
Дарпєкчāн-эдэ̄
си этіркэ̄ҥҥис
Ōтанӣ-мата
эчэ̄ бихӣ, гунэм,
Эмэнэви ӯд'алӣ
мучӯкал, гунэм.

Тар āхāкāн этэрэн турэ̄чиксэ̄. Дарпєкчāн-ахāкāн турэ̄тчэрэн:

Давєдāрєко!
Давєдāрєко!
Тіргакчāн-эдэ̄,
сӣ мулāмнин
суҕун этэ̄м мучӯра,
ēракин-дā!
Си ахāкāнма
иличэрӣ
ахāкāн ōдам!
Си сōдукис
эхим ҥэ̄лэрэ!
Би-вэл синдук
ēкӯнми итэгэс
ахӣ ōдам!

Гуннэ, тар этэрэн. Тар этэксэ̄кэ̄н, нуҥартін лэҕимэ̄чӣллэ д'ур ахӣ. Лэгимэ̄чӣксэ̄л, ахāл кухӣллэ. Нуҥартін д'ӯри тулӣскӣ йӯрэ. Тар йӯчэ̄лэ̄тін Ōтанӣ-мата, тэтіксэ̄кэ̄н, йӯрэн. Йӯнэн — д'ӯр ахӣ, н'уриктэлдуквэр д'авāлдīксāл, кухӣд'эрэ. Мата, илитчана, ичэтчэрэн. Тэрэ̄ҥкэ̄кӣ ахāл. Тāдӯ мата ичэтнэ илитчаран, ичэтнэ дӯмайдāд'эрэн: «Эр ēчāл ахāкāр?», — гунчэнэ. Тардалāн айāмат ділачā дэгд'эрэн. Ōтанӣ-мата бимӣ турэ̄тчэрэн:

Докє, докє!
Доон, донин!
Ахāкāр эдэ̄л,
дōлдīкаллу!
Би турэ̄нмэв
айат уйдєкаллу!
Ēкунмар тіссэмэ̄тмӣ,
кухӣрэс-тэ̄?
Буҕи этэкэллу
айа, айа бицэхин!
Эхӣксун этэ̄рэ,
Айа этэ̄н йӯрэ!

Тікэ гунӣксэ̄, этэрэн турэ̄чиксэ̄. Дарпєкчāн-ахāкāн турэ̄тчэрэн:

Дєвєдāрєко!
Дєвєдāрєко!
Си, мата-бэйэ,
дōлдīкал-кан

би ахāкāн-ӈан
турӭнмэв-дӭ!
Авгӯвавун

нонон си
гаӈāт ōчāс?

Гунӣксӭ, тар этэрэн. Ōтанӣ турӭтчэрэн:

Докε, докε!
Доон, дōнин!
Дарпεкчāн-эдӭ,
ахāкāн-эдӭ,

би гаӈāт ōнав
нонон улгумӣнэв
ахāкāн бичӭс!

Гуннэ, турӭтчэрэн:

Би ōн д'ӯрӣвэ
гамӣ сатанд'иӈāв? —
гунэм-ӈэн.

Бэйэ тікӯллан. Тікӯлӣксāкāн, бэйэ ахāлбэ д'ӯрӣвэ д'аргад'аран. Д'э, ахāл дōлдīра, кухӣд'эрэ, нуӈан ичэчиттэн. Тар ичэтчэнэ, нуӈарбатін, д'э, бэйэ д'ӯкрӭвэ н'урилдуктін д'аваран. Д'аваран-да нуӈарбатін н'урилтэлдуктін уйӣлдīрэн. Уйӣлдīксӭ, идакаллан. Нуӈарбатін д'ӯкрӭвэ сигдӭлбэтін идакад'аран. Тар идакаракин, тар ахāкāн Дарпεкчāн турӭтчэрэн:

Давεдāрεко!
Давεдāрεко!
Ōтанӣ-мата,
бэйэ токтолкол!
Би турӭнмэв
дōлдīкал-кāн!
Идакāмӣ-дā
д'ӯривэ тэрӭӈ
идакāкал!
Вāмӣ-дā,
д'ӯрӣвэвун

вāрӣ-дā, вāкал!
Би, ахāкāн,
этӭм алтāтта!
Вāмӣ, вāкāл!
«Вāмӣ, вāд'иӈāв!», — гуннэ.
«Арӣмӣ, арӣд'иӈāв!», — гуннэ.
«Караймӣ, карайд'иӈāв!», — гуннэ.
Ганас ахӣ
бичӭв, бид'иӈӭн.
Мӭнӈи купулис, гунэм.

Д'э, д'ӯрӣвэ идакаран тāдӯ мата. Идакаксāкāн, идакаксāкāн, д'ӯрӣвэ ирӭктэдӯ локорон. Локонол тāдӯ нуӈартін тэпкэнэл, тэпкэнэл, соӈонол соӈонол д'аргамāчитта. Дарпεкчāн-ахāкāн турӭнин ōдан:

Дεвεдāрεко!
Дεвεдāрεко!
Ōтанӣ-мата,
Тіргакчāн
ахāкāн-эдӭ,
ухадӯ-лака
эхӣ д'улӭви бӯрэ.
Олус д'аличӣ
ахӣ бихим, гунэм.

Эхӣ алтāтта
ахӣ одам.
Бумӣ-дӭ ӭдӯ,
Тіргакчāн,
умӯндӯ буд'иӈӭн!
Нуӈан-дā
иникин-ӈэн
этӭн суланта!

Ділачā хунāд'ин, д'э, турӭтчэрэн н'āн:

Герεвлакāнін!
Герεвлакāнін!

Ōтанӣ-мата,
Эрэй, гунэм.

Энӧ! Биргэ!
Би тэд'ӓмэ
буруйичӣ бихим.

Дарпɛкчӓпма
ахӣви, багар,
гакал, гуңэм.

Тар тикӧн гунйксӧ этэрэн. Бэйэ даҷалӓтин ңэнэрэн. Ңэнэксэкӧн, ахӓлдук улгумӣрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, дӧнин!
Ахӓкӓр-ңэн

эр идэвэр
тэд'ӧ эмӧнд'иңӧхун!

Гуннэ, улгумӣрэн:

Эдук д'улӧски
тикӧн-дӧ
этӧрэс ӧра-дӓ? —

гунд'эрэн. Этэчӧлӧн ахӓкӓн Тиргакчӓн турэтчэрэн:

Гɛрɛвлакӓнɛн!
Гɛрɛвлакӓнɛн!
Эдук д'улӧскӣ
балдырӣ ахӓл
эдук тикӧн
эңӧтин н'экэрэ!
Хуркӧн-куңкӓн-
н'ун
атӓткаң-ңан

ӧдук д'улӧскӣ
эңнэктин мэкӯстэ!
Би боңнон д'алдӯви
«Би ойолӣв ӧкӯн-дӓ
ӓчин, — гунчэңкӣв.
Би ӧкин-дӓ
эвкӣ эңдэйрэ бичӧв», —
гунчэңкӣв.

Тар этэрэн тӯрэчиксӧ. Этэчӧлӧн, бэйэ нуңарватин д'ӯрӣвэ локонодук гурэрэн, тикӣврэн. Тикӣврэкин, иланӣ д'ӯлӓвар ӣрэ. Д'э, ӣксэкэр, нуңартин иланӣ улгучэмэчиттэ. Бэйэ Ӧтанӣ думайдӓттан, гунчэттэн: «*Би, бэйэ, эри нонон ганӓт ӧнав ахӣ* Дарпɛкчӓн бичӧн-ивит. *Би тарӣңди, ӧракин, ганӓт бихим*». Тарит нуңан гадан ахӣйави Дарпɛкчӓнмэ. Гаксӓкӓн, *д'э, мата* гунд'эрэн:

Докɛ, докɛ!
Доон, дӧнин!
Тиргакчӓн,
ахӓкӓн-эдӧ,
би ганӓт ӧнав
ахӣңив-вит
Дарпɛкчӓн
эрӣ бихин.

Би тарӣңди
ганӓт бихим.
Си минэвэ
эр буҷалӓ
эмӯвчэс-вит.
Эмӯвчӧлӧви
тӓлӓ ңэнэвкэл
минэвэ, гунэм.

Тикӧн гунйксӧ этэрэн. Тиргакчӓн турэтчэрэн:

Гɛрɛвлакӓнɛн!
Гɛрɛвлакӓнɛн!
Ӧтанӣ-мата,
би-дӧ буруйив бӯгин!

«Багар эмӯвчӧн», —
гуннэ, буруйдарӣ
ӧдакис, би
ңэнэвд'иңӧв

Тикӧн гунйксэ этэрэн. Нуңан: «Эр-ти инэңмэн ңэнэвучим», — тар-ти муринд'ивар ңэнэхинэ. Ңэнэхиниксэкэр, айаннӓд'ара илани. Мэцрунӣ-этиркэн д'ӯлӓн иста. Тар ихйксӓл, тӓдӯ Ӧтанӣ биллэн. Биксэкэн, ур эмэвувкӣ ахи амаскӣ мучӯча. Д'э, тӓдӯ бид'эчэн, бид'иңэн.

8. Хуругэчэ̄н

Дуннэ тэнӣнэдін ōд'аракин, н'аӊн'аӊӣн хаӷачāндӯ кумтэптікӣ д'ававчā ōд'аракин, Н'уӊурмэк-атіркāн дулин буӷадӯ ōскєд'ачāн.

Дулин буӷадӯ ōскєд'ачā, болгикта мōӊин элэкэс болтолгод'орон, сэӊкирэ̄н элэкэс сэрбэргэд'эрэн. Айамат адулāракин, н'ахамдаткāн мōӊӣн н'албургад'аран. Арай нуӊан уйдэмкэрэн: «Ēкӯн даӷанӣ, эдэ̄ гунэрӣ, гиркӣйэ āчин бид'эрэн арай. Эр-кэ ēкӯндук йӯчэ̄, бид'иӊэ̄н, — гунчэвкӣ, — д'эрэн (< д'э эрэн), — гунчэрэн, — эрэнӣ эмӯкин бичэ̄в, бид'иӊэ̄н», — гунчэд'эрэн. Олус горово толкуйдāнан.

Д'э, н'экэксэ̄, уӷӣскэ̄кӣ мундīрэкин, ēкӯн-ка нуӊан ойолӣн н'экэйэ̄рӣ āчин бивкӣ. Кукунэ̄рӣ кукэ̄кӣ āчин биттэн, кукунэ̄рӣ сориӊин эвкӣ ӊэнэрэ.

Д'э, нуӊан бихэм-дэ̄ йэ̄нэ-бирадӯ ōскєд'аран-и-вит. Арай эр бид'энэ, д'ӯр орочӣ биттэн. Нӣ-дэ̄ бӯнэвэ̄н, эчэ̄ сāрэ. Тарā гунчэвкӣ: «би āнэлӣв», гуннэ, «д'авад'ам!» Эрэ̄ атіркāн йэ̄нэбираӊдӯви тар д'ӯр н'āмӣн'унми н'арӯткāнмэ мӯлэ̄кӣчин хулӣдӯн бид'эрэн. Чукаӷин чукавāн оӊкоктод'оро. Эр н'āмāхāлин гэрбӣлтін:д'ӯр чампарāкмахāл н'āмāхāл. «Эрӣлбэ би иргичӣктэ̄ гиркӣлэви», гунчэд'энэ д'ававкӣ. Тімāнӣтікӣн эрдэйэ эмэд'эвкӣл. Тāдук мэ̄нин д'ӯкчāн — утэн калтакāн. Нонон иргӣхэн — д'иктэ калтакан, тāдук гēвукта — н'аӊта калтакан иргӣхэ̄чӣ бичэ̄. Тāдук эр атіркāн «эр эмӯкин бичэ̄в», гуннэ, олос думайд'āран.

Дэ-хилэ, умӯкэ̄н тімāнӣдӯ хагачāнд'ави гадан, тулӣскэ̄кӣ лэпулӣрэн, «Укун'уд'э сєрєтта!» гуннэ. Эр йӯксэ̄кэ̄н, н'āмӣва сірд'аракин, арай утэн калтакāн д'ӯдӯн ōкин-ка энэн дōлдīра чēрӊад'аран «Ті-ій!». — «Оголор! Ēкӯн тэпкэлд'эн?» гунчэрэн. Тар гунд'энэйэ, хагачāнми уӷӣскэ̄кӣ гаранда̄ран, тухад'аран д'ӯткāкӣви. Д'э, д'ӯлāйи туксана эмэрэн атіркāн-турэ̄н. Тухана эмэксэ̄, уркэлӣви ӣмэлчэрэн. Ӣксэ, ēкӯн-кат āчӣн. «Ті-ій! Оголор! ēкӯн гӯнэн? Ēкӯн турэ̄йэгдэ биксэ̄кэ̄н сурурэн?», — гунчэд'энэ, лупэлӣд'эрэн тулӣскэ̄кӣ. Лупэлӣксэ̄, д'ӯви хоролӣ хоролд'орон «ēкӯн тэпкэд'эрэн?» гӯннэ, гӯннэ хоролдон. Д'э, эрэ̄ тікэ̄н н'экэрэн. Н'амахāлдулāви укӯн'угэ укӯвкэнэ, ēнайтāнэй ēдан ōран. «Карєӊнак укун'унми уӊкурӣвэ̄н ичэӊнэкэл!», — гунчэ̄н. Тāдук ēдук-тā кихєйдан. Эхилэ укӯн'у сірилдан. Эр сірд'аракин, н'āн-дāт тэпкэлдэн, чēрӊалдан ēкӯндук хуӊту. Эрӣ, бэйэ ōксā, энэн дōлдīра. Н'āн-дāт туксахинан, халкачāнми гарадāксōран. «Д'э, ēдāнмэ ичэӊэ̄тнэв сатар ичэдэвэ̄н ичэд'иӊэ̄в», — гунчэрэн, туксад'аран. Атіркāн-турэ̄н эӊэхӣчит тухад'аран, уркэви мирэтни мундуккāн эмчэрэгэр нāчад'аран. Утэн калтакāн д'ӯви ичэхӣнд'энэйэ ӣд'эрэн. Тар ичэхиӊнэн — арай бэйэ ōксā, нуӊан ōкин-кат энэн ичэрэ, арай бэйэткэ̄н-куӊакāн нуӊан сэктэвӯрдӯн аран хунилдāд'аран. «Д'э, бараксāкāн! Эр ēкӯн тікӣврэн?», — гунчэнэ. Д'э, э̄дук урӯниксэ̄, нуӊанмāн лаӊкалӣд'айāттан айагда солкомо билатни, чаварӣхинӣксā, тарӣӊӣтни

чакӣлдан айамат. «Д'э, эриңдук укулāд'эңэв укӯн'увэ сірдаксā». Эр эмэвӯксэ̄кэ̄н, дєлбимэ д'эбувкāнд'эрэн. Тарӣңӣн арай умӯкэ̄лдэвэ āнңаксā, умӯкэ̄чӣгэчӣн ōд'аран. «Ті-ій!». «Тэд'э̄мэ дэҕиңӣ аҕӣткāн-куңакāн», — гунчэнэ. Илалдава āнңэрэн, иланд'āчӣгачӣн атіркāнн'ун айамат сэхӣргэвкӣ ōд'аран.

«Кирє ēкӯн бараксāн, ēкӯн айакинин, бараксан дундэлӣ-дэ̄ гиркунайан, уҕӣҕӣт тікнэйэн?». Эр атіркāн думāтмӣ ухэ̄рэн. Ӣдук-кэт тэкэчӣ бинэ, эмэд'эккэ̄н — эчэ̄ сāд'ара.

Д'э, умӯн тімāнӣдӯ эр куңакāн-турэ̄н турэ̄рбуд'эрэн. Д'э, турэ̄рбучсэ̄, нуңан эвэкэ̄дукки курдусс'урун:

Миндӯ гэрбӣйэв гэрбӣкэл!
Дулин буҕадӯ
арахинай аймакил
эмэхэ̄л, гэлтэминд'эл,
«Гэрбӣс ңи?», — гуннэл,
ханңӯкталд'аңāтін.
Тар ханңӯллактін,
ōн гуннэ, гэрбӣчӣлд'эңэ̄в
би гэрбӣви?

Тавар куңакāн турэ̄ттэ̄ви этэрэн. Н'унурмэк-атіркāн:

— Д'э, тэд'э̄мэ-дэ̄ дэҕиңи гэрбӣйэс гэрбӣд'эңэ̄в! — гӯнэн. — Гэрбӣс эдуккэр д'улэ̄скӣ Дулин буга Хуругэчэ̄нин бикэл! Аңнакӣл арахинай ханңӯвкӣл, ханңӯлдактін, тавар Хуругэчэ̄нмэ, гэрбӣс Дулин буҕа Хуругэчэ̄нин бикэл! Тāдуккар урс'у лукӣкэ̄нэ̄с, алаңад'айас ōд'иңāв. Тімāтна эрдэкэн бэлэннэ̄д'иңэ̄в. Тімӣптӣдук чāскāкӣ лукӣт эвӣвкӣ ōд'иңāс, — гунд'эрэн.

Эр куңакāн бичэ̄ ēкӯндук-тā урӯнд'урун. Эр нуңан алаңāйан ōксāкāн этэрэн. Эр ōнāд'ин ēкӯндук-тā айат лукукэ̄тчэрэн. Йэ̄нэбираңңи солококӣ, алаңанд'ави ңāлд'ана, эвӣнэ̄д'эрэн. Эр суруксэ̄. Эр бэйэткэн-куңакāн дулин буҕадӯ ōкин-ка энэви ичэрэ ичэрэн. «Эр ēкӯн оголор?», гунэн. Аймамат ичэрэкин, арай діҕин халгачӣптікӣн бивкӣ, уҕӣски эҕин-эҕин чорокōчӣ бивкӣ. Д'э, нуңан бичэ̄ алаңанд'атни лукулэ̄д'эрэн арай. «Д'э-рэ, эвэ̄кэ̄лэ̄ви ичэвкэ̄никтэ. Ēкун эри?». Нуңан бичэ̄, инихиниксэ̄ ōран, тухад'ахинан. Д'э, нуңан бичэ̄ ахундӯ-ңан ихивд'ан? Эркэ̄ндӯ иссаран-дат. Д'э, уркэдӯви мукчэрэгэр н'ōдāд'аргара. Эр арбагайкāн атіркāн ēдук-тā олорон. Ōңканчаран, олоксо. «Ēкӯндук н'экэм эрӣ?», — гунчэнэ, ичэхинэн. Арай аймамат уйдэрэкин. «Эр тōкӣ гӯкит бэйңэ̄ңӣтін, бид'иңэн!», — гунчэнэ лупулӣд'эрэн тулӣскэ̄ки. Д'э, котонд'ови ңāлихинд'анайа, нуңанмāн ихиликсā ōран. Нандаван хигилдэн, симтунд'адӯви катарин улэ̄мнэк улэ̄рэн. Д'э, дурукмавāн улэ̄мнэк улэ̄рэн, «Хутэдӯви д'эбӯвкэ̄нд'иңэ̄в,» — гунчэнэ. Д'э, дулин буҕа Хуругэчэ̄нин тавар сигділэ̄дӯн ихэврӣ улдэвэ бутунну д'авачā-йе-вит. Д'э, нуңан д'эбулд'эрэн, кара хорокӣдінма амңахинан. Каракӣдікāн ōд'аракин, арай німңэвкӣ. Мундікāндімэ имӯхэвэ сēракин, хēлакӣдін ōд'аракин, німңэртін. «Ēкӯндук-тā ихэлкэ̄й? Тэд'э̄мэ аҕиткāн-вит!». Д'э, д'эпті д'эбгэ̄йэви этэрэн. Д'э, нуңан тікэ̄н турэрбуд'эрэн. Д'э, нуңан энӣндукви ханңӯд'аран:

— Би горокōндулӣ гиркуктаракив, ōн бимчӭ? — гуннэ, энӣндуки гэлӭд'эрэн: — Дулин бугаду хаватад'арӣ д'ӯр халгачӣ, гохикачӣ бивкӣ, бид'иңӭн? Би гиркӣйэви гилӭктэдӭви эйӭчим, — гунд'эрэн: — Дiлачā йӯптуткӣ сурурэкив, ēкӯн бид'иңӭн? — Д'э, тiкӭн гунивкӣ нуңан.

Н'унурмэк-этiркӭн гунд'эрэн:

— Токтокол! Умӯн анңанӣмактӯ улдэвэ эд'элӣн ситтэ, ургунми эд'элин д'алупта, экэл гиркӯктара. Токтолкōл! — гунд'эрэн.

Тар гуннэдӯн токтод'орон. Хуругэчӭн-турӭн алаңāнд'ави гахā, йӭнэ-бираңңи солокōкӣ эвӣд'энӭд'эрэн. Д'ӯрӣ д'анкун алаңāнд'ави лукулэмдэк сēмактӯви тāнимкāд'аран. Арай ирӭктэ моңңи лукулӭмкэрэн. Баргудукин чомпōндiксā, лукутiн таґавран. Тар тiкӭн н'экэд'энэ, илалдава-дā āнңэнэви, илан д'āлдава-кат āнңэнэви эчэ сāрэ. Тар эвӣттӭд'эрэкин, ōкин-кат энэлӣн ичэрэ арай уґӣйӭлӣн дэґӣлдэн. Арай н'аңн'аткāкӣ ичэрэн. «Д'э, ēкӯр тавар?,» — гуннэ, арай тариңӣлин турӭрбуд'эрэ. Нуңан дōлдiд'аран, арай турӭр, турӭр бивкӣл. «Д'э, ēкӯр?», — гунэн нуңан. Уґӣлӣ ңэнэд'эрэктiн, нуңан турӭнмэтiн дōлчāтчана, тухад'аран. Нуңан утāксā, туксахӣнакин, буґатiн лэвӭкӭтнэ, кēйана эхин туксара. Ухӭрэн туксатмӣ, гукчанд'аран, суптiд'аран. Тар суруксӭ ōчā, эңд'ӭклӣтiн тухалӣтiн.

Тар суруд'урукин, арай д'ӯ бихилчā-вит. Д'ӯлāйи эмэрэн. Эмэксӭ, «Йттэ», гӯнэн. Арай ōкин-кат энэлин ичэрэ айамат тэґэтчэрэ. Д'э, тар эмэксэ, ханңӯлдан:

— Д'э, ēмайа бихис? — гуннэ.

Тар ханңӯракин арай, гэрбӣлбэр улгучӭнңӭтiтiн. «Д'э», тар элэкэс эмэмӣ, улгучӭлдэн:

— Сēкардин хунӣлин бихив, — гуннэл: — Хэгдiґӯ хунāд'ин — би, Мэңукчāн гунэрӣ бихим, — гунэн.

Тāдук дулгӯ хунāд'ин гэрбӣви «Дарпēкчан» гунэн:

— Сāмэй хэргӯ — Сēкакчāн. Д'э, бу буґадӯвун, дiлачā йӯктудӯн арахинай бōкатiрил-эңэхӣл эмэңӭтiтiн. Тарā дōлдiксāл, эр эмэрэв. Эр-дэт эхӣткӭн бӯ тiргилинд'ӭк тiргэдӯвун эмэрэв, бид'иңӭн. Эр-дэт эмэд'иңӭтiн эр буґалā хэргӯ буґа Сэлэнтурин».

Н'уңурмэк-этiркӭндук ханңӯктад'ара:

— Йдӯ бихиквун, этӭрэ бакара мунэвэ, — гуннэ.

Н'уңурмэк-атiркан: «Экэллу сурурэ, — гӯнэн, — эмэрӣйэтiн этэйӭткэлду. Эр би буґавав бакард'ара». Тiкэ гунӣксӭ этэрэн Н'уңурмэк-атiркāн.

Омолгӣчāн Хуругэчӭн-сōниң ēкӯн-дā энэ сэхэргēра, тар сониңилба дōлдiксā, олус думаран. Олус-тā кихēйдан, тар н'экэд'эрэктiн. «Арай ēкӯн, ēкӯн эмэрэн?» — гунчэвки. Арай дōлчӯнатiн? «Уркэвэ нӣкэлду!», — гунд'эрэн. Д'э, тар арай гуннэдӯн уркэвэ нӣд'эрэ. Нӣксӭл, нӣнэтiн д'улāтiн йд'эрэн. Д'анкун сэлэмэ кāровāтпэ тэґэкйэн нӭрэ. Эмэнэтiн дулин буга Хуругэчӭнин тiкӭн, тiкӭн турэрбӯд'эрэн. Д'э, ханңӯлдан:

— Нононтӏ бимӣ, доровонд'о биӷин! Амаргӯптӏн бимӣ, улбулӣкӑн улгӯрд'иӈӑс, ӗма буӷадук эр буӷалӑ эмэнды? Гэлтэр гэрбӣви улгучэкэл!

Тавар этэрэн. Д'э, эхилэ Сэлэнтур улгучэлдэн:

— Хэргӯ буӷа Сэлэнтӯрин бихим, — гунэн, — Секард'ин дылачӑ хунӣлбӑн гэлэктэд'эм. Мэӈукчӑнмэ гэлэктэд'эм, — гунэн.

Кэ, тар гуниксэ этэрэн. Тавар этэд'экэнин, дулин буӷа Хуругэчэнин ӗкӯндук-тӑ тӏкӯлдан; дӏрамдӏ дӏрамдулӣви аран эчэ хэтаргара, нэмкӯндӏ нэмкӯндуливи аран эчэ этӏргэрэ. Эвункӣ умӯкэн тэӷэрӣктава дӏрамӯлд'аран. Уӷӣскӣ уйдэйнэдӯви умӯн сэммэ гугдалдан. Д'э, нуӈандулӑн олус тӏкӯлдан. Эр хэргӯ буӷа Сэлэнтӯрин ичэдэнд'эс ӗкӯмадӯ сурдактаран? Хойови дулиндукин умӯкэчэн ӗхачӣ, тӏӈэнми дулиндукин умӯкэн ӈӑлэчӣ, самаки тӧрайдукин умӯкэн халгачӣ. Ӑмуткӑндӏн ӗханд'ӑви ичэхиннэс ӗкӯмадӯ сурдактаран!

Арай ичэхинэн айамат — эр ӗханд'ӑдӯн умӯн тэӷэрӣкта гаранд'ӑ мӧ лапкучад'аран.

— Си эмэд'эк ӯд'алӣви сӧмат химӑт мучӯкал! Д'апкун учатӏчӣ аланӈӑтпи лукилэд'иӈэв синэвэ! Сӧмат химӑт эмэд'эк ӯд'алӣви мучӯд'акал! Эхикис-нун мучӯра, ибгундама мӧт сигдэкэнмэс илэхӣнд'эӈэв! Сӧмат химӑт эр-дэ йӯкэл! — гунд'эрэн.

Тар гуннэдӯн хэргӯ буӷа Сэлэнтӯрин тӏкэн гунд'эрэн; д'э, нуӈан турэрбӯд'эрэн эхӣлэ:

— Хэ-эт, татайбун! Эр дулин буӷа Хуругэчэнин, ӗкӯндӯ ӧскэд'ачас? — гӯнэн, — турэндӯ дӧксутаран, — гунд'эрэн, — Мэнукчӑнмэ гадарӣмадӯ гад'иӈӑв! — гунд'эрэн. Тар н'экэксэ, мэнмэс, ухук, сэксэбэс урэгэстӑннэ эвӣвкэнтэд'иӈэв! Бохоктолд'ис тэвэскэтчиӈӑв!

Тар гуннэдӯн дулин буга Хуругэчэнин ӗкӯндук-тӑ кихэйдан. Тар н'экэд'энэл, «Арай д'ӯкрэ кухиӷэт!», — гуннэл, тулйскэкӣ лупулйд'эрэ. Д'э, дулин буга Хуругэчэнин гунд'эрэн эхӣлэ:

— Нономо лукӣкэрд'ивэр эвӣгэт! — гуниттэн.

Д'э, нуӈартӏн эхӣлэ лукӣкэнд'элбэр д'улэскӣ умӯкэн икэнмэ тэриндӯн илд'ара.

— Д'э, авгӯ н'ӧрӑд'ап?

Сэлэнтӯр гунэн Хуругэчэнмэ:

— Кэ, си н'ӧрӑкэл!

— Кэ, кэ! — гунэн Хуругэчэн.

Илалдава-дӑ иткучапавар, дӏӷилдэвэ дӏлпӣнчэнэвэр эчэл сӑд'ара. Д'э, тупцалдава турӯвчаксӑ, д'э, нуӈан бихэм-дэ Хуругэчэн: «Эхилэ хэргӯ буӷа бэйэн хэргӣскӣ-тӏ адагад'аӈӑн», — гунчэд'эрэн. Тӏкэн гунчэксэ, самакмӑдӯн лукулэд'эрэн. Тар лукулэксэкэн, каканд'ӑвӑн тоцорогор лукулэрэн. Эр лукулэнэдӯн Сэлэнтӯр бичэ ӗкӯндук-тӑ олорон.

— О-эт! Татайван, оголор сурдагэй! — гунэн.

— Кэ, би-кэнэ лукулэктэ! — гуннэ, ӑмуткӑндӏ ӗханд'ави тэнэхэкин ичэхинэн. «Анэй-танэй, аваккавӑн!», — гӯнэн. Тар

гунӣксӭкӭн, «Дулин буҕа бэйэн уҕискӭкӣ адагад'аҷан», — гунчэрэн, алаҷанд'ави сӭмактуви тӓнчэрэн. Хуругэчӭнмэ «Уҕӣскӣ адагад'аҷӓн», — гуннэ ойочӣрадӯн лукулӭрэн, мӭтавӓн пилтэрэгэр лукулӭрэн. Д'э, д'ӯрмӭнтін икӭнтікӭкӣ дӭптікӣтӭнӭ туксад'аран, эркэн-дэт бакалдӣд'аран. Ӭкӯндук-кат эчӭл токторо, колтумачилла. Кухӣлдэ, эркӭн-дӭ, таркӓн-дӓ колтумӓтчара, хэкӣмӭтчэвкӣл. Д'э, томтор дундэ тэцкӣ ӧвкӣ. Эр кухӣд'энэл иртікӣ-дӭ суруд'эрӣвэр эхӣл сӓра. Маҷагда дундэвэ н'уҷӣлбар дулкакӣрбатін лэвӭкӭтчэрэ. Д'э, Хуругэчӭн-сӧниҷ гунэн нуҷанмӓн: «Авгӯкє силгилчӓл бихин?».

Хэнҷэлбэр адулӓра. Д'ӯр хойолд'ивэр турукчамӓтнал, уйӯнчэд'эрэ. Арай Сэлэнтур умӯн халганин умӯкӭнҷэчӣн силгилчӭ, арай тікӣлтэк ӧчӓ бинэ, илгимад'ачӓ. Хуругэчӭн гунэн:

— Эргэчӣн бимӣ, муннун кухӣд'эндi?

Тарйӓлӓ гарадӓран. Д'э, ибгунда мӧҷиткӣн оҷилканмӓн ӧд'аран, нуҷанмӓн ирӣктад'ана. Д'э, тікӭн-дӭ хэргӯ буҕа Сэлэнтӯрин нӣрин гирамдӓракин, ичэвӯливкӣл ӧд'ара. Хэргӯ буҕа Сэлэнтӯрин: «Токтокол!», — гуннэ, турӭчивкӣ ӧран.

Д'э, гуннэдӯн дулин буга Хуругэчӭнин ӧкин-кат эҷӭт токторо ӧчӓ, ирӣктавкӣ. Арай тар ирӣктад'аракин, хэргӯ буҕаткӣ турӭнин, турӭн ӧлчӓ. «Ӭкӯн н'экэд'эн?», — гуннэ, Хуругучӭн-турӭн мултӯвран. Арай уйдєрэкин, хэргӯ буҕа Сэлэнтӯрин хэргӣскӭкӣ, буҕалӓви сурухинчӭ бичӭ. Тар сурухӣнд'энэ, турӭтчэрэн. Арай Хуругучэн уйдэрэкин, «Бэйэткӭн-куҷакӓнҷис лукӣткӭнд'и лукӣткӭчид'эрэкин, ахӓткӓн-куҷакӓнҷис киптікӓнд'и гиркачӣлд'аракин, — гуннэ, — мучӯд'иҷӓв».

Хэргӯ буҕа Сэлэнтӯрин, кӭйивӯксӓ, хэргӯ буҕалӓ тімӣрдэн,

Кэ, тӓдӯ Хуругэчӭн эмӯкӣн суруҷӭтін эхӣлэ. «Д'э, ӣдук эмэчӭ? — нуҷан гунчэрэн, — ӭлӣ-тӭ, бид'иҷӭн!».

Эдӯ-тӓдӯ ӯд'алби сӓд'аран. Ҷэнэрэн. Утэн-калтакӓн д'ӯн ичэвӯллэн. Д'э, арай тулӣлӭ тэҕэрэн, эмэхӭ, д'ӯви уркэдӯн. Тэҕэксӭ, тікӭн, тікӭн турэрбӯд'эрэн:

— Н'уҷурмэк, гунэрӣ, эвэкӭнд'ӭв, уркэнд'ӭви нӣкэл! — гунэн.

Улгучӭннэдӯн Н'уҷурмэк-атіркӓн тэҕэтчэмнин, элӭмӭтни хэтэкӭнчэд'эрэн уркэлӭви. Нӣксӭкӭн уркэви, ичэхинд'эрэн. Арай хутэн эмэчӭ, арама-вал тӓгрэн. Д'э, ӭкӯндук-тӓ урӯнэн. Арахинай н'экэксӭ кумаланми, бихикэн, дурукмавӓн айадікӓнми — «эҕин, эҕин сулара!» — бобурама сэктэврэн. «Кэ, хутэ, ӣкэл!», — гӯнэн.

Тар гуннэдӯн ӣрэн. Арахинай д'эвгӭви энэ сулара дєлби астаран. Д'эбӯвкӭнд'эрэн нуҷанмӓн айамамат.

— Д'э, эр, утэ, ӣр буҕалба гиркуктаксӓ, эмэнндi? — гунэн.

Хуругучӭн-сӧниҷ горово эвэлӭви с'эргєлдан, тӓдук ханҷӯран:

— Сӭкӓрд'ин хунӣлин ӣлӭ суручӭтін?

Н'уҷурмэк-атіркӓн тариҷдӯн гӯнэн:

— Мэҷукчӓн ӭкӯндук-тӓ горо буҕачӣ. Си, хутэ, этӭндi иста.

— Д'э, ӭдӓ этӭм иста? — гунэн. — Ката н'уҷнӣкэл, исшаҷӓв, — гунӣттэн.

— Дiлачā йӯктӯткӘкӣн с'урукэл, — гунчэн. — Дiлачā йӯктӯмэвӘн с'уруд'эрэкис, д'ӯр йӘнэвэ эдэксӘ, баргудӯ чӧраманд'ā д'ӯ бид'иңӘн. Тарā бакаракис, тāдӯ бид'иңӘтiн.

Тар гуннэдӯн, тар н'уңнӣнэлӣн д'эптi-д'эбгӘви омңорон, цэнэхиликсӘ ӧран. «Исчаңāв», — гӯннэ, тэттi-тэттiви бутунну тэтчэрэн. Д'э, Н'уңурмэк-атiркāн д'айамат (<д'э айамат) н'укāнимāтнал, поростiлāссара.

— Умӯн анңанӣлӣ эмэдӘви! — гуниттэн.

Тар гунэ, цэнэхӣнд'эрэн эхӣлэ. Алаңāви цāлихӣнан-дā, цэнэхӣнэн. Тухад'а ӧчивкӣ. Дiлачā йӯктуткӘкӣ тухад'аран. Дэгрӣ дэктiлӘчӣ суптiд'аңāн; энэ гунчэрэ, н'ахамда мӧңңи н'албулӣ ӧд'аран, тухад'аран. Нуңан цэнэд'эрӣ уғидӯн эдiндӯн дағадӯн бихи мӧ бутунну суллӯмд'аран «Тiйэвӯнэви гакта», — гунчэд'эвки. Ӗкӯн-кат мӧн эхин тiйӘвӯн ӧра. Н'ӗлбирагар тӯнивкӣ, мӘнми ӯд'ави этӘн чэмкэрэ-хин, амаскāкӣ горойӧдук ичэвд'эрэн эмэмдэн ӯд'ан. «Эр гочӣкта анңанӣдӯ мучӯнивтi ӧракив, эрэгэмэр сāвд'аңāт», — гунчэрэн. ЭркӘн-дӘ, таркāн-дā туксаран. Туксаракин, ӧкин-кат энэн ичэрэ ӗкӯндук айат китiличӣ бира ичэвӯлчӘ. «ЭвэкӘв гуннэн, тавар гуннэн эмэрэн?». Арай баргӣдāн эхӣ ичэврэ. Тарā олод'орон. Олоксӧкӧн, н'āн баргӣдāвāн йӯктӯткӘкӣ тухад'аран. Тухад'аракин, эр н'āн-дат умӯкӘн йӘнэ ичэвӯлдэн. Кэ, баргӣдāвāн ичэхӣннэйэ гиркуд'аран. Эр ичэхинэн, арай ӗкӯндук-тā айа хунāт ичэвулдэн, гунд'энэ: «Ун'акāптунми сӘнмим». Дулин буға ХуругэчӘнин: «Ӧн н'экэксӘ, бакаңāтiв!», гунчэрэн.

— Ӗма буғадӯ, — гуниттэн, — сӘнмид'ӘккӘн нуңнӣкэл!

— ЙӯктукӘнтiкӣ с'урукул! — гунӣттэн: — Илӣтiн йӘнэ баргӣдāдӯн илан дiличӣ уксукӣ бид'эрэн. Цӗғидāдӯ улбуликсӘ. тiкивчӘв. Тара сāрэн, бид'иңӘн. Кэ, тарā бакаксā, эмувдӘви! Тарā эмӯврэкис, минэвэ гад'иңāс, ахӣйави гаңāтiс.

Д'э, нуңан бимӣ тухачā тухаран. Эр-дэт ихилчā, умӯкӘн йӘнэ хэдэлдэн, баргӣскāкӣн туксахӣнд'ахинан. Эр-дӘт гӗвукта йӘнэ ичэвӯлдэн. Тарā баргӣскāкӣ туксасӧран. Нуңан «уригдэн, — гуннэ, — уригдэндӯ эхӣв би илда». Д'э, урӯхинчэд'энэ туксаран. Тар-дāт ичэвӯлдэн. «Д'э, эртi, бӧла», — гунчэрэн, ичэтнэйэ эмэлдэн. Ӗкӯндук-тā хэгдiңӘ йӘнэ ичэвӯлдэн. Тар баргӣдāвāн ичэтнэйэ эмэрэн. Арай ӗкӯндук-тā хэгдiңӘхэ уксукӣнд'Ә бид'эрэн. «Тавар-тi бӧлага?», — гунчэнэ, эрухиңңи иңалā эғӯрэн, баргӣскāкӣ олохинӣксā ӧран. Уксукӣнд'аңңи чапакāклāн туксаран. Ихиксāкāн, ичэттэн — умӯктагдалин, мэнин āчӣр. Уксукӣ с'уручӘ. Умӯкталбāн гадан. Гахсā, д'айаран. Уксукӣңңи этэйӘд'эрэн. Ахунма бид'иңӘн, тар-дат эмэрэн. Уксукӣнд'āңин, эмэксӘкӘн ойодӯн хāрӣлдан.

— Умӯкталбав ӗкӯн эксэрэн? — гуннэ турэрбӯд'эрэн.

Дулин буға ХуругэчӘнин.

— Би гачāв, — турэрбӯд'эрэн: — Келкумус ун'акāптунмав бакаракис, бӯд'иңӘв!

— Бакакӯн! — гӯнэн: — Эр мӯдӯ бихикин, бакад'ицāв, — гӯнэн, — анцаймактӯ алāттāви! — гӯнэн-дā, гад'ухинаи.

Д'э, дулин буға Хуругэчэнин: «Гороке!», — гӯнэн.

— Кэтэлдэхэ анцанӣ калтакалӣи эмэвд'эцэв! — гуннэ. — Дʒин бēʒамактӯ уʒэлэд'ицэв, — хуркуд'эхинэн уʒӣскэкӣ. Хэргӯ туксу уʒӣдэлӣн āдрэн.

Дулин буга Хуругэчэнин эркэн-дэт, таркāн-дāт тэрэтчэнэ, алāтчаран. Эйэкӣ, солокӣ гиркӯктаттан. Тар гиркӯктад'аракин, арай ēкӯндук-тā эдīи ōран. «Эр ēкӯи н'экэлдэн?», — гуннэ, д'иктɪргɛран. Уʒӣскэкӣ мундурэкин, хэргӯ тӯксу хэргӣдэдӯи ēкӯн-дā āчīн. Урӣгдэнмэн ēкӯндук-кат хэгдицэт мӯвэн урӯхинд'эрэн. «Ēкӯндук-кат горолō урӯхинэн?». Бираицци ичэхинэн — ицарāгдан сулапчā. «Эр ēкӯи хӯрд'эрэн?». — гуннэ, мэнии сэхирэн. Дулин буга Хуругэчэн-турэн, илан диличӣ уксукицци с'урунэвэн омцочō, бид'эчэ. Тар н'экэд'эрэкин, эр илан диличӣ уксукӣцин эмэрэн, даʒадӯи тэрэрэн. Тар даʒадӯи дōксā, тикэн, тикэн турэрбӯд'эрэн:

— Ун'акāптунмас эмэвум-цу. Нономо д'эʒинцу манавав ичэкэл! Тāдӯ āчīн бимӣ, анцӯ цāлав чимӣткиндӯи ун'акāптунди бид'ицэн!

Нономо д'эʒинцу мананд'āви ичэвкэнэн Хуругэчэндулā, ōцканӣксā, сиркунан. Дулин буға Хуругэчэнин, гэлэктэксэ, эчэ бакара — āчīн. Тукалāгдава човоколōд'орон.

— Анцӯ мананд'āдӯв адулākэл! — гӯнэн.

Тарā адулāнан, арай кихил-комус ун'акāптунии анцӯ манатпи д'авaксā, эмӯвчэ. Эр бакаксā ун'акāптунми, ōкин-кат энэви урӯнэ урӯнчэ. Тар бакаксā, уксукӣцци умукталбāи сōмат айат нонон бид'эктӯи нэд'эрэн. Уксукӣцлэви тикэн, тикэн турэрбуд'эрэн:

— Цэнэхилдīдӯви ēдук-тā хэгдицэ пэхӣвэ, — гунд'ам, — эр ун'акāптунма баканадӯс би умӯкэи тōкӣва лукулэд'ицэв. Лукулэнэйэ, цэнэд'ицэв. Эр умӯи йэнэ баргӣдāлāи н'экэйэдэви, тāдӯ бакадāви. Би ēкӯндук-кат сōмат хэлӣнчэд'эм буʒалāви!

Тар поростілāстан, эр-дэт цэнэхӣнд'эрэн. «Д'э, эргӣт эмэчэв, бид'эцэн», — гунчэнэ, нуцан д'эпті-д'эвгэйэви, āхии-да āмӣйа āчин ōран. Тикэн цэнэд'энэ арай ēкӯнми ичэрэн. Тāлӣ туксаран, тōкӣва ичэксэ. Нуцанмāи лукулэрэн. Тарӣцци мōва тоцорогор, дулиндулӣи хоколӣксā, тāдӯ локорон. Лококсō, эмōнэи «Илан диличӣ уксукӣнд'э, эмэксэ, хутэлдӯви д'эбӯвкэнд'эцэн», — гуннэ, эмэнэн.

Тāдук буʒаткӣви эркэн-дэ, таркāн-дā туксад'аран. Эр сигдилэдӯ буʒадукпи эмэхинэви ахулда ōнавāи эхии сāра. Д'э, нуцан ахӯнчад'анāи? Н'уцӣви дулмактӯи лэвэкэтнэ тухад'аран, ирэктэ мōцци илдирэгэр тӯнэ. Эр нуцан кухӣлӣндӯи ēкӯди-ка хаватарӣ бэйцэн даʒадӯи эхии сулапта. Эхэкэлин бимӣ, палпали с'урудʼэрэ. Ēкӯндук-тā сурдакит тухаран. Д'э, тухад'аракин, нуцан-ну буʒаи, ōма-гӯ арай тākитна, ичэтпэ цэнэд'эрэкин, ōи даʒини буʒавāи урэлд'эрэн. Арай айамат ичэхинэи — ēкӯндук-тā

айа д'ӯ бид'әрән, ēкӯндук-тā гугда д'ӯ. Тар уркәлән әмәксәкән, тікән, тікән турәрбӯд'әрән:

— Уркәвәр нйкәллу! Ноноптінд'ā бимй, улбулйкән улгур бңнан!

Тар гуннәдӯн дōгйт Мәңукчāнд'ā уркәвән нйд'әрән. Әр йрәкин, тәғәвӯнин айагда н'әкēксē ичәктәвӯнән нәрән. Тар нēксēкēн, цāладукин доровомнин, тарийа элгәрән, тәғәвкēнән айамамат д'ӯдӯви. Мәңукчāнд'ә тікēн турәрбӯд'әрән:

— Горово н'әкәйēнді. Ун'акāптунмав баканді? — гунән.

Хуругәчēн «бакам» гуннә, улгучēлдән айамамат, ēкӯндук-тā урӯнун.

— Кә, әләкин, — гунән, — умун анцанймактӯ мит д'ӯкрē сивайбайавар бәләннēд'иңēт, — гуниттән.

Дулин буга Хуругәчәнин «горокē!» гунивки. Тāдук гумēчилчēл. Гумēчиксēл, сивайбавар ōлчал. Тāдук айат билчēл.

9. Умӯснй

Умӯснй-мата ōскɐд'әчē. Амйнми-дā, энйнми-дә әвкй сāрә. Умӯккēккēн ōскɐд'әчē бичē. Д'ӯн бичē ирēктә калтакāн. Д'ӯн дōвāн адулāракин, ēкӯн-дā āчйн бичē. Нуңан биксēкēн-нун, бид'әпкй, бид'әпкй бичē. Солокй, әйēкй бәйӯктәвкй бичē. Әр нуңан умнēкēн бәйӯксēкēн, ēкӯнма-дā әчйн вāра бичē. Д'ә, әр бәйә бәйӯксē, әмәхинчē. Әмәксē, āхинчā, тікӯликсā. Әр āд'әнә толкичā-ғӯ, ēчā-ғӯ бичē. Тар āд'әрәкин, турēн дōлдівчā:

Дәвәрдәкāнɐн! би-кә синдулē
Дәвәрдәкāнɐн! әмәчēв, әчē-гӯ?
Мата бәйәгдән Әр-кә н'āн
тәғәд'әкәл-гӯ! уғӯ буғадӯ
Дәвәрдәкāнɐн! хәгдіцē молон
Мата бәйә-ғу, н'āн ōд'арйн, —

гуниттēн. Айдан әрйд'аран:

Дәвәрдәкāнɐн! Цәнәчйнни-гу,
Мата-бәйә, ēчйнни-ғу?
цәпәрйс-ку, Айава ōракис,
ēрйс-ку ōдан? әхим омңоро!

Әр мата әргēчйн гуннē турēтчēрēн:

Герокāнɐн! бәйә-дәңән
Герокāнɐн! цәнәхиндāви,
Ахāкāн-ңу ēдāви н'әкәлчē?
ахāкāнтікй Гēрокāнɐн!
сәхɐргɐд'аран. Гēрокāнɐн!
Герокāнɐн! Ахāкāн-ңу бйд'әңән
Герокāнɐн! әңәхййә āчйн
Ахāкāндӯ айнāд'әм, ōд'ам?

Эр ахāкāн матава цэнэвӯчйттэн. Буҷалāви цэнэдэви н'экэд'эрэн. Цэнэхйнд'эчӧл эр ахāкāн бэйэн'ун. Эр ахāкāн д'улӧлӧ цэнэд'эвкй. Цэнэвкэнчӧл ахй буҷалāн. Ахй буҷалāн исчāл. Д'ӯлāн йчāл. Ихиксāкāр бэйэлбэ ичэрэ. Кухйлйттэ. Кухйлйксӧл, калтакā мудандукин кидāчāл, вāтта. Этэрэн. Тавар ахййави гаттан, ахāн'ун билиттэн.

10. Умӯслйкэн

Дулин буга элэкэскэн мӧйка мӗтадикāнин нэптэргэд'эцэсйн, лāм-булд'ар билāсэкэлдикэн бӧлкивд'ацасйн, уҷӯ буга элэкэскэн сӗрукāлдīкāн сӗрӯвд'ацасйн, дулин буга дулкакйндӯн эгд'э йӧнӧнд'ӧ даптудӯн бивāнд'ачā, ӧскед'эчӧн дулин буга сӧниц гэрбйн бимй эмӯкин ӧскечӧ, Умӯ-Умӯслйкэн сӧниц. Утук утэкӧчӧнин бимй, мӧйка бэйун наннад'ин далдалкāн, тӧкй н'уцид'ин тирӧвкӧлкэн, уҷэлкэн, бэйӯн дīлин калалкāн, бэйӯн чапанмāн котолкӧн бичӧн.

Эр бэйэ, йӧнэци солокй бэйӯксӧ, д'āн имуллэдӯви д'āн мӧйка бэйӯнмэ эмуҷӯттэн. Эр Умӯслйкэн тэд'ӧ сӧ бэйэ бичӧн: дуннэлй гиркурй дцин халгакāнма, д'ӯр д'апкӯн куйэ гӧкчалкāнма умнӧ эвкй этэкэнмукэнэ бичӧн. Уҷйлй дэгрй эрбэ дэҷивэ хэйэлйви эвкй исивкāнэ бичӧн. Эр Умӯслйкэн тэд'эмэ-дэ сӧт сӧмруттан, нуцан гунчэттэн: «Дулин буҷадӯ бигдэ-ти бисин, минцэчйн эцэсй бэйэ āчйн дулин буҷадӯ», — гунчэттэн. Эр Умӯслйкэн гуниттэн:

— Би эр гиркуракив, упкат бэйцӧ гӧхилкāн биттэн, дуннэлй-дӧ гиркурй бэйэцӧ, угилй дэгрй дэҷи гӧхилкāн биттэн! — эр Умӯслйкэн гуниттэн: — Би эр ӧкӯндук балдīчāв? Уҷӯ буҷадук тикчӧ бихикив, хорондӯв сациксакāн бимчӧ; хэргӯ дуннэдук йӯчӧ бисикив, чурчандӯв тукалāкāн бимчӧ; дулин буҷадук эмэчӧ бисикив, эптилӧдӯв угдаксакāн бимчӧ.

Умӯслйкэн-сӧниц, умпэкэн бэйӯксӧ, эмэксӧ, чаййцци сулурэкин, уҷйскэкй турэн инцӯрэн. Айамат дӧлчāтиан — нуцанцачйн турэлкэн-мит.

Тараҷин гупйттэн:

— Дэҷи, дэҷици! Дулин буга сониции дорово! Би эмэм уҷӯ буҷадук. «Тиккэл» гунэкис, тикчэцэ; «Экэл» гунэкис, этэм.

Эр Умӯслйкэн ӗва-дā энэ турэттэ; сӧналйви ичэттэн. Тарйцйн, турэчиксэкэн, илтэнд'эсйнэн. Эр бэйэ бимй тикӯликсā, чаникйлби малӯлāви гарадāчиксā, алаҷāви хэркэксэкэн, бэйэ турэтчэхинэн утук-утукэнтикйви:

— Эр би буҷалāв ӗкӯп-кат эцкйн гиркӯра, ӗкӯп ӧксā, инэмнэйэкэкйн, ӗкӯн дэҷи гиркӯран? Би цэнэм иртики д'улгйдэв ӧдан-дā. Айат гиркӯмй, илан анцанйлй мучӯд'ицāв. Тардалāн айат бид'экэл!

Гунйксӧ, Умӯслйкэн-сӧниц тӯксад'ахипчэн йӯлтэн йӯптуткэкйн. Эр бэйэ цэнэрйдӯн д'оке мӧ томкогочин томковӯттан, хэгдиц мӧ цицтэмӧдукви цицтэвӯттэн. Эр бэйэ тӯксад'аракин,

д'улгӣдӘдӯн калтакӑ халгалкӑн, калтакӑ ӈӑлалкӑн, калтака ӗсалкӑн ЧулурӘ ӧран. Муннукӑнма силатчарӣлӑн нӑчаран. Эр эмӘксӘ, сӧниӈ бимӣ калтакӑрӑнтікӣ гунӣттэн:

— Би ирӣктэ муннукӑнцас.

Тариӈин:

— Кэ, нэкӯ, ирӣкэл! — гунӣксӘ, тӑкантікӣ даварӣнчӣлчӑн. Тар даварӣнчад'аракин, муннукӑнцан хэтэкӘнмучӘн. Тарӣӈин ахактад'аракин, муннуканцан бутунну д'эпрӘн УмӯслӣкӘн-сӧниӈ.

Эр УмӯслӣкӘн чӑскӣ тӯксад'амнин, тукалӑдӯ хуниллӘхчӘксӘкӘн, мэӈумэ гӗкиткӑн ӧксӑ, дылачӑ йӯптуткӘкӣн дэгд'эхӣнэн. Эр ӈэнэд'энэ, болорӣвӑн сиӈӣксад'ин сӑттан, туӷэрӣвэн саӈӣксад'ин сӑттан, д'уӷарӣвӑн силӘксэд'ин сӑттан. Эр дэгд'энэ, сӧниӈ бимӣ, хуӈтутікӣр дуннэвэ илтэнӣттэн. Таргачӣн горо буӷа-вит уӯ буӷа-вит. ӇэнэксӘ, ӈэнэксӘ уӯ буӷӑ икӘнд'ӘккӘн истан. Уӯ буӷа икӘнд'Әктӯн кэтэр мӧнд'а бисин, рӑснай дэӷӣл дӧвантін.

Эр УмӯслӣкӘн-сӧниӈ тар мӧнд'а тэкӘндӯн дӣкӘнэн. Тар дӣкӘнчэд'эрэкин, сӣксэ рӑснай дэӷӣл эмэллэ. Эр эмэксӘл, рӑснай эвӣнмэ эвӣттэ: цӣ н'ӧрчарӣ — н'ӧрчаттан, цӣ икӘрӣ — икӘттэн, ци истангалӑрӣ — истангалӑттан. ЭрбӘн сӧниндук умӯкӘмэ сӧниӈ упкат эвӣнд'и суптіттан — Йӯлтэн омолгин Гарпавӯлчӑн. Эр эвӣд'энэл сӧниӈил бимӣ сӧмнуд'акӑчитта. Эхӣлэ нуӈартін гунӣттэ:

— Дулин буӷа сӧниӈин эмэрэкин, хуларин сӘксэвэн аланӑ итэгӘстӯн успӣд'эӈӘт, мӘнмӘн дӣӷин буӷалӣ мєстолӘд'иӈӘт! — гуннӘл сӧкӑттэ.

Эр сӧкӑтчарактін, уӷӣскӘкӣ Кидак дылганӣн инӈӯд'эрэн, икӘвкӘн бимӣ:

Нимєдӑрєкой! Нимєдӑрєкой!

Йӯлтэн киливлин Дарпєкчӑн-ахӑкӑн харвӑнд'ана турӘтчэрэн эхӣлэ:

— Уӷӯ буӷа сӧниӈилин, ӗва-ка сӯ салакӑчиӈкӣхун, бутун бэйэвэ эхӣл сӑра бипэл? Дулин буӷа сӧниӈин УмӯслӣкӘн-мата эмэпэн тугурук умӯн инэӈӣ ӧдан; эхӣн-дӘ дӧлӑкиӈисун тэкӘндӯн дӣкӘнчэд'эрэн, эхин-дӘ!

Уӷӯ буӷа сӧниӈил гуниттэ:

— Дулин буӷа сониӈин ӧкин-лака иснави иссан? Истӣ-дӑ ӧмӣ, мундук сумайд'иӈӑн-дӑ? Тіккэл, эмэкэл, икӘннӘӷӘр! — гунӣттэ.

Эр ахӑкӑн соӈомуна, соцомуна, «послєнэйви икӘнйктэ-дӘ», — гуннэ тікчэчӘн эхилэ.

Айамат-ті икӘнд'эрэктін УмӯслӣкӘн-сӧниӈ, тэпкэхӣнчэксӘ, иркихӣнчаксӑ, хэтэкӘнчэчӘн эхӣлэ, дӧлӑкинд'ӑ илан буӷали дэлпэргэкнэн. Маӈанна дуйнэӈцӘтін хэнӈэмӘктӯви лэвӘксӘкӘн, турӘтчэхинчӘн эхӣлэ:

— Дулин буӷа сӧниӈин би бихим, УмӯслӣкӘн-сӧниӈ! Эмэкэллу, сӘксэвэв алаӈӑӈцар итэгэстӯн уснйкэллу!

Уӷӯ буӷа сӧниңилин мӛмӛривӛр ичӛтмӛл ӧчӑтин. Хӑдилтин, цӛлӛликсӛл мӛнӛк хӛтӛкӛнчӛтин. Эрбӛн сӧниңилдук умӯкӛмӛ сӧниң, дӧптикӣ илӣксӑ, Гарпавулчӑ-сӧниң гуниттӛн:

— Ёкӯн ӛвӣнд'и ӛвӣд'ӛп? Н'ур-ӷӯ муланд'ин нӛмкимӛтчӛрӛп, алаңа-ӷӯ д'ӛйӛд'ин токтомӛтчороп, уруӷун-цу ӛрчимд'ин колтумӑтчарап? Ушкат ӛвӣндук синмӑкал!

Умӯслӣкӛн-сӧниң гунчӛн:

— Ёкӯн-лака ухан сӧниңилтин ӧмнакӣл: мӛмӛрӣлдуккӛр цӛлӛд'ӛрӛп? Хакин хакиндулӑвӛр гидалӑӷар! Н'урит нӛмкимӛткӛр!

Тӑдук сӧниңил гумӛчилчӛтин:

— Авгӯ н'ӧрӑд'ап: би-ӷӯ, си-ӷӯ?

Умӯслӣкӛн гунчӛн:

— Си н'ӧрӑкал!

Гарпавулчӑн-сӧниң сӛмактӯви н'уринд'ӑви давсиннйксӑкӑн, «уӷйскӣ-ти адаӷад'иңӑс», — гуннэ, тӑнчӑн. Н'аңн'аткӑкӣ н'урин тилкэчӛн. Гӛвчӑн гарпачӑн, «хэргйскӣ-ти адаӷад'иңӑс! — гуннэ, — урӑксӑкӑн», — гуннэ, тикиктавӑн нэптэрэгэр гарпачӑн. Тар гарпачӑлӑн Умусликэн-сӧниң: «Би-кэнэ гарпакта! — гунэн, — уӷйскӣ-ти адаӷад'аңӑс!», — гуннэ, сӧниң уӷидӛстӛдӯн тӑнчӑн. Уӷйски адагад'арӣ бӛйӛвӛ мӛтанд'авӑн нантарагар гарпачӑн. Гӛвуксӑ гарпаксӑ, чурчанд'ӑвӑн хокорогор гарпачӑн. Илйвӯксӑ гарпаксӑ, мирэнд'ӛвӛн тэкэрэгэр гарпачӑн. Тар гарпӯчӑлӑн, Гарпавулчӑ-сӧниң гунчэн:

— Минэвэ экэл вӑра! Би дусӑви Кимэнэрп Мэңункӛн нэкӯнд'иви толӯйд'иңӑв!

Тар гунчӛлӛн, Умӯслйкӛн-сӧниң «тӛд'ӛмэ-дӛ ӛван вӑд'ӛм», — гунйксӛ, ӛлй-тӑлй тумнйнан. Тариңин нӧноптігачйн ӧдан.

Тӑдук н'ӛхэңйлвӛр авуксӑл, Гарпавулчӑн буӷалӑн цэнэхинчӛтин. Ноноптідӯн сӧниңил цэнэхинӛдӯтин д'ӯр йэӷин агдӣ агдіттан, бӧкта бӧктаттан, таргачйн тургӛнд'и цэнэттэ эр сӧниңил. Эр сӧниңил, туксад'анал, арӑснай айа дуниэлвэ исилчӛтин. Илатӑл-дігитӛл дэткӛр дэлэмйчӛл дӧлдулйтин цэнэчӛтин. Эр дэлэмйчэлвэ илтэнмӯрэктин, айдан иңцӯлчэн: соңод'ӧн, тэпкэнд'ӛн, колто иӷинд'ӛн. Авахӣ д'ӛбулчэ-вит Гарпавулчӑн буӷалӑн.

Эр сӧниңил, айданма дӧлдіксӑкӑр, сувэлӛсчӛтин: «Ӧи цэнэд'ӛрӛп?», — гушнэл. Гарпавулчӑн-сӧниң гунэн: «Бу йлэ мӛнд'иви дэнэд'иңӛв?», — гунйксэ, туксад'ахйнан. Умӯслйкӛн-сӧниң, иңцактакӑн, эдіндӯ эдінмӯвд'эчӛн. Эдінмэ дӛитйкӣ тэргӛнмэтин ихиксӑ, д'ӯ муннуктӯн намарӑчӑн.

Эр намарӯчад'ана, синкйттан Умӯслйкӛн-сӧниң авахйнун сӧниңйл вӑлдід'арйватин. Тӛд'ӛмэ сӧ эңэсй эмэчӛ-вит, тутакӑн д'авӯчад'арӣ, сэлэмэ уллэлкӛн Сэлэргӯнд'ӛ-авахӣ арӑснай айа буӷан букатйр сӧниңилвӑн вӑчӑ. Йӯлтэн этіркӛн тулгидӛдӯн бутунну бӛйэ бӯнэн ӧчӑ, иламӑ сӧниңил кухид'эрэ: лӑм омолгйн — Уӷӛвнэр-сӧниң, буӷа тӛӷӛндӯн ӧскӛчӑ — Отанйкӑн-сӧниң, Йӯлтэн-омолгйн — Гарпавулчӑн-сӧниң. Илаллава кухйксэл, Сэ-

лэмтэрӯнд'э бутунну кӗйран. Эр кӗйчӑлӑн, Дарпӗк-киливли соңоно, соңоно турӗтчӗчӗн:

— Ӈй-лӗкэ тӏкин минэвэ айд'ан? Бутунну айңӑт сӧниңил кӗтарра. Дулин буға Умӯслӏкӗн-сӧниң горокӗ — эхин эмэрэ. Эмэхиннэн умӯн анңанӏ ӧдан. Авахйдӯ бӯрэн минэвэ!

Эр кӗйӏксӑ, авахйнд'ӑ гуниттэн Дарпӗк-ахӑкӑнтӏкӏ:

— Тэтӏлви айат камӯйкал! Ӗдук илаллалӏ ңэнэд'иңӗт! — гуннэ, дэлкӗндӯви дэрӯмкйттан.

Умуслӏкӗн-сӧниң, сӧниң ӧксӑ, авахйнд'ӑлӑ ңэнэрэн, илэчӗмнэк. Эр ңэнэксэ, илэчӗттэн:

— Минэвэ сэлэмэ мэчикйтни гарадӑкал! — гуннэ.

Сэлэргӯнд'э гуниттэн:

— Постой! Буд'иңэс эксэ тэвэрэ! Синдук бид'иңэ бэйэ эчӣн тэвӗрэ, — гуниттэн.

Умӯслӏкӗн-сӧниң, тар гунэкин, мугдэкӗнмэ тэнңэрогэр тӑникса, дэрэкӗкйнмӗн гарадӑран. Сэлэмтӯнд'ӗ, тӏкӯликсэ, «Сэлэмэ мэчикйтви дилвӑн намӗнтӏкта!», — гуннэ, гарадӑран. Умӯслӏкӗн-сӧниң мэчиккӗн калтакӑ ңӑлэтви тэвӗрэн, тӑдук гӯнэн:

— Би-кэнэ гарадӑкта! Си тэвӗкэл! — гунйксэ, Умӯслӏкӗн гарадӑран авахйнд'ӑва.

Тариңин кӗййан, эксэ тэвӗрэ, дэлкэнмэ йапӯрагар тӏкйврэн. Эр тӏкйвӯксэ, авахйнд'ӑ колтулйксӧран, Д'э, эр сӧниңилкӑн авахӣ кусйлчӗтин. Авахйнд'ӑ Умӯслӏкӗнмэ умнӗт эхин нӑвкӑна. Урӑксӑ, мугдэкӗрвэ хӧкилмйгда колтоттон. Кусйчӗл, кусйрэ, кусйчӗл, кусйрэ нуңартин. Кусймӣ маңанна дуннэвэ кутаңна, куту дуннэвэ маңаңна, томторво оңкйчаниңна, оңкичакка томторйңна. Илан беға кухйксэ, Умӯслӏкӗн-сӧниң колтон тэптӏлчэн. Сэлэргӯнд'ӗвэ Умӯслӏкӗн иктэрйклэн Сэлэргӯнд'э уллэдукин сэлэнд'эл копкомӯлчӑтин. Сэлэргӯнд'ӗ тэпкэлчӗн, соңолчӧн эхйлэ:

— Умӯслӏкӗн, сӧ бэйэ бихинни-вит! — гуниттэн. — Эр колтонд'овос ӗдук д'улӗскӣ синтӏкӏ хэргӯ буға авахиңин эңнэн ичэхинэ!

Гунйксэ, авхйнд'ӑ ӧцкӑнчачӑн. Умӯслӏкӗн, никимнад'ӑвӑн хӧғиксӑ, тоғодӯ далгӑксӑ, Йӯлтэн-этӏркӗн д'ӯлӑн йрэн.

Умӯслӏкӗн-сӧниңца ңӑладукин умӯн сӧма гуд'эй ахйнд'ӑ малӯдӯ тэгэвкӑнэн. Тӑдук умӯн ондоңонд'ӧлкӧн актакинд'ӑва вӑксӑ, туйӯчӗн. Умӯслӏкӗн-сӧниң ахйлӑлчӑн Йӯлтэн-киливливӑн Кимэнэрӣ Мэңункӗн-ахӑкӑнма. Илалладӯ умйвчӑтин эр-тар буға бэйэвӗн сивайбамнӑкйл. Эр умйвӯксӑл, сивайбалчӑтин. Сивайба этэчӗлэн, араснай эвйнмэ эвйлчӗтин. Эвйксӗл, эвйксӗл, бутунну тар гачӑтин.

Умӯслӏкӗн ахйви буғадӯн умӯн анңанйва бихин. Тадук умнӗкӗн киннитқйви гунчӗн:

— Би буғадукки эмэнэв д'ӯр анңанйдӯк улэрэн, буғалӑви дэнэрйдӯв элэкин ӧдан, — гӯнэн.

Йӯлтэн-этӏркэн гӯнэн:

— Ңэнэрӣ бэйэвэ эхим д'авӯчара. Ңэнэңэ̄т бимӣ, ңэнэкэл! — гунэн.

Эр ңэнэхиндэвэр умӯн инэңӣвэ камуйра. Тімӣнин ңэнэхинчэ̄тін, умӯн дэткэ̄н дэлэмӣчэ̄вэ элгэнэл. Мэңункэ̄н-ахāкāн д'ӯр бэ̄д'эн элгэвӯрви элгэхӣнӣксэ̄, н'ōрахинчāн эхӣлэ, д'алви пурастилāхиксā. Умӯслӣкэ̄н мэ̄ниң дэлэмичэ̄лви илбэсинчэ̄н. Эр ңэнэксэ̄л, ңэнэксэ̄л, дулин буғавар иста. Эр ихиксāкāр утэкэ̄нмэр олдондӯн чōрама д'ӯвар иливчāтін. Эр Мэңулкэ̄н Умӯслӣкэ̄н дулин буғадӯвар тівāнд'ара. Сōма айат бид'эчэ̄тін дулин буғадӯвар.

* * *

Умӯслӣкэ̄н Мэңукэ̄чэ̄н сōмат байанчāтін. Умӯслӣкэ̄н-сōниң идэйэ̄ви бакачāн. Тімāтнэ эрдэ тэғэнэ, тэғэнэ бэйӯктэчэ̄н. Бэйумӣ-нун, бэйунэ эвкӣ вāра, эхин мучана. Ңуңан ēмӣ-дā вāксā, эмэттэн. Сōма айат бид'эчэ̄тін.

Тар бид'эрэктін, умнэ̄кэ̄н долбо дулкāкӣнин Умӯслӣкэ̄н гиркӣн Мэңукэ̄чэ̄н-асāкāн тэпкэ̄лчэ̄н, иркилчāн толкинми д'апкадӯн. Умӯслӣкэ̄н-сōниң «ēран?» гуннэ, ималчаран, гиркӣви ичэчӣлчэ̄н сōниң бимӣ. Мэңункэ̄н-асāкāн тэпкэнми д'апкадӯн гуниттэн:

— Сурдэкε! Сурдэкε, эхэй, ēкӯнңӣв д'эбуллэн; эдэ̄ Умӯслӣкэ̄н, айат дōлчāткал! Тімāтнэ унэн дулинин эмэд'иңэ̄тін хэргӯ дуннэ авахинд'āлин. Буғадуккар авахиннатін илалла ōчā. Эдэ̄-бэйэ, айат бэлэннэ̄кэл! Будīт инэңит эмэрэн! Сōт маннӯвкал! — гӯнэн...

Умӯслӣкэ̄н бэйӯңңи хиғӣксэ̄кэ̄н, бэйӯңңи уллэвэ̄н паннадӯн чакилӣксāкāн, бутуннувэ̄н инихинэн. Эр инихинӣксэ̄кэ̄н, д'ӯлāви тӯксана истан. Эр ихӣксā, асӣви ичэнэн — ңдӯ-дэ̄ āчӣн, тэтілӣн бутунну урэйӣвчэ̄л. Эр Умӯслӣкэ̄н, болгоксōкōн, соңоно, соңоно ӣлӣ ңэнэнэвэ̄н муйӣктэллэн. Илаллава муйӣктэрэн, ēкӯн-дā ӯд'айан эчэ̄ бакара. Дӣгӣтін инэңӣлэ̄ ӯд'аватін бакаран — долбортікӣ ңэнэмңэвэтін. Ēкӯндук-тā хэгдіңэ̄ огусинд'āт туркучӣт ңэнэмнэвэтін. Эр ңэнэмнэлӣтін Умӯслӣкэ̄н-сōниң соңоно, соңоно, туксад'ахӣнан. Тунңалладӯ соңонон, Умӯслӣкэ̄н-сōниң ēсадӯн муннукāндікāкӣр н'аксанд'āл ōда. Эр Умӯслӣкэ̄н, тӯксаксā, тӯксаксā, хэргӯ буғалā тіккичӣтін саңāрва истан.

Эр ихӣксā, д'алдāллан ōн тікңэ̄тни хэргӯ буғалā. Умуслӣкэ̄н муңнанӣкса, корголд'ӯткāн ōксā, чимухинан хэргӯ буға саңāрдулӣн. Эр тікӣксэ̄, тікӣксэ̄ хэргӯ дуннэлэ̄ истан. Хэргӯ дуннэңӣтін сōма хактірā дуннэ-вит: ділачā калтакāн ділачāлкāн, бēға калтакāн бēгалкāн. Умӯслӣкэн-сōниң мэнэк гиркуд'ахӣнан сэлэмэ ӯд'али кадағāдук кадағāлā нāтīна. Эр мэнэк ңэнэд'энэ, умӯн д'ӯлā истан, эр діғин кирилкан д'ӯнд'аңңи уркэйэн гэлэ̄ктэллэн. Тариңңи илӣ-дэ̄ уркэн эхин сāвра. Умуслӣкэ̄н-сōниң, дэрӣксэ̄кэ̄н,

д'ӯнд'а олдондӯн даваринчад'аллан. Эр даваринчад'ана, д'ӯнд'аӊӊи дōткӣн турӭнмэ дōлдīран. Айамат дōлчāтнан — турӭтчэрэн нуӊан мӭн асӣн Мэӊункӭн-асāкāн. Тариӊӣн гурӣттэн:

— Кимэнӣн-эн'ӭй, аливсӭ! Ӭкӯн буӷалāн эмэвӯксӭ, минэвэ муӊнāллан. Бэйэл дiлилватiн астарӣв инэӊӣв ōдан. Горокӭ эхин эмэрэ Умӯслӣкӭн гиркӣв!

Тар гунэкин, Умӯслӣкӭн-сōниӊ гӯнэн:

— Би эмэнэв илалла ōдан. Сэлэмэ д'ӯнд'авас уркэвӭн энэ бакара, муӊнāнд'ам. Уркэви нӣкэл, эдӭ Мэӊункӭчӭн!

Тар гунмӭрэкин, Мэӊункӭчӭн-асāкāн туксана эмэксӭкӭн, уркӭнд'ӭвэ нӣрэн. Умӯслӣкӭн-сōниӊ д'ӯлāн ӣрэн. Ӣнэн бичӭ — Мэӊункӭн-асāкāн бэйэл дiлилватiн астад'аран. Умӯслӣкӭн-сониӊ асӣдукви улгумӣрэн:

— Сэлэргӯнд'ӭӊив ӣлӭ ӊэнэчӭн? Ōкин эмэттэн?

Тар гунэкин, Мэӊункӭчӭн-асāкāн гӯнӭн:

— Сиксэ эмэд'иӊӭн, бэйэлэ бэйучӭн, д'эвдӭви. Сōдук сō, эӊэсӣдук эӊэсӣ, сэлэмэ иллэлкӭн Сэлэнд'э-авахӣ, — гуниттэн Мэӊункӭчӭн-асāкāн: — Сōгда мата бимӣ, кӭйд'иӊāс. Умӯслӣкӭн эдӭ, ӣлӭ мӭнд'иви этӭнни кӭйра! — гӯнэн.

Тар гунэкин, Умӯслӣкӭн-сōниӊ гӯнэн:

— Би ӭӊāс-тā бимӣ, балдīксā бид'иӊӭв энэ-лэкэ вāлдīра, этӭм ӊэнэрэ!

Тiкӭ гуннэ, гуннэ, сōниӊ Умӯслӣкӭн алāчӣлчāн. Эр алāтчаракин, сиксэ, дiлачā тiкрӣн даӷадӯн сэлэ иӷин инӊӯлчӭн. Тар инӊӯксӭ этэмурэкин, сэлэмэ калканд'аватiн чоӊкиллан, турӭтнэ турӭмэ Мэӊукчāн-асāкāнма турӭчӣллэн:

— Дiӊдi, дiӊдi! Мэӊункӭн-эдӭ, тургэнд'и нӣкэл калганмар! Дэрӣксӭ, эмӭм, сōт нӣкэл!

Тар гунмурэкин, Умуслӣкӭн-сōниӊ, ӭва-дā энэ турӭттэ, тулискӣ йӯрэн. Эр йӯрэкин, Сэлэргунд'эӊин, ололдоксō, тэпкэлчӭн:

— Энэй! Аливсӭ! Йдук эмэнни? Умуслӣкӭн-сониӊ, дорово! Айат бакалдīӷар! Умӯндӯ бид'эӊӭт!

Тар гунэкин, Умӯслӣкӭн-сōниӊ, тiкӯлӣксā, «синдӯ дорово бōлан!» гунӣксӭ, оӊоктонд'ōвōн синтарӯгар кукускӯран, анӊӯ ӊāлатви сӭнин тэкӭндулӭн колторон, Сэлэйэнд'ӭӊин тэкӭндулӣн колторон. Сэлэйэнд'ӭӊӣн тiкӯлӣксā, чаварӣлчāн баргӯква. Умӯслӣкӭн-ку бэйэ айат н'экэрэкин, йӯчӭ ōттан. «Хакирвас, мӭварвас эр-тi такад'иӊāв, иӷэ цинакинма!», — гуннэ, гуннэ, колтӯчāн авахинд'āва.

Д'э, эр авахӣлкāн сōниӊ вāлдīлчāтiн. Нуӊартiн вāлдīрӣдӯтiн бутунну хэргӯ буӷа сэвэйэлин авахӣлин, ӊӭлэлӣксӭл, будэ. Нуӊартiн колтотiн иӷин уӷӯ буӷалā даргӣттан, гуӊӣттан. Таргачӣн сурдакӣт кусӣттэ Умӯслӣкӭлкӭн Сэлэргӯнд'ӭ. Эр кусӣксӭл, кусӣксӭл Умӯслӣкӭн сōниӊ кӭйӣлчāн авахинд'āва. Авахинд'āӊин тэпкэлчӭн:

— Умӯслӣкӭн-сōниӊ аракӯчӣра колтӯкал! — гунӣттэн: — тэд'ӭмэ-дӭ эӊэсӣ сōниӊ бисинни-вит. Би-дӭ эргэчӣн матава эчӣнми

ичэрэ. Экэл вāра! Минэвэ-пэл вāксā, ēкӯндӯв айд'аннн? — гуниттэн.

Тар гунд'эрэкин, Умуслйкэн-сбниц, бцкаптикй гарадāксā, аптавчанмāн кавканд'авāн хбгран. Эр вāксā, бутунну тоӷодӯ далгаран. Тāдук чāскй гэлэктэнэ бутунну авахйлва вāтīчāн. Бутунну далгāксā, хулэптэрвэтин дэӷйврэн.

Тар давдīксā, дулин буӷалāви асйн'унми цэнэсинчэн. Цэнэксэ, цэнэксэ, цэнэксэ дулин буӷалāви ойолбн нэхйлэ истан. Эр ихйксāкāр, айамат дэрӣмкйксэкэр, цэнэсйнчэтин д'ӯлāвар, Цэнэксэл, цэнэксэл иста. Эр янатин д'ӯтин сбма айат бисин, нонопгигачйнми. Тимйнйн тэгэксэкэр, Умӯслйкэн-сбниц орорви ичэнэчэн. Ичэнэн сбма айат бид'эрэ, нонопгīдуккар д'ӯрд'и хавӯнчāл.

Эр бид'энэл, умӯн хуркэн-куцакāн хутэлкāсэл ӧчāтин. Эр Умӯслйкэн, хутэлкэн ӧксā, сбмат урӯнчэн. Урӯнэви сбдун эдэрйтӷэчйнми ӧчāн. Эр хутэвэр сбма айат иргйчйттэ. Эр хутэтин умнэ āцнамӣ, умӯн анцанйптилкāнцачйн ӧттан; д'ӯрэ āцнамӣ, д'ӯр āцнанйптилкāнцачин ӧттан. «Таргачин ситī куцакāмйт Умӯслйкэн-сбниц хутэн, бэйэ ӧмӣ, Умӯслйкэндук д'āнд'и сӧ бэйэ ӧцāт», — гумэчйттэ мэмэрпли'унмэр. Эр Умӯслйкэн Мэцукэчэнасāкāн сбма айат бид'эчэтин, сбма баран авдулкāсэл ӧчāтин.

11. Умӯн-Умӯснйкэн

Билир бичэ умӯн бэйэ. Эр гэрбйн бимӣ Умӯн-Умӯснйкэн. Эр Умӯснйкэн д'ӯви дӧвāн ичэттэн — дӧӷидāдӯн бисин умӯн сэрукчэн. Тар сэрукчэнмэ гадан, дӧдӯн бисин уцнанчā мӧгдı. Эр мӧгдı дӧдӯн бисин улэ. Тар улэт тоӷойо иларан. Д'ӯн элбэнэн бэйӯн наннад'ин, тэргэксэ бэйӯн наннад'ин ӧвчā. Эр Умӯснйкэн сбма д'адаци бичэн: «чэ!» гунин — цина-дā āчйн, тулгйдэдӯн иргит-ті оронйн āчйн. Д'эптилэн — бэйӯн уллэд'ин. Бэйӯнмэ вāми, д'эбӯттэн. Эмӣ вāра — эттэн д'эврэ, омйсйттан. Эр Умӯслйкэн сбма сбниц бичэн: дцин халгакāнма душпэлӣ эвкӣ тӯвкэнэ, уӷйлӣ дэгйвэ эвкӣ дэӷивкэнэ.

Умнэкэн д'алдāчāн: «Дулин буӷадӯ бигдэ балдīчā?», — гунйттэн. Эр сбниц Умӯснйкэн умнэкэн буӷан'ун гӯнми, цэнэсйнчэн. Эр бэйэ халганд'и цэнэсйпэн. Эр Умӯснйкэн исран умӯн урэлэ. Тар урэ ойодӯн тэӷэтчэнэ, буӷава адулāд'ачāн. Тар адулāксāкāн, гӯнэн: «Авадī буӷа балдīнан?». Эр тэӷэтчэрэкин, эхэ нуцантикйн эмэд'эрэн. Умӯснйкэн дīкэнэн, н'урит лукйлврэн, вāран. Аталлан, уллэнци д'эврэн. Тāдук эр Умӯснйкэн цэнэрэн, цэнэрэн, буӷалā исран, умӯн дуннэлэ. Тāдӯ бисин умӯн д'ӯ. Тар д'ӯлā йрэн. Тāдӯ бисин атиркāлкāн этиркэн, сбма сагдīл. Эр этиркэн бимӣ улгумйрэн:

— Эр синэвэ ēкӯн эр буӷалā эмӯрэн? Эр дуннэлэ чивкāчāн-дā «чин!» эчā турэсинэ. Эр си ēкӯнд'и эмэнни? Гэрбйс цӣ? Ема буӷадӯ балдīчā бисинни?

Эр Умӯснйкэн-сбниц гӯнэн:

— Бинэв улгумӣрэкис, улгучэнӣттэм-дэ̄: би эмэм сō горо буҕадук. Би гэрбӣв Умӯн-Умӯснӣкэ̄н. Сӣ, этіркэ̄н, сагдī бэйэ, арāснэйвэ дōлдīчинни, бид'иҷэ̄н, ичэчинни-дэ̄, бид'иҷэ̄н, сōниҷ бэйэй сāнни, бид'иҷэ̄н?

Эр этіркэ̄н гӯнэн:

— Би балдīнав эр буҕā элэкэс тэвӯвд'эҷэ̄син, балдīчāв, — гӯнэн: — Ичэнэв, дōлдīнав баран. Би, эдэр биҷэсӣви, арāснэй харгӣва-дā, бэйэ-дэ̄, бэйҷэ̄-дэ̄ чурдэкинэн ичэчэ̄в, — гӯнэн: — Э̄лӣвэр ҷэнэрэкис, булд'ар-лāм бид'иҷэ̄н, илан сōниҷ нэкӯнэн, умӯнтін асӣ, сōма сōниҷӣл. Тарӣлба кэ̄ймӣ, тэд'э̄ сōниҷ бид'иҷэ̄с. Эд'эҷэ̄ кēйра ōмӣ, элӣ эмэдэ̄йи.

Эр Умӯснӣкэ̄н ҷэнэрэн, умӯн биралā исран. Тар иснан бирава эйэ̄кӣ бэ̄йэ ӯд'ан бисин. Эр Умӯснӣкэ̄н бимӣ тар ӯд'алӣ ҷэнэрэн. Исран, умӯн д'ӯ бисин. Умӯснӣкэ̄н гӯнэн:

— Дорово, д'ӯнд'ā! Уркэвэ аҷакаллу!

Д'ӯ дōдун гӯнэн:

— Ēкӯн турэ̄ттэн?

Бэйэ д'удӯк йӯрэн, тāдук Умӯснӣкэ̄н кусӣрэн тэд'э̄ сōниҷбэйэн'ун. Эр кусӣксэ̄, кēйран. Булд'ар сōниҷилтін гӯнэ:

— Нэкӯнмэр бӯд'иҷэ̄вун.

Эр нэкӯнтін бимӣ гӯнэн:

— Умӯсҷӣкэ̄ндӯ этэ̄м ҷэнэрэ!

Эр асӣ бимӣ суптірэн. Эр Умӯснӣкэ̄н асайӣнчāн. Умӯн буҕалā исран. Тар иснан бисин умӯн д'оломо д'ӯ. Эр д'ӯва Умӯснӣкэ̄н бимӣ иларāкāн токорӣксāкāн, уркэвэ̄н гэлэ̄ктэ̄рэ̄н. Эр Умӯснӣкэ̄н гӯнэн:

— Д'оломо д'ӯнд'ā, дōлкāн бисикис, дорово!

Эр д'ӯ дōлāн ēкӯн-дā эсин турэ̄ттэ. Эр Умӯснӣкэ̄н тар д'ӯлā ӣрэн. Тар ӣнэн, умӯн бэйэ уклэ̄рэ̄н. Сōма хэгдіҷэ̄ бэйэ. Эр бэйэ олдондӯн бисин халка. Умӯснӣкэ̄н гӯнэн:

— Гороке уклэ̄нни, тэҕэкэл!

Эр бэйэҷӣн эсин мēлла. Умӯснӣкэ̄н тар халкава гадан, уклэ̄рӣ бэйэвэ иктэрэн. Омкотон дулмāвāн иларāкāн иктэчэ̄лэ̄н, мēллан. Тар мēл'ӣксā, гӯнэн:

— Эр синэвэ ēкӯн эр буҕалā эмӯрэн? Би синэвэ тікин д'эвд'иҷэ̄в!

Эр Умӯснӣкэ̄н бими дєлби ҷэ̄лэллэн, гӯнэн:

— Би эр буҕалā эмэчэв, асӣва асамӣ.

Эр бэйэҷӣн бимӣ Умӯснӣкэ̄нмэ д'эвдэ̄ви укчӯруҷ. Эриҷӣн бимӣ авахи. Эр Умӯснӣкэ̄н нуҷанҷали кусӣллэн. Эр кусӣксэ̄, кēйран. Кēйӣксā, Умӯснӣкэ̄н тулӣскӣ йӯрэн. Умнэ̄т уҕӣскӣ турэ̄н инҷӯрэн. Умӯснӣкэ̄н бимӣ турэ̄ттэн:

— Уҕӯ буҕа эн'э̄й, дулин буҕа амāй, миндӯ сэ̄нэйэв бэлэкэллу!

Эр Умӯснӣкэ̄н бимӣ д'алдāчāн: «Умӯн н'ур бичэ̄н надан буҕалӣ буллагар», — тар н'урви гадан, ирэгэрэн, тāдук уҕӣскӣ лукӣлэ̄рэн. Лукӣлэ̄ксэ̄, мудандукин д'аваран. Тар н'урин нуҷанмāн уҕискӣ ҷэнэврэн. Умӯснӣкэ̄н н'уритни дэгд'эчэ̄н. Умӯснӣкэ̄н

уҕӯ буҕадӯ асӣҥци бокопон. Эр асӣҥци эмӯврэн буҕалāви. Исран. Буҕадӯ утэнин тоҕон д'эгдэрэн. Олдондӯн д'ӯйа ōран. Тāдук утэндулэ̄ви ҥэнэрэн. Дōдӯн бисин бэйэ аранин. Малудӯн — эхэ паннан-сэктэвӯн бисин, алаҥā, н'ур бисин. Эр алаҥāва Умӯснӣкэ̄н гадан, энҥэтікӣви тāнчаран, албаран умнэ̄т. Сиксэ бэйэҥӣн эмэрэн, надан имэннэдӯви надан бэйӯнмэ эмӯврэн. Эмэксэ, гӯнэн:

— Ēкӯн эмэчэ̄н би буҕалāв?

Умӯснӣкэ̄н д'ӯлāн эмэрэн, арай тар Умӯснӣкэ̄н нэкӯнин бичэ̄н.

12. Гарпанӣкāн

Дулин дуннэ, дулиндӯн, дуннэ кумалāндін тэвувд'эрэкин, умӯн сōниҥ тівāнд'ачāн. Нуҥан гэрбӣн Гарпанӣкāн бичэ̄н. Ēкӯндук-тā балдīнави эхӣмэ̄н-дэ̄ сāд'ара. «Ами» гундэн — аминин-да ачин. «Эни» гундэ̄н — энӣнӣн-дэ̄ āчӣн. «Дуннэдук йӯчэ̄ бихикив, хорондӯв чука балдīчā бимчэ̄. Уҕиник тікчэ̄ бихикив, хорондӯв саҥӣкса бимчэ̄», — гунчэчэ̄н.

Эркэ̄н-таркāн бичэ̄ бихин. Нуҥан бид'эрэкин, гакигдā дōксāкāн, «гак!» эхин гунд'эрэ; кукэ̄кӣ-дэ̄ дōксāкāн, «кук!» эхин гунд'эрэ, упкатпа вāттан.

Гарпанӣкāн-сōниҥ инэҥтікӣн унэ тэҕэнэ, бэйӯктэнэ гиркуд'аран. Буҕава бэйҥэ̄лвэн д'ӯви тулгидэ̄лӣн бутуннумэ манад'ана, горолдулӣ гиркӯд'аран.

Эркэн-дэ̄ бид'энэ, Гарпанӣкāн-сōниҥ горойолво д'алдāчӣллан. Д'улэ̄скӣви мэргэд'энэ, утэкэ̄нтікӣви ичэтчэрэн. Горокōнмо д'алдāд'ана, утэкэ̄нтікӣви турэ̄тчэрэн:

Куйукэ̄кэ, куйукэ̄кэ!
утук-утукэ̄н,
айакāрāд'и сēндāд'акал!
Уркэ̄н-куҥакāн бид'эксэ̄,
ōн-мал умӯн буҕадӯви
сагданмӯвд'ан?
Би-ҥэн бэйэ ойолӣв
сōниҥ-бэйэ āчӣн бид'ан?

Сōниҥ-мата бикэ̄нэм, горово-дō энэ д'алдāтчара, алаҥāви гаксāкāн, кэҥтірэ̄дӯви хэркэрэн. Бучӯвчā арбагасви тэтіксэ̄кэ̄н, кэрбэксэ̄мӣ мēтакāви ділдӯви авлāд'аран. Утэкэ̄нтікӣви ичэтчэнэ, н'ан-дāт турэ̄тчэрэн:

Куйукэ̄кэ, куйукэ̄кэ!
Утук-утукэ̄н,
Поросай, порости!
Ōкин-дā эмэҥэ̄тни
сāна-вал болдолд'ом!
Сōгдат горот гиркуд'амӣ,
илан-діҕин анҥанӣлӣви
мучуна-вал эд'эм!

Дулин буҕа Гарпанӣкāн, утэкэ̄нҥэливи уйэ̄чӣксэ̄кэ̄н, айагда корбо бэйӯнҥэчӣн маҥаннāлӣ тӯксад'аран. Маҥаннā дуннэвэ эҥнэкэ̄рдіт лэвэ̄кэ̄тнэ, буҕави эмэ̄нд'эрэн. Сōниҥ-мата ҥэнэрӣдӯн сēгдалин кикэд'эрэ, н'уриктэлин амаскӣгда эдīдӯн эдīнмэ̄вд'эрэ. Нуҥан ҥэнэрӣдӯн питкӯл мōл гилдікāл-дā маривд'ара, эгді мōл циҥтэлдулӣвэр иҕӣлд'ӣвэр тікчэрэ. Сōниҥ-мата ӯд'ан-дā эгді сирӯ уктīнэгэчӣнин. Дуннэ бичэ̄ бимӣ эдӯ-тадӯ нэктэвчэ̄.

Гарпанйкăн-сĕниҫ горово-дĕ ҫэнэви, дагава-дă ҫэнэви эхймĕн-дĕ сăд'ара. Эркĕн уйдэмэк ӳчăн, Кэдрэс д'йдîн ойолйн илбэвчĕ бэйҫĕгэчйн д'улэклэви тӳксад'арйви.

Кэдрэс д'йдîн ойон-дĕ тамнаксагдат тамнад'аран, ҫэнэвĕн д'авад'аран. Гарпанйкăн-сĕниҫ тамнаксава лупулмйгдэ, эдîви асантйкй ойоннĕлй ҫэнэд'эрэн, д'идиҫми эмĕнд'энэ. Горо-дĕ ҫэнэн мудайан ичэвд'эрэн. Кэдрэс д'йдîн горо ҫэнэнэвĕн манавран. Сĕниҫ-мата бид'эксăкĕн ĕкӳндук-тă эсймĕн таҫăвд'ара. Ҫэнэви дабдîд'ана тэҫнэкви гэлĕктэд'эрэн.

Ҫэнэн дулгйдĕдӳн авлăма дуннэдӳ чĕраманд'ă илитчаран. Д'апкун д'алачй чĕраманд'а олдойĕлви дылачăдӳ гарпавд'ана ичэвд'эрэн. Гарпанйкăн-сĕниҫ тĕринтйкй муннйд'эрэн. Иртйкй ҫэнэҫĕтпи эхймĕн-дĕ сăд'ара. Иртйкй ичэхйнэкин, чĕраманд'ă тулгйдӳн, «моҫоктол мĕл, — гунчэнэн, — бэйэл икэрйлтйн бд'ара».

Гарпанйкăн-сĕниҫ чĕрамава токорд'орон, уркэвĕн гэлĕктэд'эрэн. Уркэвĕн албад'аксă, тулгйдĕдӳн илитчаран. Турулĕ албад'аксă, чĕрамава токтод'орон. Чĕраманд'ă сĕналйн матанд'ă килдылăд'аран.

Дулин буҫа Кэдэрĕнинд'ĕн, сĕналйви килдîнчаксă, дуннэлй гиркуд'аксă Гарпанйткй ичэтчэрэн. Дулин буҫа Кэдэрĕнйнд'ĕн эгдîтпи эгдîмэр, эҫэхйтпи эҫэхйтмэр, гугдăтпи гугдăтмар. Дэпкй ичэхйнэкин, ĕллагачйн коҫнолĕмо, иктэгдĕлин багдактîра, н'уриктэлйн курйвд'эрэ, ĕхалин бимй гилдикăнҫачйр токорд'оро. Дэпкй илитчана, Гарпанйткй тикĕ турĕтчэрэн:

Кэдэрĕгэйкĕл! Кэдэрĕгэйкĕн!
Дулин буга Гарпанйкăн,
ҫйдук улгумйксэ,
д'ӳвав токтолишши?

Эд'элйв дэрэвĕс мунд'ара,
айа эйĕд'ин эмĕ уд'алйви
мучӳд'акал! ӗ

Дулин буҫа Гарпанйкăн, турĕлвĕн долдîксăкăн, алаҫăви илйвд'аран баргукви нэмкичйллэн. Баргук-тă илйвӳллэн, н'урилви гад'аксăкăн, Гарпанйткй ичэтчэрэн, нэмкирйвĕн алăтчаран. Дулин буҫа Гарпанйкăн булэхэви нэмкйлд'эрэн. Нэмкйксăкĕн, ичэтчэрэн — эчймĕ-дĕ навкăнд'ара. Илăрăкăн нэмкйнэвĕн алаҫă сигдĕдӳн тэвăчэ. Тикӳлнави сĕдӳн алаҫăви д'аваксăкăн, булэхăткйви ичэтчэнэ, нэмкирйвĕн алăтчаран.

Дулин буҫа Кэдэрĕнинд'ĕн нуҫанҫачйн нэмкйд'эрэн. Дулин буҫа Гарпанйкăн н'урилдукин килдînмăтчаран. Илăрăкăн нэмкйпэвĕн иланйва тэвĕд'эрэн. Сĕниҫил-матал бид'энэл, алаҫăлвар нĕдаксăкăр, самнарйлд'и токтомĕчилла.

Нуҫартин кухирйдӳтин тамнарйл тамнад'ара. Долбонй бд'акин, тоҩогдо д'анӳттан, инэҫй бд'акин, тамнаксагда гулбӳттэн. Сиҩйдуннэ авлăнд'аран, авлăн-дуннэвэ сиҩйнд'ара, киратйн-дуннэвэ оҫкучакйнд'ара, оҫкучак-дуннэвэ киратйнд'ара. Кухйткĕр-дĕ бид'эрэктîн, тампарйлтин муданд'ара. Самнарйлвар нĕдăд'анал, калбулдуквар д'авалдîра. Сумугдэ гиллуд'ин эҫэхйлвэр тэрĕмкĕтчэрэ. Султулмйгдэ камамăтнал, эҫэхйт дылмăтчара.

ЭркӘн-таркӓн кухӣчӘл кухӣд'эрэ. Нуӊартӣн кухӣлнэлӘтӣн адӣ анӊанӣ ӧнавӓн, ӊӣ-дӘ эхин сӓд'эрэ. Болонӣ ӧнавӓн саӊӣксагдат сӓтта. Нэлкэнӣ ӧнавӓн чукагдат сӓтта. КухӣткӘр бид'энэл ӘдӮтӓдӮ тікӣтнӘд'эрэ, Эӊэхӣтӣн манавд'ана, давдӣлдӣрӣва алӓтмӓтчара.

Дулин буга Гарпанӣкӓн булэхӘви нӧдӓд'аран, ойоӷӮ ӧд'аран. БулэхӘви тірӘд'энэ, тіӊэдӮн тэӷэд'эрэн. Самнармӣви гад'аксӓкӓн, кавкадӮн ивӘд'эрэн. БулэхӘн соӊод'оно, бинӣви мулӓнд'ана, Гарпанӣткӣ турӘтчэрэн:

КэдэрӘгэйкӘн! КэдэрӘгэйкӘн!
Дулин буӷа Гарпанӣкӓн,
экэл, экэл вӓд'ара!
Минэвэ тінд'эрэкис, ӧн бимчӘ?

Дулин буӷа Гарпанӣкӓн энэкӘн мулӓнд'ара, самнармӣви гад'аксӓкӓн, кавкавӓн чикӓлд'аран. Эд'элӣн чикӓнд'ара, эдӣвэ ахӓптікӣ чутума н'аӊн'адӮ турӘн гэлтэд'эрэн:

Гурукӓнин! Гурукӓнин!
Дулин буӷа Гарпанӣкӓн,
мулӘ, мулӘ! Акӣйӓвав,
экэл, экэл вӓд'ара!
Акӣйӓвав вӓд'ами,
миниӊйӘви этӘнни ичэрэ!

Дулин буӷа Гарпанӣкӓн горово энэ д'алдӓд'ара, булэхӘви кавкавӓн самнарӣтви токтохинан. Вӓксӓкӓн, тӓкандӮ дэрӣмкӣтчэрэн. Дэрӣмкӣтчэрэкин, тӮксул дӧлдӮтӣн турӘн гэлтэд'энэ ойолӣн илтӘнд'эрэн:

Гурукӓнин! Гурукӓнин!
Дулин буӷа Гарпанӣкӓн,
МиниӊйӘвэ этӘнни ичэд'эрэ!
Поросай! — гӮнэн.

Дулин буӷа Гарпанӣкӓн, д'апкун д'аличӣ чӧраманд'а д'Ӯптӣткӣн уркэвӘн сукчаксӓкӓн, ӣнӘд'эрэн. Упкачӣл коспокӣлдӮ гэлӘктэмӣ албад'аран, д'апкӣдӮ уркэдӮ кайӣвд'ана бид'эхӣнэн.

Дулин буӷа Гарпанӣкӓн, амаскӣ амахӣклӓксӓкӓн, сэлэмэнд'Ә уркэвӘн алаӊӓтни экихӣнэн. Уркэвэ сукчаксӓкӓн, дӧлӓн ӣнӘхинэн. Д'апкӣ коспокӣдӮ сэлэмэ мугдэкӘндӮ булэхӘӊин уӷучакӣнд'ӓ эӊтӣд'энэ илитчаран. Ӯскӣ инӊакталӣн, ӯскӣ кӮкчанӣкӓн. Балдӣксӓ энэн ичэрэ бэйӊӘ бид'эрэн: д'Ӯр олдондукин д'ӮптӣрмӘн, дэктілӘлкӘн, мӘндукки нӘмэлкӘн, мэӊумэ ухӣлкӘн. Дулин буӷа Гарпанӣкӓн ухӣдукин элгэхӣнэн. ТулӣлӘ йӮвуксӘкӘн, ирӘктэдӮ уйд'эрэн.

БэйӊӘӊин эӊтӣд'энэ ирӘктэвэ токорд'орон. ДӘнкӣ ичэтчэнэ, Гарпанӣткӣ турӘтчэрэн:

Эӊтэнӣн! Эӊтэнӣн!
Дулин буӷа Гарпанӣкӓн,
би хунӊив ӧӊӓт бимӣ,
би ойодукив этӘнни тікрэ!
Би ойодукив тікмӣ,
эмӮккӘкӮн гиркуд'адӓви!

Гарпанӣкӓн сӧниӊ, ойодӮн тэӷэксӘкӘн, уӷӣскӣ уӷӣрӣвд'энэ, тӮксулдулӘ инӘд'эрэн. Уӷӣлӣ дэгӣвд'энэ, ӧӊкӣ курбуд'эрэн. Эӊтіви эӊтід'энэ н'аӊн'адӮ курбуд'эрэн. Дулин буӷа Гарпанӣкӓн ӧхагдалин мӮлкӘд'эрэ, сӧгдалин, кикӘд'энэл, ойодӮн тэгэтчэрэн, эхӣмӘн-дӘ тӣкчэрэ. Чутума н'аӊн'али Кӧӊакчӓнма ӯд'ахӣнан.

Надан тӯксу ойолӣтин, д'апкун тӯксу эргӣлӣтин, эргӯр, эргӯр калдӯд'ана, ӯд'алӣн ахад'аран. Сӧниң-бэйэ бид'эксэкэн уӯучакпи нӧмэдӯн, бокотогочӣн намарӑд'ана, тӯксулвэ илтэнд'эрэн. Тӯксулнун гӧкчӣнд'ана, тамнаксава коңдолмӣгда, н'аӈн'алӣ дэгд'эрэн.

Цэнэткэр бид'эрэкин, эдӣнмэ дӧптӣки Коңакчӑн турэлин гэлтэд'эрэ:

Гурукӑнин! Гурукӑнин! сӧтӏ, сӧтӏ маннӯвд'акал!
Дэрӣм, кандарӣп сӧ ӧдан! Дулин буӈа Гарпанӣкӑн
Киран, киран маңанд'ав, ӯд'алӣв ахад'аран!

Кӧңакчӑн-киливлӣ соңотин соңод'орон, сэнэлин манавд'ара, сигдилэдӯ муңнад'аран. Муңнаткӑр бид'энэ булд'арба дагамӑд'ара. Булд'арӣнд'ӑ баргӣдӑдӯн Воршɛнд'э тивӑрд'аран. Дэгдэткэр бид'энэ, булд'ар ойолӣн илэ-дэ цэнэрӣн эчэмэ-дэ сӑвд'ара.

Дулин буӈа Гарпанӣкӑн ӯд'алӣн ахад'ана, килӣвлива бурӣд'эрэн. Булд'арӣңин ойодӯви тамнаксагдӑт тамнад'аран, булд'арӣнд'ӑ баргӣдӑн арӑма ичэвд'эрэн. Тӑлӑ д'ӯнд'ӑ илитчаран. Гарпанӣкӑн-сӧниң тармӑва цэнэд'эрэн. Д'ӯнд'ӑ ойолӣн гухикэнңэчӣн арӣктад'ана, дуннэлэ тикчэрэн, уӯучакпи уйд'эрэн. Самнӑрви гаксӑкан, уркэдӯн илитчаран. Уркэвэ ичэтчэнэ, д'ӯткӣ турэтчэрэн:

Куйукэкэ! Куйукэкэ! дӧйави сӑвкӑнд'акал!
Сэлэмэнд'э д'ӯпд'ӑ, Эхӣкис сӑвкӑнд'ара,
дӧлкӑн бимӣ, уркэвэс токтод'олим!

Горокӧнмӧ бимэлчэксэкэн, д'ӯнд'ӑ уркэлӣн, алканд'ави гаксӑкӑн Воршɛнд'э килдинкӑтчаран. Сэлэмэ алканд'ӑви, сэлэмэ куйиргивэн кӑридӯви уйичэксэкэн, Гарпанӣва алканд'аран. Дулин буӈа Гарпанӣкӑн алкандукин адаҕасчаран. Сэлэмэ алканд'а ойомӧдӯн тикчэрэн. Дулин буӈа Гарпаниңкӑн алканд'адук этэкэсчэрэн. Самнарин тоҕогдон гуливд'аран. Тэринтикӣ д'эйэлкэн самнаринд'ан иктэрин таңудӯп тоҕориндӣ сунтад'аран. Дулин буга Гарпанӣкӑн, алканд'ан'ун кухид'энэ, сэлэмэ куйиргивэн комдорогор токтохинан. Сэлэмэ алканд'а куйиргидукви уйэтчэнэ, дуннэлэ тикчэрэн. Булд'ар буӈа Воршɛнд'эн алканд'ави бурӣксэ, самнардук адаҕасчана, уӯпӣ килдинмӑтчаран. Дулин буӈа Гарпанӣкӑн Воршɛнд'эвэ токтод'орон. Самнарин албад'аран. Ёкӯндулӣн иктэрэкин, самнарин албад'аран. Тэтиҕэлэн пӑд'анакӑн, тоҕогдот д'анӯд'аран, чутума н'аӈн'алӣ аргӣтпи аргӣд'аран.

Дулин буга Гарпанӣкӑн токтоткӧр бид'энэ сэлэмэнд'э тэтӣвэн самнарӣтпи нэктэд'эрэн. Сэлэмэнд'э тэтӣдукин олуктил, сэлэл тоҕогдолд'и гулӣвд'анал, дуннэлэ тикчэрэ. Сэлэмэ тэтивэн ойодукин лукчанӑкӑн, уллэлэн дагамӑд'аран. Сӧниң-бэйэ бид'эксэ д'улакинма иллэвэн сэксэгдэт уксэнӣвчэд'энэ, мирэнд'эвэн дэлкӣд'эрэн. Гойовӯйа мирэдукин улама сэксэкӯп ушкэнңэчин ушкэнӣд'энэ, самнардулӣ эйэнд'эрэн. Гойовуйа булэхэн эңэхӣн манавд'аран. Сэксэдӯви булкувд'ами, дуннэлэ тикчэрэн. Булэхэви

тірӭд'энэ, тіңэдӯн тэҕэрэн. Самнаритни ивэд'энэ, кавкавāн чикад'аран. Эд'элӣн чиканд'ара, н'аңн'алӣ турӭн инңуд'энэ ойолӣн илтэнд'эрэн:

Гурукāнин! Гурукāнин!
Дулин буҕа сōниңинд'а,
поросай, порости!

Дулин буга Гарпанӣкāн энэ д'алāд'ара, булэхӭви вāд'аксā, д'ӯвāн кургӣвд'эрэн. Сōниң-бэйэ н'аңн'алӣ дэгд'эхӣнэн, Кōңакчāн ӯд'авāн н'аңн'алӣ ӯда'хинан. Тампаксава лупулмӣ, тӯксул дōлӣтін д'улӭклӭви ңэнэрэн. Ңэнэткӭр бид'эрэкин, эдӣви дӭптікӣ Коңакчāн турӭлин эрмӭдӯ гӭлтэд'эрэ. Киливлӣ соңотин соңод'орон. Сӭн'элин муданд'анал сигдӣлӭдӯ муңнад'аран.

Гурукāнін! Гурукāнін!
Киран, киран маңанд'āв,
сōді, сōді муннӯвд'акал!

Дулин буҕа Гарпанӣкāн
ӯд'алит ахад'аран!

Дулин буга Гарпанӣкāн, турӭн дōлдӣвӯлчāлāн, горово-дō энэ ңэнэрэ, Кōңакчāнма боконд'орон. Сигділӭдӯ боконд'оно илчардукин д'авад'аран. Ңāладӯви учӣксāкāн, киливливэ идакāд'аран самнарви капчакāд'ин. Дэвэкӣвӭн муңд'ана, сигділӭдӯ соңопчорон. Кōңакчāн-киливли инамӯкталби авд'ана, Гарпанӣтки турӭтчэрэн:

Гурукāнин! Гурукāнин!
Дулин буҕа Гарпанӣкāн,

Экэл, экэл идакара!
Минэңӣӭви мулāнд'акал!

Дулин буҕа Гарпанӣкāн, турӭлвӭн дōлдӣксāкāн, килӣвлиңңи мулāнд'ана элд'эрэн муңд'ара. Сигділӭдӯ ахӣлāксā, н'аңн'алӣ ңэнэхинэн. Гарпанӣкāн буҕамāвāн н'аңн'āлӣ дэгд'ӭхинэ. Сōниңбэйэ бид'эксӭ илан анңанӣпті ңэнэви илаллава ңэнэкӭнэм, буҕалāви эмэд'эрэн. Эмэкӭнэм, д'ӯмӣви даҕадӯн д'ӯйави ōд'аксā, ахӣн'унми билд'эхинэн.

* * *

Дулин буҕа Гарпанӣкāн эдэрӣл анңанӣлин амарӣāлā эмӭнчэл. Буҕави гиркӯд'ана, бэйңӭлвӭн манад'аран. Д'э, Гарпанӣкāн сагданкӣдӯ боконмӯд'аран. Н'уриктэлин буркасчанал, анңанӣлӣн илтэнд'эрэ.

Гарпанӣкāн-сōниң утэлкӭн ōд'аран. Уркӭн-утэви инэңӣтікӣн ōлгатчана, умāгдат улӣд'эрэн. Уркэн-омолгӣви āнңачāва уллэвэ эхин-дӭ улӣд'эрэ. Уркэн-омолгӣн бэркӭнн'ун эвӣлд'эрэн. Инэңӣтікӣн тӯксактад'ана, чипичāлвэ лукӣтчэрэн. Инэңӣл-гӯ, анңанӣл-гӯ эд'эрэ илтэнэ, омолгӣчāн бэйӯрвэ бэйӯктэд'эрэн. Аҕӣлва гиркӯд'ана, мōйкачāрва нэмкӣтчэрэн.

Гарпанӣкāн омолгӣнд'āн, Чиндэнӣкӭн-сōниң тэңнэкни албад'ана, горойōлви д'алдāтчаран. Д'ӯлāви эмэксэ, амӣлкāн энӣнтікӣви дӭпкӣкӭн турӭтчэрэн:

Чиндэлэ! Чиндэлэ!
Амāй-Гарпанӣкāн,
эп'ӭй-Каӊакчāн
биӊэҕин горойōл
буҕалва д'алдāхинам!
Ōн-мал умӯн буҕадӯ
ахӣгачӣн сагданмӯвд'ам?

Амāй-Гарпанӣкāн
Си-вэл сāнни, биград'ин?
Ēма буҕадӯ
сōнин-бэйэ тівāнд'аран?
Тар горо буҕалā
ēкӯнд'и исӣврӣ?

Гарпанӣкāн-амӣн, турӭлвӭн дōлдīксā, утэткӣви ичэтчэнэ, нуӊантікӣн турӭтчэрэн:

Куйукӭкэ! Куйукӭкэ!
Чиндэнӣкӭн-утэ.
си-дӭ ӊэнэвэс
эхӣ д'авӯчара бихим!
Ӭдук ӊэнэрэкис,
д'апкун булд'ар чаҕӣдāдӯн

сōниӊ-бэйэ тівāнд'аран.
Тарйāлā буҕалā
сōмама горолō:
уҕӣлӣ дэгрӣ дэҕи,
иларāкāн умуксāкāн
исрӣн дуннэ.

Гарпанӣкāн омолгӣнд'ан, Чиндэнӣкӭн-сōниӊ, горово энэ д'алдāд'ара, ӊэнэткӣви ӊэнэхӣнэн. Амӣнми угучактӯн уҕӣскӭкӣ дэгд'эхӣнэн. Уҕӣлӣ арӣктад'ана, турӭлин дōлдīвд'ара:

Чиндэлэ! Чиндэлэ!
Амāй Гарпанӣкāн,
эп'ӭй Коӊакāчāн,

ōкин-дā мучӯӊатпи
сāна-вал болдолд'ом!
Порōсай, порōсти!

Чиндэнӣкӭн-сōниӊ, амтīлгаливи уйӭчӣксӭ, н'аӊн'алӣ тӯксулн'ун дэгд'эхӣнэн.

Гарпанӣкāн-этіркӭн аҕӣлва гиркӯд'аран. Буҕави бэйӊӭлвӭндаҕалӣви манад'аран. Кōӊакāчāн-атіркāн, Гарпанӣ-этіркӭн, инэӊӣтікӣн тэгэд'энэл, омолгӣвар алāтчара. Омолгӣтін ӊэнэнэлӭн адī анӊанӣ ōнавāн, ӊи-дӭ эхин сāд'ара.

Эркӭн бид'эрэкин, буҕатін тугувд'эрэн. Н'аӊн'а-дā тӯксулдӯ дахӣвд'аран, сиҕӣ-эдīн эдінд'эрэн, сэлэмэ бōкта бōгунад'аран. Эдīн эдīнчэлэн, бōкта бōгуначāлан, гōрокōнмо биксӭ, турӭн гэлтэрэн:

Йāргуд'эрэ! Йāргуд'эрэ!
Кирӭктэмэ маӊачанми,
сōдī, сōдı маннувд'акал!

Дулин буга Гарпанӣкāн
буҕаӊин дагамāвд'аран!

Турӭн инӯӊчӭлӭн, горово эчӭн бихӣ, сōниӊ-матанд'ā дōлакӣттӯтін дōд'ахӣнан. Дуннэлӭ тікӣксӭ, Гарпанӣткӣ турӭтчэрэн:

Йāргуд'эрэ! Йāргуд'эрэ!
Дулин буҕа Гарпанӣкāн,
доровойо дōлдīд'акал!
Горойо буҕалдук

сунӊайа гэрбилӭс
сундулӭ эмэд'эрэм!
Дулин буҕа Гарпанӣкāн,
горӯлӣн кухӣйӭвэр
кухӣрэп-кӯ, эд'эп-кӯ?

Гарпанӣкāн сōниӊ, турӭлвӭн дōлдīксā, алаӊāнд'āви гад'аксā, сōналӣви килдīнчаран. Дӭпкӣкӭн ичэтчэнэ, алаӊāнд'āви илӣвд'эрэн. Гēкāнин нуӊанӊачӣн илӣвд'эрэн. Сōниӊил бид'энэл эчӭтін илитчара, алаӊāлвар илӣвӯксэл, дӭпкӣлтӭнэ нэмкӣмӭтчэрэ. Уҕӯ

буҕа сōниӊӣнд'āн Гарпанӣва ичэтчэнэ, н'урви гаксā, булэхэ̄ви нэмкӣлд'эрэн. Дулин буҕа Гарпанӣкāн н'уриндукин адаҕāсчаран. Иларāкāн нэмкӣнэвэ̄н, иланӣвāн тэвэ̄д'эрэн. Уҕӯ буҕа сōниӊӣнд'āн, нэ̄мкиксэ̄, ичэтчэрэн. Дэ̄нкӣкэ̄н илӣтчана, нэмкирӣвэ̄н алāтчаран. Тар нуӊанӊачӣн нэмкӣд'эрэн. Иларāкāн нэмкӣнэвэ̄н, иланӣва тэвэ̄д'эрэн.

Сōниӊӣл-бэйэл бид'энэл сумугдэ гиллэйэ̄д'ин калбулдуквар д'авалдīд'анал, мōримāтчанал дилмāтчара. Нуӊартин кухӣнэлдӯтин анӊанӣ илтэннэвэн ӊӣ-дэ̄ эчэ̄н тāӊд'ара. Кухӣткэ̄р бид'энэл, дулин буҕа Гарпанӣкāн э̄дӯ-тāдӯ тикӣтнэд'энэ, сэ̄ксэгдэт лэӊкэрӣд'эрэн. Сэ̄ксэлӣн манавд'анал, бунӣви алāтчаран. Дэрӣви мудандӯн соӊод'оно турэ̄тчэрэн:

Куйукэ̄кэ! Куйукэ̄кэ!
Дэрӣмӯн-дэ̄ сō ōдан!
Билгайāв олгод'орон.
Бинӣв муданӣн
эмэрэн, бид'эн?
Би-дэ̄ бэйэ турэ̄лвэв
Чиндэнӣкэ̄н омолӣв
ōн-мал эхин дōлдīра?
Би-бэйэ турэ̄лви
д'эҕинӊу сēлāн
гугд'анал, дōлдивд'актин!

Уҕӯ буҕа сōниӊинд'āн, илаллава курӣвкэ̄ксэ̄кэ̄н, дуннэлэ̄ нōдāд'аран. Тіӊэдӯн тэҕэксэ̄, самнарви ивэд'эрэн. Эд'элӣн чикāнэ, Гарпанӣ турэ̄тчэрэн:

Куйукэкэ! Куйукэкэ!
Чиндэнӣкэ̄н омолгӣв
ōн-мал эхӣн дōлдīра?

Горокōнмо бимэлчӯксэ̄кэ̄н, суҕӣ-эдīн эдīнд'эрэн. Сэлэмэ бōкта бōгунад'аран, уӊкумэ тігдэ тігдэд'эрэн. Тігдэ тігдэчэ̄лэ̄н турэ̄н илтэнд'эрэн:

Чиндэлэ, чиндэлэ!
Д'ӯрмэ̄н дэгтілэчи тэҕэскэ̄нми,
сōд'и, сōд'и маннувд'акал!
Гарпанӣкāн-амӣйав
эрӣкчэгдэн суланчāн!

Турэ̄н инӊучэ̄лэ̄н горово эчэ̄н бид'эрэ. Гарпанӣ омолгин Чиндэ̄нӣкэ̄н эмэд'эрэн, Алаӊāви гад'аксā, булэхэ̄вэн нэмкид'эрэн. Эргӣскӣ адагад'аӊавāн мēтавāн аталд'аран. Уҕискӣ килдинчāнавāн эрӣксэвэ̄н тэкэлӣд'эрэн. Олдонтики этэкэ̄нчэнэвэ̄н, д'анкун эвтілэ̄лвэ̄н атанд'аран. Нэмкӣксэ̄, алатчаран булэхэ̄ви нэмкирӣвэ̄н. Булэхэ̄н илӣвд'энэ нуӊанӊачин нэмкид'эрэн. Ōн-дā нэмкичэ̄лэ̄н иланӣва тэвэд'эрэн. Иларāкāн нэмкӣнэвэ̄н, иланива тэвэд'эрэн.

Сōниӊӣл-матал бид'энэл самнарӣлд'и токтомōчилла. Нуӊартин кухирӣдӯтин тоҕогдо д'анӯд'аран. Чиндэнӣкэ̄н-бэйэ биксэ горово-дō эчэ̄н кухӣд'эрэ. Самнарвāн киӊдалӣд'аран, ӊāлаван капулӣд'аран. Булэхэ̄ви гойовӯд'ана, самнарӣтни токтод'орон. Орондулӣ пāвкāнд'ана сāлгāмаклāн дэлкӣд'эрэн, тоҕогдот кургӣвд'эрэн. Улэптэгдэвэн эдīдӯ эдīнмукэ̄нд'эрэн.

Дулин буга Чиндэнйкэ амйви ураӈйд'аран. Д'ӯдӯви дэрӯмкйскэ, н'ан-дат цэхэхинд'эрэн. Уӈйлэ уӈиривӯксэ, чутума н'аӈ'адӯ арйктад'ана, тӯксулн'ун бурйпчэрэн.

Гарпанйкан, сагданйксэ, бид'эхинэн. Кӧцакчан-атиркачан сагданцкйдӯ тиравд'эрэн. Чиндэнйкэн-омолгйтин илэ-дэ цэнэрйвэн, ци-дэ эхин сад'ара.

13. Гарпас-мата-Гарпанӯчан

Билир, билир, дуннэ элэкэс овд'аракин, н'ацурай-эн'эй элэкэс хаӈачан хэрэгэчйнин танургунэ од'аӈахин, умӯн бэйэ оскэд'ачан. Дуннэ бимй кумалан нэптэчэгэчинин, тэвлэхиннэ оскэд'ачан. Урэвэ оцатиӈив бимй томторкон она, окседаӈахин, бира оцатиӈив йӯктукэнцэчин она оскед'аракин, чука бимй элэкэс петед'эрэкин, мо бимй элэкэс умӯн сэмэ од'аракин, умӯн мата оскед'ача бичэ. Эр мата бимй «д'ӯлкан», гуннэ адуларакис, утэн-утэлкэн, утэмэ д'ӯлкан бичэ. Эр бэйэ гэрбйн бичэ бимй суца суракин Гарпас-мата-Гарпанӯчан бичэн. Д'э, д'ӯр д'апкун куйэр кокчалкан бэйцэвэ д'ӯрэ эхй хэтэкэнмукэнэ мата бичэ. Эр д'ӯдӯви бид'эрдэгэ биксэкэн, ацуликсакан, бэйудави н'экэрэн. Алацави гаксакан, буӷава-дуннэвэ ичэтчэрдэгэ цэнэхиндави. Эр турэлкэн од'ача:

Геӈэ, геӈо-йой!
Геӈэ, геӈо-йой!
Буӷа-дуппэвэ
ураӈкай бэйэ
окечан, бид'иӈэн?
Эмӯккэкӯи
эчэв оскера, бид'иӈэн?
Тарйлба-да
гэлэктэдэв,
гэлэктэрйви
ипэӈй одан!

Эр бэйэ гэлэктэд'энэ цэнэд'эрэн, цэнэд'эрэн, буӷава ичэтнэ, дилачэ йӯптуткэкй. Борон дилкан ураӈкай-эвэнкй бэйэйэ гэлэктэд'эргэрэ. Эр гэлэктэд'энэ бимй, киладук килала ичэчэ ирӯнбэйцэвэ. Тарйцци алацатпи гарпалчэ. Гарпалйксэ, «Сэрбэнкэл!», — гуннэйэ, гарпад'аран. Тар гарпалд'аракин, бэйцэӈйн, мэдэксэ, турэтчирэн:

Эцтэр, эцтэнин!
Собиӈ-матанд'а,
Гарпанӯчан-бэйэ,
варан, д'эктэн.

Эр бэйэ гарпачэ. Гарпанан гойовӯнмучэ хэтэкэнчэл д'ӯр бэйцэ, ирӯн-бэйцэ. Тарйцйлби ахаматчаран. «Аввакам! Авваккам!», — гуннэ дилви эхин эхйна. Тарицйлин д'улэскэкй суптира. Тарицйлби ахаматчаран. Тарицйлби ахаматчаракин, д'улэн турэтчэрэ:

Геруканен, геруканен!
геруканен, геруканен!
Минци бэйӯн — авдунд'авав варан — д'эптэн!
Бэйи, баракакан,
арай этэм ичэд'эрэ!
Би карен-авдував варан,
арай этэнни эмэрэ! —

гунд'эрэн гē бэйэ. Гарпас-мата-Гарпануучāн дōлдиксāкāн бимӣ, турэндӯн урӯнд'урун. Эркэн тӯксад'аран. Тӯксаксā, тӯксаксā, дагамāд'аран. Даŋа чāŋӯ бэйэ, ичэксōкэн, эмэд'эргэрэ нуцандулāн. Гарпас-мата дэптикӣ цэнэд'эргэрэ. Д'ӯр муйэдукин тоŋо курин-нэд'энэ, цэнэд'эрдэгэ. Чаŋӯ бэйэ, эмоксōкэн, д'āн чиракви д'аваксā, эмэд'эрдэгэ, колтод'ордого. «Минци укчаквав ēдā вāчāс?», — гуннэ. Гарпас-мата колтод'ордогон. Д'э, д'ӯр бэйэ тэрэцкэкӣ кухӣд'эрэ. Бē̄ŋа калтакāдукин кухӣксэл, д'āллэмāктӯ тэрэцкэкӣ бэйэл кухӣд'эрэ. Бē̄ŋа калтакāдукин чāскӣ Ирэпӯд'э-мата кētарӣлд'аран. Кētарӣксā, турэтчэрэн:

Гэрукāпэн, гэрукāпэл! айа ахāкāн
Гарпас-мата, Сēкакчāн гэрбӣн.
бмӣвав экэл вāра! Тарицмав бӯд'ицэв
Нэкӯнэчӣ бихим, эхикис вāра.
асāткāн-хунāт

Д'э, Гарпас-мата хунāтпāн гадāви, эцэнмэн эчин вāра. Кухӣмӣ этэксэл д'ӯрӣ цэнэхӣнд'эрэ, Ирэпӯд'э хунāттлāн. Д'э, эркэн тӯксад'ара халгакāрд'ивар, тiргимэт. Дiлачā йӯнитуткэкiн тӯксад'ара. Тӯксаксāл, тӯксаксāл илан инэцiдӯ тӯксаксāл, иссад'ара. Ирэнӯд'э хунāтпи эрiд'эрэн:

Гэрукапэн, гэрукапэн! Гарпанӯчандӯ бӯм.
Гиркiйэс эмэвум! Имāт йӯкэл д'ӯдукки!
Кētаракса, ēксā-ŋӯ, Д'эпти-д'эвгэйэ бкал!
синэвэ бӯксā, Тэтти-тэткэйэ
инэкин мучупам. имāт бэлэнгэкэл!
Гарпас-мата-

Тāдук асāкāн, тулйскӣ йӯксō, акiндулāви Гарпас-мата-Гарпанӯчāнма элгэхинйксō, йвд'эрэн. «Он и'экэд'ицэв? — гунйттэн, — кētарчāлāс, цэнэчим бōллага», — гунйттэн. Йвуксō, улiрд'эдэгэ д'эпти-дэптилэвэтiн, тэтти-тэттилэвэтiн бэлэнгэд'эрдэгэ. Тāдук улйксō, āнцад'ардактара.

Āнцаксāл, тiмāтнар тэŋэксэл, сивайбавар ōдāвар ирӯн-оронмор гэннэд'эрэ. Оронмор гэнпэксэл, эмувд'эрдэктэрэ. Вāксāл, бстад'ара. Бстāксāл омолгiвар уцпэ. Умӯн омолгiвар эргӯ буŋалā уцпэ, умӯн омолгiвар дулгӯ буŋалā уцпэ, умун омолгiвар уӯ буŋалāвэр уцпэ. Бэйэлбэ гэнпэрэ. Тар гэнпэд'элтiн илiтiн йнэцiлэ эмувд'эрдэгэрэ. Дулин буŋагйт эмэрэ урацкаил-эвэпкил бэйэл. Уӯ буŋагйт эмэд'эрэ эвэпкил бэйэл. Эргу буŋагйт авахил эмэд'эрэ.

Ур омолгiватiн умпэт човокотнол, тагдiра. Тар омолгi гуниттэн: «Ēкӯптикйл тэŋэлтiн бэйэвэ ахактад'атта?». Бутушну човокōтнол, тагдiнал манара. Авахицiлтiн, сивайбами этэксэл, Гарпас-мата ахйвāн титэчэл. Тарилба Гарпануучан ахалчā. Эксэчэл, дiлачā тiкйптикiн эксэчэл. Тāлā амӯткāн бихин. Тар амӯткāн дōйакāклāн хэргӯ буŋалā чэпэттэ, сэлэкэр бпал.

Тар Гарпас-мата, ахаксā, тāлӣдā чэпэлдīрэн. Тāлӣ чэпэлдīксэ, авахил буҕалāтін иссаран. Ихӣксā, аҥад'акāн-куҥакāн ōксā, йссаран. Иҥама дӯ'лāтін йд'эрэн. Авахӣ тіҥэнми дулиндукин умӯн ҥāлачи, эйэви дулиндукин умӯн ēхачӣ авахӣнд'а. Авахӣ, ичэксэ, «Куҥакāнма улӣкэллу, аҥад'акāн-куҥакāн!», — гӯниттэн. Тар ахӣ Сēкакчāн куҥакāнма гунӣттэн:

— Йдук эмэнни? — гунд'ирэн. — Си-вэхин ēманни авахиндулā?

Куҥакāн гунд'ирэн:

— Экӣнми синэвэ ӯд'ачāв, — гунд'ирэн.

Эр куҥакāн авахӣнд'аткӣ: «Сēкакчāнма ката сāвкāникта!», — гӯнэн.

Авахӣ гунд'эрэн:

— Хутэ, ката сāвкāкал, элэкин, — гунд'ирэн.

Тар куҥакāткāн сāвкāниллан, гӯнэн:

— Тāдӯ сōма араснай тэвуриктэ! Тарā д'эпкэт! — гунд'эрэн Сурурэ. Эр муриндукки йӯксэ, мōла туктід'эрэ, тэвуктэлвэ д'эвдэвэр. Туктічэлэтін бимӣ, тарӣҥӣтін оронд'о ōчā.

Ойодӯви д'ӯрӣвэ эксэхинчэ. Авахӣлдук д'ороморон. Д'ӯлāви эксэд'эрдэгэ. Тар оронин бимӣ, «айамат д'авучакаллу! — гунэн, — авахӣдӯ эмнэкил боконмӯра». Эр д'ӯлāви эксэд'эрэн. «Д'ӯлāви ахунчаксā, йсҥāт бид'эн?». Тāдук д'ӯлāви иссаран. Д'ӯлāви иссāлāн, тігдэкэкӯн тігдэрэн, агдікāнӯн агдіран, бōктакāнӯн бōктад'аран, хиҕӣнкэкӯн хиҕӣнд'аран. Тар амаргидāдӯн авахи-бэйэ н'уҥэн турэтчирэн:

Дєҥдє, дєҥдє, бунин!
Дєҥдє, дєҥдє, бунин!
Гарпас-мата-Гарпанӯчан,
ахӣви бурэкис-кэт, гад'иҥāв,
эхикис-кэт, гад'иҥāв!
Айа эйэт-ку бучинни!
Уха эйэт-ку бучинни!

Гарпас-мата тікӯлчā. Тікӯлӣксāкāн, калганми тулдурэгэр хэкихӣниксэ, туксад'ардага. Авахӣ-бэйэ оҥоктовōн суллурагар кокоскод'орон. Авахӣ-бэйэ сōмат хēннивкӣ бичэн. Тāдуккар ҥāлави колтод'ови чирак-бэйун ділкāкинин колтонд'отпи колторон. Авахӣ тāксā, анам-бэйӯн ділкāкӣнин колтотпи колторон. Тāдук кухӣлдīчэтін д'ӯрӣ. Авахӣ бэйэвэн ōҥкāптікӣ гарадāнчā Гарпанӯчāн. Гарандāксā, нікӣмнадӯн тэҕэчэн. Минэксэ, минэксэ, «манакєду», гуннэ адуланā. Билиргимӣ мунчэ такэмӣва чикāд'аран. Авахӣ-бэйэн хэргӯ буҕаткāкӣ турэкэгдэн суруд'энэ турэтчэрэн:

Дєҥдє, дєҥдє, бунин!
Гарпас-мата, поросай ōҕин!

Авахӣ суптірāн. Д'ӯлāвӣ ҥэнэхӣнчэн. Гарпас-мата д'ӯлāви ҥэнэд'эрэн, Эркэн-таркāн тӯксачā тӯксад'аран. Д'ӯлāви иссардага, ахӣлāви. Ахӣлāви эмэксэ, д'ӯдӯви дэрӯмкӣтчэрдэгэ.

АЛДАН, Д'ЭЙЭ ЭВЭНКӢЛИН НИМҢАКĀРТІН

14. Тōргāнэй

Умӯн омолгӣчāн энӣннунми бид'эчэ̄н. Д'ӯлā āчир — атут. Эр бид'энэл, нуҷац бэйӯктэд'эчэ̄н. Энӣнин умэ̄кэ̄н хуручэ̄ даґакāнтікӣ, омолгӣткӣви, гунчэ̄:

— Ēкӯн-мал эмэрэкин, минэвэ ханҷуктаракин, эннэ тэдэ̄врэ. «Ēкӯна ōкал» гунэктін, эннэ ōра!

Атіркāн хуруд'э̄кєнин, атулāтін эбэй эмэчэ̄, ханҷӯча:

— Энӣнни йдӯ?

Тар омолгӣ гунчэ̄:

— Эчэ̄в сāра.

Эбэй гунчэ̄:

— Тікэ̄ бихикин, минэвэ куйӣргит ухӣҷнэкэл тавар ӣрэ̄ктэдӯ.

Тар омолгӣ ухӣҷнэчэ̄. Уйӣтчэрэкин, хэбэй кэҷтірэ̄лэви гарадāнчā тар омолгӣва. Омолгӣ намарāнчā, хуктіхинчэ̄ эбэй. Хуктід'эчэ̄, хуктід'эчэ̄, горово хуктід'эчэ̄ эбэй. Ихэккэ̄нмэ исчā. Тар ихэккэ̄нду хунӣл эвӣд'эчэ̄л, маутлӣмāтчанал. Тар хунӣлба ичэхэ̄, омолгӣ гунӣлчэ̄:

— Хунӣэ̄л, хунӣйэ̄л, эбэйвэ маутлāкаллу! Минэвэ айкаллу!

Хунӣл эбэй д'улэ̄скӣн туксахинчāл, мāутілба ҷāлд'анал эчэ̄л маутлāра, суптīвчāл. Тар эбэй ҷэнэд'эчā, ҷэнэд'эчā, эмэчэ̄ д'алтікӣви. Дулинтікӣтін эмӯвчэ̄. Тар эбэйӣл д'эпилдāвэр н'экэчэ̄л.

Омолгӣ гунчэ̄н:

— Кэ, миндӯ харана бӯкэллу, мэ̄нми тэхиктэ. Д'эптэхун, айа бид'иҷэн.

Тар тікэ̄ гунэкин, эбэйил ухакӯчӯнма харанма бӯчэ̄л. Омолгӣ гунчэ̄:

— Эҷэ̄тів батта, хэгді, хэгдімӣйэ харана бӯкэллу!

Тікэ̄ гунэкин, хэбэйил хэгдікэ̄нмэ бӯчэл. Хэгдікэ̄нмэ бӯрэктін, харанма, умӯн хэбэйлэ̄ хэтэкэниксэ̄, хэтэкэ̄руд'эхинчэ̄ хэбэйдук хэбэйлэ̄. Хэбэйил ахалчāл, эчэ̄л боконо. Туханчā-н'ун, тухачā. Гороптīлби атулби бакачā, энӣнми бӯд'э̄квэ̄н. Энӣнин арай бучэ̄. Ҷэнӯхинчэ̄ горолтікӣ буґалтікӣ. Тōргāнэй-хунāтвāн гэлэ̄ктэнэ̄хичэ̄. Ҷэнэчэ̄, ҷэнэчэ̄, бакачā умӯн д'укāнма. Тāдӯ атіркāчāн бид'эрэн. Тар омолгӣ хӣнҷӯча:

— Ōн бакамӣ Тōргāнэй бид'эрӣвэ̄н?

— Си хоктодӯви кэтэ ургэхэлэ ҷэнэд'иҷэ̄с. Тарӣлба ҷэнэмӣ, гад'иҷāс Тōргāнэй-хунāтва. Эмӣ ҷэнэрэ, этэ̄нни гара, — атіркāн гунчā, — би синдӯ уґучакйас бӯд'эҷэ̄в.

Бӯчэ̄ уґучакйан, уґучакӣт ҷэнэхинчэ̄. Ҷэнэчэ̄, ҷэнэчэ̄, сиґикӯн ōчā. Илчā тāдӯ, гунчэ̄:

— Ōн би ҷэнэд'иҷэ̄в?

Уґучакин турэ̄чилчэ̄:

— Чиҷэрэ̄кэ̄р ōксāл, тутуґэ̄т сиґӣва!

Тутучӕл, тутучӕл, исчӑл муданмӑн. Н'ӑн цэнэхинчӕл авлӑнма. Цэнэксӕл, цэнэксӕл, исчӑл — киптӏл гирд'ара. Омолгӣчӑн гунчӕ:

— Ӧн цэнэд'инцэт?

Оронин гунчӕ:

— Сэлэмэ унталва ӧксӑл, цэнэҫӕт.

Тар цэнэхинчӕл. Цэнэчӕл, цэнэчӕл, н'ӑн инмэлд'и гидалӑ, д'ара. Тарӑ хэтэкӑнчӕл. Тар цэнэксӕл, цэнэксӕл, д'эгдэ бид'эрэнд'эгдэкӳн! Н'ӑн гунчӕ:

— Ӧн цэнэд'эц д'эгдэвэ?

Уҫучакӣн гунчӕ:

— Дэҫил ӧҫӑт!

Дэҫил ӧксӑл, дэҫилчӕл, хэдэчӕл д'эгдэвэ. Цэнэчӕл, цэнэчӕл, н'ӑн сукэлд'и хӧцнилд'ара. Йлӣ-дэ цэнэдэ — сӧ. Н'ӑн гунӣлчӕл:

— Ӧн-ка цэнэд'инцэт эрэ?

Н'ӑн цэнэрэ орон д'алдӑнэлӣн. Цэнэчӕл, цэнэчӕл, н'ӑн халкачӑр халкад'ара. Тарӑ н'ӑн цэнэчӕл. Тар цэнэксӕл, цэнэксӕл, мӳкӳн, бутунну мӳ, муданӣн ӑчин.

— Ӧн цэнэд'инцэт? Мӳ мудана ӑчӣн.

Уҫучакӣн гунчӕ:

— Кэ, мит оллол ӧҫӑт! Оллол охӑл, цэнэҫӕт!

Илтэнчӕл тарӑ. Эхӣлэ орон гунчӕ:

— Кэ, эхӣ ӗкӳн-дӑ ургэхӣ хокто ӑчин. Дагалӣ исчацӑт Тӧргӑнэй-хунӑтва.

Цэнэчӕл, цэнэчӕл, ихилчӑл. Д'ӳкӳкӑн ичэвӳлчӕ, килулӣ, сигунцачин. Исчаракӏтӏн, ахӣ йӳчӕ, эрчачӑ, гунчӕ:

— Би Тӧргӑнэй бихим.

Тар омолгӣ гунчӕ:

— Ӧн-ка Тӧргӑнэй-хунӑт бинэ, эчӕ айа бирэ? Д'ӳс айа.

Тар ахӣ гунчӕ:

— Бикэллу ахилтӑнэмӑклӑ, би эр-дэт эмэд'инцэв.

Мэпин хуручӕ, ахилтӑнэ эмэчӕ. Долбочӧ. Долборокин, гӳнчэ:

— Кэ, ӑхинцӑт!

Цэнэчӕ д'ӳви дӧлӑн. Капур, капур ӧд'ачӑл тэткэлин дӧлин. Тар омолгӣ гунд'эчӕ:

— Ӗдӑ капур, капур ӧд'аран?

Тар ӑхипчӑл. Ад'эрэктӏн, бутунну иллэлбӗн гидатчавкӣ. Тэҫэлтэн эмэклӗн нэхӣлэ ӑчӑ. Ад'эрэктӏн, кицгин эмэлчӗн, чӧранд'и чӧранд'ана.

Омолгӣ гунчӕ:

— Ӗкӳн эмэд'эрэн?

Ахӣ гунчӕ:

— Би синэвэ улэккӣчим. Би Тӧргӑнэй гэрбэчӣцин бихим. Тэткӑлби дӧлӣтӏн угдахакӑрба тэврӣв. Минэвэ эхӣткӗн Тӧргӑнэй дуктэлд'инцэн. Эрил угдахакӑр капургаллактӏн, гунчэд'эцэн: «Би вӑм гэрбэчӣцми».

Тар Тӧргӑнэй, эмэд'энэ, гунчэн:

— Уркэвэ нӣкэл! Ӗкӳп уҫучаккэ уйчӕ сіргадук?

Тар гэрбэчӣн, микчāликсā, сōҕинчā уркэвэ. Гэрбэчӣцми дуктэлчэ̄. Дуктэчэ̄, дуктэчэ̄, арай капур, капур ōд'ачā. Тōргāнэй гунчэчэ̄: «Гэрбэчӣцми вāм, гирамналвāн хӯгд'ам». Хуллава нэктэлӣчэ̄, э̄дӯ омолгӣ хуклэ̄д'эрэн. Гунилчэ̄:

— Ōн сӣ би гэрбэчӣнн'унми āхинчāс? Би Тōргāнэй-хунāт бихим. Си бутунну ургэхӣ хоктово цэнэнни, би си ахӣс бицэ̄тів. Минтікӣ кэтэ омолгӣ эмэдэ̄вэр н'экэчэ̄тін. Ци-кэт эчэ̄н кēйра ургэхӣл ōврӣлба хоктодӯ, си кēйӣнни. Би синци бихим. Би, гэрбэчӣнн'унми āнэлӣс, ургэхӣ хавāла бӯд'ицэ̄в. Тарилба упкатпа кēйракис, энэ цэ̄лэттэ ēкӯндук-тā би синэвэ эділэ̄д'ицэ̄в. Этэ̄нни кēйра тарилба, этэ̄нни сатара, энэ цэ̄лэрэ, н'āн амаскӣ мучуд'ицāс бид'э̄клэ̄ви.

Тар омолгӣ гунчэ̄:

— Ōд'ицāв!.

Элэкэс гунчэ̄:

— Би бэйцэ̄цӣлби бихӣ, тарилба этэйэ̄нэ̄кэл!

Этэйэ̄чилчэ̄. Кэтэкэ̄кӯн бичэ̄л бэйцэ̄лин — тацӣпра эхӣл. Элэкэс ичэксэ̄, цэ̄лэлчэ̄н. Бэйцэ̄л киктāвэр н'экэлчэ̄л. Тар омолгӣ Тōргāнэйлā хуручэ̄, гунчэ̄:

— Бэйцэ̄цӣлли минэ киктāвэр н'экэд'эрэ:

Тōргāнэй хуручэ̄, гунчэ̄:

— Эннэл кикта, эр митки!

Горово этэйэ̄тчэ̄, элчэ̄ цэ̄лэрэ, бэйцэ̄л дōлчачӣлчāл пуцанмāн. Горово этэйэ̄ксэ, Тōргāнэй гунчā:

— Чалбаткāнцӣлби этэйэ̄нэ̄кэл! Тар чалбуҕдӯ бихи эбэйил. Тарилдук эннэ цэ̄лэрэ! Д'эпиглэ̄ллэктін, гуннэ: «Би Тōргāнэй бэйэцӣн бихим!».

Эмэчэ̄ чалбуҕлā, чалбаткāр сирпалчāл. Тар омолгӣ соцолчō. Чалбаткāр ханцӯлчал:

— Си цӣцӣ бэйэцӣн бихинни? Эр Тōргāнэй дуннэцӣн Тōргāнэй гунчэ̄: «Хуцту бэйэвэ эннэл тīнэ!».

Тар улгучэ̄мэ̄тчэрэктін, эбэйил эмэчэ̄л. Эмэд'экентін, тар омолгӣ гунчэ̄:

— Би Тōргāнэй эдīцэ̄тін бхим!

Чалбаткāр, эбэйил эчэ̄л тэд'э̄д'эрэ, ханцӯнāчāл Тōргāнэйдук:

— Мунтікӣ эмэчэ̄ хуцту бэйэ. Тара бӯ сирбад'арав, эбэйӣл д'эпиглэ̄д'эрэ.

Тōргāнэй гунчэ̄:

— Экэллу тара сōмӣра, тар минцӣ бэйэцӣв·

Чалбаткар мучӯчāл, гунчэ̄л эбэйӣлвэ:

— Тар митцӣ, Тōргāнэй бэйэцӣн.

Тар омолгӣ горово этэйэ̄д'эчэ̄н чалбарва, эбэйӣлвэ. Этэчэ̄лэ̄н этэйэ̄рӣви, Тōргāнэй гунчэ:

— Уҕучакви бакакал! Бакаксā, вāкэл! Вāксā, сэ̄хэдӯн булкукал д'ӯр надаллайа. Тэ̄лӣ си минэвэ гад'ицāс.

Тар омолгӣ уҕучакви вāхā, д'ӯр надаллава булкучā сэ̄хэдӯн. Тāдук Тōргāнэй-хунāтва ахӣлāчā. Айат билчэ̄.

15. Тӧргӑнэй, Чӑнйкэй

Билир, билир, дуннэр-эн'ӗй тэнйнэкӗндин тэнййд'эрэкин, н'аӆн'арамай улкйчӗн ӗхадинин киларгард'аракин, д'ӳр хуркэкӗр бичӗл. Акйндиӷӳ гэрбйн бичӗн Тӧргӑнэй, нэкӳндиӷӳ бичӗ Чӑнйкэй.

Тар бид'эвкйл, бид'эвкйл, инэӆивэ минутагачйн бивкйл, аннанйва долбонйгачйн бивкйл. Тар бид'энэл, гӗ куӆакӑн инэӆитикйн ихавувкй бичӗ: эвйкэрэви ӧвкй, алаӆакӑнэви ӧвкй. Тар алаӆакӑнд'иви «чип, чип!» орй чивкӑнэ, «кук, кук!» ӧрй кукэкййэ эвкй ойолйви дэӷивкэнэ, упкатва вӑвкй.

Нэкӳндиӷӳ кӳӆакӑн ӗкӳндук-тӑ эрӳ сидиӈ бичӗ: дуӆгӑлдукви, чимкалдукви иликсатви намарӑвкй.

Тӧргӑнэй бэйӳктэвки-дэт ӧчӑ. Бэйӳвкй, бэйӳнмэ вӑвкй. Тар вӑксӑ, имэннэлдӳви уййксэ, д'ӳлӑви эмэвӳвкй. Тар эмэксэ, гиркйви ичэрэкин, айа-дӑ, айа ӧчӑ бивкй. Тӧргӑнэй ханӈӳвки Чӑнйкэйдук:

— Ӗксӑ, эр си бултургӑнни, багдаргӑнни?

Чӑнйкэй гӳнэн:

— Э-э! Угдаксакӑртикй, иманнакӑртикй булйктэрэкив, бултургӑттан, багдаргӑттан, бид'иӈэн!

Тӧргӑнэй н'ӑн бэйӳвкй. Тар бэйӳксэ, бэйӳрвэ вӑвкй. Н'ӑн д'ӳлӑви эмэвкй Чӑнйкэй ӗдӳк-тӑ сӧ айа — бултурин, багдарин бивкй. Тӧргӑнэй н'ӑн ханӈӳвкй:

— Си, ӧксӑ, тикэн багдаргачйнни, бултургачйнни? Улгучэкэл, айа бицэсйви. Эхикис улгучэнэ, би синэвэ вӑд'эӆав!

Чӑнйкэй гӳнэн:

— Акйкӑкэн, экэл вӑра, улгучэнд'эӆэв. Дилачӑ йӳптуӷйд'ин д'ӳр гахантамал ахӑкӑр, эмэксэл, минэвэ игдӣтта, авӳтта, олохин би багдаргачйм.

Тӧргӑнэй гӳнэн:

— Кэ, си д'ӳрдук гӗва д'авадӑви!

Чӑнйкэй гӳнэн:

— Д'авакӳн!

Тӧргӑнэй д'ӳви олдондӳн дӣкэнэн. Тар дӣкэнчэд'эрэкин, инэӆ дулин ӧд'аракин, д'ӳр гахантамал ахӑкӑр дэгнэл эмэвкйл. Тардат Чӑнйкэй мӧлӑкйттӳн дӧра, д'ӳлӑн йрэ. Тар йксэл, Чӑнйкэйвэ игдӣлчӑл, авӳлчӑл. Тар авӳлмуракти, Чӑнйкэй экйндэӷӳвэ д'ававкй. Тар д'авакса, акйнми, эмэдэн, тэпкэлйвки:

— Тӧргӑнэй сӧт химӑт эмэкэл!

Тӧргӑнэй тӳксанэ эмэвкй, гахантима ахӑкӑн дэктилэлвэн ниннӳнд'ӑ дуӷэдӳн локовкй. Тар тикэн Тӧргӑнэй ахйчй бран.

Тар ахйлӑксӑ, илаллава д'ӳдӳви ахйнунми бивкй. Тӧргӑнэй бэйӳвкй. Тар бэйӳксэ, горово бивкй. Тӧргӑнэй д'ӳлӑви эмэвкй. Д'ӳдӳн цй-кэт ӑчйн: ахйн-дӑ, нэкӳнйн-дэ ӑчйн. Мӧци ичэнэн, мӧцин тикчэ. Нэкӳнми сэмтумэнд'э каланд'а дӧдӳн которочӧво бакачӑ.

Д'э, Тӧргӑнэй эмӳкин ӧчӑ. Тар эмӧнмуксӧ, Тӧргӑнэй д'алдӑчивкӣ: «Ӧн би бэйэ ӧԓӑтив, эмӳкин?». Тӑдук Тӧргӑнэй цэнэхинйвкӣ дилачӑ йӳптумӧвӧн. Тар цэнэд'энэ, илан диличӣ уксукӣнд'э бакалдӣвкӣ. Икӧвкӣ:

Гӧԓ'е! Геԓ'е! Геԓ'е-койон!
Кирандʼӑ доровойо д'авакал!
Эр би сӧԓдук-муԓдук
Цэнэхинчӑ бихим.

Илан дилйчӣ уксукӣнд'ӧ,
Ёкӳна сӑнии —
улгучӑкэл си миԓдӳ!
Эр би, эмӳкин ӧксӑ,
ӧлӧ эмэм.

Илан дилйчӣ уксукӣнд'ӧ улгучӧнивкӣ, икӧвкӣ:

Диԓди! Диԓди! Диԓди-койон!
Аԓӣ бэйэкӳн, доровокӧн!
Д'ӳр гахантымал ахӑкӑр

дилачӑ йӳптумӧвӧн
цэнэчӧлэтин,
илалла ӧран.

Тӧргӑнэй гунйвкӣ:

— Кэ, си миндӳ бэлэмчӧс?

Илан дилйчӣ уксукӣнд'ӧ гунивкӣ:

— Кэ, би синдӳ улгучӧниктэ. Си сурукэл дилачӑ йӳптумӧвӧн. Тар цэнэд'эрэкис, илан бирал бид'эԓӧтин. Тарилва си, сӧгда айа албахйчӣ бимӣ, дӑвд'эԓӑс. Тӑдук илйтин бира баргидӑдӳн д'ӑԓрӑ *бэйӳр бид'эԓӧтин*. Тарилдӳ д'ӑԓйтин бэйӳн калтакӑ ийэви *дулиндулйн хокомчӧ*. *Мэцумэ нӧмэчӣ*, мэцумэ илан даричӣ ухйчӣ. Тӑрӑ-цэн д'авамӣ, си айа бэйэ од'ицӑс.

Тӧргӑнэй цэнэхинйвкӣ, дилачӑ йӳптумӧвӧн, тар бираԓӑ ихивкӣ. Ичэрэкин, сӧ дэлэй бивкӣ бираԓйн. Тӧргӑнэйдӳ ёкӳнд'и-дӑ дӑвдӑн, ёкӳнйн-дӑ ӑчйн. Тӧргӑнэй эйӧкӣ, солокӣ ичэчйвкӣ, ускйтӑнэ хиркихид'амиак тӳксавкӣ, мӧл угдаксакӑрвэтин тиԓэлӧкилдӳви намарӑникса, бираԓӈи дӑвувкӣ. Тар тикӧн илан бирава, иланйва дӑвчӑ. Илйтин бира баргидӑдӳн бэйӳр ӳд'алватиԓ ичэчӧ. Тар бэйӳрвэ Тӧргӑнэй аракӳкӑн бэйӳд'эхинйвкӣ. Бэйӳԓилйн нуԓанмӑн мэдӧвкйл. Тар ичэксӧл, бэйӳр хэтэкӧнивкйл. Тӧргӑнэй нуԓарватин ахалйвкӣ. Тар ахаксӑ, ахаксӑ, бокойивкӣ. Бокойиксӑ, мэцумэ нӧмэчӣ, мэцумэ ухйчӣ бэйӳнмэ бакачӑ. Д'ӳр ийэдукин д'авакса, Тӧргӑнэй укчаксӑ курбувчйвки. Урэкэчӧн бимӣ, мариктагачйн ӧкнан, дуннэ ӧцкучакйн томторин элйкнэн сӑвра, курбувчӳвкӣ. Илаллава иличйвкӣ, туԓаллава дэримкйчивкӣ. Дэрйксӧ, «Мэцумэ ухйчӣ бэйӳн, — гунйвкӣ. — Дэрри сумучӣ, хогорри эвтэчӣ бихим. Кэ, кӧйинни си минэвэ?».

Тар тикӧн Тӧргӑнэй ӳкчакйчӣ ӧчан. Тар ӳкчакйтви н'ӑн бэйӳԓилви ахаливкӣ. Бэйуԓилви боконйксӑ, умӳн сӧнцачӑнма вӑвкӣ иргихэйэви.

Тӧргӑнэй н'ӑн цэнэхинйвкӣ дилачӑ йӳтумӧвӧн. Мэцумэнд'э урэгӧнд'элӧ ихивкӣ. Тар урэвэ ихиксӑ, нуцан ӳчакви «Тӑкэчӑн ӧкал!» — гуннэ, сӧгинивкӣ. Ӳкчакин тӑкачӑн ӧвкӣ. Мӧнин, сӧма д'окэ куцакӑн ӧксӑ, соцоливкӣ урэнд'ӧ хэрӧдӳн.

Тар соңод'орокин, мэңумэнд'э урэнд'э ойодукин уксукӣнд'э, дӧлдӣксӑ куңакӑнңи соңонмӧн, урӯниксӗ, «Ёкӯн сэвэкӣн бӯрэн хутэйӗв?», — гуннэ, дэгнэ эмэксӗ, гавкӣ хутэйӗви. Д'ӯлӑви эмэвӯвкӣ. Д'ӯдӯви эмэниксӗ, уксукӣнд'э бэйӯвкӣ. Тар бэйӯнд'э ӑчиндӯн Тӧргӑнэй бэйӯр гирамналд'итин эвӣкэрэви ӧвкӣ, хуңтувӯнэви ӧчӑ.

Уксукӣнд'ӑ бэйӯктэтмӣ ухэксӗ, сӧмат умнӧт дэрӣксӗ, д'ӯлӑви эмэксӗ, д'ӯдӯви ӑхинӣвкӣ. Тар ӑд'эрэктин, Тӧргӑнэй аракӯкӑн уксукӣнд'э халгардукин мэнми уйӣвкӣ. Тар уйӣксӗ, хуңтувӯнми иктӯвкӣ. Уксукӣнд'э уӷӣскӣ дэӷӣлӣвкӣ. Урэңди ойовӧн иссаракин, Тӧргӑнэй тӣкивкӣ.

Тар тӣкиксӗ, Тӧргӑнэй н'ӑн тар урэңди цёскӑкӣ цэнэд'энэ, ёкӯнма соңонмӧн дӧлдӣвкӣ. Тар дӧлдӣксӑ, Тӧргӑнэй эмэвкӣ. Эмэксӗ, ичэрэкин, арай олгомно ӑмуткӑндӯ Чиркимӑй нирэй куңакӑнмэ эмкӯтчэрэн:

Чивɛр! Чивɛр! Чивɛр-койон!
Байу, байу, байу-койон!
Экэл соңоро!

Тӧргӑнэй, Чиркимӑйдула эмэксӗ, Чиркимӑйдук ханцӯвки:

— Ңи хутэн?

Чиркимӑй гунӣвкӣ:

— Эр гахантамал ахӑкӑр хутэвэр эмэннэвэтин би ӧлгаттав.

Тӧргӑнэй н'ан ханнӯвки:

— Мэртин-кэ йлэ суручэтин гахантамал ахӑкӑр?

Чиркумай гӯнэн:

— Гахантамал ахӑкӑр дуннэңлэвэр суручэтин, инэңмэн эмэд'эңэтин д'ӑн д'ӯр часилдӯ.

Тӧргӑнэй д'ӧнивкӣ, д'алдӯви гунӣвкӣ: «Эр би хутэв!». Тӧргӑнэй Чиркимӑйтики гунӣвкӣ:

— Кэ, си нуңанмӑн дэлбимэ соңовчӧкол, химӑт эмэдэтин гахантамал ахӑкӑр.

Чиркимӑй куңакӑнмэ дɛлби соңовчӧвкӣ. Тӧргӑнэй мӧнин сиҷи дӧдӯн дӣкэнивкӣ. Гахантамал ахӑкӑр эмэд'эрӣвэтин ичэксӗ, Тӧргӑнэй д'утин олдондулӑн эмэксэ, дикэнивкӣ. Тар дикэнчэд'энэ, дӧлдивкӣ гахантамал ахӑкӑр икэнмэтин.

Экиндиҷу гэрбӣн бичэн Гелтиңачӑн Кувулгат. Экиндиҷу гёван Гелтиңачан Кувулгат гунӣвкӣ:

— Сӧт химӑт тиккэт! Хутэв соңорон!

Чиркимӑй оңкойоңотви аманнӣран. Нэкӯндиҷӯ ахӑкӑн гунӣвкӣ, икэнэ:

Гең! Гең! Геңɛ-койон! Тӧргӑнэй эмэрэн,
Эҷэт-вэл-дэ тикрэ! даҷачӑндӯ бид'эрэн.

Гёван хунӑд'ин Гелтиңачӑн Кувулгат тӣкивкӣ олгомнокӧн ӑмуткӑндулӑ. Хутэлэви тӯксана эмэвкӣ. Хутэви Чиркимӑйдук гаксӑк укӯливкӣ.

Тар укӯвулмурэкин, Тӧргāнэй тӯксана эмэвкӣ. Гахантіма ахāкāн дэктілэлбӭн илан путэчӣ сукэнд'ӭт токтовкӣ. Гӭван хунāд'ин Гелтіцачан Кувулгат нэкӯнин гунӣвкӣ:

— Пурганд'арӣ поросай ӧґин! Си энэ дӧлдіра гуннэвэв тіктэкис, эчэ умӯ хуркӭн-куцакāн соцоро, — гуннэ, — уйэдӯви бид'экэл кутєнунми-этіркӭннунми! — гунивкӣ-дӭ ділачā йӯптумӭвӭн дэгд'эхӣнӣвкӣ нэкӯндіґӯ ахāкāн.

Д'э, Тӧргāнэй, ахӣви н'āн бакалдіксā, ахӣнунми биливкӣ. Хутэтін биксӭ долбонӣтікӣн ихэд'эвкӣ. Амӣнӣн эвӣкӭрӭн ӧвкӣ, алацāкāнāн ӧчā. Тар алацāкāнд'иви куцакāн «чин, чин!» ӧрӣ чивкāчāна ойолӣви эвкӣ дэґӣвкӭнэ ӧчā, бэйӯктэвкӣ-дэт ӧчā. Тар бэйӯксэ, хуцтутікӣр бэйцӭвэ, чивкāрвэ бакалдівкӣ. Тариц̣ӣлин улгумӣвкӣл»: Гэрбӣс ц̣ӣ?», — гуннэл. Омолгичāн гэрбӣйэ āчӣн. Ц̣ӣйэ-дӭ, гундӭн, āчӣн бивкӣ. Омолгӣчāн д'ӯлāви эмэвкӣ, энӣнткӣви гунӣвкӣ:

— Эр би, бэйӯктэд'энэ, чивкāчāрбэ бакалдічим. Тариц̣ӣлби миндук «Гэрбӣс ц̣ӣ?», — гуннэл, улгумӣттэ. Тадук ин'эттэ, гэрбӣйэ āчӣнд'ив. Эр-кэ би ӧн тікӭн гэрбӣйэ āчӣн бид'эц̣ӭв? Гэрбӣйэв миндӯ бӯкэллу! — гуннэ, улгумӣвкӣ омолгӣчāн амӣндукви, эмӣндукви.

Энинӣн гунӣвкӣ этіркӭнтікӣви:

— Кэ, эдӭ хутэдӯвэр гэрбӣйэн бӯґӭт! — гунӣвкӣ: — Кэ, би бӯктӭ гэрбӣйэн хутэдӯвэр. Хуругэчӭн биґин гэрбӣн хутэт!

— Кэ, элэкин! — гунэн гӭ.

Омолгӣчāн, гэрбӣчӣ ӧксā, урӯниксā, алацāкāнми гаксā, бэйӯвкӣ. Тар бэйӯксӭ, н'āн бакалдівкӣ чивкāчāрбэ. Чивкāчāц̣ӣлин нуц̣андукин улгумӣвкил:

— Гэрбӣс ц̣ӣ? — гуннэл.

Омолгӣчāн: — Би гэрбӣв Хуругэчӭн! — гунивкӣ.

Д'э, Хуругэчӭн, тар бэйӯксӭ, бэйӯрвэ вāвкӣ. Д'āнмэ вāмӣ, д'āнӣви эмувӯвкӣ д'ӯлāви. Н'āн умнӭ бэйӯксӭ, умӯн улкӣчӭнмэ ичэвкӣ. Тар улкӣчӭнмэ «Ӭкӯн эрӣ бэйц̣ӭн!», — гуннэ, Хуругэчӭн ичэчӣвкӣ. Тар ичэрэкин, «Ӭкӯндук-тā айа бивкӣ!». Хуругэчӭн гунивкӣ: «Кэ, би нуцанмāн иникинд'и д'авакта!», — гуннэ, ахакталӣвкӣ. Д'ававкӣ улкӣчӭнмэ. Тар д'авакса, урӯнӣкса, д'ӯлāви туксахӣнӣвкӣ, ахӣкталва анамдак, болгӣктал бокотолтін бурукнэнтін, нэлгӭлбэ нэгділмӣгдэ. Сӧ бэйэ, ӧгӯриксā, ӧктаг ойогдолӣн тӯксана, д'ӯлāви эмэвкӣ. Амӣндукин улгумӣвкӣ:

— Ӭкӯнді эр? Д'эпрӣ-ґӯ эхӣ-ґӯ?

Амӣнӣн гунӣвкӣ:

— Эр амāкā бӧканин. Эрэ эц̣эрэ д'эпрэ!

Тāдук н'āн Хуругэчӭн сурувкӣ, бэйӯвкӣ. Тар бэйӯсӭ, ц̣энэд'эрэкин, ӭдук сӧ эдін-суґӣ эмэвкӣ. Тар эдін-суґӣ гуннэн, тариц̣ин арай турӭчиливкӣ:

— Сӧ омолгӣчāн, эр си ӭкӯма гэлӭктэд'энни? Энӣнни идӯ бихин? Улгучӭкэл! Эхикис улгучӭнэ, би синэвэ, оц̣онмос, гад'иц̣āв!

Д'э, Хуругэчӭн ичэчӣвкӣ — ӗйа-дā эвкӣ ичэрэ. Д'алдӯви гунӣвкӣ: «Ӗкӯн, ӣдӯ бинэ, турӭчӣттэн?». Гунчэнэ, мурӭлӣви ичэчӣвкӣ. Ӗкӯндӯ-дā āчӣн бивкӣ. Д'э, ӗван-дā энэ сāра. Д'улӭви д'улӭскӣви ӊэнэвкӣ. Тар ӊэнэд'энэ, бэйӯр ӯд'алватін ичэчӣвкӣ. Бэйӯӊӣлин нонойо илбэвчӭл бивкӣл. Тар тікӭн ӗйа-дā энэ вāра, Хуругэчӭн д'ӯлāви эмэвкӣ. Тар эмэксӭ, энӣндукви улгумӣвкӣ:

— Бэйӯд'э ӊэнэд'эрэкив сō эдīн-суӷӣ ōран, тāдук ӗкӯн-ка турӭтэн: «Эр си омолгӣчāн ӗкӯнма гэлӭктэнни?», — гуннэ. Тāдук: «Энӣнни ӣдӯ бихин!», — гуннэ, ханӊӯктаран.

Энӣнӣн гӯнэн:

— Э, тар ділачā хунāд'ин Сӗкакчāн Кувулгат, бид'иӊӭн?

Хуругэчӭн улгумӣрэн энӣндукви:

— Тар ділачā хунāд'ин Сӗкакчāн Кувулгат ӣдӯ бихӣ, бид'иӊӭн? Улгучӭкэл сӣ миндӯ. Би нуӊандулāн ӊэнэктэ! Нуӊан минэвэ сōт кихиттан, илэчӭттэн. Бэйӊӭӊӣлбэв д'улӭдӯв илбэттэн.

Хуругучӭн энӣн гӯнэн:

— Кэ, би синдӯ улгучӭниктэ. Инэӊ дулин хэрэмэвӭн сурукэл. Тар ӊэнэд'эрэкис, н'аӊн'ава исті турунд'ачӣ д'ӯ, ділача хунāд'ин Сӗкак бид'эрин. Тар д'ӯдӯ умӯн ӊāлачӣ, д'иктэ калтакāн иргӣхэчӣ, умкāн калтакāн умкачӣ авахиӊкур-мата бид'иӊӭн. Тарā кӗймӣ, тар хунāтпа гад'иӊāс ахӣйави.

Д'э, Хуругэчӭн энтīлби д'ӯтін д'ӯр далбадӯтін д'ӯр-д'āтэл путэчӣл сэлэнд'элбэ иливӯвкӣ.

— Кэ, эр сэлэнд'эл сэмтӯрэктін, су минэвэ «будэн» гунчэдӭвэт!

Эр энӣннунми, амӣннунми пуростилāвкӣ, ӊэнэхинивкӣ Хуругэчӭн. Д'э, тар Хуругэчӭн ӊэнэд'эвкӣ-дӭ, ӊэнэд'эвкӣ, долбонӣва ӊэнэвкӣ, инэӊивэ. Д'э, тар ӊэнэксӭ, ӊэнэксӭ, мэнтікӣви гунӣвки: «Хэргӯ буӷадук эмэчӭ бихикив, тіӊилӭктӯв тукалā намарачā, бид'иӊӭн», — гуннэ, ичэвкӣ тіӊилӭкви — тіӊилӭктӯн тукалā āчӣн бивки. Тāдук гӯнивкӣ: «Дулин дуннэ ойолӣн эмэчӭ бихикив, арбагахив хуӊмалби сэмкэнэтін бид'иӊӭн», — гуннэ, ичэвки — арбагахин умнӭт сэмкэчӭ бивкӣ.

Д'э, тар ӊэнэксӭ мэӊумӭнд'ӭ д'ӯлā ихивкӣ. Тар эмэксӭ д'ӯлā, уркэвӭн нӣксэвкӣ — эвкӣ ōн-да нӣрэ. Хуругэчӭн, чивкāчāн ōксā, мōнд'адӯ дōчавкӣ. Ичэтчэнэ авахӣӊкӯр-сōниӊ мōлāд'авкӣ, мōва д'ӯлā ӣвуливкӣ. Тар авахӣнд'ā д'ӯви уркэвӭн нӣвкӣ. Тар нӣмурэкин, Хуругэчӭн, ділкӭн ōксā, д'ӯлā ӣвкӣ. Тар ӣксэ д'ӯтін дōдӯн биливкӣ.

16. Алтāнэй

Билир бичā. Илан омолгӣ бичӭ: Иліхагдєн, Алтāнэй, Тівйāнэй. Тар илан омолгӣ, умӯн хунāт. Тарил умӯн д'ӯдӯ бид'эчӭл. Амӣнтін, энӣнтін āчӣн — бучӭл. Эргэчӣн д'ӯ бичӭ. Тар н'экэд'энэл бэйӯвкӣл. Д'ӯрӣтін д'ӯдӯвар эмӭнмучӭл. Хунāд'итін дэмэрӣнд'эвкӣ бичӭ. Акнӣлин, бэйӯхӭл, эмэвкӣл āхилтāнэ, хунāт тар гунивкӣ арай:

— Акӣ! — гунчэ: — оловсɛ! Миндӯ орокӧно тухакӣ хутэйӧн д'аваха, эмӯдӓви, акӣ!

Эхйлэ тариңйи тимйнин бэйӯхипивкйл н'ӓни. Бэйӯхэл, тухакӣ утэвэн эмӯчӓл, тарйңмар бӯчӓл хупӓтвэр — нэкӯндӯвэр. Тарӓйит тухакйтви эвйд'эвкӣ инэң. Эхйлэ гɛвукта долбопӣ ӧвкӣ. Бэйӯд'эл эмэвкйл. Таркӓпа гунйвкӣ:

— Акййа, акййа, эрицмэс эд'элим кɛййа. Эрицдӯс д'ахиккӓна ӧкал, мӯ эхид'ин йрэ, — гунчэ.

Тарӓ акйнйи бран д'ахиккӓпа. Ӧхӓ, бӯчӧ нэкӯндӯйи.

— Эрйңдӯви тухакйңми тутэвэн дйд'эңɛв д'ахикӓндӯви.

Тариңйлин акйнйлйн бэйӯчӓл н'ӓн-дӓт, д'ӯкрӧ эмэнмучӓл н'ӓндӓт. Тар бэйӯчӓлэтин, хунӓт бираӓ тухавкӣ. Бира бичӧ, биракӯн. Д'ахиккӓнмэ цӓллэн, тухакӣ хутэвэн дӧдӯн дйчӧ. Дйхэ, катачӓ. Бираӓ хуручӧ, тариңмӓв бирадӯ тйнчӧ.

— Минэ, — гунчэ, — ци ахйлӓңӓт бэйэ, эр д'ахиккɛнмэ ɣагин!

Тар бид'эвкӣ д'ӯдӯви. Арай гɛ ӓд'эвкӣ баргйлӓ. Бутун инэңйвэ энэ мɛлла ӓчӓ. Тар бэйэ ахӯнма-кат ӓнави эвкӣ сӓра.

Тар ӧд'аракин, дэгимййэ эмэчӧ. Д'эɣин ирэктэвэн хоррвотин холбохӧ, дӧчӓ. Тар н'экэхӧ, хэɣэлчӧ. Тар хэɣэнтикӣ хунӓт д'ӯдукви йуңнэрэн. Ичэчилчӧ, уркэдӯ нуңанмӓн ичэхӧ, тар дэɣимййэ гунчӧ:

— Ни уңрйн: си-ɣу, хуңту-ɣу?

— Тар би уңрйв, — гунчӧ хунӓт.

Тар н'экэхӧл, тар хунӓтва, д'ун калтакӓвӓн гавкӣ, дэɣивухинд'эхинэн хунӓттайва д'ӯн калтакӓвӓн. Калтакӓдӯн бутунну инэңйвэ Илихагдɛн акйнйи ӓд'авкӣ, энэ сӓра. Ӓхилтӓна Алтӓнэй, Тивйӓнэй эмэчӧл, бэйӯхӧл. Арай эмэнэтин д'утин калтакӓн ӓчйн. Калтакӓгдадӯн ӓд'аран.

— Илйхагдɛн! — гунчӧ Алтӓнэй, эмэхӧ: — Чупица! Д'ӯмйви айавӓн ичэкэл! Сӓнни-ɣӯ, эчӧс-кӯ?

Ур бэйэ тикӧ гунэкин, лэгйчэлйвкӣ. Гунчӧ тар бэйэ гиркйви:

— Мит эхилэ хунӓтпат дэɣӣ Кералто-Гаралто хуруврун. Мит эхйлэ бэлэннэхӧл, ахалгӓт! Илйхагдɛн чупилӓд'аɣин, ӓд'аɣин!

Ахалчӓл эхйлэ д'ӯр бинэл, нэкӯпэн: Алтӓнэй, Тивйӓнэй. Бирава эйӧкӧкӣ хурухйнчӧл. Цэнэд'эвкйл, цэнэд'эвкйл, гороцохово цэнэд'эвкйл. Цэнэтмӣ, уɣэхӧл, чудрикɛчӧндӯ тэɣэвкйл. Тар н'экэмӣ, тэɣэтчэнэл, этиркɛчɛнмэ ичэвкйл. Тавар арай Таңкахɛтэтиркɛн таңкалӓд'ачӓ.

— Ее, тавӓлӓ хуруɣӧт, — гунчӧл, — хуручӧл таңкалӓд'арйлӓ.

Тариңйтин, олохӧ, хэтэкɛнчэчӧ. Тэɣэчӧ тар бэйэлтикӧкӣ, тар бэйэлдук ханңӯливкӣ:

— Йр хутэл? Йлӧ хуруд'эс?

— Бу, — гунчӧл, — хуруд'урув. Хунӓтпавун бэйэл хуруврун. Ахад'арав. Кэ, этиркэн, сӧ бид'иңэс, мундӯ тарӓ, си сӓңкйс, бид'иңэн, эхйлэ улгучӓкэл! Бу ɛмалй хоктолй хурумйл, бакад'ңӓвуп? Тарӓ айамамат тэдɛвкэл! — гунчэл.

Тар таңкалахиттан. Эхйлэ тариңйтин:

— Тэдэвкӯн! — гунчэ: — Дӧлгуматын хоктово ахалкаллу! Сӧйад'эс! Тар цэнэд'эрэксун, сӗкта, гунми, «чик!» ӧрӣ абдучӣ бид'иңэн, «мурбэкэ» гунми, мурбутӑрӣ абдучӣ бид'иңэн. Эхйлэ ичэвд'эрэ.

Цэнэхинйвкйл. Онтон арай адулӑлиңнара — авдукӧкӯндын тулгйдэдӯн мурбулма. Мачӑлэ кэтэңэхэ гундэ, мурин н'ӑн кэтэкэкӯн. Эхйлэ ихиңнара д'улмййалӑ. Хунӑт йӯмэлчэчэ, арай илгималчӑ уркэдӯ. Йӯхэ, хэҧэлчэ:

— Алтӑнэй, акййай, эмэнни-ҧӯ?

— Эмэм, — гунчэ.

— Тар н'экэхэл, д'эвгэйэ тацд'ацӑвун арахинай, улйд'эцэвун. Д'улӑвун йкэллу!

— Е-е! Эцнэрэв ӣрэ, — гунчэл, — этіркэңци эмэҧин! — гунчэл.

Арай этіркэцин бакалдінаңнаран, дороволчӧ. Тар дороволчӧво цонум охичӣ уткэкӯнд'иви ділва, чэкохӧкин, иктэчэ. Тар н'экэксэл, вачӑл тар Кералтава-Гаралтава. Тар н'экэхэл, хунӑт д'ӯдӯви бикэнчэ. Алтӑнэмййэ эр нэкӯнми д'ӯ дӧдӯкин, цӑлэдукин ганнаран-дӑ, тулйскэкй ирихиңнаран. Гиркйн Тівйӑнэй ӧмник мурмайава д'авачӑ.

— Мит нуцанмӑн накасиҧӑт! — гунчэл.

— Тівйӑнэй акйнми, олІхин цэлэрйв, Алтӑнэй акйндукин олєхин-дӑ цэлэрйв! — гунчэнэ: — Акййай, акййай, минэ экэллу вӑра!

— Е-е, — гунчэл, — урс'у турэчӣ! — гунчэл: — Нуцанмӑн тӑвӑр мурин кутуруктукин уймэлчэкэл, н'уриктэдукин, Тівйӑнэй химӑт! Тар н'экэхэ, илбэкэл!

Бот мурин хуручэ, ахйва кутуруктӯ лулчэмӣ. Диңнймэд'эхинчэ мурин. Тар вӑрдактара хунӑтпа.

17. Алтӑнэй, Тівйӑнэй

Элэкэс бид'экйл, эд'йҧйникин ӗкӯн-ка эмэчэ. Арӑхинай он'очӣ никй биракйалӣ эмэчэ. Тара эр хунӑт гачӑ, никйвэ эвйкэнтэчэ. Тар н'экэд'эчэлэн, арай дэҧӣ эмэчэ. Эмэчэ-дэ, д'ӯн даҧидадӯн дӧксӑк. Тар ичэттэкин, Мэксэвул дэҧӣ бичэ. Тар хэҧэнэ хавалчӑ, хунӑт дӧлчӑтчаракин. Тар дэҧӣ хэҧэлчэ:

Эр бид'эрйвэс бираңнас
эд'йҧйникин эмэд'эңэл!
Тар эмэхэ, бэйэ эмэд'иңэн
Ёкӯндук-тӑ айа ичэдічӣ бэйэ.
Тар эмэхэ, гунд'иңэн:
«Эвйкэнэс, орокӧнос буд'иңэв!
Эвйкэнэс тухакййа буд'иңэв!».
Тар бухэ, гунд'иңэн:
«Миннун хурулдІкэл!
Тар хурулдІхэ,
атіркӑнав ӧд'иңас
синэ хурубд'эм!», — гунд'иңэн.

Тар дэҧицйн дэгилчэ. Тар дэҧйлчэлэн, бэйэ эмэчэ. Тар эмэхэ, тар тухакйкӑнэ бӯчэ хунӑттӯ.

— Би синэвэ хурубд'иңэв, — гулчэ.

Эвйкэнэ бухэ, хурувчэ.

Тывйӑнэй бэйӳд'эчӗн Алтӑнэйнун. Тар бэйӳхӗл Тывйӑнэй умӳн тӧкйва гарпавкӣ. Тӑдук тӧкйва хигд'эрэктин, хэҫӗн йд'эвкӣ. Алтӑнэй гунйвкӣ Тывйӑнэйва:

— Ӗкӳна дӧлдӣнни?

— Ӗкӳна дӧлдӣд'ацӑв? — гунивкӣ. — Йд'эвкӣ. Би дӧлчӑттакив, тӧкӣ бохоктовӧн нимҫэд'эрӣ «булк» н'экэвкӣ.

Д'ӳлӑвэр хурувкӣл. Арай д'ӳлӑвар испал, хупӑд'итин ӑчйн.

— Олихин! — гунивкӣ нэкӳндимэр: — Хэҫэд'энэ, хуруд'эрэн эйӗкӗкӣ.

Тывйӑнэй Алтӑнэйнун ӑнҫэтчэвкӣл. Ӑнҫэтчэхӑ, Алтӑнэй думадӑвкӣ. Тэҫэлтӗнэ тэҫэвкӣ, муринӳдӳви кацкӣви намавкӣ, муринӳдӳви ухйвки, гунйвкӣ:

— Акӣ, хуруҫӗт! — гунйвкӣ.

Тар хэҫӗвкӣ:

— Тывйӑнэй! Тывйӑнэй! Тывйӑнэй!
Хуруҫӗт! Хуруҫӗт! Хуруҫӗт!
— Акийӑй! Акийӑй!
Акийӑй! Ӑд'ӗм би!
— Ӑд'экэл! Ӑд'экэл!

Би-дэцэн эмӳкин
хуруд'эм, хуруд'эм!
Чупиҫави чупид'акал!
— Алӑтчакал! Алӑтчакал!
— Хавалгӑт! Хуруд'иҫӗт!

Хуруд'энэл ҫэнэхинйвкӣл. Бираҫалӑ ҫэпэд'эвкӣл:

Никил! Никил!
Нимэртикӣ эмэвкӣл!

Ичэд'эрэ — д'ӳ. Этиркӗнин атиркӑчӣ тэҫэтчэвкӣ тар д'ӳдӳ. Тӑдӳ ӑнҫэчйливкӣл, тар д'ӳдӳ. Тарйҫматин ханҫӳвкӣ Тывйӑнэй Алтӑнэйнун:

— Ӗкӳна сӑвкӣ бид'энэ, идэчӣ бихис?

— Би эргэчйн идэчӣ бихим — билисэк.

— Билисэк бимӣ, бу ҫэнэрйвэвун сӑвкӣ биҫэд'энни?

Тар этиркӗннун атиркӑн йлӗ хуруд'эрйвэтин сӑвкӣл бичӗл. Тар сӑрйвар улгучӗнчӗтин:

— Су ӧн н'экэнэл Кирэ-богатирлӑ ҫэпэд'эрэс? Эр сунцивэ нэкӳнмэхун д'оромочӧ. Эрӗ су, албахила ӑчир бими, ӧн н'экэд'энэл, тӑлӑ умӳн нимэртикӣ иссаҫӑхун. Тар ехихӑл, гунинэ: «Ӗкӳн идэчӣ бид'энни?». Тар бэйэдук ханцуктадӑвэт. «Минци идэви. — тэд'ӗвд'эҫӗн, — би бихим Мӳкулту», — гунинэ улгучӗнд'эҫӗн.

Тӑдук тарилтикӣ улгучӗнэкин, ҫэнэхинэ. Иста, гӳнэ:

— Мэнциви идэви тэдӑвкэл!

— Би Мӳкулту бихим.

Тывйӗнэй гунэн:

— Муннун хурулдӣкэл!

Тар Мӳкулту хурулдӣрэн. Хурулдӣхӗл, эйӗкӗкӣ хурулдӣчӗл. Тар хуруд'энэл н'ӑн нимэртикӣ иссӑл. Тар ихха́л, н'ӑн ӑнцатчӑл тӑдӳ.

— Ур эдӯ билисэк бичэ, — гунэн Алтāнэй:— Этiркэн гунчэ: «Гē нимэрлӣ иссаңāхун, н'āн ханңӯктадāвэт: „ēкӯн идэчӣ бихинни?“. Ханңӯктараксун, гунд'иңэн: „Миннӣ идэчӣ бихин Курбэлтун. Курбэт эвӣвкӣ бихим“».

Тiвӣэнэй Алтāнэйнун тар бэйэвэ хурувчэл. Тар хурулдiхӣнэкин, думайчāл: «Билисэк улгучэнэн д'улэскӣ н'āн бихин. Таргачӣнма этэйэд'иңэт».

Тар н'экэд'эрэктiн, д'ӯл хэгдiл бид'эрэ. Кэтэл д'ӯлдӯ нэкӯн хунāт бид'эрэн. Тāдӯ кутетiтiн бид'эрэн. Хунāт арчаптiкӣ эмэд'эрэн. Дороволохā, бакалдiд'аран. «Акнӣлби эмэрэ», — гуннэ урӯнд'уруи. Урӯнихэ, арахинай д'эвгэвэ ōстад'аран, д'эбдēтiн. Этiркэнңӣй, эмэхэ, ахӣви тэд'ēбд'эрэн:

— Акнӣлби тāвāрдӯ д'ӯдӯ āхимукāкэл!

Тар гунихэ, эхӣлэ āнңэчӣлӣвкӣл тāдӯ. Āхинд'арактiн, бэйэкӯн эмэвкӣ, «āнңэтчэкэллу» гунӣвкӣ. Тар гӯнӣхэ, арай эмэрэкин, Тiвӣэнэй Алтāнэйнун сэрӣтчэл, Алтāнэй акӣнтiкӣви гунчэн:

— Ēкӯнма думайд'ачāс? Катад'арав. Бука митпэ вād'эрэ. Эдук си сэрēнчэнэ āхикал!

Ād'эрэктiн, дiңин муннукилдӯ тоңово илалӣвкӣл.

— Хататкал! Би гуннэв эмэрэн!

Тiвӣэнэй тэпкэвкӣ:

— Ēкӯн албахичӣ бимӣ, йӯңин! Мундулэ эвурōкэл!

Курбэлтун курбэңӣтпи гарандāвкӣ. Арай д'ӯтiн йапчургавкӣ, бутунну д'ӯтiн эрэлӣ тоңо ōчā.

— Мӯкилтун! — эрӣвкил: — Мунэвэ урāкэл!

Мӯкилтун āмуткāн мӯвēн амцат мӯкухōкӯчӣвкӣ. Тар н'экэвкӣ, «Уңкукӯр!», — тэпкэвкӣ нэкӯнми, тоңово сивдāн. Тадук лэпулӣвкӣл, эвкӣл буддэ.

Тар н'экэвкил, нэкӯнмēн гавкӣл, ēкӯн бихивēн: д'ӯвāн, бутуннуву гавкӣл. Кирэ бэйэлбēн гарпӯвкӣл. Кирэвэ мēнмēн туханмукāнивкӣл. Кирэ туханивкӣ. Тар туханмучāлāтiн, Тiвӣэнэй Алтāнэйнун эрдiңми нэкӯнмэр гахал, мучӯхинивкӣл амаскāкӣ. Тар мучӯд'арактiн, д'ӯлāвэр ихивкӣл иланӣ бинэл. Арай иснатiн, д'ӯтiн ойодӯн лаукта, арахинай чука балдiчā.

— Адī-ка аңцанӣл очā, хурухӣнэкит? Д'ӯвун гороптiмӣлчā, — Алтāнэй гӯнэн.

Аңцанӣн эдэлӣн д'алупта, дэңӣ Мэксэгэн эмэчэ. Тар эмэхэ, уркэдӯтiн дōчā. Дōхāкам, хэгэчэ:

Тiвӣэнэй Алтāнэйнун, албахӣчӣ бинэ.
Сэрēнчэкэллу! Ēдӯ гиркӣчӣл бимӣ,
Киран эмэд'иңēн, этēс вāврэ, —

гуннэ, тар дэңихиңē дэңӣлчэ. Тар хэңēчэлēн, адīллакāнмэ бичēлēтiн, «Хататкаллу!», — тэпкэд'энэ, эмэлчэ.

Бираңңатін эйэ̄кэ̄кӣ солод'орӣва, солокō̄кӣ эйэ̄нмукэ̄нмэлчэ̄. Ичэчӣлнэтін — д'ӯр діличӣ эмэд'эрэн Киралту. Эмэрэкин, Алта̄нэй Тівйа̄нэйнун кухӣлчэ̄л, гарпӯчӣлча̄л. Эвкӣл ва̄рэ, па̄вка̄нэ. Тариңилтін «Сӯ минэвэ этэ̄рэс кӗййа!», — гунэн.

Тікэ гунэкин, Курбэлтӯнмэ Тівйэ̄нэй гунчэ̄:

— Кӗтаткал, курбэчӣ-вэл, ӗкӯчӣ-вэл бимӣ!

Курбэлтун курбэңӣтин ухэҗэндэ̄чэ̄ — калтакава̄н дэгтілэл хокохō̄вкӣ. Дэгтілэ̄йэ а̄чин ō̄ча̄ла̄н, дєлби мукучэ̄, а̄чин ō̄ча̄. Тівйэ̄нэй Алта̄нэйнун гарпукӯтма̄чӣвкӣл. Киралтава а̄чинңӣвкӣл. Тар дуҗэн.

18. Курєңэй

Умӯн нэкӯнтін-хуна̄т, д'ӯр акӣнӣн бид'эчэ̄н. Акнӣлӣн бэйӯктэвкӣл бичэ̄л. Бэйӯхэ̄л, нэкӯндӯвэр эвӣкэ̄нэн эмӯвкӣл: чивка̄нэ, нӣкӣйэ, лукӣкэ̄нэ, эдэ̄н энэйӣкєра. Мэ̄ртін н'а̄н хурувкӣл бичэ̄л. Тар хуручэ̄лэ̄тін, нэкӯнтін гунд'эвкӣ бичэ̄: «Йдук-кэ городӯ умӯн бэйэ-байа бихин. Би тар бэйэдӯ дукӣвӯнма дукӣмча̄в». Дуктан, гумагайа а̄чӣн бичэ̄н. Нуңан горово д'ōнчад'ача̄н: «Ӗкӯндӯ дуктакив, айа бимчэ̄? Би акнӣлдӯви ва̄вка̄никта туксакӣйа. Тар наннадӯн, олгӣксā, дукӣвӯна дукчиңа̄в».

Тар ахӣлэ акнӣлӣн эмэчэ̄л, бэйухэ̄л. Нэкӯнтін соңод'очō д'ӯдӯви тэҗэтчэнэ. Акнӣлӣн ханңӯча̄л:

— Нэкӯ, ӗда̄ соңод'онни?

Нэкӯнтін гунчэ̄:

— Акӣйа, акӣйа, би чивка̄ча̄нңӣлби, нӣкӣңӣлби дэҗиллэ, улукӣңӣв хуктіллэн. Миндӯ энэйӣхин, умӯн бид'эрэкив. Миндӯ д'авакаллу туксакӣйа, инэкинэ, эвӣвӯнэв!

Тар н'экэксэ̄л, акнӣлин эртэкэ̄кӯн гэлэ̄ктэнэ̄лчэ̄л туксакӣйа. Д'авача̄л, эмӯтчэл нэкӯндӯвэр. Д'ӯллэвэ биксэ̄л, акнӣлӣн хуручэ̄л, н'а̄н бэйӯчэ̄л. Тар хуручэ̄лэ̄тін, нэкӯнтін туксакӣва ва̄ча̄, наннава̄н хӣҗчэ̄. Хӣҗиксэ̄, олгӣча. Тар олгӣнадӯви дукӣвӯна дукча̄ Курєңэйла̄: «Курєңэй, би бид'эм эмӯкин. Акнӣлби бэйӯктэвкӣл. Би синэвэ гэлэ̄д'эм, минэвэ ахӣйави гакал! Мэ̄нциви ахӣви ва̄кал». Тар дукӣксā, д'ахикка̄нмэ ō̄ча̄. Д'ахикка̄ндӯ тар дукӣвӯнма дічэ. Айамат уллӣчэ̄ д'ахикка̄нмэ, бирали тінчэ̄, эйэ̄ндулӣ. Тар дукӣвӯнма уңчэ̄лэ̄н, акнӣлӣн эмэчэ̄л, ханңӯча̄л:

— Нэкӯ, ӣлэ̄ туксакӣңңи н'экэнни?

Нэкӯнтін гучэ̄:

— Тулиндӯ бид'эчэ̄в туксакӣн'унми. Киран дэгрэн. Дэҗилихинмӯрэн. Э̄дук, акӣйа, экэллу миндӯ ӗкӯна-кат ва̄ра, эмӯрэ. Би этэ̄м соңоро, этэ̄м энэйӣкєра.

— Кэ, нэкӯ, бу бэйӯхинэв д'а̄ллэйэ. Си бид'экэл айат!

Хуручэ̄л. Нэкӯнтін бид'эчэ̄ эмӯкин. Тар дукӣвӯнма уңнэн Курєңэйдулэ̄, туңнӣлла̄йи инэңӣла̄йи исча̄. Далирдӯн пэригэчэ̄. Тар пэрӣд'эрэкин, Курєңэй гэрбэчӣнин а̄тіркā̄нд'а мӯлэ̄чэ̄. Тар ичэксэ̄, ӣкэ̄лби нō̄дӯмнак Курєңэйлэ туксача̄, гӯлчэ̄:

— Курєҥэй, Курєҥэй, си далирдӯс д'ахиккāн таҕавчā!

Тар гунэкин, Курєҥэй эчэ тэд'эрэ, уҥчэ̄ тунҥа бōгатірва:

— Эчэ̄ улэ̄киттэ бихикин, гакаллу тāвāр! Д'ӯр д'āр дарийа гиркӯкаллу бира д'апкадӯн, тар д'ахиккāнмэ нэ̄кэллу. Улэ̄китчэ̄ бихикин, атіркāнмэ тīкэллу сэлэмэ бōчкадӯ, бирадӯ чопӣкаллу.

Эмэчэ̄л тунҥа богатīр, ичэчэ̄л — тэд'э̄мэ пэрӣд'эрэн д'ахиккāн. Лэвухинчāл д'ахиккāна, тавāрвэ гиркэчэ̄л. Тар д'ахиккāна нэ̄чэ̄л, мэ̄ртін хуручэ̄л Курєҥэйлэ̄. Д'ахиккāнмэ хулэ̄нчэ̄л. Тāдӯ бичэ̄н туксакӣ наннан дукӣвӯчӣ. Тар нэ̄ксэ̄л, таҥилчāл — ҥи-кэт эвкӣ сāра дукӣвӯнма. Курєҥэй гулчэ̄:

— Гэннэ̄кэллу атіркāчāнмэ, гэрбэчинмэ̄в. Тар таҥд'иҥāн.

Атіркāчāн таҥилчā. Курєҥэй, дōлдīкса дукнаван, ахӣви вāчā, гунчэ̄:

— Вāкаллу д'ӯр д'āр тунҥа хукурйэ, д'ӯр д'āр тунҥа мурина, бэлэнэ̄кэллу, — гунчэ̄, — илан д'āр бōгатірва эрӣкэ̄ллу д'ӯлāв!

Эрӣрэкин, эмэчэ̄л илан д'āр бōгатір. Курєҥэй бōгатірилва гунӣлчэ̄:

— Су хурукэллу, гэннэ̄кэллу тар хунāтпа, акнӣлбан вāкэллу. Тāдук минэвэ гэннэ̄дэ̄вэ̄т!

Тар бōгатīрил хуручэ̄л тар хунāтлā. Бōгатīрил эмэрэктін, акнӣлин д'ӯдӯвар бид'эчэ̄л. Умӣлчāл идарӣхӣва. Акнӣлӣн соктолчōл, гунӣлчэ̄л:

— Нэкӯ, си ēд'анни? Мунэвэ вāдāвэр н'экэд'эрэ.

Тар нэкӯнтін гунчэ̄:

— С'инэвэ эр-дэ̄ вāлд'иҥāтін тар бōгатīрил. Би Курєҥэйлэ̄ хуруд'эм!

Акнӣлӣн туханӣлчāл. Тар туханӣллактін, бōгатīрил уркэлӣтін тāнчāл аділва. Аділва тāнэктін, умӯкэ̄н акӣнин ділкэ̄н ōхā, йӯчэ̄. Гē акӣнӣн, лэрэдӯ ōхā, таҕавчāн аділдӯ. Тар акӣнмāн д'авачāл, хэркэксэ̄л, хурувчэ̄л Курєҥэйлэ̄. Нэкӯндівӯ акӣнӣн, ділкэ̄н биксэ̄, сиҕэчэ̄н ōчā. Ҥэнэд'эрэктін, ойолӣтін дэгчэ̄, акӣнтікӣви тэпкэд'энэ:

— Гунэрӣв, гунэрӣв: «Химāт хуруҕэ̄т! Митвэ вāнāд'эл эмэчэ̄л!». Нэкӯнми улэ̄квэ дōлчāтчāс. Тар муҥнакис — айа! Эчэ̄с дōлчāттэ, бикэл тікэ̄! Ōн-дā ōмӣ, минэвэ боконд'одōви! Дуннэҥӣлбэр сāнни, бэйӯктэд'эрӣвэт!

Тар тікэ̄ ōд'анал, исчāл Курєҥэйвэ Курєҥэй арчачā. Тунҥа бōгāтір илгимад'ачā д'ӯн дагадӯн. Хоктолӣ тавāрва гиркэчэ̄л. Тар хунāт Курєҥэй д'ӯлāн ҥэнэчэ̄. Акӣнмāн вāчāл, дуннэдӯ имачāл, калтакāн ēхавāн лувухӣнчāл. Курєҥэй сивāйбави горово эвӣд'эчэ̄. Сивāйбави горово эвӣхэ, нулгнчэ̄ хуҥту бугалā. Тар нулгӣчэ̄лэ̄тін, д'ӯкчāлāтін нэкӯндівӯ акӣнин эмэчā. Эчэ̄ ēкӯна-кат бакара. Арай ҥэнэд'энэ, биракāн д'апкалӣн ичэчэ̄ гирамкӣнма. Тар ҥэнэд'эрэкин, гирамкӣндӯ дуннэ̄ дōдукин турэ̄чилчэ̄:

— Ēкӯн бихинни? Бэйэ-ву, ахӣ-ву? Бэйэ бимӣ, вāнāкэл тōкӣйа, умӯн халганмāн эмӯнэ! Курєҥэй тулгӣдэ̄дӯн мурир с'єлэлтін бихӣ. Тарӣлба тавӯксā, с'єралīтīкал, минтікӣ эмӯдāви!

Тар бэйэ хуручэ, бэйучэ. Токпва вача, умун халганман эмэвчэ. Мурир с'елэлбэтин тавуксa, эмэвчэ. Гирамкин дагадун бид'эчэ. Тар ахи турэчилчэ:

— Мурин с'елван гирамкиндув дунпэткэки дикэл! Би, инмэ оксa, сэнмид'ицэв. Си минэвэ тапкэл!

Тар бэйэ с'елбэ тинчэ. Ахи, инмэ оксa, тапмучa. Инмэ биксэ, бэйэ очa. Тар арай Курецэй ахин бичa, нонопти. Улгучэмэчилчэл. Гунчэ:

— Си миндy халганав типкэл, токи халганман. Би си акинмас бакад'ицав. Си энэ д'опчара бэйуктэд'экэл!

Тар гунэкин, бэйуд'эхичэ. Курецэй ахин д'укчалави хуручэ. Курецэй арай нулгичэ. Д'укчан дaгадун гирамкинчал тар бэйэ акинман. Ахи бакачa тар бэйэ акинман, мурир с'елэлвэ тавучa. Тавуксa, с'ералгичa. Гирамкинтикин тинчэ. Тар бэйэ, инмэ оксa, йучэ. Йурэкин, ахи ичэчэ — тар бэйэ калтакан ехан ачин. Гунчэ:

— Си бид'экэл, би нэкуннн бэйунмэ ванэван гэлэктэнэктэ. Бакамн, бэйун ехавaн эмуд'ицав, ехайас од'ицав.

Тар гунд'эксэ, хуручэ. Тар бэйунмэ бакачa, калтакавaн ехавaн лувухинчa, эмучэ. Ехайан тикэнчэ. Тикэниксэ, гунчэ:

— Си нэкунми боконд'окол! Нуцан бэйуктэд'экилдуливи цэнэд'эрэн. Си бакад'ицас!

Тар бэйэ цэнэхинчэ, нэкунми гэлэктэнэчэ. Цэпэчэ, цэнэчэ, арай гороптилин атулин бичэл. Тар цэнэд'эчэ цэнэд'эвки мнэ тогокочи. «Даcалн бакад'ицав», — анцэтчa тадy. Тиминэн тэгэлтэнэ н'ан цэнэхинчэ. Цэнэд'эрэкин, арай сацн'ад'ачa. Урунчэ, «бокоиим, — гунчэ, — нэкунми». Эмэчэ. Тоцо д'эгдэд'эрэн. Нэкуннн ачин. Тоцо д'апкалин уллэл силучэд'эрэ. Д'энчэ уллэйэ. Д'эбд'эрэкин, нэкунин эмэчэ. Нэкунин, ичэксэ, соцолчо:

— Би гунчэчэв — синэвэ этэм ичэрэ.

Акинин гунчэ:

— Экэл соцоро, нэкy. Мит цэнэхинцэт, бэйуктэд'энэл. Курецэйвэ бакад'ицат. Бакаксал, нэкунмэр Курецэйтэйвэ вад'ицат!

Тар н'экэксэл, хурухинэ. Бакачал букатирва — кадарилба мэчуккэтчэрэн. Ханцулчал:

— Екун бихинни? Ед'анни?

Богатир гунчэ:

— Би хэгдицэ богатир бихим. Кадарилба мэчиккэтчэм эцэхилдэйи.

Акуначен гунчэл:

— Богатир бимн, мундy гиркийэвун эмэкэл!

Богатир гунчэ:

— Кэ, эмэд'ицэв. Кадарицви цалихинд'ицав!

Тар цэнэд'эчэл, илан бинэл. Цэнэчэл, цэнэчэл арай хоктодy бэйэ хуклэд'эрэн. Церидадун бира эйэнд'ирэн. Ханцучал:

— Екун бэйэн бихинни? Ева од'анни?

Тар бэйэ гунчэ:

— Би богатир бихим. Мувэ мукэхиницнам, тинйцнам.

Гē бōгатīр, кадарва ҷāликтад'арӣ гунчэ̄:

— Бōгатīр бимӣ, эр бирава бутуннувāн мӯкухӣкал!

Гē гунчэ̄:

— Ēд'иҷāв, мӯкухинд'иҷāв, тīнд'иҷāв!

Тар мӯкухӣнчэ, бира умнэ̄т олгочō. Тīнчэ̄, н'āн бира ōчā. Д'ӯр акӯначēн гунчэ̄л:

— Си мундӯ гиркӣвун ōкал! Бираҷҷи мукухӣкэл! Хуруҷэ̄т, гэлэ̄ктīнэ̄ҷэ̄т бу нэкӯнмэвун-хунāтва, Курєҷэйвэ гэрбичӣ эдīчӣва.

— Кэ, — гунчэ̄, — хуруҷэ̄т!

Ҷэнэхӣнчэ̄л, ҷэнэчэ̄л, ҷэнэчэ̄л горово. Ҷэнэд'эрэктін, д'ӯкчā саҷн'ад'ачā. Д'ӯкчā даҷадӯн лучадı д'ӯ бид'эчā. Гӯмэ̄тчэ̄л:

— Эхӣ āхилтāнэ эмэд'иҷэ̄т, āхинактін.

Āхилтāна хуручэ̄л д'ӯлā дıҷин бинэл. Курєнэй айат арчачā, ӣвкэ̄нчэ̄ лучадı д'ӯлā. Кундулєлчā идарихӣлба, д'āн укурба вāвкāнчā. Умд'ачāл, умд'ачāл д'ӯр акӣнӣн соктолчōл. Умӯкэ̄н бōгатīр, кадарва д'авучад'арӣ, н'āн соктолчō. Гē бōгатīр эвкӣ д'эптэ-кэт, силӯрэ-кэт, умрэ-кэт. Курєҷэй ханҷӯчā:

— Ēдā банни д'эптэ?

Бōгатīр ҷāлэтпи арпулӣвкӣ. Тар турэ̄тчэвкӣ. Курєҷэй турэчӣксэ̄, гунчэ̄:

— Су бид'экэллу, д'эбд'экэллу, бу д'укчалā āхиннāд'арэв.

Тар йӯксэ, лучадı д'ӯ уркэвэн катачā катıлд'и. Тар бэйэл соктолчōл д'ӯ дōдӯн, энэл ēкӯнма-кат сāра. Арай умӯкэ̄н бōгатīр эчэ̄ сокторо, мӯвэ мукӯхинчэвкӣ. Арай ēйа-ка д'ӯ дōдӯн саҷн'ан ōллан. Ичэксэ̄, ҷāлэтпи ичэвкэ̄нчэ̄.

— Ēда д'ӯ саҷн'ад'аран?

Д'ӯр акӯначєн окошколӣ ичэхитчэ̄л. Арай акӣнан туханӣлчā. Мӯвэ мӯкухӣнчад'арӣ бōгатīр мӯҷнихимчā, сӣчэ̄ д'эгдэвэ. Гē бōгатīр кадариҷӣтви уркэвэ нӣчā. Тар йӯксэ̄л, ахалчāл Курєҷэйвэ. Бокончōл. Бокониксāл, дуннэдӯ д'ӯривэ Курєҷэйвэ ахӣтайвэ ималчāл.

Тар имаксāл, умӯкэндӯ бид'эвкӣл, бэйӯктэд'энэл.

19. Мэ̄кэ̄гдıр, Сигундар

Илан омолгӣкōкӯн эмэчэ̄ уҷучакӣлд'и. Тарā хэҷэчэ̄л Мэ̄кэ̄гдıртıки:

Мэ̄кэ̄гдєр, Мэ̄кэ̄гдєр,
Сигундар, Сигундар,
хунāвлāн, хунāвлāн,
хуруҷэ̄т, хуруҷэ̄т!

Гунчэ̄л: «Кэ, камад'ис, хуруд'ис?». Гунчэ̄ Мэ̄кэ̄гдıр: «Хурукӯн!».

Эдэ̄лэ, догорєл!
Эдэ̄лэ, догорєл!
Алāткаллу-у!
Алāткаллу-у!
Биҷэн'э, биҷэп'э,
уҷучакӣт, уҷучакӣт,
н'ама-ҷӯ, н'ама-ҷӯ,
ороно-дō эвкӣ
мавутлāд'ара.

«Багдакє! Багдакє!», — гунчӭл тāдӯ ур бэйэл-турӭн.

Тар хурурэ мавутлāрэ уҕучакӣт. Мӭкӭгдін умӯн уҕучакпа д'ававкӣ:

— Кэ, камāд'ил хуктӣвгӭт Сигундар хунāттікӭкӣ!

Хурурун, цэнэд'эвкӣ угучакит Мӭкӭгдєр.

— Эннэ хуктіврэ! — гунивкил.

Уҕучакилтін бимӣ моцнол бичӭл. Бирава ходоливкӣ.

—Эхӣ, эхӣ экэллу ходōра, — гунчэ Мӭкӭгдєр: — Эхӣ, эхӣ хулгакаллэ! — гунчā.

— О-хо-хо! Си мӭнни хулгакал, бу эцнэрэв хулгара! — гунчӭл.

Мӭкӭгдір мӭнин хулгавкӣ. Амардӯтін цэнэд'энэ, бира д'апкадӯн локовкӣ хулакпи. Эхилэ ходовкӣл бираңми. Н'ан хурухӣнивкӣл. Хэҕэлӣвкӣ Мӭкӭгдір, ур бэйэ турӭн:

Догорєл, догорєл!
Аракӯн, аракӯн
ңэнэд'экэллу!
Аракӯн, аракӯн

бєралā, бєралā
иссиңāт, иссиңāт!
Эхӣткӭн, эхӣткӭн!

— Ēкӯді биралā иссаңāт?

Гунӣвкӣ:

Тар бира мӯн — бэйэ сӭхан, бид'иңӭн!
Эмкэрин — бэйэ кэңтірӭн, бид'иңӭн!
Чуңрикӭнин — бэйэ дєлин, бид'иңӭн!
Иңан — бэйэ иктэлин, бид'иңӭн!

— Кэ-хилэ, эхӣткӭн тāлā исчаңāт, — бэйэ гунчӭ, Мӭкӭгдір. Гэнэхӭл, барантікӣ биралā ихивкӣл. Тар н'экэхӭ, Мӭкӭгдір хэҕэлӣңнэрэн:

Догорєл, догорєл!
Хэрӣнчэкэллу
тавар бирадук!

Ур бирава ходод'онол:

— Хулгарикӯн! Эхӣ-вэл! — гунчӭл.

— Эхӣ экэллу ходоро, — гунчӭн Мӭкӭгдір.

— О, алāтчэкэл синэ, — гунчӭл.

Сигундар хунāтлāн эритчэхинчэл илан бэйэ. Мӭкӭгдір гунчӭл:

— Бирадук хэрэнкэллу!

— Э-э! Бу ходод'иңāвун! — гунчӭл тāдӯ.

— Кэ, ходоколлу! — гунчӭ Мӭкӭгдір: — Ӧн-ка ходод'ос, ичэчӣктэ!

Ходохинӣвкӣл эхӣлэ ур-бэйэл. Гухил, гухил, ходолло эвкӣл. Тадук ходовкӣл, баргӣдāва ихивкӣл, эмкэрвэ тӯктівкӣл. Эмкэр дулинмāн иссанал, ӧңкāнчавкӣл. Эйӭхинӣвкӣл мӯдӯ, уҕучактай, ӧтай. Мӭкӭгдір мэргэлӣвкӣл: «Миткидӭ-дӭ эмӭнмухā, ходолӣкто, ӧн-кє н'экэд'эм бикӭнэ».

Уҕучакив-ңэн
урундӯн-ңэн

силгивӯра ӧкаллу!
Ӧкаллу, ӧкаллу!

Баргӣдā, баргӣдā эмкэрдӯ элэ ходочэ. Ходод'овкӣ, ходод'овкӣ, ходод'овкӣ.

Ходовкӣ, тӯктіхӣнивкӣ эмкэрвэ. Айат тӯктічэ. Элэ Сигундāр-хунāттікӣ цэнэлӣвкӣ. Цэнэд'энэ, ичэчиңэливкӣ. Тавā-ар арай мэнума д'ӯмӣйайа бид'эрэн. Тāлā цэнэвкӣ Мэкэгдір, ихивкӣ, ӯчакви уйӣвкӣ, ӣвкӣ. Арай умӯн ахӣ бид'эрэн.

— Ёкӯдı ахӣ бихинни? — гунӣвкӣл.

— Э-э, би Сигундар-унāд'ин бим, — гунивкӣ тар ахӣ.

— Кэ, Сигундар-унāттікӣ эмэд'эм, — гунэн бэйэ.

— Ёдā эмэнни Сигундар-хунāттıки? — гунчэ.

— Ахӣлāдāви, — гунчэ.

Д'ӯкрэ бид'эвкӣл тар д'ӯдӯ Мэкэгдір-турэн:

— Кэ, āхиғāт! — гунӣцнэрэ билисийэкситıл.

Āд'аңнара. Долбонӣ дулинин очā. Ёкӯн-ка хэғэкӯрэмэлчэ арай. Мэкэгдір гунӣвкӣ:

— Догор, ēкӯн хэғэд'эрэн?

— Эчэ, д'ӯ итчин. Айат, айат кумлэкэл! — гунӣвкӣ ур хунāт.

Сигундар хунāд'ин арай эмэңнэрэн муринд'и, хэғэлңэхэңнэрэн арай тулӣлэ:

Тоңколд'ин бӧкаңкив, уркэйэвэ нӣкэл, нӣкэл!
Мэңумэкэр калгайавав
экэл, экэл хукчавкāна!
Мэкэгдıрвэ эдıвэв
этэнни тıтӧрэ! — гунчэ.

— Мэкэгдıрӣс эдıвэс сучад'ам! — гунчā.

— Ёкӯн н'экэд'эрэн? — гунӣвкӣ Мэкэгдір.

— Д'ӯ итчин, — гунчэ.

Сигундар хунāд'ин хэғэд'эвкӣ тулӣн:

Эхӣптı кургакāчāр
бэркэрэтın ēд'андӯви
долбовӯ-ум-кā!
Тоңколд'ин-ка бӧкайɛкɛв,
нӣкэл, нӣкэл! — гунчā.

От, тıкӯливкӣ эхӣлэ:

— Мэңумэкэн халгакāнмэ хукчад'алим! Нӣд'эңэс-ку уркэвэ? Тэд'эмэ-дэ н'экэлинни, бадага? Миндук сэрэнчэкэл эхӣлэ! Эр-дāт эхӣлэ хукчад'алим! — гуннэ хэкэлңэхӧвкӣ ур Сигундар хунāд'ин.

Уркэвэ тохохӧвкӣ, хӧғинӣцнаран. Кангɛр тıкчэ мэңумэ калган. Тоңколд'икāн бӧкаңкин уркэлэ хэтэкэниңнаран. Уоттурэк хуклэд'эвкӣ уркэдӯ. Тāрā Сигундар хунāд'ин капухӧкӣт тӯңнаран. Тарӣңми намалӣвкӣ, халганма токохикин, тāниңнаран, нодаңнаран ур Сигундар хунāд'ин-турэн.

— Мэкэгдір, — гунчэ, — емарӣс?

Тар гунчэ:

— Би Сигундар хунāттıкин эмэрӣв.

— Еда?

— Ахӣлāдāйи.

— Ёдā бӧкандӯв такāпчанни? Эр бирала эмэлчэкэл, — гунӣвкӣ: — Илалладӯ мӯдӯ хуклэкэл, — гунӣвкӣ.

Хуклэд'эвкӣ-й Мэкэгдыр мӯдӯ, иллалӓвкӣ, эмэвкӣ эхилэ.

— Кэ, минэ ахйлӓңӓт бимӣ, качикӓрвав гэнпэкэл. Д'ӯр кӓчикӓнми бид'иңэн тар хокто даңадӯн.

Мэкэгдыр эхйлэ гэнпэхнийвкӣ. Хоктолӣ цэнэд'эвкӣ, арай д'ӯр эхэкэкӯр бид'эрэ. Д'ӯр сатымарсӓцйтӣн. Тарилба эхилэ эмэвки, сечӓрдуктин д'ававкӣ. Сердуктин элгэд'энэ, тухад'авкӣ тартикӓкӣ Мэкэгдыр турэн.

— Кэ, качикӓрвас эмэвум, — гунйвки.

— Урс'у биңин, — гунйвкӣ Сигундар хунӓд'ин: — Хурукул, гэнпэкэл, — гунйвкӣ, — д'ӯр сйруткӓнма, — гунйвкӣ: — тар хокто д'анкалйн цэнэд'эрэкис, д'ӯр сируткӓн бид'иңэн, тарилва гэнпэкэл!

Элэ гэнпэвкӣ Мэкэгдыр. Цэнэд'эрэкин, арӓй д'ӯр тӧкймййа бид'эрэн. Ийэмййэчйл арай бид'эрэ. Эр бэйэ тухана эмэвкӣ, ийэчэрдуктин намарӓвкӣ. Эр-кэ, тухад'ахйнивкӣ эмкэрлӣ. Ур Мэкэгдыр-турэн д'ӯлӓви ихивӯвкӣ.

— Кэ, сируткӓрвас эмэм! — гунйвки.

Сигундар хунӓд'ин эхйлэ гунйвкӣ:

— Кэ-хйлэ эдӣлэд'иңэв, сӧ бэйэ бичэ бихинни. Кэ, минэ ахйлӓңӓт бимӣ, — гунчэ, — сӧвас сӓдӓв, бэйӯкэл!

Урс'у эхӣ ӓхинмӯра, Мэкэгдырва.

Бэйӯвки Мэкэгдыр, бэйӯнэ эвкӣ бакара. Арай эчэ бакара, соңовкӣ, тӓкэндӯ тэҕэхэ, думайд'ана. Мучӯвкӣ н'ӓн д'ӯткӓкйви, ахйлӓви ихивкӣ. Ахйн хинцӯливкӣ:

— Ур Мэкэгдыр, бэйӯнэ вӓнни?

— Эчэв, — гунйвкӣ.

— Мэкэгдыр, ӧхалли ӧдӓ авӯлчӓл? Кэ, н'ӓп бэйӯкэл! — гунйвкӣ.

Эхйлэ бэйӯңнэрэн. Уҕэвкӣ гэлӧктэтмӣ. Бэйӯн сопсэм ӓчйн.

Дэрйвкӣ. Н'ӓн тӓкэчӓндӯ тэҕэвкӣ, думайд'авкӣ, тэҕэтчэнэ. Икэвкӣ:

Каран д'ӯ — тукалӓ ӧран!
Каран ороробй бэйӯр ӧра!
Каран кумалӓрби лавӯктал ӧра!
Каран тэнинэлби лалбукӓл ӧра!
Каран ишэкилби чуңрикэр ӧра!
Каран ухйлби сӧктал ӧра!
Каран тиҕэтӯрби ӧктар ӧра!

Гуннэ, гуннэ, хоцод'овкйн н'ӓн, тӓкэчӓндӯ тэҕэтчэнэ. Н'ан мучӯвкӣ д'ӯлӓви. Эмэвки, ахйн ханцӯливкӣ;

— Мэкэгдыр, бййӯнэ вӓнни?

— Эчэв, — гунд'эрэн.

— Эр-кэ ӧхалли авӯлчӓл?

— Ӧктар, сӧктал нирпагад'ара.

Ахйн-турэн саламатӣвки йкэкэндӯ, гунйвкӣ:

Ӧктар, сӧкта-а-л,
эмэ-кэ-эллу!
Саламатӣвун!

Эхӣлэ ӧктар, сӗктал эмэӊнэрэ. Ур Сигундāр хунāд'ин ханӊӯливкӣ:

— Ӧктар, сӗктал Мӗкӗгдірва ӗдā нирпагарӣхун?

— Эхӣвун нірпаргара, — гунӣвкӣл.

Ӧктарва, сӗкталва идакāлӣвкӣ Сигундāр хуӊāд'ин. Мэкӗгдір мӗнин тāкэчāндӯ хоӊод'овкӣ, инмэкилвэ мулāмихā, хоӊод'овкӣ.

— Си ӗдā улӗккичэрӣс? — гунӣвкӣ.

Мӗкӗгдір гунӣвкӣ:

— Би д'ӯчӣ бихӣв, — гунӣвкӣ, — тāдӯ орочӣ бихӣв.

— Адī орочӣ бихис? — гунчэ Сигундар хунāд'ин.

— Н'ама орочӣ бихив, — гунчӗ Мӗкӗгдір.

— Кэ, тариӊӣлтіки хуруӷӗт, ичэнӗӷӗт! — Сигундар хунāд'ин гунчӗ.

Эхилэ хурухӣӊнэрэ. Хуруд'эӊнэрэ. Тар хуруд'энэл маталтікӣ иссāл. Мӗкӗгдір матал д'ӯлāтін ӣӊнэрэн. Ахӣн тулилӗ бид'элчӗ. Тар матал эхӗкӗвэ д'эпчӗл — сэвӗнмэ ӧчāл.

— Кэ Мӗкӗгдір, тэӷэлчӣкэл сэвэнчэвӯнчā.

Ур Мӗкӗгдір ахӣви эрӣчӗ, тэпкэвкӣ: «Ахӗ-ӗ, ахӣ-ӣ, сэвӗнни?». Чэрулӣ. «Эр ахӣ ӣлӗ хурурун? — гунивкӣл: — Ахӣви гэннӗктэ», — йӯвкӣ. Ахӣн āчин, хурунин. Сигундар хунāд'ин таргачӣн бичӗ. Тариӊми иларāкāн иктэчӗ, илан дуннэлӣ дэлпэргэчӗ. Тар н'экэхӗ, илан чивкāн ӧхāл дэӷилчӗл. Таӊаран-турӗн мӗнин, н'ан дэӷилчӗ. Ур мӗнин таӊара бичӗ, эхӗкӗ уллэвӗн эвкӣ д'эптэ бичӗ. Эдӗйи д'эптэ дэӷилӣвкӣ буӷала, уйӣскӗкӣ.

20. Сирбут-Сирбӯнэй

Бэйэткӗн, ахāткāн бид'эчӗ, нэкӯнэчӗн. Аминтін, энӣнтін бучӗ. Бид'эчӗл, бид'эчӗл. Сирбут-Сирбӯнэй хэгдīлләкин, экӣнӣн сӗкталдук бэркӗнэн ӧвкӣ бичӗ. Тар бэркӗнд'иви Сирбут-Сирбӯнэй бэйӯктэд'эвки.

Умнӗкӗн бэйӯксӗ, вāчā хиӊкӣчӗнмэ. Экӣнтікӣви хуручӗ, гунӣлчӗ:

— Экӣйэй экӣйэй, ӗкӯмӣйава вāм? Ӗхамӣйалӣн амаскӣд'улӗскӣ хулакāчāл. Ниргиличӣ.

Экинин гунчӗ:

— Нэкӗйӗй, нэкӗйӗй, эр гэрбичӣ хиӊкӣчӗн. Эр гэрбичӣ д'эпивӯвкӣ.

Вāчāн тариӊӣлба, лӧвāнчāн. Н'āн хуручӗ Сирбут-Сирбӯнэй, бэйӯчӗ. Тар бэйӯксӗ, вāчā хорокӣва. Н'ан экӣнтікӣви хуручӗ:

— Экӣйӗй, экӣйӗй, ӗкӯнава вāм? Мӗнин коӊнорӣкӯн, никимнан ӊонимкāкӯн, ниргилӣнин эгдікэкӯн. халӣн д'апкалӣ, хуларӣкӯр. Иктэлд'иви, «так-так!» ӧкнанин, кикчаран.

Экӣнӣн гунчӗ:

— Нэкэйэ, нэкэйэ, эр хорокӣ гэрбичӣ нимэ. Тарā эмӯкэл!

Сирбут-Сирбӯнэй эмӯчӗ, лӧвандӯ локочӧ. Тīмӣ н'āн бэйӯчӗ, кэвэрдулӣ ӊэнэд'эчӗ. Тāрӣ ӊэнэд'эрэкин, гипчāн хуктілчӗ. Тарā хӧдачā, умнӗт вāчā. Тӯксахичā экӣтікӣви:

— Экӣйэй, экӣйэй, — гунча, — ӗкӯкӯнма ва̄м? Дiлин хорондӯн д'ӯр ирэктэ балдiча̄, амардӯн багдака̄ балдiча̄, халгарин ӊонимкакӯр.

Экинӣн гунчэ̄:

— Нэкӯйэй, нэкӯйэй, тар гӯкӣт гивча̄н.

Та̄ва̄р гивча̄нмэ эмӯчэ̄, лӧва̄ндӯ локочӧ. Тiмӣнин н'а̄н бэйӯчэ̄, хуручэ̄ а̄муткāртiкӣ. А̄муткāндӯ тэӷэтчэрэкин, дэгчэ̄л д'ӯр н'уӊн'акӣл, эвӣд'эчэ̄л а̄муттӯ. Сирбут-Сирбӯнэй бэйӣтчэ̄, бэйӣтчэ̄, хӧдача̄, хӧдача̄. Умӯн нуӊн'акӣ умӯн лукӣва̄н тэвэ̄чэ̄. Тэвэхэ̄, хурчэ̄ мӯ дӧлин. Гӗва̄н н'а̄н лукӣва̄н тэвэ̄чэ̄, хурча̄ н'а̄н мӯ дӧлин. Хурӣксэ̄л, нуӊн'акӣл н'ан мӯдук йӯчэ̄л. Сирбут-Сирбӯнэй лукӣн а̄чӣн ӧча̄. Сирбут-Сирбӯнэй соӊолчӧ:

— Лукӣвэв бӯкэллу амаскӣ!

Н'уӊн'акӣл гунчэ̄л:

— Мунэ боколлокис, лукӣлвэс амаскӣ бӯд'иӊэ̄вун!

Тiкэ гӯнихэл, дэгилчэ̄л, ин'элд'энэл. Сирбут-Сирбӯнэй сӧтмарит соӊолчӧ. Экинтiкӣвӣ дагамалча̄, ирэ̄ктэткэ̄нмэ суллилчэ̄, гӯнчэ̄:

— Экӣйэ̄, экӣйэ̄, би синэвэ вад'иӊа̄в эр-дэт! А̄муткāнтiкӣ хурувкэ̄никсэ, лукӣлбэв хурувкэ̄нинни! Эр-дэт иктуд'эӊэ̄в!

Экӣнин гӯнчэ̄:

— Нэкуйэй, нэкуйэй, экэл соӊоро! Хуӊтулэ лукилэс ӧд'иӊа̄в. Лукилэс ӧракив, си ӊэнэхиндэ̄вӣ тар гороптiкӣ буӷалтiкӣ. Лукӣлвэс хурупчэ̄лвэ нуӊн'акӣлвэ боконд'оӊӧс. Эхӣткэ̄н си экэл бэйӯктэрэ. Би синдӯ нуӊнiд'эӊэ̄в, ӣлэ̄ хурудэ̄с эр-дэт: эдук йэӷӣтiн урэкэ̄чэ̄ндӯ бид'эрэн мурин, Чоколдой гэрбичӣ. Тар муринма ӊӣ-кэт эвки д'авара. Нуӊанма̄н д'авана̄ча̄вэ мурин д'эпӣвкӣ. Та̄ра̄ сатанарӣ бимӣ, хурукул!

Сирбут-Сирбӯнэй ӊэнэхӣнчэ̄. Экӣнн'унми хуйэ̄тчэ̄ соӊоно:

— Мучӯд'ам-ӊӯ, ӗд'ам-ӊӯ.

— Эхикис мучӯра, ӧн би бид'эӊэ̄в эмӯкин? — гунчэ̄ экӣнӣн соӊод'оно.

Ӊэнэчэ̄, ӊэнэчэ̄, ичэвӯлчэ̄ урэкэ̄чэ̄н. Даӷача̄. Арай тар бэйэл гирамналтiн бичэ̄л. Д'анкӯн урэкэ̄чэ̄нмэ ӊэнэчэ̄. Упкал бэйэл гирамналтiн бичэ̄л, мурин д'эпнэлин. Ӊэнэчэ̄, ӊэнэчэ̄, ихилча̄ йэӷӣтiн урэкэ̄чэ̄нмэ. Арай ичэчэ̄ — урэкэ̄чэ̄н орондӯн илгимад'аран мурин-муркāкӯн. Упкачӣн он'ӧ, мэ̄нин сиӊарӣн. Гирамналба симӣтчаран. Сирбут-Сирбунэйвэ дӧлдiча̄ городук, сӗрби уӷиринэ̄д'энэ. Сирбут-Сирбӯнэй ӊэ̄лэлчэ̄, гунӣлчэ̄: «Ӧн би нуӊантiкӣн ӊэнэд'эӊэ̄в?». Тiкэ̄ гунӣксэ̄, чиӊэрэ̄кэ̄н ӧча̄. Гирамнал хэргӣдэ̄лӣтiн игэхӣнчэ̄. Тутуд'эчэ̄, тутуд'эчэ̄, горово дӧлча̄тчана, ӣдӯ мурин сӗд'арӣва̄н. Гунчэчэ̄: «Ӗкӯндукин д'аваракив, айа бимчэ̄?». Тiкэ̄ гунӣксэ̄, этэкэ̄нчэчэ̄ нiкимнала̄н. Тiкирэ̄чэ̄. Нiкимнадук тiкирэ̄чэ̄лэ̄н, мурин сӧӷинча̄ урэкэ̄чэ̄нциви: умнэ̄т элӣ-та̄лӣ хэтэкэ̄нчэ̄л гирамнал. Мурин хукэ̄лкэ̄чӣлчэ̄ кэӊтiрэ̄тпи. Сирбут-Сирбӯнэй ӗра̄-да̄ эчэ̄. Укэ̄лкэ̄чӣксэ̄, мурин хуктiхинча̄ кадарла̄. Кадарва ихӣкса̄, хукэ̄лчэчэ̄. Сирбут-Сирбӯнэй эчэ̄ тiкрэ, ӗра̄-да̄

эчэ̄. Кадардук хукэ̄лчэксэ̄, мӯлӣ эйэ̄хинчэ̄. Мӯдук йӯчэ̄, Сирбут-Сирбӯнэй эчэ̄н буручэ̄. Тэ̄лӣ мурин гунӣлчэ̄:

— Ōкӣ-дā анңанӣва бид'эм, ēкӯдı-кат бэйэ-кэт минэ эчэ̄н д'авара. Си ēкӯн бихинни? Бэйэ ōксā, кэңтıрэ̄дӯв уккал! Хуруғэ̄т д'улэ̄скӣ. Си минңи бэғӣнми ōд'аңāс, минэ муринтāд'иңāс. Си бид'эрӣдӯс эмэ̄нмучэ̄ экӣнни соңод'орон, гунд'эрэн: «Си бучэ̄ бихинни». Си н'āн экӣнми д'ōнчад'анни. Экӣнни бид'эрӣдӯн малудӯн д'ӯр сєргэл бид'эрэ солотот он'очӣл. Тар сєргэл оноктодӯ иливӯвчāл. Тар онокто хэрэлӣн солотомо мурин бид'эрэн. Тар мурин синңи энӣнңис, амӣнңис бичэ̄н. Тар муринми ичэмӣ, си эйэ̄лд'иңэ̄с, минэ нōдāд'иңāс. Соңолмӣ, гēвӯ инамуктави нōдāдāви анңӯ сєргэлэ̄, гēвӣ — д'эғинңӯлэ̄. Тэ̄лӣ онокто мэ̄нин нэптэргэд'эңэ̄н, мурин илд'аңāн. Тэ̄лӣ си авгӯва эйэ̄тмӣ, гадāви!

Тıкэ̄ гунӣксэ̄, Чоколдой-мурин хуктıхӣнчэ̄. Хуктıд'эчэ̄ арай д'эрис-н'ун ōвкил мōл, олус химāт хуктıвкӣ. Ихилчā д'ӯвāн, экӣнӣн арчачā, соңолчō. Сирбут-Сирбӯнэй н'āн соңолчō. Соңолӣксō, Чоколдой-муринӣн гуннэлӣн инамукталви сєргэлтıкӣ тıкӣвчэ̄. Тıкӣвд'экєнин, онокто нэптıргэчэ̄. Онокто нэптıргэрэкин, золотомо мурин йӯчэ̄. Муринма йӯд'экєн, Сирбут-Сирбӯнэй ойолōн укчā. Чоколдой-мурин бид'эчэ̄, гунчэ̄:

— Би гунэрӣв синтıкӣ — д'ус дағадӯн миндук айатмар мурин бид'эрэн. Авгӯва муринтāд'иңāс?

— Би д'ӯрӣвэ муринтāд'иңāв.

Анңэтчāл. Тıмӣнин Чоколдой-мурин гунчэ̄:

— Би сāм, ēдā си минэвэ д'авачāс. Си сэнмӣчэ̄с д'ӯр лукӣви. Д'ӯр лукис д'ӯр нуңн'акӣдӯ бид'эрэ. Си лукӣлби ахалдāви н'экэд'энни. Би тар лукӣлбэс гачāлбэ сāм тар эчэ̄л нуңн'акӣл бирэ, тар д'ӯр хунāт — Сигундар хунӣлин. Тāлā исмӣ, си д'ӯрӣвэ ахāлави гад'иңāс.

Сирбут-Сирбӯнэй гунчэ:

— Кэ, ңэнэхинңэ̄т, би с'унэвэ д'ӯрӣвэ гад'иңāв. Дэррэксун, гē гēдӯ д'уғэ̄лдīд'иңэ̄в.

Ңэнэхинчэ̄л. Чоколдой химāт, химāт хуктıд'эчэ̄н. Солотомо мурин суптıвчā. Сирбут-Сирбӯнэй алāчӣлчā. Алāтчā, алāтчā, арай гилбэс ōчā, аракӯкāн эмэд'эчэ̄. Дагамāллэкин, н'āн химāкӯнд'и хуктıлчэ̄, н'āн суптıвчā солотомо мурин. Алāчӣлчā алāчӣлчā горово. Эмэчэ̄ солотомо мурин, бокончō. Сирбут-Сирбӯнэй тıкӯлилчā, гунӣлчэ̄:

— Си ēдā суптıвӯтчанни? Эр-дэт би синэвэ вāд'иңāв!

Чоколдой гунчэ̄:

— Экэл, экэл вāра, уккал нуңандӯн, би аракӯкāн ңэнэд'иңэ̄в амардӯн.

Сирбут-Сирбӯнэй солотомо муриндӯ укчāн. Ңэнэд'ичāн, нэнэд'ичāн. Мурин сō удан бичэ̄. Тар ңэнэд'энэ, исчā бирава. Эгдıкэ̄кӯн бира, мӯ хуларин. Тар бирава хэдӯнилчэ̄. Солотомо мурин хэтэкэ̄нчэ̄. Эчэ̄ хэдэрэ, бира дулиндун чэпэ̄чэ̄. Чоколдой мурин хэтэкэ̄нчэ̄, сōгинчā муринтай, бэйэтэй. Хэдэ̄ксэ̄л, ңэнэ-

хинчэл. Сирбут-Сирбӯнэй Чоколдой муриндӯ укчӑ. Солотомо муринма эмэнчэ. Тар цэнэд'эрэкин, цэнэд'эрэкин, нэлгэйэ ичэвӯлчэ. Дагамӑлчӑ, арай тар мурир, хукурил бичэл. Илтэнчэл. Н'ӑн ичэвӯлчэл мугдэкэчэр. Мугдэкэчэр гуннэлйн, бэйэйэй бичэл. Илтэнчэл, н'ӑн ичэвӯлчэл чуцрикэйэл. Чуцрикэр гуннэлйн бэйэл дилилтин. Тэлй гунчэчэ Сирбут-Сирбӯнэй:

— Би ихим Сигундӑрвэ. Лукйлби гад'ицӑв!

Ичэчэ, солотот гилбэнэд'эрэн. Тар арай Сигундӑр д'ӯн бичэ. Дагамӑча. Тулгидэдӯн солотомо сэргэ бид'эрэн. Тар сэргэдук муринми уйчэ. Д'ӯлӑн ичэ. Сигундӑр тэгэтчэрэн солотомо остолдӯ, солотомо тэгэкйнду. Бутунну д'ӯн буркинчӑ солотот. Сирбут-Сирбӯнэйвэ ичэксэ, гунчэ:

— Илкал уркэдӯ! Йдук бихинни бэйэ?

— Би — Сирбут-Сирбӯнэй бихим. Д'ӯр лукйви бокончӯд'ам. Д'ӯр лукйвэ си хунйлли хуруврйтин!

Сигундӑр гунчэ:

— Боконйнни би хунйлбав, би синдӯ д'урй хунйлби ахйлас бӯд'инцэв. Битэр ӧкал, би эр-дэт эмэд'инцэв. Тэдэвнэктэ, синдӯ айалӑ тэткэлэ бӯдэтин.

Тар хурурэкин, эмэчэл д'ӯр бэйэ, айалба тэткэлбэ эмӯчэл, бутунну солотот он'очйлва. Тар тэткэлбэ тэтйксэ, сивайбалчӑл. Сигундӑр гэрбэчймнй гунчэ:

— Н'ама укурбэ, н'ама д'ӯр д'ӑр муринма вӑкэллу!

Бутунну айа д'эвгэвэ ӧвкӑнчӑ. Тадук хунйлби цэнэвкэнчэ. Эмэд'эчэл гиргинӑд'анакйцкӯр. Тэткэлтин сигунтикй килунӑд'ара гиргилдид'анал. Д'ӯрй д'ӯр лукйлбэ цалд'анал. Тэгэвкэнчэл Сирбут-Сирбӯнэйвэ дулиндӯтин. Сирбут-Сирбӯнэй соктолчӧ. Соктохӧ, илйксӑ, тикйвкй, олдонмӧн эмтэ. Тэгэвкй, тэгэвкй, тэгэкилбэ хукчавкй. Остоллӧи даравйпивкй — остол хукчавкй. Сигундӑр гунйвкй:

— Ахипланакэллу д'ӑндук д'ӯрй д'ӯлӑ!

Хунйлин хурӯвчэл. Ахинчӑл, дулиндӯвар ахипмучӑл. Тар ахинчӑлатин, Сигундӑр эмэчэ д'ӯлатин, бэркэнд'ивй гарнадӑви. Турувд'эчӑ омкотолйн, Сирбут-Сирбунэй мэлчӑ. Ичэхинчэ — Сигундӑр нуцанмӑн вадӑви н'экэд'эрэн. Дилкэн ӧха, окопколй йӯчэ. Дилкэн ӧхӑ, д'ӯдӯн дэгиктэд'эчэ. «Сигундӑр, — гунчэн, — си минэ этэнни вара». Остолдӯн дӧвки, тигэлдӯн. Тэлй Сигундӑр гунэн:

— Си минэ экэл илэчэрэ! Айарӑлдигат! Бэйэ ӧхӑ, остолдӯ тэгэкэл!

Сирбут-Сирбӯнэй бэйэ ӧчӑ. Остолдӯн тэгэчэ, н'ӑн умйлчӑ, соктолчӧ. Соктолйксӑ, бутуннувв хукчалчӑ. Тэлй Сигундар д'ӯр д'ӑр бӧгатирва эмэвкэнчэ. Сирбут-Сирбӯнэйвэ д'авачӑл, хэркэчэл. Сэлэмэ бӧчкадӯ дичэл, бирадӯ чэнйчэл. Горово эйэнчэлэн, Чоколдой-муринун кӗцалчӑ. Тоцолйчӑ сиргэватин хэкэ, бира эмкэрлйн гэлэктэд'эчэ Сирбут-Сирбӯнэйпэ. Арай ичэчӧ — сэлэмэ бӧчка эйэнд'эрэн. Ичэксэ, тара сӧгинчӑ, дэлиэргэкнэн баргйскакй.

Сирбут-Сирбӯнэй йӯчэ, Чоколдой-муриндӯ укча. Н'ан цэнэхйнчэ Сигундарлэ. Исча д'ӯван, муринми гэ сергэдук уйчэ, мэнин дилкэчэн очэ. Хунйл бид'эрйтин окошколйтин саңаркандулй дэгчэ. Лукйлби д'оромохо, иӯчэ. Сигундарлэ хуручэ, гунчэ:

— Тэд'э, эцэхй бимй, минэвэ кэйкал! Кухйнэгэт!

Сигундар гунчэ:

— Кэ, си эмӯкин, бу илан богатирил бихйвун.

Сирбут-Сирбӯнэй гунчэ:

Иланйн'ун кухид'эцэв! Этэрэс минэвэ кэйра!

Сигундар гунчэ:

— Этэнни кэйра. Минци йэгин дилйчй кулйнцив бихин. Тара этэнни кэйра?

Сирбут-Сирбӯнэй гунчэ:

— Кэ, кухиннэгэт! Ичэтчэп — авгӯкй кэйд'ап! Тэлй сад'ицат.

Кухинэчэл наптака дуннэлэ. Кухичэл илан анцанйва. Сирбут-Сирбӯнэй упкатва кэйчэ. Кэйчалан, йэгин дилйчй кулин эмэчэ. Кулйнн'ун н'уцун анцанйва кухйчэ, д'апкун дилван вачэ, эрэгэр нуцанман гарпад'ачэ. Тар д'апкйван дилван вад'эрэкин, эмэчэ омолгйчан, гунчэ:

— Би синци хутэс бихим! Би гуннэд'эм дулгӯ дилван гарпакал! Тэлй си эр кулйнма вад'ицас.

Тикэ гунчэлэн, Сирбут-Сирбӯнэй дилмавэн гарпахэ, вачэ. Кулйнмэ кэйчэ. Тэгэксэл, ханцӯлчэ:

— Ӧн би синэвэ хутэтэм? Би ахййа ачйн бихим.

Омолгйчан гунчэ:

— Би улгучэнд'эм упкатван. Энйнми минэвэ уцрэн, улгучэндэв. Си Сигундарва вачас, кэйчас. Тар хунйлбан си ахйлачас. Тар минци энйнми. Би йэгин анцанйцив. Энтилби минэ улгучэнэктин, би синэвэ бакам.

Сирбут-Сирбӯнэй омолгйви муриндӯви угувканчэ. Цэнэхйнчэл Сигундар бид'эклэн, исчал. Тадӯ айат билчэл.

КАТЭННАЛ ЭВЭНКЙЛТЙН НИМЦАКАРТЙН

1. Хэвэкэ, Лоцко, Эптэкэн

Хэвэкэ булэнилчэн, ганачйлчан. Аксалдйран Н'урумн'алнун. Мотйлдулй аксалдйчал. Мотйл асплгалтин, Н'урумн'а тэгэ. Аксалдйд'акилтин Хэвэкэвэ Н'урумн'ал турчара. Нарэт бинэл кэтэкэкӯн. Д'ӯван хакӯра, догйдадӯвэр нарэтпэ. Хэвэкэ, тэгэ догйдаларектин, шицилгэндулй угдӯшнэн, нэгнйлд'иви угдӯшнэн. Надан нэгнйлйн, нуцан д'апкйтин. Нарэтпэ тадӯ ашакталла, Хэвэкэ д'алван. Умӯкэнмэ гатактава ашакталла, Лоцково шониңма. Лоцко этиркэчэн Н'урумн'а анаран, шукшиллайи тэтчэрйвэ. Нуцан калтакайи тэттэн, калтакавэн анаран. Эд'элйн тэттэ, нарэт эмэрэ. Барэн шукшиллайи тэтчэмй, амйнмӯран. Тадук н'экэлдулй Лоцково ашакталлан, н'экэвэ камнйдавэр.

Лоңко ӓшӣн шамӓн бичӧн, Д'экэ гэрбӣн. Лоңково вӓрэ Н'урумн'ал. Ашӣлӓн эмэрэ. Тӓдӯ улгучӧмӧчиллэ Н'урумн'ал. Шамӓриктал, эмэмӣ, ашӣван Д'экэвэ ичэрэ, тӓкэндӯ тэҕэтчэрӣвэ. Ичэтчэрэ — Д'экэ мэлкӧнэн. Тэҕэтчӧктӯн атакӣ тутуктэд'эрэн. Н'урумн'ал ӧва-дӓ албара бакамӣ. Атакӣ бид'энкӣ, д'ӯлдулӓвэр ңэнӯштэлӧтін.

Н'урумн'ал ңэнӯшинэ д'ӯлдулӓвэр. Тӓдук Д'экэ н'ӓн эвэнкӣ ӧдан, шурурэктін. Атакӣ биңэшӣйи Н'урумн'ал инд'эрӣл ӧмӣлватін д'эбд'эчӧн. Д'экэ хунӓд'иңми гӯнэн:

— Тамиптіна тӓлу эмэвкэл!

Тарӓ Д'экэ Н'урумн'ал ӧмӣлватін ишшэрэн тӓлэдӯ. Гӯнэн хутэйи:

— Пуртайа эмэпкэл!

Тамиптінду Н'урумн'ал ӧмӣлватін д'игрэн. Д'игрэкин, тамиптін хаңӓллэн. Тӧлӣ Д'экэ хунӓтпи гӯнэн: «Хулэм».

Д'эврэн шэушэлд'ийи, долбо ӓд'энэ. Тӧлӣ Н'урумн'ал д'игнэлин кэтэ буддэ. Буд'эпкилвэ эчэл шӓрэ.

Тар Лоңково ашакталлактін, Хэвэкӧ шиңилгэндук лэпурӧран, мишӧран Пачакӣлӓ; ңӧлэллэн, эдӧви вӓврэ. Хэвэкӧ ашӣви гӯнэн: «Пачакӣлӓ мишӧран», — улгучӧндӧн Н'урумн'алтікӣ. Хэвэкӧ гӯнэн:

— Пачакӣдӯ алачӣлдӓйи, тӓлӓ ашадӓтін.

Хэвэкӧ Пачакӣва иштан. Пачакӣ гатакта — шӧниң тэд'ӧмэмэ — нӓрэт ңӧлэнэтін. Хэвэкӧ д'ӯрвэ анңанӣл мӧнми алаҕӯллан н'урилд'и, Пачакӣдӯ учӣттан. Хэвэкӧ Пачакӣдӯ таматӓчӓн — ашӣлӓлдӣчӓтін, хунӣлвэр д'уҕӧтчӧтін. Тар гэрбӣн таманан. Тарӓ таманамӣ, дурушно бивкӣл, эвкӣл аксалдіра. Этӧрэ вӓлдіра.

Тӓри Пачакӣ Хэвэкӧвэ учичӣллан, д'ӯрвэ анңанӣл. Тӓрӓ эвӣвӯнтін бишин: тӓлӓ микчӓнд'ара кӧңиламнин, энэя хавалбӯшчӓ, тар мӧ — эвӣнтін гэрбӣн бад'акӓ. Тар дуннэдӯ питємэ ӧкир километрал. Тар питємэлӣ шачарӣйа Пачакӣ Хэвэкӧнэн элгэд'эрэ. Д'ӯткӣви орон хуктілд'эн. Шачарӣва тінд'эрэ, цӓлэлд'ивэр д'авашшад'ара. Пачакӣ шачарӣва ашашинан, халгандукин д'аваран тарӣнңӓдӯ діңнилӧд'эрӣвэ. Шачарӣва Пачакӣ элгэрэн, д'авамӣ. Хэвэкӧдӯ бӯрэн, гуннэ:

— Кэ, шачарӣва д'авакал халгандукин!

Хэвэкӧ шачарӣва тінэн, хуктілдэн. Мӧнин ашашинан. Пачакӣдук горотморво ашаран оронмо. Тӧлӣ халгандукин д'аваран.

Пачакӣ нэҕнӣлвӧн Хэвэкӧңилвэ учӣтчаран. Д'ӯрвэ анңанӣл учиттан. Д'ӯрдӯ анңанӣ Пачакӣ гӯнэн:

— Эшӣлэ этэҕӧт учӣтчамӣ! Шӓпкаш! Эд'эңӧл н'урдӯ вӓврэ ӧда!

Хэвэкӧ Пачакӣткӣ гӯнэн:

— Тімӓтнэ шурудӧйи, булэшэлдулӧйи, Н'урумн'алдулӧ н'экэд'эм.

Пачакӣ гӯнэн:

— Гиркувукта Н'урумн'алва вӓдӓйи?

Хэвэкӧ гӯнэн:

— Он'оркол, тәҕә авам, гуктәтін, кәтәмәмә — әд'әңәл манавра умӯкәндӯ аңңанпдӯ.

Хәвәкә бӑрән Пачакӣва шурубд'әмӣ, шалєййан, әдән булә-ниллә. Гӯнән:

— Он'оркол! Буләнилд'әнни, әкәл буләнә!

Хәвәкә тімӑтнә шурурән нәҕнйлд'иви, вӑнӑшинән Н'урумн'алва. Шурурә-ә-н. Дуннәңйлвәтін шӑрән. Тӑдук шамӑнмә бакаран. Этіркәчән шамӑн беднәй, толкә умӯкән хутән. Хутән тӧша шӧниң — гатакта. Тӑрє этіркән хәрәкә, әчә Н'урумн'а бишӣ. Хәвәкә хәрәкәйә әвкӣ вӑрә, буләшәлви вӑнкӣ. Хәвәкә этіркәчәнмә хулиллан, индәйи, Н'урумн'алдук шучадайи. Тӑдӯ умӯкән Н'урумн'а бид'әрән — бәйә ибд'ән этіркән. Хәвәкә тӑҕрән Н'урумн'ава буләнми.

Атіркӑчӑн Н'урумн'ава гӯнән:

— Ӗва тәҕәтчәнни? Ашӣш балдӣчӑ.

Н'урумн'ачӑн тар йӯрән, тукшашинан д'ӑлдулӑйи. Хәвәкә тӯмнәрән атіркӑн хәңкәдукин. Тар Н'урумн'ава илгәрән, тукшашинан, әдән нӑрәтпа ишта. Ашанинан, әдән тілипкәнә. Әтіркән тари хутән Хәвәкәвә хаништан. Шамӑн илкәллән хавӑйан Хәвәкәвә. Хәвәкә ашашинан Н'урумн'ава. Тарє этіркән хутән тукшад'апкӣ, шуптӣвчавкӣ Хәвәкәвә. Тӑдук бокончопкӣ тукшамат. Тӑлӑ хәрәлгәндӯ Н'урумн'ава боконо. Хәвәкә гиркӣви гӯнән:

— Ши әдӯ илкал! Би эмукин дагамакта, мәнди ӯд'ам ӧд'анни!

Тӑдук гиркӣйи эмәнән. Нуңан тутәкәтпи шурурән. Илитчарйва тутәкәтпи чомбйттан. Хәвәкә мучушнан этіркәндулә, вӑмӣ. Мучӯд'анал мӧтӣва ичәрә. Хәвәкә гиркӣви инкәрән:

— Мӧтӣва вӑнӑкәл!

Гиркйн н'урмашинан, вӑрән. Тӑдук д'ӯлӑвәр эмәрә. Этіркәндӯ шәәнчәллә. Шамӑн тӑрє, шәәнчәд'әнә, гӯнән:

— Умӯннуйә туркуд'анни.

Шӗрд'иви ичәтчәпкӣ.

Хәвәкә Н'урумн'алдулӑ шурурән, вӑнӑштан. Шамӑн гӯнән:

— Умӯннувә вӑд'әнни. Нуңаниңйд'итін хәңкәлд'и улгучә-лим, — шамӑн тар гӯнән: — Урйләнә таңкал. Тар гӯктәттін — урилән кәтә.

Шамӑн шәйушәлд'иви цәнәд'әрән, улгучәнд'әрән. Тӑдук шаман, уриләнә цәнәд'әнә, гӯнән:

— Кәтәннуйә уриләнмә цәнәмнә. Н'урумн'аңи Кӧрдаку умӯкән д'ӯн бид'әңән. Тӑдӯ, — гунд'әрән, — умӯкәнә нәкӯнәйи вабд'анни, — шәәшәлд'ийи улгучәнд'әрән. Шамӑн шәәшәлин мудантін, — гӯнән.

— Мәнни шуруд'әкәл әсйлә!

Хәвәкә шурурән, Н'урумн'ава гәлӗктәрән, умӯннува бакаран. Н'урумн'а шӧниң Әптәкән гәрбин. Шӧниң Әптәкән Хәвәкәвә урәмәкән. Хәвәкә Әптәкәнмә шӑрән. Орорвӧн тӑгрән. Нәҕнйлви гӯнән:

—Әптәкән орорин, әңнәкәнмә гарпакалу, д'әбдәвәр, шилаттӑвәр.

Нуңартын гилгэвэ гарнара, вāрэ. Гилгэ эдэриктэллэн, д'алви онйллан. Орор хуктīллэ д'ӳлāвэр, Эптэкэн д'ӳлāн. Хэвэкэ оронду намашинан, орор умурэндӳтин. Хуктишйнэн Эптэкэн д'ӳлāн, орор диңнилэнэ. Эптэкэн Хэвэкэвэ ичэрэн орор умурэндӳтин, Хэвэкэвэ тāгрэн, гӳнэн:

— Хэвэкэ, ēд'анни? Илкал!

Хэвэкэ гӳнэн:

— Би-ти бишим!

Илла хōтмачилла, гатактамāчилла. Эптэкэн гӳнэн:

— Ушилэндӳ урэт бинэ илкал!

Эвйкйчитин бишин н'урилд'и. Элэкэс н'урилвар д'уңэлдīрэ. Хэвэкэ ушэндэрэн Эптэкэндулэ. Эптэкэн н'урви Хэвэкэлэ ушэндэрэн. Н'урилд'ивэр д'уңэтчэрэ, мēвутмāтчэрэ, эдэвэр айаралдīра. Хэвэкэ цэңйлдӳлэви мучӳшинан, гилгэвэ шилад'арйлдула. Гӳнэн:

— Эптэкэнмэ хиндаран, мэдэпкэнэн. Ашйдукин кэрчимэвэ д'эвуңнэн.

Эптэкэн мишōчā д'алдулāви. Хэвэкэ Эптэкэн ашйвāн гӳнэн, кэрчимэвэ кармандӳн ашӳдāн. Тāдук Хэвэкэ Эптэкэнмэ ашашинан. Боконон д'алби исчарива. Эптэкэн д'авйа эрйд'эрэн, бирава дāгдāйи. Хэвэкэ дōлчāтчаран, атиркāчāрвэ дōлчāчйвкй. Атиркāчāр баргйңит гунд'эрэ:

— Ēкӳнд'и олонон? Хэвэкэ эмэчэ бинэн?

Эптэкэн д'алдулāйи дāгрэн, гӳнэн:

— Хэвэкэдӳ эмэпчэл бишип! Баңарāкаллу! — тāдук гӳнэн. — Н'уңн'акйла улэкэллу иличйптратин, ганачилмй.

Хэвэкэ шипкитчаран бэйэлвэ, дāгнāрэн бирава нэңйлд'иви, баңарāрэн Эптэкэнмэ.

Удункāкӳн бдан. Д'ӳлā йрэ, н'уцн'акйла д'эвулдэвэр. Хэвэкэ удундӳ туксамалчаран, этэйэмнйвэ бэритпи тіксавāн аңаран, капуран, туксамалчаран. Этэйэмнй эчō ичэмэтīрэ. Д'ӳдӳ бишйлвэ бэйэлвэ вāчилдāйи, тукшамалчара. Аңаран. Эптэкэн илитчаран, н'уцн'акй ашакйвāн д'эбд'эрэн. Хэвэкэ Эптэкэнмэ д'упкундулйн гарнаран. Эптэкэн н'уцн'акй ашакйвāн кикишйнчад'ана буддэн. Тāдӳ бэйлбэ манара, д'ӳдӳ токторо. Хэвэкэ Эптэкэн д'албāн упкатпāн манаран.

Тāдук н'āн шурурэн, гэлэктэллэн хэрэкэлэ. Тāлā цэнэд'энэ, Хэвэкэ мӳвэ умйллан, эвэнкйлвэ дōлдīран. Ашāл икэд'эрэ, эвйд'эрэ. Мӳдӳ дōлдīран, нэкӳнми гӳнэн:

— Дōлчāткэллу!

Нэкӳнин дōлдīран, гӳнэн:

— Тэд'ē, тоңолтин ичэвуллэ, — Хэвэкэ нэкӳнин гӳнэн: — Гуниш бикшэн, гунд'эцэш, эгдэкэчэн.

Хэвэкэ ашāл икэнд'эрйлдулэ н'урмāран, шипкитнāшинэн. Шōниңма ичэтнэшинэн долбо. Шōниңмэ ичэрэн кембелелэн. Хэвэкэ нэңйлдулэви эмэрэн, гӳнэн:

— Шōниңма, илмактава ичэчэв, кембелелэкӳн шōпиццитин!

Хэвэкэ туксамалчаран д'ўлватiн, ад'эрйлвэ. Умўкэн Н'урумн'а шоналйви туктiрэн. Шонадукии микчанэн, Хэвэкэ чаӷйдалйн кэмбэлэлэндулэ. Хэвэкэ гўнэн:

— Ёдайи кэроран?

Шилэвэн мэдэрэн. Хэвэкэ ашашинан долбо бэйэлбэ. Долбонйва ашактаран. Хэвэкэ хэӷэррэн, д'ўктэ хэӷэррэ. Такэнмэ гидамандэрэ. Хэвэкэ амаргут хэӷэрчэ. Н'урўмн'адук шотмар бдан. Д'улэлй арўран, хэӷэркэйим. Гўнэн:

— Э-э! Ёйаматтэн? Би шо бишим!

Шалгэллэн, ушаллэн, Н'урумн'ава ўд'ашинан. Тэлй бакаран бучэвэ — ханўча. Дiлин шамнад'аран. Хэвэкэ утунмэрэн нкимналйн тадў варэн. Тэлй нэкўнин Н'урумн'ава актакйт н'урмаран. Н'урумн'а н'урмад'арйва гарпаран актакйва черес, нэкўнмэн варэн. Хэвэкэ нэӷнйлдулэви эмэшинэн. Эмэрэн. Хэвэкэвэ ичэмй, нэӷнйлин гўнэ:

— Гиркйвэр дабдiран.

Хэвэкэ Н'урумн'ава туксамалчаран. Н'урумн'а Хэвэкэвэ гўнэн:

— Хуйэви хуйлэчэв. Он-да н'экэд'экэл!

Хэвэкэ токторон Н'урумн'ава. Тадў Хэвэкэ гунэн:

— Туӷн'эн'эр бид'эӷин!

Улгучэмэттэ, мучўшидайи, этэдэйи Н'урумн'алва ватчэмй. Нэкўнин «Бучэвэ, — гўнэн, — уӷэдэтiн урэлдулэ, эдэтiн Н'урумн'ал балавачилла».

Тадук Хэвэкэ д'ўдўви горово инэн. Сагданан. Сагдачалан, Н'урумн'ал Хэвэкэвэ турчара. Хэвэкэ харгилдў бакара. Мотiва аналйд'аран. Н'урумн'ал ашара, ханнўкталла:

— Ашўла бичэн?

— Гороло бичэн.

Ашашина ўд'алйн. Мотiва вачэ Хэвэкэ, тадў боконо. Мотiва хигд'эрэн. Хэвэкэ амаргйд'ин тўксамалчара. Н'урилва камнйра. Хэвэкэ албаран н'урилви гад'амй, тулӈўшинэн. Ашактаплла. Ашактад'аракин, Хэвэкэ шукшиллан дiвран мола матавулгали. Хэвэкэ бурурэн. Тадў Н'урумн'ал нуӈанмэн гарпатчара. Хэвэкэ гўнэн:

— Э-э, магдачалав эмэрэш, чолкочолб. Ёва н'экэд'эш? Энэшйв ачин.

Хэвэкэвэ варэ, гўнэ:

— Каландў уллэвэн улэкэллу!

Уллэн йэпу. Уманмэн гэлэктэллэ. Умэнин шилэпмэчйллэн. Эчэ шилэ бра — йэпу мў.

— Ётпи дуннэвэ эркэнд'эчэн, йэпу бинэ?

Улгучэмни илара таптаран, гунд'энэ: «Манавран. Манад'ам».

2. Эптэкэн Куркэгир, Пачакй Момо

Эптэкэн Куркэгир сониӈ бичэн. Пачакй Момо бичэн. Эптэкэн Пачакйнун манара Кордуйалва. Пачакй бэйэлин д'эмулд'эчэл.

Уллэ ӓчин бичӭ. Нуҵартін Кӧрдуйӓҵӣлва орорвотін вӓд'эҵкӣтін, д'эвӯлд'эҵкӣтін. Тӓдук хэрэкэлвэ гэлӭктэллэ, Хэрбэлвэ. Нуҵардӯтін эҵнэкӭрвэ вӓчӓтін.

* * *

Момолдӯ Улбӣмчэ сӧниҵ бичӭн. Нуҵан Кӧрдуйӓлнун туҷи-дӭ гарпачимӓчиллӓн, орорвотін д'эбдӭвэр. Кусӣмӭчирдӯ бэйэлвэ вӓд'эҵкӣтін, орорвотін тэпӯд'эҵкӣтін, асӓлвэтін мӭрдувэр гад'аҵкӣтін.

3. Орор

Пачакӣ биҵэсин, Пачакӣдук чаҷӣдӓдӯн орор ӭдӯ ӓчир бичӭтін. Кусӣмэчир бэҵэситін, орорво эчӭтін сӓрэ, лӯчалва эчӭтін сӓрэ. Пачакӣ бинэдукун орочӣл ӧчӓтін. Лӯчал эмэрэктін, оророво сӓлчӓл. Элэкэс Вэскэбэдӯ бид'эрӣл орочӣл ӧчӓл биркэ. Нонон Кӓтэнҵӓдӯ ганалчӣл бид'эчӭтӣн. Хӓдӯн орордулӣ кусӣмӭтчэҵкӣтін. Ороро ӓчир бэйэл орорво вӓвкӣл бичӭтӣн.

Момол хӓлтін Кимӭл бичӭтін. Нуҵартін горолӧ Енисейвэ дӓҷисчӓтін.

4. Хэвэкӭ

Хэвэкӭ бичӭн ганалчӣлдӯ сӧниҵӣтін. Эсӣлэ сурурэн нуҵан бэйӯсиллэн д'алви. Самӓнин бисин. Самӓн гулӣрэн. Самӓн гӯнэн:

— Д'ӯрвэ туркӯлд'аҵӓс умӯндулӭ д'ӯлӓ.

Тар чӓҷӣдӯ умӯкӭндӯ бэйэдӯ гӯнэн:

— Тар сучабд'аҵӓн, си этӭнни вӓрэ нуҵанмӓн. Нуҵанмӓн асад'аҵӓс д'ӓннулӓ. Д'ӓнмэ д'ӯл иссаҵӓс, бирава баргӣмнак ичэтчэнэ. Удункӓн тӯксукэн эмэд'эн, хуйукӯкӭн. Тӓдук нуҵарватін эсӣлэ туксамалчад'аҵӓс, тӓдук манад'аҵӓс. Илӣйи гиркӣйи вӓвунни.

Хэвэкӭ упкатпа манаран, д'ӯрвэ хуркэкӭр д'элӣврэн, туксанмуран. Силэҷӣмнэвэтін асасӣллан удундӯ. Тарйалӓ боконон нуҵарватін. Д'эсунэ эсилэ Хэвэкӭвэ д'ӯктэ. Нуҵардулӓтін микчанд'ӓрӣва бирайакӓнма халанҵӣт н'урит гарпаран. Сурэктэвӭн пэлпэттэн. Пэлпэргэмӣ, баргӣдӓдӯн бурурэн. Хэвэкӭ тӭҷэрэн тӓдӯ. Тар хуркэкӭн нуҵанмӓн тэҷэтчэрӣвэ гарпачӣллан. Гарпатчавкӣ, хата тэҷэтчэнэ, нуҵан адагад'ад'ан. Хуркэкӭн н'урилви манаран, д'ӯрвӭ йэҷир. Тӓдук хуркэкӭнмэ гунэн:

— Эмэкэл миндулӭ!

Н'урилви алӣвӯчиллэн йэҷинмэ. Хуркэкӭнмэ улӭккирэн, д'авадӓви. Хуркэкӭн тар бӓрэн. Хуркэкӭн нуҵанмӓн эсӣлэ даран гарпашиллан. Гарпаран нуҵанмӓн, вӓрэн тӓдӯ.

5. Хэвэкэ Момочар, Тэпэкэ Момо

Момочар бичэн Хэвэкэ, тадук сонин бичэн Тэпэкэ Момо. Хуйукукэн Хэвэкэ эмэрэн бэйэлдулэ, бэйэлвэ турчэрэн. Турчэкэйим, ганачилла сухинусал. Хэвэкэ эвэнкилвэ манаран. Д'апкунма бэйэлвэ манакайим, умукэнмэ хуркэкэнмэ бакаран. Д'ур хуркэкэр тулнусинэ. Гева гарпаран, хуйутмэрвэ. Варэн таду. Вакайим, гева акиндимарва асасинан. Асактакайим ганамачиллан, албаран вад'эми. Тадук гунэн:

— Тонторокикал!

— Си тонторокикал!

Тонторокинан, Хэвэкэ гунэн:

— Гарпакал!

Хэвэкэ тонторокинан, хуркэкэн тар гарпаран. Гарпакайим, гунэн:

— Кэ, ичэнни!

Хэвэкэ гунэн:

— Дэллэду.

Илитин анданй бэйучирэ Хэвэкэвэ.

Хэвэкэ хагдалча. Хэвэкэ энинин бисин, асин бид'эрэн Хэвэкэ энинин анцукталлан:

— Екума бисинни?

— Хэвэкэ,—гунэн,—бучэ горолэ асива тэгэлду. Тар хутэн бисим.

Хуркэкэн улэкиттэн:

— Хэвэкэ бисим, хутэн бисим.

— Екун этиркэн сагдачакакун бинэн, — тар атиркан гунэн: — Ева н'экэнни?

— Сагдачакакун илэ хуручэн? — атирканмэ тар ханцуктаран.

Атиркан гунэн:

— Эду уд'анкарин бичэтин.

Тарилва ичэнэсчэн, уд'алин сурурэн тар хуркэкэн. Багдакал уд'алватин дача. Хэвэкэ бэйумэтчэрэн багдакалва. Хуркэкэн тар эмэрэн, хигд'эрэн Хэвэкэ. Багдакал хакирватин гад'аран. Хуркэкэн ханцуктаран:

— Хи бисинни?

— Би бисим.

Хуркэкэн тутэкэйэйи д'аваран. Тутэкэйэйи гакайим, албаран хогд'ами Хэвэкэвэ. Тэли хуркэкэн тар тутэкэйэйи д'аваран, суксиллалби тэтиллэн. Хэвэкэ амарит гиркуллан, амаски тулнусиндэйи. Амаркан тукаландук амаритви гиркуд'аран, суксиллан тукаланду. Хэвэкэ онканэн дулкукэнду. Хуркэкэн тар тутэкэтви никимнавэн хогран. Дилвэн налихинан н'урикталдукин энйндулэн. Энинмэн гунэн:

— Каланма мултукэл!

Энчэнин каланма мултуран, хутэйи дилвэн улэрэн. Тар гунэн:

— Эк, — гунэн, — д'ороно бичэ бинэн. Есаллйчал буликэтмэтирэ.

6. Лоңко

Амāкāйи Пачакӣва гатактава улгучэ̄нд'эм. Хэвэкэ̄ңэси вирємэдӯ вāлдічāтін.

Тāдӯ бичэ̄н Лоңко гатакта. Тэ̄лӣ ганалчӣл бид'эчэ̄тін. Тэ̄лӣ нуңартін аксалдīчāл. Ашӣлāцийа вāд'эрэ, тарит булэ̄нӣллэ. Тар гатактава вāд'эвкӣл, хэрэкэл вāрэ д'алвāн.

Лоңко эвэнкӣватін вāчāн, тарит акшалдīра.

Лоңко бэйэвэ уңнэн, улгучэ̄мэ̄ттэн, ашӣлāдāн тэґэ̄лдӯ. Нонон эчэ̄тін булэ̄нд'эрэ. Лоңко ашӣлāд'эрӣвэ буратнāн вāрэ. Лоңко алāтчаран, ашӣлāд'эңā эмэдэ̄н. Анңанӣва алāттэн, анңанӣва хэрӯрэн, гӯнэ «вāрэн». Илгэрэн, вāчāл.

Лоңко тікуллан. Нуңарватін вāдāйи д'алдāтчаран. Бакалдīра вāд'эпкӣнун. Урӣлдīрэ, матал энэл шāлдīтчара, урӣнэдӯвэр. Лоңко ашӣн бичэ̄н тāдӯ. Иниґэд'энэ орорви, тāгрэн тэґэ̄л орорвотін; вāд'эңāтін — шāрэн. Орорви аракӯкāн инэґэд'эрэн. Эдīн Лоңко дарӣмāд'эрэн урӣнэйи. Хэрэкэ̄л хэлбуд'эрэ. Лоңко ашӣн эдīвӣ шāрэн, мēванмāн. Гунд'эрэн:

— Эдīв эмэйэтпи вāчилд'эн.

Лоңко ашӣн илгэд'эрэн, гулувӯндулэ̄ бāд'эрэн эмэд'эмӣ. Сāвэдāлви умңэкэ̄нд'эпкӣ. Мэдэрэ̄тчэпкӣ, эдэ̄ви тāґиврэ. Лоңко ашӣн пулатітпи дэрэви д'айӯчад'апкӣ, кумулэ̄чэд'эпкӣ, эдэ̄тін тāгрэ. Думāтчаран, эдэ̄тін баңкарара — ңэ̄лучӣллэ. Эдīви эмэдэлэ̄н сāвэдāдӯви бид'эвкӣ. Эдīн эмэйэтпи тукшамалчаран, вāлдāйи. Тікӯнд'арӣлва булэ̄шэл орорвотін тāгрэн. Лоңко тукшамалчӯшинан чēркатчана:

— Нуңанмāн ӣдӯ нэ̄чэ̄шун? Шунэ вāтчэм, харāнмэ оройочӣлва!

Вāттэн. Умӯкэ̄н булэ̄нин шēрңад'эрэн. Шāмэй гатактаңитін шēрңāд'эрэн. Лоңко шēраңӣлва уґад'арӣтки тукшамалчӯшинан, гӯнэн:

— Ōкир вāлдāви шēрңалд'анни? (*«Вот шєрдитай!» — реплика*).

— Бэйэвэ тāри ашакталлан, н'урилвāн камникāчиллан. Тāдук вāрэн, упкатпа манаран. Тар манавран.

7. Ӣбд'э

Ганалчӣлдӯ н'āн Ӣбд'э бичэ̄, асӣлāрэн, тарит Ӣбд'э ōран. Хуйэ̄д'эрэн Ӣбд'этін. Тар хуйэ̄д'эри бэйэ ашӣн амӣнӣн, энӣнӣн бишин. Тāрє бэйэвэ эмугдэдӯвэр шэлд'эрэ, эчэ̄л айāбд'эрэ. Атіркāн шэлд'эрэн, эдīн шэлд'эрэн. Тари этіркэ̄н хутэн бишин, гатактакāкӯн. Эдэ̄йи вāврэ, хутэйи илкӣчэд'эрэн гатактайи, гунд'эрэн: «Хутэв шōниң ōд'ан». Туґи илкӣчэд'эрэн. Тар Ибд'эвэр гатактавāн эчэ̄л сāрэ. Бэйэ тарє мэдэтчэрэн. Тари бэйэвэ алтавӯтчавкӣл, д'ӯдӯвар хипкумэ̄тчэнэл. Бэйэвэ эрупчут улӣд'эвкӣл: бэйэдӯ ипкэ̄ндӯвэр тэбд'эрэ д'эптілэ̄йэ, уллэвэ лōглайа. Тарӣлд'и бэйэ аксад'апкӣ тарӣл алтавӯтчарӣтін. Анңанӣва хуйэ̄ктэмӯрэн Ибд'э тари, тāдук гēдӯ анңанидӯ акшаран. Нэлкинӣдӯ, шиңилгэн маналлакин, акшаран, нуңарватін вāдāйи д'алдāчӣллан.

Тава̄р этіркэ̄н хэлбушинэн. Тар бэйэ дарӣма̄шинан — мудурэ̄тчэрэн, улэ̄ккидэ̄н. Этіркэ̄н тари хутэнэн хэлбушинэн. Хэлбуд'энэл, мо̄тӣва ва̄ча̄л. Бэйэ тари дарӣма̄сча. Эмэрэн, мо̄тӣва шила̄тчарактін гулувӯндӯвар, урӣнэдӯвэр. Бэйэ тари шэгдэннэҷӣд'ин эмэрэн. Нуҥартін Ибд'эвэр эвкӣл ичэсмэ̄тӣрэ. Д'эбд'эҥэ̄тӣн, д'эбд'эрэ шилаша̄лвар. Н'урилвар локоно. Локод'оҥо̄дук амаргӣд'итін гарпаран. Этіркэ̄н хутэвэ̄н ва̄рэн, этіркэ̄нмэ ва̄рэн. Бэйэ тари арчамкашиллан аша̄лви, нулгӣви. Тари бэйэ арчаран, нулгӣлдулэ̄ эмэд'энэ, икэ̄ллэн.

Атіркача̄н, до̄лдӣкса, икэ̄вунмэ̄н тӣлмӣ, тӯҥнэрэн. Ашӣви арчаран аҷибд'арӣва. Тікӯндӯйи со̄дӯн ашӣви хо̄ҥнаран. Атіркача̄нмэ хэд'урвэ̄н мурукэ̄рэн, амҥалӣн чипчирэн, гунд'эрэн:

— Эрулд'иви хэҥкэ̄тчэҥкӣс!

Манавран.

8. Пачакӣ

Тар Хэвэкэ̄ эвгӣдэ̄дӯн, ганалчил эвгӣдэ̄дӯтін бичэ̄н. Тарил времялдӯ эвэнкӣл бурдуква эчэ̄л ша̄рэ, — инд'эчэ̄тін уллэлд'и, оллолд'и, хорокилд'и, мӯдіҷилд'и. Лӯчава-да̄ эчэ̄тін ша̄рэ. О̄н бини тарба̄вэ инчэ̄тін (*«Моҥнол биркэ» — реплика*). Д'ӯр бэйэл лӯчава бакара. Мо̄тӣйа гэлэ̄ктэд'эчэ̄тін. Лӯчал эчэ̄л гэлэ̄ктэд'эрэ, толко мо̄тӣйа. Аҥарадӯ, Кешмадӯ бакача̄тін. Толкэ д'ӯрвэ бэйэл бакара. Гӗ бэйэ чукэтӣ, гӗ — моҥнотіра. Эвэнкӣл лӯчадіва о̄кира-да̄ эчэ̄л ша̄рэ. (*«Хорокӣл-да̄, хорокӣл» — реплика*). Хоктово — санка ҥэнэмнэвэ д'ивэд'эрэ. Гӗ иллан, гунэн:

— Ӗкӯн хоктон о̄дан? О̄макта, лӯчал мо̄лӣмналтін. Давай суптід'ап!

Гиркӣн гунэн:

— Бэйэл ичэнэ̄вэ̄т! Авадӣл бинэ̄рэ?

Шурурэ. Амакӣка̄н ҥэнэрэ. Йалан о̄дан. Са̄мэй Кешма. Ичэчиллэ гулэлвэ. «Ӗкур та̄рє?». — «Эчэ̄в ша̄рэ». Лӯчава арчара. Палаткава ичэнэ̄д'эрэн. Чукэтікэ̄кӯн, иргэчӣ саханд'апкӣ, эдэ̄н ва̄ллэ. Эйэ̄тчэпкӣ дороводāви. Лӯча туҷӣ-дэ̄ элэкэс эвэнкӣвэ ичэрэн. Илитчарактін, лӯчал эмэд'эпкӣл. Доровод'оро, ба̄д'эрэ. Ҥэ̄лэтчэрэ, эдэ̄вэр ва̄врэ. Лӯчал мэ̄нҥит хэҥкэ̄тчэ̄вкӣл. Эвэнкӣл эвкӣл тіллэ. Тар моҥнон гунд'эвкӣ: «Шинэ купичэд'эм».

Гиркӣн нупчад'авкӣ, эдэ̄н ва̄ллэ. Горово тэҷэттэ. Лӯчал нуҥарватін ушара. Дєрєвнєлэ шуруврэ. О̄н-да̄ албара тіллэ. Йврэ купєттулэ̄ обєдадӯ. Настолдӯ тэ̄вчэ̄л авадітікӣнмэ д'эптілэ̄вэ. «Тунгус шадиш!», — гӯнэ. Эвкӣл тілд'эрэ. «Давай чай пит». Эвэнкӣл д'алдӯвар гунд'эрэ: «Ва̄давэр н'экэд'эрэ?». Мэ̄ртін вамуд'эрэ лучалва. «Шадиш, чай пит нада!». О̄н-да̄ эвкӣл тіллэ. Ноноро лӯчал. Тарӣ чукэтӣтмэр, ичэчиллэн. Нуҥардутін чашкал бишӣ. Колобово алӣвран чукэтітмэрдӯ. Шӗллан, шӗллан, ала̄лӣвран. Эвэдіт гунэн: «Айака̄кӯр!». Та̄дук сушкалва гадан, д'эврэн. «Айака̄кӯр!». Шахарва д'эврэн. «Этэкэл

вāмуд'эмӣ айалва бэйэлвэ», — гунд'эрэн. Бэрилбэр нōдāрэ. Д'эвуллэ. Гиркӣн д'арӣллан — д'эвуллэн, «Алапчу! — гунэн, — айалва д'эптīлэлвэ бакарап». Обедан илтэнэн. Хукитэн д'алупта. Купет гӯнэн: «Лошӣш отыхай!».

Увалāшинан. Ешшэ гевра улӣрэ. Д'ӯлāвэр цэнӯштэтин, д'эптилэлэтин ирэмэ̄ӣрэ. Нирул алтачӣлла эвэнкӣлвэ, улукӣйэ вāдāтин.

Началникил лӯчал думачӣлла: «Кэтэ бишэрэ эвэнкӣл». Улукӣлвэ ичэнкэттэ нуцартикӣтин, колобово д'уг̣элдэвэр. Тэлӣ гē тиллэн, гӯнэн: «Улукӣлэ вāвкāтчэрэ». Эвэнкӣ думāттан, иргэдӯви тиллэн. Колобово бӯрэ, аран инисинэ, майичӣлла, эмэдэтин тимāнинэ. Тарил эвэнкӣл д'ӯлдулāвэр цэнӯсинэ, колоболво эмэврэ. Д'алтин дīвэд'иллэ. Чукэтитмэр д'алви алаг̣ӯллан. Д'эбд'эрэ, «Алакāкӯн» гунд'эрэ. Эвэнкӣ гӯнэн:

— Улукӣлвэ, чипкāрвэ вāкāтчэрэ. Тарилдӯ д'эптилэлвэ д'уг̣элдīд'эрэ. Тимāнна вāг̣āт кэтэкэкӯнмэ.

Вāнинэл, цэнэврэ. Д'уг̣элдīрэ. Тариптīдук лӯчал гэрбӣлчэтин «нирӯшка», тарӣлва — «лӯчал» гэрбӣрэ.

Тимāннэ, кэтэ бинэл эмэрэ. Гэтикӣтин купеттулэ цэнэрэн, улукӣлвэ, чипкāрва эмэвнэ. Тарил д'эптилэлэтин бӯрэ, пэктирэвӯрэтин, порокилва, пистōрва бӯрэ. Мэртин учичӣлла, пэктирӯдэтин.

Тāдук лӯчал ревизиява бра. Амāкал гэрбӣлвэтин улгучэллэ. Куркэгирвэтин, Момолво дукӯра. Тэгэмэрвэ улгучэллэ.

Пачакӣ лӯчадива сāлчā бичэн. Пачакӣдук эвгӣлэ шарва шāллэ. Пачакӣ чукэті бинэ Куцнэгирнун ганачӣлд'аран. Мēванин эгді. Тэлӣ Момол кэтэ бичэтин. Пачакӣ вāлдīллан н'урилд'иви Куцнэгирнун. Лӯчалва Пачакӣ гӯнэн:

— Куцнэгир нонолчэтин. Тарит нунартин винōвāтил.

Начальник судічиллан. Пачакӣ гӯнэн:

— Минэ турчэтин, вāлдīдāвэр.

Куцнэгир окторо: эксэл вāмуд'ара. Уцкилдīрэ начальникил. Куцнэгир гунчэтин:

— Эчэвун вāнāд'эрэ. Пачакӣ мэнин пачиллэн.

Пачакӣ винōвāт ōдан: кэтэвэ вāрэн. Куцнэгирвэ эгдивэтин манаран. Куцнэгирвэ вāтчана, ашад'анкӣ лӯчалдулā. Куцнэгир Пачакӣдук цэлэллэ. Лӯчалдулā мишōра. Пачакӣ биралā Чāдэбчэ ашаран. Этиркэр душавэ бӯрэ. Лӯчалдулā тукинашна уикат. Этэрэ вāлдīд'амӣ, цэлэллэ.

Тадук Пачакива лӯчал анцанива эчэл гэннэрэ, мэнин эмэдэн. Гēдӯ анцанидӯ казакил нуанмāн тасчура пилэндулэ.

Казакил нуцанмāн губернала эмэврэ. Тэлӣ шар-тэг̣эмэр бичэн. Сēктакāрд'и идакапкӣл бичэтин. Начал'ник судиран Пачакива, шэлэлд'и ōшидāтин, цэлэлдэн. Пачакива тīрэрэ полдӯ сэгдэннэвэн ошӣра шэлэлд'и. Идакара, нуцанмāн илипканэ. Больнисаду нэрэ, лекарсалд'и путэрэ. Неделядӯ абгарāрэн. Обясательство бӯрэн, эдэви умӯкэмэтиэ вāрэ. Эвэскӣ нунанмāн киняснт бра. Лӯчадива сāрэн, иргэчӣ бичэн. Кинязичиллэн век эвэскӣ.

9. Пачакӣ Момо

Элэкэс ганалчӣл бичэ̄тін. Мунӊи бичэ̄тін Куркэ̄гир-дэ̄ Момо. Хуӊтул а̄чир бичэ̄тін. Эвэскӣ о̄да: Кочонӣл, Хэрбэл, Лопоко̄л. Ганалчӣл о̄да.

Умӯ-нун Пачакӣ Куркэ̄гирду со̄ниӊ бичэ̄.

Ганалчӣл кусӣллэ Чӗмда̄лнун. Э̄дӯ кэтэкэ̄кӯн илэл бичэ̄тін. Куркэгир, Момол со̄мат аксара. Аксапка̄нэ, элэкэс айал бичэ̄тін.

Чӗмда̄лвэ ва̄рэ кэтэкэ̄кӯнмэ. Чӗмда̄лдӯ пэктірэ̄вӯр бичэ̄тін. Момолдӯ элэ лукӣл бичэ̄тін. Тарӣлва лӯчал бакача̄л, ганачӣллактін. Момодіва кин'асва бакача̄л. Умӯнмэ Куркэ̄гирӊива кин'асва Чӗмда̄л ва̄рэ, Пачакӣ нэкӯнмэ̄н. Пачакӣ тікӯллан, Чӗмда̄лва сомат ва̄рэн.

Чӗмда̄л лӯчалдула̄ эмэрэ, Аӊара̄ла̄. Уӊкилдірэ лӯчалдӯ. Момол, Киркэгир дабдара. Момол лӯчадіва эчэ̄л тілд'эрэ, Чӗмда̄л — тілд'эрэ. Уӊкилдірэктін, он'овӯрва тэгэмэ̄рдулэ̄ уӊнэ. Момо̄лва кунутіт сэлэчӣт идака̄лла. Аӊара̄дӯ лӯча хэгдіӷӯ бичэ̄н. Нуӊан тэгэмэ̄рдӯ дукӯран: «Эвэнкӣлвэ идака̄ракип, упкат буд'э̄ӊэ̄тін». Тэгэмэ̄р дукуча̄:» Сӗктака̄нд'и н'экэкэллу». Сӗктака̄нд'и идака̄лла, эдэ̄тін мэ̄рвэр ганатта, аксамӣ. Айака̄кӯн о̄дан. Пачакӣва кин'астӯ нэ̄рэ, хэгдіӷӯ о̄дан. Тариптідук бэрилд'и улумэ̄чиллэ, пэктірэ̄вӯрвэ галла.

10. Пачакӣ Мамо

Пачакӣдук д'ӯр н'амад'ил о̄лла. Тэ̄лӣ ка̄сна о̄дан.

Аӊара̄дӯ бурдук ба̄ллэн балдід'амӣ. Нэктэсэ̄лтін анӊанӣтікӣн буд'эрэ. Эвэнкӣл эсӣлэ со̄т кэсэ̄д'эрэ, д'эмӯкир о̄да. Орортін адіка̄р о̄да: ӊӣдӯ тунӊа, ӊӣдӯ н'уӊун. Эвэнкӣл тукала̄ва д'эвӯлчэ̄тін. Нуӊартін тукала̄ гулувӯндӯ олгӣра, «олгоӷин айамамат»,— Бурдуква тукала̄нун уркӯллэ. Касна эсӣлэ эмэ̄нэ а̄чин о̄дан. Порок а̄чин о̄дан, сєвєнєс эмэ̄нэн. Тэ̄лӣ купӗсил о̄да. Унийэ̄чӣллэ. Порокво кэтэкэ̄кӯн эвэнкӣлдӯ бӯрэ. Эвэнкил бурдуква галла, айатмарит д'эвӯллэ, элэкэс оросво, пурупча̄скэ а̄чин бичэ̄н. Купӗсил айатмарит иргичӣлла. Орортін бара̄лла, этэчэ̄тін орорво д'эбд'эмӣ. Орортін хэгдіӊиллэ эсилэ. Бэйун кэтэкэ̄кӯн о̄дан — мо̄тіл.

Эсӣлэ умӯкэ̄н н'ама̄д'и о̄дан анӊанӣл. Минӊи амӣм балдіран эсӣлэ. Амӣм д'адаӊ бичэ̄н. Ӗкӯн-да̄ а̄чин бичэ̄н, — оронӣн а̄чин. Асила̄д'ана, энӊэкэ̄нӣн д'ӯрэгдэвэ гача̄н. Та̄дук д'а̄н орон бичэ̄тін. Эвэскӣ айатмарит бэйӯсӣллэн.

Упкат эвэнкӣл Аӊара̄дӯ бурдуква гад'аӊкӣтін. Минӊи амӣм э̄дук Аӊара̄ла̄ ӊэнэӊкин. Иӊинкэ̄кӯндӯ д'эптілэ̄йэвэр гэннэ̄синэ. Купӗсил умнэ̄т кэтэкэ̄кӯнмэ бурдуква бӯрэ. Э̄дук д'ӯрвэ бӗӷалва Аӊара̄ла̄ ӊэнэӊкӣтін. Купӗсил гӯнэ: «Нэлкэнӣвэ улӯмӣд'экэллу, мо̄тілва, багдака̄лва бэйӯсчэкэллу». Гӗ иӊин о̄дан, туӷэни,

тāдӯ гӯнэ: «Тіцарӣптӣвар нэлкирвэ, сирӯласарвар эмэврэс?». Н'āн бӯрэ, туҕэ-дӭ эдӭтін эвэнкӣл кэсӭд'эрэ.

Тӭлӣ балдӣм, эвэнкӣ ӧдам. Чāскӣ авадı биркэ, сāмӣ. Би эсӣлэ бэйэ ӧдам. Амӣм эсӣлэ сӧт алаҕӯллан: «Хавалд'акал ӧва-дā эрӯпчу энэ гунэ. Айамамат хэцкӧтчэкэл, айамамат бид'э-кэл. Амāкāва тэд'ӭд'энни айатмар ӧд'ан». Бу кэтэкӭкӯн бэйэ бисив: акӣм, акӣм, акӣм, би, нэкӯм; д'ӯр умнӭт балдӣра, нэкӯм; д'ӯр асāткāр нэкӯтıл, умӯкӭн нэкӯм-асāткāн.

11. Момол, Чӧмдāл

Пачакӣ элэкэс гиркуран, илан бинэ, Чӧмдалдулӭ, сэлэвэ уңнэн, асӣви дāндāвэр. Гарпад'ана, гӯнэн:

Сэлє-ӭ!

Чӧмдāл ичэрэ сэлэвӭн. Умӯкӭн бэйэ гунд'эн:

— Химилгэн! Химилгэн!

Гӧ гӯллэн:

— Пачакӣ уңд'эрэн. Ӧдā гунд'энни «Химилгэн! Химилгэн!» — Сэлэ! Сэлэ!

Чӧмдāл н'āн гунэ:

— Химилгэн! Химилгэн!

Пачакӣ албаран маңарара. Хэрбэ маңараллан:

— Асӣйа гэлӭрэн Пачакӣ.

Чӧмдāл гӯнэн:

— Ӧн ахӣйа бӯлд'эм? Сӭксэлвэр далумāтта!

Хэрбэ баңэрӧран.

— Эрчэмэйӯл бинэл, н'экэд'эс? Лӯчасинчāл бинэл, тэҕӭлвэ эвӣд'эс!

Хэрбэ гӯнэн:

— Тарā хӣсэлдулā эмэкэллу!

Чӧмдāл туктӣрэн хӣсэлдулӭ. Пачакӣ хэргӣйӣт ӧдан. Пачакӣ гӯнэн:

— Амардӯ бикэллу!

Амӣнӣн д'улӭлӭ цэнэрэн. Чӧмдал Пачакӣ амӣнмāн гарпаран, Багдарикāнма. Пачаки Чӧмдāл н'ирулватıн тӯктусинэн, тоҕон-д'оно дагамāллан. Чӧмдāл туксана, эмэллэкин Пачакӣ, цӭлэллэ. Бэйэңӣлин асакталла, гоҕод'онол. Пачакӣ асад'аран н'āн хэрэ-кӭлвэ. Умӯкӭн Пачакӣ бэйэцӣн албачā, гарпавуксā, хуйэцӭнэ бинэ. Пачакӣ гӯнэн:

— Ӧт сэдуйӭллэн? гарпакта!

Н'урвэ эсэктэд'эрэн тустӯви.

Пачакӣ бакаран Багдарикāнма, гӯнэн:

— Ӭдӯ бид'экэл! Гирамналви сокоринни! Ӭдӯ алāтчикал!

Тāдук туксаснан. Пачакӣ Чӧмдāлва тıкӯллан. Пачакӣ этıр-кӭчӭнмэ угдӯсчарӣва бакаран Ацкулāктӯ. Чикилчā бичӭн. Гар-пассаран нуңанмāн, этıркӭчӭнмэ. Чӧмдāл алтачӣллан, эдӭн гар-пара. Гӯнэн:

— Ники, мəнми таканни!

Пачакӣ гӯнəн нуңанмăн:

— Гирамналва нəд'əкəл!

Тăдук Пачакӣ сурурəн. Бəйəнйлин гоғод'оро сəллилəнмəр. Пачакӣ н'урви манаран, туркəвӯтчəрəн — иланна сулара. Н'урин бичəн кирəктəмə. Гарпаран Чĕмдăл хəңəндӯн, сəлливӯндӯн саңăр ӧдан. Чĕмдăл гӯнəн:

— Сəллйвун! Туңйəр бивəт! Этəкəллу гарпатчамӣ!

Тарит гӯттəн Пачакӣ:

— Йдӯ бид'əчəтін эрй д'алин? Эмчəт кусйд'ərə, асййа бӯчəл бисикис! Айат бид'əғəт! Бӯдакис эсйлə, айатмар ӧд'аңăн!

Этіркəчəн, Чĕмдă бəйəңйн, тăлă Пачакйлă эмəрəн. Этіркəчəн тăлă эмəрəкин, тутəкəтпи училəллəн сəллилəнмə. Тутəкəн бăлчəрӧран. Пачакӣ сəллилəн этіркəчəнмə утунмəрəн. Пачакӣ тікӯллан, нуңанмăн [Чĕмдăлвə] хӧңнӣ'синан.

Пачакӣ д'ӯлăйи ңəнəсинəн, Чĕмдăлвə манамӣ, тəғəлə, эмəгӯсиндəвəр нипчикпи. Чĕмдăл туксана лӯчалдулă. Лӯчалдӯ уңкилдîрə. Чĕмдăл, гунд'энə:

— Мунэ Пачакӣ манаран.

Лӯчал гӯнэ:

— Нуңарватін гəннəкəллу!

Тəпəкəвə, Пачакйва гəннəрə. Уңкилдîмəчиллə лучалдӯ. Чĕмдăл лӯчадіва хəңкəвə сăра. Момол эчəл сăра. Уңкилдîмəтмӣ, дабдара Момол Чĕмдăлдӯ. Пачакйва эчəтін тəптîмəтірə. Комиссар гӯнəн:

— Нуңанмăн кин'асит он'околлу!

12. Чĕмдăл, Хэрбэл

Пəктірəвӯр Чĕмдăлдӯ д'ӯри. Эрӯ балдічăн нуңардӯтін Чĕмдăл Хэрбэлнун. Элəкəс самăсэчйл бичəтін. Хэрбэлдӯ илан самасэл, Чĕмдăлдӯ умӯн самăн-асӣ. Хэрбэлдӯ бəйэ буддэн. Самăн гунд'ərэн:

— Тар, бннăкэ, эңнэрэн тînэ.

Нуңартін д'окɛлдîра — асăткăнмэ бӯрэ тăлйвар. Анңанӣ калтакăн асăткăн мəнңидӯви бид'ərэн, энэ бӯврэ. Тăдук тар асăткăн бӧгинан, ургэ ӧдан. Тэлй эмэрэ нуңардулăтін, асăткăнмэ эйэчйлчэл. Сăд'ərэ, ургэ ӧчăвэ, ибд'анйлла. Эрйлті гунд'ərэ:

— Ургэвэ эңнэрэв бӯрэ.

Тарил н'ăн эмэрэ, эйэчиллэ, галдăвэр. Нуңартін бăллэ бӯд'эмӣ, хуңтувэ бӯчиллэ. Хэрбэл бăд'ərэ д'окɛд'амӣ.

— Си-ри-да! Да-ли-да! Си-ри-да! Да-ли-да! — гуннэл, кусӣмӯллэ. — Тăрă этэс бӯрэ, сунэ манавд'арав упкатва!

Нуңартін тікӯлла. Гаданчă Чĕмдă сӧниңкăкӯн. Нэкӯнйн-дэ, акйнйн бичэн сэллӯлэчй. Тɛрулдîра тар тîрганйдӯ кусйдэвэр. Чĕмдăл элэ д'анкӯн бэйэл, Хэрбэл — д'анкуи д'ăр. Тар тîрганйдӯ эмэчэл. Бирайакăн баргйдăдӯн Хэрбэл ӧра, эвгйдэдӯн — Чĕмдăл. Пэктірэвӯртін д'ӯр Чĕмдăлдӯ, Хэрбэлдӯ элэ бэрилтін. Баргйғйд'ин гулувӯнавар илара, эвгйдэдӯн туғи-дэ гулувӯн

бисин. Тәғәтчәрә, улгучәмәтчәрә. Хәрбәл умүкәнмә этіркәчәнмә уңнә, сәлдәвәр кусимүд'әрйвәтін-мү. Этіркән тар әмәрән, ханңүктаран:

— Ёд'ас-кү, бүд'әс-кү?

— Хуңтуйә бүтчәрәв! — Чёмдәл гүнә.

Этіркән мучүсинд'ан, д'алдулайи гүнән:

— Хуңтуйә бүтчәрә.

Асйлямүд'арйва ханцүктара:

— Хуңтуйә ёд'анни-ғү, асйлямүд'анни-ғү?

Нуңан гүнән:

— Этём хуңтуйә асйлара. Сәксәвән тінд'әм! Вад'әм!

Нуңан тарәвә айавд'ачән. Хуңтувә бәрән.

Тарә бүчиллэктін, вамуливкйл. Н'ән этіркән тар маңарәрән. Н'ән Чёмдәл бәрә бүд'әмй. Нуңан таңйллан, гунд'әнә:

— Умүн, д'үр, илан, диғин, тунца. Уғукән бинәл, ён түктәд'әс тәғәвә?

Чёмдәл тікүлла, гүнә:

— Бүғәт тівсивә, ургә бимнәнмә бүғәт, әнәл кусйрә!

Лукйкән бисин, хуйүкүкән Чёмдәлдү. Тарәвә гарпалла уғидәкәкүнмә. Ойолйтін кикәд'әнә ңәнәрән. Пачакй ңәләлләи, гунд'әнә:

— Ёкүн таргачин тілпәкәкүн, ённәкә, әд'әлим тәрәрә!

Ңәләллән, тарәвә ичәмй. Пәктірүмәчйлкәкүттә. Пачакй нәкүнмән пәктірәнә силукталдулйн. Пачакй гулувүндүви тәғәтчәвкй. Акйндулави Пачакй нәкүнйн әмәрән, силукталви кормедүви әксәд'әнә. Пачакй гүнән:

— Әрән! Әрән! Синә гунчәв ургәт, ургәт!

Бәрби д'аваран, әсйлә вәллән Чёмдәлва бәркәмәмәт. Чёмдә уғүкән бра. Ңәләллә, туксамәчилла. Нуңан асакәкүттан. Кусйлләктін, сәнә Чёмдәлци тәкәчәндулй угдүсинчән. Амаргут нуңанмән бакара угдусйнчад'арйва. Туғ-дә н'әкәмй, диғин бәйәл бимй, бакачәл. Диғин бинәл нуңанмән бәд'әрә вәд'әмй — адаңәсчаран. Ёкүн-дә албачәл вәд'әмй. Гаданчә туксад'арйва бөкәнчаран. Нуңан н'урви сирәктәвән тәнән, доколотчоно бәд'әрән түксамй. Эсй-вәл д'улэскй ичәрән — диғин бинәл сөницма бәййтчәмй албачәл. Нуңан, доколок бинә, диғйвәтін вәрән энтәлдулйн. Цуңартін, умүкән бурурәкин, туксана упкат. Сәнә ичәрән, Гаданча доколөтчорйвән. Әмәчәл хуңтул, асад'ара Гаданчәва. Н'урилтін буруд'әрә бөнагачйн. Нуңан тарилва турүнмувкй. Горойо Гаданчә д'улэскй туксанчаран. Н'урил суңмән упкатпән курукәрә, нуңанмән әвкил вәрә. Нуңан сәллулэчй бичә. Туксанан гороткй. Гаданчә д'икйллан. Лоңко — Пачакй нәкүнин бичән. Тәрәвә пәктірәнә умүкәчәрдулйн. Гүнән:

— Ётпи гарпалд'ам?

Тәдук омңочөл, пәктірүрә, хойолйн гарпара. Нуңан н'ур хосинмән капуттан, туксактад'аммін. Тәдук әмәрән д'алдулави. Этәрән кусид'әмй. Гүллән:

— Миндук н'урва гакаллу, чипкачӣкāргачӣнма умӣвд'ам. Гасичилла, буддэн.

(Гоголō кусӣлдiцкӣтiн. Ёкӯна-вал д'оголмӣ, бэйэ, нэкӯнин-цу, акӣнин-цу эсикин бӯрэ, кусӣлдiкэтчэцкӣтiн. Хунтунун тэгэнун кусӣлдiд'энэл, сōниципва вāкāйимӣл, мēварватiн д'эвд'эцкӣтiн).

13. Момол, Куркэгир, Н'урумн'ал

Упкат эвэнкӣл (Момол, Куркэгир) эдӯ бид'эчэл, ганалчӣл гэрбӣлiн бичэтiн. Момочō, Пакачӣ амӣнӣн, эмэчэн Д'уруцэлэ, дāндāви. Момочō асӣви гадан Куркэгирцӣвэ, Момомнӣвэ Куркэгирдӯ бӯрэ. Асāлд'и д'уцэтчэвкӣл бицкӣтiн. Чолко Момочō уд'алӣн н'āнэ эмэчэ, дāндāви. Дāнэн бдан.

Тэгэ дигэн Н'урумн'ал бицкӣтiн. Н'урумн'ал Турӯ чāскӣкāн бид'эцкӣтiн. Н'урумн'āл цēлэвкэчиллэ Чолково. Момочō тӯксад'ачāн Куркэгирдулэ, амардукин — Чолко. Нонон Н'урумн'ал Куркэгирилнун кусӣлдiцкӣтiн.

Айарāлдiвӯнавар Н'урумн'алдук д'ӯрвэ асāлвэ гара. Пачакӣ асӣлāрэн гēва, гēва Куркэгирдӯ бӯрэ. Тариптiдук этэд'эцкӣтiн булэнд'эмӣ. Н'урумн'ал тэгэлд'и Куркэгирнун умӯнӯптэ, этэрэ цēлэллэ.

14. Кордо

Городӯ кусӣмэлдӯ, вāлдiсāлдӯ Кордо бичэн. Илан бэйэл бичэн умӯкэн Хэркигир, ге — Саремӣкта, илӣтiн — Кордо. Киран бичэн. Н'урилвар дэктiлэцкӣтiн киранд'и. Хэркигирдӯ сōниц бичэн Гилбэвул. Гилбэвулци бэйэл эрӯпчул бичэтiн. Нундартiн Ирӣктэдӯ Кāтэнцāдӯ бичэтiн. Кордодӯ эчэтiн борӣва киран дэктэниэдукин киранма вāкāйимӣл. Кирандӯ аксалдира. Тэлӣ эмэсӣнэн Кордо. Хутэлин эдӯ бда.

15. Куркэгир, Н'ушкāгир

Куркэгир, Н'ушкāгир кусӣлкэкӯттэ, самāнтэйкāкӯр эмэрэ. Дулиндулāвэр бирала Войавдула Куркэгир эмэрэ. Куркэвицит эвэнкӣцид'йтiн куривэнтэчэтiн Н'ушкāгир. Куривэнтiн Н'ушкāгир илэсиквэн самāнмэр сэктэвд'энэ тэнӯрэн. Самāнтiн гӯнэн:

— Хатаглат синдӯ илчактад'ам, хата синкэкӯндӯ сигдiлэптӯнтэд'эм.

Тар кусинэрэ. Эмэрэ Куркэвир, Н'ушкāвир. Товоловор илара ичэвултэт. Тар хэмкӣтмэчилкэкӯттэ н'уркāкӯрд'ивэр. Н'ушкāвир илэцмэтiн Куркэвир хэмкӣрэ омкочолӣн. Куривэнтiн Н'ушкавир гиркуллан черкāтчэнэкэкӯн самāнмэр. Н'ушкэвир давдара.

Эрэ бичэн илэлдӯ — н'урилтiн мōлдӯ гōвсилад'ацнара.

16. Сэргуцэ̄ Кордӯйал

Сэргуцэ̄ ганалчил сōниңитін. Лӯчалва сāлчāлāвэр Сэргуцэ̄ бичэ̄н. Нуңан эсӣлэ̄ сагдачā. Сагдікāкӯн. Д'алин адікāкӯн. Д'алин тарил ділимнāсинэ, бэйэгдікэ̄кӯр. Сурурэ, д'апкун бинэл Кордӯйал. Д'ӯлвар сōниңмāн эмэ̄нэ эсӣлэ. Мэ̄рд'ивэр цэ̄лӯтчэрэ — нуңартін бэйд'э̄л. Сэргэчэ̄ асāлватін этэйэ̄чӣллэн. Бид'эңэрэ, бид'эңэрэ, эсӣ-вэл бирава цē̄ґидāлӣ укӣчэ̄л. Асāл тар ичэрэ эсӣлэ д'апкунма бэйэл, унталвар лукчара баргӣкāкӯнд'и. Асāл тар эсӣлэ сōниңдулāвэв цэнэрэ. Сэргэчэ̄ гулувӯндӯви хисӣтчаран. Нуңан хулладукви ичэттэн, гӯнэн:

— Сумучэкэ̄р! Сумучэкэ̄р!

Тар гунэн-дэ̄ хулайи н'āн хичисӣнэн гулувӯнтікӣви.

Эмэрэ бэйэл, нуңанмāн хукэ̄лэ̄тчэрӣвэ гарпачила. Хукэ̄лэ̄д'энэ адагад'ан, эвкӣл тімӣрэ, век гарпатчара — урувāтчара. Н'урилвэр маналла. Манавӯллактін, котолвор д'авара, тутэкэ̄лвэр, бэрилбэр нэ̄рэ. Котолд'ивар туксамалчара, сукэлкэ̄кӯттэ нуңанмāн. Туґ-дэ̄ эчэ̄л вāрэ нуңанмāн. Нуңан, Сэргэчэ̄ ганачилва манач̄ā бичэ̄. Вāкāйэмӣл, асāлвāн сурӯврэ. Атіркāнмэ эмэ̄нэ, доңотод'одон. Хуркэкэ̄кӯн тāдӯ бисин, гиркулāкан. Туґдэ̄ эмэ̄нэ, гӯнэ:

— Доңотокол!

Эмэрэ ділимнāд'арӣл. Атіркāндӯ тāдӯ иргисэ̄йэн бэйӯстэ: оллоло, чипкāрэ, гōсалва. Асасиниммē̄р н'экэрэ нуңарватін. Асара, боконо нуңарватін. Умӯкэ̄нтін асӣ тэвлӣд'эрэн д'иктэлвэ. Тар эдӣйи ичэрэн э̄дӯ, д'ӯлви н'уңниттэн эсӣлэ д'элумкэ̄н чаңитілдук, эдэ̄н эмэрэ чаңитілā.

Эсӣлэ долболтоно нуңартін āсилла. Āсилд'арактін, нуңарватін тӯксамалчакāкӯтта. Асӣ тари, улгучэ̄нд'эвкӣ, сунми мугдэкэ̄ндӯ кумулэ̄чэд'эрэн. Эдӣн тари гарпачиллан эсӣлэ чаңитпа, тӯксад'апкӣва. Асӣ эдіткӣви бāңэрōран. Чаңит пуртакāнд'и асӣва учӣссэрэн, булчэ̄ бинэ. Асӣ тарāвэ училэ̄рэн. Манара упкатва тарил.

17. Гилбэ̄вул

Городу Мачаку бичэ̄н, этіркэ̄н Бōңāчэ бичэ̄н. Айакāкӯн этіркэ̄н бичэ̄н. Тэ̄лӣ-дэ̄ Гилбэвул бид'эчэ̄н. Гилбэвул нэкӯннун аксалдіра. Эвӣллэ, маутіл усӣлэ̄нэл. Усӣлэ̄нэл микчāллид'анал аксалдіра.

Тэ̄лӣ Эптэкэ̄ биркэ. Нуңан Гилбэ̄вулва гарпачӣллан н'урӣтви. Гилбэ̄вул Хэркӣгир адаґастан. Хэркӣгирва манара, Хэркиґин умӯкэ̄н ōдан.

Нуңан Гилбэвул бинэ туксāнэн бидібӯтки, н'уңунмэ бэйэл гадан.

Гē̄дӯ анңанӣдӯ мучӯран, туксасинан. Сōниңма бакаран, оронмōн гарпаран умирӣвэ. Гē̄ сипкӣтчаран сōниңма силāтчарӣва, Гилбэ̄вулва, гэ̄ йэ̄кэттэн:

— Ңӣ бисинни? Гилбэ̄вул? Урэ̄тчэн биңкӣт, усӣлэ̄нду уйӣмӣ.

Гӗ гунэн:

— Е-е, урӑтчӗл бицкӣлтӗ!

«Эктэ гуникӣд'эрэ», — тар гӳнэн-дӗ туксахинэн тӑгӑлдулӗви. Тар бинэ Гилбэвул ахахинан. Асӣлӑн эмэрэн. Асӣлӑн эмэкӗйим, гӳнэн:

— Ӣлӗ суручӗн?

Асӣн гӳнэн:

— Эчим сӑрэ, ӣлӗ суручӗ биркэ.

Удун бичӗн. Д'ӳвӑн муруктэнэрэн, ӳд'айан гэлӗктэрэн. Силэгӣмнэвэн ичэрэн, ӳд'асинан. Ӳд'асинан, эмэрэн тӑгӑлӗви.

Гӗ ӳд'асинан, исчӑ. Тӑгӑлин н'уӈн'акӣлва вӑчӑл. Н'уӈн'акӣлва вӑкӑйим, атӣркӑчӑн гӳнэн:

— Урӣпкэллу-кэ-ӈэн!

Гӗ гӳнэн:

— Этӗн эмэрэ! Горо-о! Асӑткӑрвэ гӳкэллу, сипкӣтчэдӗтӣн нуӈанмӑн, эмэд'эрӣйэ. Эдӗтӣн д'элӣврэ эмэд'эрӣйэ.

Мӗнми ороктодӳ д'айаран, чикиллан. Чикилкӑйим д'эвулӣктэвэтӣн туксамалчаран. Бэритпи аӈаран уркэвӗн, тӑдук гӳнэн:

— Ӈӣ бисинни, бэйэ, си-и?

— Би-и! — гӗ сӧниӈ гӳнэн.

Н'уӈн'акӣ ороконмӧн д'эвулд'эрэн, илитчана мудӳлчӗ.

Тарит гарпаран, Гилбэвул нуӈанмӑн хикэндулӗн. Гилбэвул манаран д'апкунма бэйэл тар д'ӳдӳ.

Гӣлвэ д'ӳлва манаран. Этӣркӗчӗн н'ӑн бэрилви ӧд'ачӑн, хэрэкэдӳ д'ӳдӳ. Манакӑйим д'ӳва ичэнэсинэн н'ӑнэ. Этӣркӗчӗн гарпаран, Гилбэвул дабдаран этӣркэндӳ. Гилбэвул, аксакӑйим, сӧналӑн микчӑнэн. Тари гӳллэн:

— Эрчэкэкӳн бинэ ӗва н'экэд'эннн?

Гиркӣвэтӣн гарпаран. Этӣркэнмэ тэктэрэн тутэкэтпи. Хэрэкэ д'ӳ тӑлӑ бисин. Этӣркӗчӗн тӑдӳ бид'эрэн. Тар бинэ экэннэчӗн, нуӈарватӣн чӗркачиллан:

— Ӗкӳндӳ ичэлдиӈнэрэ элэкэс, эвӣдэвэр соӈод'онол!

Этӣркӗчӗнмэ туксамалчаран Гилбэвул. Этӣркэчӗнмэ экэннӣтчэрӣвэ вӑрэн Гилбэвул. Тӑдук местолдулӑ нэнӳсинэн, манакӑйим. Тӑлӑ тар бэйэвэ увасина, этӣркӗчӗн вӑнэвӑн, тӑдук гӳллэ:

— Гирамнадӳ итӣмкаллу ӗкӳна-вэл! Илакаллу тоӷодӳ!

18. Бакад'а Момо

Шамӑн бичӗн, шивэтэйгэчин, аптайва урэмупчӗн, мэлкэнд'эпкӣвэ, гэрбӣн Бакад'а. Н'ӑн шамӑн тӑдӳ бичӗн, хэгдикэкӳн шамӑн — этӣркэн эчӗ улэк бимӣ, тоӈнокӳн, бумуд'эрӣйэ айӣпкӣ.

Д'ӳлтӣн бичэтӣн д'урпу. Тиманнэ дӧлдӣра унэмэмэ: ӗкӳн-мал куӈаканнэчин ун'ад'апкӣ, соӈод'опкӣ. Эвэнкӣл упкат дӧлдӣра соӈод'орӣвӑн.

Куӈакӑн бинэ соӈод'орон, игинмэд'эрэн. Кэтэллэвэ соӈод'орон. Шамӑн тар сэвэнчэллэн куӈакӑн шоӈод'опкӣва шээшэлд'ийи, гӳнэ:

— Эчӭ куцакāн бишӣ. Шамāн, куцакāн бинэ, шоцод'орон. Гӗмор од'аран. Нуцанмāн гэлӭктэґӭт! Иґинмӭґӭт, кэтэ бинэл! Науна эґӭт шуруврэ. Ирэґӭлӭ шурубд'эн тімāннэ, улгурвӭн хоцнадāвэр, ирэґӭт!

Иґинмӭшинэ шоцод'орӣва. Шамāн н'ӧрāшинан. Эвэнкӣл кэтэ бинэл, амардӯн эмэд'эвкӣл. Эмэрэ, куцакāн шоцод'оно улгунчāд'аран ирӭктэдӯ. Шамāн, эмэмӣ, мурӯлӭмнин мурӯкӧрэн, эвэнкӣцилд'иви упкачӣтин. Икӭниллӭ тāдӯ, куцакāнмэ дӧгӣдāдӯвэр нӭнэл. Этэрэ икӭнд'эмӣ. Куцакāнмэ шамāц гашинӣллан ошоґондук. Ирэґӭлд'и гашичиллан. Шамāн шэвэнчэд'энэ ирэґӭд'эрэн. Куакāнмэ гадда, д'ӯлāвэр шуруврэ, увашина. Д'ӯдӯар эмкэйэн ӧра, мӧва хэгдікӭкӯпд'и, Надалладӯ бэйэ ӧдан (*«Вот интересна бичӭн» — реплика*). Н'āн сэвэнчэнкӣ ӧдан. Сэвӭнчэллэкин, гэрбӣйэн бакара. Бакад'а гэрбин ӧдан.

Бакад'ава иргичӣллэ. Бэйэкӭкӯн ӧдан. Унтувӯнмӭн ӧра, гишуйэн, шамāшикйан ӧра. Нуцан шэвӭнчэнкӣ ӧдан, бумуд'эрӣйэ. Тімāтнэ абгарад'ан, айӣцāттакин Бакад'а. Нуцан Момо бичӭн. Бакад'а горово анцанӣл инчӭн, эвэнкӣлвэ айиц̄āтчана. Н'уцун д'āр анцанӣла ӣнэн. Бакад'а ашӣлāчāн эвэнкӣмнӣва, хутэйэви эчӭ ӧра. (*«Хутэчӣ бишикин, тікин шамāшэл бимчӭл» — реплика*).

Нуцан амāкāнунми шамāннун акшалдīра. Туґэнӣ дулиндӯн акшалдīра, шээшэлдулӣ. Бакад'а ашӣви гӯнэн:

— Амāкāнун шӧнкāтмāчиллэв шээшэлд'ийн иц̄индӯ. Шилэйэ улӭц̄нэкэл, тіґэкӭндӯ уцкӯкэл, умкӭнмэ ц̄ӭннӭкэл д'ӯдӯви!

Бакад'а алаӯллан ашӣйи, гӯнэн:

— Бирадӯ, д'укэдӯ амāкāнун шӧнкāтмāчиллэв, гулувӯрэ āчир! Бакад'а амāкāткӣв гӯнэн:

— Д'укэдӯ сӧнкāтмāткāт!

Д'укэвэ эврэ, тāду тэґэтчэдӭвэр. Горолто тэґэчӣллэ хэцкэ ид'энэд'ин. Шамашикӣлвар тэттэ. Улгучӭмӭттэ надаллайа. Хэгдімӣкӯн иц̄икӯн ӧдан. Тāдӯ тэґэтчэнэ, Бакад'а д'увӭшинӣпкӣ, либгэммӣ. Амāкāйи д'арадāн, д'увӭшинӣпкӣ. Иргилдӯтін кӧцактал кӧцалбушинӣллэ. Тарил инд'эрӣвэтін пириметкалтін — силбачивӯнтін. Бакад'а туцаллава коцалбуд'ачāн, д'увӭд'ичӭн. Амāкāв тунцӣдӯви этэрэн кӧцалбуд'амӣ. Доцотоврон. Бакад'а кӧцалбуран д'ӯрвэ тірганӣл, амāкāйи шāдāйи. Тāрє доцоторон. Бакад'а ашӣлāйи эмэрэн эчӭ доцотомӧтіра. Ашӣви гунэн:

— Ашӣ, дэґилвэр д'ӯктэ мэлкэндӭвэр! Ӭдӯ бид'ӭкин шукум. Дуннэ д'апкалāн, атіркāн, дэгиллэн, мӧралā! Энэ шэлэйэ тэтілдӯйи нӭрэ, — алагӯран.

Ашӣн алагӯнавāн омцочӧ, аґава бушэдӯви омцочӧ. Бакад'а ашӣви шурувӯтчэрэн. Ашӣви дуннэлӭ бурӣрэн, āчин ӧран. Бакад'а век мэлкэн ӧчāн.

19. Утішка

Утішка шӧт этіркӭн бичӭн. Н'āн бакалдīра тэґӭнун. Нонон эчӭтін булӭнд'эрэ, айал бичӭтін. Тар тэґэ Утішка матакин бичӭн,

йэкӘдівэ хэңкэвэ шāрӣ. Тāдӯ Утішка нэкӯнин бичӘн, хуркӘкӘн. ХуркӘкӘн йэкӘдівэ хэңкэвэ шāрэн. ХуркӘкӘн тари матакилдулāви нимэҕурэн. Тари тэҕӘ хуркӘкӘнмэ гӯнэн:

— ЙэкӘдівэ хэңкэвэ шāнни?

— ЭчӘв шāрэ.

Дāмнэ шāд'энэ, хуркӘкӘн тар йэкӘлдӯ бичӘн. Тарε тэҕӘ йэкӘдіт хэңкӘт улгучӘмӘтчэвкӣ, Утішкава вāдāвэр. Тарε хуркӘкӘн д'ӯлāйи эмэрэн, нимэвд'экӘйим, гӯнэн Утішкаткӣ:

— ТэҕӘ митпэ вāмуд'эрэн. ЙэкӘдіт хэңкэт улгучӘмӘтчэнэ, вāмуд'эрэн. «Эллурвэ, вāмӣ, гадāвэр, — гунд'эрэ, — инмэкилвэ, ōмактал, тарилва гадāвэр. Орорво гадāвэр, вāмӣ». Бэйэлтікӣвэр гӯнэ: «Утішкава вāдāвэр хэвгурӘтпэр».

Утішка нэкӯнин гатактакāкӯп. Утішка хуркӘкӘнмэ гӯнэн:

— ПэктірӘвӯрдӯтін чикӘннӘкэл!

Тіргаран. Утішка нэкӯнми хипкурэн, гӯнэн:

— Харгилдӯ нуңанмāн пэктірӘннэ амаргӣд'ин.

Тімāтнэ унэ тэҕэрэ. Утішка нэкӯнин тэҕӘвэ улӘкиттэн, гуннэ, мōтīва ашилгави.

— Вāнāҕāт, д'эбдӘвэр!

Д'ӯрӣ шурурэ мōтīлдулā вāмуд'апкӣнун. Утішка нэкӯнин н'ōрāшинан шукшӣнӯн, тари вāмуд'апкӣ амаргӣд'ин. Утішка нэкӯнин намашинан шукшиллалдӯ, тӯшшэлӘнд'эпки, дуннэлӘ буруд'эн. Горово тулңурэ. Утішка нэкӯнӣн шуптівуллан. Эңэшин абулӣллан. Куңакāн вāмуд'апкӣва пэктірӘнэн, урāрэн — шӘндулӣн пэктірӘнэн. Тари вāмуд'апкӣ хукэлӘшинэн. Арӯран, хукэлӘшкӘйим. Арӯд'ана гӯнэн:

— «Хāвун» гӯктэтін!

Туҕи гӯнэкин Утішка нэкӯнин н'умӯрэн. Ділвāн хэркӘллэн. Хэркэвд'эрӣ вāмуд'апкӣва пуртатпи училӘрэн. Урāрэн. Урāмӣ, вāмуд'эпкӣ тулңӯшинэн, шуптідāви. Тулңӯд'энэ, пэктірӘвӯнми гад'апкӣ. ПэктірӘвӯндӯн хуркӘкӘн чикӘнэн — улачā. Тулңӯд'энэ амашкӣви пэктірӘнэн, пишкабд'ан. Утішка нэкӯнин д'ӯви даҕамāллэкин, пэктірӘнэн. Вāрэн тāдӯ.

20. Д'эйэрэк

Ганалчӣл биңэшӣтін, ХэвэкӘ чāгӣдāдукин шамāшэл бичӘтін. ХэвэкӘдук эвэшкӣ нимцакāрвэ шāллӘ. Шэушилд'и шээнчэд'эрэн, мэлкэн бинэ. ТӘлӣ шамāшэл д'элум эвэнкӣлвэ д'эвд'эвкӣл бичӘтін, ōмӣлватін. Ōмӣн аран-аран ичэвувкӣ, шамāн ичэвкӣ. Нонон булӘшэлвэр ōмӣлватін д'эбд'эвкӣл бичӘтін.

ЧичэкӘ шамāн бичӘн, тāдук Д'ээйкӘ — атіркāн-шамāн, н'āн Д'эйэрэк — Арчамка ашӣн, Апчэда хутӘн. «Арчамка — Пачакӣ хутэн, Кешмадӯ бид'эчӘн».

Упкат этіркӘр Д'эйэрэкпэ шāчāтін. ШэвэнчэчӘн, ургэ ōкāйӣм. Куңакāн хукитэдӯн балдīлңашин бид'эпкӣ. Тāри эвэнкӣл гунд'эрэ Д'эйэрэкпэ:

— Хутэв бумуд'эрэн.

Д'эйэрэк гунд'эрэн:

— Би ōн дōчӣ шэвэнчэд'эм?

Эвэнкӣ гунд'эрэн:

— Хутэв буд'эн, эшикиш шэвэнчэд'эрэ. Химāт шэвэнчэкэл! Балдīдалāн этӭн алāттэ — буд'эн. Буддэкин, шээшэлд'ийи этӭнни боконо. Ӊēвилвэ истакин, этӭнни боконо, этӭнни абгарāнэ.

Тӭрӣ Д'эйэрэк хивилд'эн, шэвэнчэллэн, дōчӣ бинэ. Айӣӊачилд'эн шэушэлд'ийи. Шэвэнчэлд'эн, хукитэдукин куӊакāнмэ эдīдӯви шээшэлд'ийи нӭд'эн. Д'эйэрэк хукитэйи āчин ōча. Куӊакāнмэ «хэ-эк!» гуннэ, эдīдӯйи нӭрэн, гашишинан. Эдīвӭн ичэшинд'эрэ, дōчӣ ōдан. Д'эйэрэк бушшэд'эрӣвэ айӣӊачилд'ан. Бумуд'эрӣ абгарāллан. Этэдэлӭн, эдīн дōчӣ бичӭн. Бушшэд'эрӣ тімāннэ айа ōдан. Гиркукталд'ан унэмэмэ, этэксӭ бумуд'эмӣ. Д'эптілӭйи д'эвуллэн айат. Д'эйэрэк эӊнэкӭнмэ локопкӣ, тōргāйэ локопкӣ.

Арчамкадук, этэд'эмӣ шэвэнчэд'эмӣ, хутэйи гавкӣ. Дōчӣ ōвкӣ. Толко Д'эйэрэк балдīмӣ, моӊнорōпкӣ. Хэгдікӭкӯр ōран моӊнор — хэӊкэйэ эвкӣ тīллэ. Шукупкӣл шэвэшэл. Д'ӯрвэ хутэлвэн портірэ: ге Н'урик, ге — Хагданчā; д'ӯр моӊнор ōчāл. Тāдук Д'эйэрэк этэрэн д'уӊӭлдīд'эмӣ, этэрэн дōчӣ бимӣ, шэвэнчэд'энэ.

21. Йургині

Ганалчӣл бичӭтін. Бэйэ бичӭн сōниӊӣтін Йургині. Нуӊан эрйӭлӭ цэнэрэн д'иділдулӭ биралӣ Йэрэмэлӣ. Чāӊит эсӣлэ тӭрулдīрэ ганачӣлдāвэр, вāлдīлдāвэр. Йургӣні мӭнӭллэн тӭрудӯви. Эмэллэ чāӊит Ошикир. Нуӊан Ошикирнун булӭнд'эрэн, ганачӣлдāви. Нэкӯнӣн бисин Йургӣніӊи Лэпкэнчӭ. Тӭрудӯвар эмэллэ. Лэпкэнчӭ эмэвуллэн эсилэ дāлви, кӭлӭрэн нуӊан.

— Минду бэлэнӭкэллу!

Ошикир кӭлӭрэ н'āн дāлвэр, бэлэӊӭнӭрэ Хикчиӊӭвэ. Эмэрэ тӭрулāвэр. Йургӣні д'ӯдӯн эмэллэ. Сōниӊкāкӯн Йургӣні тāрӭ. Дāллэ. Эсӣлэ тэӊэрэ, гӯллэ. Йургинівэ ханӊӯкталла Ошикир:

— Кэ, ӭд'āнни, асӣви бӯд'энни?

Йургӣнікӭкӯн уӊурӭкӭкӯндӯ илитчана гунд'эн:

— Бӯд'эм-ӊу, ӭд'ам-ӊу? Этӭм бӯрэ! Сӭксэлвэтін хултэрэ.

Тāдук-тā гарпачӣллан Ошикӣрва. Ошикӣр нуӊанмāн гарпара, бэрвӭн пэлпэс дулкакӣнма, сиварӣкāкӯнд'и н'урит. Дулкāкин капургаран. Йургинівэ вāрэ. Нэкӯнин эсӣлэ ганачӣллан нуӊарнунтін. Лэпкӭнчӭ тари умнӭ гарпаран. Элӭ н'урилтін бурурэ тігдэӊэчин Лэпкӭнчӭ сэллидӯн. Эсӣ-вэл Лэпкэнчӭвэ эрӣллэ:

— Лэпкӭнчӭ! Миті дāтэмāткāт!

Лэпкӭнчӭ тар туксакāкӯттэн эсӣлэ. Дāлдулӣви цэнэрэн. Тāдук дāлин н'āн гарпатта Лэпкӭнчӭвэ. Лэпкӭнчӭ йӯрэн, туксаран лупумнэк бэйэлвэ. Бэйэл тар нуӊанмāн асанчӯкана, гарпатчанал

нуңанмāн. Тāлāвэр суптивра. Тарйāлā туксасинан век тар Лэпкэнчэ. Асй илитчаран тарйāлā, котово д'авӯчад'аран. Асйлй туксаран тāлйвар. Кототпи тарāвэ сукэдэрэн. Асй тāри н'урилвāн сэллэлӯндукин гасйтчаран, чуптумдāтин. Буруттэ. Лэпкэнчэ тар туксасинан.

Ошикир асāмкāкӯр эмэрэ Лэпкэнчэлэ. Лэпкэнчэ туксачā, хуңтудӯ дуннэдӯ очā. Дāлдулāн эмэрэ.

— Йлэ Лэпкэнчэ? — ханцӯктара.

— Сучаврав нуңанмāн.

Д'āлдулāвэр ңэнӯсинэ. Тэŋэмйнэн Лэпкэнчэ акйнми ичэнэсинэн вāнэватин. Сукэчэл Йургинивэ хумтэлд'и. Сукэнэвэтин кукчудӯн хуллан нэмнин н'экэрэн. Нэрэн, хоронйран мбдӯ.

Бисин тāдӯ д'ӯдӯйи дигинмэ тирганйл. Эсй-вэл Лэпкэнчэ акйндулйви бэййсинэн. Ӯд'алйтин ңэнэмнэл сурурэн. Дулиндӯ асāлвэ арчаран, д'ӯрвэ. Суруврэн д'ӯлāви, акйндулйн уңнэ; гēва эмэмнэвэн асйлāрэн; гēва д'алдӯви бӯрэн. Тар эсйлэ айарāлдīра Ошикйрнун.

22. Йургини

Н'āн шōницкāкӯн Йургини бичэн. Н'āн эвэнкйвэ вāчā. Н'āн урйлдīрэ Лоцкоŋочин. Тарє булэшэлин д'ӯр бичэл. Йургини эвэнкйлдулй тикӯнд'аран — ашйлāд'эвāн вāчāл.

Урйлдīрэ, матацйлла. Йургини хунāд'ин бишин — хутэн ашй очā. Йургини хутэви хипкӯрэн, улэкчимэт вāдāвэр. Булэшэлин гатактакāкӯр — шāрэ. Йургини илгэд'эрэн, гунд'эрэң:

— Минэ вāд'аңāтин.

Шониңма шāрэн, хутэви гӯнэн:

— Нуңанмāн эдīмэчикэл! Улэкчишшэŋōт, вāдāвэр.

Йургини хунāд'ңин нимэŋӯллэн омолгйлдулэ. Бэйэвэ эдīмэчиллэн. Илмакта бэйэ д'āлдāрэн ашйлāдāви. Ашйлāмуллэн. Этэрэн ңэлӯтчэми, гӯннэ:

— Ашйлāд'эм.

Горо улэкчибд'энэ дōŋйдā алабд'аран. Тар илмакта бэйэ ашйлāрэн. Ашййи д'ӯлā хаңйран. Ашй тар д'ӯлāйи эдīйэви эмэврэн. Йургини хипкучэ хутэйи.

Тирга тилэмэчйллэ эдīнунми. Йургини орорви оношлōвкōнэн, тилэмэчйллэкин. Илмактал бичэтин д'ӯрвй. Гēва гӯнэн:

— Оноштовōт д'ӯктэ, вāдāйи гēва!

Тари ашйлāд'эпкй эчэ мэдӯчэрэ, эчэ ңэлӯтчэрэ, почем знат, гиркй вад'эн. Йургини ашйн д'ӯдукпи хутэлви йӯвӯттэн тулйшкй. Хунāд'иңйтин тилэмэтчэвкй. Йургини хутэн хуйукӯкэн. Тарє хунāт гӯнэн куңакāнмэ:

— Орорво ичэнэкэл!

Йургини ашйн гӯнэн:

— Орорво горово оношинан! Ēкӯн эрбэн оношинан?

Йургинı ашӣн д'ӯдукви йӯрэн. Йургинı онод'оҷōдук тукшамалчачā д'ӯви, тıлэмэ̄тчэ̄лтıкӣ, вāдāйи. Йургинı ашӣн хутэйи тулӣлэ̄ гулэ̄кэ̄нэн:

— Н'амāсэл эмэчэ̄л. Ширилд'аҷāш! Ēва тэҷэтчэнни?

Э̄дӯ хунāт дıлви тıлāд'эмнин, лэпэр ōран тулӣски. Бэйэ хэҷӯрэн, ашӣви кормєдукин д'аваран. Йургинı уркэдӯви тэҷэтчэчэн, тулӣлэ̄ тıгӣтчэчэ̄н. Хутэви кормєван пуртатни хōгран. Таркāкӯн бэйэвэ бэйучӣллэн д'ӯдӯви. Бэйэ тари н'урилвэ̄н тэвэнӣллэн. Йургинı тар бэйэвэ д'ӯдӯ вāрэн. Туҷи улэ̄кчимэт вāрэн.

23. Нургэ̄вул, чаҷитıл

Бичāн бэйэ Нургэвул, бичāтıн д'ӯр асāлин, хутэлин-бэйэл д'апкун бичэ̄тıн. Долбо нуҷандулāн эмэрэ чаҷитıл, д'ӯвāн мурэ̄лӣ эрэлӣснэ, тāдук бэрилд'ӣвэр мэдэвкāчиллэ, Нургэвул йӯдāн. Тар хутэлин йӯвэ̄чиллэ. Чаҷитıл нуҷарватıн упкатватıн вāрэ. Чаҷитıл, вāксāл, гумэ̄чӣллэ:

— Мӣт Нургэ̄вулвэ вāрэн.

Умӯкэ̄н чаҷит гӯнэн:

— Вāрэп-кӯ, ēрап-кӯ; би ичэчэ̄в эрйэ̄кэ̄клā н'уриктэтви нāлбэрōчāн нуҷанмама.

Тāдук таҷна хутэлвāн, элэ нуҷартıн д'апкун, амӣнтıн туксачā. Тар чаҷитıл соҷолло.

Тар Нургэвул д'алви бакаран, тāдук чаҷитıлва ҷэнчэсӣнэн. Бакара аҷидӯ оронмотıн, тэпутсэ, нуҷанмāн д'эвдэ̄вэр. Тар оронми бэйэ онод'оно, ичэрэн Нургэвулва. Тāдук д'ӯлāви туксāнэн. Д'ӯлāви эмэксэ̄, улгучэ̄ллэ̄н:

— Чаҷитıлва ичэчэ̄ бисим. Нургэвулмэмэ чāскāкӣ н'уриктэтви н'албулāд'ачāн.

Бэйэл итıгалла нуҷарватıн тıгичӣлдāвэр. Тар бэйэ гӯнэн:

— Би горокōкӯндӯ ичэчэ̄в, этāрэ амакāн эмэрэ. Мит эсӣткэ̄н д'эпилгэ̄т!

Бэйэл тар нуҷанмāн тэд'āрэ, д'эпиллэ умӯкэ̄ндӯ д'ӯду. Д'эпилчэ̄лэ̄тıн чаҷитıл эмэнчэрэ. Д'эпчэрӣлвэ нэмкичӣллэ. Тар упкатва вāрэ.

Нургэвул тāдук эмӯкин сурурэн. Тар дıҷин д'āр бэйэл нуҷанмāн бакара д'олоҷдӯ āд'эрӣва. Упкат итıлāрэ бэрилвэр, тāдук гӯнэ:

— Тэд'э̄ввāт, ҷāлумэ!

Туҷи гунэктıн-нун, Нургэвул илмалчаран. Эчэ̄л ичэмэ̄ттэ д'олоҷдулӣ туксад'арӣва. Нэмкичӣллэ, туҷи-дэ̄ албара. Тар самāсэлд'и нуҷанмāн гэлэ̄ктэллэ, нуҷанмāн бирадӯ бакара. Тар бэйэлвэ уҷнэ, вāнāдāтıн. Бэйэл эмэрэ, ичэрэ — д'олоҷ упкачин йакӣвчā; хэйэсэлнун кусид'āкин, нуҷан бучэ̄. Тар эмэврэ бучāвэ д'ӯлā. Бэйэл гӯнэ:

— Тэлгэткэллу нуҷанмāн? Ичэвэ̄т авадı бинэ таргачин сō бичэ̄н.

Тāдук нуңанмāн тэлгэттэ, нунанңилин бичэ̄тін д'ӯр сэлэмэлин. тадук улэ̄рэ, каландутін эчэ̄ таңилкāнэмāттэ.

24. Олувул, Нургэ̄вул

Нонопті хōниң Олувул, Нургэвул биңкӣн. Олувул бичэ̄н э̄дӯ, Нургэвул — Лимтідӯ. Гарпатмāтчэнэл, н'урилвэ д'аваңкӣтін.

Олувул, нонoптіл хулиңэл биңэсӣтін, бид'эчэ̄н. Олувул кэтэвэ бэйэлвэ вāчā. Нуңанмāн кэтэрэ̄ д'аваңкӣтін, Олувул д'ӯлāви туксактаңкӣн. Олувул ӯд'алӣтін бэйэлвэ асаңкӣн. Олувул атіркāнин. Тарāвэ нулгивкэ̄нэн н'урйа āчӣнд'и. Нулгихичэ̄. Бэйэл Олувулва вāмучāл. Нулгихинэ; урэвэ хоролихинэ, мучуксāл. Энӣнтін эрӣрэн:

— Ӣкэл д'ӯлāв!

Этіркэ̄н ӣрэн. Омолгӣлин илан. Хутэл гӯнэ:

— Амāкā эмэрэн. Ороно тэпукэллу!

Умӯкāн омолгӣ лэпурōран, оронмо тэпурэн. Энӣнтін этіркэ̄ндӯ орон уллэвэ̄н бӯрэн. Олувул гӯнэн:

— Ēдā ңэ̄лэрэс минд'и?

Айӯвуксā, гӯнэн:

— Мōлайи оҕолӣктэ!

Омолгӣлин гӯнэ:

— Кэ!

Олувул хōгд'аран. Омолгӣ, эллунмэ михиниксэ̄, илкэрэн бэркэ̄нмэ, Олувулва вāдāвэр. Хухӣллалва итігāра, гарпадāвэр итігāра. Дулуҕӯ омолгӣн гунд'эрэн:

— Би нāвкāнд'эм, ōннāкэ.

— Кэ!

Омолгӣ гарпаран хукитэлӣн, эчэ̄ нāрэ. Олувул хоктолӣ туксахинан. Омолгӣл тундралā ӣчэл, ичэд'эрэ — Олувул мōтігачӣн тӯксад'аран. Боконӣлла, Олувулва хоролӣхина. Олувул тэҕэрэн, гӯнэн:

— Омолгил, би хундулэ̄ айат эмэчэм. Минңивэ тірганӣңмам хокорилӣллас. Ēва гарпамус, гарпакаллу!

Омолгӣл хикэмэ̄дӯн гарпара. Эчэ̄л вāрэ. Нуңан гӯнэн:

— Омолгӣл пустикаллу атіркāнмэ миндулэ̄.

Пустирэ. Олувул гӯнэн:

— Гарпалватін хикэ̄ндукив урӣкэл. Минңивэ н'урвэ хаңахилдулӣв аркидāйи!

Гуннэлӣн ōран. Тэ̄лӣ мэкчэрэчэ̄. Мэкчэрэкин, иланӣва гарпавӯрватін омолгӣлдӯ бӯрэн амаскӣ, «ōм», гӯнэ.

— Эн'э̄кэ̄, экэл ңэ̄лэттэ, хинэ этэ̄рэв вāрэ.

Атіркāн омолгӣлдулā хурурэн, дэткэ̄ртікӣ. Нуңарнунтін нэлкинӣвэ, д'уганӣва-дā гиркуран. Ӣдӯ-вал ибд'эрилин бичэ̄тін. Тāдук тарилдулā эмукин хурурэн. Омолгӣл — Лимтілэ̄. Хэгді дэт бид'эрэн. Тариптідук тар дэтвэ Олувул дэтін гунӣвкӣл, биракāн Дэткэ̄н дэрэндӯн.

25. Ӯрӕн

Этіркӕн бичӕ. Хутӕн бичӕ ахӕчӕ. Хутӕн балдӣмакта бичӕ. Тар этіркӕн хутӕн ганалчӕлтікӕ хуручӕ. Тӑдӯ вӑчӑл тар бӕйӕ хутӕвӕн. Хӑцітіи Ӯрӕн вӑчӑ. Ахӕвӑн гӕнӕчӕ ахӕйави. Этіркӕн тар д'айастӑ хутӕви калан хӕргӕдӕлӕй. Ӯрӕн эмӕчӕ, ахӕва гачӑ. Хутӕйӕн албачӑ гӕлӕктӕд'ӕмӕ. Этіркӕн гӯлчӕ:

— Ӑшӕн хутӕйӕ.

Тар хурувчӕ ахӕвӑн. Тар этіркӕн хутӕйи алаҕӯлчӑ, ганашӕлдан, вӑшилдӑн ганалчӕлва. Татілчӑ тарицмӕ, гӯлчӕ:

— Хурукӕл энӕнми гӕлнӕскӕл!

Тариӈӕн гӕнӕхичӕ. Эрудіҕӕлви тӕтігӕлви тӕтчӕ, айадіҕӕлви тӕтігӕлви, бӕримӕкӕкӯрви мӕннунми гачӑ. Хуручӕ.

Эмӕчӕ, д'ӯлӑ ӕчӕ, энӕнми д'ӯтӑд'арӕлӑн. Кӕтӕ д'ӯл бичӕл тӑдӯ, ганалчӕкӑкӯр. Ӯрӕн гӯчӕ:

— Чайиӈнӑкал!

Чайник хуйӯлдӕлӕн эвӕлчӕл хутӕлнунтін. Эвӕлчӕ, ганаткӑчӕлчӑ. Ирӕктӕкӕшӕнмӕ маначӑ дуҕӕдукин тӕҕӕрдулӕн. Гӕл куӈакӑр эшӕл нӑвкӑнӕ. Н'ӑн д'ӯлӑйи исшӑ. Тӑдӯк чӑтілчӑ. Чӑтід'ана остол хӕргӕдӕлӕн микчахичӑ, гӯнӕ:

— Эр-гу бид'ӕнни, амӕнмав вӑд'ӕвкӕ?

Ӯрӕн пуртатии нӧдӑнчанчӑ. Тар адаҕапчӑ. Тӑдук ахачӑл нуӈанмӑн, ганатчанал, ганатчанал. Тар тӕтіҕӕлви исчӑ. Ганатчӑ, Ӯрӕнмӕ вӑтчӑ. Ӯрӕнмӕ вӑкӑйӕм, энӕнми хурупчӕ. Тар амӑкӑлӑйи ихипчӑ. Искӑним, гӯнӕн:

— Эр ӗкӯн гиркуд'авкӕ?

Амӑкӑн гӯнӕн:

— Экӕл туҕ гӯнӕ!

Тар гӯнӕкин, тар куӈакӑн гӯчӕ:

— Би ӕчӕв нуӈардуктін цӧлӕллӕ.

Тадук хомӧтіва бакачӑ. Хормєтви торогод'оно ахакталчӑ. Тариӈӕн кахитчӑ калтакӑвӑн олдонмӧп. Тар куӈакӑн тар олдонми ичӕчӕ. Йчэкӕйим, хомӧтіӈми хӧцйсчӑ. Калтакӑвӑн халганмӑн хӧцйсчӑ. Тар хомӧтіӈин бучӕ. Тар куӈакӑн амӑкӑлӑйи мучӯхичӑ, калтакӑ ӑчин бинӕ. Тар амӑкӑн ичэчйлчэ тар куӈакӑнмӕ. Тар куӈакӑн д'ӯр мӕвачй бичӕ. Тар куӈакӑн мӕварин иӈукӑкӯр бичӕтін д'ӯрй. Амӑкӑн аййчйлчӑ, нимӈанд'ана. Тариӈин айчӑ, Тар куӈакӑн амӑкӑйи, айдакин, н'ӑн хуручӕ. Тар ӈэнэд'ӕчӕн. д'ӯр мӧтілва хойдулй діцнйлӕнд'ӕрйлвӕ ичэчӕ. Тариӈйлви ахахичӑ. Ахад'ана, гӕва вӑчӑ. Вӑкӑним, амӑкӑлӑйи ирӯхичӑ. Амӑкӑн гулчӕ: «Хӧмайу бихинді!».

26. Ӯрӕн, Уцкӕвул

Ӯрӕн бичӕн, бӕйӕ хӧниӈ бичӕн. Гарпавкйл нуӈанмӑн — эвкйл вӑрӕ. Адаавкй, гарпарактін. Нуӈан бӕйӕлбӕ вӑвкй, нуӈанмӑн эвкйл. Урӕн туҕи гӯнӕн:

— Бәйә хөниң Уңкәвул бихин, би нуңандулән хуруд'әм — гүнән.

Урән хурурән Уңкәвулдулә, илалдалӣ истан, Уңкәвул д'үлән истан. Ирән. Уңкәвул, ичәмӣ, гүнән:

— Ёкүма бәйә бихинді?

— Би бәйә бихим — Урән.

— Е-е, — гунән, — хө бәйә бихинді. Ёдан-ка хагдачәлән әмәнді? Илмакта биңәхйв, әвӣмчәлті. Ёдә әчәс әмәрә, илмакта биңәхйв?

Уңкәвул цоним н'уриктәлви игдід'әрән. Урән әдүвәр аксаран, Уңкәвулдук аксаран. Аксакәним, Уңкәвулвә игдід'әрйвә гарпаран. Уңкәвул әчә успәййа н'урви гамӣ, адаҕаран. Үрән урәрән, әчә вәрә. Адаҕакәним, тулискӣ йүрән. Тулйлә Үрән ахаран, ганачйлдан, Уңкәвул адагүлдан. Албад'авкӣ гарпатчамӣ. Эргәчйндү хәмәй мөдү учихинмүрән н'уриктән, тәдүвар таҕавран. Тәдү Үрән нуңанмән вәрән. Уңкәвул гүнән:

— Ирәктәкәндук таҕавум, тәдук вәнді.

Үрән амаскӣйи д'үләйи хурурән, хөматтіва вәкәним. Уңкәвул д'алин тілдә, Уңкәвул вәнәвән. Д'үр бәйә гүнә.

— Кә, Үрәнмә вәнәҕәт!

— Э-э, — гунә д'алтін, — Үрәнмә этәс вәрә — хө бәйә.

— Э-э! — гунә, — хәмәнмәр нимңәнмукәд'аңәт!

Хамән нимңәнан. Нимңәкәним, гүнән:

— Хуруд'әп иланӣ. Д'үн әвгӣдәдүн әнңәтчәңәт. Тімәтнә унә гёҕи мө дуҕәдүн дөд'аңан, әрә гёҕива вад'аңәхун. Вәмӣ, урәлдулә хурукәлду. Әмӣ вәрә, әкәлдә хурурә. Тари маййнєн.

Тар хурурә. Урә әвгӣдәдүн гёҕи дөран. Хуракивән гарпакәйим, капура. Үрән д'үлән баргӣлә бирайава сурурә.

Тімәтнә унәмәмә мүңтән бичән. Бәрилд'ивәр ийәтәнәл, дәҕихинә. Дәгрә. Әрйлвә Урән ичәттән, гүнән:

— Бәйур илан дәгрә. Әхйкәкән мүңтән ачин ӧдакин, хуруд'әм.

Бәйәңми гүнән:

— Гиркӣ, мүләкәл!

Мүләд'әнә, тар иланма бәйәвә бирадү бакаран, дікәнчәд'әрйвә. Эри бәйәвә д'авара. «Әкәл улгучәнә», — гүнә. Тар бәйә әмәрән, мүвә эмәмнә. Тар Үрән гүнән:

— Ёдә-кә хәкчәс, әрупчү ӧран?

Тар бәйә гүнән:

— Хүкитәв әнүд'әрән.

Тар Үрән тулйлә д'әвулдән. Д'әвд'әрйвә тар бәйәл, н'урмакәним, гарпара. Үрән адаҕаран. Адаакәним, мәнциви бәйәви әчә бакара. Хуңтувә хамәнмә бакаран. Гунд'әнә: «Әр амцатпи д'әвд'әркәс!», — гарпаран. Амцан дөлйн гарпаран. Хамән буддән. Гарпадәви н'әкәллән, бәрин капургаран. Тәдук туксахйнан цәләлдән, бәрйә ачин өмӣ. Туксахйнакин, д'үр бәйә ахахина. Ахад'ана, пуртатпи амаскйви нөдәпчаран. Гё бәйә ахахинан.

Ӯрэн туксад'ана, бирайӓлӓ, моцоктулӓ тургаран. Нэцирӣвэ такэнмэ туктīрэн, бирайа д'апкадӯп микчӓнд'энэ, лэвэрэн. Хамӓндӯн мэнд'идӯн гарпаран. Ӯрэндулэ тар бэйэл дӓгрэ. Ӯрэн, дӓгрэктин, гӯнэн:

— Этэс вӓрэ бид'эрӣвэв. Ехалвав далдӓкэлдэ!

Далда. Далдакӓним, вӓрэ нуцанмӓн. Ӯрэн буддэн. Мэнмэн тэлгэттэ — д'ӯр мэванин. Умӓнмӓн чара, халганмӓн ӗрӯктара. Умӓнин йэпу, эчэ нушпай бихи. Амаскӣ хурурэ, амӣндулӓн. Этīркэн бид'эрэн, бэйэткэнмэ каланд'и дастан. Амӣнтикӣн гӯнэ:

— Эркэн-дэ бэйцэвэ вӓрэв. Ӯрэнмэ вӓнӓрэв. Ӯмӓнмӓн ӗрӯктарав — йэпу.

— Э, — амӣнин тӓгрэн тӓдӯ. — Э, кэтэлбэ тэрэлбэ иргӣтчэнкин, бултӓд'энэ, тарит йэпӯллэн.

Тар хурурэ тарил бэйэл д'ӯлӓвэр амаскӣ. Тӓдук гӯнэ амӣнтикӣн:

— Д'улэскӣ мундулэ эмэцнэтиц! Бу илкэнд'эцэвун дундэвэ. Тарӓ ӯд'анал, эмэд'эцэтин.

Хуручэлэтин, Ӯрэн амӣнӣн хутэвэн иргичӣлдэн. Тари Ӯрэн хутэн бултавкӣ ӧдан. Амӓкӓн хутэви татигӓтчана, лукилд'и мукутилд'и гарпачӣвкӣ, хутэн адаҷавувкӣ. Адаҷан ӧдан. Ӧлгӓмнэ гарпавкӣ, тар адаҷавкӣ. Хутэн тар хувулви эвицвкӣ, Ӯрэн эвид'экилдулӣ.

— Элэлӣ, амӣнми урэд'эрэн, малɛнкэ ессэ луче, — гунд'эрэн: — Ӓмӣндукви хэлэкэ.

Хутэн умнэ гӯнэн:

— Би ӗдук балдīчӓв?

Амӓкӓ гӯнэн:

— Миндук балдīчӓс!

Хутэн гӯнэн:

— Ӧн-ка хиндук балдīчӓв? Хи хагди хӧ! Эр-кэ хоктолӣ ӯд'алдулӣ илкэхэл бивкӣл. Эр ӗкӯр н'экэчэтин?

Амӣкӓн гӯнэн:

— Минцил илмакта бицэхиви н'экэнэлби.

Тар хутэн эчэ тэд'эрэ:

— Имэкир бивкӣл! Хи миндӯ улгучэкэл!

Тар улгучэнэн амӓкӓн:

Амӣнмас вачӓтин, энӣнмэс хурувчэтин бэйэл.

Тӓдук гӯнэн:

— О-о! Би нуцардулӓтин хуруктэ!

Хутэн хурумуллакин, амӓкӓн гӯнэн:

— Экэл хурурэ — кэтэ бэйэл, дигин д'ӓр.

Хурурэн тар куцакӓн, амӓкӓн албаран эмэпмукэнд'эмӣ. Туг-дэ хурурэн.

— Хутэ-бэйэ, — гӯнэн, — дундэ дулиндӯн тавин бид'эрэн. Тӓдӯ н'урилайи, бэрилэйи ӧвкӓкэл! Хэлэдийэйи ӧвкӓкэл!

Хурурэн тар куцакӓн тавинма истан.

— Кэ, амӓкӓ, д'эвдэс, бултакта! Си н'урилэв ӧкал!

Тар тавиҥ гӯнэн:

— Кэтэ — диҷин д'ӑр бэйэл бид'эрэ. Тарил бэйэлбэ таҥна экэл!

Диҷин д'ӑрвэ н'урвэ ӧран, этэрэн. Тар хурурэн омолгӣ. Истан д'ӯлӑ — кэтэкэкӯн — диҷин д'ӑр д'ӯл бид'эрэ. Н'урилби д'айаран тӑлӑ. Укэҥ удурӯдукин н'урйави ӧран, бэрйэви эрӯпчувэ ӧран. Мэнциви д'айаран. Тӑдук д'ӯлдулӑ хурурэн. Тӑдӯ умӯкэн д'ӯ бихин, айапчумама, хэгдымэмэ. Тарӑ уркэлэн истан. Уркэдӯ бэрви нэрэн, мэнин йрэн. Йрэкин, умӯн ахӣ бид'эрэн. Эр ахӣ д'экэнчэрэн, йрэкин. Тэҷэрэн. Тэҷэтчэрэн, баргӣдӑдӯн кэтэ бэйэл турэтчэрэ. Тулйскӣ йӯнэ, ичэттэн. Ичэттэкин, умӯкэн бэйэ эвэскӣ д'аврӑхинан. Дӑҷихинйксӑ, д'апкалӑн эмэрэн. Д'ӯлӑви эмэксэ, бэрвэн ичэрэн.

— Эбэй! Ёкӯн бэйэн эмэрэн? Эбэй! — эри бэрилвэн ичэкэйим, гӯнэн.

Тӑдук йрэн д'ӯлӑн, малудӯ, баргӣдӑдӯн тэҷэтчэрэн куҥакӑн. Тар куҥакӑнмэ гӯнэн:

— Йдук гиркуд'анниҷ?

— Би, — гӯнэн: — аҥад'акан бихим.

— Ёва д'эбд'эндi? Д'эбдэн, эҥпэкэн халгакӑнмӑн гэннэкэл!

Халгакӑнмӑн куҥакӑн гэннэрэн, хэдн'эвэ, нимдэвэ эмэврэн. Тарӑвэ тоҷодӯ хиларан, ирйлдэн. Куҥакӑн пуртайа ачин халгандӯ бичэн. Тари бэйэ хандӯктаран:

— Ёкӯси? Пуртаси?

— Ачин, — куҥакӑн гӯнэн.

Тар бэйэ луктуттан ҥонимма пуртава, гӯнэн:

— Эр пуртат д'эвкэл!

Улдэ ирчӑ ӧчӑ. Нимдэ эрӯпчу. Нимдэвэ михинэн, тариҥит хэкупчут ёхадун нӧдӑнчаран. Тари бэйэ нӑвкӑнэн ёхадӯн. Тар куҥакӑнмэ тар бэйэ пуртат гидалӑмӣ н'экэрэн. Куҥакӑн адаҷаран. Туксанан. Туксанакин, тар бэйэткэн тэпкэлдэн д'алби:

— Бэйэл эмэвсэл бихин!

Эмэрэ, куҥакӑнмэ ичэрэ. Эртикӣ дундэткӣ эмэд'эрэн, н'урилби цӑлйд'ана. Тар куҥакӑнмэ хувулйтин диҷин д'ӑр бэйэл ганачилда. Нуҥан бэритпи адагӯд'ана, н'урилбатин иктуд'апкӣ. Тари куҥакӑн ганачилдан. Д'ӑн н'урба тӣнэн — д'ӑн бэйэ бувкиҷ. Дигрэ гарпаран, упкатпар вӑрэн. Умӯкэнмэ хуларэн, хӧмава бэйэвэ. Тар куҥакӑн мэндулэви эмэрэн. Эмэкэним, гӯнэн:

— Д'уктэмэ эвиҷэт! Хи тӑдӯ бид'эндi, эдӯ ирэксэмэчиндӯ — би.

Тӑдук ганачилдан. Хэлэмэвэ имэндэлвэн ганаттан — тилкэнэн.

— Эриксэмэпуйэв хулакал! Экэл вӑрэ! — гӯнэн.

Тар куҥакӑн эчэ вӑрэ, энйнми хуруврэн, нулгихинэн д'ӯлӑви.

Тар куҥакӑн луҷу илалдава этэйэттэн, илалдали эмэрэн. Туҷ н'экэд'энэ, илйдӯтин тирганйдӯ бэйумйрэн. Эрэ хурурэкин, амардӯн эмэрэн.

Куҥакӑн тар долбо хактирӑдӯ эмэрэн. Эмэрэкин, энйнин уркэви аҥаран. Д'эвулдэкин, гарпаран. Тар куҥакӑн адаҷаран.

Эчэ вāрэ. Тар куцакāн илдан. Н'урилвāн туксанчана д'аваран тāдук гӯнэц;

— Эр тирганйдук хэлэд'эм, — гунд'энэ, — бп-дь? — тари бэйэ туксахинан, тāдук куцакāн ахахипан.

Боконон нуцанмāн, хогдондолйн гарпаран. Тар бэйэ буддэн. Тар куцакāн нулгихинэн. Амāкāйи иштан. Иштакин, амāкāн гӯнэн:

— Хō-дā бэйэ бихинди! Ӯрэнцэчин бэйэ бихинди! — н'āн гӯнэн: Умӯкэйэ дундэ ойодӯн н'эливсинчу! Эцпэкэл бэйустэ нуцарватин.

Тар хуркэкэн думайхилдан. «Ева н'экэд'эцэн?», — думайдан. Тари гупэн хуркэкэн:

— Би бира д'апкадӯн мачāлэвэ ичэчэв, урэрйвэ ēкӯнма-вал. Эцэн-мэл бид'эрэ, бид'энэн-мэл?

Тар хуркэкэн бирава ичэрэн. Бира д'апкадӯн эмэд'эрйвэ коцномово. Тарицми тигичйлдэн. Эмэрэкин, хунми луккāним, тэрэгэлдэн. Амāкā нуцанмāн охиттан. «Би нуцандукин ада-гад'ацāв», — гӯнэн. Тар эптилэн энӯрэн. Ичэчэ — эптэн ичэвӯлчэн. Тар н'ēмат д'ӯлāви туксахинча. Д'ӯйи искāйим, илара хоролихинан, тāдук буддэн мэнин.

Ӯрэнмэ кэтэ эвэнкйл улгучэнивкāл. Улгурйлтин хуцтумэкēр.

27. Ганалчйл

Бэйэл ганалчйнāчāл. Хуцтул бэйэл ахāлтин бичēл д'ӯрй. Ахāл д'айачāл бэйэцйлвэр, гӯчэл: «Эртикй хуручēл бэйэл тарил!» Д'авватин хацāтчāл. Āмут баргйскйн нуцйпчēл, гунд'энэл: «Хуручēл». Эмэд'эрйл гӯчэл: «Тарилва вад'инцāт!». Д'аврāхичāл, āмут дулиндӯн эйēчēл. Бучēл. Бэйэцйлвэр гӯчэл, д'айачāлвэ: «Тэгэкэллу! Бутчēл».

28. Дигēр

Дигēрдӯ эрӯпчул илэл бичēтин. Мелелел бичēтин. Д'авад'ара маутит мелелейэ, тāдук инд'эрййэ хигд'эрэ ойокбкōнмэ. Ирēксэрйктэвэн гад'ара. Тара тинд'эрэ, бэйунмэ н'арбакинма. Н'арбакин бэйун хуктилд'эн, тарил ин'элд'эрэ. Туг н'экэкэйэмйл, кэтэкēкӯнмэ бэйурвэ вāд'эрэ. Цинакиртин бисй, бургувкил. Цинакирва тэпутчэрэ нуцартин, гунд'энэл: «Иркицилвэр д'эвуллэн». Тāдукинин оллойо хинатчачāтин, Вāд'эрэ оллойо тар д'эвулд'эрэ инд'эрйвэ. Д'эпкэйимйл, нуцартин сиғиндулй усиндēд'эрэ, гунд'энэл: «Оллойо, олло бд'акал!». Гēдӯ анцанйдӯ хиннатчара. Оллол силавлāн бинэл, эмэд'эн сиғиндулēтин, хиннаватин эвкйл д'авад'ара. Тāдукинин гиркуливкил бэйунэвēлимйл. Бэйун бинэ н'āн хуктилд'эн, н'арбакин бинэ. Тāдукинин тар тэгэ манавран. Тар тэгэ Дигудӯ Катанцāдӯ бид'эцкин.

29. Эҕинкӭгир, Мӭкӭгир

Умӯн бирадӯ бичӭл Эҕинкӭҕирил. Тар бид'эрэктін эмэчӭл сӧма баран Мӭкӭгирил. Тар эмэксӭл, урӣнчӭл, урӣнчӭл д'улгӣдӭдӯтін. Тӓдук умӯн этіркӭчӭнмэ уҥӣлчӭл Эҕинкӭҕирилдулӭ, гунчӭл:

— Нонон сӯ д'алгалисун бӯ д'албун кусичӭл бичӭл. Тар кусӣксӭл, тітӭчӭл бичӭл умӯн асӣва. Тар тітӭнӭлӣвэр асӣлӣ буд'иҥӭсун-ҥӯ, этӭрэс-кӯ асӣйа? Мэдӭвкэллу мундӯ! — гунчӭл Мӭкӭгирил.

Тӓдӯ гунчӭл Эҕинкӭҕирил:

— Бӯ эсӣв сӓд'ара окӣптіва, сӯ гунэс мунтікӣ, бид'иҥӭн.

Тӓдӯ этіркӭн гунчӭ:

— Мӭкӭҕиҥи сӧма горо ӧдан, тарӣлдулӣ би куҥакӓн бичӭв, тӭлӣ тар гусиҥэсӣтін.

Тӓдӯ гунчӭл Эҕинкӭҕирил:

— Сӯ окӣптіва д'ончад'арас, бид'иҥӭн гороптілва. Бӯ эчӣв сӓд'ара тарилба.

Тӓдӯ гунчӭл Мӭкӭҕирил:

— Сӯ эчӭлӣсун сӓра, бӯ сӓрав!

Тӓдук гунчӭл Мӭкӭҕирил:

— Ӗмӣ-дӓ, гад'иҥӓвун асӣва! Бӯрэксун-ҥӯ, эсиксун-ҥу!

Тӓдӯ Эҕинкӭҕирил гунчӭл:

— Этӭрэв бӯрэ асӣва! Кусӣксӭл, кӗймӣ, вӓксӓл мунэвэ, гад'иҥӓсун!

Тӓдӯ Мӭкӭҕирил гунчӭл:

— Кусиҕӭт тімӣвті инэҥӣдӯ! Ӗмӣ-дӓ, сӯ-ҕӯ, бӯ-ҕӯ кӗйд'иҥӓт!

Тӓдӯ Эҕинкӭҕирил гунчӭл:

— Кэ, кусиҕӭт багар! Бӯ-дӭ эсив ҥӭлэрэ, мундӯ-дӭ бид'эрэ айал бэйэл, эҥэсӣл!

Тӓдук тар долбонӣдӯ Эҕинкӭҕирил бэйэтікӣн алӓҥӓлбар ӧчӓл бичӭл. Тӓдук тімӣнин, тэҕэксӭл, курева ӧчӓл бичӭл, тар курєва лупурэгэр гарпумӓттавэр н'урит.

Тӓдук кусӣллӣдӯвэр гӯмӭтчӭл бичӭл:

— Ҥӣ кейчӓ, этӭн сулад'ара ҥӣвэ-дӭ; сӯ-дӭ, кӗймӣ, эдӭвэр сулара, бӯ-дӭ, кӗймӣ, этӭрэв сулара! — гунчӭл Мӭкӭҕирил.

Тӓдук кусӣлчӭл бичӭл. Эҕинкӭҕирилдӯ д'ӯр сӧма сӧниҥил бичӭл. Тар гӗ бэйэ бичӭ аҥад'акӓн, атіркӓн омолгӣн. Тар атіркӓн нонон Мӭкӭҕирилдук кусӣксӭл тітӭнэтін бичӭ, Эҕинкӭҕирил. Тӓдук балдічӓ бичӭ эр омолгӣ. Тар кусӣрэктін, атіркӓн гунчӭ омолгӣткӣви:

— Экэл кусӣд'эрэ. Си сӓнни-дӭ — тар си д'ӓлли Мӭкӭҕирил!

Тар кусид'энэл Мӭкӭгирилбэ вӓчӓл бичӭл, сӧма баран бэйэвэ. Тӓдӯ гунчӭ атіркӓн омолгӣн, этэкӭнчэксӭ, доктомӣйа Мӭкӭҕирилбэ:

— Кэ, — гунчэ, Эҕинкӭҕирил сӧниҥитін.

Тӓдук этэкӭнчэчӭл курєва, д'ӯртін бинэл уҕийӭлӣ курєва. Атіркӓн омолгӣн тар тікчэнэ, гунчӭ:

— Би сунци бисим! Экэллу вāд'ара!

Мэ̄кэ̄ґирил гунчэ̄л:

— Митцӣ гē̄т эмэрэн. Экэллу вāра нӯцанман!

— Тавāр атіркāн омолгӣн, — гунчэ̄ этіркэ̄н Мэ̄кэ̄ґирци.

Мэ̄кэ̄ґирил гӯнэ:

— Гē̄ва вāґāт!

Сō̄ма баран угчучэ̄л гē̄ла бэйэлэ̄. Тар бэйэвэ д'авачāл иникинд'и, нуцанмāн усӣт эркэчэ̄л бичэ̄л. Тāдук курєва айӣксāл, эмэчэ̄л Эґинкэ̄ґирилдулэ̄. Тар эмэксэ̄л, вāчāл бичэ̄л упкал Эґинкэ̄ґирилбэ. Тар умӯн асӣва тітэ̄нэлӣтін сō̄ма баран бэйэвэ вāчāл. Мэ̄кэ̄ґирил бичэ̄л буруйа āчӣр.

30. Вāлдīкӣт

Бичāтін д'ӯр акӯнасал бэйэл. Гē̄ бичāн иничэ̄н. Тэ̄лӣ бичāн нэлкинӣ. Нуцартін д'ӯдӯвар бид'эрэ. Д'эпчэнэл, мэдэ̄рэ туцулӣрва, суґсинусāл эмэд'эрӣлвэ. Тар бэйэцил н'урилтін тулӣлā бичāтін. Тар эмэрэ н'урилдулāтін, гара н'урилватін, суруврэ. Тар бэйэл гӯнэ:

— Бурэп-дā эсӣлэ.

Тар сагдавӯ мундакāчӣллан, сэлэруктӯви нэ̄цӣллэн. Тāдӯ кирэктэ оцоктовō̄н бакаран, н'урӣави ō̄ран, нэкӯнтікӣйи гӯнэн:

— Кэ, эсӣлэ туксасӣнмāт!

Сагдавӯ ниннукāрвэ гаран, тарилд'и чинмāсиснан. Нэкӯнми гӯнэн:

— Эр си бирайава хитіскэл, эр бирайа хоґоркӣкāкӯн, тāдӯ хоґоркӣдӯ асанцӣва алāттāви! Би эркāндӯ, э̄дӯ-вэл тіґӣсчэлим кирэктэ оцоктод'ин.

Акӣндівӯ цē̄вӯрва циннукāнд'и чинмāсинэн. Д'улэ̄лāви ичэрэн умкактачӣва тāкэмӣкāкӯнма. Тар мундāрэн тāкэмӣ чаґӣдāткӣн чинмāндāви. Тар тāкэн хэргӣдāлāн чинмэ̄нэн, энэ иманнава хикӣснэ, тāкэн хэргӣдэ̄дӯн тіґисинэн. Амакāкāн биксэ̄, дō̄лдīран эмэд'эрӣвэ асанцӣва, гунд'энэ: «Эр авадīкӯн бэйэ бинэ̄н?». Тар эмэрэн чинмэ̄нд'āктулāн, мурāлӣ н'эцниниллэн, йдӯ-дэ̄ āчӣн чиммэ̄ктэ. Тар гӯнэн: «Эр тāкэн чāскӣн кэчā бинэ̄н?». Тāдук гиранчаран тāкэн ойолō̄н, тāкэн хэргӣґӣд'ин тікӣт хикāндулӣн нэмкирэн. Тар бэйэ гимдіс бурурэн.

Тар эсӣлэ н'урилвāн гаран, суксӣллалвāн тэттэн, хоґоркӣткӣкāкӯн хāллэн. Хоґоркӣва тэ̄лӣнцэ̄ иссан. Тар д'апканцāдук дō̄лдīран нэкӯнмэ̄н нэмкӣтчэривэ̄н: «Тас! Тас!». Тар сипкичӣллан. Ичэрэн нэкӯнми капутчā ирāмэвэ олгово гарава, тарит гарат н'урилва тєвāнд'эрэн, энэ-вэл адаґӯра. Тар д'алдӯви гӯнэн: «Эр-ті, нэкӯндукив этāнни ē̄мāтйэ гара». Алāттэн манадалāн н'урилви. Тар манаран н'урилви, умӯкэ̄н элэ хэлэрэн. Тар гӯнэн:

— Эр н'урив умӯкэ̄н хэлэрэн, эрит эсӣлэ синэ вāд'элим.

Тар нэкӯндӯви гӯнэн:

— Вāксō̄кал-дā, элэ̄в-дā ō̄ран!

Тікит элэ̄тви нэмкирэн, тарӣҥма̄н гараҥитви тэвэ̄рэн. Тар гӯнэн:

— Синҥил-да̄ бисиктін, ӗйав-да̄ эмчэ̄с гара.

Тар акӣндівӯ хогоркӣла сирунчэрэн, нэкӯндӯви бэрви бӯрэн, гунд'энэ:

— Кэ, си-да̄ нуҥаннунин гӗҕинкэл!

Тар бэйэ гӯнэн:

— Би-да̄ гараҥйави гакта!

Тар гарава гаран, итіла̄рэҥ гӯнэн:

— Кэ, нэмкичӣлкэл!

Тікит нуҥанма̄н нэмкирэн, нуҥан тэвэ̄ссэрэн-дэ, албаран — хика̄нин дулкакӣндулӣн лудупчаран.

Тар акӯнан бэйэл суҕсиллалватін гара, н'урилватін гара, д'ӯла̄вэр сурурэ. Д'ӯла̄вэр эмэллэ. Д'ӯтін лунид'аран. Сипкичӣлла, до̄лдіра турэ̄рвэ, этіркā̄н гунд'эрӣвэ̄н:

— Ӗла̄-кэ, о̄ра? Асумӣла ҥэнэд'эрэ а̄чӣр суҕсиллала.

Тар этіркā̄на бэйэл умӣрӣвэтін тэпӯтча̄л, ума̄рвэ га̄д'эрэ: «Паҕ, паҕ, паҕ». Тар бэйэл бӗлӣ ҥэнэрэ суҕсин'усал. Этіркā̄н, до̄лдімӣ, гӯнэн:

— Эмэд'эрэ-да̄!

Тар суҕсиллалвар лукӣкса̄л, уркэвэ нӣрэ. Этіркā̄н, ичэмӣ, йэ̄кэсинэн:

— Эр э̄дӯ эмэврэн! Тар бӯрэп эсӣлэ!

Эр этіркэ̄нмэ, атіркā̄нмэ ва̄рэ, кукнӣлва̄н асӣла̄рэ. Асӣла̄нэл биллэ.

31. Чаҥиткā̄кӯр

Урӣнчэд'эксэ̄л, нулгӣрэ діҕин д'а̄р д'ӯл, урӣнэ ва̄вд'а̄ктӯ. Урӣкӣт бичэ̄н кадаҕа̄ ойодӯн. Умӯкэ̄н ашӣ мавутви омҥорон. Тар асӣ н'эҥина̄снэн маутви амарӣндула̄вэр. Амарӣнмар исӣлмӣ, до̄лдіран сэвэнчэкэ̄кӯрвэ. Уҕучакви уйӣксэ̄, сипкитна̄снэн, ичэрэн — эмэча̄л сэвэнчэд'эммєр, д'ӯкӣйа̄лдӯтін діҕин д'а̄р илэл. Сэвэнчэрэ, сэвэнчэрэ, сӗраҥилватін хо̄ҥналка̄кӯтта. Тар асӣ хуктівд'эсӣнэн д'ӯлдула̄вэр. Эмэксэ̄, улгучэ̄ллэн:

— Чаҥитілва ичэчэ̄ бисим, тарба̄вэ.

Тара̄ асӣва эчэ̄л тэд'а̄рэ. Тарҥи асиҥи бэйэ акӣнӣн (инанӣн) бича̄н. Тар эдіви акӣнма̄н н'уриктэлвэ̄н чира̄ллэн, хаҕа̄д'энэка̄кӯн, гунд'энэ:

— Эрка̄кӯн н'уриктэ лалбука до̄йа̄дӯн н'албула̄д'асмачин.

Тарҥи бэйэҥи сэлэмэн мэдэ̄чиллэн. Тар бэйэ гаран хуркэ̄кэ̄нмэ гиркийэ̄ви, н'а̄руттула̄ олломосна. Бэрилвэр, н'урилвэр гара. Тар долбонӣ дулкакӣнма̄н до̄лдіра йа̄рэка̄кӯнматін. Тоҕоко̄нми каланд'иви сирэ̄н мӯт, эдэ̄н д'усэлэ̄рэ.

Умӯкэ̄н бэйэ д'ӯн бичэ̄н курукэ̄ка̄ка̄ндӯ. Та̄дук бэйэ лупуро̄ран малукла̄ви, малуптунми ландулбӯд'анака̄кӯн, хукэ̄лӣснэн кадаҕа̄лӣ, кэрэн биралӣ хуррэн, малуптунми эйэ̄кэ̄кӣ но̄да̄д'энэ.

Чаңитіл нэмкичӣллэ тіксавāн. Бира д'апкадӯн бисин сурудэлэ̄тін. Урӣлэ̄нмэ упкатвāн вāрэ. Кадаҷā дулӣклāн йāкчā бичāн, тар баргӣдāҷид'ин н'āн урӣнчэд'эчэ̄тін. Тарӣлва эчэ̄л ичэд'эрэ чаңитīл. Умӯкэ̄н этіркэ̄н, йӯд'энэ̄д'энэ, йэ̄кэчӣллэн:

— Ёгдат содомиңнас?

Тара этіркэ̄нмэ чаңитіл дōлдīра, тāлā-дā урӣлэндулэ̄ эмэрэ, упкатва вāрэ. Тар хурд'эчэ̄ бэйэ аракӯкāн йӯрэн мӯдук, олломōтчорӣлдулā ңэнэрэн, гиркӣлдулāви. Тар тіргаракин, дōлдīра — нулгӣсӣллэ, асāлвэтін сурувӯллэ. Соңокōкӯр ӣд'эвкӣл. Тар сурурэктін, эмэрэ д'ӯлдулāвэр олломомнӣл. Тар сурувучӣллэн, асастāвэр нуңарватін. Н'урилва тāвра бучэ̄лдук. Атіркāр улгучэ̄нэ нуңартікӣтін. Тар бэйэл асасна. Чаңитīл дэт дулиндӯн тāңэлчāл. Тар бэйэл д'улэ̄скӣтін ңэнэксэл, тіҷичӣллэ дэт д'апкадӯн. Тар чаңитіл хавасӣлла. Сагдавӯ гиркӣлви алавӯран:

— Самāнтін д'улэ̄вӯ бид'эңāн, иничэ̄сэ̄л самāн амардӯн бид'эңэ̄тін, айат нуңарватін вāссэкэллу!

Тар эмэд'эрэ чаңитіл. Нуңакклāтін дагамарактін, тікит самāнмэтін нэмкирэн сагдавӯ. Гӣл иничэ̄сэ̄лвэтін нэмкӣрэ. Умӯкэ̄нмэ иничэ̄нмэ адагад'арӣвāн тід'акӣлӣн нāвкāнэ. Хāлтін дэттулӣ туксакталла, нэмкичӣвд'энэл. Упкатва чаңитілва вāрэ, асāлвэр мучӯвӯсна. Умӯкэ̄н чаңит туксад'ана гӯнэн:

— Асāл, асāл, мучӯскаллу!

32. Асӣ, чаңит

Асӣ, чикэ̄ннэ̄д'энэ, ичэрэн чаңӣтпа. Чаңӣт ділви кичусинд'ачāн дуннэдӯ. Асӣ н'уриктэлвэ̄н исиллан, гӯнэн:

— Ёкӯн банмāктэ? Ёкӯн маңа?

Чаңӣттӯ, банмāктэдӯ чикэ̄нӣллэн. Асӣ, чаңӣтпа ичэрэн, ділвāн д'аваран. Тāдук тар асӣ матактīви гӯнэн:

— Чаңӣтпа ичэчэ̄ бисим. Умӯкэ̄ндулэ̄ д'ӯлāв д'увӯҷэ̄т хуллалвар.

Гē асӣ гӯнэн:

— Ёт упкатйа ичэчӣңнэс!

Тар асӣ асӣңилва хутэлвэ̄н āсинмӯран инмэкилдӯ. Энӣнтін д'ӯдӯви āсинэн.

Чаңӣтпа ичэд'эвкӣ асӣ хэгдімэмэйэ д'ӯйа ōчā. Дōдӯн хуллалвар нэ̄чэ̄. Мэ̄нэкэ̄н д'ӯви дōҷӣдāдӯн д'икӣллан унэкэ̄нд'и, сукэтэй бинэ. Чаңӣт эмэрэнгиркӣвэ̄н — матакпāн вāрэн. Тāдук гēлā д'ӯлā сурурэн. Д'ӯлāн ӣрэн, тоҷовōн хувӯллан. Асӣва эчэ̄н ичэттэ. Асӣ д'элум чаңӣтпа токтосӣнан. Чаңӣт йэ̄кэллэн: «Хулаңайик! Хулаңайик!». Тāдук āчин ōдан.

33. Асӣ

Асӣ тāкэндӯ чикэ̄нд'эрэн. Чаңӣт тāкэндулӣ угдусинчад'аран. Асӣ тар ділвāн исиллан, гӯнэн гиркӣткӣви:

— Асӣ, чаңӣтпа ичэчэ̄в! Сукэйи хивэдэ̄д'экэл!

Гē асӣ гӯнэн:

— Си-глэ ēдӯ ичэд'эңнэнни чаңӣтила! Этэм тэд'эрэ! Этэм хивэдэд'эрэ!

Асӣ тари хутэлви инмэкӣлдулӣви умңэрэн даранд'и. Хутэлви āсинмӯрэн, сомилбӯвран. Сурви хулладӯви āсинмуран, тоҕодӯйи д'ӯрвэ голокочор нэрэн, тоҕови д'апкадӯн.

Чаңӣт гēва, эвкӣвэ тэд'эрэ вākāним, чикэнд'эвкӣлэ эмэрэн. Тар тоҕовон хувӯллэн унэкэнд'и. Асӣ тар дилдулӣн сукэт токтосӣнан чаңӣтпа. Чаңӣт гӯнэн: «Хулаҕайик!».

Тимāтнэ тар асӣ чаңӣтпа йӯврэн тулискӣ. Омолгӣңӣлин д'ӯлāвэр эмэрэ. Асӣ тар гӯнэн:

— Асӣ тар, минэ эчэ тэд'эрэ, вāвчā.

Бэйэ тар асӣ гӯнэн:

— Си-кэ ēкӯн кēчакас? Эчэс вāврэ?

Бэйэ тар чаңитпа токторон, тоҕодӯ иларан. Асйдӯйи соңоллон.

34. Эвэнкӣ, чаңит

Бэйэ ашӣнан бид'эчэн. Гулэкэнтин бичэн уҕӣлэ, нурӣгэчӣн, чаңитилдук нэлэтчэмӣ. Бэйэ бэйӯмэшмӣ, ашӣн туктивӯнмэ уҕирӣвкӣ уҕилэви. Эмэрэкин, нодāвкӣ.

Умнэ бэйэ бэйӯмэшнэн. Цинакирин говолло мотīва. Нуңан ашашинан. Н'оллан, коколлолви нодāрэн, āвӯнми нодāрэн. Чаңит бакаран. Тэттэн. Ашӣткӣн тукшашинан. Ашӣлāн иштан, эрӣллэн:

Ашӣйэй, гиркӣйэй!
Туктивӯнмэ нодāкэл!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Ашӣн долдīран. Нэлэллэн хуңтупчэвэ дилганмāн. Икэллэн:

Этэм, этэм нодāрэ! Дилганни хуңтукэкӯн!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Чаңит икэллэн:

Гиркӣйэй, ашӣйай! Коколлови нодāд'эм!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!
Он-кā-кӯр-ка од'анни? Омнӣви ичэтчэнни!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Нодāрэн ашӣлā. Ашӣ ичэттэн. Тāгрэн коколлови, од'аналви. Хата эвкӣ тэд'эрэ, икэвки:

Ēдā-кэ туҕи дилганни?!
Бор-бо-лɛ!

Чаңит икэрэн:

Цинакирви ңачинд'амӣ, Авӯнми нодāд'элим!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!
Дилганми токорим. Айамамат тэд'эд'экэл!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!

Ашӣ тэд'ӭрэн, нӧдāрэн туктівӯнма. Чаңит туктішӣнэн, ин'эктэд'энэ:

— Ха-ха-ха! Ēдā эд'ӭм улӭкчид'эрэ ашӣкāкӯнма? — Ашӣткӣ гӯнэн. — Эшӣткӭн шинэ шурувд'элим д'ӯлāви, ашӣйави.

Ашӣ гӯнэн:

— Гакал упкатва идэҕӭлви. Минэ эмӭкэл!

Чаңит гӯнэн:

— Идэҕӭлвэс эчӭв гамуд'ара, би шинэ гамуд'ам.

Гаран, шуруврэн. Амакāн бэйэ эмэрэн. Эрӣллэн:

Ашӣйэн, гиркӣйэй!
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!

Туктівӯнми нӧдāкэл!
Бор-бо-лє!

Ашӣн āчӣн. Шимулӣ. Гēвран эрӣрэн, шоңошшод'оно:

Бунни-ҕӯ, ēнни-ҕӯ?
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!

Дэручӭкӭкӯн бишим!
Бор-бо-лє!

Āчӣн ēкӯн-дā. Туктівӯнма гēва ōран, туктīрэн. Ашӣн āчӣн. Д'агдава ханңӯктаран:

Д'агда-йай, нэкӯйэй!
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!

Ашӣвав ичэс-кӯ?
Бор-бо-лє!

Д'агда гӯнэн:

Эчӭв, эчӭв ичэрэ.
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!
Ирӭктэвэ ханңӯктакал!
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!

Ирӭктэ кутучӣ,
нуңан упкатва шāрэн!
Бор-бо-лє!

Ирӭктэвэ ханңӯктаран:

Ирӭктэйэй, нэкӯйэй!
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!

Ашӣйав ичӭс-кӯ?
Бор-бо-лє!

Ирӭктэ икӭрэн:

Ичэчӭв, ичэчӭв.
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!

Чаңиткāкӯн шуруврэн
Бор-бо-лє!

Бэйэ икӭрэн:

Иртікӣ шуруврэн?
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!

Ирӭктэ гӯнэн:

Ділачā бурушкӣтткӣн шуручӭн.
Бор-бо-лє! Бор-бо-лє!

Тартікāкӣ ңэнэкэл!
Бор-бо-лє!

Бэйэ шамāндулā ңэнэрэн. Эмэрэн, ханңӯктаран:

— Ōн н'экэд'эм? Ашӣвав шуруврэн чаңит.

Шамāн гӯнэн:

— Эшӣкӭн экэл шурурэ. Шурукэл д'эҕиндулӣ бēҕал.

Бӯрэн бэйэдӯ иланма хӗвул, гӯнэн:

— Умӯкэнмэ нулкал, д'ӯдӯви эмэкэл. Мэнни мурукэшкэл дуннэвэ илана бӗ̆ал, Мучӯксэ, ичэткэл хӗруви. Упкачин лургӣрэкин ашӣви бакад'анни. Эшӣкин, тар эрӯпчу. Иларэ гиркуд'анни дуннэвэ.

Бэйэ, хӗвуви нулӣксэ, мурукэшинан. Иландулӣ бӗ̆ал мучӯран. Хӗвӯн эчэ манавра — умӯкэчэндин эмэнмучэ. Гӗва нӯллан, гӗвушнан мурукэшинэн. Н'ӑн иландулӣ бӗ̆ал мучӯран. Хӗвун эмэнмучэ ун'аптундин. Бэйэ урӯнчэд'эвкӣ. Хӗвулин айакӣтчара. Илӣвушнан мурукэшнэн. Н'ӑн мучӯран — хӗвун манавчэ. Бэйэ шурурэн шамандулэ, улгучэнэн упкатвӑн. Шамӑн гӯнэн:

— Эшӣткэн айат итигэкэл! Бэрйэви, лукӣйэви айайа окал, сэлэмэлэ мудэчилэ. Ашӣви гэлэктэшкэл!

Бэйэ итигэран айамамат лукӣлэви кэтэвэ оран. Бэрвэ маннива оран. Шурурэн дилачэ бурукшэнтикӣн. Илаллава нэнэд'эчэн, иштан чаӈитва. Уркэлэн эмэкэйим, эрӣллэн:

Чаӈитйай, чаӈитйай! Кэ, шӣ, шӧ бимӣ, йӯкэл!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Борболɛ!

Чаӈит икэрэн:

Экэл-кэнэ, алӑткал! Бор-бо-лɛ!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Хутэлви н'укэд'эм!
Иктэлви бурушчэм! Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ!
Бор-бо-лɛ! Бор-бо-лɛ! Давдад'ам-мал!
Давдашталмӣ, кик- Бор-бо-лɛ!
тӑви!

Бэйэ эшин алӑттэ. Уркэвэн шӧт нӣрэн. Ичэрэн — чаӈит ашӣвӑн вӑшшэд'эрэн. Нэмкирэн чаӈитва, шӗндулӣн навкӑнэн. Чаӈитва вӑрэн, ашӣви тӣнэн, шуруврэн.

35. Киндиӷир, чаӈичӣл

Бичэтин диӷин нэкӯнэшэл, умӯн хунад'итин, д'ӯр куӈакӑр. Нуӈартин чаӈичӣлд'и цэлдӯтчэрэ. Куӈакӑрбэ гӯнэ, айат ичэтнэл, энэл д'элуврэ ичэтнэл, энэл д'элӯврэ бидэтин, Нуӈартин д'ӯлӑвэр ӣрэ. Хунад'итин бакаран тамакӣва, акнӣлин тӑллэ. Куӈакӑр мӧва тӯктӣчэд'энэл, вэнд'эвкӣл:

— Даӷамакӣдӯ-гла эшӣ ичэврэ, даӷамакӣдӯ-гла ачӣр!

Куӈакӑр чаӈичилва д'элӯвдэ. Илан нэкӯнэшэл шомамат тамакӣва тӑнэ, дилилтин харӯнӣлда. Нуӈарватин н'уричӣлда хуӈтул — чаӈичил Нуӈартин йӯрэ д'ӯдуквар, Кушӣлдэ чаӈичилнун. Мӯйэ мӯйэдӯвэр акӣнтин гӯнэн:

— Энэл сӧт адаӷура, хэрд'эрэс!

Туӷи гунэкин, дулуӷун нэкӯнин, энэ мэдэрэ, йэмбут курбулдэн. Тикин-да нуӈанмӑн нэмкирэ, вӑрэ. Тадук гӗвӑн нэкӯнмэн вӑрэ, тэлйткэн нуӈанмӑн вӑрэ. Хунад'итин, акнӣлви вӑв-

д'эктін, тукшашинан, тэтцэлд'итін тэтїцшэ. Тікин нуцанмăн гарпара, вăрэ чацичил.

Чацичил эмэрэ, ичэрэ — хунăткăнмэтін вăчăл. Шоцолдо хунăттăвар, гунд'энэл:

— Ёдăн шăд'энэ мэшн'эрйл гаршад'авдăн? Бэйэ бимй ётчацан д'ăдă!

Куцакăр тукшачăл, дїкэчэл чацичилд'и. Чацичил куцакăрвэ харитчэрэ, вăдăвэр. Чацичилдă бичэн умăкэн бэйэ, Киндцїрилдук гавна. Тар Киндцїцкăр цэнэд'энэ, гэлэктэд'энэ, куцакăнмэ ичэрэн, бакаран. Ичэктэ, илдан, чикэлдэн, гё чацит эдэн ичэрэ. Гиркйви, даршкй шурурэкин, Киндцїцкăр дагамăран куцакăндулă, гăнэн:

— Улгурйэ шăнăлд'акал Киндцїрилдула, би-дăт бичэв окиндăви-вэл Киндцїгицкăр.

Н'экэлби бăрэн куцакăндă, тоцойови илавăнан. Тар куцакăн эмэчэн Киндцїрилдулă. Тăдук улгур бчăн.

36. Бэркэ, чацитїл

Д'уга кэтэмэмэ матал, урйнчэд'энэл, икэлдїд'эчэтін, д'арбаннад'ачăтін. Тар матал д'арбаннад'анал ёкăна-дă эцкйтін д'уцанйва бра. Нуцартін элэ д'арбадăвэр сачăтін. Нонон эвэнкйл туцэнивэ бэйăктэд'эцкйтін, д'уга инэтчэммер. Нуцартін д'уцанйва туцэ тэлйнэлвэр д'эпицкйтін. Нуцардутін умăкэн мата бичэн. Нуцан ахйчй бичэн, нэкăнйн бичэн, хутэн ачйн бичэн. Гэрбйн бичэн Бэркэ, нэкăнйн — Тоцăн, ахйн — Чипа.

Тэлй нуцартін д'уцанйва д'арбаннад'ачăтін. Бэркэ сбма бэйэ бичэн: бэйăрэ сбма вăлăн бичэн, ёкăндук-кăн эцкйн цэлэрэ. Бэркэ гунмăрй, ёкăна ёхалдăви ичэмй, вăцкйн. Нуцан Буллэтіл хутэтін бичэн. Бэркэ ахййайи Цацацирдук гачăн, Чипа Цацацймнă бичэн. Нуцан д'уганйва кирнилнунми бид'эчэн. Кирнилин кутєтвар сбмат айăвуцкйтін. Буллэтіл сбл байахал бичэтін. Цацацицкăр байандă хунăтви бăчэн.

Тар нуцартін куцунăд'арактін, туцэнй ббллан. Тар туцэнй бран, иманаллан. Бэркэ-бэйэ, туцэнйллэкин, д'алдукви хуйэттэн. Нуцартін н'ăн н'эцн'э тєрулдїра. Тар хуйэтчэнэ, Бэркэ кирниви гăнэн:

— Кэ, этіркэн, айат улукицилви улумйд'экэл! Н'эцн'энййэ бакалдїд'арап!

Кирнин, тутухинд'энэ, д'улэцут кутєндулэви эмэрэн. Тар эмэксэ, гăнэн:

— Кэ, кутєт, ёкăра-вал бакамтімй, кэхйцнэкэлду!

Нуцан тутуд'эхинэн, Бэркэ-бэйэ, д'алви уйэчиксэ, туцэнйвэ бэйуктэд'эчэн. Тар туцэнйдă нуцан кэтэвэ бэйурвэ д'эпчэн. Нуцартін тунца амăкăлвэ туцэнйндăвар д'эпчэтін. Туцэ нулгйктэд'эрэктін, нэлкинй ббллан. Бэркэ бэйăд'энэ, матава бакалдїран. Тар мата н'ăн бэйăд'эрэн. Бэркэ нуцандукин анцукталлан:

— Ēкӯнӊкӯр бихинни?

Мата гӯнэн:

— Би бихим Ӊаӊаґиӊкӯр.

— Би тар Ӊаӊаґирва сāм.

Тар тікэ̄ гуниксэ̄, Бэркэ нуӊандукин н'āн ханӊӯктаран:

— Синӊи амӣнни ӊӣ?

— Амӣнми гунмӯрӣ бэйэ Хōӊта.

Бэркэ ділви ōхӣран, ōхӣран, гӯнэн:

— Тар би эӊэнн'ӭрвэ эчэ̄в сāрэ. Ōкин-да Хōӊта гунмӯрӣва эчэ̄в дōлдīра. — Тāдук н'āн гӯнэн: — Тімӣкӣйэ сāлдīлд'эрэп!

Мата гӯнэн:

— Эр сāлдīд'аӊāт тімӣ. Кэ, мата, тімӣ мундулэ̄ нулгӣкэллу.

— Нулгӣд'эӊэ̄вун, — гӯнэн Бэркэ.

Бэркэ, д'ӯлāви эмэксэ̄, д'алдулā улгучэ̄нэн:

— Би матава бакам, Ӊаӊаґиӊкӯр гунмурӣ бэйэвэ бакам. Нуӊартін тар биракāнма солокӣ урӣнчэд'эрэ. Би нуӊандулāн гунчэ̄в: «Бӯ тэґэлтэнэ сундулэ̄ нулгӣд'эӊэ̄вун».

Д'ӯґанӊин гӯнэн:

— Кэ, нулгӣд'эӊэ̄т!

Нуӊартін тэгэлтэнэ нулгӣхинэ. Бэркэ-бэйэ тіхӯхинэ̄н. Тōґāн орорви онорон, Чипа дэрпухӣллэн. Бэркэ матава истан, д'ӯйави авалӣллан. Д'ӯйави авалӣкса, мōйави гэннэ̄рэн. Матал малудуктін мōва чиӊиран. Идэґэ̄л дагалӣтін мōӊӊи тікивкэ̄нэн. Бэркэ матал идэґэ̄лтін дагалӣтін ӊэнэллэн. Тар ӊэнэд'энэ, матаӊӣлдӯ идэґэ̄лдӯтін бэйэӊӣвэ ēма-вал ичэрэн: Ичэксэ̄, гӯнэн:

— Кэ, эрӯлдулэ эмэчэ̄ бихим!

Гунӣксэ̄, авалналāви д'ӯлāви сурурэн. Кэӊикиртін эмэд'эрэ, Бэркэ-бэйэ сōмат д'алдāчӣллан, ōн чаӊитілдук туксандāви. Нулгӣлӣн эмэрэ.

— Кэ, — нуӊан улгучэ̄ллэн, — мит эрӯл маталдӯлā эмэчэ̄л бихип. Би идэґэ̄лдӯтін ēкӯнма-вал ичэм, эрӯвэ. Чаӊитіл д'эптіл бинэ̄рэ? Э̄дук нулгӣґэ̄т! Су д'ӯлавар калтакāвāн элбэкэллу, орорвор д'авакаллу, намакаллу, нулгихиниммер н'экэкэллу. Би нуӊардулатін ирэмэ̄ктэ.

Нуӊан ирэмэ̄хинд'энэ, гӯнэн:

— Нулгихӣнмӣ, миндӯ имāткӯйа уґучакйа уйкэллу!

Бэркэ-бэйэ котови гаран, ирэмэ̄хинэн. Д'ӯґанин нулгӣхиллэ. Тōґāн орорви онорон, Чипа д'ӯви калтакāвāн элбэллэн, матаґӣдāва элбэрэн. Тōґāн орорви эмэврэн. Актīрāлд'аракин, нуӊартін орорво намара, нулгӣхӣнэ. Тар долбонӣва нулгӣд'эрэ. Бэйэӊдӯвэр сōмава имāва уґучаквар уйрэ.

Бэркэ чаӊитīлдулā эрэмэрэкин, нуӊартін малуткӣвар ōста. Бэркэ, эмэксэ̄, упкатватін адулāллан, тэґэтчэнэ. Икэ̄дӯтін уллэл хуйӯд'эрэ. Бэйэӊӣлтін д'ур тэґэтчэрэ. Гē бэйэ сōма дірам, сōниӊма урэ̄д'эрэн. Нуӊартін Бэркэдӯ чайӣмӣлла. Икэ̄дӯвэр уллэвэ улэ̄ллэ. Нуӊан эрэмэ̄тчэрэкин, гē бэйэ улгучэ̄ксэ̄кэ̄н ōд'авкӣ, ēкӯра ичэнэви. Актірāлчāлāн н'āн д'ӯр бэйэл эмэрэ. Д'ӯкрэ̄ эӊэхӣчил

бэйэл. Бэркэ сōмат ҥэлэлд'эҥнэрэн. Нуҥан сōва горово чаҥитілдӯ эмэчэ̄ бичэ̄н. Д'ӯлāйи сурудэ̄ви н'экэллэн. Нуҥартін гунӣллэ:

— Тэҕэткэл! Н'āн чāййэ умд'аҥāт!

Н'āн чāйӣмна. Бэркэ н'āн сурудэ̄ви н'экэллэн, чāйвэ умуксā. Нуҥартін эвкӣл тīнэ. Чаҥитīл энӣнтін уркэлӣви сиҕӣнчавкӣ. Нуҥан гӯнэн:

— Синҥил д'ӯгарри āхӣчāл.

Бэркэ эхӣтви йӯллэн. Уркэвэтін иссаракин, нуҥартін д'авалла. Бэркэ д'авад'арӣва кототпи гидалāрэн. Нуҥартін илла, Бэркэвэ котолд'ивар гидалāдāвэр н'экэллэ. Гидалāрактін, Бэркэ утэлд'итін тэвэ̄ҥнэрэн. Нуҥартін, мэ̄нҥилвэр утэлвэр гидалāра. Тікэ̄ н'экэд'энэ Бэркэ ōн-мал-дā уркэлӣтін йӯрэн. Йӯрэкин, нуҥартін сōмамат тэпкэрэ. Мэ̄мэ̄дувэр кухӣллэ. Гē гӯнэн:

— Си йӯвкэ̄нинни нуҥанмāн!

Бэркэ тэ̄лӣкэ̄кӯн кухӣдӯтін д'алви д'ӯкчалāтін туксасчāн. Тāла уҕучакин уйӯчэд'эрэн, бэрин даҕадӯн локӯчад'аран. Бэркэ бэрви гаран, уҕӯчактӯви д'алви октойōлӣтін уктівӯхинэн. Уктīврэн, уктīврэн тāдук ӯд'ави даргӣдāйāлӣн мучӯран. Чаҥитīлва тіҕичӣллэн. Эрэ̄! Чаҥитīл суксӣллалд'ивар сурунмэ̄тчэрэ. Д'улгӯ сōмат сурунмэ̄тчэрэн. Илӣтін чаҥитīлви инӣд'эрэн. Эҥэхӣткӯтін гунд'эрэн:

— Сӯ чайникӣлвар экэллу бурӣрэ! Нуҥанмāн вāҕāт, боконмӣ!

Бэркэ-бэйэ сōмат тікӯлд'аран, чаҥит турэ̄рвэ̄н дōлдīкса. Ҥэнэд'эрӣлвэ чаҥитīлва гарпачӣллан, упкатва чаҥитīлва вāран. Иланма чаҥитīлва вāксā, д'ӯлāтін мучӯран, ахаҥӣлватін вāран, мучӯхинан. Тулгӣдэ̄лэ̄тін эмэрэн, дōлчāттан. Атіркāчāн чōвӣлд'аран, икэ̄вэ тэхид'энэ: «Бургӯвэ бэйэвэ сурувкэ̄нэ». Нуҥан д'ӯлāтін ӣрэн. Тар тэхид'эрӣвэ ділдукин д'авакса, ділид'ин тоҕолӣ дīрэн. Нуҥан атіркāчāннун ōлгассаракин, умӯкэ̄н ахāткāчāн ōнҥандулӣви йӯчэ̄. Бэркэ̄ эчэ̄ ичэрэ ахāткāчāнма йӯд'эрӣвэ. Нуҥан гунчэ̄н:

— Би упкатва чаҥитīлва, ахāлвāтін вāм.

Упкатва вāтīксā, д'алви октолӣтін ахахӣлнан. Нуҥан д'алви ахад'ачāн, ахад'ачāн. Нулгилин горолкōкӯтчāл бичэ̄тін. Бэркэ-бэйэ нулгӣлви бокочō. Д'алин «бэйэҥмэт вāра», — гӯннэл, болгод'очōл.

Тар эмэксэ̄, нуҥан чайӣҥми умӯллан. Нуҥан этэрэн умд'амӣ, гӯнэн:

— Би упкатва чаҥитīлва манам, — гунэн. — Кэ-хӣлэ, чаҥитīл этэрэ эмэрэ.

Д'ӯгāнин н'элӣпчэчэ̄тін, «эчэ̄л вāра бэйэҥмэт», — гӯннэл. Нуҥартін нулгӣхӣндэ̄вэр н'экэлчэ̄тін. Д'ӯва ҥихэ̄ликсэ̄л, д'эпӣллэ. Тōҕāн, д'эвд'энэ, бирава солокӣ ичэчӣллэн. Тар ичэтчэнэ, ēкӯрвавал бирава солокӣ ичэрэн. Нуҥан акӣнтікӣви гӯнэн:

— Акӣ, ēкӯр тар д'укэлӣ лугдуд'эрэ?

Акӣнӣн гӯнэн:

— Ӣрэ̄?

Тар ичэчӣллэн. Тар ичэтчэнэ, ичэрэн кэтэмэмэ чаҥитіл д'укэлӣ суксӣллалд'ивар сирунмэ̄тчэрэ. Бэркэ-бэйэ гӯнэн:

— Тавāр чаңитīл эмэд'эрэ!

Нуңан сōмат д'алдāчӣллан, ōн н'экэдэ̄ви: туксахӣндāви-ґӯ, пэктірулдэ̄ви-ґӯ. Бэркэ гӯнэн:

— Эґэ̄т пэктірӯрэ, нуңартін сōма кэтэ. — Ахӣткӣви гӯнэн: — Си чуйӯр эрэлӣн иґэхӣкэл. Би Тōґāннун бид'эңэ̄вун.

Бэркэ ахӣткӣви сōмат улгучэ̄нд'эчэ̄н. Чипалā гунд'эчэ̄н:

— Чаңитīл минэвэ варактін, си нулгихӣндэ̄ви акнӣлтікӣви.

Чипакāн, Чипакāнңачӣн, чуйӯрэ иґэхӣнэн. Бэркэ Тōґāн бид'эллэ. Эрэ! Чаңитīл даґалд'ара. Эрдэ̄н чаңитīл эмэкӯттэ, д'апкун бинэл. Бэркэйэвэ чаңитīл оролихина. Чаңитīл ңэ̄лэвкэ̄тчэнэл анмӯктамӯлла:

— Эрукӣ-хут улгучэ̄нэ, вад'аңāвун! — Бэркэдук анмӯктамӯлла: — Мунңилвэ д'āлвавун ңӣңэ̄ вāчāтін? — Тар тікэ̄ гуннэл, анмӯлчāтін.

Бэркэ гӯнэн:

— Би ēкӯна-кат эчэ̄в сāра.

Тэ̄лӣ чаңитīл улгучэ̄ллэ:

— Мунңӣлвэ д'алвавун маначāл, мундӯ улгучэ̄нэн умӯкэ̄н ахāткāн. Туксахӣнӣвкӣ, кухӣд'эрэктін. Тар ахāкāн аран эмэран. Умӯкэ̄н чаңит гӯнэн:

— Кэ, су мундӯ-дэ̄ бэлэкэллу, тар бэйэвэ вāдāвун.

Тар чаңитīл ңэ̄лэвкэ̄тнэл нуңарватін сурувчэ̄тін. Бэркэдӯ сōлва айалва суксӣллалва бӯчэ̄тін. Тоґандӯ-хан сōлва айалва суксӣллалва бӯчэ̄тін. Нуңартін д'ӯкрэ̄ сōмал химāл бичэ̄тін. Акӣнӣн сōма имā бэйэ бичэ̄н. Чаңитīл сōмат элӣнчэд'эвкӣл, «горойōңōтін» гуннэл.

Кэ, упкат гэлэ̄ктінэ̄хинэ вāвкӣлва бэйэлвэ. Тарӣ ңэнэд'эңнэрэ, ихилла чаңитīлңи орортін ӯд'алватін. Тар чаңитīл сōва горово инэ̄тчэчэ̄тін. Нуңарңилтін орортін сōт горолӣвкӣл бичэ̄тін. Чаңитīл сōва горово вāвкӣңӣлва ӯд'алватін гэлэ̄ктід'эчэ̄тін. Эчэ̄тін ӯд'айāтін бакара. Тар д'арин сōмат тікӯлд'авкӣл бичэ̄тін. Умӯкэ̄н чаңӣт сōмат имāт н'ōрāд'авкӣ. Тар н'ōрāд'ана, иллан. Чаңит гӯнэн:

— Си н'ōрāхикал!

Бэркэ н'ōрāхинан. Нэкӯнин амардӯн ңэнэд'эрэн. Бэркэ сōт имāт н'орахинан. Бэркэ д'алдӯви гӯнэн: «Нэкӯнмэв чаңитīл вāд'эрэ». Тар ңэнэд'энэ, амаскӣви нэкӯнми ичэттэн — нэкӯнин āчин, эчэ̄ ичэврэ, арай чаңитīл эмэд'эрэ. Тэ̄лӣ нуңан сōмат имāт ңэнэхинэн. Бэркэ сōмат тīкуллан, нэкӯнмэ̄н вāрактін. Нуңан тар дарӣскӣ мивчэ̄нэн. Тар мивчэ̄никсэ, чаңитīлва пэктірӯллэн. Кэтэвэ чаңитīлва вāран, илантін туксахина.

Тар чаңитīл, д'эмӯликсэл, д'ӯлāвэр сурутīллэ. Чаңитіл Бэркэвэ сокорро. Тар сокорӣксāл, д'ӯлāвэр сурутīрэ. Бэркэ н'āн д'ӯткӣтін сурурэн. Тāдӯ нуңанмāн тулӣлэ̄ умӯкэ̄н бэйэ этэйэ̄д'эрэн. Бэркэ-бэйэ нуңанмāн ичэрэн. Тар ичэксэ̄, дōлчачӣллан. Д'ӯ дōґӣдāдӯн, д'эмӯлӣксэ̄л, д'эвд'эйэ̄ттэ. Бэркэ тар этэйэ̄мңӯ-

вэтіи гарпаран. Тар этэйэ̄д'эрӣ «эк!» тіккэ̄кӯттэн. Д'ӯ до̄гӣда̄дӯн д'эвд'эрӣл гӯнэ:

— Айат, айат тіӷӣткэл!

Этэйэ̄д'эрӣ эвкӣ д'авра. Бэркэ этэйэ̄мцӯвэтін ойолӣн гарпача̄н. Д'ӯӷит этэйэ̄мцӯвэ тэптэвкӣл:

— Иктэрэ̄вунни? Иктэрэ̄вунни?

Этэйэ̄мцӯтін эвкӣ д'авра. Чаӷитіл гунӣвкӣл:

— Ёда̄ эвкӣ д'авра?

Умӯкэ̄н чаӷит йӯллэн. Тар йӯлчэвэ̄ Бэркэ ва̄ран. Чаӷитіл гунӣвкӣл:

— Эр бэйэӷит н'а̄ни сурурэн.

Нуӷартін ичэвкӣл бэйэӷмэр. Тар бэйэӷӣтін бучэ̄ бивкӣ. Чаӷиткāка̄кӯр тэпкэктэкэ̄кӯчӣвкӣл. Со̄ткутін гӯнэн:

— Би ёкӯндук-ӷан эчэ̄в ӷэ̄лэрэ.

Тікэ̄ гунӣксэ̄, йӯлкӯттэн. Тар тікчэнэ, чаӷит Бэркэткӣ гӯнэн:

— Си минэвэ-нун д'эпмӣ, упкатва д'эпӣнни!

Бэркэ чаӷитілва со̄ткулватін ва̄рэн. Чаӷитіл со̄мат Бэркэдук ӷэ̄лэллэ. Нуӷартін умӯкэ̄мэ̄т д'ӯдуквар эвкӣл йӯрэ. Чаӷитіл Бэркэдук д'ӯдӯвар долбонӣва дікэ̄нчэд'эчэ̄тін. Бэркэ-бэйэ тар долбонӣва чаӷитілва этэйэ̄д'эчэ̄н. Чаӷитіл долбонӣва эчэ̄л йӯд'эрэ. Бэркэ-бэйэ со̄мат д'алда̄д'ача̄н. Тар долбонӣду со̄ма иӷин бичэ̄н. Бэркэ иктэрэ̄вкӯттэн. Нуӷан иктэрэ̄вуксэ̄, гӯллэн:

— Чаӷитіл, д'ӯдуквар йӯкэллу! Би сунэвэ, йӯрэкихун, этэ̄м ватіра! Эрэкихун йӯрэ, би сунэвэ эр-дэт ва̄тід'аӷа̄в!

Чаӷитіл нуӷанма̄н тэд'э̄рэ. Тэд'э̄ксэ̄л, йӯтіллэ. Бэркэ, чаӷитіл йӯллэткін, гарпачиллан. Бэркэ мэ̄нин улгучэ̄нд'эчэ̄н:

— Би йӯлчэ̄вэ упкатва чаӷитілва ва̄тӣлим. Би чаӷитілва ва̄тӣм. Тар чаӷитілдук умӯкэ̄н бэйэ, энэ йӯрэ бид'эвкӣ. Би чаӷитілва ва̄тӣксā, д'ӯла̄тін илим. Би илд'энэ, чаӷитва умӯкэ̄нмэ ичэм.

Чаӷит, минэвэ ичэксэ̄, тэвкэ̄ллэн. Со̄мамат тэвкэ̄д'эвкӣ. Тар тэвкэ̄ксэ̄, гӯллэн:

— Кэ, мата, минэ экэл ва̄ра. Би синдӯ хавалд'ад'аӷа̄в.

Бэркэ улгучэ̄нэн:

— Би со̄мат нуӷардуктін, нэкӯнмэв ва̄налӣтін тікӯлд'ача̄в. Би тар чаӷитва уткэ̄нд'иви ділва̄н хо̄ӷим. Би, упкатва чаӷитілва ва̄кса̄, нэкӯнми д'о̄ним. Тар д'о̄никса̄, ӯд'аливи гэлэ̄ктінэ̄м. Минӷивэ нэкӯнмэв ва̄'да̄ккэтін бакам. Нэкӯнми ва̄д'а̄ктӯтін а̄чӣн. Тар ва̄д'а̄ктӯтін арай сэ̄ксэлин. Би эмӯкин эмэ̄нмум. Би ахӣдукки, нэкӯндукки эмэ̄нмум. Эмӯкин эмэ̄никсэ̄, соӷоктод'очо̄в, энэйӣд'эчэ̄в. Энэйӣд'энэ, ахӣви иӷэхӣннэвэ̄н д'о̄нд'ача̄в. Та̄дук тэ̄руви умӯкэ̄н бе̄га бичэ̄н. Би ахӣви со̄мат д'о̄нд'ача̄в, иманна до̄ӷӣда̄лӣн дінэви д'о̄нилим. Би, чаӷитілнун кухӣксэ̄, ёкӯна-да̄ этэ̄м са̄д'эми. Ахӣви д'о̄никса̄, чуйӯр эрэлӣн дінэткӣви сурухӣнэм. Ахӣви бид'э̄ккэ̄н ихим. Ахӣв бид'э̄ктӯви а̄чӣн. Чуйӯрдук йӯчэ̄. Би ахӣви йӯд'э̄ккэ̄н октойо̄н гэлэ̄ктілим. Нулгӣхӣннэвэ̄н ичэм. Ахӣви октойо̄лӣн ахалим. Со̄ва горово нуӷанма̄н ахад'ача̄в. Минӷи ахӣв со̄мат амӣнми

тӗрулāн нулгӣд'эчӗ. Би ахӣви д'āҕӣдӯви тірганӣдӯви боконим. Тар боконӣксā, тӗрулāвэр нулгӣхинэв. Илӣдӯвар тірганӣдӯ тӗрувар истав. Тар тӗрудӯвун кэтэмэмэ матал урӣнчэд'эрэ. Эр маталдӯ минҥи кирнив билдīд'эрэн. Би, эр маталва бакалдīксā, улгучӗлим. Маталдӯ илан самāхэл бичӗтін. Бу, уринӣксāкил, самāнма нимҥāнмукāнэв. Тар самāн, ичэчӣксэ, гӯнэн:

— Чаҥитīл сōма кэтэ октолӣхун ахад'ара.

Гē самāн гунӣвки:

— Сōма-дā улӗк бихӣнни!

Сōткутін самāн гӯнэн:

— Амāкāрдӯ, иргичӣлдӯ самāнҥӣлтін эмэд'эрэ. Сōма кэтэ чаҥитіл эмэд'эрэ, — гӯнэн н'āн. — Бэ, бэйэл айат бэлэннӗкэллу. Чаҥитіл сōҥилтін эмэд'эрэ.

Тар н'āн эвэнкӣлду сōҥилтін бичӗтін. Тар сōҥилтін āлтін ēкӯндук-та эвкӣл ҥӗлэрэ. Матал тірганӣтікӣн чаҥитілва этэйӗвкӣл бичӗтін. Матал сōткувар самаҥивар німҥāнмукāхина. Самāн нівҥāнд'аракин, чурэктэлин пэхимиллэ, гихикин окоргорон. Самāн нівҥāнд'амӣ этэрэн. Этэксӗ, гӯнэн:

— Чаҥитіл галд'ара.

Тар долбонӣдӯ самāҥилтін бутīчāл, эвэнкӣл ҥӗлэллэ. Тар ҥинакиртін гоҕоллоктін, умӯкӗн ахӣ идэҕӗлтікӣ йӯрэн. Тар идэҕэлдӯн чаҥиткāкӯр уклӗд'экӗкӯттэ. Тар ахӣ, эхӣҕэчин ичэттэ нуҥарватін, д'ӯлāви йрэн. Эвэнкӣлҥи пэктірӗвӯртін тулӣндӯ бичӗтін. («Тар нонон эвэнкӣл бэркӗрвэр тулӣлӗ нӗкчэвкӣл, илӣлтін эдӗтін котороро. Д'ӯдӯ нӗмӣ, бэркӗрҥи илӣлтін которовкил»). Эвэнкӣл пэктірӗвӯрвэр ōн-дā гадāтін албачāтін. Тар тікӗ н'экэд'эрэктін, чаҥитіл гарпачилла. Эвэнкӣл пэктірӗвӯрэ āчир туксакталла. Нуҥартін тірга эчӗтін этэйӗтчэрэ. Чаҥитіл сōва кэтэвэ эвэнкӣлвэ вāра. Эвэнкӣл н'āн кэтэвэ вāра. Эвэнкӣлҥи бэркӗртін д'ӯдӯ бирэктін, чаҥитілва давдīмчāл. Чаҥитіл кэтэ бичӗтін.

37. Бэйэ, чаҥит

Билир, билир тар бичӗн. Эгді иҥарāгді бира нāлдін даптудӯн гугда урэ эрэдӯн умӯн д'ӯкчāн тіпӯд'эчӗн. Д'ӯкчāкāн тулгӣдӗдӯн д'ӯр орор тоҕотчочōтін. Сōнан д'авкадӯн элэкэс гиркӯкталд'арӣ омолгӣчāн эвӣд'эчӗн. Д'ӯкчāкāн тулгӣдӗлӣн инмэкӣл умнӯд'эчӗтін. Тар д'ӯкчāкāндӯ ахӣ тэҕэтчэчӗн, унтава саҥāнад'ачāн. Тар ахӣ эдīви алāтчачāн. Эдīн бэйӯчӗ бичӗн. Ахӣ д'алдӯви гунд'эчӗн: «Буҕакӯн буйӯнэ-вэл эвкӣ н'эхӯрэ, бурдукиҥӣв-да манавд'аран». Тар ахӣ эдīн илаллава бэйӯктэксӗ, ēкӯна-да энэ вāрэ, д'ӯлāви мучӯхинчāн. Тар мучӯд'ана икӗнҥӗктӯ бэйэвэ, нāлдīптікӣ эмэд'эрӣвэ ичэчӗн. Тар бэйэ чаҥит бичāн. Бакалдīксāл, дороволдīчāл, тāкīндӯ тэҕэчӗл, дамгатīлчāл. Чаҥит бэйэдук анҥӯктачāн:

— Си ēкӯнд'и бэйҥӗлэ бэйӯктэҥнэнни?

Бэйэ гунчӗн:

— Би дiҕин-нун алгачӣлва бэйӊӭлвэ, чунивкӣлвэ, суҕӣнэктэвкӣлвэ, туҕэнӣвэ ӓтчамӓрва бэйӯктэд'эӊнэм.

Чаӊит гӯнэн:

— Би таргачӣр бэйӊӭлвэ эчӭв сӓрэ. Би д'ӯр алгачӣва бэйӯктэӊнэм. Би синэ бакам, би эдӯ-дӭт д'эвӯӊнэм.

Бэйэ, сӧт ӊӭлэликсӭ, гунилчӭн:

— Си минэ экэл вӓра, минӊи утэв бихин. Си тiмӣ д'ӯлӓв эмэдӭви. Д'ӯлӓв энэ ӣрэ, си, аӊави аӊӓксӓ, уркэлӣв сиҕиндӓви, би утэви амӊалӣс нӧдад'эӊӓв.

Чаӊит элэксӣчӭн. Тiкӭ гунмӭчиксӭл, д'ӯлӓвар суручӭтiн. Бэйэ, д'ӯлӓви эмэксӭ, ахӣдӯви улгучӭнилчӭн:

— Би чаӊитпа бакалдӣм. Чаӊит минэвэ д'эвдӭви н'экэрэн. Би утэвэр бӯӊӭт ӧм. Тӣмӣ нуӊан эмэд'эӊӭн.

Энӣ, тарӓ дӧлдӣксӓ, утэви мулӓниксӓ, сӧмат соӊолчӧн, долбонӣва соӊод'очӧн. Тэҕэлтӭнэ тэҕэксӭ, килєбэйэви ахӯлчӓн. Эгдӣвэ честэвэ ахӯчӓн. Чаӊитва алӓчилчан. Арай дӧлдӣчӓл чаӊит эҕӭд'энэ эмэд'эрэн:

Д'он, д'он, д'он, д'он!
Д'эп, д'эп, д'эпчэлим!
Ай, ай, айакӓн!
Ул, ул, уллэйэ!
Им, им, имӓйат!
нод, нод, нӧдӓкаллу

Ут, ут, утэвэр!
Бил, бил, билгайӓв!
ка, ка катад'аран!
Э, э, энэйӭл!
Ул, ул, уллэйэ
Д'эп, д'эп, д'эптэ!

Тiкӭ эҕӭд'энэ, чаӊит умнӭт аӊави аӊ̆аксӓ, уркэлӣтiн сиҕӣнчӓн. Тар сиҕӣнчаракин, бэйэ умнӭт аӊалӣн чєстэвэ нӧдӓчӓн. Чаӊит амӊан чєстэт д'алуптан. Чаӊит эгӭлчэн:

Э! Чол, чол, чолдон!
Э! Лич, лич, личар!
Э! Тiп, тiп, тiпар!

Э! Эр, эр, эрӯкӭн!
Э! ул, ул уллэкӯн!

Тiкӭ эҕӭд'энэ, чаӊит энчӭн, Чаӊит энд'экӗнин, бэйэ орорви д'аватӣчӓн, горол буҕаткӣ нулгӣсӣнчӭн.

38. Маӊи-чаӊит

Билир, ноноптiдӯ эвэнкӣл д'авит ӊэнэӊкӣтiн. Уҕучакӣлтiн ӓчир биӊкӣтiн, орортiн-дӓ ӓчир биӊкитiн. Нуӊартiн бэйӯктэӊкӣтiн. Элэкэс маӊил бичӭл. Маӊил-чаӊитiл бичӭл. Мурирдӯ уҕучад'аӊкӣтiн.

Тӓдук бэйумэ бичӭн. Хактiралд'аракин, маӊил бэйэлэ эмэчӭл. Тӓдӯ бэйэдӯ хунӓткан, ахӣн бичӭ. Чанмӣчӓ, имурӭӊмӭн гадӓви н'экэчэ. Тар арай чанмӣха, уҕӣскӭкӣ ичэчӭ. Тар чаӊитiлба кадарилдӯ ичэчӭ, аракӯкӓн гунчӭ:

— Чаӊитiл эмэрэ!

Этiркэнин д'авлӓви тэвучӭ. Нуӊан хутэви сӗндукин кимискад'эчӓ, тэпкэчӭ:

— Ӧн бāнни бакара сӘхэвэ? Тāдӯ лугэр нӘрӣв! Тариӊин арай д'уӷуд'эчӘ. Әдӯ луӷэр бихин! Әдӯ луӷэр бихин!

Хутэви ӊāлихинчā, д'авдук йӯхӘ. Тāдук д'авут хуручӘл эйӘкӘкӣ, «Кукку пурул! — гуннэ. — Ун'аптук долӣн!», — гунчӘ.

Чаӊиткāкӯртін тэпкэлчӘл:

— Абаккавун суптівчā!

Чаӊитіл хуӊтултікӣ эмэчӘл. Тадук ахи н'āн бичӘ хуӊту.

Чаӊитіл хуӊтултікӣ эмэчӘл, биракāндулӣ хуклӘхинчӘл. Ахӣ мӯлӘчӘ. ИчэчӘ, гӗткӣ аракӯкāн гунчӘ:

— Чаӊитіл эмэчӘл! Эмнэк тухалла, халлаӷāт хайӣкталавар!

Эхилэ тар гӗ гӯнэн:

— Чаӊитіл н'уриктэлбэтін халлаӷāт!

ХуклӘд'эрӣлбэ халлад'ачāл. Чаӊитіл гунчӘл:

— Сирэгэс-мэл бинэ!

Ахāл чаӊитілдук тухачāл, чаӊитіл суптівчāл.

39. Куривул, маӊи

Бэйэ бичӘн — Куривул. Нуӊанӊин д'ӯр нэкнӣлин. Куривул асӣчӣ, гӣл — омолгӣл. Бэйӯсчэрэ, бултад'ара. Асӣн гунд'эӊӘн:

— ӉӘлэчим эмӯкин д'ӯдӯви. ЭмӘнд'энни минэ. Эӊнэкэл эмӘнэ, буливсӣпчу!

УӷӣлӘ гулэвэ ōран — нӘкувэ. Тāлā асӣӊиви туктіврэн. Д'ӯн тāлā дуннэдӯ эмэдэлӘн. Долболтоно, гиркуд'аксā, бултад'ана эмэд'эрэн. Бэйӯсинэ тірга хэрэкӘлтэтікӣн бэйэл иланӣ. Куривул тāлā бэйӯнмэ багдакава вāрэн, ӊинакин амāкāвэ вāрэн. Куривул хиӷӣллэн бэйӯнӊиви. Ōкин-дā мурдунӘд'энэл хэргӣскӣ хиг-д'эрэн, эси-вэл угӣскӣ гэлӯсиллэн. Илэ хэӊкэчӣллэн. Ичэчӣл-лэн — маӊи тар асӣвāн Куривулӊӣва дэгӣвд'эрэн. Асӣн гӯнэн эсӣлэ:

— Ке, эмӘннэкис минэ эсӣлэ эмӯкинд'и, кэсӘд'энни амардӯв!

Куривул н'урви гадан, гарпакāкӯттэн нуӊанмāн, дулиндӯ абуллан. Дэгрэн тар маӊи нэкӯндулӘн. Эси-вэл тук-сэ ичэчӣллэн уӷӣскӣ. «Си-вэл минэ, гиркӣв, этэйӘӊнэкэл!». Н'уритви гарпа-ран нуӊанмāн аран абуллан. Никалӣтін дэгрэн нэкӯндулӘн. Эсӣ-вэл ичэрэн н'āн ділганмāн тāӷрэн. Н'урви гаран, бэрви, гарпакāкӯттан нуӊанмāн, иргинӊивӘн чуптӯттан. Лупумнак дэгрэн.

Бэйэл тар д'ӯлāвэр ӊэнӯрэ. Нуӊанмāн сāрэ, ӣдӯ-вэл бикичин. Н'ур эд'эӊӘ тэптīрэ, олдосолин упкачин сэлэчӣл. Куривул тар тавин. Нуӊан тар а́мӊан эмӯкин сэлэ āчӣн. Куривул тавӣттан эсӣлэ сэлэвэ амӊадӯви. Тавӣттан мӘндӯви, нэкнӣлдӯви тавӣттан, Никāдӯви тавӣттан. Нэкӯнӣн тар Никатін — бэйэ эӊэсӣ. Сурурэ эсӣлэ маӊилā тарил. Иста нуӊанмāн, гулэдӯви бид'экӘкӯттэн. Эрӣрэ нуӊанмāн — йӯрэн. Маӊи тари бэричӣ хата н'уричӣкӘкӯн. Эсӣ-вэл Никāтін гӯнэн:

— Амӊалд'ивар н'урилвар товочилгāт, уӷӣскӣ нэмкинэ буруллэкин н'ури.

Маӊи тар гарпакāкӯттан н'урви уӷӣскӣ. Никатін н'урви амӊатви товоллон буруд'эрӣвэ. Н'уркāкӯн амӊалāн бурурэн. Тарвāлӣ Никатін, н'āн гарпаран уӷӣскӣ. Маӊикāкӯн амӊави аӊаран, н'урвэ товодōви. Н'уркāкӯн тар маӊи амӊалӣн бурурэн, лупумнэк эмугдэлӣн ӊэнэрэн, мукэтэлӣн йӯрэн. Вāрэн нунанмāн тāдӯ. Гулэлэ̄н маӊи ӣрэ. Ашӣтін нуӊарватін эчэ̄ таӊматіра. Эри хоронмōн угᵉчича тар Маӊи. Асӣвар гада, д'ӯлāвар ӊэнэврэ. Албавкӣ тэӷэтчэмӣ — бурултумэ. Хоронин йаӊумчā. Нуӊанмāн Куривул тавӣттан, суруппэ ōран, хоронмōн суруптэн. Анӊанӣкāнмэ иниттэн, суруптэкин, тāдук буддэн.

40. Чакиптулā

Чакиптулā д'ӯр ахӣн бичэ̄. Гēн гамакта бичэ̄н, гēн — холоктон. Чакиптулā хуручэ̄, бэйумӣлчэ̄. Ӊинакинтін хутэӊчэ̄. Чакиптулā д'ӯлāви эмэчэ̄. Тар ахӣн гунчэ:

— Ахӣс хутэлин гēӊāд'эрэ.

Чакиптулā хуручэ̄, эмэчā ахӣви холоктови д'ӯкчамӣлā. Ичэчиксэ̄ ахӣнан гēнунми д'ӯктэ хуручэ̄л, амӯткāнтікӣ. Эмэннэ̄н ахӣн хутэн балдічā, д'ӯкчадӯви бид'эрэкин. Бирайалдулӣ гэлэ̄ктэд'эчэ̄ хēӊахāла. Умӯкэ̄н хēӊанмā бакачā. Тар ханӊӯкталчā:

— Ēс бихинни?

— Минэ Чакиптулā эмэ̄чэ̄ д'ӯкчадӯви. Хутэйи ēт-тā эд'иӊэ̄ иргӣрэ.

Тар хēӊашāн гӯлчэ̄:

— Ēкум-дā āшин, элэ хаким бихин.

Тар гӯчэ̄:

— Тариӊмāтīд'ис иргӣӷэ̄т!

Иргӣлчэ̄л д'ӯктэ хēӊашāнун хутэвэ. Тāдук хутэтін хэгдіхōчā. Нӣтікӣн вāвкӣ очā. Умнэ̄ энӣнин гӯчэ̄:

— Амӣндулāйи хурӯкэл. Нуӊан āмуділтікӣ нулгихичэ̄. Икэ̄д'энэ ӊэнэкэл, энэ омӊоро: «Чакиптулā, Чакиптулā!», — энӣнӣн гӯнэн.

Туӷ икэ̄д'энэ хуручэ̄. Ӊэнэд'энэ икэ̄д'эвкӣ. Бирава микчāнд'ана омӊочō. Н'āн энӣндулэ̄ви мучӯхичā. Энӣнин гӯчэ̄:

— Ēманді? Элэ̄ эмэнді?

— Омӊом.

— Экэл омӊоро, луху икэ̄д'экэл!

Тариӊӣн, икэ̄д'энэ, н'āн хуручэ̄. Эшэ̄ омӊоро икэ̄нми. Тар ишша бэйэлдулэ̄. Ишша, тар бэйэ гӯчэ̄:

— Ēманді?

— Амӣм эмэчэ̄н эр д'укчāдӯви, Чакиптулā гэрбичӣ, — гӯчэ̄, — тар-ӷу бихинді?

Тэ̄лӣ бэйэ ахӣви дуктэлчэ̄, эмэ̄нмукэ̄чэ̄ хутэвэ̄н, хуручэ̄ хутэнэн.

41. Бэйэткэ̄н

Эвэнкӣчэ̄н бэйэчэ̄н бичэ̄н. Асӓлин д'ӯри. Гē асӣн сэлэд'эрэн, эрупчут эксэд'эрэн, гēйа айат эксэд'эрэн. Бэйэ тарāвэ эвкӣ тэпурэ. Асӣн хутэтэ̄рэн куңакāнмэ, тадук гēн асӣн д'айаран, куңакāнмэ, хитэнмэ хутакāнмэ нэ̄рэн. Эдīтін эмэрэн, гē асӣн гӯнлэн:

— Асӣс хутэтэ̄рэн хитэнмэ хутакāнмэ.

Хутакāнмэ гунэкин, эдīн сэлӣллэн, гӯнэн:

— Асӣва эрупчу эксэд'эм, эмэ̄нд'эм синэ!

Гēва асӣва эмэ̄нэн д'ӯкчадӯви. Тāдук гēтпи асӣтпи нулгисӣнэн. Куңакāнмэ д'айанайи тар асӣ биралā эйӣрэн. Куңакāнмэ тар бирадӯ бакаран сēңан, иргичӣллэн. Куңакāнмэ иргӣттэн. Гиркулāн ōдан. Эвэнкӣ-энӣнин ичэрэн куңакāн ӯд'авāн инадӯ, д'апкадӯ, гӯллэн, ңāділлан:

— Минңи хутэв ӯд'ан эр бинэ̄н?!

Унталан куңакāн ōран, хуйукӯкэ̄рд'и: гēва унтава хуйукӯкэ̄нд'и, гēва хэгдіт. Куңакāн мӯдӯ бивкэ̄ ōдан. Н'āн иңалӣ гиркукталлан д'апкалӣ. Тāдӯ бакаран унталва, энӣнми ōналвāн. Тарилва тэтіллэн куңакāң. Гēва хуйукӯкэ̄нмэ албаран тэтчэмӣ, гēва тэтітчэ̄н айат. Куңакāн тар соңониллан, албамӣ тэтітчэмӣ. Энӣнин соңорвōн дōлдīран. Туксамалчаран, хутэйи тэтітчэрӣвэ д'аваран. Сēңан гӯнэн:

— Минңи хутэвэв сурувунни! Ēвӯнави н'экэлинни?

Эвэнкӣ гӯнэн:

— Минңи бисин! Биралā суручэн-дā си д'аванни!

Тāдук эвэнкӣ тар хутэйи иргичӣллан. Хутэн бэйэ ōдан. Хэгдікэ̄кӯн ōдан. Бэйӯрэ бэйӯсивкӣ ōдан. Вāвкӣ ōдан. Энӣнин гӯнэн:

— Амӣнми хоктовōн ңэнэд'эңэ̄т, хоктовōн ӯд'ад'аґāт!

Ӯд'асина. Амӣндулāйи эмэрэн, боконо. Амӣндӯйи āнңэттэн. Амӣнӣн д'эбд'эңэ̄н — ēкӯн-дā āчин. Āсилд'энэ гӯнэн тар бэйэ амӣнми:

— Мит улгучэ̄мэ̄тчэңэ̄т сагділа?

Тар эмэд'эрӣ бэйэ улгучэ̄ллэн:

— Минңи улгур бисин! Бэйэ асӣн хутэтэ̄рэн, гē асӣн хутэвэ̄н д'айаран, хутакāчāнмэ нэ̄рэн, куңакāнмэ бирадӯ эйӣмӣ. Сēңан иргӣттэн. Энӣнин бакаран. Бирадӯ ӯд'аван ичэксэ̄, унталан ōран. Соңод'орӣва энӣнин д'аваран, д'улайи увасинан- Д'авакāйим, иргӣллэн хутэйи, бэйэ ōдалāн. «Кэ, — энӣнӣн гӯнэн хутэйи, — амӣнми ӯд'авāн, илкэ̄нмэ̄н ӯд'ад'аґāт!». Тар бэйэ эсӣлэ амӣнми боконон. Си тар улгурвэ сāнни? Асӣн тар эмэ̄нэн д'ӯкчадӯви?

Тар бэйэ амӣнин илгэллэн эмугдэдӯви:

— Ника, — гӯнэн, — би асӣйи эмэ̄чэ̄в д'ӯкчадӯви хутакāнмэ хутэтэ̄рэкин!

Тāдук тар бэйэ гӯнэн:

— Минцивэ энйнмэв си эчэс эмэнэ, — тадук гунэн: — Эр би бэйэ бдам. Тар хоктово уд'асиним.

Тар бэйэ чунурэдун солото балдиран. Нуцан ичэвкэнэн амйнтикйви чунурэви солотово. Тар бэйэ тимання бэйустэн, багдакава варэн, халганман амйндулайи эмэврэн. Амйнин халганман бсаван хйгиллэн, д'эвулдэйи. Хйгрэн, этэрэн. Асйви халганцитпи иктэрэн, эллэвэн капуран. Асйн буддэн.

— Хутэвэв эсикис д'айанара, эмчэв д'эмуд'эрэ. Минэ улэкчутчэс, «Хутаканмэ хутэтэчэн», — гуннэ.

Бэйэ гелайи асйлайи сурурэп, мучусинэн.

Тэлй хутэн солото чунурэтэрй буддан. Тара дуннэду суцтаду нэрэ. Тариптидук солото дуннэ хэрэдун балдиран. Эсиктин бунируква тукалат даста, солото эситкэндулэ ойогйданун бимчэ.

42. Д'эптил

Д'эптил нулгйрэ эвэнкйлдулэ. Эвэнкйл эчэл тиллэ, эрул бэйэл бишйвэтин. Нуцарнунтин урйнчэллэ, гиркйлэтчэнэл. Д'эптил далйллэ хунад'илватин. Эвэнкйл бурэ, далиллэ нуцарциватин. Далйрэ. Д'эптил нулгйшинэ хэрэкэт. Хунад'иватин айамамат д'авучилла: эвкйл хавалйвканэ, улйд'эвкйл айаткут д'эптилэт. Хунат эвкй тилд'эрэ, ёда нуцанман туг айат д'авучйлла, гунд'эвкй: «Таргачир айал!». Эвэнкйлдук бэйэ матамарэн Д'эптилдулэ.

Эвэнки нэкунми гунэн:

— Би айамамат бид'эм, эвкйл минэ хавалйвканэ, айаткула д'эптилэйэ улйвкйл минду.

Энйндулэйи нэлйэн унрэн. Нэкунин мучушинан.

Эвэнкйл хунад'итин, Д'эптилду бид'энэ, тилиллэн нуцанман сэвэнчэптинэвэр вамуд'эривэтин.

Умнэ шэвэнчэллэ, умукэнду д'уду умунуптэ, хунатвэр гела д'улэ нэрэ куцакарнун хуйукурнун. Куцакар дагамара; цалэван д'авучад'анал, гунд'эвкйл:

— Эр минци бабкэ бд'ацан!

Гё гунэн:

— Минци!

Хунат ханцуктаран:

— Ёда гамуд'араш бабкэлвэв, инд'эрйдукив?

Куцакар гунэ:

— Шинэ тиматнэ вад'эллэ сэвэнчэптинэвэр.

Хунат тиллэн, куцакарвэ улэкчирэн:

— Ашилкэллу! Би йуд'энэшчэлим.

Тулишкй йукэйим, шунми мугдэкэчэнду нэрэн. Мэнин хунтулвэ тэтилвэ тэттэн. Тукшад'ашинан хоктолй. Куцакар ичэнэвкйл, ичэтчэрэ — мугдэкэнмэ, гунд'эвкйл:

— Нуцан чукчулэд'эрэн!

Тиматнэ эмэрэ, хунатвэ валдавэр. Хунад'итин ачйи. Хунат, хоктолй тукшад'ана нэцирйлэ дагамаран, туктирэн. Таргит мик-

чāнэн иманналā, иманнадӯ хӯррэн. Д'эптīл гэлэктэнэшинэ, ӯд'алӣн ашад'анал. Нэңирӣлэ ишта, тāдӯ ӯд'ан манавран. Д'эптīл тāдӯ албалла бакад'амӣ. Нэңирӣвэ мурэлӣ киңлэчушэл гиркуктара, албара бакад'амӣ. Шамāнтīн шэвэнчэрэн, албаран бакад'амӣ. Гӯнэ:

— Нуңаңңītīн шамāнтīн эңэшӣ. Эвэ̄т нуңарн'унтīн кушимӯрэ!

Нулгишинэ хуңтулэ урӣкӣттулā.

Хунāт йӯрэн иманнадук, тукшашинан энтīлтīкӣви. Эмэкэйим, улгучэллэн упкатвāн, хэңкэчӣллэн амӣнми, энӣнми:

— Ēдā минэ эрӯлдӯ илэл бӯчэшун?

Энӣнин гӯнэн:

— Ēдā тīлулэд'эчэш, айат бид'эрӣви?

Эвэнкӣл тэтīлвэн лукта, тэтīврэ д'эптīл хунāттӯтīн. Дīкэнд'эктулэн ңэнэврэ, вāрэ, дэрэвэн чипчӣрэ, эдэ̄тīн тāгрэ. Мэртīн нулгӣд'эшинэ.

Д'эптīл мучӯктара д'ӯкийалāвэр, гэлэктэнэрэ, гӯнэ:

— Хунāт йӯчэ бинэн.

Бакара бӯчэ̄вэ, гӯнэ:

— Эр-ка нуңан бинэн?

Д'ӯлавэр эмэврэ. Тарā, шэвэнчэд'энэл, сэвэнчэптīнэвэр вāрэ. Туӈи эвэнкӣл Д'эптīлвэ улэ̄ккирэ.

43. Д'эптīгир

Эвэңкӣл айал бичэ̄тīн. Кутэтīтīн Д'эптīгир бичэн. Хунāтвар Д'эптīгирду бӯрэ. Кукинмэр вāптīнтāмучāл, киннивар хуйэчихэ̄л. Уринихэ̄ллэ. Куңакāр гунчэ̄л:

— Бэйэкэнтэд'иңāвун ун'акāчāрбас.

Ахӣ ханңӯчā:

— Минэ вāглāд'ас?

Мэндӯви гунчэ̄: «Кэңурэктӯ игэхиним». Бэлэннэчэ̄, билгакāрайэ нэчэ̄ кэңурэктӯ. Эхӣлэ āхилтāна эмэчэ̄л бэйэңӣлтīн, Д'эпиглэ̄лчэ̄л. Тар ахӣ гунчэ̄:

— Чикэннэктэ тулӣлэ.

Йӯчэ̄. Мугдукэ̄чэндӯ куңуви тэтīпчэ, мэнин кэңурэ̄клӣ игэхинчэ̄. Тариңилӣн ойойолӣн киңлэлд'ивэр гэлэктэлчэ̄л, эчэ̄л бакара.

Илаллава бихэл, нулгӣчэ̄л. Тар ахӣ илаллава хуклэ̄чэ̄ иманнадӯ, тāдук кургэкӯн, эдīкӯн бчā. Тар хунāт иманнава богород'оро, ойолӣн тухачā. Эдīн ӯд'аван липкӣчā. Энтīлтīкӣви эмэчэ̄.

— Ēдā эмэнни?

— Минэвэ вāптīнтāмуд'эчāтīн.

Тар эхӣлэ айаннāхикӯтчāл, нулгӣкӯтчāл.

СКАЗАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ (УЧУРСКИХ, УРМИЙСКИХ, АМГУНСКИХ, ЧУМИКАНСКИХ И САХАЛИНСКИХ) ЭВЕНКОВ

1. Кодакчон

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда земля только становилась, когда небо с тройной радугой было, когда вода рек впервые из земли, как ручейки, потекла, на самой середине средней земли, на берегу одной реки, на холме с крутыми склонами был один чум-утэн.[1] Там жил один мата-богатырь.[2] Не было у него ни олененка, ни собаки. Была у этого человека только младшая сестра. Жили они охотой на зверя. Лук у этого человека был сделан из креня лиственницы. Были [у него] и стрелы. Поэтому он ни одного зверя перед собою не пропускал, всегда убивал. Перелетной птице, над тремя облаками летающей, пролететь над собою не давал. И вот жил там этот человек, питаясь мясом животных, а одежду из шкур изготовляла сестра. И в каждое возвращение брата делала она запасы. Брата звали Кодакчон-мата. Имя же сестры было Секак. Так живя, стали они задумываться. Однажды вечером [брат] обратился к сестре со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Ну, сестренка,
Мы на средней земле,
Когда она только становилась,
Начали жить.
Мы оба, в лесных зверей превратясь,
На средней Сивир-земле [3]
Живя, откуда произошли?
[Разве] мы сироты? Как это
Нет у нас ни отца, ни матери?
Если бы мы вышли из лужи земной (т. е. с берегов озера),
То это оставило бы след.
Если бы мы вышли из дупла древесного (т. е. из тайги),
То это оставило бы след.

Если бы мы упали сверху, с неба с тройной радугой (т. е. с гольцов),
То на макушке у нас был бы иней.
Я думаю — весной все птицы
Стайками летают
И звери имеют детенышей.

Тогда сестра обратилась [к нему,] со словами:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Кодакчон-братец,
У нас, вероятно,
Были мать и отец.
На краю Кидан-земли,[4]
Вероятно, имеются
Подобные нам люди.
Как бы то ни было,
Мы сиротами родились.
Вероятно, имеются
Подобные нам уранкаи.[5]

Он спросил сестру: «Ты, если знаешь, расскажи». Сестра Секак к брату обратилась с речью:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Я, братец-друг,
Увидела свет солнца
После тебя.
Как мне знать то,
Чего ты не знаешь?
Если уж знать, то ты
знал бы!

Сестра кончила, начал говорить он. Мата-богатырь опять обратился к сестре с речью:

Кудэргие! Кудэргие!
Секак-сестрица!
Я по средней земле
Надумал походить:
Очень хочется мне
На мир посмотреть!
Ты, вероятно, заготовила
Мясо зверей для питания.
Будешь жить на одном
месте
В чуме-утэн.
Утром, встав рано,
Приготовь еду! — говорит.
Пострансствую-ка [я] по
средней земле!

Ну, так поговорив, они легли спать. Утром Секак-девица очень рано встала, еще до зари. Встав, она приготовила еду. Тогда брат встал и вышел из чума по своей надобности. Потом вошел в чум, омыл лицо. Съел утренний завтрак. Поев, собрал лук и стрелы. Потом вышел из чума. Когда он выходил, сестра речь держала, так говоря:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Кодакчон-братец,
Как, меня одну здесь
Оставив, уходишь?
Ну, как я здесь
Одна останусь?
Кодакчон-братец,
Хорошо бы тебе побыть
Здесь пару дней!
Прислушайся к словам
[моим]!

Так говоря, она кончила речь. Тогда заговорил брат. Встав против нее и прощаясь, он сказал:

Кудэргие! Кудэргие!
Какой злодей-людоед,
Придя сюда, убьет тебя?[6]
Сестрица Секак,
Если злодей, придя,
Начнет убивать-пожирать,
Я ведь мужчина —
По следам его пойду!
Не печалься, не плачь
[И] живи [себе] на одном
месте!
На долго ли, на коротко ли
Прими мой привет!
Через пять переходов вернусь,
Если буду жив.

Сказав и распрощавшись, он вышел вон. И вот отправился прямо в сторону восхода солнца. А у сестры, когда он уходил, скатилась слеза. Так и осталась она там. Брат пошел вверх по реке. Охотясь, он еще не дошел до истока реки. Двигаясь вверх, наш парень дошел до гольца, поднялся на вершину [его]. Взойдя на вершину, сел отдохнуть. Отдыхая, рассматривал местность. «Вот там исток реки. А там устье этой реки», — так говоря, рассматривал. Когда он собирался пойти, вдруг до его уха словно птичий голос долетел. «Что это за птица кричит?», — подумал он. Прислушался хорошенько. Когда он слушал, вверху послышалась речь. Стал слушать: слышна вверху речь. А речь была такова:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
Средней земли мата,
Привет услышь!
Какой Сивир-земли
Ты человек?
Расскажи-ка мне,
Что видел, что слышал.
Из каких мест
Держишь путь?
Куда направляешься?
Скажи-ка, мата, кто ты
по имени?
Отца, мать [твоих] как звать?

Спрашивает она. Кончила говорить. Тогда мата-богатырь, говоря: «Ты расскажи», вверх смотрит, так вот рассказывает:

Кудэргие! Кудэргие!
Я один родился,
Ни отца, ни матери нет,
Сиротинка я.
Одна младшая
Сестра у меня есть.
Я, не зная местности,
Сюда направился.
О моем звучном имени
Если спрашиваешь:
Я средней земли молодец,
Кодакчон-мата.
А ты откуда родом?
Где твоя земля?
Расскажи же!
Как твое имя?
Твоих отца, матери
Назови имена!
У меня новостей нет (букв.:
виденного, слышанного
нет)!

Он кончил говорить. Затем та девица, что над ним летала, стала рассказывать:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
Я, девица, расскажу!
Слушай, внимай
Своими обоими ушами!
Я, странствуя
По краю Сивир-земли,
По окраине Кидан-земли,
Много мучений испытала.
Над Онон-землей[7] пролетая,
Я попала в безвыходное
положение.

Она продолжала:

О какой же заботе
Мне рассказать?
Слушай! Если спросишь
О моем звучном имени —
Слушай хорошенько! —
Я средней земли дочь,
Монгукчон-девица.
О чем, [о какой] забаве я расскажу?
День и ночь я ухожу [от погони],
Приходит мне конец.
Устала я двигаться вперед,
Не осилила я этой погони.
Если бы ты оказал мне добро,
Потом, когда-нибудь я отплатила бы.

Мое волшебное слово[8] останови!
Разбойник собирается убить меня.
С тех пор, как за мною
Гонится враг-авахи,[9]
Прошло три года.
Глава нижнего мира,
Враг-авахи в своей погоне
Меня не нашел.
Под водою уходить
Я устала.
Вот скоро нагонит он.

Сказав, женщина кончила речь. Тогда парень обратился к этой женщине со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Девица Монгукчон,
Чем я могу тебе помочь?
Твой рассказ когда слушал,
Жалость большая к тебе родилась.
Что бы ни случилось,
Рассказ твой на землю не брошу (т. е. не забуду).
А тот-то [твой враг] когда придет?

Он кончил. Эта женщина опять держит речь:

Кемонин! Кемонин!
Кемонин! Кемонин!
«Когда придет?», — спрашиваешь.
Лишь солнце начнет появляться,
Он придет, громадина,
Ну, живы будем, встретимся!
Мне хорошо было бы
Три-четыре дня протянуть.

Она кончила говорить. Звук ее крыльев послышался в направлении к полуденной стороне (т. е. к югу), и сама она блеснула на солнце.

Парень продолжал сидеть на камне. Сидел там день и ночь, на вершине крутого гольца. И вот, когда он сидел, утром, когда солнце всходило, с той стороны, с которой прилетела девица, послышался шум. Словно гром был этот шум. Прислушиваясь и приглядываясь, парень смотрит в сторону этого шума. Что-то приближалось, заслоняя солнце. Подумал парень: «Видно, враг-авахи приближается». Посмотрел и думает: «Да он богатырь!». Вот враг-авахи приблизился к нему. На вид это был трехголовый орел. Прилетел, стал рассматривать. Этот авахи такую речь держит:

Дынгды, дынгды![10]
Дынгды, дынгды!
Мата, здорбво!
Ты не видел девицу,
За которой я гонюсь?
Здесь недавно [она] пролетела.

Вот он кончил говорить. Тогда обращается тот человек к врагу-авахи:

Кудэргие! Кудэргие!
Авахи-друг, привет тебе!
Я не сторож девицы,
За которой ты гонишься!
За какое зло
Ты преследуешь
Эту девицу?
Чем эта девица
Провинилась?

Он кончил. Вот у врага-авахи волосы стали дыбом. Рассердился он и заговорил. Громким, очень громким голосом заговорил:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли
Молодец-мата,
Хорошо известный
Кодакчон-богатырь,
Я стольких видел,
Но мимо тебя не пройду!

Сказал [и] спустился на землю. Когда он спустился, Кодакчон такую речь произнес:

Кудэргие! Кудэргие!
Громкий (т. е. известный всем)
враг-авахи, богатырь,
От того, что ты громаден,
Я не попячусь от страха
И на расстояние пальца ноги!

Вот они договорились:

Столкнемся!
Если ты меня съешь,
Скажи: «Съем!».
Если убьешь меня,
Скажи: «Убью!».

Вот они крепко [на земле] встали друг против друга. «Ну, ударь кулаком! Ты начинай!», — договорились. Врагу-авахи сказал богатырь Кодакчон:

Кудэргие! Кудэргие!
Ты, авахи, богатырь человек,
Первым начинай!

Вот враг-авахи ударил кулаком. Ударил он, парень удержался на ногах. Тогда, после того как авахи ударил, парень говорит: «Теперь я ударю кулаком». Ударил врага-авахи, ударил в основание уха. Авахи удержался на ногах. Вот они начали биться. Впадины взрыхляют, холмы во впадины превращают. Они, топчась, с высокой горы скатились. Чащу в поляну превратили, равнину — в чащу с валежником, деревья поломали. Битва продолжалась. Бились они равно. День и ночь бились. «Я, авахи, таежного человека не могу одолеть». И таежный человек не может одолеть врага-авахи. Равно борются. Сколько дней прошло с тех пор, как начали бой, неизвестно. Вот они лбом в лоб, плечом в плечо оперлись, смотрят — чей сустав задрожал, чья кость неустойчивой стала. Посмотрел [мата], а суставы врага стали слабнуть. Кости авахи дрожат. Авахи увидел, что кости дрожат, о [своей] слабости узнал. Вот враг-авахи речь повел:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли мата,
Кодакчон-друг,
Из-за какого зла
Мы деремся?
Зла не было
В прежние годы.
Чтб отнимая друг
у друга,
Мы деремся?
Прекратим-ка друг!

Когда он сказал, наш богатырь, средней земли Кодакчон, говорит:

Кудэргие! Кудэргие!
Если я одолею, [то] убью тебя,
Не сказав и слова.
Если же я поддамся,
Не жди от меня и слова [о пощаде].
Ты, одолев, убей меня!
Я, одолев, убью тебя!

Он кончил речь, и они продолжали бой. Вот он стал одолевать врага-авахи. Каждым ударом стал добивать. Вот авахи говорит:

Дынгды, дынгды!
Дынгды, дынгды!
Средней земли
Богатырь-молодец,
Кодакчон-мата,
Ты победы достиг.
Кто мне теперь поможет? —

сказал он. [Мата] бросил врага-авахи на спину и сел ему на печень. Сев, собрался перерубить [ему] горло. Убил он врага-авахи. Убив, развел костер. Врага испек на костре, [тот] пеплом стал. Сжег [он его] и [пепел] бросил в воду.[11] «Пусть впредь на среднюю землю враги-авахи не выходят из-под земли!».

Парень нашел взятые с собою лук и стрелы и пошел. Пошел своим первоначальным путем, в сторону восхода солнца. Идет себе. В пути он присел отдохнуть на колоде. Отдохнув, встал. Когда вставал, услышал какой-то голос. Словно сверху послышался ему голос. Прислушался этот человек: действительно, вверху [кто-то] говорит. Посмотрел человек вверх: над четвертой тучей, под девятой тучей [кто-то] летит. Прислушался этот парень — это речь его младшей сестры. Сестра такую речь повела:

Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Кодакчон-братец,
Услышь [мой] привет!
Долго же ты путешествуешь:
Уже третий месяц пошел,
[С тех пор как ты] отправился сюда.
[Я] этот твой путь
За три дня
Пролетела [бы].
Ты ведь отправился, говоря:
«Так странствуя,
До какой земли дойду я?».
Долго же, долго ты добирался сюда.
Ну, Кодакчон-братец,
На долго ли, на коротко ли
Мой привет прими!

Лишь сказала она так, как брат рассердился и к сестре обратился со словами:

Кудэргие! Кудэргие!
Кто же тебе
Сказал: «Приходи»?
Чего добиваясь,
[Ты] отправилась [в путь]?
Жалкий [ты] человек!
Потом когда-нибудь увидев [тебя],
Обдеру тебе спину!
Куда [ты] отправилась?
Возвращайся-ка
Поближе к дому!

Так сказав, [он] ушел в сторону. Этот парень пошел себе вперед. Впереди его ничего не видно. Он спустился вниз по реке. Когда шел вниз по реке, в одном месте кто-то пробежал. Наш

парень погнался. Гнался, гнался, вот-вот нагонит. Когда он стал нагонять — [это], оказывается, [домашний] олень. Тот, задохнувшись [от бега], вывалил язык. Вот наш парень бежал, стараясь поймать. Пытаясь поймать, он дошел до одного дома. Дом был деревянный. Подходя и увидев дом, пошел тише. Посмотрел, а около входа дома на восьми столбах железный помост-ла́баз.[12] На ла́базе девица расчесывает волосы серебряным гребнем, сидя на серебряной скамье. Когда он посмотрел, девица убрала гребень в стол, а волосы покрыла шелковым платком. Увидела богатыря. Увидев, вошла в дом. Лишь только она собралась войти, как в дверях встал молодец. Спросил:

Кудэргие! Кудэргие!
Я — таежный человек,
Из далеких мест пришел.
Далекие страны пройдя, пришел.
Ты пригласишь
Меня на обед к себе?

Он кончил. Когда он стоял у двери, внутри жилища раздался голос. Он прислушался — это девица обратилась к работнице:

Кемонин! Кемонин!
Молодец-мата пришел.
Открой дверь
И введи [его] в дом.

Сказала [она], и работница открыла. Когда она открыла, [девица] ввела его. Введя, усадила [его] на почетное место. Усадив, начала спрашивать его:

Кемонин! Кемонин!
Из каких мест ты, мата-богатырь?
Как твое имя?
Что видел, что слышал?
Расскажи же о том,
Что видел, что слышал.

Парень рассказывать им начал:

Кудэргие! Кудэргие!
Нет у меня ни отца, ни матери.
Я сирота, одиноким жил.
А вот ты, девица, имеющая дом,
Расскажи, что видела, что слышала.
Как имя твое?

Мата сказал. Так разговаривая и расспрашивая, девица села против молодца и стала рассказывать:

Кемонин! Кемонин!
Если о моем звучном
Имени ты спросишь,
Скажу: мое имя
Монгукчон-девица.

Вот парень, когда [она] рассказала, узнал [ее имя]. Монгукчон-девица — это та девица, за которой гнался враг-авахи. Девица накормила его хорошей едой. У нее были [домашние] олени. Была забита яловая важенка, что ходила под тремя вьюками, под четырьмя седлами. Ее мясом и угостила. От этого мяса остался только один кусочек, от жира остался только один глоточек, а навару осталось с ложку. Поев, он сказал: «Спасибо».

В первый раз после ухода из своих мест он наелся. Ему дала [она] соболью постель и рысье одеяло. Он заночевал там. Двое суток он ночевал там, отдыхал. Вот однажды утром, переночевав, он сел напротив и повел рассказ:

Кудэргие! Кудэргие!
В дальние места я пришел.
Я сирота, одиночка,
Я человек, который
Друга себе
Ходит [и] ищет.
Если бы [ты] согласилась,
Если бы [мы] вдвоем
Объединились бы,
То что бы случилось?
Как думаешь ты?
Если согласишься,
Скажи: «Согласна».
Если не согласишься,
Я, человек странствий,
Пойду своим путем.

Он кончил, тогда речь повела девица:

Кемонин! Кемонин!
Ты, мата средней земли,
Молодец, Кодакчон-мата,
Что ты уничтожил
Моего обидчика,
Я этого не забуду.
Сказанных слов мне довольно.
И у меня нет ни отца,
ни матери.

И вот они соединились. Соединившись вдвоем, устроили свадьбу. Забили оленя. Забив, сварили. Сходили за соседями. Три дня свадебное угощение ели. Потом зажили по-хорошему.

2. Кодакчон

Семен Савин (мать — эвенкийка Эдян, отец — якут), род. в 1894 г., малограмотный.
1960 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

В давние годы, когда река впервые потекла, когда трава только вырастала, на средней земле жили два паренька. Жили-поживали, откуда они появились — не знали; упали ли с верхней земли — не знали. Одно дело только и знали они — бродить по средней земле.

Если взглянуть вокруг, то увидишь чум-утэн [1] такой большой, что не видны ни ближняя (т. е. передняя), ни дальняя (т. е. задняя) стороны его. В нем жили два человека, один из них был больным. Звали больного парня Боскондяриндя,[2] другого парня звали Рожденный от дуплистого дерева Кодакчон-богатырь, силач человек.

Тридцать лет болел младший брат. «Больной лежишь», — [говоря], кормил его старший брат, принося разных зверей. Бродил он по тайге, очень выносливый человек был этот богатырь.

Как-то раз он говорит:

— Ты что-то долго [болеешь], сколько же лет болеешь?

Вот уже тридцатый год подходил, как он болел. Старший брат говорит:

— Вот уже тридцать лет я кормлю тебя, а ты продолжаешь болеть.

— Надо мной уже много людей смеялось, говоря: «Какой же ты хилый!».

— В этом году я тебе помогу, — сказал брат. — Но если ты не встанешь через три года, я тебе покажу!

Он отправился на охоту. Когда он ушел, парень задумался: «Не быть же все время немощным, больным человеком! Попробую я как-нибудь встать и пойти», — говорит он себе. Вот ползком, ползком, привставая, все подвигался, почти два дня до порога он добирался. Наконец, добрался до ограды. Добравшись, он встал и пошел.

Были там красивые деревья. На каждом дереве он пробовал оставить знак. Вдруг в то время, когда он передвигался, залетела откуда-то красивая птичка и села на вершину дерева. Села и заговорила, запела:

Геруканен! Геруканен!
Вот теперь я пою!
Словно умирающий,
Тридцать лет проболев,
Лежишь ты у корня дерева.
Расскажи, откуда ты родом.
Геруканен! Геруканен!
Открой-ка рот! Я окажу тебе помощь.
Ты, собравшись в путь,
Уже стал здоровым.
Когда встанешь на ноги,
То неподалеку
Будет очень большой дом.
В нем самая разнообразная одежда,
Которую носят богатыри, говорю,
Разная соболья одежда, говорю,
И серебряная и железная одежда.[3]
Геруканен! Геруканен!
Рот открой, говорю.

Когда он услышал и открыл рот, [туда] упало что-то вроде яйца.[4] Как только оно упало, парень стал сильным и очень красивым человеком. «Вот ты и встал! — сказал он себе, встав. — Ведь мне так говорила эта птичка. Вот, попробую-ка пройти вперед!», — сказал он и пошел. Прошелся вперед, смотрит — стоит дом с замком величиной больше, чем голова собаки. Потянул он [его] да так, что вырвал. Очень сильным человеком стал. Начал он надевать соболью и железную одежду — разорвал, надел еще — опять разорвал. Наконец, самую крепкую одежду — боевое одеяние — нашел и надел.

Надев, «куда же идти?», — говорит. Шагая, увидел — стоит еще дом. «Иди туда!», — говорила птичка. Пошел туда — стоит дом на земле, замок с собачью голову. Потянул [его] с силой, оторвал. Смотрит — стоит красавец-конь с естественным седлом и крыльями (букв.: с седлом из себя), стоит на привязи. Потянул богатырь на себя цепь, порвалась она. Вышел на улицу. Выйдя, вскочил на коня, сжав своими икрами бока (букв.: грудную клетку) коня, кнутом ударил по крупу. Конь три дня пытался его сбросить, мучил его, бросая туда и сюда, думая: «Упадет богатырь».

Но богатырь ни разу не упал. Он выдержал, промучившись три дня. Остановившись, [конь] сказал:

— Ну, будь моим хозяином. Теперь поедем, куда захочешь!

Он, сделавшись богатырем человеком, пустил коня рысью. Три дня ехал, доехал до дома. Приехав домой, привязал своего коня. Привязав, пошел к чуму-утэну. Вычистил всюду и развел огонь. (*Повествователь добавил по-русски: «Выбросил все остатки болезни»*). Развел огонь. Тем временем пришел старший брат — сильный человек, Рожденный из дуплистого дерева Кодакчон-богатырь. Подходя, он уже издали усмехался. Усмехаясь, сказал: «Вот, действительно, мой брат стал здоровым человеком. Огонь горит, обрадовался [он], что может по-настоящему ходить». Говоря так, он вошел в дом. Брат совсем изменился. Старший говорит братишке: «Здоро́во!»; тот не оглянулся и не произнес ни слова.

— Что это такое? — спросил старший и, рассердившись на младшего, сказал: — Если в течение трех дней не станешь человеком, я тебе покажу!

Младший брат (букв.: этот человек) тоже рассердился и убежал. Отбежав, пошел к своему коню. Придя к нему, он сел на него и очень быстро поехал.

— Ну, — говорит старший брат, — вот так здо́рово! Что же ты за человек! Давно ли ты начал ходить, [а уже] зазнаешься, эх ты!

Старший брат пошел, долго шел. В это время братишка его доехал до большого моря. Добравшись до моря, конь его остановился. Конь такую речь пропел:

Лэргек! Лэргеникен-хенгуй!
Лэргек! Лэргекен!
Вот теперь и пой [о том, что]
Тридцать лет жил
И болел ты.
Боскондяриндя, послушай
Слова старшего брата!
[Если же] не послушаешь, не спросишь,
Когда старший брат, придя,
Говорить будет, [худо тебе станет]!
Я тебе говорю:
Когда он вниз посмотрит,
Ты вверх смотри;
Когда он вверх посмотрит,
Ты вниз смотри![5]
Очень сильный он человек,
Очень хороший человек!
Против его советов
Ничего не говори, знай себе слушай!
Я перескочу через море-матушку.
Сидя верхом во время быстрой езды,
Ты узду (букв.: железо) хорошенько держи
И крепче сиди!
Когда, доехав до моря и перепрыгнув,
На тот берег попадем,
Там будет четыре камня.
Если я встану на них четырьмя ногами,

Дальше поедем хорошо.
Но если я ступлю двумя ногами,
Упадем в море-матушку!
Ну, сильнее гони вперед! — сказал.

Вот [конь] перескакивает море. Перескочив, полетел [и] летел очень быстро. Человек хотя и крепко сидел [на коне], но чуть-чуть не упал. Очень быстро уж [конь] летел. Там было четыре камня, конь четырьмя ногами прыгнул. Конь прыгнул четырьмя ногами и соскользнул. Зацепившись [только] двумя ногами, упал в море и поплыл (букв.: начал двигать ногами).

Тем временем, откуда ни возьмись, появился сильный человек Кодакчон. Когда они попали в море, он правой рукой подбросил их вверх. Подбросил вверх — и человек с конем упали на землю, сразу умерли. [Когда они упали], этот сильный человек плюнул на ладонь и потер рукою, и они стали такими же [живыми], как и прежде.

— Ну, вот, — говоря, дал он совет младшему брату: — я тебе укажу — поедешь ты в далекие места. Расстояние до них так велико, что семь птиц семь раз родятся прежде, чем доедешь (т. е. через семь лет доедешь). Иди на восход солнца.

Так старший брат советовал младшему, так он пел:

Генгдэ! Генгдэронен!
Генгдэ! Генгдэронен!
Богатырь человек,
Босконджяриндя-братишка,
Ты послушай меня!
Когда доедешь до земли,
До которой надо ехать
Столько лет, что перелетная [птица]
Успеет семь раз снести яйца,
Встретишь богача старика.
У него есть одна дочь,
У него есть один сын.
Не доходя до дома,
В двух километрах от него,
Будет большое жертвенное дерево —
Место жертвоприношений,
Дерево добрых людей — эвенков.
Дерево, которому поклоняются.
Дойдя до того дерева,
Отрывают, сломав, ветку.
Разведя большой костер, говорят:
«Скот и оленей сохрани
Нам для питания (букв.: для вертела)!».
[Ты] кусок мяса величиною с шапку хорошего человека,
Величиною с рукавицу плохого человека,
Оторвав [от убитого оленя], съешь!
Потом, когда сожжешь [ветку] и отправишься,
Там будет старый вождь, богач,
Там будет его сын-парень.
Тот, придя, [скажет]:

«Из каких мест придя, разбойник
Сломал все жертвенное дерево и ест?».
Говоря, поведет [тебя] к отцу-старику.
Когда сын старика, так говоря, [станет] приглашать к себе,
Ты не смотри, не улыбайся.
Когда он крикнет:
«Ты, из дальних мест пришелец,
Иди-ка своим путем!»,
Ты не смотри, не улыбайся.
Когда он позовет: «Идем к отцу!»,
Тогда отец его скажет:
«Вот ведь Хоролден,
Наш слуга, прогневал
Богатыря из дальних мест,
Пришедшего обидел!».
Вот, не дойдет Хоролден
До стола, [как его] побьют.
Потом старик пошлет свою дочь.
Дочь, надев лучшие одежды,
Стесняясь, войдет.
Он скажет вежливо:
«Посмотри на хорошего богатыря,
Пригласи его в дом!».
Ты не рассматривай ее.
«Устал ведь ты.
К отцу пойдем», — скажет.
Тогда отец, старик хозяин,
[Сам] придя, скажет: «Куда пойдем?».
«Отдохни!», — скажет он,
Но ты не слушай его.
Потом придет с нижней земли
Богатырь, враг-авахи,[5]
Сэлэлунде с нижней земли.
Прибыв, он унесет девицу.
В пути, превратившись
В трехголового орла,
Посадит девицу на шею.
Тогда девица скажет:
«Грех мне сидеть на жертвенном дереве!
Прихватим его в попутчики», —
Врагу она скажет.
Действительно, он сильный богатырь!
Ни с какой стороны его не убьешь,
Ни с какой стороны его не сдавишь!
У него около сердца, вероятно,
Особых два куска мяса.
Днем смерти своей [он]
Сам распоряжается.
На лету, зацепив тебя лапой, [орел]
Посадит на шею себе.
Сидя на нем, плюй в него так,
Чтобы глаза его не могли видеть,
[Рот] не мог плюнуть или сказать.
Потом, рассердившись,
Ты [все-таки] его одолеешь.
«С чего это ты на меня плюешь?
Убей!», — говоря, он спустится [на землю].
Ну, сказав [так] и спустившись [на землю],
Сэлэмэндя сядет, став человеком.

Тогда ты скажи ему: «Сейчас приду».
Вероятно, ты сам убежишь от него.
Я буду в том месте.

Этот человек [Боскондяриндя], сидя на коне, быстро поехал. Много ли, мало ли ехал — не знает. Ехал сквозь туманы. Летел, летел очень долго [на крылатом коне]. Сколько-то времени пролетев, этот человек остановился. Там стояло одно дерево. «Старший брат правильно, — говорит, — рассказывал». Остановившись у дерева, он отпустил коня. Пройдя, влез вверх по дереву и поломал все ветки. Наломав, развел большой костер. Поймал самого лучшего из оленей, убил, обжарил на рожне и начал есть.

Во время его еды подошел слуга Оролдин, пришел и смотрит, говоря: «Ты, разбойник, из каких мест прибыл, что так поступаешь?». Рассердился на него и выругал.

Человек ест и не смотрит даже. Слуга подошел к богатому старику и говорит: «Разбойник пришел, сломал все дерево и убил самого лучшего оленя (букв.: оленей).[7] Плохой человек пришел», — жаловался [он] старику. Старик, рассердившись, сказал: «Обижаешь ты богатыря, пришедшего из дальних мест». Потом побил [слугу] палкой.

Утром рано [старик] послал сына. Отправляя сына, он сказал: «Поди посмотри (т. е. узнай), о чем тот расскажет. У этого человека есть старший брат». [Старик] отправил сына. Тот пошел: «Что это за человек пришел?». Смотрит он — на вид хороший человек, а дерево сломал да еще оленину (букв.: оленей) ест. Тогда он сказал:

Дынгдэ, дынгдэ, дынгдэронин!
Дынгдэ, дынгдэ, дынгдэронин!
Из дальних стран богатырь,
Матерый, хороший человек,
С талантом (букв.: с духом-хозяином) человек,
Приходи-ка [к нам] в гости!
Старик хозяин
Тебя приглашает,
«Войдя в дом, отдохни», — сказав, зовет.
«Из каких мест изволил прибыть?», — говорит.

Но человек [Боскондяриндя] и не взглянул, знай себе ест. Устал [сын] звать. До каких же пор звать? Пошел парень к отцу. И думает: «С чего это богатырь человек сломал все дерево, оленя убил?».

Старик забеспокоился. «Почему не идет этот человек? — говорит. — Он обязательно должен прийти в гости. Дочь, сходи-ка ты [за ним]!». Посылает он свою дочь. Заставил надеть лучшую одежду. Девочка была очень стыдливой, хотела было не пойти. И другого боялась: «Отец начнет ругать», — думала.

Вот надела [она] нагрудник и пошла к богатырю. Приближалась, стесняясь. Посмотрела, а богатырище жарит их оленя на

рожне. Придя, подошла. Подойдя, так начала петь, стесняясь, свою речь:

Кедайканен! Кедайканен!
Дальних стран житель,
Дальних стран богатырь,
Вождь-старик, мой отец,
Послал меня сюда.
Из дальних мест придя,
Ты, видно, проголодался?
Под теплый кров
Зайди отдохнуть!
Из каких мест
Идешь ты, человек?
Что скажешь теперь? —
Сказала тогда девица.

Этот богатырь и не смотрит, хотя и хочет посмотреть. «Если не выполню слов брата, быть беде», — говорит и не смотрит. Хотел улыбнуться. «Как брат говорил, так я и не стану смотреть», — подумал. Девушка устала приглашать и чуть не заплакала; вернулась домой, сказала: «Не смотрит. Что это за человек?». Тогда старик сказал: «Пойду-ка я сам позову!». «Кто бы ни пришел, не подходи, не смотри на него», — [вспомнил парень слова брата].

Старый вождь, облачившись, пошел к богатырю. Пришел, смотрит — [тот] все дерево поломал, огонь развел, сидит и ест оленину (букв.: их оленей). Еще издали раскланиваясь, [старик] говорит ему: «Ну, приходи в гости!». Напевая так, продолжает: «Из дальних мест ты пришел. Отдохни у меня!». Долго просил его, устал приглашать. Звал, звал, не уговорил. Пошел старик домой.

После его ухода [парень] пробыл недолго. Через три дня затряслась вся земля. Пришло время появления атамана врагов-авахи из нижнего мира. Прибыв, он мигом вывел из-под земли нескольких быков, запряженных в повозку. Сел на повозку одноногий, с одним глазом на правой стороне лба, очень страшный, в железном одеянии. Никакой человек не мог его одолеть — везде железо. Прибыл никем не побежденный авахи. Еще издали авахи говорил, такую речь он пел:

Дэнгдэ! Дэнгдэ! Дэнгдэронин!
Дэнгдэ! Дэнгдэ! Дэнгдэронин!
Старик Угоян, вот теперь —
Дэнгдэ! Дэнгдэ! Дэнгдэронин! —
Красивую девушку с длинной косой,
Девушку Нюрдяк возьму.
Надень красивые одежды,
Приготовься к поездке!
Еду хорошую приготовь!
Пока не отзвучит моя речь,
Отдай свою дочь, старик!
(Но отдаст ли старик?) [8]
Если не отдашь, сокрушу твою землю!
Все твое владение уничтожу!
Дэнгдэ! Дэнгдэ! Дэнгдэронин!
Пока не исчезли звуки моей речи,
Скорей собери свою дочь, говорю.

Что делать старику? Дочь с плачем нарядилась в одежды. Отдал он в руки врага свою дочь. Авахи со словами: «Надо скорее уезжать из этих мест», покатавшись по земле, обернулся трехголовым орлом.[9] Этот орлище усадил девицу себе на шею. Усадив, полетел. Направился авахи в свои места. Во время его полета девушка такую речь пела:

Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Сэлэлунде-авахи,
Ты послушай меня!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
В пути у нас
Огромное дерево будет,
Там человек огонь развел,
Там человек оленину ест.
Схвати его за ворот!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Брось его на шею себе!
Дэвэдарекой! Дэвэдарекой!
Тогда ты будешь молодцом! — говорит.

— О! — сказал [авахи]. — Я положу его на шею себе!

Летит авахи, [видит] — у дерева богатырь. Схватил его лапой (букв.: рукой) и посадил себе на шею этого богатыря. Этот богатырь в пути так ругался и говорил:

Авахи-парень, когда ты взял хорошую девицу?
Ты, авахи, меня в нижний мир несешь,
Ах ты, такой-сякой!

Говоря, он плевал ему в глаза до тех пор, пока тот не перестал видеть. Авахи очень рассердился.

— Каким образом хочешь ты одолеть такого богатыря, как я? Я сейчас превращусь в каменного человека. Тогда с какой стороны ты ударишь палкой? Чем заколешь меня?

Авахи со злости спустился на землю и превратился в каменного человека.

[Парень] вспомнил: «Мой старший брат предупредил, [говоря]: „вот сейчас приду“». Побежал туда [парень], а там стоит старший брат — сильный человек, Из дуплистого дерева рожденный Кодакчон стоит. Вот он, приняв вид человека, взяв железное копье, побежал к авахи. «Он знает, что [авахи] меня убьет», — [подумал младший]. Авахи испугался и говорит:

— Кто тебя знает! Приняв вид младшего брата, ты собираешься убить меня железным копьем. Не убивай меня! Я сделаю тебе добро. Куда бы ни пошел, помогу! Раз сказал, сделаю!

— Ну, теперь я скажу! — и Кодакчон-богатырь запел:

Генг, генгронин! Генг, генгронин!
Богатырь Сэлэлэнде,
Авахи, слушай!
Силач человек, Сэлэргун,
Моего братишку, взяв на спину,
Никого не задевая,
Вывези-ка в то место, [откуда он пришел].
Тогда я тебя не убью!
Послушай-ка мою речь!
Если хорошо довезешь, не убью! —
Так сказал старший брат.

Как только он сказал, авахи перепугался:

— Ты куда попросишь свезти, я свезу, не трону его, — говорит.

Он повез младшего брата в его места. Отправившись в его места, благополучно довез. Оставив его там, авахи направился в другую землю.

Кодакчон-богатырь отправился в дальние места. Он был пешим охотником (букв.: человеком); у него не было ни коня, ни другого средства передвижения, только железный посох. На хождения в дальние края он был мастер.[10]

Однажды полил сильный дождь, выпал град, но человек все шел. Всем было слышно, как он шел. «Кто, откуда богатырь идет?», — говоря, смотрели. В талой земле увязая до таза, в мерзлой земле увязая до колен, бежал он. Бежал он очень долго, много лет. Кончилась еда, сносилась одежда. И все еще продолжал путь. От такого движения он стал хуже всех людей. Измучившись вконец, оставшись без одежды, голодный, собрался умирать. Но он шел и шел. Силы стали покидать его, а он все шел. Вот смотрит он — стоит чум. Человек этот, едва-едва дойдя, постучал в дверь так, что весь дом задрожал. На все это смотрела богатырь-девица.[11] Она сказала ему:

— Ты такой сильный человек. Из каких мест ты пришел? Страшный, не входи в мой дом! — сказала и не впустила.

Ничего не сделаешь! Страдая, он опять пошел вперед. Вот на пути у него опять встал большой дом. Дойдя до этого дома, он опять постучал со словами: «Впусти в дом». Тогда великан-девица с лицом величиною с луну, страшная девица сказала:

— Ты такой паршивый, [что], придя в наши дома, испачкаешь их. Иди! Иди!

Что поделаешь — чуть не заплакал он. Пошел человек дальше. Шел, шел, дошел до одного чума. Вот-вот умрет, уже дыхания не хватает. Шел, шел, едва дошел до двери. Подойдя, постучал. Девица открыла дверь. Открыв, усмехнулась:

— Из каких далеких мест идя, таежный человек, человек из эвенков, богатырь, таким ты стал? — сказала. — Ну, входи в дом!

Взяла его за правую руку и с трудом ввела в дом.

Вот он живет и жиром покрывается. Откармливает [она] его самой лучшей [едой]. Поправляясь, съедая пищу, он совсем изменился и принял прежний вид. Между тем девица такой рассказ повела:

Кимо, кимоку! Кимо, кимоку!
Кто же это?
От дерева рожденный
Кодакчон-богатырь?
Кимо, кимоку!
Из дальних стран придя,
Очень измучившись,
Ты пастранствовался.
Кимо, кимоку!
Страшный авахи —
Кемо, кемоку! —
Придя сюда,
Меня унести хочет.
Кимо, кимоку!
Что ты думаешь об этом?
Кимо, кимоку!
Страшен уж очень —
Кимо, кимоку! —
С дыханием огненным,
Огненный авахи идет.
Теперь если ты силен,
То выдержишь [встречу].

Сказав, так спросила:

— Ну, как поступишь?

— Если придет, немного подеремся. Победивший будет иметь счастье.

Вот после этого через три дня нижний мир весь перевернулся; сильный гул послышался с самого нижнего мира, песнь, такая речь раздалась:

Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Железный конь мой,
Быстрее лети!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Из нижнего мира быстро
проникнув,
Мы доедем до средней земли.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Красавицу Шекак
Увезем в свою землю.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Моя громовая речь
Далеко разнеслась.
Гунгер! Гунгер! Гунгер!
Гунгер! Гунгер! Гунгер!

«Быстрее», — говоря, [авахи] погоняет коня. Лишь только [он] сказал, как богатырь стал готовиться. Тем временем богатырь надел одежды. Приготовясь, сильный богатырь, От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь вышел навстречу. Авахи, шагая навстречу, выйдя из нижнего мира, не успел хорошо взглянуть, как перед ним встал великан-богатырь. Тогда авахи выкрикнул:

— Гнусавый ты человек.[12]

От дупла рожденный Кодакчон-богатырь такую речь держал:

Генге! Генгеронин!
Авахи-богатырь,
В какие страны держишь путь?
Скорей рассказывай!
А на первый день
Мой привет услышь!
Вот я, человек,
О встрече с тобою
Давно мечтаю! — сказал так.
Богатырь я средней земли,
Кодакчон-мата, человек.
Как тебя звать, ты
Атаман [врагов]-авахи, поведай!
— говорит.

— О, я — силач Сэлэргунде с огненным дыханием, я — Тогондор-богатырь,[13] — говорит. — Я пришел сюда, чтобы взять в жены красавицу Секак.

— Ты не возьмешь эту девицу! Сначала договоримся. Кто сильнее из нас и не сможет [другому] поддаться, тот и возьмет.

Они немногими словами раздразнили друг друга и начали кулачный бой. Они были страшными и сильными кулачными бойцами. Авахи в железной одежде ничего не боялся. Ровную землю они превращали в рытвины, рытвины выравнивали, ничто их не сдерживало — бились, как на войне. Во время поединка с верхнего мира начался сильнейший ливень с градом — такой, что уничтожил всех зверей, всю растительность и малых детей. Точно они хотели разбить всю землю, так сильно они боролись, схватившись. Бились они, бились, но авахи не поддается, богатырь тоже не поддается. Бьются они наравне четверо суток, конца не видно.

Вот однажды силач Кодакчон-богатырь такую речь произнес:

Генгер! Генгер! Генгеронин!
Тогондор-богатырь,
Авахи, послушай!
В далекую землю
Лучше пойдем-ка, говорю.
Не станем землю портить,
Не станем людей мучить.
Пойдем-ка на площадку
Поединков богатырей!
Вот есть где-то
Железная площадка,
Босой человек

На ней не устоит:
Как огонь горяча
Эта горячая площадка.
От моря-матушки
Она близка, говорю.

Вот если пойдем туда,
Узнаем, кто кого одолеет:
Ты меня одолеешь
Или я тебя одолею.
Согласен или нет?

Задумался авахи над сказанным и сразу ничего не ответил. Потом говорит:

— Хо! Пойдем туда, друг. Кто из нас одолеет, тот и есть силач.

Превратился этот человек в перелетную птицу, в сильную, большую [птицу], и полетел. Второй, [авахи], стал трехголовым орлом. Они полетели в те места. Летели они так быстро, что искры сыпались из крыльев. Быстрее летел сильный человек, Кодакчон-богатырь. Авахи хотя и быстро летел, но отставал.

Вот долетели до площадки у моря. Остановились там. [Кодакчон] где-то нашел два конских волоса из гривы и бросил. Они превратились в двух коней и направились к духу — хозяину моря. [Кодакчон] поблагодарил [духа моря] и ждет. Авахи в железном одеянии прибыл с опозданием. Прибыв с опозданием, таким же [человеком] стал. Силач Кодакчон встал против него, и они схватились. Схватившись, немного побились, и авахи сказал:

— Через три года[14] я тебя брошу [на землю]. Если ты силен — выдержишь, если слаб — упадешь в море, — говорит авахи.

Противник поднял богатыря вверх. Таким образом держал и перебрасывал его трое суток. Не бросил [на землю] и не победил.

— Ну, — говорит Кодакчон, — [теперь] брошу-ка я тебя. Если выдержишь — держись! Вот посмотрим! — крикнул Кодакчон-богатырь, силач человек. Три дня, будучи поднятым вверх, кричал богатырь [-авахи]. Трое суток так подбрасывал [Кодакчон] и бросил [авахи] в глубину морскую, в пылающее пламя.

Уходя в свой мир, [враг] такую речь держал:

— Когда твой сын впервые будет играть белкой, когда твоя дочь станет резать ножницами, я приду к тебе.

Авахи с громким плачем стал спускаться в нижний мир.

Сильный человек Кодакчон-богатырь повалялся, покатался. Став перелетной птицей, полетел к себе обратно, Так он, добираясь до родины, прибыл к Секак-девице средней земли, там отдохнул немного. Девица, обрадовавшись приходу богатыря, встретила и поздоровалась. Встретив, она повела его в свой теплый дом и накормила его разными блюдами. «Отдохни!», — говорит.

Прожив немного, несколько дней отдохнув, он говорит:

— Я хочу вернуться на свою родину, на просторы Тарундяк-земли, — говорит девице богатырь. — Красавица Секак-девица, пойду-ка я в таежные места. Был у меня младший брат. О нем соскучился, — говорит, — хочу пойти туда.

В тот же день он сказал девице:

— Собери-ка мелкие вещи, — говорит, — мы станем мужем и женой,[15] вместе пойдем в далекие места. Перелетная птица семь раз снесет яйца — столько времени надо идти до моей земли. Из таких далеких мест я прибыл, — говорит.

Собрались в путь.

— Вот мы собрались в путь! Не бери с собой ни еды, ни одежды,[16] — говорит он. — Ну, пошли из этих мест.

Секак-женщина сказала:

— Пойдем, дружок, я здесь одна не останусь; на это нет моего согласия.

Они, собравшись, приготовились в путь и собрались ехать в свою землю. Эта богатырша на себе (букв.: на своем седле) носила вещи, а друг ее имел хорошего коня. Женщина, подойдя к коню, подозвала [его]. Она, сев верхом, отправилась. Сильный человек Кодакчон-богатырь повалялся, покатался и превратился в большого орла. Жена [его] поехала на коне. Она не взяла из дома одежду. «Там найду одежду», — говоря, двинулась. От движения богатыря дул ветер, выла буря. Они двигались, летели, одним ухом слушая звуки сверху, другим — снизу. Летели, смотрели на все плохое, происходящее на земле. Долго летели. Много ли, мало ли летели — не знают. Осень по холоду узнавали, лето — по росе, так и двигались. «Ну, далекие же места», — говорит [она].

За то время, как они летели, у младшего брата родился сын. Подрос он и пошел искать дядю. «Какой-то быстрый человек идет», — [подумал он]. Идагурчан-богатырь вышел навстречу. Чуть мимо дяди не пробежал. От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь такую речь держал:

Генге! Генгеронин!
Вот теперь пусть споет,
Из каких мест пришел
Богатырь паренек.
Что за земля у твоих
предков (букв.: корней)?
Расскажи-ка мне! —
быстро сказал он.

Сын младшего брата такую речь произнес:

Тынгтэ! Тынгтэронин!
Тынгтэ! Тынгтэронин!
Давно, давно, много лет прошло —
У моего отца был старший брат.
Счастья в пути он искал.
А я, сын Боскондяринди, ищу [его].

— Эй, малыш, да ты сын моего младшего брата! Ну, поговорим!

Они остановились в пути и поцеловались.[17] Расцеловавшись, вместе полетели домой. Вернулся обратно парень. Этот паренек долго ходил, в далекие места зашел.

Давно, давно, много лет назад, когда [Кодакчон] ушел, там людей было мало; [вернулся] — людей стало много. Вот они, старший и младший братья, обрадовались. Младший вышел навстречу старшему. Жена его привязала коня к телеге. Поцеловались, поздоровались и с радостью вошли в дом. Этот человек [Кодакчон], оказавшись без чума-утэн, сделал хороший чум-дю.[18] Обрадовавшись, [Кодакчон с женой] говорят: «Ну, теперь домой пришли, хорошо жить будем».

Прожив немного, созвали разных людей, говоря: «Уже годы прошли, как мы соединились (букв.: как нам годы стали), теперь устроим угощение». Забили оленей, созвали всех ближних и дальних соседей. От дуплистого дерева рожденный Кодакчон-богатырь такую речь пропел:

Генгер! Генгеронин!
Генгер! Генгеронин!
Люди, все слушайте!
Странствуя по дальним странам,
Среднюю землю,
Онгчор-землю
Всю прошел я.
Везде странствуя,
С разными богатырями
Встречался в пути, — говорит.
Вот рядом сидящую
Девицу, друга себе нашел.
Начав хорошо свою жизнь,
Мы вместе теперь жить станем.
Играйте, пляшите!
Вот сегодня наступил день,
Когда я настоящим человеком
стал, — говорит.

Наставив разные блюда, устроили угощение. Некоторые люди опьянели. Все старики и старухи, немного подравшись, плакали. Молодежь играла.

Так живя, говорили: «На одном месте теперь жить будем». *(«Это конец, окончилось сказание», — сказал повествователь).*

3. Секак

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, давно, когда средняя земля, словно шкурка с головы оленя-мойки,[1] расстилалась, когда верхнее небо, словно радуга в шесть рядов, только становилось, на берегу девятой большой реки, на вершине горы с крутыми склонами стоял одинокий чум-утэн.[2] Жили в нем одна женщина и один мужчина — муж и жена. Он и она достигли среднего возраста — сорокалетнего.

Жили они [и] имели оленей полную долину. Была у них одна дочь. Только что начала ходить. Жили они, воспитывая дочь. Мужчину звали Нингтони-мата,[3] жену — Эрокчон. Постепенно дочь стала говорить. Заговорив, обратилась к матери:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Эрокчон-матушка,
Нингтони-батюшка!
Имя мне
Найдите, прошу!
Как без имени
Жить я стану?

Она кончила речь, мать ответила: «Пусть отец даст имя!». Отец сказал: «Пусть твоя мать [тебя] наречет!». Тогда мать, чтобы имя назвать, такую речь держала:

Оле, доле! Оле, доле!
Доченька, малышка,
Назову-ка я твое имя;
Если ты не забракуешь,
Назову я тебя именем.
Как же (букв.: кем же)
назвать тебя?
Нингтони-богатыря
Дочь, говорю я,
Эрокчон-старушки [дочь],
Под четвертым ложным ребром
Созревшая,
Под восьмым ребром
[Созревшая],
Девочка, имя которой даю.
Широко известное,
Благозвучное имя
Имей ты, хорошая девочка;
По имени Секак
Девочка будь!

Кончила она речь. Обрадовалась девочка имени, выскочила на улицу и хвастливо крикнула: «А у меня красивое имя!».

Живут они. Девочка уже начала играть в игрушки. Она, играя, режет ножницами, шьет иглой. Хорошей, очень красивой девушкой становится. За водой ходит, дрова носит. Так они жили, разговаривали и не знали счета оленям. Когда наставало лето, период мошки и комаров, олени приходили домой. Подошедших важенок доили. Когда же не было мяса, они забивали оленя. Забив, ели мясо.

Однажды девушка держала такую речь:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Нингтони-папаша,
Эрокчон-мамаша,
Наша жизнь вот такая
Мне наскучила.
Большая тоска
Напала на меня.
Жить в одном месте
Наскучило мне.
От скуки мне кажутся
Дни без конца
И годы очень длинными.

Сказав, она продолжала:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Я, девушка, хочу
Океан-моря [и]
Равнинной земли
Основание узнать.
Надумала я
Недалеко пойти.
Что бы случилось,
Если бы я пошла?!

На речь ее отец отвечает:

Орель, орель! [4]
Я говорю —
Орель, орель! —
Секак, дочь моя,
Ты, направившись,
До конца
Какой земли
Дойти надумала?
Не ходи, прошу!

Кончил он, а дочь говорит: «Я пойду, что бы ни случилось». Говорит дочь, не слушая отца, и в путь собирается:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Мать и отец,
Я пойду!
Что бы ни случилось,
Я двинусь в путь!

Мать ей говорит:

Оле, доле! Оле, доле!
Дочь моя, Секак,
Не ходи ты сейчас!
У тебя на костях
Хрящи еще не
отвердели,
Молодые мышцы
Еще не окрепли,
Твой мозг еще
Не заполнил черепа.
Года через два
Если бы пошла,
Было бы хорошо.

Она кончила. Девушка упрямится: «Что бы ни случилось, я отправлюсь». Уж очень настойчива была девушка. Сказала она и одежды надела. Нижнюю одежду вверх подняла, верхнюю одежду вниз спустила.[5] Так нарядилась и вышла. Выйдя вон, такую речь держала:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Секак-мамаша,
Я, девица, ухожу!
Что бы ни случилось,
Я вернусь, лишь посмотрев
Основание земли.
Ну, на долго ли,
На коротко ли
Попрощаемся (букв.: пусть
будет прощайте)!
Не печалясь
И не плача,
Оставайтесь, — говорит.

Кончила речь она. Кончив, направилась к верховью реки. Девушка, в пути оглянувшись, подумала: «Далеко я пошла». А чум еще виднелся. Девушка идет и идет. Кажется, далеко, а от дома еще и не удалилась.

Вот продолжает девушка свой путь. Дорогой она присела на колоду. Солнце уже было на полдень. Взглянула на солнце — самый полдень. Девушка проголодалась в пути. Подумала: «Есть хочется!». Захотела есть. Подумав так, заговорила:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Вот отец и мать,
«Не ходи», — говоря,
Отговаривали меня.
Только полдня
Прошла я,
А уже проголодалась.
Но я, девица,
Назад не оглянусь!
Только вперед пойду.
Мой шелковый платок,
Мое слово сделай
волшебным! [6]
И ты, вверху видимое,
С радугами небо-матушка,
Мое слово послушай!
Дух средней земли,
И ты послушай
Мою речь!
Хорошенько слушай!
Я своим сильным ртом
Громко прокричу.
Моего широкого горла
Мою веселую речь
Послушай!
Вот я, из белого серебра
Оперением покрывшись,
Белым журавлем-таха,[7]
С темными каймами на
крыльях, полечу.

Сказав так, полетела. Летит она в небо. Летит — видит очертания земли. Вот таким образом совершает она свой путь. Когда она летела, перед нею и птичка не пролетала. Летит она в сторону восхода солнца. В пути вдруг услышала звуки. Прислушалась к звукам. То, что она услышала, была речь:

Дэнгдэлэ, дэлэ!
Дэнгдэлэ, дэлэ!
Чьей земли, каких мест
Ты, девица-красавица?
С оперением из
Белого серебра,
Красивая, хорошая
Птица-гаха
Путешествует.
При первой встрече
Прими мой привет.
Подожди, остановись!
Поговорим-ка!
Уж если встретились,
Познакомимся,
О себе расскажем.

Сказав, окончил он речь. Девушка взглянула — с полуденной (т. е. южной) стороны железный ястреб-птица,[8] говоря, подлетает. Когда он подлетел, она стала говорить:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Железный ястреб-птица,
На твой привет пусть
будет мой!
Ну, если спрашиваешь,
Я тебе расскажу.
Давно на средней земле
Жил богатырь
Нингтони по имени.
Слыхал, вероятно,
Об этом старике?
Об Эрокчон-старушке
Ты, видно, слышал?
Так вот — я дочь их
По имени Секак.

Железный ястреб речь держит:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Ну, дочь Нингтони-богатыря
Со средней земли,
Секак-девица,
Я расскажу!
Я сын
Из рода Оха,[9]
Утольдина-старика
И Утакан-старушки.
[Я] железный ястреб-птица,
По имени Дюпкулкон-
Дюпкулдин,
Мата-богатырь.
Я, услышав весть
О том, что ты пустилась в путь,
На этот слух прилетел.
Куда же ты направилась?
В какую страну,
Зачем ты пошла?

Кончил он речь. Начала девица свою:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Мата, железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин,
Ты, мата, о моем, пути,
О моей цели для чего
Расспрашиваешь?
Тебе совсем не нужно
Знать, куда я лечу.
Я направляюсь сама,
Своим путем.
Ну, мата, конец далек,
А пока прощай!

Сказала и вперед двинулась. Своим путем полетела. Дюпкулдин-мата продолжал:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Секак-девица,
Почему не хочешь
Говорить?
Чего испугавшись,
Улетела ты?
Друг, обожди!
Поговорим еще!
Куда торопишься,
День ранний,
Год долгий! [10] —

говорит. Секак-девица отвечает:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Не надоедай ты
Далеко странствующей девице!

О далеких местах
Я мечтала.
А сам ты
Своего пути держись!
Очень нужно мне знать,
Куда летишь ты!

Я куда надумала (букв.: своим умом),
Туда и буду путь держать,
А ты лети [туда],
Куда сам надумал, говорю.

Сказала и полетела. Железный ястреб за ней полетел. Летя следом, запел:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Секак-девица,
Ты, девица-друг,
Постой, обожди!
Почему со мною
Не хочешь говорить?
Спеша, до какой земли
Скорее добраться
Торопишься ты?
Как бы ты ни торопилась,
Я — мата-человек,

По твоему свежему следу
Следующий!
Когда долетишь
До основания земли,
Встретишь меня, который
Не может быть не встречен.
Я тот, который летит
Над тобою в небе,
украшенном радугами,
Тот кто не спускается.

Кончил он, запела Секак-девица:

Чими, тороканен!
Чими, тороканен!
Дюпкулдин-мата,
Для чего ты меня
Задеть собираешься?
Если силу мою узнать
Собираешься ты,
То попробуй догнать.[11]
Если силу мою узнать
Попробуешь, то потом
Не плачь, не сердись на то,
Что Секак-девица

За собой следовать заставила,
Такой длинный путь
Пройти заставила!
Если не заплачешь,
Пожалуй, следуй [за мной]!
Я тебя, как ни говори,
Во время первой встречи
Дурным словом
Не отругала.
На это ты сам
Напросился.

Девица кончила речь. После этого оба, соревнуясь, полетели. Секак-девица тогда речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин-мата!
На край какой Кидан-земли
Мы держим путь?
Я, девица, говорю:
Девять океанов,
Восемь морей
Встретим мы;

Над восемью крутосклонными
Мысами, морскими мысами
Мы пролетим, соревнуясь.
Кто же первым долетит?
Ты сам знаешь, [куда] лететь].
А я сейчас полечу.
Может, и обгонишь [меня].

Сказала и кончила. «Вот завтра долетим до мест, где восходит солнце. Кто первым долетит?», — сказав так, они разошлись в двух направлениях. Каждый летел своим путем. Летит девица и ускоряет свой полет. Вот долетела до морского мыса. Долетев, вытерла пот. Только справилась, как подлетел железный ястреб. Долетев, так запел:

Дэнг, дэлэ, дэлэ!
Секак-девица,
Ты когда собиралась
Сюда прилететь?
Я думал, что
Не долетит она.

Он, мата, продолжал:

Секак-девица,
Ты послушай,
Что я тебе скажу!
Ты первой долетела,
Ты быстрее прилетела.
Несмотря на это,
Что бы ни случилось,
Я не тот человек,
Который задерживает
Тебя в пути.
Но я не отстану от тебя.

Кончил. Секак так ответила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Дюпкулдин-мата,
Ты не только со мною,
Но и около меня
Лететь не пробуй.

Сказала и вперед полетела:

Ну, мата,
Конец далек,
А пока прощай.

Девушка отправилась в сторону восхода солнца. Мата остался на месте. Девушка движется вперед и вперед, она [ведь] путница. Летит и летит. О лете узнает по выпавшей росе, о зиме — по выпавшему инею, об осени — по всплеску весел. «Осень настала», — думает. О весне — по выросшим листьям. «Весна наступила», — думает. Летит вперед. Не знает, когда ушла от отца, от матери.

Летела, летела, стала подлетать под самое солнце. Долетела до одного очень хорошего места. Пошла по красивому лугу. Посмотрела перед собою: «Вероятно, это белый голец», — говорит. Приблизилась к нему — это деревянный дом. Хорошенько разглядела — белый, четырехгранный, серебряный дом.[12] С неба (букв.: с верхнего мира) на тройной серебряной веревке спускается меч. Из-под земли (букв.: с нижнего мира) появился с восемью железными подпорами дом. Долетела до них. Долетев, спустилась. Спустившись, посмотрела на дверь. Дверка — в сторону восхода [солнца]. Войдя, такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Четырехгранный
Айгурский [13] дом,
Я издалека
Путь держу.
Если внутри есть хозяин,
Звук моего голоса
Услышь, говорю.
Я со средней земли,
Из очень далеких мест
Путь держу.
На ночлег меня
В дом впусти!
Едой я обеднела,
Одеждой обносилась.
Ну, пусти погреться!

Сказав так, окончила речь. Послушала девица — внутри речь раздалась:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Сумколдин,
Работник мой,[14]
Открой дверь,
Скорей, скорей!

Дверь открыли. В открытую дверь [девица] вошла. Войдя, прошла три двойных помещения и вошла в четвертое. В четвертом помещении сидит хозяйка. [Девица] сказала ей: «Здравствуй». Поздоровавшись, села. Когда села, хозяйка дома спросила:

Геревлакан!
Геревлакан!
Девочка-девица,
На какой земле [ты]
Родилась и жила?
Каких старика
И старухи ты дочь?
Как имя твое?
Что видела
В пути, что слышала?
Обо всем расскажи!

Она кончила. Девица заговорила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Я, девица, расскажу,
Если ты о новостях
Расспрашиваешь.
Где мои предки (букв.: корни),
Спрашиваешь ты;
Чья дочь я,
Спрашиваешь ты.
Я расскажу.
Давно, давно, на средней земле —
Вероятно, ты слышала —
[Жил] Нингтони-богатырь;
О старике, вероятно,
Слыхала ты.
Об Эрокчон-старушке,
Видно, слышала ты.
Богатством прославился [он],
Много оленей
Было у старика.
Вот его дочь я,
По имени Секак-девица.

Окончила [девица] свое обращение к ней. Хозяйка дома девицу угостила. После угощения две женщины обо всем говорили. Пока они говорили, настал вечер. [Секак] тут заночевала, три или четыре дня гостила. Нагостившись, она такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Дочь солнца,[15]
Тыргакчан-тетушка,
Послушай-ка ты,
Что я расскажу!
К твоему доброму имени
(т. е. к тебе)
Из далеких мест
Я по небу прибыла.
Для чего? — если спросишь,
То отвечу тебе:
Я прибыла сюда,
Думая: «Она меня
Всякому научит,
Разным обычаям
Научит она.
Край земли она, зная,
покажет», — думая,
[Я] сюда прибыла.
Ну, как ты смотришь?
Меня с собою вместе
Если бы ты увела,
Что бы случилось?

На речь ее Тыргакчан-девица ответила:

Геревлаканен!
Геревлаканен!
Со средней земли
Богатством известного
Нингтони-маты
Девица-дочь,

Эрокчон-старушки
Хорошему обученная
Девица-дочь,
Секак по имени.
Я знаю конец земли,
Основу земли —
Все знаю я.

Разные хорошие народы
Видела я.
Я знаю все,
Что рождено
Под солнцем;
Для меня нет неизвестного.

Сказала она. После этого они опять говорили о разном. Потом дочь солнца опять заговорила:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Секак-девица,
Слушай хорошенько.
Открой свои
Оба уха!
На ус намотай (букв.: умом своим хорошенько запомни)
То, что я расскажу тебе.
Какой земли край

Хочешь ты посмотреть?
Какой земли народ
Хочешь посмотреть?
Я знаю уранкаев
Всех трех земель,[16]
Как свои пять пальцев.
Где проходит
Анюй-река,[17] знаю, все знаю.
Где [надо тебя] провести —
Это место я знаю.

Она кончила. «Если хочешь в путь пуститься, — говорит, — пойдем сегодня же». Сговорившись, собрав мелочи на дорогу, сказав: «Пойдем!», отправились. Вышли вон. Выйдя и превратясь в белых журавлей, полетели. Летят они. Вот они сколько-то пролетели. Летят, подымясь ввысь. Подымаясь вверх, они добрались до верхнего мира. Добравшись, пошли по верхней земле (т. е. по горной тундре). Земля с хорошими местами. От мест [Секак] они отличаются — красивые места. Идя, дошли до одного дома. Дом хорош, четырехгранный. Дойдя, там остановились. Тыргакчан-тетушка такую речь держала:

Геревлаканен!
Геревлаканен!
Девушка верхнего мира,
Догикчон-дружок,

В твои места прибыла.
Дошла, говорю.
Открой дверь!
Я пришла узнать, говорю.

Когда сказала она, та открыла. Когда открыла дверь, они вошли. Войдя в дом, сели. Хозяйка дома так начала свою речь:

Доги, дэрокон!
Доги, дэрокон!
Дочь солнца, дружок,
Что видела ты?
Что слышала ты?
Это подруга твоя —

Какой земли
Она дочь?
Чье имя носит
Девица?
Как ее имя?

Секак-девица заговорила:

Чими, чими, тороканен!
Чими, чими, тороканен!
Верхнего мира девица,
Догикчон-девица,
Если ты спрашиваешь,
Я расскажу,

Откуда происходят мои предки (букв.: корни),
Где родилась я.
Если спросишь,
Какого старика,
Какой старухи

Дочь я,
Как имена их,
Расскажу я.
И о своем имени
Тоже скажу.
Отец мой со средней земли,
Богатством известный —
Нингтони-старика
Дочь-девица я,
Секак-девица
По имени я.
Моей матери имя
Эрокчон-старушка.
[Я] ничего нового
Не видела, не слышала.
Может, ты расскажешь,
Что видела, что слышала?

Она кончила. Заговорила Догикчон-девица:

Доги, доги, доракан!
Средней земли девица,
Секак-дружок,
Что я видела,
Что слышала — не ново.
Рассказы одного
Другому не новы.
А имя мое —
Верхнего мира девица,
Догикчон-девица.

Она кончила. Девица угостила подруг. Там [они] заночевали. Переночевав, утром встали. Встав, «куда направимся?», — обсуждали. Догикчон-девица подругам говорит:

Доги, доги, доракан!
Друзья, этого верхнего
мира
Богатыри на игрища [18]
На нашей земле соберутся.
Приезда их и игрищ
Наступает день.
Сегодня на игрище
Придут разные
Маты-богатыри.
День сбора и встречи
Сегодня настал.
Не пойти ли нам
Всем трем туда?

Она кончила. Секак-девица заговорила:

Чими, чими, тороканен!
Верхнего мира девица,
Догикчон-дружок,
Я ведь человек, еще
Не видевший юношей.
Мне хочется их
посмотреть.
И игрищ я не знаю,
Познакомиться
С игрищами я хочу;
С рождения игрища
Не видела я.
Посмотреть я хочу,
Разным играм
Научиться хочу.

Она кончила. Все три собрались в путь. Надели новые одежды и отправились. Девица верхнего мира знала место игрищ. Направились туда. В знакомое ей место пошли. Догикчон знала все места [игрищ]. Вот понемногу они дошли. Место игрищ было красивым. Юноши собрались, богатыри верхнего мира. Продолжают играть, петь и плясать. Догикчон-девица, паря вверху, такую речь держала:

Доги, доги, доракан!
Богатыри верхнего мира,
Маты, здравствуйте!
Мы добрались
До мест ваших игрищ.
Мы девицы трех миров.
Верхнего мира девица,
Догикчон-девица —
Это я, говорю.
Под солнцем живущая
Тыргакчан — одна из нас.
А одна из нас —
На средней земле
выросшая

Нингтони-старика
Дочь, по имени
Секак-девица.

Вы нас пустите
Играть вместе с вами?

Кончила речь. Тогда один юноша произнес:

Дэнг, доле, доле!
Дэнг, доле, доле!
Вот, друзья, говорю,
Верхнего мира
Богатыри, к нам
Пришли трех земель
Девицы-кедак [19]
На наши игрища.
Как, мы допустим
Пришедших, я думаю?
Если спросите меня,
Я ведь тоже среднего мира

Старика Утольдина
Из рода Оха сын,
Железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин,
Мата я.
Секак-девица,
Здравствуй!
Ведь давно уж,
Как встречались мы.
Как странствуешь?
Что видела?

Он кончил. Секак-девица речь начала:

Чими, чими, тороканен!
Вот среднего мира
Старика Утольдина
Из рода Оха сын,
Железный ястреб,
Дюпкулкон-Дюпкулдин,

Мата-человек,
В верхний мир
Когда ты прибыл?
Я же ничего
Не слыхала, не видала.

Она кончила. Все продолжали свои игры. Три дня они пели. Напевшись, стали они собираться в свои места. Секак-девица вспомнила отца и мать. Вспомнив, стала собираться в обратный путь, к отцу, к матери. Вот она такую речь держала:

Чими, чими, тороканен!
Дочь солнца,
Тыргакчан-тетушка,
Настало время
Вернуться к себе.
Отца и мать вспомнила,

Как-то живут
Теперь отец и мать?
Уже много времени
прошло,
Как я ушла от них.
Конец далек, прощай!

Она кончила речь. Отправилась, полетела. В свои места направилась. Вот летит она, летит, очень далеко залетела. Долго летела, наконец добралась до дома. Состарившиеся отец и мать обрадовались возвращению дочери, обнимали дочь. «Ну, как путешествовала, дочка? По каким местам ходила?», — спрашивают. Дочь в ответ запела:

Чими, чими, тороканен!
Матушка, батюшка,
Я прошла две земли,
Богатырей всех
Встретила, видела.
С дочерью солнца
Тыргакчан-девицей,
Богатырь-девицей,
Вместе путешествовала

В верхний мир.
Добрались до дома
Догикчон-девицы
Из верхнего мира.
Добравшись, втроем
Отправились
В места верхнего мира,
В места игрищ
Богатырей верхнего мира.

Там в игры
Поиграв, разошлись.
Все наши друзья
Вернулись к себе.
Вот и я тоже
Вернулась домой.

Она кончила речь. Так они жили и много оленей у них было.

4. Три девицы

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда над землей небо только зарождалось и было словно пуповина, в одном чуме-утэн [1] жили три девицы. Три девицы, и у каждой из них по одному котлу было, [каждая] сама себе готовила, варила. [Каждая] свою еду ела. Все три в лес ходили за дровами. У них не было ни одного оленя, ни одной собаки. Все три они не разговаривали между собой, ни о чем друг друга не спрашивали. Сами по себе жили.[2] Так и жили от рождения. Одна — по имени Секак-девица, средняя — Монгукчон и одна из них — Догикчон-девица.

Вот однажды Секак-девица к подругам, к младшим обратилась:

Дэвэдареко! Дэвэдареко! [3]
Монгукчон-сестрица,
Послушай, что скажу.
Выросши под
Светлым солнцем,
Мы нисколько не разговаривали.
Сегодня я поведу разговор!
На какой земле выросли [мы]
Сиротами, без матери и отца?
Как мы родились? — спросите [вы]
Мы уранкаи — люди тайги.[4]
Как одинокими [все] три
Выросли мы?
Если подобные нам
Уранкаи имеются,
То вы, может быть, знаете?

Она кончила, тогда Монгукчон повела речь:

Кемонин! Кемонин! [5]
Сестрица, я говорю:
Ведь ты первой свет
увидала (т. е. ты старше)!
Если знать, уж [ты] знала бы!
А мне как знать?

Она кончила. Тогда Секак-девица речь повела:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Я говорю,
Монгукчон-сестра,
Если бы мы
По средней Сивир-земле,[6]
По Кеян-земле [7]
В путь направились бы,
То мы, девицы,
До основания земли
Прошли бы.
Если бы мы отсюда
В путь отправились бы,
То куда бы пришли?

Сказав, она кончила. Монгукчон-девица продолжала:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Я из этих мест,
От теплого чума
Не отдалялась.
Если ты умна,

Если ты собралась в путь
По Кеян-земле,
По Сивир-земле,
И если ты отправишься,
То я не задержу, говорю.

Она кончила. Секак-девица сказала:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Вы послушайте
Мое девичье слово!
По средней земле,
По неизвестной далекой земле,
По неизвестной широкой земле
Завтра утром
Я, девица,
Завтра утром
В путь отправляюсь.

Она кончила. Монгукчон-девица сказала:

Кимо, кимонин!
Кимо, кимонин!
Секак-сестра,
Ты в какую
Далекую сторону
Идти собираешься?

Она кончила. Одна из них не говорила, сидела, [смотря] вперед, и слушала. Вот они поужинали. Поели, легли спать. Утром встали рано. Позавтракали, опять сами себе порознь сварили. Эта женщина [Секак] кончила есть, собрала посуду. Одежду вверх подобрала, хорошенько связала волосы, набросила платок и подвязала вязки на унтах. Вышла, чтобы в путь отправиться. Выйдя, встала против двери. Встав, речь повела:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Сестрицы [мои],
На долго ли, на коротко ли
Давайте простимся.
Живите хорошо!
Если буду жива,
В каком-нибудь месте
На краю Кидан-земли[8] встретимся.
Всем сердцем, всей душой[9]
Я стремилась
По средней земле отправиться.
Разве подобная мне девица
Может быть задержана
коряжинами[10] в пути?
Где я буду идти,
Когда силы мои истощатся?
Пока силы есть, буду идти.
Прощайте, [сестры]!
Ну, конец пути далек,
распростимся.
Живите хорошо!

Она кончила речь и отправилась. А эти остались. Двинулась в путь Секак-девица. Идет своим путем. Вот уже полдень. В пути она, говоря: «Пить хочу», не остановилась. Говоря: «Пить хочу», воды не пьет и пути не прерывает. Вот дошла она до одного места. Красивое, удобное для стоянки место — лужайка. Дошла до места, где листья не желтеют. Девица, дойдя, осмотрелась хорошенько. Видит — там озеро. Хорошее, с чистой водой, зимой не замерзающее озеро. Посмотрела туда — это место зимовки (букв.: посадки) разных уток и гусей. Удивилась девица. На берегу песок, села она на него. Сев, такую речь держала:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
На средней Сивир-земле
Есть различные места!
Здесь растут деревья-лэкэнив[11]
С тройными стволами,
С нежелтеющими листьями.
С чистой, прозрачной водой,
С незамерзающей зимой водою
Ключи и озеро [здесь] такие.
Здесь кормится
Очень много перелетных [птиц].
Это места, через которые
Они дальше не летят.

Эта девица свое желание высказала: «Я, девица, здесь остановиться хочу». Кончила речь. Эта девица еще из дома принесла пальму́.[12] Принесла и ящик рукодельный. [Она] взяла кольцо. Взяв его, правой рукой схватила пальму́ и повела речь:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Хороша, красива земля.
Если бы я, девица,
Здесь остановилась
И поселилась,
То сколько бы птиц узнала!
Столько разной птицы ходит здесь!
Как бы там ни было,
[Я], до таких мест дошла,
Что придется мне
Птицей питаться.
Может быть, какой-нибудь
Зверь когтистый
Мне попадется?
В этих местах
Несущая яйца птица
Когда яйцо снесет,
[Я], вероятно, [его] съем.
Вот в какое место я попала!

Кончила и опять продолжала:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Если волшебством я владею,
То подброшу-ка я
Односторонне острую
Пальму́ к небу!
Четырехстолбовым
Железным помостом для меня
Сделайся! Сделайся!
Потом подброшу-ка я
Мое колечко!
Слово мое волшебное![13]
Кольцо мое, стань
Чумом-чорама![14]
С едой внутри,
С одеждой внутри!

Сказав, девица подбросила кверху свою пальму́ и кольцо. Подбросив, посмотрела вверх. Только взглянула вверх — и по ее желанию на середину лужайки упали четырехстолбовый помост из железа и чум. Она вошла в чум. Внутри все приготовлено: хорошая одежда и разные явства. Девица там поселилась, переночевала. Переночевав, утром встала и вышла по своей нужде. Выйдя, посмотрела на озеро — [там] полно уток. Вошла девица в чум. Села, дверь прикрыв. Приготовила как следует утренний завтрак. Только собралась есть, как снаружи звук послышался. Она в дырочку дверки посмотрела. Прислушалась: у дверки шум — словно какой-то человек упал. Тем временем он там, снаружи заговорил:

Кудария! Кударгея!
Кудария! Кударгея!
Чей это дух-хозяин пришел
На мое озерко?
Прежде всего,
Кто бы ты ни был,
Дверку открой!
Если людоед,
То быстро съешь.
Если убийца,
То быстро убьешь.
Если спаситель,
Быстро спасешь!

Он кончил. Девица быстро открыла дверку. В открытую дверь вошел мата.[15] Когда он вошел, девица усадила его на почетное место. Когда он сел, она начала речь:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата, здоро́во!
Что видел ты?
Что слышал ты?
Чьего ты племени?
Где твои предки (букв.: корни)?
С кем ты родня (букв.: откуда ты кровь имеешь)?
Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Куда путь держишь,
Мата-молодец?
Как имя матери, отца?

Она кончила. Заговорил мата:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргие!
На твои вопросы,
Девица-друг,
Я отвечу тебе.
Я — мата по имени Умусни,
Живу одиноким.
А ты, девица-друг,
Из каких мест?
Как имя твое?
Расскажи-ка.
С тех пор как пришла сюда,
Сколько лет [прошло]?

Спросил он. Девица ответила:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата-молодец,
Я расскажу.
Я птичья [дочь],[16]
У меня нет матери,
Отца я не знаю.
Мое имя Секак-девица.
Моя родина
На средней Сивир-земле.
У меня две сестры,
Они живут на одном месте
В чуме-утэн.

Сказав, она замолчала. Мата заговорил:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргие!
Я, человек, говорю:
Твои вести я выслушал.
Прежде передавали
Рассказы птиц о том,
Что три девицы Сивир
Втроем вместе живут, —
Так рассказывали.
С тех пор как я ищу их —
Трех [женщин]-матов
[из племени] Сивир, —
Исполнилось три года.
Гоняясь за множеством птиц,
Наконец, я, придя, [их] нашел.

Он кончил. Она угостила, дала мате всякой [еды]. После угощения он лег спать. Лежали, разговаривали. Переночевав, мата встал пораньше. Поел. После еды, сев против девицы, он такую речь держал:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргие!
Слушай, девица,
Мой рассказ, пойми его.
Ты сама знаешь,
Что́ надо молодцу.
Я — сирота-человек,
Одиноким жил.
Родни у меня нет,
Нет и дома.
В поисках дома
Я путешествую.
Если бы были мать и отец,
Я спросил бы у отца.
Если бы друга имел,
То [с ним] посоветовался бы.
Ты, девица, сама
Уже в возрасте,
Сама раскинь
Умом своим.
Если ты не согласна,
Скажи только «нет».
Правду сказать нетрудно
(букв.: твердым слово не бывает).
Ты не стесняйся!
Кудэрей! Кудэргие!

Он кончил. Заговорила девица:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Мата-молодец,
Я ничего не имею
Против твоих слов.
Я — сирота-девица,
Чего же мне не
согласиться?

Она кончила. Дала свое согласие:

Дэвэдареку! Дэвэдареку!
Ты, мата-молодец,
Всем своим существом (букв.:
честным сердцем, своей печенью)
Ты обо мне думал!
Действительно, если
Мы должны соединиться,
То не плохо бы к свадьбе
Что-либо поискать [на угощение].

Она кончила. Начал мата:

Кудэрей! Кудэргие!
Кудэрей! Кудэргие!
Угощение к свадьбе
Найти нетрудно.
Вот сегодня же
Подготовим свадьбу.

Он кончил. Вышел вон, взял в руки лук и одну стрелу[17] и ушел. Пошел добывать угощение к свадьбе. Пойдя за добычей, сразу же, еще до полудня, принес жирного лося. Этим они угостились. Потом нашли место [для чума]. Появились у них дом и хозяйство. Муж был хорошим охотником: бил много зверей и птиц. Долго бил, и вот вокруг стали кончаться звери и птицы. Им стало страшно жить здесь. Сколько лет они здесь жили, неизвестно.

Между тем у них родился сын. Сын был красивым, чистым ребенком. Вот он начал сидеть в колыбели. Вначале ползал, потом ходить стал.

Однажды рано утром послышался какой-то шум. Муж (букв.: старик), открыв дверь, вышел посмотреть. Со стороны захода солнца подходит медведь. По тропинке прямо к чуму идет. Человек взял лук, стрелу. Взяв, вышел и выстрелил в медведя. Пущенная стрела была удачной, он попал в ухо. Стрела прошла [голову] насквозь. Зверь упал. Человек подбежал к медведю. Волоком подтащил его к двери. Положив, отделил шкуру. Медведь был жирным. Стали они есть его. Трое суток прожили. Когда они переночевали третью ночь, рано утром послышался снаружи звук, словно речь послышалась:

Дэнгдэ, дэнгдэ, дэнгдэ, дэнгдэ!
Ты, мата-молодец,
Мой ровесник (букв.: вместе
рожденный) Умусни,
Здоро́во, друг!
Моего щенка
Кто убил?
Я в прежние годы [о тебе]
Ничего не слыхал!
Жаль, жаль щенка!
За какую вину
Ты убил его?

Он кончил. Умусни речь держит:

Кудэрей! Кудэргие!
Мата, шумный враг-авахи,[18]
Я не знал, что это твой щенок.
Если это твой щенок, зачем
отпустил?
На какое воровство отпустил?
Я бы его не убил.

Он кончил. Враг-авахи начал петь:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Я спрашиваю тебя,
Чем заплатишь за щенка?
Брось-ка мне в рот
Своего сына-парнишку.
Я не ел уже третий месяц!

Дынгдэ! Дынгдэ! Дынгдэ!
Дынгдэ!
Отдашь мне и жену!
Если отдашь, унесу [ее]!
Если не отдашь,
То Секак, жену твою,
Любым способом отниму.

Он кончил. Тогда человек [Умусни] выскочил вон. Выскочив, мата показал кукиш врагу-авахи.[19] Авахи обиделся. От обиды начали они биться. Авахи был очень сильным богатырем. Умусни-мата собрался его одолеть за три дня, но не мог победить авахи. Во время боя заплакал сын, ворочаясь в колыбели. Сын, плача, говорил:

Генг, геронин!
Генг, геронин!
Генг, геронин!
Генг, геронин!
Секак-матушка,
Посмотри-ка на них!

Секак-матушка,
О чем ты думаешь?
Что же ты сидишь?
Умусни-папашу
Враг-авахи убить
пытается!

Он кончил. Через некоторое время раздался голос врага-авахи:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Умусни, мужа твоего,
Я убил.
Скорей собирай все добро,
Мы пойдем.

Скорее приготовь в дорогу
своего сына.
Зачем таскаешь с собою
Сына плохого человека?
Вот я сейчас же
Съем его печень и сердце.

Он кончил. Женщина заплакала. Плача, заговорила:

Давэдареко! Давэдареко!
Вот несчастье пришло!
Для того ли я жила,
Чтобы быть съеденной
врагом?

Если я и жива останусь,
То что мне делать?
Если ты должен съесть,
Ешь меня скорее.

Она кончила. Вышла женщина вон. Выйдя, начала биться с врагом-авахи. Бьются двое суток, не поддается женщина, не сгибается. Три дня бьются. После трех дней авахи говорит:

Дынгдэ! Дынгдэ!
С разными богатырями
На средней земле
Бился я.
В течение трех дней

Я оставался непобежденным.
А здесь что за смелая
женщина!
И родилась же такая
Сильная женщина!

Так сказав, он кончил говорить. Тогда женщина заговорила:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Враг-авахи,
Я — такая женщина,

Что в твоем рту
Не помещусь.

Так сказала она. Они бьются еще три дня. Опять она не поддается. Вот женщина как будто стала одолевать врага. Тогда враг заговорил:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Секак-женщина,
Раньше [между нами] зла
ведь не было.
Давай кончим бой!
Ты дошла до победы.
Я прошу тебя добрым
словом!

Он кончил. Заговорила женщина:

Дэвэдареку!
Дэвэдареку!
Я, женщина, говорю:
За убийство мужа
Чем заплатив,
Оправдаться ты хочешь?
Я не остановлюсь,
Пока не разобью тебя.
Вот если бы мужа
Как прежде дышащим,
Как прежде живым
Ты бы сделал,
Тогда не убила бы тебя!

Она кончила. Враг-авахи говорит:

Дынгдэ! Дынгдэ!
Не убивай меня,
Я мужа тебе оживлю.

У врага была такая сильная мазь. Он начал его оживлять. Авахи помазал Умусни, тот ожил. Стал человек-человеком. После оживления женщина, схватив врага за горло и бросив, прижала его к земле. Придавив, пальмой распорола живот и убила. Убив, пошла домой. Женщина, Умусни и сын стали жить по-прежнему.

5. Мокигдын

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 т., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давным-давно, когда на самой середине земли дерево, как травка, вырастало, [а] гора, как холмик, подымалась, когда уранкаев [1] не было, когда зверей было мало и лиственниц больших не было, жил один парень. Этот парень сделал себе жилище — чум из маленьких стволов полярной березки. Таким образом живя, он в пищу употреблял всякого [зверя]. Когда он жил [здесь], деревья стали подрастать. Над парнем стало много птиц летать. Захотелось этому парню убить зверя для еды. И подумал он однажды: «Разве у меня нет сметки, чтобы я не мог [их] убить?». Вот взял он древесное лыко. Взяв, разодрал на волокна. Разодрав, сделал петли. Сделав, он пошел на одно озерко и насторожил [петли] на том месте, где птица питалась ягодами. Насторожив, он пошел домой. На следующее утро встал рано, пошел осматривать петли. Смотрит — утки в петли попали. Взвалил их на плечо и вернулся домой. Дома очистил и приготовил поесть. Ест — до чего [пища] вкусная! Вот и начал он питаться птицей. Опять

задумался: «Вот убить бы лося и поесть, это вкусные звери». Вот задумался парень и сделал лук-самострел. Пять самострелов сделал. Пошел на речку. Там тропа, хорошо протоптанная. Там и насторожил самострелы. Насторожил и пошел домой. Дома переночевал, утром встал и пошел смотреть самострелы. Смотрит — в одном самостреле олень попал под стрелу и тут же упал. Так он [его] убил. Не освежевав целиком, он потащил [его]. Принес домой. Придя, освежевал его. Попробовал мясо. Вот охотник теперь нашел свое [охотничье] счастье. Так, привыкнув [охотиться], парень стал дальше думать. Вот он сделал лук. Сделав, стрелы приготовил. Начал охотиться с луком, стрелять стал. Затем он свой чум покрыл на зиму шкурой лося.

Звали его средней земли молодец Мокигдын. Младшего брата у него не было. Задумался он. Стал он думать о далеких местах. «Много зверей я убил. Заготовил мяса, но нет у меня никого, кто бы ел это все. Только я сам. Пойду-ка поищу сотрапезника (букв.: поищу себе рот). Что это я на одном месте в чуме, по земле не пространствовав, собрался состариться что ли? Не повидав основы земли, состариться собрался что ли?». Вот и надумал: «Я должен пойти посмотреть край земли». Думая так, он заснул. Выспавшись, встал рано. Вот встал и утром начал кое-что собирать. У него была сделана сумка из шкуры, в нее он уложил еду. Взвалил ее на спину и собрался в путь. Выйдя и отойдя на три шага от входа, встал лицом к нему. Встал и обратился к чуму со словами:

Доке, доке, доонин!
Доке, доке, доонин!
Пожив на одном месте,
Я отправлюсь в путь.
Чум ты, чумик,
Если ты живой (букв.: если внутри есть живое),
То на долго, на коротко ли
Распрощаемся!

Сказав, этот парень отправился в дальний путь. Пошел Мокигдын-мата.[2] Вот в пути на одном месте застал его вечер, он заночевал. Переночевав, рано утром встал; перед тем как отправиться, завязал свою суму. Завязав, взвалил на спину, чтобы идти. Взвалил и посмотрел вперед. Видит — кто-то идет прямо к нему. Посмотрел на приближающегося, а это, оказывается, медведь. Огромный медведь идет к нему. Парень, подумав, произнес: «Если я его в поединке убью, то поем его мяса». Он натянул лук; натянув, собрался пустить стрелу. Думая так, начал к нему приближаться. Собрался выстрелить, а этот медведь сел.[3] Сев, он повел речь:

Лурил, лурил! Лурил, лурил!
Средней земли
Парнища-молодец
Мокигдын, сыночек-друг,
Что это на меня
Этот лучище
Нацелил ты?
Первую стрелу из лука
Приготовился спустить?
Лучше в меня
Не стреляй, не стреляй!
У меня на шее

Трехсаженная
Железная цепь
Висит, говорю.
Ухватись за нее!

Тогда я тебя
Признаю, говорю,
За хозяина тебя
Признаю, говорю.

Вот парень опустил лук и стрелу. Когда опустил, медведь подошел близко. Когда тот приблизился, Мокигдын смотрит — действительно, трехсаженная длинная железная цепь волочится. Медведь говорит:

— За меня, за цепь ухватись; если ты добрый человек, садись на меня, хорошенько упрись. Если ты не будешь бить меня, я тебя повезу.

Ухватился парень [за цепь]. Ухватившись, хорошенько о твердую землю ногами уперся. Медведь рванулся вперед — [цепь] не пускает. Парень тянет медведя назад. Трижды вперед рванувшись, медведь повел речь:

Лурил, лурил! Лурил, лурил!
Средней земли
добрый молодец,
Мокигдын-мата,
Крепко, крепко
Ты уперся ногами!
Ухватился ты
Крепко, крепко!
Уж очень ты
Тяжел парень!

Лурил, лурил!
Мокигдын-мата,
Прислушайся-ка
К своим думам!
Ведь я же *хорошо* [тебе] говорю!
По краю средней
Сивир-земли
Мы вдвоем
Должны пройти!

Отправились в путь. Странствуя, парень добрался до большой дороги. Отправился по этой дороге. Добрался до разветвления на три дороги. Парень, остановившись, стал рассматривать разветвления пути. На левом ответвлении дороги насажена голова волка. Посмотрел человек на среднюю дорогу — с правой стороны дороги голова духа-хозяина [4] насажена. Посмотрел он на правую дорогу — на ней конский хвост с шелковым волосом [к палке] привязан, [палка] направлена в сторону восхода солнца. Тогда парень подумал: «По какой дороге отправиться?». Раздумывая и собираясь двигаться, он сказал медведю:

Доке, доке, доонин!
Доке, доке, доонин!

Ты, медведь, как думаешь:
Уранкай поблизости будет?

Медведь хорошенько улегся. Улегшись, стал нюхать и прислушиваться. Ничего не почуял — не мог. Парень, рассердившись на него, выдернул огромную лиственницу вместе с корнем. Выдернув, переломил пополам; переломив, парень ударил медведя по голове так, что она треснула. Убил медведя и голову его отрубил. Отрубив, повесил мордой в сторону захода солнца на шесте, где висела голова волка.[5]

Повесив [его голову], парень в путь отправился. Подумал: «Пойду по средней дороге». Отправился по средней тропе. На ней

были следы шедших вперед и не было следов [ни одного] возвращавшегося человека. Это были следы очень больших людей. Парень стал двигаться дальше. Вот в одном месте появились свежие (т. е. сегодняшние) людские следы. Парень подумал: «Далеко ушли эти люди! Хорошо бы их догнать!». Вчерашних следов не было. Идя по следам, нагнал. Догнал, видит — люди, такие же, как и он, большие. Догоняя, парень такую речь повел:

Доки, доки, доонин!
Доки, доки, доонин!
Вот говорю теперь,
Богатыри-маты,
Друзья, привет примите!
Чьей земли вы маты?
Чье имя носите?
Ну-ка, друзья,
Расскажите-ка,
Что видели, [что] слышали, говорю.
Куда путь держите?

Он кончил речь. Заговорил [повстречавшийся] человек:

Гуруканен! Гуруканен!
Странствующий человек,
[В ответ] на свой привет
Прими мой привет!
Если о моем звонком имени
Спрашиваешь ты,
То я по порядку
Все расскажу.
Геруканен! Геруканен!
Вот ты, друг,
Если вопрос
О новости задаешь,
Я скажу тебе:
Там, где соединяются
Девять больших рек-еиэ,[6]
Там, где встречаются
Восемь морей-океанов,
На вершине лиственницы
Жилище-настил имеющий,
Живу я, Иронучон,
Богатырь человек.

Спросил тогда его товарища наш парень Мокигдын: «Как твое имя?». Другой человек рассказал:

Даву, давукенин!
Даву, давукенин!
Мокигдын-мата,
Друг-человек,
Ты послушай,
Я расскажу.
На средней земле выросший,
На восьмой скале живущий,
По имени Кадапучан-мата я.
Куда, спрашиваешь, иду я?
В сторону восхода солнца,
К дочери солнца[7]
Путь держу я.

Они, поговорив, втроем вместе пошли. Идя, вниз по реке направились. С двух сторон утесы. Парни прошли по ущелью. Дошли они до конца ущелья. При выходе из ущелья с двух сторон стоят высокие богатыри с железными палицами.[8] Мокигдын шел последним. Дошли они до богатырей. Когда дошли, те увидели их. Наш парень обратился к богатырям:

Геруканен! Геруканен!
Геруканен! Геруканен!
Где бы перейти людям
Большую реку-еиэ Котор?
Кого вы караулите,
Кого поджидаете,
Стоя на двух сторонах [ущелья]
У подножия гор?

Они ответили:

Нерэги, нерэги!
Тыли, тыли!
Мы, люди, охраняем
[границу].
Если спросишь: «Зачем?»,
Отвечу: по распоряжению
Дочери солнца,
Нюнгурмок-красавицы.
Она, услышав, что
Средней земли
Парень-богатырь,
Мокигдын-мата придет,
Сказала нам:
«Караульте проход!
[Враг], придя на мою землю,
Добра не сделает.
Не давайте перейти
На эту землю», — сказав,
Поставила нас сторожить.

Парни, рассердившись, начали [со стражей] переругиваться. [Стража] сказала:

— Мы разобьем ваши головы железными палицами.

Тогда Иронучон говорит:

— Я первым пойду. Если меня раньше убьют, то убьют старого человека.

И вышел вперед Иронучон. Выпедшего человека Сэлэргун-богатырь сверху ударил. Тот увернулся, но одно плечо [он] разбил ему. Человек [Иронучон] тут же упал. Тогда Каданучан-богатырь Мокигдыну говорит:

— Друг, жаль! Убили нашего товарища. Пойду-ка я, — сказал он и вышел.

Подошел к Сэлэргуну. Сэлэргун-богатырь приготовился к удару палицей. Ударил подошедшего, и хотя тот увернулся, но одно бедро разбил. Тут же [Каданучан] сел. Тогда Мокигдын говорит:

Доке, доке, донин!
Доке, доке, донин!
Друзья, как же быть?
Ведь мы были [богатырями]
С известными именами.
Сэлэргуны, говорю,
Два Сэлэргуна-богатыря
Меня одного
Для чего оставили?
Моих друзей убили,
А меня одного [вам]
И на зуб
Не хватит!

Сказал так парень и пошел. Сэлэргун-богатырь приготовился ударить Мокигдына. Говорит Сэлэргун-богатырь:

Нериги! Нериги
Мокигдын-мата,
Прощайся ты
Со светлым днем!
Если от прежнего
Что и осталось,
Если родня была,
Старшие и младшие,
Скажи им: «Прощайте!».

Сказал и ударил палицей. Но Мокигдын увернулся от удара. Увернулся, и [Сэлэргун] промахнулся и ударил по большому камню, который был перед ним. Пятипудовую железную палицу разбил о камень на четыре части. Остался Сэлэргун без палицы. Подошел он [к противнику]. Когда он подходил, Мокигдын ударил его кулаком. По основанию уха ударил Сэлэргуна. У того от удара потекла кровь из другого уха. Второй Сэлэргун подошел и

ударил палицей. Мокигдын схватил его палицу, схватил и отнял. Отняв, его же палицей разбил ему голову. Убил обоих Сэлэргунов. Дом Сэлэргунов был недалеко. «У товарищей ноги поломаны», — сказал, взвалил обоих на плечи и понес в дом Сэлэргунов.[9] Принеся туда, положил их. «Когда раны на ногах заживут, возвращайтесь домой! Сами же знаете!», — сказал он и пошел дальше.

6. Нивонинде

Никус Арсенов (Эдян), род. в 1917 г., неграмотный.
1948 г., р. Амгунь, Верхне-Буреинский район, Хабаровский край.

Давно, давно, когда земля словно брошенный мокрый коврик-кумалан была, словно брошенный коврик-тэнинэ[1] была, жил в то время один уранкай[2] в чуме. Чум его был утэп.[3] Сказал бы этот человек «мама», но не было у него матери; сказал бы «папа», но не было у него отца. Жил сиротою. *(Пояснение сказителя: «Эта часть — основа сказания»).*

Если послушать его звучное имя, то имя его было Нивонинде-богатырь. Откуда он вышел — не знал. Устал думать об этом. Сам про себя думал: «Большой я богатырь. Такого, как я, нет. В местечке Етинде,[4] на земле Опон, нет такого человека, как я», — думал он. За все время, что он жил, к нему не пришел [ни один] человек-уранкай, не встретился с ним. Рассердился он из-за этого. Утром, когда еще иней был, выйдя, он закричал: «Если бы в нижнем мире жил Халдяркай, было бы хорошо! Если бы билось много людей и сильный человек победил, то я побился бы с ним!». Так кричал. Переночевав, утром проснулся, и, когда на постели-бе[5] лежал, снаружи женщина-бэйэ[6] закричала:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Силач Нивонинде,
Привет прими!
Слова: «На средней земле
Сильного человека нет!» —
Выкрикиваешь ты.
Не отходя никуда
От чума, ты уже хвалишься!
На свете разные богатыри есть.
Вот, если бы ты пошел и
побился!

Женщина кончила речь, слово взял Нивонинде:

Генге, генгерой!
Твоих-то [богатырей] нет!
Если найду их, побьюсь!

Кончил. Женщина сказала:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Все равно не одолеешь!

Когда она это сказала, сильно рассердился Нивонинде-молодец. А женщина рассказала про бьющихся людей:

— Есть богатырь нижней земли, атаман всех [врагов]-авахи,[7] богатырь по имени Гарагалтун-Силин[8] и верхней земли богатырь по имени Катан. Пойди и побейся с этими богатырями.

Когда она так сказала, Нивонинде собрался в путь к бьющимся богатырям. Перед уходом такую речь держал:

Генге, генгерой!
Я, парень-молодец,
Средней земли богатырь,
Во что бы то ни стало
дойду!

Вот, наклонившись вперед, в путь пустился. Идя, так он говорил:

Генге, генгерой!
Средней земли богатырь,
Я, Нивонинде,
Пошел к богатырю.

Отправился на бой. Распрощавшись со своим местом, пошел пешком: у него ни оленя, ни скотины никакой не было. Пешком пошел к богатырю нижнего мира. Отойдя от чума, пошел в сторону захода солнца. Долго шел он. Когда шел, впереди прозвучали слова. Нивонинде прислушался. Вот так прозвучало:

Нэдэроконин! Нэдэроконин!
Конец пришел
Моей борьбе.
Одолевает меня
Гарагалтун-Силин,
Нижней земли богатырь.

Бежит [человек] и говорит:

Нэдэроконин! Нэдэроконин!
Авахи-богатырь
Вот-вот [нагонит и] одолеет
меня.[9]
Какой земли богатырь,
Придя, выручит меня?

Вот это услышал Нивонинде-богатырь. Услышав, побежал навстречу. Побежал и сразу встретил. Встретив, посмотрел — авахи-богатырь вот-вот настигнет, вот-вот схватит богатыря тайги. Увидев людей, Нивонинде такое слово сказал:

Генге, генгеронин!
Богатырь нижнего мира
Гарагалтун-Силин,
Что это ты преследуешь
Человека тайги, [Катана],
собираясь убить?
Вот одолей меня,
Тогда покажешь свою силу!

Они, встретившись, начали договариваться. Богатырь [Нивонинде], держась за ухо,[10] начал речь:

Генге, генгерой!
Генге, генгерой!
Богатырь нижнего мира
Гарагалтун-Силин,
За преследование человека
тайги
Я тебе морду разукрашу!

Когда он кончил, авахи-богатырь, держа себя за ухо, такую речь произнес:

Дынгды, дынгды! Дынгды,
дынгды!
Богатырь тайги,
Нивонинде-мата,[11]
Привет [мой] услышь!

Лишь только он так сказал, Нивонинде стал бить кулаком авахи-богатыря, не давая ему покоя. От этих ударов [авахи]-богатырь зашатался, но не падал. Покачавшись, авахи-человек такую речь держал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Нивонинде-силач,
От твоих кулаков
Что-то стало [меня] шатать.

Разные урапкаи
Меня били кулаками,
Но я не шатался.
Впервые от ударов
Твоих я зашатался.

Они продолжали бой. Бьются и так и эдак. Вот после трех дней Нивонинде-богатырь стал одерживать верх над авахи. Кончив поединок и одолев авахи, он собрался его убить. Авахи такую речь сказал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Нивонинде-мата,

Не убивай меня!
С этих пор я не пойду
Против человека тайги.

Но тот, не слушая, добивает. Добив, такую речь держит:

Генге, генгерой!
Генге, генгерой!
Не приходите,
Впредь не спорьте

С человеком тайги.
Все равно убью!
Все равно одолею!

Одержав победу, сказал тому, [врагом]-авахи побежденному человеку [Катану]:

— Иди домой! А придя, помни обо мне, если кто заденет. Если вспомнишь, где бы я ни был — услышу.

Они разошлись. Катан пошел домой. Нивонинде пошел своим путем. Расставшись, Нивонинде пошел в направлении к югу (букв.: на полдень).[12] Очень долго шел. Когда он шел, вверху, в небе прозвучала речь. Нивонинде прислушался:

Ненедареку! Ненедареку!
Средней земли богатырь,
Привет услышь!

Сказала [женщина] и продолжала:

Ненедареку! Ненедареку!
Нивонинде, богатырь
человек,
Средней земли богатырь

Меня обижают.
Спаси меня!
Освободи меня,
Нивонинде-богатырь!

Когда она сказала, заговорил Нивонинде:

Генге, генгеройин!
Генге, генгеройин!
Как-нибудь я доберусь до него!

Сказал и пустился в путь. Двигаясь вперед, быстро дошел до [того] человека. Дойдя, такую речь держал:

Генге, генгерой!
Какое зло она сделала,
Что ты девицу обижаешь?
За обиду я тебе
Морду набью!

Человек, обидевший девицу, [был] Отани-богатырь. Встретились [они]. Отани-богатырь такую речь держал:

Орель-да, орель-да! [13]
Силач человек,
Не зная, меня
Встретил ты.
Пришедшего ко мне
Побив, я буду преследовать.

Рассердившись на эти слова, Нивонинде сразу же биться начал. Вот бились, бились они. И так, и сяк долбили кулаками. Нивонинде начал одолевать. Тогда Отани такую речь произнес:

Орель-да, орель-да!
Не убивай меня!
С этого дня и впредь
Не стану забывать.
Отпусти живого!
Если не убьешь,
Сестру отдам! [14]
Красивая сестра у меня.

Нивонинде перестал бить. Нивонинде-богатырь, взяв в жены сестру Отани, отправился домой. Вот с такими словами он обратился:

Генге, генгерой!
Отани-шурин,
Я в свои места
Собираюсь пойти.
Если какой проходимец
Тебя заденет,
Вспомни обо мне.[15]

Расставшись, он направился домой в свой чум, ведя за собой жену. Шли они, шли, вдруг вверху раздалась речь:

Нэдэроконин! Нэдэроконин!
Силач человек
Нивонинде-богатырь,
Привет услышь!
Сколько раз за обиду
Ты расплачивался!
Такого, как ты, нет.

Нивонинде-богатырь с женою домой пришел. Там стали жить.

7. Отани

Гаврила Эдян, род. в 1897 г., неграмотный.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, давно, когда основа земли с головную шкурку оленя-мойки [1] была, когда море словно большая река было, когда большая река-енэ [2] только начинала из земли выходить, когда хребет высоких гор только становился, на холме у реки чумутэн [3] стоял. В нем жил один-одинешенек мата.[4] Не было у него ни оленя, ни собаки. Не знал он ни матери, ни отца, выкормив-

ших его от рождения. Парень задумался. Говорит вслух: «Если бы я родился в диком месте средней земли, на правых ребрах у меня была бы земля. Если бы появился из дерева, на середине [моего] позвоночника прилипла бы кора. Если бы я упал с едва видимого радужного неба, на макушке у меня был бы иней». Так он рассуждал. [Покров] его зимнего жилья был из камысов с ног оленя-куе [5] с пушистой шерстью; его летнее жилье покрыто шкурками перелетной птицы.

Вот перестали в его места прилетать птицы. Перестала кричать бурая зимующая ворона. Не стало и перелетных птиц — перевелись. Узнав об этом, и лось перестал попадаться.

Жил человек одинешенек. Поговорить — товарища нет, порасспросить — никого нет. Заскучал человек от одиночества. Очень надоело жить одному. Этот мата был по имени Отани-молодец. Стал он раздумывать, как по средней земле побродить, в путь пуститься по средней земле. Вечером, раздумывая, он заснул. Утром встал рано. Поел, одежду надел. Из шкуры лося-ирэ [6] у него был кафтан. Из сухожилия важенки был у него пояс. Опоясавшись, он вышел на улицу. Выйдя, встал против дверки чума-утэн. «Ну вот, — говорит, — пусть будет как будет». Он запел:

Доки, доки, дон, донин!
Чум мой, чумик-утэн,
С остовом из трех жердей,
С грузом из четырех
жердей,[7]
[Ты] оставайся не
разваливаясь!
Через сколько-то лет приду!
Срок не изменю!
Я, человек, иду
За тем, что мне нужно.
Летний чум, крытый
Оперением птиц,
Зимний чум —
Чум-чорама,[8]
Конец далек, прощайте!

Кончил речь он. Направился в путь наш молодец. Пошел вверх по большой реке. Идет он, очень быстро идет. Перед ним и черная ворона, пролетев, «гак» не [успевала] прокричать. Вот путник-молодец дошел до истока реки. Очень крутая горища. Поднялся он на вершину. Поднявшись, отдохнул и огляделся. Посмотрел он в сторону захода солнца, посмотрел в сторону восхода солнца, видит — [на востоке] красивое светлое место. Подумал человек: «Куда пойду?». Подумал и речь произнес:

Доки, доки, донин!
Доки, доки, донин!
Звучным голосом (букв.: ртом)
крикну-ка!
Широким горлом заговорю-ка!
В стороне восхода солнца
Хорошие, красивые, веселые
Места показались.
Хорошо бы до солнца дойти,
говорю.

Сказал и кончил. «Я, мата-молодец, пойду!» — и встал. Встав, собрался шагнуть. Только хотел шагнуть, как [вдалеке] что-то, словно комариное жужжание, зазвенело, что-то, не похожее на пение птицы. Удивился молодец: «Где же это?», — говорит и

смотрит вверх. Видит — со стороны восхода солнца [что-то] движется к нему. Удивился молодец: «Как это птичьи слова похожи на речь уранкая?».[9] Вот такая речь была:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Средней земли молодец,
Отани-богатырь,
Здравствуй, говорю.
Расскажи, что видел, что слышал!
В такое время мы встретились!
В такой день мы свиделись!

Сказав, кончила [птица] речь. Мата заговорил:

Доки, доки, дон, донин!
Доки, доки, дон, донин!
Ты, летящая вверху,
Перелетная птица-мата,
Твоя речь на мою,
Уранкая речь, похожа.
А голос твой на мой похож.
Ты, видно, уранкайка,
Крылатой стала.
На какой земле
Ты родилась? Расскажи.
У меня новостей (букв.: слышанного, виденного) нет.
Я сирота, одиноким жил.
Нет ни матери, ни отца.
Что ты слышала?
Откуда ты родом?
Как тебя звать?

Он кончил речь. Перелетная птица начала:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Мата-молодец,
Под небом с тройной радугой
Странствуя по земле,
Знакомясь с корнями земли,
Я много новостей собрала.
Разное я видела,
Разное я слышала.
Если есть глаза и уши,
Не видя, не слыша, как пройдешь?
На поверхности средней земли
Разное можно увидеть.
Я видела, как человек
Человека убивает.
Если ты будешь расспрашивать,
Я расскажу тебе.
Под ярким солнцем
Над четырьмя землями летающей,
Под солнцем выросла я,
Тыргакчан-девица.
Ну, а пока конец далек,
Распрощаемся-ка (букв.: пусть будет «прощай»)!

Сказала и назад оглянулась:

Мата, мата,
Лети за мною (букв.: смотри на мой след)!
Следуй по невидимому следу!

Сказала и исчезла в выси, улетела. Рассердился человек. В сердцах сказал:

Доки, доки, дон, донин!
Вот что скажу я:
Ты, бедняжечка птица,
Тыргакчан-девица,
Под ярким солнцем живущая,
Девица-красавица,
По невидимому следу
По твоему погонюсь-ка!
На свежий след твой наступлю-ка (букв.: след твой растоплю, уничтожу).

Сказал и бросился в погоню. Бежит и бежит. Бежал он в сторону восхода солнца. Бежал он так [быстро], что вершины невысоких деревьев, [теряя листву], в нити превращались, что большие деревья с корнем вырывались. А человек все бежит и бежит. В конце бега стала одолевать его усталость, [он] уже едва-

едва бежит. Добегает он до одной большой глыбы. Споткнувшись, ударился в нее лбом. Да так ударился (букв.: упал) лбом, что камень разбился. Лоб его чуть не треснул пополам. Человек же продолжает свой путь, хотя и спотыкается. В конце своего пути он полетел, превратившись в железного ястреба.[10] И в воздухе он продолжал свой путь в сторону восхода солнца. Поднялся он *в небо с тройной радугой. Поднявшись, он спустился прямо к месту, где восходит солнце. Из двух крыльев его огонь, как молния, взметнулся* (букв.: *капнул*), раздался треск. Там, на месте соединения семи морей, на месте слияния девяти больших рек, он спустился на середину сопки на белом море. Это был голец, достигающий неба. Сел [он] на вершину его. Сев, хорошенько осмотрелся. В это время услышал откуда-то идущую речь. Такую речь услышал:

Геревлаканин! Геревлаканин!
Кто же это воду выпил?
Кто же это траву съел?
Это мата появился (букв.: родился),
Должно быть, весть принес.
Что же это за мата, [который],
Прожив на средней земле,
Очень мало странствовал?
На трех Сивир-землях
О таком мате не слышала,
Не попал [он] мне и на глаза.

Сказав так и коснувшись крылом вершины гольца, доходящего до неба, она перебралась, едва протиснувшись [между небом и вершиной гольца]. Вот парень увидел, как она полетела, и пошел следом за ней. Пройдя, он дошел до неба. Пройдя [через] голец, парень пошел дальше. Вот попал в такое место, где назад не вырваться и вперед не выйти. Ну, парень застрял там. Застряв, он заговорил:

Доки, доки, дон, донин!
Семь морей, девять океанов,
Белое море-матушка,
Дух — хозяин гольца,
[Всяк], имеющий уши, послушай!
Здесь, на окраине этой Кетан-земли,[11]
Я попал в безвыходное положение.
Пусть место под солнцем [как-нибудь] расширится!
Я мечтал увидеть еще места под солнцем,
Когда шел из своих мест.

Сказав [так], кончил [говорить]. Когда он кончил, откуда-то послышались слова. Повернулся в ту сторону. Взглянул парень Отани-мата — стоит неподалеку от него одна старуха. Стоит и говорит:

Оле, доле! Оле, доле!
Что это, средней земли
молодец,
Отани-сынок,
Что это ты размечтался
О таких далеких местах?

Кончила говорить. Потом продолжала старуха: [12]

Оле, доле! Оле, доле!
Вот что, сынок Отани,
За дочерью солнца —
Тыргакчан,
За девицей [из племени]
кедак,
За девицей [из рода] Девильго-Кувульгат,[13]
Мечтая: «Как бы догнать мне»,
Гонишься ты и
Долго будешь мучиться.

Сказав, старуха только посмотрела, где бы он мог пройти. Парень взглянул вперед — ровная земля и нет гольцов. Пошел он вперед. Идет Отани и идет, потом, превратившись в железного ястреба, летит. Вот мата стал слушать правым ухом: «О верхнем пути своем по небу правым ухом услышу-ка, — говорит, — левым ухом услышу-ка, когда житель нижнего мира — враг-авахи [14] вылезет на среднюю землю», — подумал он. Парень идет в сторону восхода солнца, на пути слышит какой-то шум. Что это прозвучало? Отани-мата идет, прислушиваясь. Хорошенько прислушался — земля гремит. «Это гром прогремел, — говорит, — значит чужой [приближается]». Еще хорошенько прислушался — удары кулачного боя, топот пяток человека, разрыхляют (букв.: обдирают) землю. Еще прислушался, стал подходить. Услышав людской шум, глядя вперед, пошел. Вот стало видно — это бьются люди. Один — чулуро,[15] один — мата, бьются двое. Чулуро уже одолевает мату. Мата говорит:

Генге, генгей! Генге, генгей!
Сэлэргун-друг,
Ты дошел до победы
И меня одолеть (букв.: съесть) собираешься.

Тогда Сэлэргун сказал, а человек слушал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Богатырь верхнего мира,
Дёлони-богатырь,
Три года пробившись,
На четвертый [я] одолеть [тебя] собираюсь!

Он кончил. Отани-мата слово взял (букв.: слово его настало):

Доке, доке, дон, донин!
Ну, друзья, здорóво!
В какую игру вы играете?
Красиво вы играете!
Богатырь парень Сэлэргун,
Нижнего мира чулуро,
За какие обиды и вину,
За что плохое
Этого мату обижаешь?
Расскажи-ка ты мне!

Отани кончил речь. Враг-авахи заговорил:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Я собираюсь взять [в жены]
У известного богатством
Средней земли богатыря,
Монгруни-старика,
Младшую из его семи дочерей.

Много народу он перебил.
Я, одолев старика,
Собираюсь дочь его взять.

Этот же [Отани], придя [сюда],
Сам это хочет сделать.

Отани-мата ему тут отвечает:

Доки, доки, дон, донин!
Вот что скажу я:
Нижнего мира враг Сэлэргун,
Богатырь-чулуро,
А известно ли тебе,
Чтобы враги-авахи когда-нибудь
Дочерей жителей леса [в жены] брали? [16]
И жители леса никогда
[Себе жен] от врагов-авахи не брали.

Он кончил, авахи отвечал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Обо мне, говорят, авахи узнавали,
Каким талантом я отличаюсь от людей.

Сказав, он продолжал:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
А тебя, хотя бы ты и был
Средней земли Отани-богатырем,
Я быстро одолею!

Сказав, кончил. Они, поругавшись, начали биться. «Ну, враг-богатырь, ты начинай! Ударь!», — говорит Отани. Враг-авахи кулаком ударяет. Кулак при ударе отскочил [от Отани]. Начали они биться. Звуки от ударов кулаками по верхнему миру, словно гром, раздаются. В нижнем мире звук их [топчущихся] пяток отдается. Они бьются и бьются. Холмы во впадины превращают, места с валежником — в поляны, а поляны — в места с валежником. Они гальку в мокрый песок превратили. Стоят молодцы, равными друг против друга, никто противника одолеть не может. Сколько месяцев, сколько лет прошло с тех пор, как начали биться, не знают. Во время поединка они продвинулись вниз по реке. Тогда враг-авахи, богатырь, заговорил:

Дынгды, дынгды! Дынгды, дынгды!
Однако с тех пор как мы,
Два богатыря, встретившись,
Начали биться друг с другом,
Прошел уже целый год.
Дынгдэ, дынгдэ!
Мы землю перерыли,
Теперь не вырастет то,
Что могло расти.
Авахи с нижних мест
Все испугались.
Богатырь верхнего мира,
Я говорю — [мы ни разу] не присели.
А что бы случилось,
Если бы мы бой приостановили,
Если бы мы помирились?

Он кончил речь. Отвечая, Отани-мата сказал:

Доке, доке, дон, донин!
Раз я начал биться, не отступлю (букв.: мысль мою не свернуть).
Если же суждено быть побежденным,
Не перестану биться до поражения!
Если суждено умереть — я человек,
Который умрет без слов [о пощаде].
Я мата-сирота,
Одиноким человеком вырос.
Нигде нет у меня родни,
Ни младших, ни старших.

Где бы я ни умер,
Плача по мне не будет,
Одинокий я.
Враг, ты столько
Лесных людей прикончил!

При встрече с тобой
Хорошо бы мне тебе отплатить
За зло и все худое, что ты
причинил!

Кончил речь. Опять продолжают борьбу. Вот бьются они, долго бьются. Тогда авахи-богатырь говорит:

Дынгдэ, дынгдэ!
Богатырь средней земли,
Отани, мата-богатырь,
Хочу я спросить у тебя:
Какой воды напившись, ты вырос?
Раскоряка, ты страшен!
Нет [у тебя] уставших суставов!

Нет [у тебя] и голенных
сухожилий!
От какого уранкая
Ты, парень, рожден?
Вот приходит время
Моего поражения.

Кончил он. Тогда заговорил Отани-мата:

Доки, доки, дон, донин!
Нижнего мира чулуро,
Мата-богатырь Сэлэргун,
Я, человек, говорю:
Упругие сухожилия

Сводить уж начало,
Крепкие мозговые кости
Нагреваться стали.
Ну-ка, держись
хорошенько!

Кончил он, сказав, и опять они продолжали биться. Отани напряг все силы. Стал бить врага-авахи повсюду, его железную одежду во всех местах разрывая, стал ударять. От кулачных ударов изо рта авахи кровь потекла. Авахи обессилел. Когда он совсем ослаб, [Отани] стал его одолевать. И сразу же бросил его на спину. Бросив, вспомнил о старом ноже, выхватил из ножен, что за пазухой были. Оказалось, нож заржавел. Взяв его, [Отани] стал перерезывать [авахи] горло. Перерезал, убил. Убив врага, развел огонь. На огне его изжарил. Сжег его на огне и весь пепел разбросал по воде.[17] Потом сказал: «Пусть не приходит громкий авахи на среднюю землю!».

Убив [врага], парень ушел. По тем следам, где бился, пошел обратно. Возвращаясь по своему следу, в одном месте он увидел много жилищ. В некоторых чумах шел дым от костров. Он пошел туда. Стоит большой дом. Парень пошел к этому дому. «Вероятно, это дом хозяина, руководителя и начальника», — подумал. Дошел до него и остановился у двери. Когда он остановился, к нему подошел один мата и поздоровался. Тогда Отани спросил мату:

Доке, доке, дон, донин!
Ты, мата, друг-человек,

Скажи, где дом вашего
хозяина?
Поведай мне!

Кончил он, говорит тот: «Вот как раз он, я сообщу хозяину». Отани слышит его слово: «Хозяин, Монгруни-мата, пришедший, спрашивает о твоем доме». Старик Монгруни, хозяин-мата, гово-

рит: «Если мата пришел, скорее его впустите». Мату ввели в дом. За руку ввели и [усадили]. Когда он вошел, старик так сказал:

Гени, гени, гени, геней!
Мата-парень, что [ты] слышал?
Из каких мест пришел?

Кончил. Мата заговорил:

Доке, доке, дон, донин!
Я живу на средней земле,
Отани-мата по имени.
А ты, старик, что слышал?
Расскажи, я спрашиваю.

Он кончил. Старик речь держит:

Гене, гене, гени, геней!
Отани-мата,
Жизни моей, старика,
Долгие годы прошли.
Здесь я состарился.
Много оленей вырастил я,
Многие люди приходили сюда.
Разбогател я, живя здесь.
Пока я жил, сюда
Богатырь-чулуро,
Авахи, Сэлэргун-мата
Сюда приходил
И много моих людей побил.
Ты, сынок, сделал добро.
Чем я тебе отплачу
За доброе дело?

Кончил он. Старик говорит своим сыновьям: «Парни, забейте яловую важенку с тремя изгибами (букв.: седлами) на позвоночнике угостить мату. Забейте холощеного оленя с четырьмя изгибами на позвоночнике угостить мату». Он кончил. Забив [оленей], его угостили. Впервые он наелся после того, как из дому ушел. Мясо двух оленей сварили сразу. Вот его-то за один присест он и съел. Наевшись, он там заночевал. Переночевав, встал утром. Отдохнул там один день. Отдохнув, переночевал еще. Старик хорошо угостил и дал разную красивую одежду. Еще переночевал он. Переночевав, встал рано утром. Встал, позавтракал и обратился к старику:

Доки, дони, дон, донин!
Ну, хозяин, дедушка,
Давно, давно, много лет назад [ты] пришел.
Ты старый человек,
Многое [ты] видел и слышал.
Послушай-ка мою речь,
Теперь я стану говорить.
Ты такое большое стадо
Оленей вырастил,
Много детей родил
И вырастил ты!
Я сирота, одинокий человек,
Бродяга, с одним лишь желанием.
Если спросишь: «Что тебе надо?»,
Я скажу: мне нужен друг,
Который рядом может жить.
В поисках жены себе
Я стал бродягой.
Говорят, из семи дочерей
У тебя есть младшая,
Солнцем не опаленная,
Морозом не обмороженная,
Воспитанная тобою за семью оградами,
За семью двойными оградами,
Девица Дарпекчан
Дочь [племени] кидан.
Вот ее-то я и прошу [в жены].

Тогда старик заговорил:

Гени, гене! Гени, гене!
Отаникан-сынок,
Твоего слова достаточно!
Я ничего не скажу против.
Дарпекчан, дочь моя, об этом
Сама знает, если ее спросишь.

Сказал и добавил: «Сходите за дочерью». За ней пошли, девушка пришла. Привела ее под руку одна женщина; эта женщина шла перед ней с опахалом. Приведя девушку, с двух сторон взяли ее под руки и усадили. Когда посадили, отец спросил:

Гени, гене! Гени, гене!
Моя младшая дочь,
Дарпекчан-дитя,
Чужеродец-молодец
Пришел сватать тебя.
Он оказал нам
Большую помощь.
Этот человек дал
возможность
Нам увидеть светлый день.
Он спас нас от чулуро,
От врага, Сэлэргуна-
богатыря.
Ты подумай об этом.

Кончил речь, заговорила девушка:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Монгруни-папаша,
Секалан-мамаша,
Если вы [меня] спросите
[об ответе],
Если вы [меня] отдадите
[замуж],
Я не стану перечить.

Она закончила: «Если я должна выйти [замуж], я выйду». Тогда заговорил Отани-мата:

Доке, доке, дон, донин!
Я доволен данным тобою словом.
Когда же мы свадьбу сыграем?
Я уранкай, и у меня нет скота.
Какой зверь водится в этих местах?
Лось есть или нет?

Он сказал. Заговорил отец:

Гени, гене! Гени, гене!
Сынок Отаникан,
Вероятно, охотник знает,
Какие здесь звери водятся.
Давно, давно, когда я был молод,
Я охотился и зверя бил;
Состарившись, перестал охотиться.
Уж много лет прошло,
И оленей в стаде у меня немало,
Много оленей, говорю.
Скажи, можно ли
Из моего богатства
Справить свадьбу?
Забейте оленей сколько нужно
И устраивайте свадебное угощение.

Он кончил [и] стал готовиться к свадьбе. Забили четырех оленей. Парни, девушки и слуги — все собрались: одни за дровами ходили, другие носили воду, часть их резала мясо, часть — его варила. Быстро сварилось [мясо]. Все из котлов перенесли в дом. Много людей пригласили на угощение. Пошли за богатырями верхней земли. Богатыри верхнего мира привели девушек. Привели их и богатыри со средней земли. Старик Монгруни такую речь держал:

Гени, гене! Гени, гене!
Такое большое количество людей
Собралось, приехало на свадьбу.
Танцуя, веселясь,
Устраивайте игрища!
Устройте круговой пляс!
Пусть [всяк] живущий запомнит
И потомству расскажет.

Он кончил речь. Парни договариваются: «В какую игру станем играть?». Собрались соревноваться в прыжках на одной ноге. В этом соревновании богатыри верхнего мира не устояли перед

Отани-матой. Окончив прыжки, перешли к борьбе. И в борьбе не было человека, который бы устоял перед Отани. Окончив борьбу, играли в разные игры. Потом устроили круговой хоровод. Много народу встало в круг, много народу пело и плясало. Но у Отани-маты были тонкий слух и острое зрение. В этой массе людей он услышал чьи-то слова. Услышанная им речь раздавалась сверху:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Старик Монгруни,
Дарпекчан-дружок,
Привет мой примите!
Жаль, жаль!
О таких хороших играх
Почему не оповестили меня?
Когда собралось столько
богатырей,
Почему мне не сообщили?
На свадьбу [почему] не
пригласили?

[Девица] речь продолжает. А люди пляшут и пляшут, часть их совсем ее не слышит. Она же речь продолжает:

Гырывлаканын!
Гырывлаканын!
Отани-мата, привет!
Из своей земли когда шел,
После нашей встречи в пути,
Как путешествовал дальше,
говорю.
Я, девица, тебе на свидании
Золотое кольцо дала (букв.:
уронила).
Давая, сказала: «Сохрани!».
Серебряную нитку [к кольцу]
привязав,
Бросила его, «Лови!», — говоря.
Дарпекчан-дружок,
Я твоему мужу золотое кольцо
Подарила, не сердись, говорю.

Кончила речь. Когда она кончила, Отани-мата вверх посмотрел. Смотрит — сверху что-то, словно огонь, падает. Парень привскочил, подхватил правой рукой и понесся. Поймав, как будто держал в руке. Что же случилось — сам не понял. Пляшущие люди остались. Куда направился парень — сам понять не может.

Вот он пришел в себя. Движется [он] по какой-то темной земле. Не может понять, куда движется. Только свист в ушах стоит. Парень пришел в себя, осмотрелся. Смотрит — [а под ним] конь с крыльями по бокам, он сидит верхом на коне. Смотрит — земля внизу осталась, величиной с котел. Поняв, парень заговорил:

Доки, доки, доп, донин!
Что это за разбойник,
Что это за девица [из рода]
Кувульгат
Унесла меня, не предупредив?
Может, [ты] убить собираешься?
Может, съесть собираешься
Без всякого предупреждения?
Если бы я знал,
То тебе не поддался бы, говорю.

Он кончил. Она заговорила:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Отани-мата, я не разбойник.
Не бойся! Не обижайся!
Чего бояться?
Я — под солнцем живущая,
По восьми землям ходящая
Дочь солнца, говорю,
Тыргакчан-девица я!

Она кончила. Отани-мата понял тогда [в чем дело]. Только успел понять, как девица, охватив его за талию, полетела. Двое на одном коне летят. Тогда парень заговорил:

Доке, доке, дон, донин!
Ты, девица, почему
хитришь?
Девица Кувульгат, почему
Ты так поступаешь?
В какие места
Ты увозишь меня?
Для какой цели? говорю.

Он кончил. Когда парень кончил, девица сильнее погнала коня. Ехали, ехали, доехали до ее мест, до дома. Она, взяв за руку Отани-мату, ввела в свой дом. Отани-мата сел. Сев, осмотрел внутренность дома. Уж очень красиво внутреннее убранство. Весь дом выкрашен серебряной краской (букв.: водой). Парень, усадив девицу против себя, спросил:

Доке, доке, дон, донин!
Ты, девица, зачем меня привела?
Я тебя женою сделаю, говорю.

Кончил. Заговорила девица:

Геревлаканен!
Геревлаканен!
Мата-богатырь,
Отани-мата,
Если бы я боялась тебя,
Тогда бы не привезла тебя.

Сказав, она окончила речь. Они легли спать. Этот молодец взял ее в жены. Остался там жить. Неделю он прожил. Однажды в полночь молодец услышал сверху слова. Услышал и узнал, что это речь Дарпекчан-девицы [из племени] кидан:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Тыргакчан-девица,
Дружок, привет!
Для первой встречи
В твой дом
Я гостьей пришла.
Дорогая девушка,
Я пришла, услышав о тебе.
Дочь солнца,
Тыргакчан,
Девица-дружок,
Открой скорее дверь!

Она кончила. Тогда Отани-мата заговорил:

Доке, доке, доон, донин!
Тыргакчан-друг,
Чья это речь?
Проснись, встань!
Открой дверь!

Сказал и разбудил [ее]. Тыргакчан-девица заговорила:

Гырывлаканын!
Гырывлаканын!
Друг Отани,
Кто ночью
Говорить будет?
Это шуршит
Дух — хозяин дома.
Спи, не вертись! говорю.

Сказав, она обняла мужа. Девица Дарпекчан опять заговорила:

Дэвэдареко! Дэвэдареко!
Тыргакчан, девица-друг,
Дейдо-Девильгон-Кувульгат,
В серебряном доме твоем
Я долго не задержусь!
Я не боюсь твоей силы.

Разве я не хуже
Женщина, чем ты?
Я — девица, которая
Сделала то, что ты делаешь:
Взяла то, что ты берешь!

Я, девица, лечу по твоему
следу.
Вот я сейчас ударю ногою
И дверь расколется пополам!

Сказала и смолкла. Девица Дарпекчан спустилась. Спустившись, разбила пинком дверь и через нее прошла. Вошла в дом. Когда вошла [Дарпекчан], женщина встала. Отани-мата тоже встал, оделся. Эта женщина [Дарпекчан] заговорила:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Девица-друг Тыргакчан,
Моего мужа

Для какой цели
Ты украла?
По следам мужа
Я сюда прилетела!

Она кончила. Тыргакчан-девица заговорила.

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Отани-мату
Я еще до тебя
Женила на себе.

Дарпекчан-дружок,
Известный мне раньше
Отани-мата не муж тебе!
Возвращайся своим путем!

Девица речь кончила. Говорит Дарпекчан-девица:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Тыргакчан-друг,
На твою жалость
Я не отвечу жалостью.
Что бы ни случилось,

Я, девица, потревожившая
тебя,
Твоей силы я не боюсь!
Я тоже имею дар не меньше
твоего!

Она кончила. Когда кончила, обе женщины начали ругаться. Поругавшись, стали драться. Обе вышли вон. После этого Отани-мата, одевшись, вышел. Вышел — а две женщины, схватив друг друга за волосы, дерутся, не уступают друг другу. Мата стоит и смотрит. Смотрит и думает: «Что еще выдумали женщины?». В это время засветило солнце. Отани-мата заговорил:

Доке, доке, дон, донин!
Женщины, друзья,
Послушайте-ка!
Мои слова вы
Поймите хорошенько!

Чтб стремясь отнять друг от
друга,
Начали вы драку?
Прекратите скорее!
Если не кончите по добру,
Хорошего не будет!

Он кончил речь. Говорит Дарпекчан-девица:

Дэвэдареку!
Дэвэдареку!
Ой, мата-парень,
Послушай-ка

Мою девичью речь!
Которую из нас
Ты взял раньше?

Она кончила. Отани речь держит:

Доке, доке, дон, донин!
Дарпекчан-дружок,
Это ты, которая,
Как вначале мы
договорились,
Должна стать моей женой.

Он продолжал:

Как я могу взять
Вас обеих, не знаю.[18]

Человек рассердился. Рассердившись, он разругал обеих женщин. Слушают женщины, но дерутся. Он смотрит. Смотрел, смотрел, схватил сразу обеих за волосы. Схватил и связал их косы. Связав, начал бить. Обеих бьет по спинам. Когда он бил, девица Дарпекчан заговорила:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Отани-мата,
Человек, обожди!
Послушай меня!
Если бить, то обеих
Нас равно бей!
Если убивать, то обеих
Нас насмерть убей!
Я, девица, умолять не стану!
«Если убить, то убью», —
говорят;
«Если жить, то жить буду», —
говорят;
«Если спасать, то спасу», —
говорят.
Я была женой,
Взятой тобою
По твоей воле, говорю.

Мата побил обеих. Бил, бил и обеих подвесил на дерево. Вися, они сильно кричали и плакали, переругиваясь. Тогда Дарпекчан-девица речь держала:

Дэвэдареко!
Дэвэдареко!
Отани-мата,
Тыргакчан-друг,
Я не обижусь (букв.: злу не отдам
свое будущее),
Я ведь всегда
Рассудительной была, говорю.
Я — женщина,
Которая пощады не просит.
Если [надо] умереть, то здесь
Тыргакчан вместе [со мной] умрет.
Живой она не останется.

Дочь солнца опять заговорила:

Геревлаканин!
Геревлаканин!
Отани-мата,
Страшно! говорю,
Больно! Обидно!
Прости мне зло!
Я действительно
Виновата одна!
Возьми себе в жены
Дарпекчан-девицу!

Она кончила речь. Человек прошел около них. Проходя, спросил женщин:

Доке, доке, дон, донин!
Ну, женщины, оставите
Теперь эту привычку?

И добавил:

Впредь так поступать
Не станете вы?

Сказал [так]. После этого заговорила девица Тыргакчан:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
С этих пор и впредь
Женщины не должны
Так поступать!
Девица с парнем
Впредь пусть не ссорятся!
Я своим глупым умом
Думала: «Выше меня
Нет ничего». Я думала,
Что никогда не ошибаюсь
(букв.: не сгибаюсь)!

Она кончила. Тогда парень снял их обеих с сука и опустил. Когда опустил, все трое вошли в дом. Войдя, начали втроем разговаривать. Задумался человек Отани. Он подумал: «Я, парень, вначале должен был взять в жены Дарпекчан. Что бы ни случилось, я ее должен взять». И он взял в жены Дарпекчан. Взяв, мата такую речь держал:

Доке, доке, доп, донин!
Дочь солнца,
Тыргакчан-друг,
Я должен был взять себе
Женою Дарпекчан,
Я ее и возьму!
Ты меня привезла
В эти места,
[Ты] по этим путям
И отвези меня!

Он кончил. Заговорила Тыргакчан:

Геревлаканын!
Геревлаканын!
Отани-мата,
Я виновата!
Если говоришь, что я привезла,
Если я виновата,
То я и отвезу.

Кончила речь она. «Сейчас, пока еще светло (букв.: чтобы день захватить), отвезу», — говоря, пошла за конями. Они втроем поехали на конях. Долго ехали. Доехали до дома Монгруни. Когда доехали, Отани там стал жить. Немного пожив, привезшая их женщина вернулась обратно. Вот там [он] и жил, вероятно.

8. Хургочон

Ананас Пудов (Бута), род. в 1917 г., неграмотный.
1947 г., р. Алгома, Якутская АССР.

Когда земля [размером] с коврик под седло была, когда небо берестяным коробом [еще] охвачено было, на средней земле жила старуха Нюнгурмок. Жила она в то время, когда на этой земле стланик-кедр только начинал топорщиться, когда багульник только зацветал. Если внимательно вглядеться — мелкорослый березняк только подымал пушистые ветви.

Однажды она подумала: «Кто же живет без товарища, близким другом называемого? Откуда-нибудь же я появилась? Ну, —

думает, — может быть, я жила всегда одна?». Долго она думала.

Раздумывая, взглянула вверх — кто-то над нею недвижим парит. Это не кукующая кукушка, это не крикливый ворон летит.

Живет она и живет на большой реке. Вот она стала обладательницей двух оленей. Кто их послал ей — не знала. Об этом она думала: «Во сне, что ли я [их] поймала?». Так и жила старуха с двумя оленями-важенками около проруби на озерке у большой реки. [Важенки] паслись в траве. Назывались они оленухами с раздваивающимися рогами. «Воспитаю-ка из них себе товарищей», — думая [так], ловила их.

Каждое утро рано приходили они. А чум у нее был — получум-утэн из жердей.[1] Одной едой ей были половинки ягодок, другой — половинки кедровых орехов. Старуха думала: «Век живу я одна». Думать [так она] не переставала.

Вот однажды утром взяла она большой чуман[2] и выскочила вон со словами: «Надою-ка я молока». Вышла она и начала доить важенку. Вдруг в ее получуме-утэн что-то никогда не слышанное пискнуло: «Ты-ый!». «Ахти! Кто это крикнул?», — подумала [она], подбросила свой чуман и побежала домой. Вот прибежала старуха домой. Вбежала в дверку — никого нет. «Ты-ый!». «Ахти! Кто это произнес? Кто это говорящий пришел?», — подумала она и выскочила вон. Выскочив, обошла свое жилище. «Кто же крикнул?», — не переставая говорить, обошла еще раз жилище. Обойдя, пошла — что бы там ни было — доить важенок. «Каренгак, смотри, как течет твое молоко!», — говорит [важенке]. С чего-то она обрадовалась. Доит. Во время доения опять что-то запищало, но как-то иначе. А то, что пищало, став человеком, перестало быть слышным. Опять бросила она чуман и побежала. «Ну, уж если я должна его увидеть, посмотрю, как он выглядит», — думая [так], бежала она. Она очень быстро бежала и толкнула плечом дверку так, что сломался ее угол. Входит, осматривает свой получум. Смотрит, а тот, [что пищал], превратился в человека — никогда не виданный ею мальчик валяется на ее постели. «Ах, бедняжка, кто тебя бросил?», — подумала [она]. Обрадовавшись, она развернула свой лучший шелковый платок [и] хорошенько завернула в него [мальчика]. «Ну, теперь надою молока и буду кормить его молоком». Принесла [молоко] и все скормила. Он только ночь переночевал, как стал годовалым. «Ты-ый! Действительно, птичий ребенок, житель тайги», — думает она. Три ночи переночевал он и, став трехлетним, начал хорошо разговаривать со старухой. «Ух, что за милый, хороший! Он по земле ходил или с неба упал?», — долго думала старуха. Чей родом, откуда появился он — не знает.

Вот однажды утром этот мальчик речь произнес. Заговорив, он стал просить бабушку:

— Найди мне имя! На средней земле разные люди, придя, будут дивиться: «Как твое имя?», — будут они спрашивать. Когда спросят они, что отвечу, как назову я свое имя?

Кончил речь мальчик. Нюнгурмок-старушка ответила:

— Да, по правде сказать, я должна назвать тебя птичьим именем.[3] Пусть у тебя впредь будет имя — средней земли Хуругочон. Когда чужеродцы спрашивать будут, назовись Хуругочоном средней земли. Потом я тебе сделаю лук и стрелы, приготовлю [их] рано утром. Тогда ты ими будешь играть.

Мальчик очень обрадовался. Старуха сделала ему лук-аланга.[4] Он очень хорошо стрелял. Пошел вверх по большой реке, держа в руках лук. Уйдя из дома, он увидел то, чего никогда еще не видел на средней земле.

— Что это? — говорит.

Присмотрелся хорошенько, а у этого неизвестного четыре ноги и вверх раздваиваются веточки. Вот он выстрелил из лука.

— А ну, покажу-ка я бабушке! Кто это такой?

Он, взвалив [животное] на себя, бросился бежать. Ну, долго ли ему бежать? Быстрехонько дошел. У дверки наклонившись, сбросил [ношу]. Старуха в стертой одежде от неожиданности вздрогнула. Она даже упала от испуга. «С чего это я испугалась?», — подумав, посмотрела. Подумала хорошенько: «Да это лось!» — и выскочила наружу. Начала большим ножом [лося] свежевать. Сняла шкуру, полный котел [мяса] для варки наложила. Сварила все. «Внучка накормлю», — думает. Средней земли Хуругочон схватил всю вырезку с позвонков. Начал есть, проглотил сразу кусок величиною с черного тетерева; [он] с черного рябчика куски глотал, с зайца величиною куски жира жевал. Когда кусок был величиной с куропатку, проглатывал. «Что за великан? Действительно, житель тайги». Вот он кончил есть. Тогда такую речь держал и бабушку свою спросил:

— Если бы в далекие места отправился я, то что бы случилось? — говорит он и спрашивает у бабушки: — На средней земле ходящее двуногое существо с ногтями, вероятно, имеется? Я хочу поискать себе товарища, — говорит. — А что если я в сторону восхода [солнца] пойду, как ты думаешь? — так он говорил.

Старуха Нюнгурмок ответила ему:

— Подожди с годок, пока мышцы не окрепнут, пока кости мозгом не наполнятся. Не ходи! Подожди! — говорит она.

Сказала она, и он стал ждать. Хуругочон взял большой лук и пошел вверх по большой реке. Он натянул до уха тетиву лука, сделанного из шестнадцати (букв.: из дважды по восемь) пластин. Выстрелил в ствол лиственницы. Стрела, пробив, застряла в задней части коры. Бродя, он не знал, сколько ночей провел на охоте — три или тридцать. Когда он, так играя, охотился, вдруг над ним что-то пролетело, чего он никогда не видал. Посмотрел он на небо. «Что это?», — говорит он. А что-то неизвестное тоже

заговорило. Он прислушался — слова настоящие. «Что же это?», — думает он. Пока неизвестные [существа] летели вверху, он бежал, прислушиваясь к словам. Земля была вязкой, болотистой, и быстро бежать он не мог. Устал бежать. Бежит он, они обгоняют. Направился он к местам, куда они летели.

На пути у него показался дом. Оказывается, он пришел домой. «Войду-ка!», — говорит. Там сидели никогда не виданные им [девушки]. Войдя, он спросил: «Кто вы?». На его вопрос они назвали свои имена. Первая из прибывших начала рассказ:

— Мы — дочери Секардина, — говорит она. — Я старшая дочь по имени Монгукчон.

Затем средняя дочь свое имя — Дарпекчан — назвала. А самая младшая — Секакчан.

— В нашу страну, которая там, где восходит солнце, должны прибыть разные богатыри. Узнав об этом, мы [сбежали и] прибыли сюда. Сейчас мы на повозках прибыли. Сюда, в эти места, [за нами] скоро придут Сэлэргуны с нижней земли.

Они спросили бабушку Нюнгурмок:

— Где бы нам побыть, чтобы нас не нашли?

Нюнгурмок-старуха ответила:

— Не уходите, подождите, пока они не придут. В этом месте едва ли найдут.

Старуха Нюнгурмок кончила говорить. Юноша богатырь Хуругочон ничего не спросил и, услышав о богатырях, сильно задумался. Совсем смутился и думает: «Кто же, кто же придет?». Вдруг слышит: «Дверь открой!», — кто-то говорит. Дверь по просьбе открыли, [Сэлэргун] вошел в дом. Ему поставили восемь железных нар. Хуругочон средней земли к пришедшему с такой речью обратился, говоря:

— Сначала поздороваемся! А затем уж по порядку ты расскажешь, из какой страны в эти места ты пришел! О звучном имени [своем] поведай!

Кончил он свою речь, и заговорил Сэлонтур-богатырь:

— Сэлонтур я с нижней земли. Я ищу дочерей солнца Секардина. Монгукчон ищу.

Он кончил говорить. Лишь только он кончил, как Хуругочон средней земли рассердился так, что толстые кишки [у него] чуть не лопнули, тонкие кишки чуть не порвались. Так, что в объеме на пядь растолстел, так, что вверх вырос на одну четверть. Так он рассердился на Сэлонтура.

— Что это, нижней земли Сэлонтур, вид у тебя такой страшный! Посредине лба один глаз, посредине груди одна рука, посредине лобка одна нога. Глазище с озерко, взгляд страшен!

Взглянул [Хуругочон] хорошенько, а в глазу у того торчит сучок с пядь величиною.

— Возвращайся-ка ты поскорее по своим следам! Или я в тебя выстрелю из восьмипластинчатого лука. А ну, убирайся

скорее! Если не пойдешь, я твой позвоночник молодым деревом обдеру. А ну, скорее выходи.

На эти слова Сэлонтур нижней земли так ответил, такую речь держал:

— Ты, такой-сякой, средней земли Хуругочон! Для чего ты жил? — говорит. — Кому страшны твои слова? Если я надумал взять, возьму [в жены] Монгукчон. Я тебя самого, негодник, кровь твою выпустив, игрушкой сделаю! Почками твоими, подбрасывая, буду играть!

На эти слова средней земли Хуругочон сильно обиделся. Так разговаривая, со словами: «А ну-ка, побьемся!» — оба выскочили вон.

Тогда средней земли Хуругочон говорит:

— Вначале поиграем стрелами.

И они поставили перед собою луки на расстоянии одного локтя.

— Ну, кто из нас начнет? — [спросил Хуругочон].

Сэлонтур сказал Хуругочону:

— Ну, начинай ты!

— Ну, ладно, — сказал Хуругочон.

Три ли дня они нацеливались, четыре ли дня приготовлялись, не знали. Пять дней устанавливались. Наконец, Хуругочон подумал: «Сейчас человек нижней земли вниз увернется!». Подумал и спустил стрелу в лобковую кость. Выстрелил так, что вышиб какандю.[5] От выстрела Сэлонтур вздрогнул:

— Эх ты, такой-сякой, ведь больно! — говорит. — А ну-ка, я выстрелю!

Говоря [так], он взглядом своего глаза величиной с озерко насквозь [того] пронзил. «Эх ты, такой-сякой! — говоря, подумал: — Средней земли человек вверх увернется» — и натянул тетиву до уха. В лоб Хуругочона со словами: «Вверх будет увертываться» — стрелу пустил. Выстрелил, сорвав с головы [того] кожу. Они побежали в направлении горы с двойной седловиной. Но [они] не стали биться мечами, а начали биться кулаками. Бьются и так, и сяк, топчутся. Холмистая земля в равнину превратилась. Бились, бились, до чего дошли — сами не знают. Голени в твердую землю до половины увязли. Тогда Хуругочон-богатырь говорит:

— Кто же из нас задрожал?

Посмотрели на колени. Оба опираются лбами, оба качаются вверх и вниз. Вот у Сэлонтура одна единственная нога задрожала. Вот-вот упадет, едва стоит. Хуругочон говорит:

— Если ты такой, зачем же со мною бьешься?

Он отбросил его далеко. О горелую лесину сильно ударил и поволок. Вот уже обнажились кости позвоночника Сэлонтура с нижней земли. Сэлонтур с нижней земли просит, говоря: «Добей!».

Но средней земли Хургочон не думает [его] добивать, волочит его. Когда он тащил его, раздался голос с нижней земли.

— Кто это? — сказал Хургочон и выпустил. Лишь только он [отпустил], Сэлонтур с нижней земли бросился прямо вниз, в свои места. Убегая, он наворожил. Хургочон так понял [его слова]: «Я вернусь, когда сын твой будет играть лучком, когда дочь твоя будет играть ножницами», — сказал Сэлонтур с нижней земли и, измученный, исчез в нижнем мире.

Хургочон-богатырь пошел один. «Где же я шел? — думает. — Здесь, по-видимому». Следы свои и здесь и там узнает. Пошел. Показался получум. Подойдя, присел он снаружи у дверки. Присел и такую речь держал:

— Бабушка, Нюнгурмок по имени, дверку открой!

При его словах старуха Нюнгурмок изо всех сил подскочила к дверке. Открыла и смотрит: внук пришел, едва [его] узнала. Очень обрадовалась. Соболью шкурку, ковер-кумалан [6] бобровый, никакого добра не жалея, постелила ему.

— Вот, сынок, входи, — говорит.

Вошел он. Разной еды, не жалея, наставила. Хорошенько угощает его. Спрашивает:

— Куда, сынок, ходил, откуда пришел?

Хургочон-богатырь своей бабушке долго рассказывает; потом спрашивает:

— Куда ушли дочери Секардина?

На это отвечает старуха Нюнгурмок:

— Монгукчон живет далеко. Тебе, сынок, не дойти.

— Почему же не дойти? — говорит. — Укажи только. Дойду, — говорит.

— Иди в сторону восхода солнца, перейдешь две больших реки, за рекой будет чум-чорама.[7] Найдешь его. Вот там [она] и живет.

Лишь сказала она, лишь указала, как он, забыв о еде, собрался в путь. «Дойду», — говорит, всю одежду надев на себя. Нюнгурмок-старуха крепко обняла [его]. Распростились [они].

— Возвращайся через год, — сказала она.

Ну вот, отправился он. Идет, а лук в руке держит. Побежал. Бежит в сторону восхода так [быстро], что крылатые [птицы] отстают, что молодые лиственницы [от ветра] в волокна разрываются. От движения его ближайшие деревья ветром вырывает с корнем. «Возьму-ка я себе посох», — думает он. Но никакое дерево для посоха ему не подошло. Мнет он траву и следы большие оставляет, чтобы не стерся след. Издалека будут видны старые следы, где он шел. «В следующем году должен я вернуться, все следы еще будут заметны», — думает [и] бежит вперед. Вдруг на пути у него показалась неизвестная ему река с красивыми берегами. «Не та ли [это река], о которой говорила бабушка?». Противоположного берега не видно. Вот он переходит [реку].

Перейдя на тот берег, побежал в сторону восхода [солнца]. Бежит, вот опять показалась большая река. Побрел он, глядя на тот берег. Смотрит — красивая девушка появилась, говоря: «Я кольцо потеряла». Хуругочон со средней земли подумал: «Как-нибудь я должен его найти».

— В каком месте? Укажи мне место, где потеряла.

На эти слова она сказала:

— Иди в сторону восхода [солнца]. За третьей большой рекой есть трехголовый орел.[8] У берега купаясь, я уронила кольцо. Возможно, о нем знает трехголовый орел. Найди [кольцо] и принеси. Если принесешь, возьмешь меня в жены.

Вот побежал он дальше. Почти добежал. Перешел вброд одну реку, по тому берегу бежит. Показалась вторая река, [он] и ее перешел. «Здесь заводь, — говорит он, — у нее не остановлюсь». Бежит дальше, обрадовавшись, [что] что-то показалось. «Вероятно, это и есть [та река]», — подумал он. Очень большая река показалась. Смотря на тот берег, он пошел к ней. Здесь жил очень большой орел. «Вероятно, [это] он и есть», — подумал и вышел на песок. На тот берег направился. Побежал к гнезду орла. Добрался, смотрит — одни яйца, а самого орла нет. Орел улетел. Взял он яйца и спрятал. Поджидает орла. Сколько-то [времени] прошло, орел прилетел. Подлетев, орел начал парить над ним.

— Кто унес яйца? — говорит.

Хуругочон со средней земли говорит:

— Я взял. Золотое колечко найдешь — отдам.

— Найду, конечно, — говорит [орел]. — Если оно в воде, найду. Жди один год.

И [собрался] лететь за кольцом. Хуругочон со средней земли говорит:

— Долго.

— Много дней в пути проведя, через полгода приду, — сказал [орел]. Взлетев в небо, сказал: — Через четыре месяца принесу, — и нырнул в синеву, под верхней тучей исчез.

Хуругочон со средней земли ждет, поджидает. Начал ходить вверх и вниз по [берегу] реки. Когда он шел, поднялся ветер. «Что это?», — сказал, удивившись. Взглянул вверх — под нижней тучей никого нет. Кто-то взволновал поверхность воды в заводи. «С чего это волны ходят?».

Взглянул на реку — остался один песок. «Кто это ныряет?», — удивился он. Хуругочон со средней земли уже забыл о том, что трехголовый орел улетел. Между тем трехголовый орел вернулся, спустился около него. Спустившись, такую речь держал:

— Кольцо твое донес ли я? Вначале осмотри мою левую лапу. Если там нет, осмотри правую. На самом маленьком пальце должно быть твое кольцо.

Показал он Хуругочону вначале левую лапу, улегшись на спину и вытянув лапу. Посмотрел Хуругочон — не нашел [кольца], нет [его], только глина в лапе.

— Осмотри правую лапу, — сказал [орел].

Осмотрел ее — [орел] золотое кольцо принес, держа его в правой лапе. Найдя кольцо, [Хуругочон] обрадовался так как никогда. Тогда яйца орла хорошенько уложил туда, где они лежали. И такую речь сказал ему:

— За то, что слетал, большое тебе спасибо. За то, что ты нашел кольцо, я застрелю тебе лося. Убью и уйду. Приходи на тот берег большой реки, там и найдешь [его]. Я же спешу к себе.

Распрощались [они], и он ушел. «Как будто [я] с этой стороны пришел», — [долго] думал он, лишился сна и аппетита. В пути он кого-то увидел. Побежал, смотрит — лось. Убил [его]. Вырвал небольшую жердину, просунул [через лося], повесил [на дереве] и оставил. «Прилетит трехголовый орел и заберет, детенышам скормит», — сказал, оставляя.

Теперь в свои места побежал. В пути не знал, сколько дней осталось [идти] до своей земли. Но разве может он долго идти? Увязая в болоте до половины голеней, бежит он, большими прыжками перепрыгивая через стволы. От звука его шагов не осталось поблизости ни одного живого зверя. Медведи моментально убежали, с таким грохотом он бежал. На бегу он едва узнавал местность. Места похожи на его землю. Присмотрелся хорошенько — стоит красивое жилище, высокий дом.

Подойдя к двери, он такую речь держал:

— Дверь откройте! Сразу же расскажу все по порядку.

На эти слова Монгукчон открыла дверь. Открыв, постелила для Хуругочона со средней земли ковер из соболей. За руку [с ним] поздоровалась. Повела и усадила в своем доме. Монгукчон такую речь держала:

— Долго ходил. Мое кольцо нашел?

Хуругочон, сказав: «Нашел» — и радуясь, рассказал обо всем.

— Ну хорошо, теперь год мы оба будем готовиться к свадьбе, — говорит она.

Хуругочон со средней земли говорит:

— Долго ждать.

Они договорились. Устроили свадьбу и жили хорошо.

9. Умусни

Майя Пикалева (Эдян), неграмотная.
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Жил мата[1] Умусни. Он не знал ни отца, ни матери. Жил один-одинешенек. Чумом ему служил получум.[2] Если посмотреть внутрь, то там ничего не было. Так он жил-поживал. Ходил охо-

титься вверх и вниз по реке. Однажды он ничего не убил на охоте. Вернувшись, лег спать и заснул от обиды. Ночью он видит сон. Послышался голос во время сна:

Дэвэрдаканен! Дэвэрдаканен!
Ну, мата-парень,
Вставай-ка!
Дэвэрдаканен!
Молодец мата,
Я к тебе прибыла!
Вот опять в верхнем мире
Большое несчастье
Опять случилось.

Говорит [девица] и продолжает громко петь:

Дэвэрдаканен!
Молодец мата,
Пойдешь [на помощь] или нет?
Что думаешь?
Добро если сделаешь,
Я не забуду.

Мата так отвечал:

Героканен! Героканен!
Женщины между собою говорят:
Героканен! Героканен!
К чему же мужчине
Идти к женщине? — [Ясно]!
Героканен! Героканен!
Вот, девица, я без сил,
Пойти на помощь или нет?

Но девица увела мату. В свои места повела. Шли они, впереди девица шла. Долго шли. Пришли на родину девицы. Вошли к ней в дом. Увидели людей-[врагов]. Начал [он] с ними биться. Долго не бился — разбил [врагов]. Он взял ее в жены и стал жить с женою.

10. Умусликон

Семен Чепалов, род. в 1917 г., грамотный.
1936 г., пос. Тугур, Чумиканский район, Хабаровский край.

В самом начале, когда земля расстилалась, как шкурка с головы дикого оленя-мойки,[1] когда море-океан с блюдечко льдинкой было, когда небо — верхняя земля, словно радуга, своими цветами сверкало, на самой середине средней земли, на устье большой реки-енэ[2] жил-поживал богатырь средней земли Уму-Умусликон. Один-одинешенек жил он. Чум-утэн[3] его покрыт был шкурой оленя-мойки, [шкуры] прижаты бедренными костями лося, порог [из костей]. Котелок у него был из черепа дикого оленя, нож — из кости дикого оленя.

Этот человек, отправившись охотиться вверх по большой реке, обратно притаскивал на десяти вязках [кафтана] десять туш оленных.[4] Действительно, Умусликон был сильным человеком: он не давал мимо пробежать четырехногому бегуну — оленю-куе с шестнадцатью копытами;[5] не давал над собою пролететь птице, летающей в выси. Он, Умусликон, считал себя большим силачом: «На средней земле не найдется такого сильного, как я», —

думал он. Умусликон сказал: «Вот я хожу, а вокруг все звери парами живут: и по земле ходящие [звери], и по воздуху летающие птицы». Умусликон вслух произнес: «Откуда же я произошел? Если бы с верхней земли (т. е. с высоких гор) упал, на макушке у меня был бы иней; если бы я из нижней земли (т. е. с открытых низин) вышел, на пальцах ног моих была бы земля; если бы я со средней земли (т. е. из тайги) пришел, на ребрах у меня была бы кора».

Однажды, когда Умусликон-богатырь, вернувшись с охоты, пил чай, в небе прозвучали слова. Он хорошенько прислушался — речь такая же, как у него. Голос произнес:

— Дэги, дэгинин! Богатырь средней земли, привет! Я пришел с верхней земли. Если скажешь: «Спустись», я спущусь; если [скажешь]: «Не надо», не стану.

Умусликон, не ответив, посмотрел через дымовое отверстие. Произнесший эти слова пролетел мимо. Рассердившись, парень бросил чайник на малу,[6] привязал лук и обратился к чуму-утэн:

— По моей земле никто не ходил, кто это осмелился прийти? Какая птица прилетела? Пойду-ка я туда, куда глаза глядят (букв.: куда моя передняя сторона направлена). Если мне будет удача, то вернусь через три года. Оставайся, будь здоров!

Сказав, Умусликон побежал в сторону восхода солнца. От движения его маленькие деревья словно нити извивались, большие деревья с корнями вырывались. Во время бега перед ним встал одноногий, однорукий, одноглазый чулуро.[7] На рожне [он] обжаривал зайца. Богатырь, подойдя, обратился к половинчатому [существу]:

— Дай-ка я обжарю зайца.

— Ну-ка, братишка, обжарь, — сказал тот и отошел к колоднику.[8]

Не успел он посторониться, как парень убежал с зайцем в руках. Пока тот гнался за ним, Умусликон-богатырь съел всего зайца. Умусликон побежал дальше. Повалялся [он] по земле и превратился в серебряного ястреба, полетел в сторону восхода [солнца]. Летя, он узнавал об осени по инею, о зиме — по изморози, о лете — по росе. Так он пролетал над разными землями. Уж очень большое пространство этот верхний мир! Летел, летел, наконец долетел до места игрищ в верхнем мире. На игрище много разных деревьев, куда спускались разные птицы-богатыри.

Умусликон-богатырь спрятался у комля большого дерева. Пока он находился в засаде, вечером прилетели разные птицы-богатыри. Прилетев [и став людьми], играли в разные игры: борцы боролись, певцы пели, прыгуны прыгали на двух ногах. Только один богатырь из такого количества богатырей ни в одной игре не выиграл — сын Юлтони, Гарпавулчан. Играя, богатыри начали зазнаваться. Они говорили:

— Если придет богатырь средней земли, выпустим его красную кровь на середину лука,[9] а самого разбросаем на четыре стороны!

Говоря так, они хвастались. Во время их хвастовства в небе раздалась речь киданская. Дочь Юлтони — Дарпек-девица, паря в воздухе, так говорила:

— Нэмэдарекой! Нэмэдарекой! Богатыри верхнего мира, с чего это вы так расхвастались, словно не чувствуете [присутствия] человека? Уже двойной день (т. е. сутки) прошел с тех пор, как пришел богатырь средней земли — Умусли-мата. А сейчас он прячется у комля, где вы спускаетесь.

Богатыри верхнего мира сказали:

— Средней земли богатырь, когда же он пришел? Если уж пришел, то зачем прячется от нас? Выходи, выходи, давай поиграем! — говорят.

Тогда девица со слезами сказала:

— Спою-ка я в последний раз! — и спустилась.

Лишь только они разыгрались, как Умусликон-богатырь, закричав громким голосом, выскочил из засады с такой силой, что в месте спуска [земля] затрещала в трех местах. Увязнув в твердой земле по колени, он обратился тогда [со словами]:

— Я — богатырь средней земли Умусликон. Выходите, выпустите кровь мою на середину лука!

Богатыри верхней земли друг на друга посмотрели. Кое-кто, испугавшись, убежал. Из всех один только Гарпавулчан-богатырь вышел вперед и произнес:

— В какую игру мы станем играть? Кончиком ли стрелы друг друга попробуем, острым ли краем лука друг друга рубанем или кулаком (букв.: большим пальцем в кулаке) друг друга ударим? Из всех игр выбирай любую!

Умусликон-богатырь сказал:

— Что за напасть такая, что [мы], богатыри, друг друга боимся? Давай воткнем копья в самую печень. Давай пустим друг в друга стрелы.

Тогда богатыри начали сговариваться.

— Кто из нас начнет первым: я или ты?

Умусликон сказал:

— Начинай первым ты!

Гарпавулчан-богатырь, приложив кончик стрелы к самому уху, со словами: «Вверх будешь прыгать» — натянул лук. Стрела вырвалась в небо. Тогда [он] выстрелил вторично со словами: «Вниз будешь прыгать, спасаясь». Выстрелил так, что сорвал [с Умусликона] кожу. Тогда Умусликон-богатырь со словами: «Выстрелю-ка я! Вверх будешь прыгать» — натянул лук и выстрелил вверх так, что сорвал кожу с черепа противника. Выстрелил вторично — у того отлетел палец. В третий раз выстрелил — разбил плечо. После таких выстрелов Гарпавулчан-богатырь взмолился:

— Не убивай меня, я сестру мою Монгушкон [из рода] Кимонори [10] отдам тебе в жены.

Лишь только он так сказал, как Умусликон-богатырь произнес: «Действительно, для чего мне его убивать?». И плюнул [он] в обе стороны. Противник стал таким же, каким был.

Омыв пот, они отправились в места Гарпавулчана. Они так быстро шли, что гром прогремел 18 раз (букв.: дважды по девять) и выпал град. Много красивых мест они пробежали, прошли серединой три-четыре болота с одичалыми оленями. Когда они одолели все трудности пути, раздались шум, крик и кулачные удары. Это враги-авахи [11] напали на родину Гарпавулчана.

Богатыри, услышав шум, увидали, что окружены. «Как нам выйти», — говорят. Гарпавулчан-богатырь говорит: «Как я пройду?» — и бросился бежать. Умусликон-богатырь, превратившись в хвоинку, понесся по ветру. Двигаясь так, добрался до жилища [врагов-авахи] и прилип к углу дома. Прилипнув, Умусликон подсмотрел, как дерутся богатыри с врагом-авахи. Авахи действительно очень силен. Железнотелый Сэлэргун — авахи с нижнего мира, держа меч в руках, побил богатырей из разных мест. На земле старика Юлтони все люди мертвы, дерутся только три богатыря: сын моря Уговнор-богатырь, на земле выросший Отаникан-богатырь и сын Юлтони — Гарпавулчан-богатырь. Три дня бились они с Сэлэнтуром, тот всех одолел. Тогда Дарпек-девица, громко плача, спросила:

— Кто же спасет меня теперь? Все богатыри, которые могли помочь, разбиты. Умусликон-богатырь со средней земли далеко, не придет. Прошел уже год, как он направился сюда, отдав меня врагу.

Враг-авахи тогда сказал Дарпек-девице:

— Сложи хорошенько одежды, отправимся через три дня.

И, поднявшись в свайное жилище, [он] лег отдыхать.

Умусликон-богатырь, превратившись в человека, подошел к врагу-авахи. Подойдя, начал дразнить его:

— Брось в меня железным шаром!

Сэлэргун сказал:

— Подожди умирать, не поймаешь его — пострадаешь! Ни один человек до тебя не поймал еще.

Как только сказал, Умусликон-богатырь, вырвав с корнем пень, бросил ему прямо в лицо. Сэлэмтун, разозлившись, сказал: «Снесу-ка я ему голову железным шаром» — и бросил [шар] в него. Умусликон-богатырь поймал его одной рукой и говорит:

— Брошу-ка я, а ты лови! — и бросил в него.

Тот, не поймав, упал, да так, что столкнул ла́баз-жилище.[12] Встав, враг-авахи набросился [на него] с кулаками. Вот начали они кулачный бой. Врагу-авахи ни разу не удалось ударить Умусликона. Промахиваясь, он ударял кулаком по пням и разбивал

их. Бились они, бились долго. Во время боя твердую землю в болото превращали, болото — в твердую землю, холмы — во впадины, впадины — в холмы. От трехмесячной борьбы притупился кулак Умусликона-богатыря. С каждым ударом [Умусликона] в тело Сэлэргуна-богатыря впивались железки его панциря. Наконец, Сэлэргун начал кричать и плакать.

— Умусликон, ты сильный, — говорит, — таких кулаков, как твои, авахи нижнего мира никогда не видали.

Враг, сказав это, упал на спину. Умусликон перерубил ему шею, сжег его [тело] на огне [13] и тогда вошел в дом Юлтони-старика.

Красивая девица, взяв Умусликона за руку, усадила его на почетное место. Потом убили одного оленя-манщика [14] и одного кастрированного оленя — пороза и угостили [Умусликона]. Умусликон-богатырь женился на дочери Юлтони [из рода] Кимонори, на Монгункон-девице. Три дня собирали народ на свадьбу. Собрав, устроили свадьбу. После угощения устроили разные игры. Долго играли, переиграли во все игры.

Умусликон жил один год у жены.[15] Потом однажды говорит тестю:

— С тех пор как я оставил свои места, прошло больше двух лет. Настала пора отправляться в свои места.

Юлтони-старик ответил:

— Уходящего человека я не задерживаю. Если должен уйти, уходи, — сказал.

Целый день собирались к отъезду. Утром привели на поводу одну одичавшую важенку и собрались в путь. Монгункон-девица, распрощавшись с родными, пошла впереди, ведя два нагруженных каравана. Умусликон погнал неездовых оленей. Шли, шли, наконец дошли до своей средней земли. Дойдя до дома, Умусликон рядом с чумом-утэн поставил чум-чорама.[16]

Зажили Умусликон с Монгункон. Хорошо и долго жили в тайге. Разбогатели Умусликон и Монгункон. Умусликон-богатырь нашел удачу. Утром рано вставал и шел охотиться, с охоты без зверя не возвращался. Приходил всегда, убив какого-нибудь зверя. Хорошо они жили.

Между тем однажды в самую полночь подруга Умусликона Монгункон забредила, закричала во сне. Умусликон-богатырь, вскочив, сказал: «Что случилось?» — и посмотрел на подругу. Монгункон громко сказала:

— Ужасный, страшный кто-то начал меня есть! Дружок Умусликон, хорошенько слушай! Завтра в половине утра придут враги-авахи нижней земли. С тех пор как они ушли из своих мест, прошло три дня. Дружок муженек, приготовься хорошенько! Приходит день нашей смерти! Держись крепче! ... *(Далее кусок текста утрачен).*

Умусликон разделал тушу. Разделав, завернул мясо в шкуру, взвалил на плечо и понес. Добежал до дома [с добычей]. Дойдя, смотрит — жены нет нигде, все одежды ее в кучу свалены. Умусликон, расстроившись, со слезами начал кружить в поисках следов [авахи и жены]. Три дня ходил вокруг — ничьего следа не нашел. На четвертый день нашел след — он шел на север (букв.: на полночь). [Враги] уехали на нарте, которую тащил огромный бык. Умусликон с громким плачем бросился бежать по этим следам. Пять дней плакал, на глазах у него образовались [от слез] волдыри величиной с зайца. Бежал, бежал Умусликон, наконец дошел до отверстия, через которое [авахи и жена] провалились в нижний мир.

Дойдя, стал думать, как попасть в нижнюю землю. Мучился, мучился Умусликон, наконец, став каплей олова,[17] скатился в нижний мир. Падал, падал, наконец добрался. Нижний мир — очень темное место: там только половинка солнца, половинка луны.[18] Умусликон-богатырь по железным следам [авахи] пошел от скалы к скале. Так, идя наугад, дошел до одного жилища. Начал искать дверку четырехгранного дома. Ее нигде не видно. Умусликон-богатырь остановился отдохнуть, опершись на стену жилища. Опираясь, он услышал слова внутри жилища. Вслушался хорошенько — говорит его собственная жена, Монгункон-девица. Она произносит:

— Кимонин-матушка! Страшно! В чью землю меня [авахи] увел и зачем мучает меня? Настал день, когда мне надо варить головы людей. Долго не идет выручать меня дружок Умусликон!

Как только она произнесла это, Умусликон-богатырь сказал:

— С тех пор как я пришел, прошло три дня; я мучаюсь в поисках дверки твоего железного жилища. Открой дверку, дружок Монгункон!

Он сказал, и Монгункон подбежала открыть дверь. Умусликон-богатырь вошел в жилище. Смотрит — Монгункон, его жена, варит головы людей. Умусликон-богатырь спросил жену:

— Куда ушел Сэлэргун? Когда придет?

На вопрос его Монгункон-девица ответила:

— Вечером придет, пошел охотиться за людьми, чтобы съесть их. Из всех сильных самый сильный — железнотелый Сэлэргун, — сказала она. — Если ты, мата, силен, то его победишь! Дружок Умусликон, не поддавайся ему ни в чем!

На слова ее Умусликон-богатырь ответил:

— Каким бы я ни был от рождения, но без боя отсюда не уйду!

Умусликон, сказав, стал ждать. Вечером перед закатом солнца раздался звук железа. Когда он прекратился, прозвенел железный болт дверки, и [авахи] обратился к Монгункон-девице с громкими словами:

— Дынгды! Дынгды! Монгункон, дружок, скорее открой дверь! Усталый пришел я. Скорее открой!

Лишь только он произнес это, как Умусликон-богатырь без слов выскочил вон. Когда он выскочил, Сэлэргун, вздрогнув, вскрикнул:

— Ой, страшно! Откуда [ты] пришел? Умусликон-богатырь, здоро́во! Давай встретимся добром и станем жить вместе.

В ответ на это Умусликон-богатырь, разозлившись, сказал: «Вот тебе!» — и ткнул ему под нос кулаком, а правой рукой ударил в основание уха. Сэлэндэ рассердился и попробовал схватить противника, но Умусликон-человек вывернулся, вскочил, говоря: «Паршивая собака, сейчас я раздеру тебе сердце и печень!», и ударил кулаком врага-авахи.

Вот богатырь и враг начали биться. Во время боя все авахи и духи поумирали от страха. Повсюду в верхнем мире отдавался звук их кулачных ударов. Так бились Умусликон и Сэлэргун. Бились долго. Наконец, Умусликон начал одолевать врага. Авахи закричал:

— Умусликон-богатырь, ты полегче ударяй! Действительно, ты сильный богатырь! Я такого мату [19] не встречал. Не убивай! А что за польза для тебя, если ты убьешь меня? — говорит.

Умусликон-богатырь, не останавливаясь, бросил [авахи] на спину, зажал горло и перерубил его. Убив, [он] сжег его тело на костре. Затем, разыскав всех других врагов, перебил и их. Сжег всех и пепел развеял по ветру.

Победив, он пошел с женой в свои места [на среднюю землю]. Шел, шел, насилу дошел до поверхности средней земли. В пути хорошенько отдохнув, отправились [дальше] домой. Долго шли, наконец дошли до своих мест. Оставленный ими чум-утэн был в хорошем состоянии, как и прежде. Утром, встав, Умусликон пошел посмотреть оленей. Смотрит — хороши, против прежнего [их] в два раза прибавилось.

Тем временем у них родился мальчик. Умусликон, став отцом, очень обрадовался. На радостях словно помолодел. Хорошо воспитывал сына. Сын, раз переночевав, годовалым стал; дважды переночевав, двухлетним стал. «Такой ребенок, став мужчиной, в десять раз сильнее Умусликона будет», — говорили они между собою.

Умусликон с Монгункон хорошо жили, имели большое стадо.

11. Умун-Умусникон

Н. Федорова.
1936 г., пос. Чумикан, Чумиканский район, Хабаровский край.

Давно, давно жил один человек. Его имя было Умун-Умусникон. Этот Умусникон в чум заглянул — против входа лежит сумка. Взял эту сумку — внутри выдолбленная трубка. В трубке

трут. Зажег огонь с помощью трута. Покровом чума служила ровдуга из шкуры дикого оленя. Очень беден был этот Умусникон. У него не было собаки, чтобы «чо!» сказать, вокруг не бродили домашние олени. Едой ему было мясо дикого оленя. Он бывал сыт, если убивал, и голодал, когда никого не убивал. Этот Умусникон был настоящим богатырем: не давал пройти мимо себя четырехногому, не давал пролететь над собой летающему по воздуху.

Однажды он задумался: «На средней земле только я живу», — говорит. Поговорив с родными местами, этот богатырь собрался в путь. Пошел он пешком. Дошел Умусникон до одной большой горы. Сидя на вершине горы, он любовался окружающей местностью. Насмотревшись, говорит: «Интересно, как становилась земля?». В это время к нему подошел медведь. Умусникон спрятался в засаде, спустил стрелу и убил его. Разделал тушу, поел мяса. Потом Умусникон двинулся дальше. Дошел до одного места. [Там] стоит жилище. Вошел он в это жилище. Живут там старик со старухой, очень старые. Старик спросил:

— Что тебя принесло в эти места? Здесь [никакая] пташка «чип» не произнесла. А ты-то как пришел? Как тебя звать? В каких местах ты родился?

Умусникон-богатырь сказал:

— Если тебя моя жизнь интересует, я расскажу. Я пришел из далеких мест. Мое имя Умун-Умусникон. Ты, старик, старый человек, несомненно ты много знаешь, много видел и богатырей-молодцев знаешь, вероятно.

Старик сказал:

— Я родился в то время, когда эти места только становились. Видел я и слышал о многом. Когда был молодым, встречал разных врагов-харги,[1] людей и страшных зверей. Вот если пойдешь в этом направлении, [там] будет море-океан, там живут три брата-богатыря и сестра. Сильные богатыри. Если в поединке ты их одолеешь, будешь настоящим богатырем. Не одолеешь, приходи сюда!

Пошел этот Умусникон, дошел до одной реки. Там след человека ушел вниз по реке. Умусникон пошел по этому следу. Дошел — стоит жилище. Умусникон сказал:

— Здорóво, домище! Открой дверку!

В доме кто-то спросил:

— Кто это говорит?

Из чума вышел человек, и Умусникон с ним начал драться.[2]

Оказывается, это настоящий человек-богатырь. Умусникон одержал верх. Богатырь океана говорит:

— Мы отдадим тебе сестру.

Сестра сказала:

— Я не пойду за Умусникона!

Сказав, девица убежала. Умусникон погнался за ней. Добрался до одного места. Здесь стоит каменный дом. Умусникон в поисках дверки трижды обошел вокруг дома и говорит:

— Каменный домище, если внутри тебя кто-либо есть, привет!

Внутри никто не произнес ни слова. Тогда Умусникон вошел в этот дом. Вошел, смотрит — спит человек. Очень большой человек, сбоку у него молот. Умусникон говорит:

— Долго спишь, вставай!

Человек не просыпается. Тогда Умусникон взял молот и ударил им спящего человека. Когда он слегка трижды ударил по лбу, тот проснулся. Проснувшись, спросил:

— Кто занес тебя в эти места? Я тебя сейчас же убью.

Умусникон сильно испугался и говорит.

— Я сюда попал в погоне за женщиной.

Этот человечище набросился на Умусникона, чтобы убить. Это оказался враг-авахи. Тогда Умусникон стал с ним биться. В поединке он победил. Победив, Умусникон вышел вон. Вдруг в небе раздались слова. Умусникон [в ответ] произнес:

— Матушка — верхнее небо, батюшка — средняя земля, мне силу прибавьте!

Умусникон подумал: «Была [у меня] такая стрела, что пробивала семь туч». Взял он эту стрелу, отточил и пустил вверх, а сам зацепился за ее конец.[3] Эта стрела унесла его вверх. Вот летит Умусникон на стреле. В верхнем мире он нагнал эту женщину. Женщина привела его в свои места. Добрался он. Там [стоит] чум-утэн[4] и горит костер. Он поставил около чум-дю.[5] Потом пошел к чуму-утэн. Внутри место мужа [этой женщины]. На почетном месте лежат шкура медведя — постель, лук и стрела. Взял Умусникон этот лук, натянул его до пояса, но не мог натянуть до конца за один раз. Вечером пришел муж женщины, на семи вязках [одежды] принес семь убитых зверей.[6] Придя, спросил:

— Кто это пришел в мои места?

Вошел в дом, где сидел Умусникон. Оказывается, это был младший брат Умусникона.

12. Гарпаникан

Григорий Чинков (Эдян), род. в 1919 г., грамотный.
1938 г., Сахалин.

На самой середине земли в то время, когда земля с коверкумалан[1] расстилалась, жил один богатырь. Имя его было Гарпани. Откуда он произошел, неизвестно. У него не было отца, чтобы произнести «папа», не было матери, чтобы произнести «мама». «Если бы я на земле родился, на макушке у меня

росла бы трава; если бы я сверху свалился, на макушке у меня был бы иней», — думал [он]. Жил он так, поживал. Перед ним ни одна ворона, спустившись, не могла произнести «гак», ни одна кукша, опустившись, не могла произнести «кук» — всех убивал.

Гарпани-богатырь ежедневно вставал рано и уходил на охоту. Перебив всех зверей вокруг дома, он начал уходить подальше. Так живя, он стал задумываться о дальних местах. Думая о будущем, смотрел на свой чум-утэн.[2] Долго думал, наконец обратился к чуму-утэн:

Куюкоко! Куюкоко!
Чум мой, утэн,
Хорошенько слушай!
Как молодцу до старости
На одном месте усидеть?
Есть ли богатырь
Сильнее меня?

Богатырь-мата,[3] долго не раздумывая, взял лук и привязал к спине. Надев прокопченный кафтан и на голову шапку-мета [4] и обращаясь к чуму, опять сказал:

Куюкоко! Куюкоко!
Чум мой, утэн,
Прощай-ка!
Если б я знал,
Когда вернусь,
То предупредил бы!
Если я далеко уйду,
То через два-три года
Я не вернусь!

Средней земли Гарпани, расставшись с чумом-утэн, как хороший олень-пороз бежит по твердой земле, взрыхляя твердую землю как олененок. Оставляет он свои места. От быстрого движения у богатыря-маты в ушах свистит и волосы ветер относит назад. На пути у него маленькие деревья в кольца извиваются, большие деревья, вырвавшись с корнями, шумно падают. След богатыря-маты похож на след от бегущего оленя-пороза. Земля взрыхляется тут и там.

Гарпани-богатырь не знал, долго ли, мало ли шел [он]. Очнулся только тогда, когда оказался, словно загнанный зверь, на вершине хребта Кодорос. Вершины Кодорос-хребта покрыты туманом и преграждают путь. Гарпани сквозь туман, навстречу ветру по вершинам бежит, оставляя хребет позади. Но и дальний путь имеет свой конец. Хребет Кодорос истощил его силы (букв.: кончает его дальний путь). Богатыря-мату теперь ничто не задерживает. Преодолевая трудности в пути, он ищет противника. Вот на пути у него на ровном месте стоит большой чум-чорама.[5] Стены восьмигранного чума-чорама освещает солнце. Гарпани-мата в обе стороны смотрит: где вход — не знает. Куда бы ни посмотрел, большой чум-чорама со всех сторон подпирает плавниковый лес. «Словно кости людей», — думает он.

Гарпани-мата вокруг чума-чорама бегает и ищет вход. Не найдя дверки, останавливается снаружи. Не найдя основного

столба, начинает рубить жерди остова. Тогда из дымового отверстия выскакивает мата.

Кэдэрэнинде средней земли, выскочив из дымового отверстия и идя по земле, смотрит на Гарпани. Средней земли Кэдэрэнинде шире, сильнее и выше, [чем Гарпани]. В упор он смотрит, черен как уголь, только зубы белеют; волосы у него вьются, а глаза, словно кольца, вращаются. Остановившись против Гарпани, он такую речь держит:

Кэдэрэгойкон! Кэдэрэгойкон!
Средней земли Гарпани,
С чьего разрешения ты
Жилище мое начал рубить?
Убирайся по доброй просьбе,
Пока я не свернул тебе шею!

Гарпани средней земли, услышав его слова, натянул лук и прицелился в противника. Приготовился и противник. Взяв стрелы, смотрит на Гарпани и ждет его выстрела. Гарпани средней земли натянул лук до пояса. Спустив стрелу, смотрит — совсем не попал. Только с третьего выстрела стрела вонзилась [в серединку лука противника]. В гневе схватив лук, глядя на противника, [Гарпани] ждет его выстрелов. Средней земли Кэдэрэнинде прицеливается не хуже его. Средней земли Гарпани от стрел его отскакивает. Из трех стрел ловит он [серединкой лука] третью стрелу. Богатыри-маты, бросив луки, начинают поединок на мечах.

Во время их боя днем туман подымается, ночью искры [от мечей] сверкают. Чащу в гладкое поле [они] превращают, а поляну — в чащу, холмистое место — в овраги, а овраги — в холмы. Но вот от боя их мечи начали тупеть. Бросив мечи, схватились [они] за пояса. Пробуют силы — упругость сухожилий. Потом, сцепившись руками и нажимая друг на друга, с силой упираются головами.

Ну, бились [они] и так, и этак. Сколько времени прошло с тех пор, как начался поединок, никто не знает. Об осени узнавали по инею, о весне — по траве. Но вот то один, то другой начинает падать. Силы кончаются, они ждут, кто кого одолеет.

Вот средней земли Гарпани бросает противника и оказывается на нем. Нажимая на него, сидит на груди. Взял меч и собирается перерубить горло [врагу]. Противник плачет, жалея о жизни, и так говорит Гарпани:

Кэдэрэгойкон! Кэдэрэгойкон!
Средней земли Гарпани,
Не убивай! Может быть, отпустишь?

Но средней земли Гарпани совсем не жалеет [его]; взяв меч, он хочет перерубить [ему] горло. Но не успел перерубить, как в синем небе по ветру речь раздалась:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли Гарпаникан,
Жаль мне! Моего брата не убивай!

Если убьешь брата,
Меня ты больше не увидишь!

Средней земли Гарпани долго не думал, перерубил мечом шею противника. Убив, сел на колоду отдохнуть. В это время в тучах раздались слова и пронеслись над ним:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли Гарпани,

Прощай, говорю!
Меня больше не увидишь!

Средней земли Гарпани, разбив двойную дверку восьмигранного чума-чорама, вошел в него. Во всех отделениях искал и задержался при входе в восьмую дверку. Но разве остановится средней земли Гарпани? Он выбил луком железную дверку. Разбив дверку, вошел внутрь. А в восьмом отделении у железного пенька стоит, хоркая, верховой олень врага. Топорщится шерсть, торчат копыта.[6] От роду не видел зверя такого: [7] с двух боков двойные крылья, на спине естественное седло, [на голове] серебряный недоуздок. Средней земли Гарпани повел его на поводу. Выведя, привязал к лиственнице.

Зверь с хорканьем ходит вокруг лиственницы. Смотрит в упор на Гарпани и говорит:

Энгтони! Энтэни!
Средней земли Гарпани,
Если ты должен стать моим хозяином,

Если упадешь, один пойдешь!
Не падай с меня!

Гарпани-богатырь, сев на него, стал подыматься вверх и вошел в тучи. Летя по небу, он взад-вперед качается. [Олень], хоркая, по небу летит. У средней земли Гарпаникана глаза слезами наполняются, в ушах свистит, но он сидит на [олене], совсем не падает. По синему небу он гонится за Конгакчан.

Над семью тучами [поднимаясь], под восьмой тучей спускаясь ниже, гонится он по следу. Богатырь человек на седле оленя, как почка [к дереву] прильнув, проходит сквозь тучи. Соревнуясь с тучами, сквозь туман летит по небу.

В это время против ветра звучат слова Конгакчан:

Гуруканин! Гуруканин!
Устала, надоело мне!
Орел мой верховой,

Скорее лети вперед!
Средней земли Гарпаникан
Гонится по моему следу!

Конгакчан-девица сильно плачет, на середине пути из сил выбивается. Усталые, они приближаются к океану. За океаном живет Воршенде. Летят они и не знают, где пролететь над океаном.

Средней земли Гарпаникан, гоняясь по следу, заставляет девицу спуститься. Поверхность океана в тумане, а другой берег океана едва виден. На том берегу стоит домище. Туда летит Гар-

паникан-богатырь. Паря над домом, как орел, он спускается на землю и привязывает своего верхового [оленя]. Взяв в руки меч, он останавливается у двери. Глядя на дверь, обращается к дому:

Куюкоко! Куюкоко!
Железный домище,
Если внутри кто-либо есть,
Познакомь меня с ним!
Если не познакомишь,
Дверку изрублю!

Немного [времени] прошло и в дверях показался Воршенде с молотом в руках. Железным молотом,[8] цепью привязанным к руке, замахивается он на Гарпани. Но средней земли Гарпаникан от молота отскакивает. Обоюдоострый меч при каждом ударе [о молот] искры рассыпает. Средней земли Гарпани, борясь с молотом, разбивает его железную цепь. И железный молот, отделившись от цепи, падает на землю. Житель океана Воршенде, потеряв молот и отскакивая от меча, прыгает вверх. Средней земли Гарпаникан ударяет Воршенде, но убить мечом не может. Куда бы ни ударил — не может попасть. Меч, падая на одежду, высекает искры, и в синем небе звон раздается.

Но, несмотря на это, средней земли Гарпаниндя рубит мечом железную одежду [противника]; от железного одеяния осколки железа, вспыхивая огоньками, падают на землю. Снимая с врага понемногу железное одеяние, он приближается к его телу. Когда из голого тела кровь потекла, богатырь человек разрубил плечо. Красная кровь, вытекая из раненого плеча, обагряет (букв.: разрисовывает) меч. Силы раненого врага иссякают. Весь в крови, он падает на землю. [Гарпани], придавив врага, сел ему на грудь и собирается перерубить ему горло мечом. В это время над ним в небе прозвучала речь:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли богатырь,
Теперь прощай!

Средней земли Гарпаниндя, не задумываясь, убил врага и сжег его дом. Богатырь человек взлетел в небо и погнался по следу за Конгакчан. Он полетел вперед в тумане сквозь тучи. Опять в пути ветер донес ему слова Конгакчан. Горько плачет она. Измучилась в пути и силы иссякли:

Гуруканин! Гуруканин!
Орел мой верховой,
Скорее лети!
Средней земли Гарпани
По следам моим гонится!

Средней земли Гарпани, после того как послышались слова, долго не летел — нагнал Конгакчан. Нагнав, схватил ее за косу. Намотав [косу] на руку, он ударил девушку плоскостью меча.[9] Ударив по бедру, довел девушку до слез. Вытирая слезы, Конгакчан-девица говорит Гарпани:

Гуруканин! Гуруканин!
Средней земли Гарпани,
Не бей меня,
Пожалей меня!

Средней земли Гарпани, услышав слова и жалея девушку, перестал ее мучить. Найдя в пути жену, по небу путь продолжает. Летят в места Гарпани. Богатырь человек свой трехгодичный путь в три дня проехал, дошел до своих мест. Придя, около старого чума поставил новый и зажил с женой.

* *
*

Вот уже остались позади молодые годы средней земли Гарпани. Ходит он по своим местам и бьет зверей. Вот и старость наступила. Проходят годы и белеют волосы.

Появился сын у Гарпани-богатыря. Ежедневно возясь с мальчиком, он кормит его только лакомством.[10] Не дает мальчику вчерашнего мяса. Сын начал играть с луком, каждый день бегает и стреляет в птичек. Не прошло и нескольких лет, а сын Гарпани уже бьет зверей. Бродя по тайге, в оленя-мойку [11] стреляет.

Сын Гарпани — Чиндони-богатырь, не имея близкого противника, мечтает о далеких местах. Придя домой с охоты, обращается к отцу с матерью:

Чиндоло! Чиндоло!
Отец Гарпаникан,
Матушка Конгакчан!
Я думаю о далеких местах.
Как могу я,
Словно девушка,
состариться
На одном месте?
Отец Гарпаникан,
Ты, вероятно, знаешь,
В каком месте живет
Богатырь человек?
Как добраться
До этих далеких мест?

Гарпаниндя-отец, услыхав слова его, глядя на сына, обратился к нему:

Куюкоко! Куюкоко!
Чиндони-сынок,
Твоему походу
Я не препятствую.
Если пойдешь отсюда,
То за девятью океанами
Найдешь богатыря.
Чиндони-сынок,
Далеко до тех мест.
Вверху летающая птица
Трижды снесет яйца,
Пока доберешься до этого
места.

Сын Гарпани — Чиндони-богатырь долго не думал, отправился в путь. Полетел на верховом [олене] своего отца. Вверху кружа, он произнес:

Чиндоло! Чиндоло!
Отец Гарпаникан,
Матушка Конгакчан,
Я предупрежу, если узнаю,
Когда должен вернуться!
А пока прощайте!

Чиндони-богатырь, расставшись с родителями, сквозь тучи полетел по небу.

Гарпаникан-старик бродит по тайге. Бьет зверей вблизи жилья. Конгакчан-старушка и Гарпаникан-старик ежедневно по

утрам ждут своего сына. Сколько лет прошло, как ушел их сын, неизвестно.

Вот однажды небо потемнело. Тучи покрыли небо, поднялся ветер, упал железный град. Через некоторое время после этого раздались слова:

Яргудеро! Яргудеро!
Ястреб, [ты] мой верховой,
Скорее лети!
Приближаются места
Средней земли Гарпани!

Прошло немного времени после того, как прозвучали слова, и мата спустился. Спустившись на землю, он обратился к Гарпани:

Яргудеро! Яргудеро!
Средней земли Гарпани,
Привет мой услышь!
Из далеких мест
К твоему звучному имени,
К тебе я прибыл.
Средней земли Гарпани,
Не побиться ли нам
По традиции?

Гарпаникан-богатырь, услышав его слова, взял лук и выскочил в дымовое отверстие.[12] Смотря в упор, натянул лук. Противник также натянул. Богатыри долго не стояли, натянув луки, друг в друга прицелились. Верхней земли богатырь, глядя на Гарпаникана и взяв стрелу, в противника прицелился. Средней земли Гарпаникан увернулся от [пущенной] стрелы. Из трех пущенных стрел он поймал [серединкой лука] третью. Верхней земли богатырь, натянув [лук], смотрит на Гарпани. Стоя напротив, ждет, когда тот спустит стрелу. Тот стреляет подобно ему. Из трех пущенных стрел [богатырь верхнего мира] ловит третью.

Молодцы-богатыри решили испробовать крепость сухожилий и, схватив друг друга за пояса, уперлись плечами. Сколько времени прошло с тех пор, как они начали поединок, никто не считал. Во время боя средней земли Гарпани начал время от времени падать и кровью истекать. Вот уже кровь кончается и он ждет смерти. От усталости со слезами сказал:

Кукококо! Кукококо!
Усталость моя очень велика!
Горло мое пересохло!
Видно, пришел конец жизни!
Как не слышит моих слов
Сын мой Чиндони?
Пусть мои слова
Отзовутся в его левом ухе!

Верхней земли богатырь трижды бросил его на землю. Сев ему на грудь, собрался перерубить ему горло мечом. Тогда Гарпани сказал:

Кукококо! Кукококо!
Чиндони-сынок
Как это не слышит меня?

Немного [времени] прошло, поднялся вихрь. Начался железный град и проливной дождь, подул ветер. Когда кончился дождь, прозвучали слова:

Чиндоло! Чиндоло!
Двукрылый верховой,
Быстрее двигайся!
У отца Гарпани
Дыхание на исходе!

Прозвучали слова, и скоро прибыл сын Гарпани — Чиндоникон. Взяв лук, он прицелился во врага. У присевшего вниз [врага] снес кожу с головы. Когда же тот подскочил вверх, [на миг] лишил его сознания. Когда же тот отскочил в сторону, пробил ему восемь ребер. Выстрелив, он ждет выстрела противника. Противник, целясь, стреляет не хуже его. Но как ни стреляет, не может попасть. Из трех стрел [Чиндони] ловит третью.

Тогда они начали биться мечами. Во время боя только искры летят [от мечей]. Но Чиндони долго не бился, выбил меч [у противника] и разбил ему руку. Ранив [противника], он ударил его еще раз мечом. Попав в макушку [головы], разрубил [врага] пополам. Потом сжег [тело] на огне.[13] Собрав пепел его, развеял по ветру.

Спас отца Чиндоникон средней земли. Отдохнув дома, опять собрался в путь. Поднявшись в высь, паря, как орел, в синем небе, исчез в тучах.

Гарпани жил до старости. Старость придавила и Конгакчан. Никто не знает, куда улетел их сын Чиндони.

13. Гарпас-мата-Гарпануучан

Варвара Диадорова (Монго).
1948 г., р. Урми, Хабаровский район, Хабаровский край.

Давно, давно, когда земля только становилась, когда небоматушка подобно опрокинутому чуману [1] было, жил один человек. Когда земля, словно ковер-кумалан,[2] расстилалась, жил он, собирая ягоды. Появившаяся гора с холмик была, когда он жил; появившаяся река как ручеек была, когда он жил. Трава только пробивалась, а дерево величиною с четверть [3] было, когда жил мата.[4] Если посмотреть, что за жилище было у этого маты, оказывается чум-утэн [5] из плах. Звали этого молодца Гарпас-мата-Гарпануучан. Он не давал дважды пробежать мимо шестнадцатикопытному оленю [6] — такой мата был. Так жил он, и надоело ему охотиться на одном месте. Взял он лук и собрался пойти посмотреть мир. Вот заговорил он:

Генге, генго-ёй!
Генге, генго-ёй!
В мире, вероятно,
Живет человек-уранкай? [7]
Один я жить не стану!
Искать их надо!
Наступил день
Начала похода!

В поисках направился парень в сторону восхода [солнца]. Шел, шел, рассматривал мир. Искал он коричневоголового человека [8] — уранкая-эвенка. В поисках переходил из одной горной

тундры в другую и увидел дикого оленя-ирун.[9] Выстрелил в него из лука. Во время спуска стрелы сказал: «Берегись!». Когда он собрался пустить стрелу, зверь, почуяв, заговорил:

Онгтор, онгтонин![10]
Богатырь-мата,
Гарпануучан-богатырь,
Убьешь [меня], вероятно?

Парень выстрелил. На месте того [оленя], в которого он стрелял, вскочили два раненых оленя-ирун. Погнался парень за ними. Звери убежали так быстро, что он не успел даже ни «ах!» произнести, ни почесать затылок. Но он продолжал погоню. В это время впереди него послышались слова:

Геруканын! Геруканын!
Геруканын! Геруканын!
Вот подлец — убил моего оленя!
Не увижу [я] бедняжку [оленя]!
А тебе морду сверну
[За то, что] убил моего оленя!
Больше не придешь сюда!

Говорит тот человек. Гарпас-мата-Гарпануучан, услышав слова, обрадовался [встрече]. Быстрее побежал. Бежал, бежал, стал приближаться. Увидев вблизи человека, пошел к нему. Гарпас-мата шел к нему навстречу. [От быстрого движения] с двух сторон его появилось пламя. Дальний человек, подойдя, схватил его десятью пальцами и ударил кулаком, говоря: «За что ты убил моего верхового оленя?». Гарпас-мата тоже ударил кулаком. Оба парня равно дрались. Полмесяца дрались, [более] десяти дней равно дрались. Через полмесяца Иронуде-мата стал выдыхаться. Выдохнувшись, сказал:

Геруканен! Геруканен!
Гарпас-мата,
Не убивай меня (букв.: мою душу)!
У меня есть сестренка,
Красавица девица,
Секакчан по имени.
Если не убьешь,
Я ее отдам тебе!

Ну, конечно, Гарпас-мата, чтобы получить девушку, и не подумал убивать его. Окончив поединок, оба отправились к сестре Иронуде. Идут пешком, бегут. На восход солнца бежали, бежали, три дня бежали, наконец добежали. Иронуде позвал сестру:

Геруканен! Геруканен!
Я тебе товарища привел!
Не желая быть побежденным,
Я отдал тебя Гарпас-мате.
Чтобы живым быть,
Гарпануучану отдал я!
Быстрей выходи,
Приготовляй угощение
И одежду быстрей приготовь!

Тогда девушка, выйдя [из жилища] к брату, взяла за руку Гарпас-мату-Гарпануучана и ввела [в дом]. «Что же делать, — сказала она, — ну, если он одолел тебя, я выйду [за него]». Введя, угостила его разными яствами, приготовила одежду. Поев, они собрались спать.

Переночевав, встали утром. Пошли за убитым оленем, [чтобы приготовить] угощение к свадьбе. Принесли его. Приготовили

яства, разослали парней-[гонцов]. Одного парня в нижний мир послали, одного — в средний мир, одного парня в верхний мир отправили. Пошли [они] за гостями. Посланные на третий день привели [гостей]. Со средней земли (т. е. с лесных склонов) на свадьбу пришли эвенки-уранкаи. С верхней земли (т. е. с горных вершин) пришли эвенки. С нижней земли (т. е. с низин и долин) пришли авахи.[11]

[Авахи], захватив когтями [одного] парня, потащили его. Парень тогда говорит: «Что за народ? Не дают покоя человеку!». Когтями его всего разодрали. Авахи покончили с тем парнем. После угощения [авахи] отняли жену Гарпас-маты. Гарпануучан погнался за ними. Унесли они [ее] в сторону захода солнца. Там было озеро. На середине озера [авахи] нырнули в нижний мир и превратились в железо.

Гарпас-мата, догнав, нырнул туда же. Нырнув, добрался до мест авахи. Дойдя, превратился в мальчика-сиротку,[12] попытался войти. Вошел в каменный дом. У авахи одна рука на середине груди, один глаз посреди лба. Авахи, увидев его, сказал: «Покормите-ка мальчишку, сиротку-ребенка». Женщина Секакчан спросила мальчика:

— Откуда ты пришел? Что ты собираешься делать у авахи?

Мальчик сказал:

— Тетушка, я за тобою гнался, — говорит. Затем, обратясь к авахи, парень сказал: — Вот, познакомлюсь с Секакчан.

Авахи говорит:

— Хорошо, мальчик, познакомься.

Мальчик, познакомившись, сказал:

— Тут есть разные плоды. Попробуем их, — говорит.

[Отправились]. Сойдя с коня, они влезли на дерево полакомиться плодами. Влезли, а их [конь] превратился в огромного оленя.[13] На себе обоих унес. Отобрал [Гарпас-мата] у авахи [жену свою]. Домой ее везет. Олень говорит: «Крепче держись, чтобы авахи не нагнали». Повез домой. «Скоро до дому доедем, вероятно». Добрались до дома. Как только доехали домой, полил ливень, прогремел гром, выпал град, закружил вихрь. Это следом за ними атаман-авахи шел со словами:

Дэнгдэ, дэнгдэ-бунин!
Дэнгдэ, дэнгдэ-бунин!
Гарпас-мата-Гарпануучан,
Отдашь или не отдашь —
Все равно возьму твою жену!
По-хорошему или по-худому
отдашь!

Гарпас-мата рассердился. Рассердившись, в столб около дверки так пнул ногою, что поломал его, и выскочил. Нос одному авахи вырвал с корнем. Авахи-парень сильно обиделся. Тогда [Гарпас-мата] ударил [его] кулаком [величиной] с голову лосячирак.[14] Авахи, вытянув [руку], ударил кулаком с голову осеннего лося-анам.[15] Начался поединок. Гарпануучан уложил на

спину авахи-парня. Бросив его, сел на горло. Режет и смотрит, говорит: «Кончил». Видит — вместо авахи он [давно] рубит гнилую колодину. Авахи-парень ушел в нижний мир, говоря:

Дэнгдэ, дэнгдэ-бунин!
Гарпас-мата, прощай!

Ускользнул авахи, ушел домой. Гарпас-мата пошел к себе домой. Бежал, бежал, дошел до дома, до жены. Придя к жене, дома отдыхал.

СКАЗАНИЯ ВЕРХНЕАЛДАНСКО-ЗЕЙСКИХ ЭВЕНКОВ

14. Торганэй

Александра Боярковская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная.
1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтулакский район, Амурская область.

Жил один мальчик с матерью. Чума у них не было, жили они у костра. Он охотился. Однажды мать пошла недалеко, сказала сыну:

— Если кто-нибудь придет, если кто-нибудь будет меня спрашивать, ты не говори, [куда я ушла]. Если попросит что-либо сделать, ты не делай.

Когда старуха ушла, к костру пришел медведь и спросил:

— Где твоя мать?

Мальчик ответил:

— Я не знаю.

Тогда медведь сказал:

— Ну, если так, то ты привяжи меня на цепь вон к той лиственнице.

Мальчик пошел привязывать. Когда он привязывал, медведь бросил парня к себе на спину. Паренек словно прилип [к нему], и медведь побежал. Бежал, бежал, очень долго бежал медведь. Добежал до каменистой россыпи. На ней девушки играли, набрасывая арканы друг на друга. Паренек увидел девушек и говорит:

— Девушки, девушки, набросьте аркан на медведя! Спасите меня!

Девушки с арканами в руках забежали впереди медведя, арканом не поймали, промахнулись.

Медведь шел, шел и пришел к своим сородичам. Принес паренька в самую толпу их. Медведи собрались его съесть. Тогда паренек сказал:

— Дайте мне местечко, чтобы почиститься, вам лучше будет меня есть.

Медведи немножко раздвинулись. Тогда мальчик говорит:

— Мне не поместиться, дайте немножко больше места.

Медведи пошире раздвинулись. Лишь только они дали ему побольше места, как он бросился бежать, перепрыгивая с одного медведя на другого. Медведи погнались, но не догнали. А он бежал да бежал. Добежал до старых кострищ, где жила мать. Но мать уже умерла. Тогда он пошел в дальние страны, отправился искать девушку Торганэй.[1] Шел, шел и нашел маленький чум. В нем жила старушка.[2] Юноша спросил:

— Как найти место, где живет Торганэй?

Старушка говорит:

— Ты на своем пути встретишь много трудностей. Если ты их преодолеешь, то возьмешь [в жены] девушку Торганэй. Если же не сможешь [преодолеть], не возьмешь, — говорит старушка. — Я тебе дам верхового оленя.

Она дала ему верхового оленя, и он поехал. Ехал, ехал, [видит] — густая чаща. Остановился он и спрашивает:

— Как мне проехать?

Верховой олень заговорил:

— Мы превратимся в мышей и пройдем через чащу.

Пролезали, пролезали, наконец дошли до конца [чащи]. Опять поехали по ровному месту. Ехали, ехали, доехали до такого места, где ножницы сдвигаются и раздвигаются. Юноша говорит:

— Как мы проедем?

Олень отвечает:

— Сделаем железные унты и проедем.

Проехали. Опять поехали дальше. Ехали, ехали, доехали до места, усеянного остриями иголок. Через них перескочили. Ехали, ехали, смотрят — огромный пожар. Юноша говорит:

— Как мы проедем через пожар?

Верховой олень отвечает ему:

— Превратимся в птиц.

Превратились в птиц и перелетели через пожар. Поехали дальше. Ехали, ехали, опять [препятствие] — топоры рубят. Куда ни поедешь, везде страшно. Снова говорят:

— Как мы проедем через них?

Но проехали — олень придумал. Поехали. Ехали, ехали — вода, кругом вода, конца нет.

— Как нам проехать? Вода без конца.

Верховой олень его говорит:

— Превратимся в рыб. Рыбами проплывем.

Преодолели они и эту преграду в пути. Тогда олень сказал:

— Ну, теперь трудного пути не будет. Скоро доедем до девушки Торганэй.

Ехали, ехали, доехали. Показался огромный дом, блестящий, как солнце. Когда доехали, из дома вышла женщина и говорит:

— Я Торганэй.

На это юноша сказал:

— Как же так — ты Торганэй, а некрасива? А дом твой красив.

Тогда женщина сказала:

— Подождите до вечера, я скоро приду.

И ушла. Вечером пришла. Стемнело. Когда настала ночь, она сказала:

— Ну, надо спать!

Пошла в дом. А под платьем у нее что-то потрескивает. Юноша удивился:

— Что это потрескивает?

Легли спать. Ночью все тело юноши было исколото. Едва доспал до утра. Когда они спали, послышался звон — колокольчиком [кто-то] звонил. Он спросил:

— Кто это идет?

Тогда женщина сказала:

— Я тебя обманула. Я — работница Торганэй. А под одежду я насовала корья.[3] Торганэй сейчас начнет меня бить. Когда поломается это корье, она скажет: «Ну вот, я побила работницу».

Торганэй, подходя, закричала:

— Открой дверь! Кто это привязал своего верхового [оленя] к столбу?

Работница вскочила и пинком ноги открыла дверь. Торганэй схватила свою работницу и начала бить. Била, била, только треск раздается. Тогда Торганэй говорит:

— Ну, я забила свою работницу, все кости ей переломала.

Отвернула она одеяло, а там лежит юноша.

— Как, ты спал с моей работницей?! — говорит она. — Я — Торганэй-девица. Ты преодолел все трудности в пути. Я должна стать твоей женой. Много юношей пытались прийти ко мне. Никто не преодолел препятствий в пути, ты же сумел. Я твоя. Но за то, что ты спал с моей работницей, я дам тебе трудные работы. Если ты их выполнишь, ничего не испугавшись, я выйду за тебя замуж. Если не преодолеешь, не справишься [с ними] из-за страха, вернешься обратно к себе.

Юноша этот сказал:

— Сделаю.

Вначале она сказала ему:

— У меня есть звери, ты их попаси.

Он начал пасти. Зверей у нее было очень много, без счета.[4] Увидев впервые такое количество, он вначале испугался. Звери хотели его покусать. Юноша пришел к Торганэй и говорит:

— Твои звери собираются меня покусать.

Торганэй пришла и говорит им:

— Вы не кусайте, он наш.

Долго он пас их и не боялся, звери слушались его. После того как он кончил пасти, Торганэй говорит:

— Ну, покарауль березки. В березняке есть медведи. Ты их не бойся. Если они захотят себя съесть, ты скажи: «Я муж (букв.: человек) Торганэй».

Пришел он в березняк, березки начали его бить ветвями. Юноша заплакал. Тогда березки спросили:

— Ты чей человек? Эта земля принадлежит Торганэй. Торганэй велела нам не пускать чужих людей.

Когда они разговаривали, пришли медведи. Как только они показались, юноша сказал:

— Я — жених Торганэй.

Березки и медведи не поверили. [Березки] отправились спросить Торганэй:

— К нам пришел чужой человек. Мы его царапаем, медведи хотят съесть.

Торганэй ответила:

— Не трогайте его, это мой человек.

Березки вернулись и говорят медведям:

— Это свой, человек Торганэй.

Долго стерег юноша медведей и березки. Когда он кончил стеречь, Торганэй сказала ему:

— Найди своего верхового оленя. Найди и убей. Убив, мойся в его крови две недели, [чтобы очиститься]. Тогда ты возьмешь меня в жены.

Юноша убил [своего] верхового оленя и две недели мылся в его крови. Потом женился на девице Торганэй. Они хорошо зажили.

15. Торганэй и Чаникой

Иван Романов (Бута), грамотный.
1936 г., пос. Бомнак, Зейский район, Амурская область.

Давно, давно, когда мать-земля меховым ковром расстилалась, когда небо, величиною с беличий глаз, поблескивало, жили два паренька. Старший по имени Торганэй, младший — Чаникой. День им казался минутой, год — ночью. Так они жили и поживали. Один из них, подрастая, сделал игрушки и лучок. Стреляя из этого лучка, он не давал пролететь над собою птичке, кричащей «чип-чип», и кукше, кричавшей «кук-кук», — всех убивал. Младший парень был очень неловким, грязнулей и сопливым.

Вот Торганэй начал охотиться. Ходит на охоту, бьет зверей. Убив и привязав на вязку [от кафтана],[1] приносит их домой. Однажды, придя, посмотрел на друга-брата, а тот красавец-красавцем стал. Спросил Торганэй Чаникоя:

— Что ты сделал, что стал таким гладким и белым?

Чаникой ответил:

— Вероятно, я побелел и пригладился, когда валялся по снегу и по коре.

Торганэй опять ушел на охоту. Охотясь, убивал зверя и возвращался домой. [Смотрит] — Чаникой [опять] белый и гладкий. Спросил Торганэй:

— Что ты делал, что так пригладился и побелел? Расскажи подобру. Не расскажешь — побью.

Чаникой сказал:

— Братец, расскажу, только не бей. Две журавль-девицы прилетали со стороны восхода солнца; они меня причесали и намыли,[2] вот я и побелел.

Тогда Торганэй сказал:

— А ты поймай одну из двух.

Чаникой ответил:

— Непременно поймаю.

Торганэй спрятался в стороне от дома. Пока он сидел в засаде, в полдень прилетели две журавль-девицы. Спустились на том месте, где Чаникой рубил дрова, потом вошли в чум. Войдя, стали Чаникоя расчесывать и намывать. Пока мыли, Чаникой схватил старшую. Держа ее, он позвал брата:

— Торганэй, скорее иди!

Торганэй прибежал и повесил на вершинку жерди оперение журавль-девицы. Вот таким образом Торганэй получил жену.

Женившись, он прожил с женой три дня. Пошел на охоту. На охоте он пробыл долго. Вернулся домой. Дома никого нет: ни жены, ни брата. Посмотрел на дверной столб — тот уже упал.[3] В заржавленном котле брата нашел что-то пересохшее.

Остался Торганэй один. Сидит и думает: «Что же мне делать одному?». Пошел тогда Торганэй в сторону восхода [солнца]. В пути встретил трехголового орла.[4] Запел он:

Генге, генге, генге-коен!
Лови привет, орел-великан!
От избытка сил [я] в путь направился.
Трехголовый орел, расскажи мне, что знаешь!
Я, оставшись один, сюда пришел.

Отвечает на это трехголовый орел:

Дынгды, дынгды, дынгды-коен!
Человек тайги, здорóво!
С тех пор как две журавль-девицы
К восходу солнца пролетели,
Уже три дня прошло.

Торганэй спросил:

— А как ты поможешь мне?

Трехголовый орел отвечает:

— Я тебе расскажу. Иди-ка ты прямо в сторону восхода солнца. Пойдешь, там будет три реки. Если ты сметливый и сильный, перейдешь их. На противоположном берегу третьей реки будет десять зверей — [оленей]. У десятого из них рог сломан пополам. У него серебряное седло, серебряный трехсаженный недоуздок. Если ты его поймаешь, то будешь силен.

Отправился Торганэй в сторону восхода солнца. Дошел до реки. Посмотрел — река очень широкая. А у него нет ничего, на

чем он мог бы переехать. Посмотрел он вниз и вверх и бросился бежать [к реке], задевая ветки. Насадил кору на пятки[5] и перешел по реке. Вот таким образом он перешел все три реки. На противоположном берегу третьей реки он увидал следы зверей. Торганэй потихоньку стал выслеживать их. Звери почуяли его. Увидев его, они убежали. Торганэй погнался за ними. Гнался, гнался, догнал. Догнав, нашел [среди них] оленя с серебряным седлом и с серебряным недоуздком. Схватив его за оба рога, Торганэй [вскочил на него] и перевернулся. Горушка показалась ему марью,[6] а впадины показались ему холмами — так он кувыркался. Три дня держался [на олене], пять дней отдыхал.[7] Устав, взмолился:

— Олень с серебряным недоуздком! Устали мои сухожилия, задохнулись мои легкие. Ведь все равно тебе не одолеть меня!

Вот так приучил он оленя к себе; Торганэй получил верхового оленя. На этом олене охотился на зверей. Нагнав, он убил одного теленка для еды в дороге.

Поехал Торганэй дальше, в сторону восхода солнца. Доехал до большой серебряной горы. Доехав до горы, он толкнул пяткой оленя, говоря: «Стань колодиной!».[8] Верховой олень стал колодиной, а сам он превратился в маленького ребенка,[9] плачущего у подножия горы.

Пока он плакал, огромный орел, услышав плач ребенка, слетел с вершины серебряной горы и со словами: «Какой бог послал мне сына?», обрадовавшись, захватил его. Принес домой. Оставив его в гнезде, орел улетел на охоту. Без него Торганэй из костей животных сделал себе игрушки, бубен сделал.

Орлу надоело охотиться, он вдруг очень устал, вернулся в гнездо и сразу заснул. Когда он спал, Торганэй потихоньку привязал себя к ноге орла. Привязав, ударил в бубен. Орел взлетел. Когда тот долетел до вершины горы, Торганэй, [отвязавшись], упал.

Упав, Торганэй направился с горы вниз и услышал чей-то плач. Услышав, подошел. Подойдя, видит — на высохшем озерке [птица] Чиркимай качает новорожденного [и поет]:

Чивер, чивер, чивер-коен!
Баю, баю, баю-коен, не плачь!

Торганэй подошел к Чиркимай и спросил ее:

— Чей это сын?

Чиркимай говорит:

— Я забавляю оставленного журавль-девицами сына.

Тогда Торганэй спросил:

— А сами журавль-девицы куда улетели?

— Журавль-девицы улетели на свою землю, сегодня в два часа прилетят.

Торганэй, вспомнив, подумал: «Да это мой сын!» — и говорит Чиркимай:

— Ты его посильнее раздразни, чтобы плакал — быстрее придут журавль-девицы.

Чиркимай довела ребенка до слез. Торганэй спрятался в чаще. Увидев, как подлетели журавль-девицы, Торганэй подошел сбоку к жилищу и спрятался. Спрятался и слушает, как поют журавль-девицы. Старшую звали Гелтынгачан Кувульгат. Старшая сестра, Гелтынгачан, говорит:

— Скорее спустимся, мой сын плачет!

Чиркимай не успела ответить. Младшая девица запела:

Генг, генг, генге-койон!
Не будем спускаться!
Торганэй пришел
И находится поблизости.

Первая, Гелтынгачан Кувульгат, спустилась на сухое озерко. Подбежала к сыну. Взяла от Чиркимай сына и собралась кормить грудью. Лишь только она начала кормить, как подбежал Торганэй. Трехпудовым топором разрубил крылья-одежду журавль-девицы. Тогда младшая сестра Гелтынгачан сказала:

— Теперь прощай! Не послушала меня, спустилась, ведь паренек не плакал по-настоящему. Теперь живи век со своим мужем (букв.: стариком)! — сказала так и улетела в сторону восхода [солнца] младшая сестра.

Вот Торганэй, вторично найдя жену, остался с ней жить. Сын их каждую ночь подрастал. Отец делал ему игрушки, сделал лучок. С помощью этого лучка мальчик не давал пролететь над собою птичке, произносящей «чип-чип!», — охотником стал. На охоте он встретил разных зверей, птиц. Они спрашивают:

— Как твое имя?

А у мальчика имени нет. Никакого не назвал — нет имени. Парнишка приходит домой и говорит матери:

— Я на охоте встречал птиц, те меня спрашивали: «Как твое имя?». Потом смеялись над тем, что нет имени. Как же я должен жить без имени? Дайте мне имя! — просит парень у отца и матери.

Мать говорит своему мужу:

— Ну, дружок, дадим имя нашему сыну. Я дам сыну имя Хуругочон. Пусть будет это имя у нашего сына.

— Хорошо, — сказал он.

Мальчик, получив имя, обрадовался, взял лук и пошел на охоту. На охоте опять встретил птиц. Они спросили его:

— Как твое имя?

Парень ответил:

— Мое имя Хуругочон.

Вот Хуругочон охотится и бьет зверей. Убьет десяток и весь десяток принесет домой. Однажды на охоте он увидел бурундука. «Что за зверь?», — говоря, стал его рассматривать. Посмотрел: «Уж очень красив он», — говорит. «А ну-ка я поймаю его живым», — подумал, погнался и схватил бурундука. Поймал,

обрадовался и побежал домой, расталкивая ельник, так что шишки падали и коряжины выворачивались. Сильным человеком стал [он]. Пробежал он тальником, прибежал домой. Спросил у отца:

— Что это за зверь? Съедобный или нет?

Отец говорит:

— Это божий слуга.[10] Его нельзя есть.

Пошел опять охотиться Хуругочон. Когда он шел, послышался вой ветра. Сквозь этот вой ветра вдруг кто-то заговорил:

— Сильный паренек, что ты ищешь? Где твоя мать? Расскажи. Если не скажешь, я тебе сверну шею (букв.: я тебя с твоим ухом возьму).

Смотрит Хуругочон — никого не видно. *Он подумал: «Кто это и где говорил?». Подумал, осмотрелся — нигде никого. Ничего не понимает. Пошел вперед. Идя, увидел следы зверей. Их кто-то уже вспугнул. Так он никого и не убил. Пришел Хуругочон домой.* Придя, спросил мать:

— Когда я шел и охотился, поднялся вихрь, потом кто-то спросил: «Ты, паренек, чего ищешь? Где твоя мать?».

Мать сказала:

— Это дочь солнца Секакчан Кувульгат, вероятно.

Хуругочон спросил мать:

— А эта дочь солнца, красавица Секакчан Кувульгат, где живет? Расскажи мне. Я пойду к ней. Она меня сильно рассердила, разогнала всех зверей передо мной.

— Я тебе расскажу. Иди на юг (букв.: на полдень), к подножию горы. Когда пойдешь, увидишь серебряный дом со столбом, достигающим неба. В этом доме живет дочь солнца Секакчан-девица. Там же однорукий мата-авахи [11] живет, у которого еда — пол-ягоды и который ест половинкой ложки. Если ты его одолеешь, то получишь девушку в жены.

Вот поставил Хуругочон по сторонам входа в материнский дом двадцатипудовые железные балки и говорит:

— Если это железо заржавеет, считайте, что я умер.

Распрощался Хуругочон с отцом и матерью и отправился в путь. Идет он и идет, день и ночь идет. Идет, сам с собой разговаривает: «Если бы я с нижнего мира пришел, на пятках у меня была бы глина». Посмотрел он на пятки — глины нет. Говорит дальше: «Если бы я со средней земли пришел, мой старый кафтан сносился бы». Посмотрел — кафтан сношен.

Вот шел он и дошел до серебряного дома. Придя, попробовал открыть дверь — никак не открывается. Превратясь в птичку, Хуругочон сел на дерево. Смотрит — богатырь-авахи лес рубит, ставит бревна к дому. Вот открывает авахи дверь. Как только открыл, Хуругочон, превратясь в муху, влетел. Влетел и остался жить внутри дома.

16. Алтанэй

Анисья Павлова (Булдэ), род. в 1891 г., неграмотная.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давно это было. Жили три молодца — Илихагдэн, Алтанэй и Тывьенэй; это были три брата. [С ними] жила одна сестра. Жили они в одном доме. У них не было ни отца, ни матери — умерли. Вот такая была семья. Они жили охотой. Во время охоты двое из них оставались дома. Сестра их вечно скучала. Как-то вечером братья пришли с охоты и сестра говорит им:

— Братцы, скучно мне! Поймайте мне зайчонка и принесите вместо игрушки!

Утром [братья] отправились охотиться. Принесли с охоты зайчонка, дали его сестренке. Она играла с зайчонком целый день. Наступила вторая ночь. Охотники пришли домой. Тогда она говорит:

— Братец, братец! Мне с ним не справиться. Сделай для него ящик, такой, чтобы в него не проникла вода.

Брат сделал ящик и дал сестре.

— Я посажу, — сказала она, — в этот ящик зайчонка.

Братья опять ушли охотиться, опять дома остались двое. Когда они ушли, девушка побежала к реке. Река была большая. Взяла она ящик, сунула в него зайчонка и закрыла его. Пришла к реке и спустила ящик на воду со словами: «Кто хочет меня взять в жены, пусть возьмет этот ящик». [Вернулась], сидит дома. Брат ее спит против нее. Проспал весь день, не проснулся ни разу. Сколько времени спал, неизвестно.

Когда он спал, прилетела большая птица. Спустилась и села, сломав девять верхних ветвей у лиственниц. Села и запела. Услышав пение, девушка выскочила из дома, посмотрела. Птица, увидев ее у двери, спросила:

— Кто отправил [ящик], ты или кто другой?

— Это я отправила, — сказала девушка.

Тогда птица схватила полчума вместе с девушкой и унесла все это на крыльях. А брат Илихагдэн во второй половине чума весь день проспал, ничего не чувствуя. Вечером пришли с охоты Алтанэй и Тывьенэй. Пришли — половины жилища нет. Только во второй половине спит Илихагдэн.

— Илихагдэн, соня, — говорит Алтанэй, входя. — Посмотри, что случилось с чумом! Ты что — не чувствуешь что ли?

Когда тот сказал, [Илихагдэн] начал ругаться. [Алтанэй] говорит тогда своему товарищу [Тывьенэю]:

— Нашу сестру унесла птица Керальто-Гаральто. Мы должны собраться в погоню. Илихагдэн же пусть спит крепким сном.

Отправились в погоню два брата, Алтанэй с Тывьенэем. Направились вниз по реке. Шли они, шли, очень долго шли. Устали

идти, присели на кочку. Сидят и видят старичка. Этот старик Танкахэт гадает.

— Ну-ка, пойдем к нему, — говорят.

Пошли к гадальщику. Тот испугался, подпрыгнул. Сел против молодцев и спрашивает их:

— Чьи вы дети? Куда идете?

— Мы, — говорят, — идем [по следам]. Нашу сестру люди увели. Мы гонимся [за ними]. Вот, старик, если ты знаток, то ты, вероятно, знаешь про все это. Расскажи, по какой дороге нам идти, чтобы найти ее? Объясни нам хорошенько! — говорят они.

Тот погадал, потом сказал:

— Расскажу, — говорит. — Нагоняйте по средней дороге. [Там] найдете. Когда пойдете, встретите тальники, в них будет скот, который «ш-ш» произносит. Скот как бугорки сгрудится. Тогда покажется [то, куда идете].

Пошли они. Вот уже видно [стадо]. Стадо огромное, кажется холмиками: много коров и много лошадей. Дошли до середины, [смотрят] — девушка, выскочив [из дому], стоит у двери. Выйдя запела:

Братец Алтанэй,
Ты ли пришел?

— Я пришел, — говорит он.

— Ну, если так, соберем угощение, разными кушаниями накормим. Входите в дом.

— О, мы не войдем, — говорят они, — пусть твой муж выйдет.

Муж ее вышел навстречу, поздоровался. Когда он здоровался, [брат] ударил его пальмóй[1] на длинной палке так, что голова слетела. Убили Керальто-Гаральто. Когда они убивали, сестра была в доме. Брат Алтанэй схватил ее за руки, вывел на улицу, а брат-товарищ Тывьенэй поймал коня.

— Давай накажем ее, — говорят.

Сестра закричала:

— Братец Тывьенэй, я боюсь, я всегда боюсь брата Алтанэя. Братцы, не убивайте меня!

— О, пусть говорит! — сказали.

— Тывьенэй, скорей привяжи ее за косу к хвосту коня. Привязав, отпустим [коня]!

Конь побежал, поволок привязанную к хвосту женщину.[2] [Испугавшись], бросился со всех ног. Так и убили девушку.

17. Алтанэй и Тывьенэй

Петр Михайлов (Булдэ), род. в 1889 г., неграмотный.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давным-давно (букв.: в начале жизни) с низовья вдоль реки летели пестрые утки. Девушка поймала утку и начала с ней играть. Немного погодя прилетела птица. Прилетела и спустилась

неподалеку от дома. Посмотрела девушка, а птица эта Моксовул. Птица запела, девушка стала слушать. Птица пела так:

С реки, на которой ты живешь,
С низовья этой реки могут прибыть!
Вот придет человек,
Уж очень красивый на вид;
Придет он и скажет:
«Я тебе игрушку-оленя дам!
Я тебе игрушку-зайца дам!».
Даст он и скажет:
«Иди ты со мною!
Пойдем и станешь моею женою!
Я тебя уведу», — скажет он.

Птица, [пропев], улетела. Улетела она, пришел человек. Пришел, дал девушке зайца.

— Я тебя уведу, — сказал он. Дал игрушку и увел.

Тывьенэй охотился с Алтанэем. Охотясь, Тывьенэй убил лося. Когда он свежевал лося, послышалось пение. Алтанэй говорит Тывьенэю:

— Ты слышишь что-нибудь?

— Что мне слышать? Звук мне послышался, что кто-то, как будто глотая почку лося, «бульк» произнес.

Пошли они домой. Пришли домой — сестры нет.

— Вот, — говорит младший, — кто-то с пением направился вниз по реке.

Переночевали Алтанэй с Тывьенэем. Алтанэй задумался. Утром Алтанэй встал, навьючил на коня седло, потом обуздал коня и сказал: «Братец, поедем». Потом запел:

Тывьенэй, Тывьенэй, Тывьенэй!
Поедем, поедем, поедем!

— Братец, братец, сплю я, — ответил Тывьенэй.

Спи, спи, коли так!
Я один, коли так,
Поеду, поеду!
Спи крепким сном!

[Тывьенэй запел]:

Подожди, подожди,
Справимся, отправимся.

Отправились, поехали они к реке и [запели]:

Утки, утки
К соседям летят! [1]

Смотрят — дом. В доме живут старик со старухой. Остановились на ночевку в их доме. Спросили их Тывьенэй с Алтанэем:

— Что вы знаете? К чему у вас способность?

— Мой талант — предсказание.

— Ну, если ты предсказатель, то ты, вероятно, знаешь, куда нам идти.

Старик со старухой знали, к кому те едут. Они рассказали о том, что знали:

— Вы направляетесь к Кирэ-богатырю. Это он украл вашу сестру. Если у вас есть счастье, то вы, направившись, до-

беретесь до следующего соседа. Доехав, спросите человека: «Какой у тебя талант?». Он сообщит о своем таланте, сказав: «Я Мукилту-[водоглотатель]».

Как только старик рассказал, они отправились. Доехали и спросили богатыря:

— Сообщи нам о своем таланте!

— Я Мукилту-[водоглотатель].

Тывьенэй говорит:

— Иди с нами!

Мукилту отправился. Направились они вниз по реке. Ехали, ехали, доехали до следующего соседа. Ночевали у него.

— Здесь должен был быть ведун, — говорит Алтанэй. — Старик говорил нам: «Когда доедете до следующего соседа, спросите его, каким талантом обладает»; старик говорил, что когда мы спросим, то тот ответит: «Талант у меня, Курбэлтуна, — [круглым камнем бросаться]. Я большим камнем играю».

[Встретили они Курбэлтуна]. Тывьенэй с Алтанэем увели этого человека. Дорогою они думали: «Ведун говорил, что впереди еще что-то будет. Будем следить».

Между тем показались большие дома. Много жилищ, там-то и [должна] находиться их сестра. Там же их зять.

Сестра вышла навстречу. Поздоровалась, обрадовалась встрече: «Мои братья приехали». На радостях наготовила разной еды для угощения. Муж, придя, предупредил жену:

— Ты уложи спать братьев вон в том доме, — сказал он.

Они пошли туда ночевать. Когда они заснули, пришел большой человек. «Спите?», — говорит он. Когда он, войдя, сказал, Тывьенэй и Алтанэй сразу проснулись. Алтанэй говорит старшему брату:

— Как ты думаешь, [зачем] нас замкнули? Может быть, нас убьют? Теперь ты спи чутко!

Когда они заснули, дом подожгли с четырех углов.

— Просыпайся. Настало то, о чем я говорил!

Тогда Тывьенэй крикнул:

— У кого талант есть, выходи, спускайся к нам.

Курбэлтун бросил свою глыбу. Дом сломался, и огонь сразу охватил его целиком.

— Мукилтун,[2] — закричали [братья], — спасай нас!

А у Мукилтуна во рту было воды с целое озерко.

— Лей! — кричат, чтобы тот загасил пожар.

Выскочили они, не умерли. Забрали сестру и все добро, весь дом. Перестреляли людей Кирэ. Самого Кирэ обратили в бегство. Сбежал Кирэ. Тывьенэй с Алтанэем после бегства Кирэ забрали сестру и направились обратно. Домой возвращались втроем. Когда доехали, [смотрят] — на оставленном жилище выросли мох и трава.

— Сколько же лет прошло с тех пор, как мы уехали, что жилище так обветшало? — сказал Алтанэй.

Не прошло и года, как прилетела птица Моксо. Спустилась на лиственницу около двери и запела:

Тывьенэй, Алтанэй,
Остерегайтесь!
Кирэн подходит
С войском.
Если есть товарищи [для помощи],
Тогда не будете убиты.

Сказала птица и улетела. После ее пения, спустя несколько дней, пришел [Кирэ] с криком: «Берегитесь!».

Реку, текущую вниз, [Кирэ] заставил течь вверх. Смотрят [они] — подходит двухголовый [орел] Кирэлту. Когда подошел, Алтанэй с Тывьенэем начали стрелять. Не убили, не попали в него. Тогда тот сказал:

— Вам все равно не убить меня!

Лишь только он сказал так, как Тывьенэй обратился к Курбэлтуну:

— Вступай в бой с тем, что у тебя есть.

Курбэлтун бросил свой камень — снес одно крыло. Очутившись без крыла, Кирэлту ослаб. Тывьенэй с Алтанэем продолжали стрелять. Уничтожили Кирэлту. Это конец.

(Добавка сказителя: «У эвенков, живущих здесь, богатырями были: Тывьенэй, Алтанэй, Мукилту, Курбэлту, Кирэ, Киралту. Тывьенэй с Алтанэем были братья. Кирэ украл их сестру»).

18. Курэнгой

Александра Бояркoвская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная.
1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтулакский район, Амурская область.

Жила сестра с двумя братьями. Братья охотились. Сестре приносили с охоты игрушки — птичку, утку, лучок, чтобы не скучала. Сами опять уходили. Однажды после их ухода сестра говорит:

— Есть где-то далеко богатый человек [Курэнгой]. Вот этому человеку я бы написала письмо.[1]

Но чтобы написать, не было бумаги. Долго она думала: «На чем бы мне лучше написать? Заставлю-ка я братьев убить зайца, высушу его шкурку и напишу на ней письмо». Вот пришли ее братья с охоты. Сестра сидит дома и плачет. Братья спросили:

— Почему ты, сестрица, плачешь?

Сестра сказала:

— Братцы, братцы, мои птичка и утка улетели, белка убежала. Скучно мне одной. Поймайте мне живого зайца поиграть.

Сказала она, и братья рано утром пошли искать зайца. Поймали и принесли его сестре. Через два дня братья опять пошли охотиться. После их ухода сестра убила зайца и содрала с него

шкурку. Содрала ее и высушила. На высушенной шкурке написала письмо Курэнгою: «Курэнгой, я одна. Братья охотятся. Я тебя прошу взять меня в жены. Ты убей свою жену». Написав, сделала ящик, сунула в ящик письмо. Хорошо обшила ящик [замшей] и спустила его в реку по течению. После того как она отправила письмо, вернулись братья.

— Сестричка, где твой зайчонок? — спросили они.

Сестра ответила:

— Я была с зайцем около жилища. Летел орел. Он и унес. Теперь, братцы, не приносите мне ничего и не убивайте [никого] для меня. Я не стану плакать и не стану скучать.

[Братья опять собрались на охоту].

— Ну, малышка, мы будем на охоте десять дней. Оставайся и будь здорова.

Ушли. Сестра осталась одна. Письмо, которое она отправила к Курэнгою, дошло через пять дней. Оно застряло в заколе и закрутилось. В то время когда оно вращалось [в заколе], на берег пришла за водою старушка, работница [2] Курэнгоя. Она заметила [ящик], оставила свои котлы и бросилась бегом к Курэнгою. Прибежала и говорит:

— Курэнгой, Курэнгой, в твой закол ящик попал!

Курэнгой не поверил ее словам и отправил пять богатырей.

— Если она не соврала, возьмите [ящик], пройдите по берегу двадцать сажен и положите его. Если же старуха обманула, суньте ее в железную бочку и утопите.

Пять богатырей пришли на реку. Смотрят — ящик действительно вертится в водовороте. Вытащили ящик, положили на коврик. Положив этот ящик, сами пошли к Курэнгою. Ящик распаковали. В нем была шкурка зайца с письмом. Принеся, попробовали прочесть, но никто не умел читать. Тогда Курэнгой сказал:

— Сходите за старухой, за моей работницей. Она прочтет.

Старуха прочла. Курэнгой, прослушав ее чтение, убил свою жену.

— Убейте двадцать пять коров, двадцать пять лошадей, приготовьте угощение, — сказал Курэнгой, — пригласите ко мне в дом тридцать богатырей.

Когда позвал, пришло тридцать богатырей. Курэнгой обратился к богатырям:

— Сходите и приведите эту девушку, а братьев ее убейте. Потом приходите за мною.

Богатыри ушли к девушке. Когда они пришли, братья были дома. Они все начали угощаться вином. Братья опьянели. Старший говорит:

— Сестра, что ты делаешь? Нас собираются убить!

Сестра ответила:

— Вот тебя сейчас убьют эти богатыри, а я выйду за Курэнгоя!

Братья бросились бежать. Богатыри, перед тем как они выбежали, натянули в двери сетку. Один из братьев превратился в муху и пролетел, другой, старший, превратившийся в бабочку, застрял в сетке. Старшего брата поймали, связали и повезли к Курэнгою. Младший, бывший мухой, превратился в ястреба. Когда те ехали, он летел над ними и кричал старшему брату:

— Говорил же я тебе, говорил: «Давай скорее уйдем, пришли наши убийцы». Ты считал, что брат обманывает тебя. Вот намучаешься, хорошо. Не слушал меня, ну и оставайся так! Но, чтобы ни случилось, ты найди меня. Ты ведь знаешь наши места, наши угодья.

Между тем [богатыри] добрались до Курэнгоя. Курэнгой встретил их. Пять богатырей выстроились около его дома. На дороге разостлали материи. По ним прошла девушка в дом Курэнгоя. Ее старшего брата убили, вырвали [у него] один глаз и зарыли в землю. Долго справлял свадьбу Курэнгой. Справил свадьбу и перекочевал на другое место. Когда они перекочевали, на старую стоянку пришел младший брат. Никого не нашел. Идя по берегу реки, он увидал могилу. Когда он проходил, из могилы, из-под земли, послышался [женский] голос:

— Кто ты? Мужчина или женщина? Если ты мужчина, сходи убей лося и принеси мне его одну ногу! Во дворе Курэнгоя есть конские волосы. Ты их собери, свей веревку и принеси мне.

Человек ушел, пошел охотиться. Убил лося, принес одну ногу. Собрал конский волос, принес. Остановился около могилы. Женщина опять заговорила:

— Воткни конский волос в землю моей могилы. Я превращусь в иголку и продену [в себя] волос. Ты меня вытащи.

Опустил человек волос. Женщина превратилась в иголку и была вытащена. Иголка превратилась в человека. Это оказалась первая жена Курэнгоя. Разговорились они. Она и говорит ему:

— Ногу лося ты приложи ко мне, как мою ногу. Я найду твоего брата. А ты не думай ни о чем и иди охотиться.

После разговора с ней он отправился на охоту. А жена Курэнгоя отправилась на старую стоянку. Курэнгой давно перекочевал. Недалеко от стоянки похоронили брата этого парня. Женщина нашла могилу брата этого человека. Она собрала конский волос. Собрав, свила веревку и опустила в могилу. Человек, превратившись в иглу, вышел из могилы. Когда он вышел, женщина увидала, что у него нет одного глаза, и говорит:

— Ты подожди здесь, а я пойду поищу зверя, которого убил твой брат. Найду и принесу глаз зверя. Сделаю тебе глаз.

Сказала она и ушла. Нашла зверя, вырвала один глаз и принесла. Вставила ему глаз и говорит:

— Ну, догоняй своего брата! Он бродит по своим угодьям. Ты найдешь.

Парень отправился искать своего брата. Шел, шел, дошел до старых кострищ. Пошел дальше. В кострище едва теплится огонь. Он подумал: «Ну, скоро найду». Переночевал там. Утром рано опять пошел. Идет и видит — дымок подымается. Обрадовался: «Догнал брата», — думает. Пришел наконец. Огонь горит. Брата нет. По краю костра печется мясо на вертелах. Поел он мяса. Когда поел, то пришел брат. Увидел его и заплакал.

— Я думал, что больше не увижу тебя.

Старший говорит:

— Не плачь, братишка! Мы будем ходить на охоту, найдем Курэнгоя, убьем его вместе с сестрой.

Они отправились и встретили богатыря. Тот подбрасывал большие камни. Они спросили:

— Кто ты? Что делаешь?

Богатырь ответил:

— Я большой богатырь. Я подбрасываю каменные глыбы, чтобы увеличить свою силу.

Братья говорят:

— Если ты богатырь, будь нам товарищем.

Богатырь ответил:

— Хорошо, я буду им. А каменные глыбы буду держать в руках.

Они отправились втроем. Шли, шли, вдруг видят на дороге лежит человек. А рядом с ним течет река. Они спросили:

— Что ты за человек? Что ты делаешь?

Человек ответил:

— Я богатырь. Я набираю в рот воду и выпускаю.

Тогда богатырь, державший каменную глыбу, сказал:

— Если ты богатырь, забери в рот всю реку.

Тот сказал:

— Что же, заберу и выпущу!

Забрал воду в рот и река сразу высохла. Выпустил, река опять появилась. Два брата и говорят:

— Будь ты нам товарищем. Забери в рот речную воду. Пойдем искать нашу сестру с мужем по имени Курэнгой.

— Ну, что же, — ответил он, — пойдемте!

Отправились они. Шли, шли, долго шли. Вот показался дымок чума. Рядом с чумом стоял русский дом. Они говорят:

— Сегодня вечером дойдем, когда они будут спать.

Вечером все четверо дошли до чума. Курэнгой хорошо встретил их, ввел в русский дом. Заставил убить десять коров, угостил вином. Они долго пили, оба брата опьянели. И один богатырь, с каменной глыбой в руке, тоже опьянел. Другой богатырь не ел, не пил, не угощался вином. Курэнгой спросил:

— Почему ты не хочешь есть?

Богатырь только рукой махнул. Курэнгой разговаривал, потом сказал:

— Вы оставайтесь, ешьте, пейте, а я пойду спать в чум.

Вышел и замкнул русский дом на замок. Люди продолжали пьянеть в доме, ничего не подозревая. Только один богатырь был трезв, тот, что воду во рту держал. Вдруг почему-то в доме показался дым. Этот богатырь заметил и показал [на дым] рукою:

— Почему дом дымится?

Два брата взглянули в окно. Дом дымится. Оба брата бросились бежать. Богатырь, державший во рту воду, выпустил ее и погасил пожар. Второй богатырь глыбой открыл дверь. Выйдя, они погнались за Курэнгоем. Догнали. Догнав, [убили и] зарыли в землю обоих, Курэнгоя с женой.

Зарыв, стали вместе жить и охотиться.

19. Мокогдыр и Сигундар[1]

Анисья Павлова (Булдэ), род. в 1891 г., неграмотная.
1947 г., р. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Ехали верхом трое юношей. Начали они петь Мокогдыру:

Мокогдыр, Мокогдыр!
Поедем-ка мы
К дочери Сигундара!

Говорят [они]: «Ну, скоро ли соберешься?». — «Вот поеду», — говорит Мокогдыр [и запел]:

Товарищи, друзья!
Товарищи, друзья!
Подождите, подождите!

Моего верхового [оленя]
Среди сотни оленей
Арканом не поймать!

— Багдакэ, багдакэ,[2] — отвечают ему эти люди.

Поехали на оленях аркапить. Мокогдыр поймал одного верхового [оленя].

— Ну, скорее едем к дочери Сигундара!

Поехал Мокогдыр на верховом олене.

— На этом не езди, — говорят [юноши].

Его верховой олень одичал. Вот надо переезжать через реку.

— Сейчас здесь не переезжайте, — говорит Мокогдыр. — Вначале жертву принесите, — говорит он.

— Ха! Ха! Ха! — засмеялись они. — Ты сам принеси жертву, мы не станем.

Мокогдыр сам принес жертву. Ехал он позади их и повесил лоскуток на берегу реки. Переехали они через реку. Поехали дальше. Опять запел Мокогдыр:

Товарищи, друзья!
Осторожнее, осторожнее
Двигайтесь [вперед]!

Тихонько, тихонько —
К реке подъезжаем!
Сейчас, сейчас!

— К какой реке мы подъезжаем? — [спрашивают они].
Он говорит:

Вода этой реки — кровь человеческая, вероятно!
Берега ее — спина человеческая, вероятно!
Кочки на берегу — головы человеческие, вероятно!
Галечник — зубы человеческие, вероятно!

— Ну, вот и подъезжаем, — говорит Мокогдыр.
Поехали толпою. Доехали до широкой реки. Когда доехали, Мокогдыр запел:

Друзья, товарищи,
Остерегайтесь
Этой реки!

Вот, переезжая через реку, говорят они:
— Жертву принесем сейчас же.
— Сейчас не переезжайте! — говорит Мокогдыр.
— Ну вот еще, будем ждать тебя! — сказали они.
И три парня поспешили к дочери Сигундара. Мокогдыр повторил:
— Остерегайтесь реки!
— Ну, мы-то переедем! —говорят.
— Ну, поезжайте, — сказал Мокогдыр, — а я посмотрю, как вы, молодцы, переедете.
Спустились парни к броду. Пробуют, пробуют и не могут переехать. Опять едут, подъезжают к другому берегу, подымаются на берег. Подымутся до половины и падают обратно [в реку]. Плывут по воде на верховых оленях со всем добром. Мокогдыр беспокоится:
— Я остался на этом берегу, ну попробую [и я] как-нибудь переехать.
[Стал заклинать]:

На копытах
Верхового оленя
Шилья появитесь!
Появитесь! Появитесь!

На тот берег он переплыл. Перебрался и поднялся на берег. Поднялся хорошо. Теперь направился к дочери Сигундара. Едет и смотрит вокруг. Вот стоит серебряный домище. Поехал он туда. Доехал, привязал своего верхового [оленя] и вошел. Сидит там одна женщина.
— Ты что за женщина? — спрашивает он.
— Я дочь Сигундара, — отвечает эта женщина.
— Я приехал к дочери Сигундара, — говорит человек.
— А зачем ты приехал к дочери Сигундара? — спрашивает она.
— Жениться, — говорит [он].
Они сидели вдвоем в доме, разговаривая.
— Ну, надо спать, — говорит Мокогдыр.

Легли спать. Настала полночь. Вдруг кто-то громко запел. Мокогдыр говорит:

— Друг, кто это поет?

— Ничего, это домовой. Обними меня хорошенько, — говорит эта девушка.

А дочь Сигундара приехала на коне и поет снаружи:

Тонгколдин, служанка моя,
Открой же дверь!
Серебряный дверной столб
Только не сломай!
Мокогдыра, моего супруга,
Ты не отнимешь, — говорит.

— Мокогдыра, мужа твоего, я выпущу из рук, — говорит [Тонгколдин].

— Кто это? — спрашивает Мокогдыр.

— Домовой, — отвечает девица.

А дочь Сигундара продолжает петь снаружи:

На молодых зверей
Луки настораживая,
Я поздно вернулась.
Тонгколдин, служанка моя,
Открой, открой! — говорит.

Наконец, она рассердилась.

— Серебряный дверной столб сломаю! Откроешь ли ты мне дверь? По-видимому, ты что-нибудь задумала! Ну, берегись же! Вот сейчас сломаю, — поет дочь Сигундара.

Ударила и сломала [столб]. Со звоном упал серебряный столб. Тонгколдин-служанка отскочила к двери. У двери лежала кочерга. Дочь Сигундара наступила на нее и сломала. Дочь Сигундара прижала служанку, вырвала у той ногу и отбросила ее.

— Мокогдыр, — сказала она, — что ты сделал?

Тот ответил:

— Я пришел к дочери Сигундара.

— Зачем?

— Жениться.

— Почему же ты запачкался о мою служанку? Иди скорее на реку, — говорит она, — пролежи три дня в воде.

Мокогдыр пошел, три дня пролежал в воде, тогда опять пришел к ней.

— Ну, если ты должен жениться на мне, сходи-ка за моими щенятами. У меня два щенка недалеко от дороги.

Мокогдыр пошел за ними. Идет по дороге и видит — два медведя. Два огромных медведя. Поймал он их за уши и повел. Держа за уши, прибежал к ней.

— Вот я привел твоих щенков, — говорит Мокогдыр.

— Ну, пусть будет так, — говорит дочь Сигундара, — сходи приведи двух бычков, — говорит она. — Когда пойдешь по краю той дороги, увидишь двух бычков, приведи их.

Пошел за ними Мокогдыр. Идет и видит двух огромных лосей с широкими рогами. Человек подбежал, уцепился за их рога. Вот бежит он по берегу. Довел-таки их Мокогдыр до дома.

— Ну, я привел твоих бычков, — говорит он.

Тогда дочь Сигундара сказала:

— Ну, я выйду за тебя замуж, раз ты силен. Но уж если ты должен на мне жениться, — говорит, — поди поохоться, чтобы я узнала твою силу.

Так она и не дает лечь спать Мокогдыру.

Пошел охотиться Мокогдыр, но не нашел зверя. Не нашел, заплакал, сел на колодину [3] и задумался. Вернулся домой, пришел к невесте. Она спросила:

— Ну как, Мокогдыр, убил зверя?

— Нет, — говорит.

— Мокогдыр, а почему у тебя распухли глаза? Иди еще поохоться.

Ну, пошел он [опять] охотиться. Не смог найти зверя. Совсем нет зверя. Устал он. Опять сел на колодину. Сидит, думает и поет:

Место, где мой чум был, землею стало.
Олени мои дикими стали.
Кумаланы [4] мои мхом стали.
Тэнины [5] мои мхом стали.
Сумы-торсуки мои кочками стали.
Недоуздки мои тальником стали.
Подпруги мои марниковым березняком стали.

Говорит он и плачет, все еще сидя на колодине. Опять он вернулся домой. Женщина спросила:

— Мокогдыр, ты убил зверя?

— Нет, — говорит.

— А почему у тебя опухли глаза?

— Кустарники и тальники поцарапали, — говорит Мокогдыр.

Женщина, варя саламат,[6] поет:

Кустарники, тальники,
Идите есть саламат!

Кустарники и тальники пришли. Дочь Сигундара спросила:

— Кустарники и тальники, зачем вы поцарапали Мокогдыра?

— Мы не царапали, — говорят они.

Дочь Сигундара побила кустарники и тальники.

— Мокогдыр сам плакал, сидя на колодине и жалея свои сумы-торсуки.

— Ты что же обманул? — говорит она.

Тогда Мокогдыр сказал:

— [Я скучал]. У меня был дом, там были у меня олени.

— Сколько оленей у тебя было? — спросила дочь Сигундара.

— Я имел сотню оленей, — говорит Мокогдыр.

— А ну, пойдем к ним, посмотрим, — сказала дочь Сигундара.

Отправились они. Направившись, дошли до матов.[7] Мокогдыр вошел в чум матов. Жена осталась снаружи. У сватов был медвежий праздник, они устроили сэвэн.[8]

— Садись, Мокогдыр, угостись сэвэном.

Мокогдыр позвал жену, крикнул:

— Женщина, женщина, будешь угощаться сэвэном?

Тишина, [никакого ответа].

— Куда это ушла женщина? — говорят они.

— Пойду-ка за женой, — сказал он и вышел.

Жены нет — [она] ушла. Дочь Сигундара вот такая была: она ударила трижды по земле и разбила ее. Появились три птицы и улетели. Сама будучи божественной, она тоже улетела. Прежде она была божеством[9] и не ела мяса медведя. И сейчас улетела вверх на небо, чтобы не есть сэвэна.

20. Сирбут-Сирбунэй

Александра Боярковская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная.
1947 г., пос. Тында, пос. Амуткачи, Джелтулакский район, Амурская область.

Жили брат и сестра. Отец и мать их умерли. Жили они, поживали. Когда Сирбут-Сирбунэй стал подрастать, сестра сделала ему из тальника лучок. Сирбут-Сирбунэй стал охотиться с этим лучком. Первый раз выйдя на охоту, убил рябчика. Убил, прибежал к сестре и говорит:

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? Глаза спереди и сзади красные. Шуршит при вспархивании.

Сестра говорит:

— Братец, братец, эта птица называется рябчик. Ее едят.

Начал он бить их и вялить на вешалах.

Опять пошел на охоту Сирбут-Сирбунэй, пошел бить зверя. Убил тетерева. Опять пришел к сестре.

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? Сам черный, шейка длинная, шум сильный. По краям глаза красные. Клювом «так-так» делает и кусает.

Сестра сказала:

— Братец, братец, это тетерев-глухарь. Ты добывай его.

Сирбут-Сирбунэй принес [тетерева] и повесил на вешала. На другой день опять пошел на охоту, шел по марнику.[1] Когда он шел, выскочила кабарга. Выстрелил он в нее и сразу убил. Побежал к сестре.

— Сестрица, сестрица, кого это я убил? На макушке головы у него выросли две лиственницы. На заду у него белое пятно, ноги длинные.

Сестра сказала:

— Братец, братец, этот зверь называется кабаргой.

Принес он кабаргу и повесил на вешала. На другой день опять отправился на охоту, пришел на озеро. Когда он сидел на озере, прилетели два гуся и стали играть на озере. Сирбут-Сирбунэй начал на них охотиться, выстрелил. Один гусь поймал стрелу. Поймал и нырнул в воду. Выстрелил он в другого гуся. И другой, поймав вторую стрелу, нырнул в воду. Нырнули гуси и вынырнули из воды. Сирбут-Сирбунэй остался без стрел. Заплакал он.

— Отдайте мне стрелы!

Гуси говорят:

— Если догонишь нас, отдадим стрелы обратно.

Сказали, засмеялись и улетели. Сирбут-Сирбунэй расплакался. Прибежал к сестре, вырвал маленькую лиственницу и говорит:

— Сестричка, сестричка, я тебя сейчас побью. Ты меня направила на озеро и из-за тебя я потерял стрелы. Вот я побью тебя сейчас!

Сестра говорит:

— Братец, братец, не плачь, я тебе сделаю другие стрелы. Когда я тебе сделаю стрелы, ты отправляйся в далекие страны. Догонишь гусей, унесших твои стрелы. Теперь ты не охоться. Я тебе покажу куда идти: отсюда на девятой горке есть конь по имени Чоколдой. Этого коня никто никогда не ловил. Всякого, кто пытается поймать, конь съедает. Если ты ловок, иди!

Сирбут-Сирбунэй отправился. Расстался с сестрою со слезами:

— Вернусь я или нет?

— Если ты не вернешься, как я буду одна жить? — плача, сказала сестра.

Пошел он. Шел, шел, показалась гора. Подошел он. Это были кости людей. Прошел он восемь горок. Всё кости людей, остатки еды коня. Шел, шел, дошел до девятой горки. Смотрит — на вершине горки стоит конь-конище. Весь разукрашен, сам рыжий. Похрустывает костями. Сирбут-Сирбунэя услышал издалека, поднял уши. Сирбут-Сирбунэй испугался и говорит:

— Как я подойду к нему?

Сказал так и превратился в мышь. Влез под кости. Полз, полз и все слушал, где жует кости конь. Подумал он: «За что бы мне лучше ухватиться?». Подумав, прыгнул ему на шею, зацепился. Лишь только он зацепился, как конь пнул ногой свою горку — рассыпались по сторонам кости. Конь начал кататься на спине, но Сирбут-Сирбунэю ничего не сделалось. Покатавшись, конь побежал к скале. Добежал до скалы и опять начал кататься. Сирбут-Сирбунэй не упал, ничего ему не сделалось. Скатившись со скалы, [конь] поплыл по воде. Выскочил из воды, но Сирбут-Сирбунэй не упал. Тогда конь сказал:

— Сколько лет я живу и никакой человек меня не поймал. Кто ты? Стань человеком и садись ко мне на спину. Поедем вперед. Ты будешь моим хозяином, будешь мною владеть. На том месте, где ты жил, осталась сестра. Она плачет и думает, что ты

умер. Да и ты вспоминаешь свою сестру. Около малу[2] в доме, в котором живет твоя сестра, есть два столба, украшенные золотом. Эти столбы стоят на куске ткани. Под этой тканью находится золотой конь. Этот конь принадлежал твоим отцу и матери. Увидев этого коня, ты пожелаешь его и бросишь меня. Когда заплачешь, сбрось одну слезу на правый столб, вторую — на левый. Тогда ткань сама подымется, и конь встанет. Тогда ты бери [из нас того], кого хочешь.

Сказал так Чоколдой-конь и побежал. Бежал так, что только деревья мелькали, очень быстро бежал. Доехал [Сирбут] до дома, сестра встретила его и заплакала. Сирбут-Сирбунэй тоже заплакал. Заплакал, уронил слезу на столб, как говорил Чоколдой-конь. Лишь только он уронил слезу, как ткань поднялась. Ткань поднялась, и вышел золотой конь. Лишь только вышел конь, как Сирбут-Сирбунэй вскочил на него. Чоколдой-конь стоит и говорит:

— Я тебе говорил, что около твоего дома есть конь лучше меня. Какого же коня ты станешь владельцем?

— Я буду хозяином двух коней.

Переночевали они. Наутро Чоколдой-конь говорит:

— Я знаю, зачем ты поймал меня. Ты потерял две стрелы. Твои две стрелы находятся у двух гусей. Ты собираешься гнаться за стрелами. Я знаю, кто взял твои стрелы: это не гуси, это две дочери Сигундара. Дойдя до них, ты обеих возьмешь в жены.[3]

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, поедем, я обоих [коней] возьму. Когда устанете, я буду менять вас.

Отправились они. Чоколдой-конь все быстрее и быстрее бежал. Золотой конь отставал. Сирбут-Сирбунэй поджидал. Ждал, ждал, а тот, поблескивая, тихо шел. Когда тот подходил, опять быстрее бежали, но золотой конь опять отставал. Стали они ждать, долго ждали. Золотой конь пришел, догнал их. Сирбут-Сирбунэй рассердился и говорит ему:

— Почему ты отстаешь? Вот я тебя убью!

Чоколдой-конь говорит:

— Не убивай, садись на него, а я пойду тихонько позади.

Сирбут-Сирбунэй сел на золотого коня. Ехал он, ехал. Очень медлительный был конь. Так дошли до реки. Река большущая, вода в ней красная. Начали переезжать эту реку. Золотой конь побежал. Не смог он переехать, затонул на середине реки. Чоколдой-конь на бегу пнул ногою [золотого] коня с человеком. Перебравшись, поехали дальше. Сирбут-Сирбунэй сел на Чоколдоя-коня. Оставил он золотого коня. Ехали, ехали, показались коряжины. Подъехали, оказывается — это лошади и коровы. Проехали мимо. Опять показались бугорки. Они оказались людьми. Проехали и их, опять показались кочки. Кочки оказались головами людей.

Тогда подумал Сирбут-Сирбунэй: «Я доехал до Сигундара. Возьму свои стрелы». Смотрит — поблескивает золото. Это дом Сигундара. Подъехал. Снаружи стоит золотая коновязь. Привязал коня к коновязи, вошел в дом. Сигундар сидит на золотом кресле за золотым столом. Весь дом окрашен золотом. Увидев Сирбут-Сирбунэя, [Сигундар] сказал:

— Остановись у двери! Откуда ты, человек?

— Я Сирбут-Сирбунэй. Гонюсь за двумя своими стрелами. Твои дочери унесли две [мои] стрелы.

Сигундар говорит:

— Если догонишь моих дочерей, я тебе обеих отдам в жены. Подожди немного, я сейчас приду. Пойду сказать, чтобы тебе дали хорошие одежды.

Он ушел, пришли два человека и принесли нарядные одежды, все вышитые золотом. [Когда Сирбут-Сирбунэй] нарядился в одежды, начали готовиться к свадьбе. Сигундар сказал работникам:

— Забейте сто коров и сто двадцать лошадей.

Их всех заставил приготовить разные хорошие кушанья. Затем велел привести дочерей. Они пришли со звоном: одежды их, светящиеся на солнце, колокольчиками звенят. Они держат две стрелы. Сирбут-Сирбунэя усадили между ними. Сирбут-Сирбунэй опьянел; опьянев, встал и упал, разбив стенку. Пробует садиться — ломает скамью. Опирается на стол — ломает стол. Сигундар говорит:

— Сведите его спать в двенадцатый дом.

Девушки увели. Уложили его между собою. Когда [все] уснули, Сигундар пришел в их дом, чтобы выстрелить из лука. Нацелился в лоб Сирбут-Сирбунэя. Тот проснулся, смотрит — Сигундар собирается убить его. Он превратился в муху и вылетел через окно. Став мухой, он летал на улице и в доме:

— Сигундар, — говорит, — тебе меня не убить.

Садится [муха] на стол, на тарелку. Тогда Сигундар сказал:

— Ты меня не раздражай! Помиримся! Стань человеком и садись за стол!

Сирбут-Сирбунэй превратился в человека. Сел за стол, начал пить вино и охмелел. Охмелев, начал все ломать. Тогда Сигундар пригласил двадцать богатырей. Они схватили Сирбут-Сирбунэя и связали. Сунули в железную бочку и пустили в реку. Долго он плыл, затем заржал Чоколдой-конь. Сорвавшись с коновязи, он по берегу направился искать Сирбут-Сирбунэя. Смотрит — плывет железная бочка. Увидев, пнул ее ногою так, что она оказалась на другом берегу и раскололась. Сирбут-Сирбунэй вышел, сел на Чоколдоя-коня. Отправился опять к Сигундару. Доехал до его дома, привязал коня к другой коновязи, сам превратился в муху. В щель окна жилища девиц влетел. Украл стрелы и вылетел. Полетел к Сигундару и говорит:

— Если ты действительно силен, одолей меня. Пойдем, побьемся!

Сигундар сказал:

— Хорошо, но ты будешь один, а нас будет трое.

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, буду биться с тремя. Вам ведь меня не одолеть!

Сигундар сказал:

— Нет, тебе не одолеть! У меня есть девятиголовый змей И того ты не одолеешь!

Сирбут-Сирбунэй сказал:

— Ну, пойдем, побьемся, посмотрим, кто кого одолеет. Тогда и узнаем.

Пошли биться на гладком месте. Бились три года. Сирбут-Сирбунэй всех одолел. После того как он победил, пришел девятиголовый змей. Шесть лет он бился со змеем, снес восемь голов и все еще стрелял в него. Когда он собирался снести девятую голову, пришел парень и говорит:

— Я твой сын! Я пришел сказать: стреляй в среднюю голову, тогда ты убьешь этого змея.

Как только он сказал это, Сирбут-Сирбунэй выстрелил в эту голову, убил. Одолел змея. Сел и спросил:

— Каким образом ты приходишься мне сыном? Ведь у меня нет жены.

Мальчик сказал:

— Я расскажу все. Меня мать послала к тебе рассказать. Ты одолел Сигундара. На дочерях его женился. Одна из них — моя мать. Мне девять лет. Когда мать мне рассказала, я нашел тебя.

Сирбут-Сирбунэй усадил сына на коня. Они отправились в места Сигундара. Доехали. Там хорошо жили.

ПРЕДАНИЯ

1. Ховоко, Лонгко и Оптокон

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Ховоко[1] начал враждовать и затеял войну. [Он] рассорился с Нюрумнялями.[2] Поссорились они из-за лосей. Люди рода Нюрумня приметили следы лосей, [Ховоко же их убил]. Рассорившись, Нюрумняли пошли, чтобы встретить Ховоко. Народу [на стоянке] было много. [Нюрумняли] окружили чум с людьми. Ховоко, когда еще все люди были в чуме, [успел] убежать — пролез под снегом;[3] пролез он вместе с младшими братьями. Младших братьев семь, он [был] восьмым. За людьми, за [родственниками Ховоко], тогда же устроили погоню. Гнались за одним бой-

цом, за сонингом [4] Лонгко. Старикашка Нюрумня толкнул Лонгко, привязывавшего лыжи. Одну лыжину тот успел привязать [к ноге], а другую [Нюрумня] толкнул. Не успел он привязать, как подошли люди [Нюрумняли]. Не смог он привязать, опоздал. Побежал по следам [к братьям]. Люди [Нюрумняли] погнались по этим следам за Лонгко, чтобы нагнать (букв.: придавить).

Жена Лонгко, по имени Деко, была шаманкой. Нюрумняли убили Лонгко. Пришли к его жене. Начали разговаривать Нюрумняли. Но увидели Деко, сидящую на колоде, только одни шаманы. Смотрят — Деко превратилась в шаманского духа. На том месте, где она сидела, ползает паук. Нюрумняли так и не нашли никого. Паук был только до тех пор, пока они не ушли.

Нюрумняли отправились по домам. После их ухода Деко опять превратилась в эвенкийку. Пока она была пауком, она насылала болезни (букв.: ела души) [5] на Нюрумнялей. Деко сказала дочери:

— Принеси-ка бересту для подстилки! [6]

На бересте она начала ощипывать, [подобно дичи], души Нюрумнялей. Говорит дочери:

— Принеси-ка нож!

На подстилке начала рубить души Нюрумнялей на мелкие куски. Когда рубила, окровавила подстилку. Тогда Деко сказала дочери: «Разрезала». Ночью во сне вместе с духами-помощниками ела их души. В то время умерло много Нюрумнялей потому, что она их резала на мелкие части. [Ушедшие Нюрумняли] об умерших не знали.

Когда [Нюрумняли] погнались за Лонгко, Ховоко выскочил из-под снега и сбежал, испугавшись, к Пачаки, чтобы не быть убитым. Ховоко сказал своей жене, чтобы она сообщила Нюрумнялям, что он сбежал к Пачаки. Ховоко сказал:

— Иди и жди меня у Пачаки! [Враги же] пусть приходят туда.

Ховоко добрался до Пачаки. Пачаки — стрелок-сонинг,[7] настоящая гроза людей. Ховоко два года учился стрельбе у Пачаки. Ховоко платил Пачаки: они [и их люди] обменивали друг у друга девушек и женились [на них]. Это называлось таманан.[8] Таким образом, платя, они жили дружно, не ссорились. Перестали друг с другом воевать.

Так вот Пачаки учил Ховоко два года. Была у них одна игра: [они] перепрыгивали через дерево-бадяка (букв.: раскоряка), держась прямо и не шевелясь. На том месте был большой луг на несколько километров. По этому лугу Пачаки и Ховоко вели на поводу важенку. Важенку отпускали, она бежала к стойбищу, [а они] руками пытались удержать ее. Пачаки погнался за важенкой, схватил за ногу бегущую по лугу. Схватив, Пачаки повел ее. Передал ее Ховоко и говорит:

— Ну, теперь ты поймай важенку за ногу!

Ховоко отпустил важенку, чтобы убежала. Сам погнался [за ней]. Гнал оленя дольше, чем Пачаки. Только тогда схватил за ногу.

Пачаки учил и братьев Ховоко. Два года обучал [их] увертыванию от стрел.[9] В конце второго года Пачаки сказал:

— Теперь кончим обучение! Научились вы! Стрелы не должны губить вас.

Ховоко сказал Пачаки:

— Завтра [я] собираюсь идти к своим врагам, к Нюрумнялям.

Пачаки сказал:

— Не пойти ли и мне бить Нюрумнялей?

Ховоко заметил:

— Остерегайся, народ многочисленный, говорят — их так много, что за один год не перебить (букв.: им не кончиться).

Ховоко не захотел вести Пачаки, пожалел, [боясь], чтобы не убили [того]. Сказал [ему]:

— Остерегайся! [Ты уже] навоевался, не враждуй!

На утро Ховоко с младшими родственниками ушел, пошел бить Нюрумнялей. Долго шел. Он знал их места. Там встретил шамана. Бедный старикашка этот шаман — только один сын был у него. Сын его тоже сонинг — мастер увертываться от стрел. Этот старикашка был чужой, не из рода Нюрумня.[10] А чужеродца Ховоко не убьет, убивает только врагов.[11] Ховоко попросил старика пошаманить для него и узнать, как избавиться от [нападений] Нюрумнялей. Жил там один Нюрумня — старик, свойственник Ховоко.[12] Ховоко узнал в нем своего врага — Нюрумню.

Старуха, [бывшая в чуме], сказала этому Нюрумне:

— Чего сидишь? Жена рожает!

Нюрумня выскочил вон и побежал к своим. Ховоко даже подскочил, услышав слова старухи. [Он понял, что] она дала знать Нюрумне. [Ховоко] побежал, чтобы тот не успел добраться до своих. Погнался, чтобы тот не успел [им] сообщить [о Ховоко]. Сын этого старика-шамана пошел сопровождать Ховоко. Шаман пошаманил для Ховоко. Ховоко погнался за Нюрумней. Сын старика бежит, бежит, но отстает от Ховоко. Наконец, бегом нагоняет [Ховоко]. Там в низине [они] нагнали Нюрумню. Ховоко говорит спутнику:

— Ты встань здесь! Я один подойду, а ты будь позади меня (букв.: на моих следах).

Потом оставил спутника. [Ховоко] ушел с мечом. Ударил мечом в стоящего [Нюрумню]. Ховоко, убив его, вернулся к старику. Возвращаясь, они увидели лося. Ховоко приказал своему спутнику:

— Иди, убей лося!

Товарищ подкрался и убил. Потом пришли домой. Заставили шаманить старика. Шаман, камлая, сказал:

— [Ты в походах] встретишь один чум-семью.

Он предсказывал [с помощью] бугорков [на обечайке бубна].[13] Ховоко пошел к Нюрумнялям, убивать [их]. Шаман сказал:

— Одну семью перебьешь. Расскажу так, как [мой дух] говорит.

Потом шаман обратился к своему духу-помощнику:

— Сосчитай людей на стойбище.

[Духи] сказали, что народу много. Шаман, [шаманя], ходит, с духами-помощниками разговаривает. Потом шаман, проходя по [воображаемому] стойбищу, сказал при помощи духов:

— Много чумов я прошел. У Нюрумнялей будет один чум Кордаку. Там, на этом стойбище, ты будешь убит одним младшим родственником.

Духи — помощники шамана кончили [свое хождение]. Шаман сказал:

— Иди теперь сам!

Ховоко пошел. Начал искать Нюрумнялей, нашел один чум. У Нюрумнялей [один из] сонингов был по имени Оптокон. Сонинг Оптокон по силе почти равен Ховоко. Ховоко знал Оптокона. Узнал [и] его оленей. Говорит Ховоко братьям:

— Это олени Оптокона, убейте теленка для еды, для шашлыка.

Они выстрелили в бычка и убили. Бычок, захрапев, побежал и увел с собою оленей. Олени побежали домой, к чуму Оптокона. Ховоко, [находясь] между оленями, навьючил [одного] оленя. Побежал к чуму Оптокона, олени тоже побежали. Оптокон увидел Ховоко среди оленей, узнал Ховоко и говорит:

— Ховоко, что ты делаешь? Стой!

Ховоко сказал:

— Я-то?

Остановились [оба]. Начали задевать друг друга, собираясь стрелять друг в друга. Оптокон сказал:

— На площадке для стрельбы вставай, равный мне!

У них существовала игра стрелами.[14] Вначале обменивались стрелами. Ховоко бросил свою стрелу Оптокону, Оптокон бросил свою стрелу Ховоко. Они обменивались стрелами, вызывая друг в друге злость, чтобы не примириться. Ховоко вернулся к младшим братьям, жарящим на рожне мясо бычка. Говорит:

— Я нашел Оптокона, вызвал его на бой (букв.: дал ему знать). Будем есть сушеное мясо, данное его женой (букв.: женами).[15]

Оптокон убежал к своим. Ховоко сказал жене Оптокона, чтобы положила в карман немного сушеного мяса. Потом Ховоко погнался за Оптоконом. Нагнал, когда тот подходил к сородичам. Оптокон вызывал лодку, чтобы переехать через реку. Ховоко услыхал [его], услыхал [и] крик старух. Старухи на том берегу говорят:

— На чем переехал? Вероятно, это пришел Ховоко.

Оптокон переехал к своим и говорит:

— Ховоко к нам пришел. Остерегайтесь! — Потом добавил: — Поварите [слегка] гусей и обжарьте на рожнах, чтобы оттянуть перестрелку.

Ховоко подслушал [разговор] людей. Пошел вместе с братьями осторожно через реку, остерегаясь Оптокона.

Начался дождь. [Люди] вошли в чум есть гусей. Ховоко бросился бежать под дождем, открыл луком тиску[16] шалаша сторожа,[17] изломал его и убежал. Сторож не успел и разглядеть [Ховоко]. [Ховоко с братьями] бросились бежать, чтобы убить людей, бывших в чуме. Откинул [Ховоко покров чума] — Оптокон стоит и ест крыло гуся. Ховоко пустил стрелу в кадык Оптокона. Оптокон, откусив от крылышка гуся, умер. Тогда начали бить людей, рубить их в чуме. Ховоко перебил всю родню Оптокона.

Потом опять ушел, пошел искать других [Нюрумнялей]. В пути он начал пить воду и услышал эхо. Это пели и плясали женщины. Услышал он в воде [звуки] и говорит брату:

— Слушай-ка!

Младший брат послушал и говорит:

— Действительно, вот и огни их видны, — младший брат Ховоко сказал. — Ты прав: стойбище большое.

Ховоко подкрался к поющим женщинам на расстояние выстрела и стал выслеживать. Ночью пошел посмотреть на их сонинга. Увидел сонинга в белом кафтане. Ховоко вернулся к братьям и говорит:

— Я видел молодого сонинга. В красивом белом кафтане их сонинг.

Ховоко побежал к чумам, к спящим. Один из Нюрумнялей вылез через дымовое отверстие.[18] Из дымового отверстия спрыгнул подальше от Ховоко к человеку в белом кафтане. Ховоко сказал:

— С чего это он побледнел?

Ночью Ховоко погнался за парнем. Гнался всю ночь. Уже задохся Ховоко. Оба [они] задохлись. Добрались до упавшего дерева. Ховоко задохся попозже того; он был немного сильнее и пришел в себя от одышки раньше. Говорит:

— Э-э! Что случилось? Я еще силен!

Пошел большим шагом, по следу Нюрумни пошел. И нашел его без сознания — [тот от бега] задохся. Голова его еле шевелится. Ховоко ткнул ножом его в затылок и тут же добил. В это время брат [Ховоко], прячась за кастрированного оленя, подкрался к Нюрумне. Нюрумня выстрелил поверх оленя в подкрадывающегося, убил его брата. [Ховоко] пошел к своим братьям. Пришел. Увидя Ховоко, один из братьев сказал:

— Нашего брата победили.

Ховоко побежал к Нюрумнялям. Нюрумня сказал Ховоко:

— Я отомстил (букв.: рану прорезал). Поступай как знаешь!

Ховоко ударил Нюрумню. Тогда Ховоко сказал:

— Ну, теперь мы квиты! [19]

Договорились возвратиться и перестать убивать Нюрумнялей. [Ховоко] предложил унести мертвого брата в горы, чтобы Нюрумняли не издевались над ним.

После этого Ховоко еще долго жил у себя дома. Состарился. Когда он уже состарился, Нюрумняли встретили Ховоко, нашли [его следы] в тайге. Он гнался за лосем. Нюрумняли погнались, спросили [о Ховоко]:

— Далеко он?

— Далеко.

Погнались по его следам. Ховоко убил лося, здесь его и догнали. Он свежевал лося. Подбежали к Ховоко сзади и стрелы прижали [к луку]. Ховоко не смог вытащить свою стрелу, убежал на лыжах. Они погнались. Когда они гнались, лыжа Ховоко застряла между ветвями дерева. Ховоко упал. Тут-то Нюрумняли и выстрелили в него. Ховоко сказал:

— Эх, пришли вы к старику, к седому! Что же вы делаете? Нет у меня силы.

Они убили Ховоко и говорят:

— Сварите его мясо в котле.[20]

А мясо оказалось тощим. Начали искать костный мозг, а мозг уже стал жидким. Навар нежирный — одна жидкая вода.

— Как он по земле ходил, такой тощий? [21]

(Рассказчик три раза похлопал в ладоши, говоря: «Кончилось. Я кончил»).

2. Оптокон Куркогир и Пачаки Момо

Павел-Калтан Кувачонок (Чапагир), род. в 1780 г., неграмотный. 1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Оптокон был сонингом [1] у Куркогиров. Пачаки был [из рода] Момо. Оптокон [и] Пачаки разбили Кордуялей. Люди Пачаки голодали. Не было у них мяса. Они убивали оленей Кордуялей [и] ели. Потом стали искать других [эвенков] — Хорболей. У тех перебили оленей — молодняк.

* * *

У Момолей сонингом был Ульбимчо. Он тоже воевал с Кордуялями, чтобы съесть их оленей [во время голода]. В боях убивали мужчин, забивали оленей, а женщин забирали себе.

3. Олени

Семен Куркогирский (Момо), род. в 1894 г., неграмотный.
1960 г., пос. Куюмба, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Когда жил Пачаки и после него оленей здесь еще не было. Во время межродовых столкновений оленей еще не знали, не знали и русских. Оленными [эвенки] стали после Пачаки, после прихода русских. Вначале оленными, вероятно, стали жившие на Оскобе. Прежде на Катонге жили ганальчи.[1] Иногда они воевали между собою из-за оленей. Безоленные люди убивали [чужих] оленей [для еды].

Некоторые Момол прежде были [из рода] Кимол. Кимол ушли далеко за Енисей.

4. Ховоко

Кокотой Нюшкагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Ховоко был сонингом[1] у ганальчей.[2] Вот он пошел мстить (букв.: охотиться) за родню. Шаман ему шаманил.[3] Шаман сказал:

— Ты встретишь двух человек в одном чуме.

Потом обратился к человеку, сидящему подальше:

— [Враг] вырвется и ты не сможешь его убить. Будешь гнаться за ним до стойбища, состоящего из десяти чумов. Когда дойдешь до десяти чумов и посмотришь на тот берег реки, подойдет маленькая тучка и начнется дождь. Тогда бросишься бежать за ним и убьешь. Тебя же убьет третий свойственник.

Ховоко убил всех, но двух парней не заметил, дал [им] убежать. По следам на траве в дождь погнался. Наконец догнал их [Ховоко]. Оба эти парня повернулись лицом к Ховоко. Он пустил в них раздвоенную стрелу, когда они перепрыгивали через речушку. Попал одному в сухожилие.[4] Раненый упал на том берегу. Ховоко сел там. Парень начал стрелять в сидящего. [Парень] стреляет, а [Ховоко] продолжает сидеть, увертываясь [от стрел]. Парень пустил все восемнадцать стрел.[5] Потом [Ховоко] сказал парню:

— Иди ко мне!

И начал передавать [ему] свои девять стрел. Обманул парня, чтобы схватить его. Парень не поддался. Начал стрелять в него со стороны. Выстрелил в него и тогда же убил.

5. Ховоко Момочар и Топоко Момо

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Ховоко был [из рода] Момочар. Был еще сонинг[1] Топоко[2] [из рода] Момо. Молодым Ховоко пришел к людям. Встретился с парнями, [чтобы испробовать силы]. Встретились [противники] и, стоя на лыжах, начали пускать стрелы друг в друга. Ховоко перебил эвенков. Убив восемь человек, [он] встретил одного парня. Двое же парней ушли вперед на лыжах. В одного из них, который был поменьше, [Ховоко] выстрелил. Сразу же убил его. Убив, погнался за другим, за старшим. Во время погони [они] пускали друг в друга стрелы. [Ховоко] не смог того убить. [Парень] тогда сказал:

— Приготовься![3]

— И ты приготовься!

[Тот] приготовился. Ховоко сказал:

— Стреляй!

Приготовился и Ховоко [к выстрелу]. Парень выстрелил. Выстрелив, сказал:

— Ну, вот видишь, [куда попала стрела]?

Ховоко сказал:

— По краю черепа [скользнула].

Третий год уже мстят (букв.: охотятся за) Ховоко. Ховоко состарился. У Ховоко есть мать, жена. Мать Ховоко спросила [пришедшего парня]:

— Ты кто?

Тот говорит:

— Ховоко давно отдал женщину [в чужой] род. Я, — соврал парнишка, — сын Ховоко. Вероятно, старик состарился.

Эта старуха сказала:

— А ты что собираешься делать?

— Куда старик ушел? — спросил он старуху.

Старуха ответила:

— Здесь были его следы.

Парень пошел по его следам. Нашел следы диких оленей. Ховоко охотился за оленями. Пришел парень [к нему]. Ховоко свежует [оленя]. Вынимает печень оленя. Парень спросил:

— Ты [Ховоко]?

— [Это] я.

Парень схватил меч. Схватив, ударил парень, но не смог зарубить Ховоко. Парень взял меч [и] надел лыжи. Ховоко попятился задом.[4] Быстро пятился по наледи, [вдруг] лыжа его в полынье [оказалась]. Ховоко упал на спину в самую полынью. Тогда парень перерубил ему горло мечом. Взял за волосы его голову, понес к его матери. Сказал матери:

— Налей воду в котел.

Мать налила воду в котел, сварила голову сына.[5] [Парень] говорит:

— Вот ведь разбойник! Ишь как у него вылезли глаза!

6. Лонгко

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Я расскажу о своем предке — стрелке-гатакта [1] Пачаки. Во времена Ховоко бывали [межродовые] столкновения.

Жил тогда боец-гатакта Лонгко. В то время жили ганальчи.[2] Они тогда часто обижались друг на друга. Убьют свата — начинается война. [Когда] убьют бойца, люди [его рода] убивали [кого-либо из] родни убийцы.

Лонгко убил эвенка [из другого рода], началась взаимная распря. Лонгко послал человека поговорить и посватать женщину у другого рода.[3] До этого [эти два рода] не враждовали. Брата Лонгко, отправленного сватом, [те] убили. Лонгко ждал, когда [сват] вернется. Ждал год, год беспокоился, думая: «Убили». [Он] чувствовал, что [того] убили.

Лонгко рассердился, начал обдумывать, как бы им отомстить [за убитого]. Встретилась [семья] Лонгко с [семьей] убийцы. Остановились маты на одном стойбище, не признавая друг друга. Там была и жена Лонгко. Развьючивая оленей, она узнала оленей своего рода; она знала, что люди будут убивать друг друга. Медленно развьючивала она оленей. Муж ее Лонгко ходил в стороне от стойбища. Чужие ходили [за ним] следом. Жена Лонгко знала о гневе (букв.: о сердце) своего мужа. Она сказала:

— Мой муж начнет убивать, лишь только придет.

Жена Лонгко чувствует, [что начнут биться], и не хочет подойти к костру. Собирает она свой скарб. Боится быть узнанной. Жена Лонгко прикрывает свое лицо платком, прячет, чтобы [ее] не узнали. Опасается, чтобы они [ее] не напугали. Сидит у своих вещей, пока не придет ее муж. Муж, придя, [сразу] бросится в бой. Узнала она оленей рассерженных врагов. Лонгко прибежал, ругаясь:

— Где [сват] похоронили? Я убью вас и разорю стойбище вместе с оленями!

Когда он начал убивать, один враг очищал жерди от веток. Это был самый ловкий боец-гатакта. Лонгко бросился к несущему жерди и говорит:

— Давно ли убивал, [а сейчас] очищаешь жерди! *(«Вот сердитый», — добавил рассказчик по-русски).*

Погнал он этого человека, заставил его расстрелять все свои стрелы. Потом убил [его], всех перебил. Так кончилось.

7. Ибде

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

У ганальчей [1] был еще Ибде.[2] Он женился и стал ибде. Отделился Ибде [от своих] и вошел [в семью жены]. У жены этого отделившегося человека были отец и мать. В душе они презирали, не любили парня. Старуха ненавидела, муж ее ненавидел [его]. Был у этого старика сын, хороший боец-гатакта.[3] [Отец] надеялся на своего сына-бойца, как на защитника, и говорил: «Мой сын будет сонингом».[4] Так он верил. О храбрости и ловкости Ибде они не знали. Парень чувствовал такое [отношение к себе]. Его ненавидели, дома следили [за ним]. Плохо кормили мужика: для еды насаживали ему на плоскую палочку первый шейный позвонок с горлышком.[5] Парень обижался на них и сердился. Целый год жил отделившимся [от своих] этот Ибде, на следующий год не вытерпел, рассвирепел. Рассердился, и весной, когда снег начал покрываться настом, он решил [родителей жены] убить.

Старик ушел без тропы [охотиться]. Парень этот пошел стороною — надумал обмануть. Старик пошел [со своим] сыном. В пути [недалеко от стойбища] они убили лося. Парень шел стороною. Пришел, когда они на стоянке у костра уже жарили мясо на рожнах. Парень подошел сзади. Они не заметили своего Ибде. Сидят и едят мясо с рожнов. Луки со стрелами они повесили. [Парень], стоя за деревьями с луком, выстрелил в них. Убил сына старика, убил и старика. Потом пошел навстречу женщинам и своей жене. Идя навстречу и подходя к женщинам, он начал петь песню.

Старуха, услышав [песню] и поняв [ее] содержание, догадалась, [что он задумал]. Он встретил жену, которая остановилась, и в сильном гневе ударил ее [топором], а старухе завернул губы в рот со словами: «Худыми словами ты ругалась».

[Так] кончилось.

8. Пачаки

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Это было после Ховоко,[1] после ганальчей.[2] В то время эвенки не были знакомы с хлебом. Жили, питаясь мясом, рыбой, тетеревами и утками. Русского [языка] не знали. Жили так же, как и прежде. *(Реплика рассказчика: «Глупые были, вероятно»).* Два человека встретили русского. Они искали лосей. Только за лосем гнались, русских не искали. Нашли они [русских] на Ангаре, [в районе] Кежмы. Нашли они только двух человек. Один [из эвенков] был умным (букв.: самостоятельным),[3] другой — глуповатым. Эвенки русского языка никогда не знали. *(Реплика рас-*

сказчика: «Глухари, глухари!»). Удивляются [эвенки] следам саней [на снегу].[4] Один встал и говорит:

— Кто это след оставил (букв.: дорогу сделал)? Свежий след — это русские ездили по дрова. Давай убежим!

Товарищ его говорит:

— Пойдем, посмотрим на людей. Что представляют собою?

Пошли, немного прошли. Открылась поляна. Это место [поселка] Кежма. Стали рассматривать деревянные дома. «Что это?». — «Не знаю», — [говорит другой]. Встретили русского. [Тот] идет смотреть палатку. Самостоятельный, умный предупреждает [другого], чтобы не убил [русского]. Он хочет поздороваться. Русский [человек] тоже впервые увидел эвенка. Пока они стояли, [другие] русские подошли. [Они] здороваются, а [эвенки] не хотят. [Эвенки] боятся, чтобы их не убили. Русские разговаривают по-своему. Эвенки не понимают. Глупый говорит [русским]:

— Я тебя убью.[5]

Товарищ [эвенка] предупреждает [его], чтобы не убивал. Долго сидели они. Русские их не понимали. Увели [их] в деревню, никак не могут понять. Привели на обед к купцу. На стол поставили всяких кушаний. «Тунгус, садись!», — говорят. [Те] не понимают. «Давай чай пить!». Эвенки думают: «Вероятно, собираются [нас] убить». И сами тоже хотят убить русских. «Садись пить чай», — [говорят те]. Никак не понимают [эвенки]. Начали [разговор] русские. [Эвенк], что поумнее, стал осматриваться. У [русских] есть чашки. Подал [русский] хлеба умному. Жевал, жевал тот — понравилось. Говорит по-эвенкийски: «Хорошо». Потом взял сушку, съел: «Вкусно». Съел сахар. «И не думай убивать хороших людей», — говорит [он]. Бросили [они] луки и начали есть. Товарищ стал подражать, тоже начал есть. «Вкусно, — говорит, — хорошую еду мы нашли».

Обед прошел, животы наполнены. Купец говорит:

— Ложись, отдыхай!

[Солнце] начало спускаться. Еще раз [их] накормили. На обратный путь подарили им еды. [Русские] друзья попросили эвенков бить белку.

Русские начальники думали: «Вероятно, эвенков много». Сказали им белку — будем обменивать на хлеб. Тогда один [из эвенков] понял и говорит:

— Предлагают убивать белку.

Задумался [тот] эвенк и понял. Дали [им] хлеба столько [они] едва снесли. Попросили [их] прийти на другой день. Пришли эти эвенки домой, принесли хлеб. Родичи их удивляются. Учит стал учить своих. [Все] пробуют, [говоря]: «Вкусно». [Пришие] эвенки сказали:

— Предлагают бить белок и соболей. На них обменивают продукты. Завтра набьем много.

Набив [белок], начали приносить их и обменивать. С тех пор русские стали звать [эвенков] «нирушками»,[6] а те стали называть русских «лу́чами».[7]

На утро много [эвенков] пришло. Каждый пошел к купцу, неся белок и соболей. Надавали им [русские] продуктов, ружей, пороха, пистонов. Сами учили [их], как стрелять.

Потом русские устроили перепись (букв.: ревизию). Эвенки назвали [им] имена дедов. Записали всех Куркогиров и Момолей. Рассказывали [им русские] про царя.

Пачаки научился русскому языку. Уже после Пачаки [эвенки] познакомились с табаком. Пачаки был умным хозяином. Он враждовал с Кунгногирами.[8] У него была большая обида [на тех].

Тогда было много Момолей. У Пачаки с Кунгногирами было столкновение — лучный бой. Пачаки сказал русским:

— Начали Кунгногиры. Они и виноваты.

Начальство судило [их]. Пачаки сказал:

— На меня напали [Кунгногиры], чтобы начать войну.

Кунгногиры оправдывались: [они] делали вид, что не желали биться. [Их] судили начальники. Кунгногиры сказали:

— Мы не приходили биться. Сам Пачаки начал бой.

Пачаки оказался виноватым: многих убил. Бо́льшую часть Кунгногиров перебил. Убивая Кунгногиров, он погнал [их] к русским. Кунгногиры испугались Пачаки и убежали к русским. Пачаки погнал их на речку Чадобец. Старики начали платить [русским] подать (букв.: душу).[9] Все перешли на сторону русских. После этого [эвенки] перестали убивать друг друга, испугались.

Потом русские целый год не ходили за Пачаки, [ждали], что сам придет. На следующий год казаки увезли его на суд (букв.: в плен). *(Реплика рассказчика: «Пачаки хитрый»).* Казаки увезли его в губернский город. В то время был царь. Тогда [виновных] наказывали прутьями. Начальник осудил Пачаки, его побили железными прутьями, чтобы боялся. Прижали к полу и били (букв.: царапали) по спине. Побили и поставили [на ноги]. Положили в больницу, лечили лекарствами. Через неделю он поправился. Дал обязательство не убивать ни одного [эвенка]. Позже его сделали князем(т. е. старшиной). Он умел [говорить] по-русски и был умным. В должности князя он был долго.

9. Пачаки Момо

Дюлипча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.

1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Прежде жили ганальчи.[1] У нас, [в низовьях Чуни], жили Куркогиры и Момоли, других не было. Уже позже пришли Кочонили, Хорболи [и] Лопоколи. [Они] стали ганальчами.

У Куркогиров сонингом [2] был только один Пачаки.

Ганальчи начали войну с Чемдалями.[3] В этом месте (т. е. в верховьях Подкаменной Тунгуски) эвенков было много. Куркогиры [и] Момоли очень рассердились [на Чемдалей]. Раньше они были в хороших отношениях. [Момоли] убили много Чемдалей. У Чемдалей были ружья, у Момолей — только стрелы. Когда начали биться, появились русские. [Они] нашли князя (т. е. старшину) Момолей. Одного куркогирского князя — младшего брата Пачаки — Чемдали убили. Пачаки рассердился [и] перестрелял много Чемдалей.

Чемдали пришли к русским на Ангару. Подали в русский суд. Момоли и Куркогиры [в этом деле] проиграли. Момоли не понимали по-русски, Чемдали понимали. Когда [Чемдали] пожаловались, они послали царю бумаги. Русские наказали Момолей железными прутьями. На Ангаре был русский начальник. Он написал царю: «Если будем наказывать эвенков, [они] все вымрут». Царь написал: «Бейте потихоньку прутиком». Начали бить прутиком, чтобы, поссорившись, [они] не стреляли друг в друга. Стало хорошо. Пачаки сделали князем, он стал начальником.

С тех пор из луков били только белку. [Эвенки] начали покупать ружья.

10. Пачаки Момо

Дюлипча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

С тех пор как жил Пачаки, прошло две сотни лет. В то время началась русская казна.[1]

Перестал расти на Ангаре хлеб. Забрасывались (букв.: умирали) с каждым годом пашни. В то время эвенкам было очень трудно, они голодали. Оленей было мало: у кого пять, у кого шесть. Начали эвенки есть глину. Они сушили глину на костре, говоря: «Пусть хорошенько просохнет», и мешали глину с мукой. Казенных запасных магазинов не стало. Порох кончился, [только] свинец остался. В то время появились купцы и начали торговать. Они стали продавать (букв.: давать) эвенкам много пороха. Эвенки начали забирать у них хлеб. Стали лучше питаться. Раньше ели рожь, тогда еще не было крупчатки. Купцы стали лучше кормить их. Олени стали размножаться, их перестали есть. Много зверя — лосей стало.

Прошла еще сотня лет. Тогда родился мой отец. Мой отец был бедняком. Ничего не имел, и оленей [у него] не было. Когда женился, взял [он] в приданое двух теленков. Потом выросло десять оленей. Дальше он стал лучше промышлять.

Все эвенки забирали хлеб на Ангаре. Мой отец отсюда (т. е. с устья Чуни) ходил на Ангару. В большой мороз ездил за про-

дуктами. Купцы за один раз давали много муки. Отсюда до Ангары ходили два месяца. Купцы говорили: «Ранней весной белкуйте, добывайте лосей, оленей!». Когда же наступал второй холод,[2] они говорили: «Принесли прошлогоднюю весеннюю белку?». И опять давали [муку в долг], чтобы эвенки [на охоте] имели пищу.

Тогда я родился. Что дальше (т. е. до моего взрослого состояния) было, не знаю. Вот я стал взрослым.[3] Отец хорошо учил меня тогда: «Работай, ничего худого не говоря. Говори только хорошее и хорошо живи. Верь в бога — будет лучше». Нас было много: три брата старше меня, я, четыре брата младше меня — двое из них родились сразу — и три сестры младше меня.

11. Момоли и Чемдали

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Вначале Пачаки [с эвенками] втроем отправился к Чемдалям. Отправил [вперед] гонца, чтобы сватать жену. [Тот], пуская стрелу-сэлэ,[1] сказал:

— Сэлэ!

Чемдали увидели его гонца. Один [из них] ответил:

— Химилгон! Химилгон! [2]

Другой сказал:

— Пачаки посылает [свата]. Зачем ты отвечаешь: «Химилгон! Химилгон!»? [Надо отвечать]: «Сэлэ! Сэлэ!».

Чемдали еще раз ответили:

— Химилгон! Химилгон!

Пачаки не смог сосватать. Тогда попробовал сватать [для Пачаки] Хорбо, [говоря]:

— Жену просит Пачаки!

Чемда сказал:

— Как я им дам женщину? Кровь свою лакают! [3]

Хорбо рассердился:

— Ах вы такие-сякие, что вы говорите! К русским [жаловаться] ходите! Над народом смеетесь (букв.: народом играете), — и продолжал: — Приходите-ка туда к скалам!

Чемдали влезли на скалы. Пачаки оказался у подножия. Пачаки сказал [своим парням]:

— Будьте позади!

Отец его пошел вперед. Чемда выстрелил в отца Пачаки, в Багдарикана. Пачаки отскочил от стрел Чемдалей, ползком начал [к ним] приближаться. Как только Пачаки подошел, Чемдали убежали, испугавшись. Люди его с криками погнались [за Чемдалями]. Пачаки тоже погнался за другими. Один человек [из рода] Пачаки не смог бежать, будучи раненным стрелою. Пачаки сказал:

— Зачем же ранил? Выстрелю-ка я в ранившего!

Натянул [Пачаки] стрелу до виска и спустил. Пачаки нашел Багдарикана и сказал:

— Побудь здесь! [Не ходи]! Кости растеряешь.[4] Жди здесь!

Потом убежал. Пачаки рассердился на Чемдалей. Пачаки нашел старикашку [Чемда], спрятавшегося в [долине ручья] Ангкулак. Спрятался тот [давно]. Попробовал [Пачаки] выстрелить в него, в старикашку. Чемда стал упрашивать не стрелять, сказал:

— Мальчишка, сам будешь убит!

Пачаки сказал ему:

— Сложи кости (т. е. сам умри)!

Потом Пачаки ушел. Парни его шумели [своими] доспехами. Пачаки перестрелял все свои стрелы, подсчитал — только три осталось. Одна стрела у него была дятловая. Выстрелил он в колено Чемды. [На колене] на железной пластинке образовалось отверстие. Чемда сказал:

— Сэлэ! Давай породнимся! Перестаньте стрелять!

На это Пачаки ответил:

— Где же были [раньше] эти свойственники? Если бы [сразу] отдали женщину, мы бы не воевали. Давайте жить хорошо. Если отдадите [ее], будет лучше.

Старикашка из рода Чемдаль пришел туда, к Пачаки. Когда старикашка пришел туда, [Пачаки] начал тыкать мечом в кольчугу. Меч соскользнул, Пачаки проколол кольчугу старикашки. Пачаки был сердит на [Чемду] и зарубил его.

Перебив Чемдалей, Пачаки направился домой, в свой род, чтобы взять стрелы (букв.: собрать колчан). Чемдали убежали к русским. Чемдали жаловались русским, говоря:

— Пачаки нас разбил.

Русские сказали:

— Приведите [людей Пачаки].

Пошли [они] за Топоко и Пачаки. Стали [Чемдали] жаловаться русским. Чемдали знали русский язык, Момоли не знали. После суда Момоли уступили Чемдалям. Пачаки сильно не били. Потом комиссар сказал:

— Назначьте (букв.: запишите) его князем (т. е. старшиной).

12. Чемдали и Хорболи

Илья Чемда, по прозвищу Лучаткан, род. в 1865 г., неграмотный. 1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

У Чемдалей [было] два ружья. Зло выросло между Чемдалями и Хорболями. Раньше у них были шаманы. У Хорболей — три шамана, у Чемдалей — одна шаманка. У Хорболей умер человек. Шаман говорит:

— Этот, однако, не простит.[1]

[Чемдали] согласились дать [Хорболям] за того умершего девушку. Девушка живет у своих полгода, ее не отдают. Потом эта девушка забеременела, стала тяжелой. Тогда к ним пришли [Хорболи], стали [они] просить девушку; знают они, что она потяжелела, и стесняются [просить]. А эти-то [Чемдали] говорят:

— Беременную не отдадим.[2]

[Хорболи] опять пришли и стали просить, чтобы отдали в жены. Те не желают отдавать, собрались дать другую. Хорболи не желают соглашаться.

— Си-ри-да! Да-ли-да! Си-ри-да! Да-ли-да![3] — отвечают [Хорболи], желая начать [с ними] войну. — Если не хотите отдать эту, мы вас всех перебьем!

Рассердились [Чемдали]. Сонингом[4] у них был Гаданча. У него и старший и младший брат были одеты в броню. Договорились в тот же день начать бой. У Чемдалей только восемь мужчин, у Хорболей — восемьдесят. В тот же день пришли [на бой]. Хорболи расположились за речкой, Чемдали — на этой стороне. У Чемдалей два ружья, у Хорболей только луки. На том берегу развели костры, на этом берегу тоже [горит] костер. Сидят, разговаривают между собою. Хорболи послали одного старичка узнать: хотят ли те драться или не хотят. Старик этот пришел, спросил:

— Ну, что будете делать, отдадите [девушку] или нет?

— Другую отдадим, — сказали Чемдали.

Старик вернулся к своим, сказал:

— Отдают другую.

Жениха спросили:

— Ну как, возьмешь другую в жены или нет?

Он сказал:

— Не желаю брать в жены другую, кровь ее пролью — убью. *(Реплика сказителя: «Он ту любил, другой не желал»).*

Когда Чемдали собрались отдавать [другую], [Хорболи] захотели убить ее. Тот старик еще раз пошел сватать [беременную]. Чемдали опять не захотели отдавать [ее]. [Старик] начал считать их, говоря:

— Один, два, три, четыре, пять! Ведь мало [вас], как [вы] нападете на людей?[5]

Чемдали рассердились, говорят:

— Отдадим небеременную вместо беременной. Не будем воевать!

У Чемдалей была стрелка малюсенькая (т. е. пуля). Ею выстрелили вверх. Пролетела [она] над ними со свистом. Пачаки испугался, говоря:

— Что это за стрелка? Пожалуй, не устоять [мне против нее]!

Испугался, увидев ее. Начали они стрелять друг в друга [из луков и ружей]. Младшему брату Пачаки попали в кишки.

Пачаки сидит у костра. Брат Пачаки пришел к старшему, таща кишки в поле́ [кафтана]. Пачаки сказал:

— Ой, ой, говорил тебе, [что будет] тяжело!

Схватил он лук и начал сильно бить Чемдалей. Чемдалей стало мало, испугались [они] и бросились бежать. [Пачаки] погнался [за ними]. Во время боя сонинг Чемдалей влез в дупло коряжины. Потом уже нашли его спрятавшегося. Четыре человека, гонясь за ним, нашли. Четыре человека не смогли убить [сонинга Чемдалей] — он увертывался [от стрел]. Никак не могли убить [его]. Убегавшему Гаданче стрела попала в ляжку. Он вытянул стрелу за оперение, но, охромев, не смог бежать. Посмотрел он вперед — четыре человека [Хорбо] не смогли убить сонинга [Чемдалей]. Он, охромев, выстрелил четвертому в легкие. Они все убежали, когда один из них упал. Сонинг [Хорбо] увидел, что Гаданча хромает. Подошли другие, погнались за Гаданчей. Стрелы их падали как град. Гаданча хотел их задержать подольше. Долго бежал Гаданча вперед. Стрелы продырявили весь его кафтан, но его не убили. Он был в броне. Убежал далеко и спрятался Гаданча.

У Пачаки был младший брат Лонгко. Ему прострелили палец. Он сказал:

— Чем [я] буду стрелять?

Потом промахнулись, выстрелили в лоб ему, но [не убили]. Он сломал древко стрелы и убежал. Потом пришел к своим. Перестал воевать, сказал:

— Выньте из меня стрелы! Как птичек насобирал [их].

Начали вытаскивать стрелы, он [и] умер.

(Здесь рассказчик пояснил: «Прежде воевали друг с другом. Если человек в чем-нибудь нуждался и если младший или старший брат не давал, сильно воевали друг с другом. Воюя с чужим родом, убив сонинга, съедали его сердце»).

13. Момоли, Куркогиры и Нюрумняли

Павел-Калтан Кувачонок (Чапагир), по прозвищу Баликан, род. в 1870 г., неграмотный.

1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Все эвенки Момоли и Куркогиры, жившие здесь (т. е. на Подкаменной Тунгуске, у устья Чуни), назывались ганальчами.[1] Момочо, отец Пачаки, пришел к Дюрунге свататься. Момочо взял жену у Куркогиров, а Момоли отдали Куркогирам свою девушку. Прежде обменивались женщинами. После Момочо пришел [к Нюрумнялям] Чолко свататься. Начал он сватать.

У горных жителей был род Нюрумняль. Нюрумняли жили дальше (т. е. севернее) Туры.[2] Они испугали Чолко. Момочо убежал к Куркогирам, за ним — Чолко.

Нюрумняли были раньше во враждебных отношениях с Куркогирами. Для примирения [Куркогиры] взяли от Нюрумнялей двух женщин. На одной женился Пачаки, другую взяли Куркогиры. После этого [Куркогиры] перестали враждовать [с Нюрумнялями]. Тогда Нюрумняли соединились[3] с Куркогирами, и они перестали бояться друг друга.

14. Кордо

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Давным-давно, во время войн и взаимных убийств, жил Кордо. Жили вместе три человека: один Хоркигир, другой Саремикта, третий Кордо. Был [у них] орел. Перьями орла они оперяли стрелы. У Хоркигиров был сонинг[1] Гильбовуль. Люди Гильбовуля были плохими. Они жили на Ирикте и Катонге. Убив орла, [они] не выделили [часть] оперения [для] Кордо. Из-за орла и произошла ссора. Тогда, [отделившись], сюда (т. е. на Чуню) пришел Кордо. Дети его стали жить здесь.

15. Куркогиры и Нюшкагиры

Лепчикан Пангкагир, род. в 1912 г., грамотный.
1935 г., р. Учами, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Куркогиры и Нюшкагиры начали большую войну. С шаманами [на место боя] пришли. На середину реки Вояв вышли Куркогиры. У Нюшкагиров вождем-куривоном[1] был куркогирский эвенк. Куривон Нюшкагиров по ошибке изогнул железную подвеску.

— Понапрасну [я] тебе шаманю, напрасно удачу [тебе] на своих дорогах ищу.

Куркогиры [и] Нюшкагиры отправились на бой. Пришли, развели огонь на виду друг у друга. Начали пускать друг в друга стрелы. Куркогиры попали стрелой в лоб нюшкагирского человека. Куривон Нюшкагиров стал ходить, ругая своего шамана. Нюшкагиры были разбиты.

(Пояснение рассказчика: «Это было у эвенков с самоназванием илэ; стрелы их торчат в коре деревьев»).

16. Сергунго Кордуяль

Кокотой Нюшкагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Сергунго был сонингом[1] у ганальчей.[2] Сергунго жил уже после того, как эвенки узнали русских. Состарился он, очень старым стал. Родственников у него было очень мало. Родственники

его повезли ясак.[3] Ушли только мужчины — ушло восемь человек[4] Кордуялей. На стойбище семьи и сонинга оставили. [Эвенки] своих боялись[5] — враждовали с ними. Сергунго стал охранять жен ушедших. Живут [они] потихоньку, перегородили реку у подножия хребта. Вдруг женщины увидели на том берегу восемь человек, снимающих унты. Пошли эти женщины к своему сонингу. Сергунго греет спину у костра, [прикрывшись одеялом]. Выглянул он из-под одеяла, говорит:

— Сумучокор! Сумучокор![6]

Сказал, влез под одеяло [и] продолжает греться у костра.

Пришли мужики и начали пускать стрелы в него, лежащего. Он, лежа, увертывается. Никак [они] не попадают; долго стреляли, все мимо. Израсходовали [все] стрелы. Перед тем как кончить стрельбу, схватили пальмы,[7] а мечи и луки положили. С пальмáми подбежали, начали рубить его. Но так и не убили. Он, Сергунго, убивал ганальчей. Наконец, убив его, увели женщин. Оставили только одну старуху, чтобы она замерзла. Был там парнишка, только что начал ходить. Оставили его, говоря: «Замерзни и ты!».[8]

Вернулись ганальчи, отвозившие ясак. Добыли в пути для старухи еду: рыбу, птиц, гусей. Сами отправились догонять [нападавших]. Погнались и нагнали их. Одна женщина [из уведенных] собирала ягоды. Увидела мужа, тихонько показала ему на чум врагов,[9] чтобы [он] не подходил к врагам.

Вот вечером легли они спать. Когда уснули, [пришельцы] быстро прибежали [к ним]. А женщина, которая показывала, надела, [чтобы обмануть], кафтан на пень. Муж ее пустил стрелу в бегущего врага. Женщина подошла к мужу. Враг, умирая, попробовал кольнуть ее ножом. Но женщина прикончила его. Они перебили всех [нападавших].

17. Гильбовуль

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Давно, давно жили Мачаку [и] старик Бонгачо. Хороший старик был. Тогда же жил Гильбовуль. Он поссорился с младшим родственником. [Гильбовуль с ним] начали играть, бросая аркан. Они, набрасывая [аркан] друг на друга и прыгая, поругались.

В то время, вероятно, жил Оптоко [из рода Хоркигир]. Он пустил стрелу в Гильбовуля. Гильбовуль увернулся от [стрелы] Хоркигира. [Люди Гильбовуля] перебили Хоркигиров. От Хоркигиров остался один человек. Гильбовуль побежал

к своим, взял [с собой] шесть человек. На следующий год [он] вернулся. Встретил сонинга, [с которым играл в аркан], пустил стрелу в его оленя-важенку. Этот товарищ выследил Гильбовуля-сонинга,[1] когда тот обжаривал мясо на вертеле, и крикнул:

— Ты кто? Гильбовуль? Мы были равными, когда упражнялись в набрасывании друг на друга аркана!

[Гильбовуль] сказал:

— Да, да, мы были равными.

«Не стану-ка я с ним разговаривать», — подумал [сонинг] и убежал к своим родичам. [Гильбовуль] пошел следом к его жене. Придя к ней, спросил:

— Куда ушел [муж]?

Жена ответила:

— Не знаю, куда ушел.

Шел дождь. [Гильбовуль] все бродил в окрестностях чума, искал его следы. Вот увидел следы на траве, покрытой росой, пошел по следам. Шел, шел и пришел к своим родичам.

Другой [сонинг] тоже ходил по следам и дошел до них же. Родичи его набили гусей. Когда они набили, старуха сказала:

— Приведите-ка (букв.: вытащите-ка) [Гильбовуля].

Тот другой сказал:

— Не придет [Гильбовуль] — [он] далеко. Скажите девочкам, чтобы следили за ним, если придет. Чтобы [они] не прозевали его прихода.[2]

А [Гильбовуль] спрятался в траве. Спрятал и их еду — гусей. Побежал он, откинул луком дверную занавеску и говорит:

— Это ты, парень?

— Я, — ответил второй сонинг.

Стоя, он ел крылышко гуся, отрывая куски мяса. Гильбовуль пустил ему в грудь стрелу. Гильбовуль убил в этом чуме восемь человек. Перебил [он] мужчин и в других чумах. В стороне [был еще] чум, [в нем] старик делал луки.[3] Перебив [мужчин, Гильбовуль] пошел в чум посмотреть. [Тогда] старик пустил [в него] стрелу, чуть не убил Гильбовуля. Гильбовуль, разозлясь, выпрыгнул через дымовое отверстие.[4]

Тот [старик] сказал:

— Эх ты, такой-сякой! Что делаешь?

[Гильбовуль] выстрелил [и] ударил мечом старика. Подальше стоял еще чум. Там тоже жил старик. Он пошел в хоровод и начал ругать [пляшущих]:

— Разве вы встретились для того, чтобы со слезами играть в хоровод?[5]

Гильбовуль подбежал к пляшущему старику и убил его. Прикончив, он вернулся на стойбище. Туда [люди] притащили человека — убитого им старика, сказав:

— Окурите-ка его кости и сожгите на костре.[6]

[Он] пошел за лосем вдвоем с тем, который хотел убить [Утышку]. Брат Утышки пошел впереди на лыжах, убийца — за ним. Брат Утышки положил вещи на лыжу,[5] наступил на нее [и] упал. Долго шли на лыжах. Брат Утышки начал отставать, не стало сил. Тогда парень выстрелил в спину того, который хотел убить [Утышку], промахнулся и попал ему в ухо. Этот убийца упал [без сознания]. Упав, [он] пришел в себя. Придя в себя, сказал:

— Пусть скажут «хавун».[6]

Когда он так сказал, брат Утышки ослаб [и упал]. [Утышка] начал было обвязывать его голову. В это время он ударил убийцу ножом, но промахнулся. Как только он промахнулся, убийца бросился бежать на лыжах. Уходя на лыжах, убийца взял ружье. А парень помочился на его ружье — оно намокло. Идя на лыжах, [убийца] выстрелил назад, [ружье] только пикнуло. Брат Утышки, когда тот приближался к дому, выстрелил в него. Тут же и убил.

20. Деерок

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Во времена ганальчей,[1] еще до существования Ховоко, были шаманы. Уже после Ховоко начали узнавать предания. [Шаман] шаманил вместе со своими духами-сэвэн,[2] превратясь в невидимку-мэлкэн.[3] В то время шаманы незаметно поедали души эвенков. Душа была почти невидима, ее видел только шаман. Они ели только души врагов.

Были [тогда] шаман Чичико и шаманка Деко, а также Деерок — жена Арчамки, дочь Апчоды. Арчамка был сыном Пачаки, жил в Кежме. Все старики знали Деерок. Она шаманила, будучи беременной. В животе у нее был ребенок, который должен был родиться. Эвенк говорит Деерок:

— Мой ребенок болеет.

Деерок отвечает:

— Как же я беременная буду шаманить?

Эвенк говорит:

— Умрет ребенок, если не пошаманишь. Скорее шамань! Не дождется он родов, умрет. Если умрет, то и с духами своими не нагонишь [его]. Доберется до нгеви,[4] тогда не сможешь [его душу] догнать [и] не сможешь вылечить.

Тогда Деерок забеспокоилась и начала шаманить, будучи беременной. Начала камлать вместе с духами-помощниками, а плод из своего живота с помощью духов-помощников переложила в живот мужа. Деерок перестала быть беременной. *(Реплика: «Интересно!»)*. Плод переложила в мужа, говоря: «Хэ-эк!». Смотрят

на мужа — беременный он. Деерок начала лечить больного. Больной начал поправляться. Пока она не кончила шаманить, муж ее был беременным. Больной [ребенок] на утро поправился. Перестав болеть, утром же начал ходить. Пищу хорошо принимал. Деерок повесила на дерево [жертву] — теленка, повесила и кусок ткани.

Окончив шаманить, она взяла плод от Арчамки. Стала [снова] беременной. Только во время родов Деерок сошла с ума. Сумасшествие было сильным — слов не понимала. Испортили [ее] духи. Двух ее детей испортили, одного по имени Нюрик, другого — Хагданча, оба стали сумасшедшими. С тех пор Деерок перестала перевоплощаться, перестала шаманить, будучи беременной.

21. Юргины

Кокотой Нюшкагир, род. в 1865 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жили эвенки-ганальчи.[1] Молодец Юргины был у них сонингом.[2] Он пришел к жившим за водоразделом, по реке Ероме.[3] [Ошикиры] тех мест договорились [с Юргины] биться, стрелять друг в друга. Юргины, поджидая [их], стал жить на одном, назначенном месте. Ошикиры оттуда (т. е. с Нижней Тунгуски) начали подходить в срок. Таким образом, Юргины и Ошикиры стали врагами. У Юргины был младший брат Лопкончо. [Ошикиры] пришли в срок. Лопкончо тогда привел сватов. Он говорит им:

— Помогите мне!

Ошикиры тоже привели своих сватов; послали сватать Хикчингу. [Они] прибыли в срок. Пришли в чум Юргины. Этот Юргины большой сонинг. Стали [Ошикиры] сватать. Вот сели они, начали разговор. Ошикиры спросили Юргины:

— Ну, как, отдашь женщину?

Юргины, стоя в середине, говорит:

— Дать мне или нет? Не хочу отдавать! Они пролили кровь (т. е. убили нашего сородича)!

Сразу после этого он начал стрелять в Ошикиров. Ошикиры выстрелили в самую серединку его лука, стрелой попали в центральный клинышек.[4] Серединка лука сломалась. Убили Юргины. Брат его Лопкончо начал стрелять в них. Лопкончо выстрелил раз, а их стрелы падали на панцирь Лопкончо как дождь. Тогда они закричали Лопкончо:

— Лопкончо, давай сватать!

Лопкончо бросился бежать, пробежал мимо своих сватов. Потом сваты [Ошикиров] опять начали стрелять в него. Лопкончо выскочил и пробежал сквозь толпу. Парни погнались, стреляя в него, но отстали [от него]. Далеко убежал Лопкончо. Стоит там

женщина, держит пальмý.[5] Пробежал [он] мимо той женщины. Ударила она [его] пальмóй. Эта женщина попробовала снять стрелы с его панциря. Попадали [стрелы], Лопкончо убежал.

Ошикиры-женщины пришли к Лопкончо. Лопкончо убежал, очутился в другом месте. Пришли [женщины] к его сватам.

— Лопкончо где? — спросили.

— Упустили его.

[Женщины] отправились тогда к своей родне.

Утром Лопкончо пошел посмотреть убитого брата. [Враги] топором разрубили Юргины на куски. Собрал он разрубленные части в куль и хотел хоронить. Положил в дупло.[6]

Пробыл [он] дома четыре дня. Тогда Лопкончо отправился мстить за брата. Пошел по оставленным следам. На полпути нагнал двух женщин. Увел [их] домой. Женщин [Ошикиры] отправили [к ним] за [убитого] брата. Лопкончо женился на одной из [этих женщин]. Вторую отдал своему свату. Вот тогда помирились они с Ошикирами.

22. Юргины

Павел Баяки, род. в 1893 г., неграмотный.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Был еще большой сонинг[1] Юргины. Тоже убивал эвенков. [Юргины] жил на стойбище вместе с ними, как и Лонгко. Врагами его были два человека. Юргины рассердился на эвенков — они убили его свата.

Жили они на стойбище вместе, были свойственниками-матами.[2] У Юргины была дочь. Она [выросла], стала женщиной. Юргины подговорил свою дочь, чтобы убить матов посредством обмана.[3] Враги его — сильные бойцы — узнали [об этом]. Юргины почувствовал это и говорит:

— Меня убьют!

Он знал сонинга [матов] и говорит дочери:

— Ты сделай вид, что хочешь иметь его мужем. Попытаемся его обмануть, чтобы убить.

Дочь Юргины пошла в гости к парню. Сделала вид, что хочет иметь его мужем. Молодой человек надумал жениться [на ней], захотел взять ее в жены. Перестал бояться и говорит:

— Я женюсь.

Хотя его и обманули, он в душе любил [ее]. Женился молодой человек. Пошел следом за женой в ее дом. Женщина привела мужа в свой дом. Юргины следил за дочерью.

Днем [молодые] начали искать вшей в волосах друг друга.[4] Юргины в это время попросил сына поискать оленей. Парней там было двое. [Юргины] одному [из сыновей] сказал:

— Идем-ка искать вдвоем, потом убьем его.

Женившийся [на дочери] не знал [об этом] и не боялся. Откуда же знать ему, что товарищ убьет его? Жена Юргины вывела вон детей. Дочь же продолжала искать вшей. У Юргины был маленький сын. Та девица сказала мальчику:

— Пойди, посмотри оленей.

Жена Юргины сказала:

— Долго же они ищут оленей! Кто столько времени ищет?

Жена Юргины вышал вон. А Юргины, вместо того чтобы пойти искать оленей, побежал домой к ищущим в волосах, чтобы убить [зятя]. Жена Юргины попросила дочь принести дрова для дымокура.

— Важенки пришли! Подои! Что так сидишь!

Тогда дочь, оставив волосы мужа, выскочила вон. Муж догадался и схватил жену за полу [платья]. Юргины сидел у дверки снаружи, подстерегал. Он отрезал ножом полу дочери и тогда же в чуме напал на ее мужа. Муж стал защищаться от стрел. Так и убил Юргины этого человека в чуме. Обманул и убил.

23. Нурговуль и чангиты

Андрей Копенкин (Хуннгикал), неграмотный.
1931 г., р. Ика, Катангский район, Иркутская область.

Жил человек Нурговуль,[1] было у него две жены и восемь сыновей. Ночью к нему пришли враги-чангиты,[2] окружили его чум, потом начали концами луков тыкать в покровы чума (букв.: луками давать знак), чтобы Нурговуль вышел. Сыновья его повыскакивали. Чангиты их всех перебили. Перебив, чангиты начали разговаривать:

— Мы убили теперь Нурговуля.

Один чангит сказал:

— Убили или не убили, я видел [его] вон там, как будто мелькнули его волосы.

Потом они сосчитали [его] сыновей — их восемь, отец убежал. Чангиты [от досады] заплакали.

Нурговуль нашел своих сородичей, потом отправился мстить чангитам. [Люди его] нашли в тайге оленя [чангитов] и убили его, чтобы съесть. Человек [чангитов], когда искал оленя, увидел Нурговуля и побежал домой. Пришел домой и рассказал:

— [Я] видел, что неподалеку мелькнули волосы великого Нурговуля.

Люди приготовились выслеживать его. Тот мужик сказал:

— Я очень далеко видел, скоро не придет. Давайте сейчас есть.

Люди поверили ему, начали есть в одном чуме. Лишь только они начали есть, как на них напали враги. Начали стрелять в евших, всех перебили.

Нурговуль позже ушел один. Сорок человек нашли его, спящего на камнях. Все направили луки, потом сказали:

— Давайте предупредим, ведь грешно.[3]

Лишь только они сказали так, как Нурговуль вскочил. Они и не заметили, как он побежал по камням. Начали стрелять, так и не могли убить. Тогда они начали искать его при помощи шаманов, нашли его на реке. Направили мужиков, чтобы сходили убить его. Люди пришли, смотрят — камни все разбросаны, дрался он перед смертью со злыми духами. Принесли мертвого домой. Мужики сказали:

— Давайте разрежем его, посмотрим, что он за силач.

И разрезали его — у него два сердца. Потом сердца сварили;[4] в котле не оказалось ни одной капли жира.[5]

24. Олувуль и Нурговуль

Иван Каплин (Пангаракай), род. в 1890 г., неграмотный.
1959 г., пос. Бугоркан на Нижней Тунгуске, Катангский район, Иркутская область.

Прежде были сонинги[1] Олувуль и Нурговуль. Олувуль был здесь (т. е. на Кочоме и Нижней Тунгуске), Нурговуль — на Лимте (т. е. на реке Илимпее). Стреляя друг в друга, они ловили стрелы.[2]

Олувуль жил в то время, когда были первые шуленги.[3] Олувуль убил немало людей. Его много раз ловили, но Олувуль убегал домой. Олувуль гонялся за людьми по их следам. У Олувуля была жена. Он отправил ее в кочевку без стрел и сам откочевал. Люди хотели убить Олувуля. Отправились в кочевку, обошли гору, вернулись обратно. Одна мать закричала [Олувулю]:

— Войди в мой чум!

Он вошел. У нее было три сына. Сыновья сказали:

— Дед пришел, забейте оленя!

Один парень выскочил, забил оленя. Мать угостила старика мясом.

Олувуль спросил:

— Почему вы боитесь меня?

Поев, он сказал:

— Пойду-ка я принесу дров.

Парни сказали:

— Хорошо!

Олувуль рубил сухую лесину. Парень, прорезав ровдужный покров, наставил лук, чтобы убить Олувуля. Они приготовили лыжи и собрались выстрелить в него. Средний парень говорит:

— Я, пожалуй, попаду.

— Ну, ну, [попробуй]!

Парень выстрелил ему в живот, не попал. Олувуль побежал по тропе. Парни вышли в тундру на водоразделе, смотрят — Олу-

вуль бежит как лось. Начали они догонять Олувуля, окружили. Олувуль сел и говорит:

— Парни, я к вам добром пришел. Вы хотите прикончить мою жизнь? [4] Стреляйте! Во что вы хотите выстрелить?

Парни выстрелили ему в грудь, но не убили. Он говорит:

— Парни, пустите ко мне старуху-жену.

Пустили. Олувуль сказал ей:

— Вынь из груди вонзившуюся стрелу. Вонзи в отверстие мою стрелу.

Она сделала, как он просил. Тогда только он умер. Когда [Олувуль] умер, она отдала парням все три стрелы, сказав: «Выполнила [просьбу]».

— Бабушка, ты не бойся, тебя не станем убивать.

Старуха пошла с парнями в тундру. Вместе с ними весну и лето кочевала. Где-то жила ее родня. Потом она пошла к ним одна. Парни ушли на [реку] Лимты. Там была большая тундра. С тех пор эту тундру, на истоках речки Дэткон, называют тундрой Олувуля.

25. Урон

Мария Комбагир, род. в 1922 г., Григорий Хукочор, род. в 1920 г., грамотные.

1935 г., озера Неконгда и Агата, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил старик. Его сын был женатым. У него был новорожденный внук. Сын этого старика пошел к ганальчам.[1] Там убили сына этого старика. Сонинг [2] Урон [3] убил. Жену его увел к себе в жены. Старик спрятал внука под котлом. Пришел Урон. Взял жену, а внука не мог найти. Старик сказал:

— Нет внука.

[Урон] увел жену [сына]. Старик этот начал учить внука увертываться от стрел и стрелять, чтобы убивать ганальчей. Научил его и говорит:

— Иди, приведи мать.

[Внук] пошел за ней. Самые плохие одежды надел, самые лучшие одежды и луки взял с собою. Отправился. Пришел, вошел в чум, где жила его мать. Много семей ганальчей было там. Урон сказал:

— Приготовьте чай.

Пока чайник кипел, [парень] играл с детьми Урона. Играл в стрельбу. Он разбил лиственницу от вершины до корня. Другие ребята не попали в нее. Опять он вошел в чум, начал пить чай. Во время чая он отскочил от стола, говоря:

— Не тот ли ты, который убил моего отца?

Урон бросил [в него] нож. Он увернулся. Потом погнались за ним и стреляли в него. Парень добежал до места, где была

[спрятана] его одежда. Он в Урона выстрелил и убил. Убив Урона, увел [свою] мать. Дошел до деда. Дойдя, сказал:

— Кто-то там ходит.

Дед сказал:

— Не говори так.

Когда он сказал, мальчик ответил:

— Я их не боюсь.[4]

Потом встретил медведя, прикрылся полой [своего кафтана] и погнался [за ним]. [Медведь] обломал ему половину бока. Парень посмотрел на свой бок. Посмотрев, начал рубить медведя. Этот парень отрубил ему одну ногу. Медведь упал замертво.

Вернулся [внук] к деду без половины [бока]. Посмотрел дед на этого парня — у того два сердца; оба сердца были волосатыми. Дед стал шаманить, начал лечить. Тот поправился. Когда дед вылечил, этот парень опять ушел. Шел и увидел двух лосей, бегущих по болоту. Погнался за ними. Гонясь, одного убил. Убив, приволок его к деду. Дед сказал:

— Ну, ты теперь очень силен!

26. Урон и Унгковуль

Николай Хирогир, род. в 1894 г., неграмотный.
1960 г., оз. Агата, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил Урон, этот человек был сонингом.[1] В него стреляли, но не убили. Увертывался он, когда стреляли. Он убивал людей, его же не могли убить.

Урон говорил так:

— Есть человек — сонинг Унгковуль.[2] Я пойду к нему.

Урон пошел к Унгковулю, дошел за три дня. Дошел до чума Унгковуля. Вошел [туда]. Унгковуль, увидев его, спросил:

— Кто ты, человек?

— Я — человек Урон.

— Да-а, — сказал он, — силен ты! Для чего пришел, когда я уже состарился? Если бы я был молодым, мы бы поиграли.[3] Почему не пришел, когда я был молодым?

Унгковуль продолжал расчесывать свои длинные волосы. Урон тут же рассердился на Унгковуля. Рассердившись, выстрелил в Унгковуля, расчесывающего волосы. Унгковуль не успел схватить стрелу, но увернулся.[4] Урон промахнулся, не убил. Увернувшись, [Унгковуль] вышел вон. На улице Урон погнался [за ним], начал стрелять, Унгковуль стал увертываться. [Урон] не смог попасть стрелой. Лишь когда вокруг дерева закрутились волосы [Унгковуля], тогда он попал под стрелу. Урон тут же его победил. Унгковуль сказал:

— Я зацепился за лиственницу, поэтому тебе удалось попасть в меня.

Урон пошел обратно, очень многих он убил. Родня Унгковуля узнала, что тот убит. Двое людей сказали:

— Пойдемте-ка убьем Урона.

— Да, — говорят родственники, — Урона не убьешь — сильный мужик.

— О-о! Мы заставим шамана пошаманить!

Шаман пошаманил. Пошаманив, сказал:

— Пойдемте втроем. На той стороне, где его чум, заночуем. Утром рано ястреб сядет на вершину дерева. Этого ястреба [вы] убьете. И идите в горы. Но если не убьете, не ходите. Этот [ястреб] — его душа.[5]

Они пошли. На этой стороне горы сел ястреб. Выстрелив, они сломали ему крыло. Пошли к чуму Урона. Чум Урона на том берегу речки.

Утром рано был туман. Подняв луки, как рога, [они] начали переходить реку. Перешли. Урон увидел их и говорит:

— Три зверя перешли [через реку]. Сейчас, когда туман рассеится, пойду [туда].

Обратился он к одному из своих:

— Друг, сходи-ка за водой.

Идя за водой, тот нашел на реке трех человек — [они] прятались. Они схватили этого парня и говорят: «Не рассказывай [Урону]!».

Пришел этот человек к Урону, принес воду. Урон спросил:

— Ты что подпрыгиваешь, тебе плохо?

Человек сказал:

— Брюхо болит.

Урон, сидя [около чума], начал есть. Люди подкрались к нему, выстрелили. Урон увернулся. Увернувшись, не нашел своего человека. Увидел чужого [шамана]. Со словами: «Вот и поешь этим ртом» — Урон спустил в него стрелу. Попал ему прямо в рот. Шаман умер. [Урон] хотел еще выстрелить, да лук сломался. Тогда он побежал — испугался, оставшись без лука. Когда он побежал, за ним погнались двое людей. На бегу он бросил [в них] нож. Второй человек погнался [за ним]. Урон в пути к реке наткнулся на вал из валежника. Поднялся на склонившуюся сухую лесину и, спрыгнув на берег реки, завяз. Выстрелил в самого шамана. Люди перешли реку, [подошли] к Урону. Когда они перешли, Урон сказал:

— Не станете же вы убивать меня живого. Закройте мне глаза.[6]

Закрыли [ему глаза] и убили. Умер Урон. Вскрыли его — у него два сердца. Посмотрели костный мозг в ногах: мозг жидкий, совсем негодный.[7] Пошли обратно к его отцу в чум. Старик, увидев их, прикрыл котлом парнишку-[внука]. Они сказали отцу:

— Вот какого зверя мы убили. Урона убили. Посмотрели на его мозг, а он жидкий.

— О, — отец сразу догадался: много людей выкормил он, охотясь, поэтому и стал жидким [его костный мозг].

Пошли эти люди обратно домой. Потом говорят отцу:

— Пусть отомстят нам (букв.: приходят к нам) в будущем.[8] Мы наставим меток по пути. Идя по этим следам, придут [к нам].

После их ухода отец Урона начал воспитывать его сына. Начал охотиться сын Урона. Дед, обучая внука, стрелял в [него] тупыми стрелами, а внук увертывался. Стал он мастером увертываться. Тогда спустил дед стрелу, задерживающуюся в полете, тот увернулся. Внук играл во все игры Урона (т. е. освоил все его приемы).

— Теперь довольно, [ты] почти равен отцу и даже немножко лучше, — говорит дед, — ты даже лучше отца.

Внук однажды спросил:

— А от кого я родился?

Дед сказал:

— От меня родился.

Внук сказал:

— Как от тебя родился? Ты очень стар. Вот на тропах есть метки. Кто их сделал?

Дед сказал:

— Это мои, сделал, когда еще был молодым.

Внук не поверил:

— Свежие они. Ты лучше мне [правду] расскажи!

Тогда дед рассказал:

— Твоего отца убили и мать увели [чужие] люди.

Тогда он сказал:

— О-о! Я пойду к ним!

Внук хотел пойти, дед говорит:

— Не ходи, людей много — сорок [человек].

Ушел внук, дед не смог задержать его. Так и ушел он.

— Внучек, — сказал [дед], — на середине пути (букв.: земли) живет кузнец.[9] Закажи ему стрелы и лук. Военные стрелы закажи.

Пошел наш парень. Дошел до кузнеца.

— Дедушка, я поохочусь, чтобы принести тебе мяса (букв.: для твоей еды). Ты сделай мне стрелы.

Кузнец сказал:

— Много [врагов] — сорок человек. Ты и не пробуй считать этих людей.

Сделал он ему сорок стрел. Отправился парень. Дошел до чумов — много их, сорок. Спрятал [он] стрелы. Сделал себе стрелу из клюва гагары, сделал плохенький лук. А свой спрятал. Потом пошел к чумам. Есть там один чум, самый большой и хороший. Подошел он к дверке. Поставил лук у дверки,[10] сам вошел. Вошел, [видит] — в чуме одна женщина. Женщина удивилась, когда он

вошел. Сел [он]. Когда он сидел, снаружи разговаривало много людей. Выйдя вон, [он] посмотрел. Видит — один человек подплывает в лодке. Переехав, подъехал к берегу. Придя домой, тот увидел его лук.

— Ой! Что за человек пришел? О! — сказал тот, увидев лук.

Потом этот человек вошел в чум — на малу[11] сидит парень. Спросил он парня:

— Откуда идешь?

— Я, — говорит [парень], — сирота.

— Что ты ешь? Принесите-ка ему поесть ножку теленка.

Мальчик сходил за ножкой, принес кишку, желудок, [насадил на вертел], обжарил у огня. У [парня] на ноге не было ножа.[12] Тогда тот человек спросил:

— Есть ли у тебя нож?

— Нет, — говорит парень.

Тот человек выхватил длинный нож и говорит:

— Ешь этим ножом.

Мясо поспело. Желудок, [который дали парню], плохой. Разрезал [сын Урона] желудок и бросил этот горячий кусок тому в глаза. Попал в глаза этого человека. Тогда тот хотел заколоть парня ножом. Парень увернулся, убежал. Когда он побежал, человек крикнул своим:

— Люди, к нам пришли [чужие]!

Пришли [люди], посмотрели на парня. [К ним], в эти места, он пришел со стрелами. В него начали стрелять все сорок человек. Он увертывается, луком своим отбивает стрелы. Потом [сын Урона] начал стрелять. Спустил десять стрел — умерло десять человек. Четыре раза выстрелил, всех перебил, только одного оставил, самого сильного. [Сын Урона] с ним пошел в чум и сказал:

— Ну, теперь давай играть (т. е. биться) вдвоем. Ты будешь там, я — здесь, на шкуре.

Начали стрелять. [Сын Урона] выстрелил в его железные пуговицы — сломал их.

— Оставь мне только дыхание! Не убивай! — просит тот.

[Сын Урона] не убил его. Увел свою мать, откочевал к себе. Три дня еще ждал сын Урона. На третий день он начал охотиться. Лишь только он ушел на охоту, как следом пришел тот [человек и спрятался].

[Сын Урона] вернулся затемно, ночью. Когда он, придя, начал есть, мать его приоткрыла дверку [чума]. [Сын Урона] спустил стрелу. Тот человек увернулся. Не удалось убить его. Встал он, схватил на бегу стрелу [и] сказал:

— С этого дня я перестану стрелять. Ладно?

Человек этот побежал. [Сын Урона] погнался за ним. Нагнал его и выстрелил ему в спину. Этот человек умер. [Сын Урона] откочевал. Добрался до деда. Когда пришел, дед сказал ему:

— Ну, и храбрый же ты человек! Такой же, как Урон. — И добавил: — Страшно одному на земле. Не мсти им.

Внук задумался. «Что он собирается делать?», — подумал [дед]. Говорит тогда внук:

— Я видел на реке беременную самку, на кого-то похожую.[13] Как бы не случилось чего!

Посмотрел внук на реку — по берегу идет медведь. Начал скрадывать его. Когда тот подошел, он снял кафтан, накрылся им. Медведь начал драть его когтями. «Я от него увернусь», — подумал. Вдруг заныло ребро. Смотрит — ребро видно. Побежал [он] скорее домой. Добежал до чума, трижды перевернулся и умер.

Об Уроне много народу рассказывает. Все рассказы немного отличаются друг от друга.

27. Ганальчи

Петр Комбагир, род. в 1924 г., грамотный.
1936 г., оз. Неконгда, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Люди отправились стрелять [чужеродцев]. У чужих [им людей, к которым они пришли], было две женщины. Женщины спрятали своих мужей и говорят [пришедшим]: «Вон туда ушли наши мужики». [Женщины] продырявили лодки пришельцев. Показали на озеро и сказали: «Ушли туда». Пришедшие сказали: «Убьем их». Поехали [они] в лодке и на середине озера утонули. Погибли. [Женщины] сказали своим спрятанным мужьям: «Выходите. Те пропали».

28. Захребетные жители

Чурчанча Момо, род. в 1897 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Среди живших на водоразделе (т. е. между Нижней и Подкаменной Тунгусками) были плохие люди. Водились там мелкие олени — мелеле.[1] [Эти люди] поймают арканом зверя и с живого чулком сдирают шкуру. Брали они только шкуру, зверя же пускали голого. Побежит голый зверь, а они смеются. Таким образом убивали много зверей. У этих людей были и собаки, они только жирели. [Люди] убивали собак со словами: «Летнюю еду будем есть». Ловили они удочкой рыбу. Поймают рыбу и едят сырую. Съев, [остатки] бросают в стрежень реки со словами: «Рыба, рыбой стань!». На следующий год опять ловят удочкой рыбу. Рыба сухая, как вертел, подойдет к отверстию во льду и не хватает приманку. Тогда они бродят в поисках зверя. А зверь убегает голый. Так и кончился этот народ. Жил он на реке Верхней Катонге (т. е. на Нижней Тунгуске).

29. Огинкогиры и Мокогиры

Александр Афанасьев (Монго), неграмотный.
1936 г., р. Бурея, Верхне-Буреинский район, Хабаровский край.

На одной реке жили Огинкогиры.[1] Когда они жили, пришло очень много Мокогиров.[2] Придя, [Мокогиры] остановились стойбищем перед [Огинкогирами]. Потом отправили они одного старика к Огинкогирам и сказали:

— Прежде вы вместе со своими сородичами вели войну против наших сородичей. После войны отняли одну женщину. За эту женщину, которую отняли, отдадите [нам] женщину или нет? Ответьте нам, — сказали Мокогиры.

На это Огинкогиры ответили:

— Мы не знаем ту, прежнюю, о которой вы говорите.

Тогда старик сказал:

— С того случая, [когда забрали] мокогирскую женщину, прошло уж очень много времени; в то время я был ребенком, когда об этом говорили.

Огинкогиры заметили:

— Вы, вероятно, старое вспоминаете. Мы же этого не помним.

Тогда Мокогиры сказали:

— Если вы не знаете, то мы знаем.

Потом добавили Мокогиры:

— Что бы ни случилось, мы возьмем женщину. Отдадите [вы] или нет?

На это Огинкогиры возразили:

— Не хотим отдавать женщину. Если победите и убьете нас в борьбе, тогда возьмете.

Мокогиры сказали:

— Давайте биться завтра. Вы или мы — кто-нибудь да победит.

На это Огинкогиры ответили:

— Ну, давайте биться. Мы-то не боимся, у нас хорошие, сильные люди.

Тогда в эту ночь каждый мужчина из Огинкогиров сделал себе лук. Потом, встав утром, устроили изгородь, чтобы через изгородь стрелять друг в друга стрелами.

Перед боем Мокогиры договорились:

— Кто окажется победителем, пусть не оставит никого [в живых]. Если вы победите, не оставляйте [нас], если мы победим, то не оставим [вас].

Тогда начали биться. У Огинкогиров было два хороших молодца-сонинга.[3] Один был сиротой, сыном старухи.[4] Эта старуха [была родом] из Мокогиров. Когда-то после боя она была взята Огинкогирами у Мокогиров. Потом [у нее] родился парень этот. Во время боя старуха сказала парню:

— Не дерись! Ты же знаешь, что Мокогиры твои сородичи. В битве перебили Мокогиров, очень много людей. Тогда сын старухи, перескочив [изгородь], бросил вызов Мокогирам.

— Ладно! — сказал сонинг Огинкогиров.

Перескочили через изгородь вдвоем. Сын старухи, падая, сказал:

— Я ваш, не убивайте!

Мокогиры сказали:

— Наш товарищ пришел, не убивайте его!

— Это сын той старухи, — сказал старик Мокогиров.

Мокогиры сказали:

— Ну, убьем другого.[5]

На другого напало много людей. Схватили этого человека живым, связали его ремнем. Потом, подправив изгородь, пришли к Огинкогирам. Придя, перебили, убили всех Огинкогиров. За одну женщину, отнятую, убили много мужчин. Мокогиры были невиноваты.

30. Побоище

Григорий Лонтогир, неграмотный.
1931 г., р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Жили два брата. Один из них боец-иничон (букв.: подвижной, бойкий). Тогда была весна. Они жили в чумах. Во время обеда услышали шуршание подходивших на лыжах свойственников. Луки и стрелы тех братьев были снаружи. Подошли пришельцы к лукам и стрелам, взяли стрелы и унесли. Мужики-[братья] сказали:

— Ну, [мы] пропали теперь!

Старший [брат] начал обдумывать, [как быть], начал рыться в коробе для инструментов. Нашел там клюв ястреба, сделал из него стрелу [и] говорит брату:

— Ну, теперь бежим!

Старший взял жерди [и] начал прыгать с помощью их, [чтобы не оставить следов]. Младшему брату сказал:

— Ты иди по реке вниз, на этой реке есть наледь, там у наледи поджидай того, который гонится. Я здесь буду подстерегать со стрелой — клювом ястреба.

Старший, упершись на жерди, спрыгнул к подножию [холма]. Увидал перед собой большую колодину,[1] покрытую снегом. Он хотел было перескочить через колодину, но прыгнул под нее, не задев снега; под колодиной стал подстерегать [свойственника]. Немного спустя услышал, что кто-то подходит, и подумал: «Что это за человек?». Тот подошел к месту, где он подлез [под колодину], поискал вокруг — нигде нет, только следы от прыжка. [Прибежавший] сказал: «Может быть, [спрятался] за колодиной?». Потом ступил на колодину. [Старший брат] из-под колодины сразу же выстрелил ему в грудь. Этот парень тут же упал.

Тогда [старший брат] взял его стрелы, надел лыжи и скрылся в направлении наледи. Быстро дошел до наледи. С опушки услышал, как стреляет [из лука] его младший брат: «Тсс! Тсс!». Стал он вглядываться. Смотрит — младший брат сломал сухой лиственничный сук и им ловит стрелы, совсем не увертываясь.[2] Он подумал: «Ну, что же тут с братишкой поделаешь!».

Начал [младший брат] ждать, пока [противник] перестреляет свои стрелы. Тот перестрелял стрелы, осталась только одна; тогда он сказал:

— У меня осталась одна стрела, ею я теперь убью тебя!

Младший брат сказал:

— Попытайся убить, мне уже настал конец.

Тот пустил изо всей силы последнюю стрелу, [младший брат] поймал ее своим суком. Он сказал:

— Если бы у тебя были и [еще стрелы], то ты [все равно] ничего бы со мною не сделал.

Старший брат подъехал на лыжах по наледи, дал лук младшему, говоря:

— Ну, теперь расправься с ним!

Тогда [противник] сказал:

— Возьму-ка и я сук!

Он взял сук, приспособился [и] сказал:

— Ну, пускай стрелу!

[Младший брат] сразу же спустил в него стрелу, но тот, хоть и попробовал поймать, не смог — в самую середину груди вонзилась [стрела]. Братья взяли лыжи и стрелы [и] пошли домой. Вот они уже подходят к дому. Из чума подымается дым. Стали прислушиваться, слышат слова, которые говорит старик (т. е. отец убитых):

— Где они? Далеко ли уйдут без лыж!

У этого старика парни убили важенку, начали есть костный мозг, разбивая кости: «Паг! Паг! Паг!». Братья прошли на лыжах мимо чума, вдоль спального места. Старик, услышав, сказал:

— Идут!

Они сняли лыжи, открыли дверку. Старик, увидев, воскликнул:

— Кто это принес [этих парней]? Ну, теперь мы пропали!

Братья убили старика и старуху, женились на их невестках. Женившись, начали жить [хорошо].

31. Чангиты

Андрей Коненкин (Хуннгикал), неграмотный.
1931 г., р. Ика, Катангский район, Иркутская область.

Простояв на [одном] стойбище, сорок хозяйств откочевали, остановились на месте побоища. Стойбище устроили на вершине

яра. Одна женщина [на стоянке] забыла аркан. Эта женщина пошла на старое стойбище искать аркан. Дойдя до стойбища, услышала шум камлания. Привязав верхового оленя, [она] пошла незаметно посмотреть; смотрит — пришли сорок человек и шаманят на [их] старом стойбище. Шаманили, шаманили эти сорок мужчин, потом начали рубить [оставленные] остовы чумов. Эта женщина поехала на олене к своим чумам. Приехав, рассказала:

— [Я] видела много чангитов.[1]

Этой женщине не поверили. У мужа этой женщины был старший брат. Эта женщина начала обматывать [ремешком] волосы[2] брата своего мужа [и], напевая, сказала:

— [Жаль], вот скоро эти волосы будут лежать подо мхом.

Сердце этого человека почувствовало недоброе. Он взял себе в товарищи мальчика, пошли они на озеро ловить рыбу. Забрали они луки, стрелы. В самую полночь услышали громкий крик [чангитов]. [Он] загасил водой из котелка огонь, чтобы не светил.

У одного человека чум стоял на самом краю яра. Он подскочил к малу[3] чума, [схватив] и размахивая покрышкой чума, скатился по откосу и нырнул в реку, бросив покрышку вниз по течению. Чангиты начали стрелять по берестяной покрышке. Пока не ушли [они], человек пробыл на берегу. [Они] перебили всех мужчин на стойбище. По самой середине яра протекал ручей, на другом берегу тоже стояли [эвенки] стойбищем. Чангиты этих не видели. Один старик [из стойбища], выйдя по нужде, закричал:

— Чего это шумите?!

Чангиты услышали старика, пришли на это стойбище, всех убили. Мужик, нырнувший [в воду], тихонько вышел из воды, пошел к рыбакам, к своим товарищам. На рассвете они услыхали, что [чангиты] откочевали, увели их жен. Слышат — сильный плач раздается. Когда [чангиты] ушли, рыбаки пришли домой. Этот мужик начал собирать людей в погоню за чангитами.

Собрали стрелы с убитых. Старухи им указали, [куда чангиты ушли]. Мужики погнались. Чангиты остановились на отдых посреди мохового болота. Мужики, зайдя вперед, на краю болота стали следить за ними. Чангиты зашевелились. Старший [из мужиков] указал своим товарищам:

— Впереди [каравана] будет шаман, за шаманом пойдут их главари. Постарайтесь убить их.

Вот идут чангиты. Когда подошли к [спрятавшимся] очень близко, старший выстрелил прямо в шамана. Другие выстрелили в их главарей. Одному главарю, который увертывался, попали в икру [ноги]; остальные от стрел начали разбегаться по болоту. Перебили всех чангитов, вернули своих жен. Один чангит, убегая сказал:

— Женщины, женщины, возвращайтесь [домой]!

32. Женщина и чангит

Иркума Лопа, род. в 1923 г., грамотная.
1935 г., пос. Байкит, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Одна женщина, выйдя [из чума] по нужде, увидала чангита.[1] Чангит прижал голову к земле.[2] Женщина пошевелила его волосы, сказала:

— Что это за кочка со мхом? Что это такое твердое?

На чангита, на кочку помочилась. Женщина, увидевшая чангита и потрогавшая его голову, сказала соседке-свойственнице:

— Я видела чангита. Стаскаем одеяла в один мой чум.

Другая женщина сказала:

— Чего это ты на все обращаешь внимание!

[Первая] женщина уложила детей другой женщины на вьючные сумы. Мать же их легла спать у себя в чуме.

Женщина, увидевшая чангита, поставила большой чум. Внутри его положила одеяла. Сама спряталась с топором под покрышками внутри чума. Чангит пришел, соседку-свойственницу убил. Потом пошел в другой чум. Вошел в чум, загасил огонь. Женщину не видит. Женщина незаметно ударила топором чангита. Чангит закричал: «Хулангаик! Хулангаик!».[3] Потом он умер.

33. Женщина

Аркалик Мукто, грамотная.
1935 г., р. Нидымкан, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Одна женщина у колодины[1] мочилась. Чангит[2] забрался в дупло колодины. Женщина потеребила его голову, сказала подруге:

— Женщина, я видела чангита. Точи топоры!

Другая женщина сказала:

— Чего это ты следишь за чангитами? Не верю [тебе]! Не стану точить!

[Первая] женщина положила детей вдоль вьючных сум, стоявших в ряд. Детей уложила спать и укрыла их. [В чуме] сунула в одеяло кафтаны; у края костра положила два полешка. Пришел чангит. Убив другую [женщину], не поверившую, он пришел к той, которая мочилась. Загасил покрышкой огонь в чуме. Тогда женщина эта ударила чангита по голове топором. Чангит сказал: «Хулагаик».[3]

На утро эта женщина вытащила вон чангита. Сыновья ее пришли домой. Эта женщина сказала [одному]:

— Твоя жена, мне не поверившая, убита.

Муж той женщины сказал:

— Ты-то как спаслась? Ты же не убита.

Мужчина этот разрубил чангита и сжег на костре.[4] Начал плакать по жене.

34. Эвенк и чангит

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1916 г., грамотная. 1945 г., р. Дэткон, р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Жил эвенк с женой. Домик у них был высоко [от земли], как ла́баз,[1] [для защиты] от чангитов.[2] Когда муж уходил на охоту, жена подымала бревно-лесенку к себе вверх; когда он приходил, сбрасывала вниз.

Однажды муж ушел на охоту. Собаки его начали лаять на лося. Он погнался. Вспотел, бросил рукавицы, бросил шапку. Чангит подобрал их и надел. Побежал к его жене. Добежал до жены, начал кричать:

Бабонька-дружок,
Лесенку сбрось!
Борболе! Борболе![3]

Жена услыхала. Испугалась изменившегося голоса. Запела:

Не стану, не стану бросать! Борболе! Борболе!
Голос у тебя чужой! Борболе! Борболе!

Враг запел:

Дружок бабонька! Борболе! Борболе!
А что скажешь — Борболе! Борболе! —
Если брошу рукавицу? Борболе! Борболе!
Посмотри на свою работу! Борболе!

Бросил женщине рукавицы. Женщина посмотрела. Узнала рукавицы, свою работу. Но все еще не верит, поет:

Почему у тебя такой голос?
Борболе!

Враг запел:

На собак кричал — Борболе! Борболе! — Голос потерял! Борболе! Борболе!
Брошу-ка шапку — Борболе! Борболе! — Наверняка поверишь! Борболе! Борболе!

Женщина поверила, сбросила лесенку. Враг поднялся со смехом:

— Ха! Ха! Ха! Как же мне не обмануть такую хорошую женщину? — сказал женщине: — Теперь я уведу тебя домой как свою жену.

Женщина сказала:

— Возьми все вещи, меня оставь!

Враг сказал:
— Я не хочу брать вещи, я хочу взять тебя.
Взял и увел [ее]. Скоро пришел муж. Закричал:

Женушка-дружок! Борболе! Борболе!
Лесенку сбрось! Борболе!

Жены нет. Тишина. Опять закричал со слезами:

Жива ли ты или нет? Борболе! Борболе!
Очень устал я! Борболе!

Никого нет. Сделал другую лесенку, поднялся. Жены нет. У сосны спросил:

Сосенка-братишка! Борболе! Борболе!
Не видала ли жены? Борболе!

Сосна сказала:

Нет, не видала! Борболе! Борболе!
Спроси у лиственницы! Борболе! Борболе!
Лиственница счастливая, Она все знает. Борболе!

Спросил у лиственницы:

Лиственница-братишка! Борболе! Борболе!
Не видала ли жены? Борболе!

Лиственница запела:

Видела! Видела! Борболе! Борболе!
Чангит увел ее. Борболе!

Человек запел:

Куда увел? Борболе! Борболе!

Лиственница сказала:

[В сторону] захода солнца ушел! Борболе! Борболе!
Туда иди! Борболе!

Человек пошел к шаману. Пришел, спросил:
— Что мне делать? Чангит увел мою жену.
Шаман сказал:
— Сейчас не ходи. Иди через девять месяцев.
Дал человеку три лучины, сказал:
— Зажги одну, оставь дома. Сам в три месяца обойди землю. Вернувшись, посмотри на лучину. Если вся сгорит, найдешь жену. Если нет, то плохо. Ходи так три раза.

Человек зажег лучину, отправился. Вернулся через три месяца, лучина не сгорела — осталась с палец. Зажег вторую. Второй раз пошел в обход. Вернулся опять через три месяца. Лучина осталась с наперсток. Человек рад — его лучины предсказывают хорошее. В третий раз пошел в обход. Опять вернулся — лучина сгорела. Человек пошел к шаману, рассказал обо всем. Шаман сказал:

— Теперь хорошенько приготовься. Сделай себе хороший лук, стрелу с железным наконечником. Иди искать жену.

Человек хорошо приготовился, наделал много стрел. Крепкий лук сделал. Пошел в сторону заката солнца. Три дня шел, дошел до чангита. Подойдя к его двери, закричал:

Чангит! Чангит!
Борболе! Борболе!

Ну, если ты силен, выходи!
Борболе!

Враг запел:

Подожди немножко!
Борболе! Борболе!
Зубы наточу —
Борболе! Борболе!

Подожди немножко!
Борболе! Борболе!
Детей поцелую (букв.: понюхаю).

[Чтобы] укусить, если ослабну!
Борболе!

Борболе! Борболе!
Может быть, побежден буду.
Борболе!

Человек не ждал. Открыл с силой дверку. Видит — чангит пытается убить его жену. Выстрелил он в него, попал в ухо. Убил чангита, освободил жену, увел ее домой.

35. Киндыгир и чангиты

Николай Шаньгин, грамотный.
1936 г., р. Верхняя Ангара, оз. Байкал, Северо-Байкальский район, Бурятская АССР.

Жили четыре брата, одна сестра и двое мальчишек [из рода Киндыгир]. Они очень боялись чангитов.[1] Ребятам сказали, чтобы [они, сидя на деревьях], смотрели хорошенько, не прозевали бы [чангитов].[2] [Братья] вошли в чум. Сестра нашла табак, братья закурили. Ребята, забравшись на деревья, кричат повороньи:

— Близко не видно, поблизости нет!

Дети прозевали чангитов. Три брата слишком много курили, у них закружились головы. В их чумы начали стрелять чужие — чангиты. Они выскочили из чумов. Начали биться с чангитами. В конце концов старший сказал [своим братьям]:

— [Вы] стреляете, не очень-то увертываясь.

Лишь только он так сказал, средний [брат] ослаб и упал без чувств; [враги] его застрелили, убили. Потом убили второго брата, и только тогда убили и [старшего]. Сестра, когда братья были убиты, убежала, надев их одежды.[3] Теперь чангиты выстрелили в нее и убили.

Чангиты пришли, посмотрели — [оказывается], они убили девушку. Заплакали по девушке.[4]

— Откуда мы могли знать, что она может попасть под выстрел? Если бы следовала традиции (букв.: была бы настоящим человеком), сидела бы в чуме!

Парнишки убежали, спрятались от чангитов. Чангиты зовут их, чтобы убить. Среди чангитов был один человек, взятый от Киндыгиров. Этот Киндыгир, ища [ребят], увидел парнишку. Увидев, остановился, начал мочиться, чтобы другой чангит не обратил внимания. Когда его товарищ обошел [его] стороной, Киндыгир подошел к парнишке, сказал:

— Поведай о Киндыгирах, я когда-то и сам был Киндыгиром.

Дал парнишке кремень для высекания огня. Этот парнишка вернулся к Киндыгирам. С тех пор и стали об этом рассказывать.

36. Бэрко и чангиты

Никита Сахаров (Чакигир), род. в 1916 г., грамотный.
1937 г., р. Тунгир, Тунгирский район, Читинская область.

Летом много матов (т. е. эвенков), стоя на одном стойбище, пели песни, веселились. Эти маты, веселясь, целое лето ничего не делали. Они только и знали одно веселье. Прежде эвенки зиму охотились, а летом отдыхали. Они летом ели то, что заготавливали зимой. Среди них был один мата. У него были жена и младшая сестра; детей не было. Имя его было Бэрко, имя сестры — Тоган, имя жены — Чипа.

В то время они веселились все лето. Бэрко был сильным человеком, мастер бить зверя; он ничего и никого не боялся. Каждого зверя, которого Бэрко видел перед собою, он убивал. Он был сыном Буллэтов.[1] Бэрко взял жену от Нгангагиров; [2] Чипа была из рода Нгангагир. Летом они жили с родней жены.[3] Родня очень любила зятя. Буллэты были очень богатыми. Нгангагиры отдали дочь богачу.

Пока они так веселились, приближалась зима. Настала зима, пошел снег. Бэрко-мужик, когда началась зима, уехал от родных. Они сговорились встретиться весной. Уезжая, Бэрко говорил тестю:

— Ну, старик, хорошенько бей белок. Весной встретимся.

Тесть, уйдя вперед, вернулся к зятю. Подойдя, сказал:

— Ну, зять, если найдешь что-нибудь для еды, принеси гостинца — часть туши убитого зверя.

Бэрко-мужик, уехав от родных, всю зиму охотился. За эту зиму он [с семьей] съел много зверей. Они за зиму съели пять медведей. Пока они кочевали зимой, подошла весна. Бэрко на охоте встретил мату. Этот мата тоже охотился. Бэрко начал его спрашивать:

— Чьего ты рода?

Мата сказал:

— Я нгангагирский.

— Я этих Нгангагиров знаю.

Сказав так, Бэрко спросил:

— Кто твой отец?

— Мой отец человек по имени Хонгта.

Бэрко голову почесал, почесал и сказал:

— Я такого родственника не знаю. Никогда не слыхал о Хонгте, — и добавил: — Завтра познакомимся.

Мата сказал:

— Ну, завтра познакомимся. Вот, мата, завтра прикочевывайте к нам.

— Прикочуем, — сказал Бэрко.

Бэрко, придя домой, своим рассказал:

— Я встретил мату, встретил человека из рода Нгангагир. Они стоят вверх по той речке. Я ему сказал: «Мы завтра прикочуем к вам».

Жена [4] сказала:

— Хорошо, откочуем.

На утро они отправились в кочевку. Бэрко-мужик пешим пошел вперед. Тоган привела оленей. Чипа начала складывать вещи. Бэрко дошел до маты, начал ставить жерди чума. Поставив остов, пошел за дровами. Подрубил дерево около задней стороны чума матов. Около их вещей свалил дерево. Прошел Бэрко около вещей матов. Проходя, увидел на вещах матов что-то страшное. Увидев, сказал:

— Ну, к худым [людям] пришел.

Сказав так, пошел к приготовленному остову чума. Доносятся уже звуки каравана. Бэрко-мужик задумался, как уйти от чангитов.[5] Пришли его хозяйки.

— Вот, — начал он рассказывать, — мы пришли к худым людям: на их вещах я видел что-то худое. Чангиты-то, вероятно, людоеды. Давайте откочуем. Вы покройте половину чума,[6] поймайте оленей, навьючьте их и отправляйтесь кочевать. Я же пойду к [этим] людям в гости.

Уходя в гости, он сказал:

— Отправляясь кочевать, привяжите для меня самого быстрого верхового оленя.

Бэрко-мужик взял нож, пошел в гости. Семья его начала собираться откочевывать. Тоган пошла за оленями. Чипа накрыла половину чума, ту сторону, которая выходила к чангитам. Тоган

привела оленей. Когда начало темнеть, они навьючили оленей, отправились. Всю ночь шли. Для своего мужика привязали самого быстроногого оленя.

Когда Бэрко пришел в гости к чангитам, они посадили его на малу[7] за костром. Бэрко, войдя и сев, начал рассматривать. В котле у них варилось мясо. Сидели двое мужиков. Один мужик очень широкий, похож на сонинга.[8] Они угостили гостя чаем. Стали варить мясо в котле. Пока он сидел как гость, другой мужик рассказывал о том, что он якобы видел. Когда стемнелось, пришло еще два человека. Оба сильные мужики. На Бэрко напал страх. Он уже порядочно сидит у чангитов. Бэрко собрался домой. Они говорят:

— Посиди, еще выпьем чаю.

Опять начали пить чай. Бэрко опять собрался уходить, попив чаю. Они не пускают. Мать чангитов у дверки посматривает. Она сказала:

— Твоя семья уже спит.

Бэрко сделал попытку выйти. Когда добрался до дверки, они поймали его. Бэрко ударил ножом схватившего. Другие вскочили, пытались ударить ножом Бэрко. В тот момент, когда они замахнулись, Бэрко заслонился их детьми. Они закололи своих детей. Таким способом Бэрко еле-еле выскочил через дверку. Когда он вышел, они подняли крик. Начали драться друг с другом. Один сказал:

— Это ты выпустил его!

Бэрко в тот момент, когда они дрались, побежал к своему чуму. Там привязан его верховой олень, рядом висит его лук. Бэрко взял лук и поехал на олене по следам своих. Ехал, ехал, потом, объехав свои следы, вернулся [назад]. Начал подкарауливать чангитов. Вот чангиты идут на лыжах.[9] Передний быстро катится. Третий из чангитов тащит груз на себе. Самый сильный из них говорит:

— Смотрите, не потеряйте чайников. Сейчас встретим и убьем его.

Бэрко-мужик очень рассердился, услышав слова чангитов. Начал стрелять в шедших. Всех чангитов перебил. Убив трех чангитов, вернулся к их чумам, убил их жен, пошел обратно. Зашел вперед, прислушался. Старуха бормочет, чистя котел: «Эх, жирного человека упустили».

Он вошел в чум. Схватил за голову эту чистившую, сунул головою в огонь. Пока он возился со старушонкой, из глубины вылезла девочка. Бэрко не видел выходившую девочку. Он сказал:

— Я всех чангитов и их женщин перебил.

Перебив всех, он погнался по следам своих. Долго гнался за ними. Хозяйки ушли очень далеко. Наконец догнал Бэрко-мужик своих хозяек. Его родные боялись, думая: «Нашего мужика убили».

Придя, он начал пить чай. Кончил пить чай, говорит:

— Я прикончил всех чангитов. Теперь они не придут.

Семья его обрадовалась. «Цел наш мужик, не убили его», — говорят. Они собрались кочевать. Сложив покрышки чума, начали есть. Во время еды Тоган посмотрела вверх по реке. Глядя, увидела кого-то, [идущего] вверху по [льду] реки. Она сказала брату:

— Брат, кто-то там мелькает на льду.

Брат спросил:

— Где?

Начал смотреть. Вглядываясь, увидел — много чангитов катится по льду на лыжах. Бэрко-мужик сказал:

— Это идут чангиты.

Начал он думать, как поступить — бежать или стрелять. Бэрко сказал жене:

— Не будем стрелять, их очень много. Ты ложись под заструг.[10] Мы останемся с Тоганой, — объяснил [Бэрко] жене.

Он сказал Чипе:

— Если чангиты убьют меня, ты откочевывай к своим братьям.

Чипа не глупа (букв.: Чипа как Чипа), влезла под заструг. Бэрко и Тоган остались. Вот чангиты стали приближаться. Вот уже совсем близко подходят чангиты. Их было восемь. Чангиты окружили Бэрко. Чангиты, запугивая их, сказали:

— Будете плохо разговаривать, убьем! Наших сородичей кто убил? — спросили они у Бэрко.

Бэрко сказал:

— Я ничего не знаю.

Тогда чангиты сказали им:

— [О том, что] наших сородичей убили, нам рассказала одна девочка. Убежала она, когда они бились. Эта девочка едва пришла.

Один чангит сказал:

— Ну, тогда вы помогите нам отомстить убийце.

Чангиты, запугав их, увели. Бэрко дали очень хорошие лыжи. И Тогане дали очень хорошие лыжи. Оба они были быстроходами, а брат был особо быстрым [на ходьбу]. Чангиты очень торопились. «[Убийцы] могут далеко уйти», — говорили.

Ну вот, все отправились на поиски убийц. Идут, дошли до следов оленей [сородичей]. Сородичи (букв.: враги) долго жили на одном месте, их олени разбежались очень далеко. Чангиты очень долго искали следы убийц. Они не нашли их следов. Поэтому очень рассердились. Один чангит очень быстро пошел вперед. Идя впереди, он остановился. Чангит сказал [Бэрко]:

— Иди ты впереди!

Бэрко пошел впереди. Сестра идет за ним. Бэрко пошел быстро, он подумал: «Мою сестру чангиты убьют, [если догадаются]». Идя, посмотрел назад, в направлении сестры. Сестры не видно, только чангиты идут. Он пошел быстрее. Бэрко сильно

рассердился, когда убили его сестру. Он отскочил в сторону. Отскочив, начал стрелять в чангитов. Тогда Бэрко убил много чангитов. Трое из них убежали.

Чангиты, проголодавшись, направились затем домой. Чангиты потеряли Бэрко и, потеряв, пошли домой. Бэрко тоже пошел к их чуму. Там на улице его подстерегал один человек. Бэрко-мужик увидел его. Увидев, начал прислушиваться. [Слышит] — в чуме проголодавшиеся насыщаются. Бэрко выстрелил в их сторожа. Этот сторож сразу упал. Евшие в чуме говорят:

— Стереги хорошенько!

Сторож не откликнулся. Бэрко спустил стрелу в лоб сторожу. Из чума спрашивают сторожа:

— Ты не замерз?

Сторож не отвечает. Чангиты говорят:

— Почему не отвечает?

Один чангит вышел. Вышедшего Бэрко убил. Чангиты говорят:

— И этот мужик ушел.

Они посмотрели на своего мужика. Мужик их мертв. Чангиты подняли шум. Главный из них сказал:

— Я ничего не боюсь.

Сказав так, он выскочил. Падая [после выстрела], чангит сказал Бэрко:

— Если ты хочешь убить (букв.: съесть) меня, то убивай уж всех!

Бэрко убил главаря чангитов. Чангиты очень испугались Бэрко. Ни один из них не вышел из чума. Чангиты всю ночь прятались в чуме от Бэрко. Бэрко-мужик всю ночь подстерегал чангитов. Чангиты ночью не выходили. Бэрко-мужик задумался. В ту ночь была сильная вьюга. Бэрко сильно замерз. Продрогнув, он сказал:

— Чангиты, выходите из чума! Если выйдете, я не стану вас убивать; если не выйдете, я сейчас же перебью вас!

Чангиты поверили ему. Поверив, они вышли. Когда они выходили, Бэрко-мужик начал стрелять.

Бэрко рассказывал:[11]

— Я начал убивать всех выходящих чангитов. Я перебил чангитов. Но один из чангитов не вышел, остался. Я, перебив чангитов, вошел в чум. Входя, я увидел одного чангита. Чангит, увидев меня, закричал, громко закричал: «Эй, мата, не убивай, я на тебя буду работать!». Я, — рассказывал Бэрко, — был очень сердит на тех за то, что убили мою сестру. Я этому чангиту отрубил пальмóй[12] голову. Убив всех чангитов, я вспомнил о сестре. Вспомнив, я везде искал ее следы. Нашел то место, где убили сестру. На этом месте сестры нет, только ее кровь. Я остался один. Я остался без жены и сестры. Оставшись один, плакал и скучал. Скучая, вспомнил, что жена влезла [под застругу]. С тех пор как договаривались, прошел один месяц. Я много раз вспоминал

жену, вспоминал, как она влезла в снег. В то время, когда я бился с чангитами, я никого не вспоминал. Вспомнив о жене, я направился к тому месту, где она влезла под застругу. Дошел до того места, где была жена. Жены нет на этом месте. Она вылезла из-под заструги. Я начал искать дорогу, по которой пошла жена. Увидал, что она откочевала. Погнался по следам жены. Очень долго гнался за ней. Моя жена торопилась прийти к сроку, назначенному ее отцом. Я догнал жену на десятый день. Догнал, и мы направились кочевать в назначенное место. На третий день добрались до места. На этом месте стояло очень много матов. У этих матов жил и мой тесть. Я рассказал [обо всем], встретив этих матов.

У матов было три шамана. [Эвенки] остановились на стойбище, заставили шамана шаманить. Шаман, посмотрев, сказал:

— Очень много чангитов гонится по вашим следам.

Другой шаман сказал:

— Ты большой лгун!

Самый большой шаман сказал:

— Медведи, волки шаманов ведут.[13] Очень много чангитов идет, — и он добавил: — Ну, мужики, хорошенько готовьтесь, идут сонинги чангитов.

У эвенков тоже были сонинги. Некоторые из эвенкийских сонингов ничего не боялись. Маты ежедневно поджидали чангитов. Маты опять заставили шаманить самого главного шамана. Когда шаман шаманил, порвались кисти-бахрома его плаща, сломалась колотушка. Шаман кончил шаманить. Кончив, сказал:

— Чангиты подходят.

В ту ночь шаманы эвенков умерли. На эвенков напал страх. Когда залаяли собаки, одна женщина вышла к вещам. У вещей залегли чангиты. Женщина, как бы не заметив их, вошла в чум. У эвенков луки были снаружи.[14] Прежде эвенки держали луки снаружи, чтобы тетивы не пересыхали. Если оставить в чуме, тетивы пересохнут. Эвенки никак не могут взять свои луки. Тем временем чангиты начали спускать стрелы. Эвенки выскочили без луков. Они в этот день не выставили сторожей. Чангиты убили очень много эвенков. Эвенки тоже много их убили. Если бы у эвенков луки были в чуме, то они победили бы чангитов. Чангитов было очень много.

37. Человек и чангит

Александра Бояркoвская (Хэбгимнгу), род. в 1919 г., грамотная. 1947 г., пос. Тында, Джелтулакский район, Читинская область.

Это было очень давно. На устье притока большой каменистой реки, у подножия большой горы подымался дым из одного чума. Около чума лежали два оленя. У костра [в чуме] играл ребенок, начинающий ходить. Около чума стояли ряды вьючных сум.

В чуме сидела женщина и штопала унту. Эта женщина поджидала мужа. Муж был на охоте. Женщина думала: «Бог не посылает зверя, мука уже кончилась». Муж этой женщины охотился три дня и, никого не убив, возвращался домой. Возвращаясь, он увидел в долине человека, шедшего к притоку [реки]. Этот человек был чангитом.[1] Встретившись, они поздоровались, сели на колодину[2] и закурили. Чангит спросил человека:

— Ты за каким зверем охотишься?

Человек ответил:

— Я охочусь только за четвероногими зверями — свистящими, шипящими и зимой спящими.

Чангит сказал:

— Я таких зверей не признаю, я охочусь за двуногими. Я нашел тебя. Сейчас я тебя съем.

Человек очень испугался и говорит:

— Ты не убивай меня, у меня есть сын. Ты приходи ко мне завтра. Еще не входя в чум, открой рот и загляни в чум. Я брошу тебе в рот своего сына.

Чангит согласился. Сговорившись, оба разошлись по домам. Человек, придя домой, начал рассказывать жене:

— Я встретил чангита. Чангит собрался съесть меня. Я должен отдать ему сына. Завтра он придет.

Мать, услышав об этом, расплакалась, жалея сына. Ночь проплакала. Утром, встав, стала месить тесто. Много теста приготовила. Начали поджидать чангита. Вот слышат — чангит идет, распевая:

Дён, дён, дён, ден!
Поем, поем, поем!
Вку-вку-вкусное
Мя-мя-мясо!
Ско-ско-скорей
Бро-бро-бросайте
Сы-сы-сына
В гло-гло-глотку!
Ис-ис-иссохла она,
Мя-мя-мяса не, не, не поев!

Распевая, чангит вдруг разинул пасть и заглянул в дверку. Как только он заглянул, человек бросил ему в пасть тесто. Пасть чангита наполнилась тестом. Чангит запел:

Эх, чол-чол-чолдон!
Эх, лич-лич-личар!
Эх, тып-тып-тыпар!
Эх, пло-пло-плохое!
Эх, мя-мя-мясо!

С этой песней чангит исчез. Лишь только чангит исчез, человек переловил оленей и откочевал в далекие места.

38. Манги-чангит

Екатерина Маркова (Чакигир), род. в 1900 г., неграмотная. 1947 г., пос. Тында, Джелтулакский район, Читинская область.

Прежде эвенки передвигались на лодках. У них не было верховых оленей, не было оленей вообще. Они охотились.

Давно жили манги.[1] Манги были чангитами.[2] Они ездили верхом на конях.

Тогда же жил охотник. Когда начало темнеть, манги пришли к человеку. У человека были дочь и жена. Жена вываривала кости, собиралась получить жир. [Вываривая], взглянула вверх. На скалах увидела чангитов. Тихонько произнесла:

— Чангиты пришли!

Муж ее нагрузил лодку. Она дернула дочь за ухо, закричала:

— Как это ты не можешь найти оленью кровь? Вон туда я всегда клала, едва [пузырь с кровью] притащила. Всегда на том месте лежит! Всегда там лежит!

Она взяла дочь на руки и вышла из лодки. Потом они поплыли вниз по реке со словами: «Вот, просверлили все-таки лодки».[3]

Чангиты закричали:

— Упустили добычу!

Была еще женщина из чужого рода. Чангиты пришли к другим [эвенкам], у речушки залегли [между кочками]. Женщина пришла за водою. Увидала, тихонько сообщила второй:

— Чангиты пришли. Давай не убегать, а рвать увядшую траву для стелек.

Вторая сказала:

— Давай выдирать их волосы.

Начали выдергивать [волосы] у залегших. Чангиты говорят:

— Ах ты, такая-сякая!

Тогда женщины бросились бежать от чангитов. Чангиты отстали от них.

39. Куривуль и манги

Кокотой Нюшкагир, род. в 1875 г., неграмотный.
1936 г., пос. Вановара, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил человек Куривуль. У него было два младших брата. Куривуль женат, те холостые. Они жили охотой. Жена бывало скажет:

— Боюсь я — оставляешь меня дома одну. Не оставляй, страшно!

[Тогда] он построил ей высокое жилище — ла́баз,[1] поднял туда жену. А чум остался на земле до его прихода. Вечером, набродившись и наохотившись, он возвращался. Все трое днем охотились в разных местах. Куривуль на охоте убил дикого оленя, собака его задрала медведя. Начал Куривуль свежевать зверя. Обычно при свежевании он сдирал шкуру от головы. А сейчас по ошибке начал сдирать к голове. Ругнулся мужик. Посмотрел, а манги[2] уносит его жену. Жена крикнула:

— Вот, оставлял меня, теперь один без меня намучаешься!

Куривуль взял стрелу и пустил [в манги], но промахнулся. Манги этот улетел к его младшему брату. Посмотрел [Куривуль] вверх, [вспомнил слова жены]: «Ты, друг, меня стереги!». Пустил

он стрелу [в манги], немного промахнулся. К младшему брату — Нике полетел. Взглянул [Куривуль], услышал голос [жены]. Схватил лук, стрелы, выстрелил и задел хвост [манги]. Пролетел [тот] мимо.

Братья-мужики вернулись домой. Они знали, где [манги] живет. Стрела не может его пробить — все бока железные (т. е. в броне). Куривуль кузнец. У него [тоже все железное], только рот без железа. Тогда Куривуль выковал железо для рта. Выковал для себя и для младших братьев, [включая] Нику. Младший брат Ника — сильный мужик. Пошли они тогда к манги. Дошли до него. Живет он в деревянном доме. Позвали его, вышел [тот]. У манги есть большие лук и стрелы. Тогда Ника сказал:

— Давайте ловить ртами стрелы, когда они, пущенные вверх, будут падать.

Манги пустил вверх стрелу. Ника поймал ртом падающую стрелу. Упала стрела ему в рот. Тогда Ника пустил вверх стрелу. Манги открыл рот, чтобы поймать стрелу. Стрела упала в рот манги, прошла через все внутренности и вышла в анальное отверстие. Сразу же убила его. Вошли [братья] в избу манги. Жена никак не узнает их. Манги испортил ей зад. Взяли жену, увели домой. Она не может сидеть — падает. Испорчен у нее зад. Тогда Куривуль выковал шуруп, вставил ей в зад. После этого она прожила только годик и умерла.

40. Чакиптула

Мария Комбагир, род. в 1922 г., грамотная.
1935 г., оз. Неконгда, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

У Чакиптулы было две жены. Одна была только что взятая, другая — старая. Чакиптула ушел, пошел охотиться. [У них] ощенилась собака. Чакиптула пришел домой. [Вторая] жена сказала:

— У твоей жены ребенок щенком пищит.

Чакиптула пришел в чум старой жены. Посмотрел и, [увидав щенка], ушел вместе с другой женой на озерко. У оставшейся жены родился сын, пока она жила в старом чуме. Искала [она] по речкам налимов. Нашла одного налима. Тот спросил:

— Что с тобой?

— Меня Чакиптула бросил в чуме. Нечем кормить сына.

Этот налим сказал:

— У меня ничего нет, у меня только печень.

Она сказала:

— Давай ею кормить.

Начали выкармливать сына вдвоем с налимом. Потом сын подрос, всякого [зверя] начал бить. Однажды мать сказала:

— Иди к отцу. Он откочевал на озеро. Иди и не забывай напевать: «Чакиптула! Чакиптула!», — сказала мать.

Так, напевая, он ушел. Идет и поет. Перепрыгивая через реку, забыл [слово]. Опять вернулся к матери. Мать сказала:

— Что с тобой случилось? [Зачем] сюда вернулся?

— Забыл [слово].

— Не забывай, все время пой.

Так, напевая, опять ушел. Не забыл песни. Дошел до людей. [Отец] спросил его:

— Что тебе?

— Мой отец, по имени Чакиптула, пришел в этот чум, — сказал он. — Не ты ли это?

Мужик, [увидев сына], побил свою жену, которая заставила оставить сына, и с ним ушел.

41. Мальчик

Дюлинча Момо, род. в 1870 г., неграмотный.
1935 г., р. Тычаны, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жил мужичишка эвенк. У него было две жены. Одна жена сердится, плохо обращается, другая хорошо обращается. Муж эту жену не бил. [Эта] жена его родила мальчика. А первая жена спрятала мальчика, подложила [взамен] мешок. Пришел муж (букв.: человек), первая жена сказала:

— Жена твоя родила пустой мешок.

Как только она сказала о мешке, муж рассердился, сказал:

— На худую жену сержусь; оставлю тебя!

Оставил он одну жену в старом чуме. С другой женой откочевал. Спрятанного ребенка та женщина утопила в реке. В этой реке ребенка нашел налим, начал его воспитывать. Выкормил ребенка. Он начал ходить. Эвенкийка-мать увидала на берегу, на песке следы ребенка, сказала, догадываясь:

— Уж не моего ли сына след?

Сделала для ребенка маленькие унты: одну сделала совсем маленькой, другую побольше. Ребенок стал жить в воде. Он по песку начал ходить, по берегу. Там нашел унты, сделанные его матерью. Мальчик начал их надевать. Одну, которая поменьше, не смог надеть, другую надел хорошо. Мальчик заплакал, не сумев надеть. Мать услыхала его плач. Прибежала, схватила сына, надевавшего унты. Налим сказал:

— Моего сына уносишь! Что ты собираешься делать?

Эвенкийка сказала:

— Мой он! На реку пошел, а ты поймал.

Потом мать начала воспитывать сына. Сын стал мужчиной. Большим стал. Начал охотиться на зверей. Стал их убивать. Мать говорит:

— Пойдем по следам отца!

Пошли по его следам. Пришел он к отцу, догнав его. У отца заночевал. Отцу нечего есть. Ложась спать, этот парень говорит отцу:

— Давай-ка поговорим о прошлом.

Пришедший парень начал рассказывать:

— Вот мой рассказ. Жена [одного] мужика родила. Вторая [жена] спрятала ее сына, подложила мешок, утопив ребенка в реке. Налим воспитал ребенка. Мать нашла его. Увидав на реке след, сшила унты. [Когда ребенок вышел на берег], мать схватила плачущего, утащила домой. Схватив, начала сына воспитывать, пока он не стал мужчиной. «Ну, — сказала сыну мать, — пойдем по меткам и следам отца». Этот парень теперь нашел отца. Ты знаешь этот рассказ? Жена его, которую он оставил, в старом чуме.

У отца этого парня дрогнуло сердце.

— Малыш, — сказал он, — я оставил свою жену в чуме, когда она родила мешок.

Потом парень сказал:

— Мою мать ты оставил не одну, — говорит парень. — Я стал мужчиной, пошел по этой дороге.

У этого парня в пупе появилось золото. Он показал отцу пуп-золото. Утром этот парень ушел охотиться, убил дикого оленя, принес отцу ногу. Отец содрал камыс с ноги, чтобы съесть. А ногой этой ударил жену-[обманщицу] так, что у той треснул череп. Жена умерла.

—Если бы ты не спрятала сына, [мы] бы не голодали. Меня обманула, говоря: «Мешок родила».

Муж вернулся ко второй жене. Тогда сын, у которого было в пупе золото, умер. Его положили глубоко в землю.

С тех пор золото появилось на дне земли. Если бы не покрывали могилу землей, золото до сих пор было бы на поверхности земли.

42. Дептылы

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1923 г., грамотная.
1946 г., р. Дэткон, р. Нена, Катангский район, Иркутская область.

Дептылы прикочевали к эвенкам. Эвенки не знали, что те были худыми людьми. Дружили с ними, жили на одном стойбище. Дептылы начали сватать [у эвенков] девушку. Эвенки отдали [девушку], стали сватать их девушку [для себя]. Посватали. Дептылы откочевали отдельно. Они берегут девушку: не заставляют работать, кормят хорошим мясом. Девушка не может понять, почему за ней так ухаживают, говорит: «Такие хорошие!».

Эвенк пришел в гости к Дептылам. Эвенкийка, [жена Дептыла], сказала брату:

— Мне хорошо жить. Меня не заставляют работать, кормят меня лучшим мясом.

Она послала матери [подарок] — нагрудник. Он ушел домой.

Девушка эвенкийка, живя у Дептылов, узнала, что ее хотят принести в жертву.

Однажды они начали шаманить, собрались в одном чуме. Девушку вместе с детьми отправили в чужой чум. Дети подошли к ней. Держа ее руки, говорят:

— Это будет моя игрушка.

Другая говорит:

— Нет, моя!

Девушка спросила:

— Почему вы хотите взять мои бабки от меня живой?

Ребята сказали:

— Утром тебя принесут в жертву.

Девушка поняла и обманула детей:

— Вы спите, а я пойду по нужде.

Выйдя вон, положила на пень свой кафтан. Сама надела другую одежду и побежала по тропе. Дети пошли посмотреть. Увидели пенек [с кафтаном] и говорят:

— Вон она присела.

Утром пришли Дептылы, чтобы ее убить. Но девушки нет. Девушка подошла к склонившемуся дереву и влезла [на него]. Затем с него спрыгнула и нырнула под снег. Дептылы пошли искать, гоняясь по ее следу. Дошли до наклонившегося дерева, там след исчез. Дептылы так и не смогли найти ее. Вокруг дерева ходили на лыжах, не смогли ее отыскать. Шаман их шаманил, тоже не смог найти. Говорят они:

— Шаман [эвенков] сильнее. Не станем с ними воевать.

Откочевали они на другое стойбище.

Девушка вышла из-под снега, побежала к родителям. Придя, рассказала обо всем, спросила мать и отца:

— Почему вы отдали меня худым людям?

Мать сказала:

— Почему же ты сообщала, что живешь хорошо?

Эвенки сняли с нее одежду, надели на девушку Дептылов. Свели ту на то место, где пряталась эвенкийка, убили, а лицо ободрали, чтобы [Дептылы] не узнали. Сами откочевали.

Дептылы опять вернулись на старое стойбище, пошли искать, говоря:

— Вероятно, эта девушка вышла?

Нашли мертвую и говорят:

— Вот, вероятно, она.

Принесли домой. Во время камлания принесли ее в жертву. Так эвенки обманули Дептылов.

43. Дептыгиры

Евдокия Маркова (Чакигир), род. в 1910 г., грамотная. 1947 г., р. Тунгир, р. Тында, Читинская область.

Жили хорошие эвенки. Невестка у них была из рода Дептыгир. Они же отдали свою дочь Дептыгирам. Разъехавшись со свойственниками, [Дептыгиры] решили принести свою невестку в жертву. Остановились на стоянке. Детишки говорят ей:

— Кости твоих пальцев будут для нас куклами.

Женщина спросила:

— Меня хотят убить?

Сама думает: «Заберусь-ка я в пустоту каменистой осыпи».[1] Пошла, положила в пустоту продукты. Вот вечером пришли охотники, проголодались. Эта женщина говорит:

— Я выйду по своей нужде.

Вышла. Повесила свой кафтан на пень, сама влезла в пустоту. Те ходили на лыжах по поверхности осыпи, искали ее, не нашли.

Простояли они три дня и откочевали. Та женщина три дня пролежала в снегу. Потом поднялась вьюга, начался ветер. Девушка эта вылезла из-под снега, побежала по поверхности его. Ветер замел ее следы. Прибежала она к родителям.

— Почему пришла?

— Меня собрались принести в жертву.

Тогда они собрались и далеко откочевали.

ПРИМЕЧАНИЯ

СКАЗАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ (УЧУРСКИХ, УРМИЙСКИХ, АМГУНСКИХ, ЧУМИКАНСКИХ И САХАЛИНСКИХ) ЭВЕНКОВ

1. Кодакчон

Кодакчон — уранкай, житель горной тайги. Он пеший охотник, живет на средней Сивир-земле. Он отправляется по всем трем Сивир-землям, на восток от родных мест. Героиня Монгукчон, спасаясь от врага, путешествует южнее средней Сивир-земли, рядом с Кеян-землей, по окраинам Кидан-земли и других Сивир-земель (верхней и нижней). Встретившись с Кодакчоном, она просит его защитить ее от преследования врага. Кодакчон убивает ее врага и сжигает его труп. Разделавшись с врагом, Кодакчон направляется дальше на восток. В пути, заметив оленя, он гонится за ним и попадает в места героини: это один из ее домашних оленей. За оказанную ей помощь в борьбе с врагом Монгукчон соглашается стать женой Кодакчона.

[1] Чум-утэн — конусообразное жилище, составленное из тонких жердей и покрытое дерном, землей, а иногда корой хвойных деревьев и шкурами. У некоторых эвенков из сказаний утэн служил летним жилищем; в XVIII—XIX вв. это было зимнее жилище.

[2] В сказаниях термин «мата» употребляется в значении «человек» и как самоназвание. В последнем значении он употреблялся в начале советского периода среди эвенков верхней части бассейна Олекмы, предки которых были связаны с верхним Приамурьем. В преданиях подкаменнотунгусских эвенков этим термином называют род жены и всех его членов (см., например, предание 34). В современных говорах словом «мата» называют инородца, соседа, гостя, пришельца, богатыря. Из других языков это слово известно только в эвенском в значении «пришелец», «путник», «чужеродец». Но в чукотском и корякском языках от корня «мата» образуются все термины свойства и глагол «брать в жены». Это не случайное совпадение, а, как и многие другие факты, общие для языка и этнографии чукчей и коряков, с одной стороны, и тунгусов — с другой, свидетельствует о древних связях отдаленных предков тунгусов с сибирскими предками современных чукчей и коряков (оленных).

[3] Сивир — название земли и племени. В сказаниях упоминаются три земли Сивир. Средняя Сивир-земля граничит с Кеян-землей; через Кеян-землю попадают в Кидан-землю. В горной тайге средней Сивир-земли живут охотники-уранкаи. К югу от Сивир-земли находится теплая местность: там «деревья не желтеют и вода не замерзает, это места зимовок птиц» (см. сказание 4).

Название племени сивир может быть сопоставлено с названием шивеи (VII в.) — названием предков современных сибинцев (шибо), по языку родственных маньчжурам и в настоящее время в большинстве своем живущих в Синьцзяне и имеющих свою письменность. В летописях VII в. термином «шивеи» назывались различные по языку и по культуре племена (южные, северные, бо, шеньмохын, большие); язык больших шивеев, которые жили севернее всех других, отличался от языков остальных групп.

Поскольку в сказаниях основные герои живут в районах к западу от рек Онона и Аныев (в верхней части бассейна Амура), рядом с Сивирземлей или на ней самой, можно указать на записанные Д. Г. Мессершмидтом в 1725 г. в том же районе топонимы: р. Кара-Шибир (приток Уды), степь Шибир, р. Нарин-Шибир (в бассейне Онона); село Удинское в то время называлось Шивиган.

В новой Танской истории (VII в.) о шивеях говорится, что «их язык есть язык мохэ», что они имеют только старейшин, которые называются «мохэду» (племя мохэ относят к тунгусам; см.: Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 62). Южные шивеи, согласно старой Танской истории, являются особым родом киданей на северной границе народа дун-ху. В истории Бэйши (VII в.) говорится, что язык шивеев «один с кумохским, киданским и дэулэским», что «поколения их, обитающие на юге, называются кидань» (Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 76).

[4] Кидан (~ *кеда* ~ *кедан* ~ *китан*) — название земли и племени. В сказаниях кидане по языку близки эвенкам-уранкаям («твоя речь на мою, уранкая речь, похожа»; «я услышал речь, похожую на мою»). Но наряду с указанием сходства языка киданей и уранкаев, в сказаниях отмечаются и кидане с особым языком («послышалась речь киданская»). От киданей эвенки-уранкаи берут себе жен. В некоторых сказаниях слово *кидани* ~ *кедайканен* является словом запева. О том, что отдельные представители киданей вошли в среду эвенков, дав начало роду Кидань (мн. ч. Кидар), говорит название рода — Кидарский, записанное в документах XVII в. среди амгунских и охотских тунгусов.

В сказаниях фигурируют представители разных родов из племени кидань, например Нингтони из рода Орель (Орельский род также был зафиксирован среди амгунских тунгусов XVII в.), коневодка Тыргакчан из рода Дейдо-Девульгон (название Девульго ~ Дебульго сохраняется до настоящего времени среди верхнеамгинских эвенков Якутии; современные Марфусаловы также считают свое происхождение из рода Девульго), оленевод Монгруни (он же Юлтони) из рода Немедар, Монгукчон из рода Кемони, живущая на Сивир-земле. Кидане отличаются от пеших охотников тем, что содержат коней для езды и оленей, которых убивают на мясо. Жилищем им служат деревянные четырехгранные айгурские (=уйгурские) дома.

Языковая близость некоторых киданей и эвенков-уранкаев и отсутствие кочевого скотоводства у киданей, по-видимому, являются отражением очень раннего времени, когда группы киданей, жившие рядом с тунгусами — сивирами и уранкаями, продолжая охотиться, только начинали становиться коневодами.

Первые сведения о киданях появляются в IV в. По данным истории Бейши, кидане были одного корня с кумохи и западными соседями (Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., т. II, стр. 74), «обычаи их сходны с мохэскими» (там же, стр. 75), некоторые из них содержали оленей (Н. В. Кюнер. Китайские данные о народах Сибири. Рукопись. Архив Инст. этнографии, № 3). В X в. это сильное племя скотоводов, покорив и объединив другие племена, образовало киданское государство Ляо.

[5] Уранкай — житель горной тайги. Этот этноним в эвенкийских сказаниях встречен впервые; он имеется в якутских олонхо, встречается и в негидальских преданиях. Уранкаи сказаний — это группа эвенков, живущая в горной тайге Сивир-земли и Онон-земли (в месточке Егиндя), на границе с Кеян-землей. Они пешие охотники, не имеющие никакого скота. Их бродячему образу жизни мешает даже легко переносимое имущество. Живут они в коническом чуме, питаются мясом зверей и птиц. Одеждой им служат шкуры зверей. Они оказывают помощь всем охотникам горной тайги, соседним коневодам и оленеводам, родственным им по языку, в борьбе против врагов Сэлэргунов из племени чулуро. Уранкаи берут в жены девиц киданей и сивиров. С чулуро же горные охотники тайги в брачные отношения не вступают. Но чулуро нападают на них и выкрадывают их женщин.

Уранкаи (китайск. *улянха*), по правильному, с нашей точки зрения, замечанию Палладия (к переводу «Сокровенного сказания» монголов), «не были каким-либо особым родом или племенем. Это имя обозначает жителей вообще без различия племен». По нашему исследованию (Г. М. Василевич. Эвенки-уранкаи. Этнографические доклады Всесоюзн. геогр. общ., № 3, Л., 1966), слово «уранкаи» было названием или самоназванием разноязычных и разнокультурных племен как в XIII в., так и в XVIII—XIX вв. Одна любопытная деталь: на рисунках, приложенных к «Саньцайтухуй» («География»), одежда уранкая отличается от одежды других тюрко- и монголоязычных народов (курыканы, кума, кидане и др.) (Л. Л. Викторова. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке. Ученые записки Лен. гос. унив., сер. востоковедн. наук, вып. 7, 1958). У последних одеждой служит длинный, покрывающий обутые ноги халат с двойной запашной полой. Уранкай же одет в короткий распашной, не сходящийся на груди кафтан из целой шкуры, короткие штаны-натазники; спереди имеется маленький передничек из листьев. Эта одежда напоминает костюм эвенков, которые также всегда носили распашной, не сходящийся на груди кафтан, сделанный из целой шкуры, и нагрудник. На мужских штанах-натазниках спереди пришивался маленький передничек *хал'н'и* или *хандъ* в виде длинной бахромы из ровдуги (оленной замши). Этот костюм мы застали в 1925 г. у стариков (Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1961). Таким образом, на рисунке из «Саньцайтухуй» скорее изображен уранкай-тунгус, чем урянхасец-монгол. В связи с этим можно говорить и о самом названии. Слово «уранкай» просится на сопоставление с тунгусским (эвенкийским, эвенским) *ура* (*ура*, акающая огласовка), обозначающим «гора, покрытая лесом», а суффикс *-нкан → нкай* обозначает «житель»; таким образом, слово «уранкай» буквально переводится из эвенкийского как «житель горной тайги». Так в сказаниях часто называют себя герои.

Документы XVII в. в районе Присаянья выделяют урянков, соенов, и тувинцев. Б. О. Долгих, указывая, что в 1682 г. небольшая группа платывших ясак тувинцев возглавлялась шуленгой Унтанеем (Унтаней — эвенкийское имя) и устойчиво называлась урянками, пишет: «Возможно, это были ассимилированные тувинцами тунгусы... термин „урянки“ не имел этнического значения: в XVII в. так назывались балаганские тунгусы, а в начале XVIII в. — самые разные группы населения Сибири и даже иройские хамныганы (тунгусы, — *Г. В.*) Монголии» (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 298).

[6] «Какой злодей-людоед, придя сюда, убьет тебя?». Слово *д'эпнэд'э* (букв. «людоед») употребляется в значении «злодей», «убийца». Глагол «съесть» в сказаниях употребляется в значении «убить», «разрушить», «захватить». Такая семантика слова характерна для языка охотников, питавшихся мясом. Охота — уничтожение зверя — имела целью только удовлетворение своих потребностей, и главным образом в пище. Для других целей охотники не били копытных зверей. Поэтому «убить», «съесть» и

«уничтожить» в представлении охотника были одним понятием; таким образом, одно слово выражало целый комплекс понятий.

[7] Онон-земля — горная тайга в бассейне р. Онон, образующей вместе с р. Ингодой (эвенк. *анӈӣдӑ* — «правая сторона») р. Шилку (эвенк. *шилкы* — «выжимать», «отжимать»). В 1897 г. по Онону еще жили эвенки.

[8] «Волшебное слово» (эвенк. *итӣк-турэнмэв*, букв. «табуированное слово»), т. е. слово, в которое введена волшебная сила. Эвенки верили в силу слов и одушевляли их, обращаясь к ним как к живым существам.

[9] Авахи — враг. По-эвенкийски «враг» — *булӭн*. В преданиях синонимом этого слова стало название древней группы *чаӈит*, постоянно нападавшей на тунгусов — охотников тайги. Третьим синонимом слова «враг» в сказаниях является якутское слово *авахи* (из якутск. *абаахы*). Эвенки, среди которых распространены эти сказания, исторически или в позднейшее время были связаны с якутами; большинство их знало якутский язык, а часть — и якутские олонхо. В олонхо главные противники богатырей происходят из племени злых чудовищ *абаасы* ~ *абаахы*, жителей нижнего мира. В эвенкийских же сказаниях самыми страшными врагами всех охотников тайги являются конные Сэлулэнде ~ Сэлэргуны ~ Сэлэмэнде ~ Сэлэнтуры (букв. «одетые в железо») из племени чулуро, которые живут на запад от охотников. Связи эвенков с якутами привели к появлению синонима «авахи» в языке сказаний, а в некоторых из них и к якутскому образу извечного врага.

[10] «Дынгды, дынгды» — запев и припев злейших врагов. Слово, образованное от звукоподражания *дынг* (звук металла). Припев постоянный для всех сказаний.

[11] Сжечь тело врага и развеять его пепел или бросить в пучину — правило полнейшего уничтожения врага, характерное для сказаний, распространенных на восток от линии Лена—Байкал. Вместе с выходцами из Забайкалья—Приамурья этот мотив проник и в предания эвенков бассейна Енисея. Сжигание тела убитого противника описывается и в якутских олонхо, но в эвенкийских такое уничтожение относится только к злейшим врагам всех лесных охотников, а в якутских — ко всем побежденным противникам. В бурятских улигерах — это только один из способов уничтожения врага.

[12] Ла́баз — свайная постройка. У охотников ла́баз был временным жилищем для семьи, когда глава уходил на охоту. В сказаниях ла́баз характерен для сивиров и киданей. В нем живут только женщины. Возможно, жилища на деревьях у одной из групп шивеев VII в. и были такими ла́базами (ср.: Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., стр. 76).

2. Кодакчон

Это сказание сказитель слышал от эвенка Соготока Эдяп во время отдыха на охоте. Сам сказитель считает себя эвенком, хотя только мать его эвенкийка, а отец — якут. Сказитель говорит на якутском, русском и эвенкийском языках и слышал якутские олонхо. Возможно, под влиянием последних он несколько изменил сказание, введя образы, мотивы, эпизоды, слова и даже суффиксы якутских олонхо. Поэтому сказание отличается от всех остальных. Текст сказания полностью записан на магнитофонную ленту. Запись хранится в фонограммархиве Института литературы АН СССР (Ленинград).

Два брата живут на земле Тарундяк: старший — Кодакчон-богатырь, являющийся в то же время шаманом, и младший — Боскондяриндя-болящий. Они охотники. У старшего все имущество составляет железный посох, он мастер ходить; это эвенкийский образ. Имя же младшего, его немощь, его конь, являющийся помощником и советником, его богатырские одежды — все это заимствовано из якутских олонхо. Якутское происхождение имеет и описание поединка на «горячей площадке».

Младший брат, выздоровевший с помощью птицы-девицы, находит богатырские одежды и богатырского коня и отправляется на восток по Ингчор-земле. Путешествие его тянется семь лет. Дойдя до оленевода Угояна, он, проделав все, что предсказывал его брат, спасает дочь Угояна от врагов, которые постоянно нападают на землю ее отца. За эту помощь Угоян отдает ему в жены свою дочь. Кодакчон, оказав помощь брату, когда тот на своем коне не смог перепрыгнуть через волшебную реку, двинулся дальше. В пути он встречается с богатыршами и спасает одну из них от врага. После всяческих злоключений он женится на ней и возвращается в свои места. Там встречается с сыном брата.

[1] См. сказание 1, прим. 1.

[2] Боскондяриндя — имя, заимствованное из якутского языка. По-якутски *босхо* означает «слабо держащийся»; *босхоҥ* — «не могущий вставать на ноги и держать легкие вещи в руках; слабый, расслабленный» (Э. Пекарский. Словарь якутского языка, т. I. Л., 1958, стр. 508—509).

[3] Большой дом с богатырской одеждой и с богатырским конем нехарактерен для эвенкийских сказаний и в данном случае заимствован из олонхо.

[4] Роль яйца как источника жизненной силы показана в разных сказаниях. См., например: «Килдынакан рот открыл, яйцо проглотил. Стал силач-силачом» (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 110 и др.). Отразилось это представление и на поговорке: «Одно яйцо где бы ни упало, смерть одна» (т. е. двум смертям не бывать, одной не миновать).

[5] «Вверх посмотрит — вниз смотри, вниз посмотрит — вверх смотри» — якутская формула подчинения старшему, нехарактерная для эвенков.

[6] См. сказание 1, прим. 9. В данном сказании образ половинчатого человека заимствован из олонхо.

[7] В тех случаях, когда сказитель хочет подчеркнуть что-либо важное, он, говоря об одном предмете, животном или человеке, употребляет слово в форме множественного числа вместо единственного. В данном случае речь идет, вероятно, о табуированных оленях, пасущихся у священного дерева.

[8] «Но отдаст ли старик?» — фраза, свидетельствующая о существующем запрете отдавать девиц в жены конным соседям, имеющим металлическую броню. Эвенкийским охотникам Приамурья запрещалось отдавать девиц в жены скотоводам. Но последние часто выкрадывали жен у охотников. Один из таких случаев отмечен и в документах XVII в. Так, тунгусский князь Томкони Лалигир сообщил, что «у нево была взята жена ево в полон в ту орду, где руда серебряная, на Омур-реку, и та жена к нему вышла сама друга с тунгускою» (Б. Полевой. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. Труды Томского обл. краеведч. музея, т. VI, вып. 2, 1963). С. Широкогоров в 1912 г. записал, что оленные нерчинские тунгусы не вступали в брачные связи с конными кочевыми тунгусами.

[9] Извечные враги охотников при передвижении превращаются в орлов — пережиток представления о происхождении от орла и культа орла, имевшегося у тюркских и других народов Сибири (см. подробнее: Л. Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов. Сб. МАЭ, т. V, вып. 2, 1925).

[10] Обычная характеристика охотника: пеший обладает только посохом и мастер ходить на дальние расстояния.

[11] В эвенкийских сказаниях богатырями бывают как мужчины, так и женщины (см. сказания 3, 4; см. также: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I, стр. 115—117). В отличие от богатырей-мужчин женщины-богатырши не принимают активного участия в игрищах.

[12] У эвенков существовало правило раздражать противника перед поединком или перед состязанием жестами или обидным словом.

[13] Тогондор (букв. «огневой») — имя богатыря. Суффикс *-дор*, с помощью которого образуются мужские имена, характерен для монголов.

[14] Для сказаний характерно преувеличение признаков и времени. Здесь три года упомянуты вместо трех дней. См. ниже: «подбрасывал [в схватке] три дня».

[15] «Мы станем мужем и женой», букв. «мы станем людьми». При разговорах между собою муж и жена не употребляли ни собственных имен, ни терминов «муж» (*эдэ̄*) и «жена» (*асӣ*); вместо них говорили «дружок» (*эдэ̄*), «товарищ» (*гиркӣ*), «человек» (*бэйэ*).

[16] «Не бери с собой ни еды, ни одежды» — это выражение характеризует пеших охотников, которым мешало все лишнее из одежды и еды. Гардизи, характеризуя лесных охотников Приангарья VIII—X вв., писал: «Обитатели болот не имеют домашних транспортных животных, все кладут себе на спину» (В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927). Об этом же говорил в XII в. и Марвази (Sharaf al Zaman Marvazi. China on the turk and India. Transl. V. Minorsky. London, 1942, p. 31).

[17] «Поцеловались», букв. «понюхались». Вместо поцелуя эвенки прикладывали нос и принюхивались.

[18] Чум-дю — конусообразное жилище, покрытое «тисками» — полосами, сшитыми из вываренной бересты, или «нюками» — двумя покрышками, сшитыми из ровдуги (оленной замши).

3. Секак

Героиня Секак — дочь обладателя оленей Нингтони из рода Орель, из племени кедак. Оленей они держат для мяса. Девочка, начав ходить, просит мать и отца дать ей имя. Имя дает мать. Получив его, она начинает мечтать о дальних походах и, не слушая родителей, отправляется на восток. В пути встречает юношу Дюнкульдина из рода Оха, держащего путь с юга. Встреча происходит на окраине Кидан-земли. Героиня добирается до всезнающей Тыргакчан из племени кедан. Тыргакчан живет на юге («под солнцем»; ср. описание земли Кидан в сказании 4), в четырехгранном айгурском доме с четырьмя покоями, и имеет работницу. Она знает уранкаев всех земель и путь по Анюям. Секак с Тыргакчан отправляются на мужские игрища, прихватив по пути девицу Догикчон из племени кедак, жительницу гор («верхнего мира»). Познакомившись с играми, Секак возвращается домой.

[1] Олень-мойка — одно из возрастных названий оленя (годовалый дикий олень).

[2] См. сказание 1, прим. 1.

[3] См. сказание 1, прим. 2.

[4] «Орель, орель» — запев и припев. Орель — название рода амгунских тунгусов, зарегистрированное в XVII в. и не забытое амгунскими эвенками еще в 1948 г. Озеро в нижней части бассейна на Амгуни также называется Орель.

[5] «Нижнюю одежду вверх подняла, верхнюю одежду вниз спустила». Для удобства ходьбы петлю на середине подола кафтана привязывали к поясной тесемке, загибая подол. Девица привязала подол нижнего кафтана, а подол верхнего кафтана не подняла.

[6] «Мое слово сделай волшебным». Эвенки верили в силу слова. В таких случаях слово называлось *мусучӣ турэ̄н* ~ *мухулкэ̄н турэ̄н* ~ *итчилкэ̄н* (из якутского *итчин*) *турэ̄н*, букв. «слово, имеющее волшебную силу». Человек произносил такое слово-пожелание и невозможное становилось возможным (например, с неба падал чум или лодка и т. д.).

[7] Журавли-гаха (*гаша* в шекающих говорах) — серые, с темными полосами по краям крыльев — фигурируют в восточных сказаниях и в шаманских мифах сымских эвенков. Но если в сказаниях в гаха превращаются все девицы-героини, то в западных шаманских мифах птицами-

гаша становятся враждебные охотникам люди. В одних мифах гаша помогают героине уйти от мучителя-кета, в других — пытаются выкрасть ее от мужа-охотника. Фигурирование гаха в мифах потомков ангарских пеших охотников и в сказаниях потомков забайкальских пеших охотников свидетельствует о древних связях и былой общности этих групп, одним из выражений которой является общий тотем — журавль.

[8] Превращение в ястреба также, вероятно, является пережитком тотема у племен, близких по языку к горным охотникам.

[9] Оха можно сопоставить с названием рода урянхитов-монголов во время Чингисхана — Ухэ (в переводе О. И. Смирновой, см.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 270) или Оха (в переводе И. Березина, см.: Труды Восточн. отд. Российск. археол. общ., т. V, СПб., 1858, стр. 145). Среди дархатов в XVII в. был род Уха-Дархат (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 259). О том, что Дюнкульдин Оха из сказания не был эвенком, говорит суффикс его имени *-дин*, характерный для языков тунгусов нижнего Приамурья и для монгольского языка; в эвенкийском языке этому суффиксу соответствует *-гин*.

[10] «День ранний, год долгий» — обычное выражение в значении «времени хватит».

[11] «Попробуй догнать» — один из способов добывания невесты, распространенный на крайнем северо-востоке. Если юноша, погнавшийся за девушкой и нагнавший ее, дотрагивался до нее, она должна была стать его женой.

[12] Белый четырехгранный дом (айгурский дом) с несколькими двойными покоями был характерен, по сказаниям, для близких по языку соседей охотников тайги, содержателей оленей и коней. Жилище на сваях было характерно для всех тунгусоязычных охотников. В таком жилище находилась семья охотника во время его ухода на охоту.

[13] Слово «айгурский» указывает на связь соседей горных охотников с древними уйгурами, в то время жившими в Забайкалье.

[14] «Сумкольдин — работник мой» — речь идет о пленном, захваченном еще в детстве. В составе эвенкийского рода были женщины, взятые во время межродовых столкновений и мужчины — дети этих женщин, захваченные вместе с матерями или рожденные позже. Судя по суффиксу *-дин*, Сумкольдин мог быть захваченным у монголов (см. прим. 9).

[15] «Дочь солнца» — довольно широко распространенный эпитет в эвенкийских и эвенских сказаниях: дочь Юлтэни (*юлтэн* по-эвенски «солнце»), дочь Сигундара (*сигун* по-эвенкийски «солнце»), дочь Монгруни из племени кидан. Все эти имена относятся, по-видимому, к одному и тому же лицу — жителю южных широт (см. ниже: «под солнцем живущая»). С другой стороны, это название указывает на связь с культом солнца. По сообщению Ауфи (В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 2. СПб., 1900, стр. 417), у киданей и частично у уйгуров существовал культ солнца. Возможно, этот культ и отразился в имени одного из первых олене водов.

[16] «Уранкаи всех трех земель». См. сказание 1, прим. 5. Представление о трех землях уранхаев, возможно, отразило более позднее административное деление на три округа территории на правых притоках Амура. В маньчжурский период Канси, в XVII в., в северо-западной Маньчжурии было три округа — Тайчин, Фуюй, Доянь (Н. В. Кюнер. Китайские исторические данные о народах Севера. Ученые записки Лен. гос. унив., сер. востоковеди. наук, вып. 1, 1929, стр. 97).

[17] Анюй — река (букв. «дорога», так как обычно эвенки ходят по долинам рек). Так называются притоки Шилки и Аргуни. Топоним Анюй из Верхнего Приамурья был вынесен, по-видимому, тунгусами на восток (один из нижних правых притоков Амура называется Анюй) и тунгусами-орочон на северо-восток (нижний приток Колымы — Анюй имеет свое чукотское название).

[18] Игрища юношей-богатырей происходили в определенное время и в определенном месте. В данном сказании они происходили в «верхнем мире», т. е. в горной лесотундре, где жили охотники эвенки и где иногда могла быть своя средняя (племенная) земля.

[19] Кедак — название племени кедан, употребляемое в тех случаях, когда говорят о женщинах.

4. Три девицы

Девицы-уранкаи — жительницы леса, пешие охотницы. Каждая живет самостоятельно. Одна из них, Секак, отправляется в путь по средней Сивир-земле, по Кеян-земле и по Кидан-земле. Последняя находится в южных широтах. Здесь Секак находит мужа — охотника со средней Сивир-земли и остается. В поединке мужа убивает враг всех охотников — Сэлэргун. Жена продолжает с ним поединок и начинает одолевать врага. Чтобы спастись, тот обещает оживить мужа. Но, как только он оживляет мужа, она убивает врага.

[1] См. сказание 1, прим. 1.

[2] «Сами по себе жили». Описание самостоятельной жизни девиц охотниц, по-видимому, является отражением жизни охотников, для которых жизнь большими группами была невозможна, так как мешала охоте. Все источники указывают, что эвенки кочевали маленькими группами, по 2—3 семьи, объединяясь только для коллективных работ во время отела оленей и в период гнуса.

[3] «Дэвэдареко! Дэвэдареко» — запев и припев Секак. Название рода Дэвэдар(ский) сохранялось у охотских эвенков еще в XVII в.

[4] См. сказание 1, прим. 5.

[5] «Кемонин-кемонин (~ кимонин)» — запев и припев. Название рода Кима (~ Кимо) имеется у потомков ангарских эвенков, в современной сымской и подкаменнотунгусской группах. У удэгейцев существовал род Кимонко. Названия Кемо ~ Кемони просятся на сравнение со словом «кемунь» в имени предка Агуды — Рай Кемунь Агуда. Агуда, живший в XII в., был родом из племени джурджи (Рашид-ад-дин. История Чингисхана. Перевод И. Березина. Труды Восточн. отд. Российск. археол. общ., т. XV, СПб., 1888, стр. 18). Джурджи ~ Джурджени — первое тунгусоязычное племя Северо-Восточного Китая, образовавшее государство.

[6] См. сказание 1, прим. 3.

[7] Кеян-земля — по сказанию, она граничит на западе со средней Сивир-землей. Кеян ~ Кеот ~ Кият — название рода Чингисхана. Следовательно, Кеян-земля сказаний — это земля монгольского рода Кият. Юртом их были долины рек Онона, Керулена и Тоглы (см.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 32—34, 10). Ранние связи тунгусов с монголами отражены в названии нижнего притока Ангары — Киянка и в собственном имени Кеот, записанном в XVII в. наряду с именем Ангара у юкагирского племени (Дополнения к актам историческим, т. IV, стр. 3, 10, 16, 26), к которому эти имена могли быть принесены из Забайкалья тунгусами-орочоп (предками современных эвенов).

[8] См. сказание 1, прим. 4.

[9] «Всем сердцем, всей душой», букв. «крепким сердцем, крепкой печенью» — обычное выражение, обозначающее сильное чувство, желание.

[10] Коряжина (*такэн*) — вывороченное дерево, валежник.

[11] Деревья-лэкэнне — деревья с тонкими, свисающими (плакучими) ветвями.

[12] Пальма́ — длинный односторонний нож, привязанный к палке. В тайге заменяет топор и оружие охоты (на медведя).

[13] См. сказание 3, прим. 6.

[14] Чорамный чум, чум-чорама — в сказаниях так называется жилище с зимним выходом через дымовое отверстие, характерное для культуры

амурских племен, от которых охотники берут жен. Это название распространено среди охотских (аянской и чумиканской групп) эвенков и среди эвенов. Чорама обозначает всю нижнюю цилиндрическую часть остова чума и каждую палку этой части. Иногда этим словом называют весь чум типа чукотской яранги (остов из двух частей: нижней цилиндрической и верхней конической; покров такого чума сшит из шкур).

[15] См. сказание 1, прим. 2.

[16] «Я птичья дочь», букв. «птичья по происхождению» — прямое указание на тотема — журавля. О птичьем происхождении героя говорится и в других сказаниях.

[17] «Взял... одну стрелу». В сказаниях и преданиях настоящий стрелок стрелял в цель только раз и всегда попадал. Поэтому количество стрел в колчане было небольшим — чаще всего одна-две стрелы.

[18] См. сказание 1, прим. 9.

[19] См. сказание 2, прим. 12.

5. Мокигдын

Мокигдын — пеший охотник. Усовершенствовав свои орудия охоты, он отправился по средней Сивир-земле на восток. Дойдя до разветвления трех дорог, он свернул на юг. В пути он встречается с другими богатырями. Они идут по Котор-реке до ущелья, где хозяйка местности установила стражу, вооруженную палицами и никого не пропускающую. Стража одерживает победу над богатырями. Но Мокигдын разбивает палицы стражников и уходит дальше.

[1] См. сказание 1, прим. 5.

[2] См. сказание 1, прим. 2.

[3] Здесь мы встречаемся, по-видимому, с пережитком культа медведя. Среди эвенков и эвенов Охотского побережья бытует миф о двух братьях — медведе и человеке (см. подробно.: Г. М. Василевич. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1957).

[4] Духом — хозяином всех зверей у амурских тунгусов считался тигр.

[5] Культ медведя был широко распространен среди народов Сибири. Культ волка бытовал у монголов. В сказании интересен факт вешания на один шест голов медведя и волка, что, возможно, является пережитком двух культов. Следы двух этих культов сохранялись у коряков.

[6] Река-енэ — большая река. В тунгусо-маньчжурских языках общим словом для понятия «река» является *бира*. Но наряду с ним есть и другие слова. В эвенкийском языке для обозначения очень большой реки служит слово *йэнэ*. Производное от него — *йэнисэги* служит названием Енисея (*иоандеги* — по записи Мессершмидта 1723 г.).

[7] См. сказание 3, прим. 15.

[8] Установка стражи в ущельях для защиты проходов была широко распространена у народов Центральной Азии. Палицы в вооружении стражи нехарактерны для эвенков.

[9] «Взвалил на спину и понес домой». У эвенков существовало правило: раненому сопернику, но не врагу, надо помочь. Стражей были захваченные в плен охотники, поэтому и отношение трех богатырей к ним было таким же, как к другим охотничьим племенам.

6. Нивонинде

Пеший охотник уранкай Нивонинде живет на Онон-земле в местечке Егинде. На запад от него живет враг Гарагальтун Силин. Нивонинде оказывает помощь богатырю тайги, разбив его врага. Затем Нивонинде направляется на юг, чтобы оказать помощь встреченной им девице. Ее пре-

следует богатырь Отани из рода Орель. Нивонинде вступает в поединок с Отани и начинает одерживать верх. Но он щадит противника, за что получает его сестру в жены. С этого момента он берет на себя обязательство защищать Отани от врагов.

[1] Коврик-кумалан, сшитый из шкуры с головы оленя или лося, служит для покрывания вьюков. Коврик-тэнинэ, сшитый из шкурки с боков животного, подкладывают под седло.
[2] См. сказание 1, прим. 5.
[3] См. сказание 1, прим. 1.
[4] Егинде — название места на реке Онон, где живут уранкаи.
[5] Бе — место в чуме, на котором обычно спят; поэтому оно названо в сказании постелью. Бе находилось с правой или левой стороны от центрального места — малу́.
[6] Словом *бэйэ* — «человек», «мужчина» в сказаниях и преданиях называют и женщин.
[7] См. сказание 1, прим. 9.
[8] Гарагалтун Силин — имя богатыря врагов охотников — Сэлэргунов. Имена, образованные суффиксами *-лга*, *-лгун*, были характерны для монголов.
[9] «Вот-вот нагонит и одолеет меня», букв. «съедание меня богатырем-авахи подходит к концу». Глагол «съесть» употребляется в значении «победить», «одолеть».
[10] Держаться за свое ухо — один из способов раздражения противника в сказаниях.
[11] См. сказание 1, прим. 2.
[12] Заход на юг во время движения на восток имел целью погоню за девицей. Почти во всех сказаниях жены героев происходят из южных мест.
[13] См. сказание 3, прим. 4. Этот припев показывает, что Отани был из рода Орель.
[14] Традиция за пощаду в поединке (соревновании) отдавать сестру (или дочь) встречается и в других сказаниях.
[15] «Если какой проходимец тебя заденет, вспомни обо мне». Беря в жены сестру противника, герой брал на себя обязательство защищать ее брата.

7. Отани

Отани — пеший охотник. Во время своего похода на восток он встречается с девицей из племени кедак, из рода Дейдо-Девильгон. Эта девица, по имени Тыргакчан, говорит на его языке. Она путешествует по всем трем Сивир-землям. В знак согласия стать его женой она дает ему кольцо и улетает. Он гонится за нею, преодолевает высокие горы на окраине Кидан-земли. Далее в пути он видит бой лесного богатыря с врагом чулуро. Чулуро хочет взять в жены дочь оленевода Монгруни из племени кидан. Отани помогает Монгруни разбить врага. За помощь Монгруни отдает ему в жены свою дочь. Отани, забыв об обещании, данном им Тыргакчан, соглашается жениться. Во время свадебного ширшества на коне приезжает Тыргакчан и увозит Отани. Через некоторое время к ним приезжает дочь Монгруни. Отани не знает, как поступить: «Как человек может иметь двух жен», — спрашивает он. Дочь Монгруни отказывается от него и отвозит обоих на своем коне домой, к Отани.

[1] См. сказание 3, прим. 1.
[2] См. сказание 5, прим. 6.
[3] См. сказание 1, прим. 1.
[4] См. сказание 1, прим. 2.
[5] Олень-куе — одно из названий дикого оленя.

[6] Лось-ирэ (*ирун*) — сезонное (осеннее) название лося или оленя.
[7] Груз — наружные жерди, придавливающие покров чума.
[8] См. сказание 4, прим. 14.
[9] См. сказание 1, прим. 5.
[10] См. сказание 3, прим. 8.
[11] См. сказание 1, прим. 4.
[12] Образ старухи-помощницы заимствован из якутских олонхо и нехарактерен для эвенкийских сказаний.
[13] Девильго-Кувульгат — девица из рода Девильго. Среди томмотской группы эвенков имеются потомки рода Девульгэ (~ Дебульгэ — губная огласовка; см.: А. Н. Мыреева. Очерк томмотского говора. В кн.: А. В. Романова и А. Н. Мыреева. Очерки токкинского и томмотского диалектов. М.—Л., 1962).
[14] См. сказание 1, прим. 9.
[15] Чулуро (они же Сэлэргуны ~ Сэлэлунде, букв. «в железо одетые») — извечные западные враги (авахи) всех охотников горной тайги. Они коневоды, живут к западу от р. Онон. В настоящем сказании вместо обычного имени Сэлэргуну дано имя Гарагалтун Силин. В сказаниях 2 и 8 образ чулуро (авахи) и представление о местах, где они живут («нижний мир»), по-видимому, заимствованы из олонхо.

Название чулуро (у западных эвенков — чулугды; см.: Г. М. Василевич. Фольклорные материалы и названия эвенкийских родов. Труды 2-го Всесоюзн. съезда Геогр. общ., т. III, М., 1949) можно сопоставить с именем западного тюркского кагана Чуло, нападавшего на племя тьеле в VII в. (Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 36), или с именем Чулохоу — военачальника восточной части тюркского каганата (VI в.). Но может быть и иное объяснение. В ранние периоды врагами-чулуро могли быть и тюркоязычные группы гуннов, вышедшие к Байкалу в первые века нашей эры, а позднее (V—VI вв.) — уйгуры (айгуры). В сказании забайкальских эвенков, записанном в XVII в. Георги (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 233—235), враг Куратканн, похитивший дочерей Долодая, также живет на западе.
[16] Существовала традиция, запрещающая дочерям охотников вступать в брак со скотоводами, одетыми в железную броню. О запрете выдавать девиц лесных урянхитов замуж за скотоводов говорит и Рашид-ад-дин (Рашид-ад-дин. Летописи. Труды Восточн. отд. Российск. археол. общ., т. V, 1858, стр. 90).
[17] См. сказание 1, прим. 11.
[18] «Как я могу взять вас обеих, не знаю» — фраза свидетельствует, что для эвенков того периода двоеженство было нехарактерно.

8. Хургочон

Это сказание записано у нижнеучурских эвенков, среди которых бытовали сказания алдано-зейских эвенков. Поэтому оно несколько отличается от остальных. Рассказчик передавал его прозой. Герой сказания появляется у старухи чудесным образом. Появление его предваряется птичьим звуком, поэтому старуха дает ему «птичье имя» — Хургочон. Старуха живет с двумя прирученными ею важенками и их молоком кормит мальчика. Мальчик растет очень быстро («за день увеличивается как за год»). Став взрослым, Хургочон отправился искать себе товарища. Вернувшись, он узнает, что к старухе приходили три дочери Секардина и просили ее спрятать их от преследования Сэлэргуна. Хургочону не удается убить их врага. Последний пользуется оплошностью Хургочона и убегает. Вернувшись, Хургочон не находит девиц. Одну из них ему удается догнать. За то, что он выполнил ее задание, она соглашается стать его женой.

[1] Получум-утэн — полуконусный чум. У эвенков с верхней части бассейна Алдана до сих пор сохраняется летом теневой навес в виде половины конуса, составленного из лиственниц.

[2] Чуман — берестяной квадратный короб.

[3] «Я должна назвать тебя птичьим именем». По сказаниям зейских эвенков, девицы-гаха (журавли) оставляют рожденных ими от охотников мальчиков в тайге. В этом сказании старуха вначале услыхала птичий звук, потом уже детский голос, и поэтому она догадалась, что птица оставила ей своего ребенка. В связи с этим она и говорит, что должна назвать его «птичьим именем» — Хуругочон.

[4] Лук-аланга. По воспоминаниям современных эвенков, этот лук делался из одного куска дерева, куда вклеивалось сухожилие. В отличие от этого лука лук-бэр мог склеиваться из пластин разных деревьев.

[5] Каканда — penis.

[6] См. сказание 6, прим. 1.

[7] См. сказание 4, прим. 14.

[8] Трехголовый орел — образ, нехарактерный для эвенков; он заимствован из монгольских или тюркских сказаний.

9. Умусни

Охотник Умусни однажды услыхал призыв о помощи. Девица просила спасти ее от нападения врага. Он не очень хотел помогать ей, но она увела его в свои места. Ему пришлось вступить в бой с врагом и разбить его. За эту помощь она согласилась стать его женой.

[1] См. сказание 1, прим. 2.

[2] См. сказание 8, прим. 1.

10. Умусликон

Герой — пеший охотник услыхал однажды речь, похожую на его, и бросился бежать на восток, откуда доносился голос. Он добежал до места игрищ богатырей и спрятался. Но Дарпек, дочь оленевода Юлтони из рода Кимонори, из племени кидан, указала на спрятавшегося. Ему пришлось выйти и принять участие в играх. Во время борьбы с ним брат Дарпек, чувствуя себя не в силах, стал просить пощады, обещая за это отдать победителю свою сестру в жены. Поединок был приостановлен. Продолжая путь, Умусликон помог Гарпавулче разгромить врагов, напавших на его народ. Умусликон женился на Дарпек и пробыл у тестя два года. Отправившись в свои места, он увел два каравана оленей, подаренных ему тестем. Дома он поставил для себя привычный ему чум-утэн, для жены — чум-чорама. Однажды во время его отсутствия враг увел его жену. Умусликон пробрался в страну врага, разбил его и вернулся домой с женой.

[1] См. сказание 3, прим. 1.

[2] См. сказание 5, прим. 6.

[3] См. сказание 1, прим. 1.

[4] «Притаскивал на десяти вязках [кафтана] десять туш оленных». Кафтан, сделанный из целой шкуры, стягивался на груди вязками. Иногда к этим вязкам охотники привязывали убитую дичь. В сказании мастерство охотника сильно преувеличено.

[5] «Олень-куэ с шестнадцатью копытами». См. сказание 7, прим. 5. У оленя на каждой ноге по два основных копыта и по два маленьких задних.

[6] Малу́ — центральное место в чуме, у противоположной входу стороны, за очагом.

[7] См. сказание 7, прим. 15.

[8] Колодник, колодина — лежачее толстое дерево, бревно.

[9] «Выпустим его красную кровь на середину лука», т. е. зарубим луком. Края лука были настолько остры, что им можно было рубить.

[10] Здесь происхождение определяется по матери.

[11] См. сказание 1, прим. 9.

[12] См. сказание 1, прим. 12.

[13] См. сказание 1, прим. 11.

[14] Олень-манщик — олень, с помощью которого охотятся в открытых местах на диких оленей. Охотник подзывает зверя подражанием хорканью самки и пускает к нему манщика, у которого рога опутаны ремнем. Манщик и дикий олень начинают драться, сцепившись рогами. Когда дикий олень запутается в ремне, охотник подходит и стреляет в него. Сюжет об олене-манщике добавлен позднее. По-видимому, он попал к эвенкам из тундры, через якутов-оленеводов.

[15] Жизнь в семье жены в течение одного-двух лет — пережиток матрилокального брака.

[16] См. сказание 4, прим. 14.

[17] Превращение в каплю олова — заимствованный из якутских олонхо мотив.

[18] Описание нижнего мира здесь заимствовано из якутских олонхо.

[19] См. сказание 1, прим. 2.

11. Умун-Умусникон

Умун-Умусникон — пеший охотник отправляется в горы искать богатырей. Дорогой он убил медведя, затем встретил старика со старухой. Старик указал ему путь и место, где он встретит богатыря. Дойдя до богатыря, Умун попробовал свои силы и оказался сильнее. Богатырь обещал отдать ему в жены свою сестру. Та не согласилась и убежала. Умусникон отправился дальше. Дошел до дома, в котором спал богатырь; рядом с ним лежал молот. Умусникон ударил богатыря молотом, тот проснулся. Это был враг-авахи. В поединке с ним Умусникон одержал верх. Услышав слова, раздающиеся в небе, он пустил стрелу и сам зацепился за ее конец. Таким образом он догнал женщину. Она привела его в свои места. Там он узнал, что мужем этой женщины был его младший брат.

[1] Харги — враг. Враг здесь назван эвенкийским словом. Это слово до сих пор в некоторых говорах сохраняет свое первоначальное значение — «тайга», «низкий, мелкий лес», «дикий олень», а в нерчинских говорах — «земля». Отражая первоначальное представление о трех землях (верхней, средней и нижней), это слово одновременно обозначало и духа — хозяина этих земель. Одно из этих значений — «дух нижнего мира», «черт», «враг» — сохранилось в эвенкийских говорах до сих пор наряду со значением «олень», «тайга».

[2] При встрече мужчины и юноши по традиции вместо приветствия начинали драться, пробуя свои силы.

[3] «А сам зацепился за ее [стрелы] конец» — сказочный элемент, характерный для сказаний зейских эвенков.

[4] См. сказание 1, прим. 1.

[5] См. сказание 2, прим. 18.

[6] См. сказание 10, прим. 4.

12. Гарпаникан

Г. Чинков, рассказывавший это сказание, позже переработал его стихами (ср.: Г. Чинков. Гарпаниндя. Сказание с подстрочным переводом Г. Василевич. Л., 1936).

Герой — пеший охотник. Он отправился в путь на восток. Перевалив через хребет, он увидел чум-чорама с выходом через дымовое отверстие.

В нем жил непривычный по виду человек — с черными кудрями и круглыми глазами. Гарпани вступил с ним в поединок. Оба ловили серединками луков пущенные друг в друга стрелы, бились мечами. Герой победил. Он вошел в чум-чорама и там увидел оседланного оленя. Выведя оленя, он с трудом освоил езду на нем. Дальше на восток он едет на олене. Езда на олене ему кажется полетом. Он следует за девицей Конгакчан. В пути он встречает исконного врага эвенков, одетого в железные латы. В поединке убивает его и сжигает. Погоня за девицей продолжается. Догнав ее, он хватает ее за косу и слегка ударяет плоскостью меча. Женившись, он отправляется с женой в свои места. Дома он ставит для жены чум-чорама. У них рождается сын. Подросши, он, как и отец, отправляется в путь. В это время к отцу приходит богатырь пробовать свои силы. Но герой уже состарился и не может одолеть врага. Тогда он вспоминает о сыне и зовет его. Сын слышит и приходит помочь отцу. Он убивает противника, сжигает его и пепел развеивает.

[1] См. сказание 6, прим. 1.
[2] См. сказание 1, прим. 1.
[3] См. сказание 1, прим. 2.
[4] Шапка-мета — шапка из шкурки с головы оленя, лося.
[5] См. сказание 4, прим. 14.
[6] «Торчат копыта» — имеется в виду пара задних маленьких копытец у оленя.
[7] «От роду не видел зверя такого». Пешие охотники, не имевшие связей с оленеводами, удивлялись, впервые увидев верхового оленя. Скорость передвижения верхом на олене для привыкшего ходить пешком казалась скоростью птичьего полета. Поэтому воображение сказителей наделило первых верховых оленей крыльями.
[8] Железный молот на ремне, привязанном к локтевой кости руки, — оружие, неизвестное охотникам и употреблявшееся восточными племенами, с которыми встречались охотники.
[9] «Ударил девушку плоскостью меча». См. сказание 3, прим. 11.
[10] Самым лучшим лакомством у эвенков считался костный мозг, вынутый из длинных костей неостывшей туши оленя или лося.
[11] См. сказание 3, прим. 1.
[12] Зимний выход в чорамовом чуме сказаний был через дымовое отверстие.
[13] См. сказание 1, прим. 11.

13. Гарпас-мата-Гарпануачан

Герой — пеший охотник отправился по горным тундрам искать эвенка-уранкая. В пути он убил домашнего оленя, приняв его за дикого. За это Иронуде вызвал его на поединок. Но, почувствовав слабость, Иронуде просил пощадить его и в награду обещал выдать за Гарпас-мату свою сестру. Тот согласился. На свадебное угощение пригласили эвенков-уранкаев из горной тайги, эвенков — с гольцов, врагов — с низин. Последним удалось увести невесту. Герою, погнавшемуся за ними, после преодоления различных препятствий удается отнять свою жену.

[1] См. сказание 8, прим. 2.
[2] См. сказание 6, прим. 1.
[3] Четверть — мера длины, расстояние между большим и указательным пальцами.
[4] См. сказание 1, прим. 2.
[5] См. сказание 1, прим. 1.
[6] См. сказание 10, прим. 5.
[7] См. сказание 1, прим. 5.

[8] «Коричноголовый человек» — речь идет о коричноголовых уранкаях, живших на Сивир-земле. Это название, по-видимому, является отражением названия больших шивеев в танское время — *хуантоу шивеи*, т. е. «желтоголовые шивеи» (Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 62).

[9] См. сказание 7, прим. 6.

[10] «Онгтор, онгтонин» — запев и припев от звукоподражательного слова *онгты* — «хоркать» (об олене).

[11] См. сказание 1, прим. 9.

[12] Превращение в мальчика-сиротку характерно для сказок амурско-зейских эвенков.

[13] Превращение коня в оленя отражает более позднее явление — переход от коневодства к оленеводству и наоборот, что неоднократно имело место среди амурских групп эвенков.

[14] Лось-чирак — возрастное название лося; четырехлетний лось.

[15] Лось-анам — сезонное (осеннее) название лося.

СКАЗАНИЯ ВЕРХНЕАЛДАНСКО-ЗЕЙСКИХ ЭВЕНКОВ

14. Торганэй

Герой — юноша, сын медведя и женщины. Его воспитывала мать. За ним пришел медведь и увез его в свои места (см. о братьях — медведе и мальчике, детях одной женщины: Г. М. Василевич. Древние охотничьи образы эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1958, стр. 168). Но юноша оказался хитрее и сбежал от медведей. Когда он вернулся, мать уже умерла. Тогда он отправился искать девицу Торганэй. Старуха-помощница дала ему волшебного верхового оленя. Он с помощью оленя преодолел ряд препятствий и доехал до девицы. Девица Торганэй в сказании рисуется как хозяйка тайги, которой подчинены все звери и деревья. У нее есть работница. Желая стать женою парня, работница выдала себя за Торганэй. Когда Торганэй вернулась, она наказала служанку за обман, а парню дала ряд поручений, которые он с трудом выполнил. Последнее из поручений — вымыться в крови своего волшебного оленя. После этого она стала его женой. Сюжет об охотнике, принявшем работницу за девицу, ради которой он преодолел много трудностей, встречается в текстах верхоленских эвенков (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936) и подкаменнотунгусских эвенков (Г. М. Василевич. Ранние представления о мире у эвенков. В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959, стр. 165).

[1] Торганэй — так называются в сказаниях мужчины и женщины (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1, стр. 170). Это имя сопоставляется с названием группы дауров — торгачин, известным по сведениям Идеса (XVII в.). Б. Бранд, спутник Идеса, писал, что язык торгачинов сходен в большей части с тунгусским (B. Brand. Beschreibung der Chinesischen Reise, welche vermittelst ist einer Zaris Gesandschaft durch der Ambassador Herrn Ides Anno 1693—1694 von Moscau über gross Ustiga, Sibirien, Dauren, durch Mongolischer Tartarey verrichtet worden. Hamburg, 1648). Идес сообщал, что аргунские конные тунгусы считали себя родственными с торгачинами (E. Isbrandss Ides. Three Jears Travels from Moscow over land to China. London, 1706, p. 103). Миссионеры XVII в. считали, что торгачины, мергенчены и солоны являются обозначением одного и того же народа (J. H. Plath. Geschichte des Ostlichen Asiens, T. I, Bd. I. Die Völker der Mandschurey. Göttingen, 1830, p. 955). Северные торгачины, родственные даурам, были конными охотниками, южные занимались земледелием. Русские документы XVII в. называют северных торгачинов лелюльскими людьми (В. Огородников. Туземное и русское земледелие на

Амуре в XVII в. Труды Дальневост. унив., сер. III, № 4, 1927, Владивосток). Возможно, этноним *торган* своим происхождением связан с названием монгольского рода *торга + (г)ут → торгут*.

[2] Мотив встречи с советником — стариком или старухой, от которых герой получает волшебного коня (здесь — верхового оленя), нехарактерен для эвенкийских сказаний и, по-видимому, заимствован из монгольских сказаний.

[3] Одежда из коры — пережиток далекого прошлого; упоминается только в фольклоре.

[4] Образ женщины, которой подчинены все звери и деревья, имеется в мифе о трех девушках — девушке-солнце, девушке-луне и серебряной девушке (Г. М. Василевич. Ранние представления о мире у эвенков, стр. 165).

15. Торганэй и Чаникой

Два брата, из которых младший неряха и неудачник, а старший — хороший охотник, живут вместе. Младшему, Чаникою, помогают журавль-девицы, прилетающие с востока. Старший брат, охотник Торганэй, хитростью берет в жены старшую из них — Гелтынгачан. Однажды, вернувшись домой, Торганэй никого не нашел. Он направился на восток. Встретил трехголового орла-предсказателя, который указал ему, как научиться ездить на диком олене. С большим трудом объездив дикого оленя, Торганэй поехал дальше на восток. В пути он преодолел множество препятствий. Журавль-девица Гелтынгачан — жена Торганэя держала сына в тайге. Ухаживала за ним утка-девица Чиркимай. Мать приходила только кормить его. Торганэй подстерег жену, разрубил ее крылья и начал с ней жить. Его сын Хуругочон, став взрослым, уходит на юг за невестой, которую охраняет враг-авахи. Хуругочон, превратившись в муху, остается в доме девицы Секак. (Сказание не закончено).

[1] См. сказание 10, прим. 4.

[2] «Две журавль-девицы прилетали со стороны восхода солнца, они меня причесали и намыли», см. также ниже: «Журавль-девицы сегодня прилетят покормить ребенка». Жительницы долин и равнин оставляли в тайге детей, рожденных ими от охотников, и время от времени приходили их навещать. Чаникой, брат Торганэя, был сыном младшей дочери скотовода из рода Кувульгат.

[3] «Посмотрел на дверной столб — тот уже упал». В сказаниях восточных эвенков герои, уходя в походы, ставят с двух сторон двери столбы — деревянные или железные. По этим столбам оставшиеся узнавали о судьбе героя. Если столб заржавеет или сгниет и упадет, героя считали погибшим. Но если герой отсутствовал много лет, то столбы могли падать и от времени.

[4] Трехголовый орел в этом сказании играет роль волшебника-помощника, дающего герою волшебного верхового оленя. Помощники, как уже отмечалось, характерны для тюрко-монгольского эпоса.

[5] «Насадил кору на пятки», т. е. привязал к ногам куски бересты и при помощи их перешел через реку — древнейший способ перехода через реку.

[6] Марь, марник — долина, покрытая низкорослым березняком, ольшатником или ивняком.

[7] Описание приучения дикого оленя к верховой езде соответствует действительности. Эвенки-орочоны из верхней части бассейнов Алдана и Зеи считают, что олени, рожденные от диких оленей, сильнее и быстрее бегают. Они приучают их к вьюку и упряжке в нарте. Если приучение к езде в караване не представляет затруднений, то приучение к езде передовиком является очень длительным и трудным процессом.

[8] См. сказание 10, прим. 8.

[9] В данном сказании охотник Торганэй наделен сверхъестественной силой; кроме того, он еще шаман, умеющий превращаться.

[10] По представлениям эвенков, некоторые животные после сотворения людей и животных остались у духа — хозяина верхнего мира («бога») в качестве посредников между ним и людьми.

[11] См. сказание 1, прим. 9.

16. Алтанэй

Данное и последующее сказания превратились в сказки. Три брата — пеших охотника и сестра живут вместе. Два брата охотятся, один остается дома с сестрой. Сестра просит братьев принести ей для игры зайца, те приносят. После их ухода она, сунув зайца в ящик, пускает его по течению реки. Ниже по реке живет скотовод Керальто-Гаральто из рода Курэнгой. Он уводит девочку к себе и делает ее своей женой. Братья, узнав об этом, отправились мстить. В пути они встретили старика-предсказателя. Добрались до Керальто-Гаральто, убили его, а сестру привязали к хвосту коня и отпустили. Случаи краж женщин у тунгусов полуоседлым населением Забайкалья и Верхнего Приамурья отмечались в исторических источниках XVII в. Например, мы узнаем из расспросных речей Копылова и Москвитина, что у тунгуса Томкони Лалигир, кочевавшего в верхнем течении Алдана и неоднократно выходившего на Шилку и Амур, «была взята жена ево в полон в ту орду... на Омур-реку и та жена к нему вышла сама друга с тунгускою» (Б. П. Полевой. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан. Труды Томск. краеведч. музея, т. VI, вып. 2, 1963, стр. 30).

[1] См. сказание 4, прим. 12.

[2] Привязывание женщины к хвосту лошади как наказание заимствовано из тюркских сказаний; этот мотив нехарактерен для эвенкийского фольклора.

17. Алтанэй и Тывьенэй

Братья — конные охотники живут вместе с сестрой. Однажды прилетает птица-вестник Моксовул и сообщает девушке, что придет жених Киро. Следом за ней приезжает жених, дает девушке игрушку и уводит к себе. Братья, вернувшись, не находят сестры. Тогда они едут вниз по реке к Киро. По пути встречают стариков-предсказателей и богатырей Мукилту и Курболтуна, которые присоединяются к ним. Киро встречает их, угощает вином и укладывает спать в доме. Ночью Киро поджигает дом. Курболтун, проснувшись, разбивает дом глыбой, а Мукилту гасит пожар водой. Они перебивают много людей Киро. Через год к братьям прилетает птица Моксовул и предупреждает, что скоро Киро придет к ним с войсками. Курболтуну удается убить Киро.

[1] Песенка «Утки, утки к соседям летят» очень древняя и сохраняется как у восточных, так и у западных (с бассейна Енисея) эвенков. Сейчас ее полный текст уже забыт и поют только две строки.

[2] В собственных именах с окончанием на *-н*, как и в ряде предметных слов, конечный звук может сохраняться и опускаться, например: Киряэлту и Киряэлтун, Мукилту и Мукилтун.

18. Курэнгой

Два брата жили с сестрой. Уходя на охоту, они оставляли сестре игрушки. Однажды она написала Курэнгою письмо на шкурке зайца, в котором просила увезти ее. Письмо она спустила в ящике по течению реки. Ящик попал в водоворот и был замечен работницей Курэнгоя. Его вытащили. Прочесть письмо смогла только работница, взятая в плен от охотников. Курэнгой убил свою жену и послал богатырей за девушкой. Братья вернулись, смотрят — сестры нет. Они направились к Курэнгою. Их встретили, напоили вином и собрались убить. Тогда младший превратился

в муху и улетел. Старший, превратившись в бабочку, тоже полетел, но застрял в натянутой вокруг дома сетке. Его вынули, ослепили и убили. Первая жена Курэнгоя была колдуньей. С помощью колдовства она вышла из могилы и, вытащив оттуда же старшего брата, вставила ему глаз лося. Он нашел младшего брата, и оба пошли мстить Курэнгою. По пути встретили и пригласили двух богатырей — Курболтуна, подкидывавшего глыбы камня, и Мукилту, набиравшего в рот воды объемом с целое озеро. Курэнгой встретил их, напоил вином и уложил спать в доме. Ночью дом был подожжен. Но Мукилту, который не пил вина, погасил пожар водой изо рта. Курболтун открыл глыбой замкнутую дверь. Богатыри погнались за Курэнгоем. Догнав, они зарыли живыми в землю Курэнгоя и его жену.

[1] «Я бы написала письмо». О грамотности аргунских тунгусов писал Идес: эта группа тунгусов считала себя родственной с торгачинами и вела с ними переписку (E. Isbrandss I d e s. Three Jears Travels from Moscow over land to China. London, 1706, p. 103).

[2] Работницами обычно были женщины, взятые в плен. У Курэнгоя работницей была женщина из среды охотников.

19. Мокогдыр и Сигундар

Мокогдыр и трое юношей отправились к дочери Сигундара. По пути они переезжали через две реки. Вторая из них описывается как река из мира мертвых. Мокогдыр переехал, товарищи же его не смогли перебраться. Мокогдыр доехал до Сигундара. Там его встретила служанка Тонгколдин и выдала себя за дочь Сигундара. Дочь Сигундара ночью вернулась с охоты, узнала, что Мокогдыр спит со служанкой, побила ее, а ему дала ряд заданий. Дочери Сигундара в сказании частично придаются черты хозяйки тайги, у которой вместо щенков — медведи, вместо домашнего скота — лоси; в ее распоряжении были все кустарники и тальники. Мокогдыр рассказал ей о своих местах, об оленях и доме, и она отправилась с ним. Когда они проходили мимо его сородичей, Мокогдыра и жену пригласили угоститься сэвэном. Она отказалась и, превратясь в птицу, исчезла.

[1] Имена эвенков, оканчивающиеся на *-дыр, -дар*, имеют монгольское происхождение. Эти суффиксы, образуя собственные имена, добавляются к основам эвенкийского происхождения: *Моког* + *дыр* (*Мокогир* — название рода), *Сигун* + *дар* (*Сигун* — «солнце»).

[2] «Багдакэ, багдакэ» — непереводимое слово; по-видимому, ранее было началом запева.

[3] См. сказание 10, прим. 8.

[4] См. сказание 6, прим. 1.

[5] См. сказание 6, прим. 1.

[6] Саламат — тюркское блюдо из жаренной в масле муки. От якутов перешло к восточным эвенкам.

[7] Слово «мата» в данном сказании, как и во всех преданиях, обозначает каждого члена рода, с которым действующее лицо находится в отношениях свойства. Следовательно, слово «мата» можно перевести как «свойственник», «сват», «сватья».

[8] Сэвэн — обряд съедания головы медведя. На этот обряд съезжались члены двух родов, находящихся во взаимнобрачных отношениях. К празднику варили голову медведя и в большом количестве сала жарили мелко изрубленное отварное мясо; это блюдо также называлось сэвэн (см. подробнее: Г. М. В а с и л е в и ч. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. Сб. МАЭ, т. XVII, 1957). Кроме того, слово «сэвэн» обозначает духа — помощника шамана. Производное слово «сэвэнча» переводится как «шаманить» (букв. «находиться в состоянии сэвэн»). Эти три значения

свидетельствуют о том, что первоначально окуривание дымом горящего сала и понималось как обращение к духам.

[9] «Прежде она была божеством». Слово *Тангара* — «божество» заимствовано из якутского. Образ дочери Сигундара в этом сказании вобрал в себя черты древнего образа духа — хозяина земли и всех зверей.

20. Сирбут-Сирбунэй

Жили сестра с братом. Брат постепенно приучался к охоте, принося сестре птиц и зверей. Однажды две гусыни-девицы, дочери Сигундара, унесли его две стрелы, предложив ему догонять их. Сестра в ответ на его жалобу указала, где он сможет найти волшебного (богатырского) коня. Брат ушел, добрался до коня, укротил его и стал его хозяином. Этот конь указал, как найти другого коня — золотого, и предложил ему выбрать одного из них. Но Сирбут захотел быть хозяином двух коней. С двумя конями он отправился на поиски дочерей Сигундара. Золотой конь стал отставать. В пути первый конь помогал и Сирбуту, и золотому коню. Наконец, они добрались до Сигундара-скотовода. Сигундар предложил ему нарядные одежды. Начались приготовления к свадьбе. После угощения дочери Сигундара увели Сирбута на ночлег. Во время сна Сигундар хотел убить его. Сирбут почувствовал и проснулся; он превратился в муху и вылетел в окно. Сигундар опять предложил ему превратиться в человека и помириться. Сирбут согласился. Опять устроили угощение. Но, когда Сирбут напился, Сигундар велел своим богатырям сунуть Сирбута в железную бочку и утопить в реке. Выручил его первый конь: пнул бочку ногою так, что она раскололась. Сирбут вернулся к Сигундару и, превратясь в муху, влетел в покои. Он выкрал свои стрелы и вызвал Сигундара на поединок. Сигундар предложил ему биться с тремя богатырями, затем с девятиголовым змеем. Когда Сирбут снес восемь голов змея, пришел его сын и указал отцу, как надо стрелять, чтобы убить. Так Сирбут убил змея. Отец и сын вернулись к матери — одной из дочерей Сигундара.

[1] См. сказание 15, прим. 6.

[2] См. сказание 10, прим. 6.

[3] «Ты обеих возьмешь в жены». Традиция двоеженства была характерна для скотоводов, с которыми охотники находились во взаимнобрачных отношениях.

ПРЕДАНИЯ

1. Ховоко, Лонгко и Оптокон

В предании говорится о столкновении между родами Момочар и Нюрумняль. Столкновение было вызвано нарушением правил охоты: Ховоко Момочар убил лося, за которым гнался Нюрумняль. У Нюрумнялей умер человек, и они, считая, что смерть вызвана шаманом из рода Момочар, «съевшим» душу умершего, собрались отомстить этому роду. Таким образом, описываемая в предании вражда вызвана двумя причинами. Когда с каждой стороны было убито поровну, произошло примирение. В предание включено описание способа подготовки бойцов-сопингов.

[1] Ховоко был воином-охотником и военным вождем в роде Момочар. В местах, где он кочевал, осталось название хребта Ховоко, расположенного в районе Илимпеи, в 7 км ниже р. Кочочума (Дневник экспедиции А. Л. Чекановского по рекам Нижней Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873—1875 гг. Записки Русск. геогр. общ. по общей географии, т. XX, вып. 1, 1896).

[2] Нюрумняли — люди рода Нюрумня. Название состоит из слова *Нюру* + *-мня* (суффикс, обозначающий принадлежность женщины к роду) + *-л* (суффикс множественного числа). Места кочеваний рода Нюрумня отмечаются сохранившимися топонимами: хребет Нюрумняды (букв. «относящийся к Нюрумне»), расположенный справа от р. Иритки и р. Гарадукана; озеро Нюрумняды — к северу от Нижней Тунгуски; обнажение Нюригды (букв. «нюрижский») на хребте Онгкочо, ниже пос. Наканна (Дневник экспедиции А. Л. Чекановского...). Таким образом, древние места кочеваний этого рода находились в районе Нижней Тунгуски, между реками Кочочума и Онгкочо, и в бассейне р. Илимпеи. Д. Г. Мессершмидт, проехавший в 1723 г. по Нижней Тунгуске, писал, что тунгусы, кочующие южнее этой реки, охотились и севернее, в 3—4 днях от Нижней Тунгуски (D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727, Teil 2. Berlin, 1964). По преданиям сымских эвенков (потомков нижнеангарских тунгусов XVII в.), пешие охотники Нюригды (букв. «нюрижский») жили в землянках (букв. «в нижнем мире»), в местности у оз. Ламу (Байкал), где не было ни берез, ни лиственниц. Они обменивались ножами и женщинами с эвенками другого рода.

Так как эвенки ходили на охоту к северу от Нижней Тунгуски, группы, кочевавшие в этих местах, во время выделения административных волостей (управ) стали называться нюрумняльским административным родом (волостью, управой). Б. О. Долгих, принимая административный род (волость, управу) за племя, считает в своих работах род Нюрумняль племенем.

В данном предании слово «люди» (люди-Нюрумняли) выражено термином *тэгэ*, обозначающим «семья», «род», «племя», «народ».

[3] «Успел убежать — пролез под снегом». В тайге между Енисеем и Леной всегда существует мощный слой рыхлого снега, так как оттепелей почти не бывает. Поэтому во всех преданиях одним из способов ухода от врага является бегство под снегом. При нырянии в снег след терялся и преследуемые таким образом оставались незамеченными. Этот способ спасения эвенки заимствовали от боровой дичи, которая также уходит под снег, прячась от врагов.

[4] Если во всех сказаниях слово «сонинг» равнозначно русскому «богатырь», то в преданиях сонингом (или *сэнэ*, букв. «силач») называют лучшего охотника, который снабжает мясом всю группу, кочевавшую вместе. Чаще всего эта группа состояла из двух больших семей, находившихся во взаимнобрачных отношениях друг с другом. Во время военных столкновений сонинг выходил на поединок с противником или становился главою отряда. Сонинги назывались также *гатакта* и *иничэн*.

[5] Эвенки в прошлом объясняли болезнь человека тем, что шаман враждебного рода начинал есть его душу. Когда шаман съедал душу, заболевший умирал. С таким представлением у эвенков встретился сержант Попов в 1794 г., проезжая по Нижней Тунгуске среди тунгусов той группы, от потомков которой записаны эти предания (Акты архивов Якутской области за 1650—1800 гг., т. I. Составил Е. Д. Стрелов. Якутск, 1916).

[6] Разделку туш диких и домашних животных производили на толстой подстилке из бересты или ветвей, чтобы кровь не попала на землю, так как, по представлениям эвенков, это могло привести к несчастью.

[7] «Пачаки — стрелок-сонинг». Пачаки, охотник-вождь рода Момо, был, по преданию, первым «князем» (т. е. старостой) у группы тунгусов, живущих между Кежмой, Ангарой и Подкаменной Тунгуской. Момо — название рода, широко расселившегося в начале XX в. по бассейну Подкаменной Тунгуски. В преданиях этот род упоминается впервые в то время, когда началась организация административных управ (родов). Род Момо выделился из древнего рода ангарских тунгусов — Кима. К. Рычков записал от сымских эвенков из рода Кима, что Кима и Момо были одним родом. В предании 3 прямо указывается, что род Момо (Момоли) были раньше родом Кима (Кимали). Мы здесь остановились подробно на этом

роде потому, что Б. О. Долгих в своей работе «Родовой и племенной состав народов Сибири» считает, что Момо (множ. число Момоль) и Мамугат — один и тот же род (Мамагат ~ Мамугат, букв. «житель реки Мама ~ Маму», нижнего притока Витима). Основывает он этот вывод на записях П. Малых (Материалы по эвенкийскому фольклору, т. I. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 269) и С. Широкогорова (S. Shirokogoroff. Social organization of the northern tungus. Shanghai, 1929, p. 158), но толкует их неправильно. Б. О. Долгих пишет, что «в преданиях северобайкальских эвенков Мамугиры выступают как род тунгусов на Лене, с которыми борются предки забайкальских тунгусов» (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Л., 1960, стр. 171). Записи же Малых произведены не от северобайкальских тунгусов, а от баргузинских, относящихся к другой группе. У него читаем: «Воевали мы (т. е. баргузинские тунгусы, — *Г. В.*) с Мамугирами». Ссылаясь на Широкогорова, Долгих пишет: «По этим преданиям, Мамугиры жили вместе с Чилчагирами в Иркутской губернии». У Широкогорова же говорится: «По преданиям, баргузинские тунгусы до прихода русских имели столкновения с Мамугирами, жившими севернее их, где-то в Якутском уезде. Столкновения были длительными и тяжелыми и продолжались до тех пор, пока Мамугиры не были вытеснены с территории баргузинских тунгусов... часть Мамугиров жила рядом с Чилчагирами» (там же, стр. 158; Чилчагиры жили в нижней части Витима). Территориальное название «житель Мамы» могло распространиться на витимских Сичогиров (сичугов XVII в.) и Чилчагиров, которые перешли на Нижнюю Тунгуску. Поэтому в 1794 г. сержант Попов указал, что рядом с кюндягирскими тунгусами (якутская огласовка — Кунгдогир) живут и мамагатские (якутская огласовка — Мамагир). Но в 1873 г. А. Л. Чекановский отмечал, что члены рода Мамагир уже вымерли; это вполне могло быть, поскольку на новом месте название Мамагат ~ Мамагир («жители Мамы») было постепенно забыто как территориальное, но сохранялось еще как родовое. Таким образом, название рода Момоль и территориальное название Мамугат не имеют ничего общего.

[8] Таманан, букв. «плата», «он заплатил» — в этом предании обозначает обмен девушками в знак примирения, будущей дружбы и взаимопомощи.

[9] Обучение воина-охотника начиналось в детском возрасте. У западных эвенков в мальчика бросали горячие угольки, камни, наконец пускали стрелу, ставя его на разные расстояния, и он должен был суметь отскочить. Затем он влезал на дерево и учился вовремя спрыгивать оттуда, чтобы увернуться от пущенной в него стрелы. Аналогичный способ воспитания упомянут в преданиях коряков (С. Стебницкий. Фольклор коряков. Рукопись. Архив Инст. этнографии). На востоке эвенков учили ловить серединкой лука пущенную в них стрелу, что также требовало ловкости и умения подскакивать.

[10] У эвенков шаманы и сонинги могли быть чужеродцами. В межродовых столкновениях убивали только мужчин, женщин же и детей не трогали. Если все мужчины были перебиты, их жен и детей победители были обязаны взять в свой род. Иногда родичи захваченных отбивали и возвращали их. Но часто дети вырастали в чужом роде. Эти мальчики могли стать сонингами и шаманами, если они отвечали всем необходимым для этого требованиям, и новый род их признавал. Таким чужеродцем и был шаман у рода Нюрумня.

[11] Во всех преданиях сонинг убивает только врагов, только тех, кому надо отомстить. Никогда он не убивает мужчин, являющихся чужеродцами во враждебном сонингу роде. Иногда эти чужеродцы бывают одного рода с сонингом.

[12] Свойственник — здесь употреблено слово *ибден* (букв. «введенный»). Данное понятие является отражением древнего матрилокального брака.

[13] Бугорки на обечайке бубна назывались «ушами» и «глазами» бубна. С помощью этих бугорков шаман предсказывал будущее.

[14] Перед поединком эвенки «играют стрелами», т. е. обмениваются стрелами.

[15] Об употреблении множественного числа вместо единственного см. сказание 2, прим. 7.

[16] Тиска (эвенк. *тикса*) — покрышка чума, сшитая из трех полос бересты и обшитая берестяной каймой. Обычно остов жилища покрывают 4—5 тисками.

[17] В каждом родовом стойбище прежде всего выделяли сторожей (*этэйэмнил*) — стариков или молодежь, которые должны были следить за приближением врага. Старики устраивали себе шалаш, а молодые сидели на деревьях. О приближении врага они давали знать криками ворона «Ку! Ку!». Предания говорят, что эти сторожа не участвовали в охоте. Этому не соответствует указание А. Ф. Анисимова, согласно которому сторожа «были из наиболее сильных и ловких охотников, отличающихся теми или иными доблестями и имеющих известные заслуги перед родом» (А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков. Л., 1936, стр. 87).

[18] «Вылез через дымовое отверстие». На Подкаменной Тунгуске жили пешие, т. е. береговые, тунгусы, не имевшие оленей. Зимой они жили в чуме-голомо, построенном из плах, составленных конусом и снаружи покрытых дерном или снегом. Особенно тщательно обсыпали снегом нижнюю часть. Насыпь достигала в высоту одного метра и более. Таким образом, входя в дверное отверстие, приходилось внутри чума спрыгивать вниз. Такое жилище сохранялось и в начале советского периода. В древнее время голомо ставилось над ямой, и, по рассказам эвенков, входить в жилище приходилось через дымовое отверстие. Следы таких ям найдены в районе Байкита, недалеко от устья Чуни.

[19] Столкновения между представителями разных родов могли быть вызваны разными причинами. В этом предании Ховоко убил лося, за которым гнались Нюрумняли, т. е. нарушил охотничью традицию. За это Нюрумняли убили человека Ховоко, посланного к ним сватом. Позднее Ховоко за смерть свата убил одного Нюрумню, а те в ответ убили брата Ховоко. Тогда он убил еще одного Нюрумню. Таким образом, с каждой стороны было убито по два человека, после чего и произошло примирение.

[20] Традиция варить тело (или его часть) убитого была характерна для преданий западных эвенков, живущих в бассейне Енисея.

[21] Эвенки объясняли это тем, что такой сонинг был уже старым, всю свою жизнь он охотился и кормил большое количество людей.

2. Оптокон Куркогир и Пачаки Момо

В этом предании столкновение произошло из-за того, что Куркогиры забивали оленей, принадлежавших Кордуялям.

[1] См. предание 1, прим. 4.

3. Олени

В предании рассказывается, что у пеших эвенков Подкаменной Тунгуски олени появились после Пачаки. Первыми оленеводами стали верховские группы эвенков.

[1] Ганальчи — так назывались все эвенки Нижней и Подкаменной Тунгусок, к северу от Ангары. Слово условно переводят как «стрелок», имея в виду основу *ганат* — «стрелять» (из лука). Но слово *ганальчи* состоит из корня *гана-* и суффиксов *-л, -чи*; последний при предметной основе обозначает владение чем-либо, при глагольной (по аналогии с монгольским) — образует имя деятеля. Таким образом, этимология слова остается пока невыясненной.

4. Ховоко

Рассказ о мести Ховоко своей родне.

[1] См. предание 1, прим. 4.
[2] См. предание 3, прим. 1.
[3] Здесь в значении «шаманить» употреблено слово *гулирэн*, что буквально означает «положить кости зверя на помост».
[4] «Попал одному в сухожилие» — стрельба в ноги убегающему противнику характерна для всех преданий эвенков.
[5] «Восемпадцать стрел», букв. «две девятки». Счет девятками (две, три, четыре девятки) был распространен среди эвенков, имевших ранние связи с монголами; счет семерками — среди эвенков, имевших ранние связи с тюркоязычными группами.

5. Ховоко Момочар и Топоко Момо

Описывается столкновение родов Момочар и Момо.

[1] См. предание 1, прим. 4.
[2] Топоко — сонинг рода Момо. О кочевании его в этих местах свидетельствует название возвышенности Ховоко у р. Онгнекон, против современного поселка Кислокан на Нижней Тунгуске.
[3] Перед поединком эвенки обращались к противнику, предлагая тому «приготовиться» — быть готовым отскочить от пущенной в него стрелы.
[4] Обычно эвенки, отходя от могилы, пятились задом на определенное расстояние.
[5] См. предание 1, прим. 20.

6. Лонгко

Предание о столкновении двух родов из-за убийства свата.

[1] Стрелок-гатакта — стрелок, убивающий с первой стрелы и умеющий так отскакивать, что в него не попадали стрелы противника.
[2] См. предание 3, прим. 1.
[3] Род здесь назван словом *тэгэл* (во множ. числе).

7. Ибде

В предании говорится о жизни зятя в семье жены и о его мести родителям жены за плохое отношение к нему. В предании отразились семейные отношения более позднего времени: зять живет и работает в семье жены, чтобы оплатить калым.

[1] См. предание 3, прим. 1.
[2] Ибде — собственное имя, данное по термину *ибдери*, т. е. «зять», букв. «введенный».
[3] См. предание 6, прим. 1.
[4] См. предание 1, прим. 4.
[5] Первый шейный позвонок оленя или лося считался у эвенков плохой пищей.

8. Пачаки

В предании описано начало торговых отношений между русскими и тунгусами в районе Кежмы на Ангаре, а также столкновение ангарских Момолей с нижнетунгусскими Кунгногирами. После столкновения Кунгногиры пожаловались в русский суд на Пачаки Момо. Его наказали. Но так как он был умным и способным человеком, его назначили «князем»

(старостой). Исторические источники зарегистрировали неоднократные столкновения между тунгусами Подкаменной и Нижней Тунгусок, например столкновение Кунгногиров с тэтэрскими (подкаменнотунгусскими) эвенками в 1653 г., нижнетунгусских Мучигиров с ангаро-илимско-ленскими Нялягирами в 1672 г. и др.

[1] У эвенков распространен способ определения времени событий по отношению к какому-либо известному лицу («до» или «после» него).

[2] См. предание 3, прим. 1.

[3] Употребление слова «самостоятельный» в значении «умный» заимствовано из местного русского говора.

[4] Эвенки с бассейна Подкаменной Тунгуски до советского периода не знали нартяной упряжки, а до прихода русских и вообще не знали саней.

[5] Рассказчик ошибочно употребил русское слово «куплю» вместо «убью».

[6] «Нирушка» — так стали называть русские торговцы эвенков и эвенки русских. Слово *нируу* по-эвенкийски значит «друг», *-шка* — русское окончание.

[7] «Лу́ча» — эвенкийское произношение слова «русский». В эвенкийском языке нет слов с начальным *р-* и с окончанием *-ский*.

[8] Кунгногир — эвенкийский род, в XVII в. кочевавший по бассейну Нижней Тунгуски, между реками Кочомо и Эйко. Часть их вышла к западу, в бассейн Верхней и Нижней Чунь и на приток Чуни — Чунку. Часть их попала на среднюю часть Подкаменной Тунгуски, между реками Тайга и Комо, куда они пришли с Чадобца (приток Ангары). А на р. Чадобец их во время столкновения оттеснили Момоли с Пачаки. Столкновение Кунгногиров с тэтэрскими тунгусами (подкаменнотунгусские Момоли) отмечено в 1653 г. (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 175). Все Кунгногиры (Кунгдогиры ~ Конгногиры ~ Конгдогиры) были членами одного рода, а не различных, как предполагает Долгих (там же, стр. 165—166).

[9] Эвенки с XVII в. стали выплачивать ясак, который в XVIII в. был заменен ежегодным денежным взносом с каждого охотника.

[10] Эвенкийское представление о наказании железными прутьями, вероятно, основано на одном случае в 1685 г., когда ангарских тунгусов Рыбинской и Чадобской волостей (в которые, вероятно, входили Момоли с Пачаки) наказали за неуплату ясака за 1684—1685 гг. (причиной чего явилось исчезновение зверя из-за хищнической охоты пришельцев). «И мы, холопи ваши, — сообщали в донесении енисейские служилые люди, — тех ясачных людей всех двухсот человек велели поставить на правеж и били на правеже день» (цит. по: Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 12).

9. Пачаки Момо

Во времена организации первых волостей, т. е. во времена Пачаки, в низовьях р. Чуни жили два рода — Момоли и Куркогиры. Они находились во взаимнобрачных отношениях и выступали вместе против Чемдалей, живущих в верховьях реки. У последних были ружья, а у первых — только луки. Момоли с Куркогирами мстили Чемдалям за убийство брата Пачаки. Чемдали подали в русский суд на Ангаре жалобу на Куркогиров с Момолями. Момолей осудили и наказали. Потом Пачаки был назначен «князем» (т. е. старостой). Так эвенки представляли себе назначение русскими властями «князя». Они считали его представителем русских властей и никогда не путали административный «род» (т. е. управу, волость), который они называли русским словом «орда», с кровным родом.

[1] См. предание 3, прим. 1.

[2] См. предание 1, прим. 4.

[3] Чемдали (ед. ч. Чемда) — эвенкийский род, расселенный в XVII в. по Ангаре, в районе Кежмы, и севернее. В настоящее время потомки его живут в верхней половине бассейна Подкаменной Тунгуски.

10. Пачаки Момо

Хотя этот текст является рассказом, а не преданием, он относится к тому же времени, что и предыдущий. Представляет интерес отклик, который получил в этом рассказе случай неурожая хлебов на Ангаре. Это в свою очередь говорит о том, что эвенки быстро привыкли к русскому хлебу. Кроме того, здесь интересен способ приобретения оленей пешими охотниками — в виде приданого жены. К этому же времени относятся факты, рассказанные Калтаном Баликаном М. Ошарову, который на их основании написал книгу «Большой аргит» (Красноярск, 1935).

[1] «Русская казна» — так эвенки называли русскую власть и казенные запасные магазины.
[2] «Второй холод» — так эвенки называли вторую половину зимы.
[3] «Вот я стал взрослым». Здесь употреблено слово *бэйэ* — «человек», «тело», «сам».

11. Момоли и Чемдали

В предании описана процедура сватовства между членами родов Момоль и Чемдаль. Чемдали отказались принять сватов, что привело к столкновению. Чемдали подали в русский суд жалобу на Момолей. Подробно описано наказание, после которого оба рода примирились.

[1] Сваты, подходя к стойбищу, пускали маленькую стрелу — сэлэ, которая обозначала, что идут люди с мирными целями, и кричали «Сэлэ!» — традиционное слово, возвещающее о приходе сватов.
[2] «Химилгон» — традиционное слово, обозначающее отказ сватам.
[3] «Кровь свою лакают!» — ругательство.
[4] «Кости растеряешь!» — образное выражение, обращенное к старику.

12. Чемдали и Хорболи

Смерть одного из Хорболей стала причиной столкновения двух родов. Чемдали обещали отдать за умершего свою девушку. Но беременность этой девушки позже стала причиной нежелания отдавать ее в чужой род. В предании описываются боевое одеяние Чемдалей, приготовление к бою, бой и смерть брата Пачаки — Лопгко.

[1] «Этот, однако, не простит». Считалось, что неожиданная смерть человека была вызвана духами шамана враждебного рода. Сородичи умершего мстили роду шамана.
[2] Девицу, забеременевшую до брака, род не выдавал замуж в другой род, пока она не разрешалась от бремени. После этого она могла выйти замуж в другой род, оставив ребенка в своем роде, но ее могли и не отдать.
[3] «Си-ри-да! Да-ли-да!» — клич, не переводимый на современного языка, служащий как бы объявлением о начале военного нападения.
[4] См. предание 1, прим. 4.
[5] Здесь слово «люди» обозначено термином *тэгэ* — «семья», «род», «племя», «народ».

13. Момоли, Куркогиры и Нюрумняли

В предании Нюрумняли отказались выдать девушку объединению Момолей и Куркогиров. Это привело к столкновению. С целью примирения Нюрумняли отдали этим двум родам двух женщин. После этого все три рода объединились и начали кочевать вместе.

[1] См. предание 3, прим. 1.
[2] Тура — центр Эвенкийского национального округа.
[3] По преданиям и историческим источникам XVII в., эвенкийские роды (и части их) объединялись чаще всего по два. Иногда объединялись и три рода, как в данном предании. Это были роды, бравшие взаимно женщин в жены. Объединения не были постоянными и при любом случае быстро распадались. Но и столкновения довольно быстро прекращались, если побежденные в знак примирения отдавали женщин в жены победителям. После этого роды обычно объединялись и кочевали вместе до следующего столкновения.

14. Кордо

Описывается отпочкование частей рода, характерное для преданий всех групп эвенков. По традиции, это объясняется тем, что братья не сумели поделить перья птиц для оперения древков стрел, поссорились и разошлись. Разойдясь по новым местам, они дали начало новым родам.

[1] См. предание 1, прим. 4.

15. Куркогиры и Нюшкагиры

У Нюшкагиров сонингом был человек из рода Куркогир. По ошибке он изогнул металлическую подвеску на костюме шамана. Это послужило причиной ссоры и столкновения Куркогиров с Нюшкагирами. В столкновении участвовали все мужчины, включая и шамана. Два лагеря остановились друг против друга и развели костры. Затем начали пускать друг в друга маленькие стрелы, сообщая о предстоящем бое. Куркогиры разбили Нюшкагиров (ср. предание сымских эвенков о столкновении двух родов, в котором участвовали шаманы: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 90).

[1] Куривон — синоним слова «сонинг».

16. Сергунго Кордуяль

Действие происходит после введения ясачных сборов. Мужчины рода Кордуяль повезли ясак на Ангару, в Кежму. Для охраны женщин и детей остался старый сонинг Сергунго. На оставшихся напала группа враждебного рода. Враги убили сонинга и увели женщин и детей, оставив для обратной мести старуху с мальчиком. Мужчины, ходившие с ясаком, вернулись. Не найдя жен и детей, они пошли мстить. Отбили женщин и детей и вернули их обратно.

[1] См. предание 1, прим. 4.
[2] См. предание 3, прим. 1.
[3] На Подкаменной Тунгуске не было таких ясачных изб, какие были на Нижней Тунгуске (Мангазейский уезд). Здесь сами эвенки должны были привозить ясак на Ангару — в поселки Богучаны, Чадобец или Кежму.
[4] С ясаком ушло восемь мужчин, а для охраны женщин и детей остался один мужчина. Это говорит о том, что группы эвенков одного рода,

живпшие вместе, были небольшими. Члены одного и того же рода могли жить такими группами в разных местах. Такую же картину дают исторические источники. Так, в «Книге приходной ясашной мягкой рухляди» Енисейского острога за 7130 (т. е. 1621—1622) г. перечисляется количество соболей, сданных «князьями», т. е. главами групп ангарских тунгусов. По количеству сданных ими соболей можно судить о численности мужчин в группе (роде) — 3—5 человек (Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 274).

[5] Столкновения между разными группами эвенков происходили и после введения ясачных сборов. Боясь нападения враждебной группы, мужчины, уходя сдавать ясак, оставляли сонинга, хотя бы и старого, который в случае нападения мог бы защитить женщин и детей.

[6] «Сумучокор! Сумучокор!» — один из военных кличей.

[7] См. сказание 4, прим. 12.

[8] Мотив оставления врагами в живых старого человека и мальчика, который мог бы в будущем отомстить за смерть своих сородичей, встречается в разных преданиях эвенков.

[9] Уведенные женщины обычно помогали своим мужчинам, которые приходили их выручать. Они потихоньку указывали, где были враги, подрезали тетивы их луков, иногда они действовали пальмбй или топором, как в данном предании.

17. Гильбовуль

В предании рассказывается о столкновении двух родов.

[1] См. предание 1, прим. 4.

[2] Сторожами могли быть и девочки. См. предание 1, прим. 17.

[3] В каждом роде (позже территориальной группе) был мастер по изготовлению луков, который делал луки для всех мужчин. Жил он всегда отдельно. Мясо для еды ему доставляли охотники-заказчики.

[4] См. предание 1, прим. 18.

[5] Караваны эвенков, встретившись в тайге, день-другой стояли вместе на одном стойбище и по вечерам обычно устраивали хороводы — *йэхэрйэ*. Приведенный здесь оборот означает, что радость встречи была омрачена слезами по убитому.

[6] Сожжение тела врага на костре — традиция, характерная для восточных эвенков. Восточная традиция в преданиях западных эвенков указывает на то, что в их составе имелись и восточные эвенки.

18. Бакадя Момо

Предание об одном члене рода Момо — шамане по имени Бакадя (букв. «найденыш»). Однажды Бакадя и другой шаман поспорили о том, чьи духи-помощники сильнее, и устроили их состязание. Оба в полном облачении сели на лед реки и сидели до тех пор, пока второй шаман не замерз. Бакадя же просидел еще два дня. Потом он предложил своей жене уйти из этих мест. Они должны были отправиться в путь без металлических предметов. Жена нечаянно забыла вынуть из пояса металлический игольник. Тогда Бакадя потерял ее в пути, а сам стал невидимкой-мэлкэном.

[1] Мэлкэн — невидимка. У эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок мэлкэном назывался дух души покойного — невидимка, лишь иногда появляющийся в виде огонька или головешки или в виде множества огоньков — миража. В маньчжурском языке слово *мэлкэнь* означает «марево», «призрак» (И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875, стр. 882). В значении «огонек» это слово может быть сопоставлено с чукотским *милгын* — «огонь».

[2] По представлениям эвенков, вдовец приносил несчастье.

[3] Шаманские кафтаны — плащи имели сзади «хвост» — в виде острого мыса на подоле (или спускающейся со спины узкой полосы) с колокольчиком на конце (Г. М. Василевич. Тунгусский кафтан. Сб. МАЭ, т. XVIII, 1958).

[4] Согласно традиции, при захоронении шамана нельзя было класть в гроб металлические подвески. Их вместе с шаманским костюмом вешали около захоронения. Полет «на край земли» обозначает переход души шамана в мир мертвых.

19. Утышка

Два рода матак, находящиеся во взаимнобрачных отношениях, жили вместе. В одном из этих родов решили убить главу другого рода, чтобы захватить вьючные сумки и оленей. Разговор об этом происходил на якутском языке. Парень, бывший при разговоре, все понял и сообщил своим.

[1] Матак — род свойственников.

[2] «Человек из этого рода». Здесь в значении «человек» употреблено слово *тэгэ* — «семья», «род», «племя», «народ».

[3] Слово «люди» здесь также выражено термином *тэгэ*.

[4] См. предание 6, прим. 1.

[5] У неиских и верхнеленских эвенков широкая лыжа *келчи* служила охотничьей нартой, на которой перевозили необходимые охотнику вещи. Вероятно, такая же *келчи* была и у ангарских групп, перешедших на Подкаменную Тунгуску.

[6] «Хавун» — традиционное слово, которое говорят кому-либо перед тем, как его убить.

20. Деерок

История про шаманку, которая шаманила, будучи беременной. Во время камлания она передала свой плод мужу, а затем снова возвратила его себе. От этого она во время родов сошла с ума. Сошли с ума и двое ее детей. Сумасшествие шаманки и ее потомства эвенки объясняли тем, что ее испортили духи-помощники.

[1] См. предание 3, прим. 1.

[2] См. сказание 19, прим. 8.

[3] Словом *мэлкэн* называли и шаманов, которые могли становиться невидимыми.

[4] Нгеви — мир нерожденных душ.

21. Юргины

Предание о столкновении ангарских эвенков из рода Чемдаль с нижнетунгусскими из рода Ошкир. Ошкиры шли с Нижней Тунгуски на Подкаменную через реку Ерому. Юргины — глава рода Чемдаль не захотел отдать Ошкирам в жены девицу, потому что те убили его сородича. Это дало толчок к столкновению. Юргины был убит, но брата его, Лопкончо, убить не смогли, потому что он был в броне. Лопкончо хотел мстить Ошкирам, но встретил в тайге двух женщин, отправленных Ошкирами в уплату за убитого. На одной из них женился Лопкончо, на другой — его сват. Тогда Чемдали и Ошкиры помирились. Сержант Попов в 1794 г. записал у эвенков из района, где жили Ошкиры, данные о количестве женщин, которое побежденный род должен был выдавать победителям за убитых и раненых мужчин (Акты архивов Якутской области, т. I. 1650—1800. Якутск, 1916, стр. 294).

[1] См. предание 3, прим. 1.

[2] См. предание 1, прим. 4.

[3] Ерома — левый приток Нижней Тунгуски.

[4] Этот обычай свидетельствует о восточном происхождении Ошикиров.
[5] См. сказание 4, прим. 12.
[6] Древним способом захоронения у эвенков было помещение трупа в вертикальном положении в дупло. Такого типа захоронение было найдено Вилюйским отрядом геологической экспедиции в верховьях Вилюя в 1925 г. Позже гроб из дупла дерева стали плашмя укладывать на столбы или на подрубленные стволы деревьев.

22. Юргины

Предание о мести Юргины за убийство отправленного им свата. Мстя, он должен был убить одного человека. Он дважды прибег к хитрости. Во-первых, он уговорил свою дочь, чтобы та взяла в мужья одного парня из рода, которому он должен был отомстить. Когда парень в качестве мужа поселился в чуме Юргины, последний придумал вторую хитрость, чтобы его убить.

[1] См. предание 1, прим. 4.
[2] См. предание 1, прим. 12.
[3] Убийство с помощью обмана нехарактерно для эвенков. Этот мотив, по-видимому, заимствован от якутов.
[4] Искать вшей в волосах друг друга у эвенков было своего рода лаской. В отдельных случаях этим пользовались, чтобы неожиданно уколоть ножом в затылок и убить.

23. Нурговуль и чангиты

Тема о Нурговуле распространена в средней части бассейна Нижней Тунгуски и севернее, в озерном районе. Она попала и в оленекский хосунный эпос. В предании чангиты ночью напали на семью Нурговуля и убили его сыновей. Родичи Нурговуля начали мстить за убитых. Нурговуль же ушел один в тайгу. Чангиты его увидели, хотели убить, но он сбежал. Они погнались за ним и нашли его уже мертвым.

[1] По рассказам тетейских эвенков, Нурговуль из рода Монгол кочевал по бассейну р. Илимпеи и в верховьях р. Тетеи; в верховьях Илимпеи, как указывали, находится его могила. Жил он, по преданию, во время организации административных волостей. Возможно, это имя совпадает с именем Нурговуля из списков ессейских тунгусов (1768 г.) (Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952, стр. 22).
[2] Чангиты — так названы в этом предании враги. Предания, в которых говорится о чангитах, распространены у эвенков, живущих от западной границы на восток до линии Алдан—Зея. Чангит (эвенк. *чан* + *гит*), по-видимому, название какого-то очень древнего племени *чан*, которое постоянно нападало на эвенков; поэтому слово стало синонимом врага (см. подробнее о чангитах: Г. М. Василевич. Фольклорные материалы и родоплеменной состав тунгусов. Труды Второго всесоюзн. геогр. съезда, т. 3, 1949).
[3] Существовало правило — не убивать спящего без предупреждения.
[4] См. предание 1, прим. 20.
[5] См. предание 1, прим. 21.

24. Олувуль и Нурговуль

По рассказам ербогоченских эвенков, Олувуль и Нурговуль были сонингами у эвенков с р. Илимпеи. Жили они во время организации административных управ, т. е. во время первых пятилеток. Оба сонинга были ис-

кусными стрелками и не могли друг друга убить. Олувуль перебил много эвенков. Поэтому эвенки искали его. Однажды Олувуль пришел в чум к обиженным им людям. За ним погнались и окружили. Тогда он сказал, что состарился и пришел к ним, чтобы его убили. С его же помощью им удалось его убить. Жена Олувуля отдала им стрелы мужа и некоторое время кочевала с ними. С тех пор тундра на истоках р. Лимты стала называться его именем.

[1] См. предание 1, прим. 4.

[2] «Стреляя друг в друга, они ловили стрелы» — эта традиция, характерная для амурско-забайкальских эвенков, говорит о восточном происхождении как Олувуля, так и Нурговуля. Род Нурговуля Монгол имеет амурское происхождение. Группы этого рода вышли на запад от Лены задолго до прихода русских в Сибирь. В XVII в. семьи этого рода зарегистрированы в районе оз. Ессей и на среднем течении Ангары. Потомки рода Монгол на Нижней Тунгуске разделились на три группы, дав начало родам Монгол, Пангаракай (или Павгиракай) и Голе; они расселились по Катангскому району и Эвенкийскому национальному округу (см. подробнее: Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1962).

[3] Шуленги — так эвенки данной группы называли «князей», т. е. старост.

[4] По преданиям, сонинги на старости лет часто приходили к тем, кого они преследовали при жизни, и просили тех убить их и взять их стрелы. Возможно, эти предания и дали повод некоторым авторам (К. Рычков, С. Широкогоров) писать, что эвенки оставляли стариков умирать в тайге. Обычай убивать стариков по их просьбе характерен для чукчей и коряков.

25. Урон

Предание илимпейских эвенков, попавшее в оленекский якутский эпос.

Сонинг Урон убил у одного старика сына, а невестку увел. Старик успел спрятать внука. Он воспитал из внука ловкого стрелка и послал его вернуть свою мать. Внук, переодетый в старье, вооруженный плохим луком, пришел к Урону. Там он играл с сыновьями Урона, состязаясь с ними в стрельбе из лука. В чуме во время еды он бросил нож в Урона и выскочил из чума. Урон погнался за ним. Но парень убил Урона и увел домой свою мать. Однажды он встретил медведя и пошел на него с пальмóй. Ему удалось его убить, но и сам он был основательно ранен. Дома дед вылечил его (ср.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 91, 246—248).

[1] См. предание 3, прим. 1. Ганальчами назывались не только эвенки с бассейна Подкаменной и Нижней Тунгусок, но и группы, кочевавшие по бассейну Котуя и верховьям Оленека.

[2] См. предание 1, прим. 4.

[3] Урон — это имя можно сопоставить с именем оленекского тунгуса XVII в. — Урия Эдяна, в детстве захваченного эвенками из рода Ванадыр (Дополнения к актам историческим, т. X, стр. 345).

[4] «Я их не боюсь» — так говорить о звере, на которого охотишься, у эвенков запрещалось. Поэтому парню не удалось сразу убить медведя.

26. Урон и Унгковуль

Урон был большим мастером увертываться от пущенных в него стрел. Он собрался, наконец, посостязаться с Унгковулем. Унгковуль был уже стар и удивился, почему тот не пришел, когда он был молодым. Урону не удалось стрелой убить Унгковуля. Но во время его погони за Унгковулем волосы последнего запутались в ветвях, и тогда Урон убил его. За

смерть Унгковуля начали мстить родичи. Они пытались убить душу Урона, местопребывание которой указал шаман, но неудачно. Они погнались за Уроном и убили его. Отомстив Урону, они предложили сыну Урона, когда тот подрастет, найти их по оставленным на деревьях меткам для обратной мести. Дед вырастил внука, по силе и ловкости равного Урону. Родовой кузнец выковал ему стрелы, и он отправился мстить. Ему удалось отбить луком все стрелы врагов и перебить их, оставив в живых лишь одного. Он увел мать, но позже сам погиб от медведя.

Столкновения тундровых оленных эвенков — выходцев из Забайкалья и Приамурья с таежными охотниками получили отражение в нганасанском фольклоре (Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. Сибирский этнографический сборник, т. I, М.—Л., 1952).

Сюжет всех преданий об Унгковуле, Уроне и Нурговуле один и тот же: один богатырь убивает богатыря другого рода и уводит его жену; дед спасает внука, воспитывает его как мстителя; выросший внук отправляется мстить за смерть отца, убивает врага и уводит мать. В основе своей этот сюжет характерен для героических сказок народов тюркоязычного мира. Вероятно, он привнесен оленными эвенками из Забайкалья и верхнего Приамурья, где предки тунгусов могли иметь связи с ранними тюркоязычными группами.

[1] См. предание 1, прим. 4.

[2] Унгковуль (в олонхо оленекских якутов — Юнгкеебиль) — имя сонинга оленекских эвенков. О пребывании его в бассейне Оленека свидетельствует название одной из протоков Оленека — Юнгкеебиль (в якутской огласовке).

[3] «Мы бы поиграли». Термин «играть» (*эви-*) во всех сказаниях обозначает состязание друг с другом в стрельбе из луков, в кулачном бою и т. д.

[4] «Унгковуль не успел схватить стрелу, но увернулся». Соединение двух традиций — восточной и западной — говорит о смешении групп восточных пришельцев с западными, аборигенными.

[5] По представлениям эвенков, душа человека могла переселяться в любой предмет. Слово *маин*, синоним слова *бмӣ* («душа»), также забайкальско-амурского происхождения. В забайкальско-амурских говорах, по материалам С. Широкогорова, душа и охотничья удача называются одним словом — *магин* ~ *магун*.

[6] Согласно традиции, нельзя было убивать стариков с открытыми глазами.

[7] См. предание 1, прим. 21.

[8] По существующей традиции, убившие предлагали отомстить им в будущем мальчику, который подрастет, для чего они делали на своем пути отметки на деревьях.

[9] Родовой специалист — кузнец всегда жил между стойбищами рода.

[10] «Поставил лук у дверки». Луки никогда не вносили в чум, чтобы тетивы не нагревались. Оставление луков снаружи часто использовалось подошедшими врагами, которые подрезали на них тетивы.

[11] См. сказание 10, прим. 6.

[12] Эвенки к западу от Лены привязывают до сих пор ножны к бедру. Ношение ножа на бедре унаследовано от энеолитического населения Приангарья и Прибайкалья. Кроме эвенков, оно характерно для кетов, а также встречается у некоторых энцев и нганасанов.

[13] «На кого-то похожую». Существовало правило не называть медведя во время охоты.

27. Ганальчи

В предании говорится о нападении одной группы эвенков на другую. Женщины, спрятав мужей, чтобы их не убили, незаметно продырявливают лодки врагов и те тонут.

28. Захребетные жители

Фрагмент рассказа об аборигенах, живших в енисейской тайге до прихода тунгусоязычных групп. Они отличались от тунгусов тем, что ели сырую рыбу, мясо собак и снимали чулком шкуру с диких оленей. Эта тема встречается в фольклоре долганов и вошла в фольклор оленекских якутов (оякучсиных тунгусов).

[1] Мелеле — название мелкого тундрового дикого оленя. Слово не тунгусского происхождения. В чукотском и корякском языках В. Иохельсон записал слово *мелле* — дикий тундровый олень (W. Jochelson. The Yukagirs. New York, 1926, pp. 362—363).

29. Огинкогиры и Мокогиры

Два рода эвенков из аянской (Мокогир) и чумиканской (Огинкогир) групп, бывшие во взаимнобрачных отношениях, пришли к столкновению из-за отказа одного из них отдать ранее сговоренную женщину. Огинкогиры перебили всех мужчин Мокогиров.

Рассказ о столкновении Огинкогиров с Мокогирами бытует и среди негидальцев (К. Мыльникова и В. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. Тунгусский сборник, Л., 1930, стр. 201—207). Столкновение между аянскими и амгунскими эвенками зарегистрировано в 1794 г.

[1] Огинкогиры (эвенк. *Хэгинкэгир* > *Эгинкэгир*) — род амгунских эвенков, зарегистрированный на одной и той же территории в течение XVII—XX вв. Представители этого рода, войдя в состав негидальцев, дали начало негидальскому роду с этим же названием.

[2] Мокогиры ~ Макагиры (эвенк. *Мэкэгир*) — род аянской группы эвенков, зарегистрированный на одной и той же территории в XVII—XX вв. Этот же род в XVII в. был записан как Макагский (Дополнения к актам историческим, т. XI, стр. 204). П. Шимкевич отметил этот род в Приамурье, где кочевали манегры. С. Широкогоров встретил представителей этого рода также в Приамурье, среди бирарченов, где они кочевали вместе с родом Манягир. Ему сообщили, что старинный род Макагир ~ Мокогир жил на Зее (эвенк. *Д'ейа* ~ *Д'ийа* ~ *Д'ейу*), поэтому его называли также еще *д'ейчер* ~ *д'ейучер* — «жители Зеи». Выйдя к югу от Амура, род Макагир ~ Мокогир размножился и разделился на Макагир и Мокогир.

[3] См. предание 1, прим. 4.

[4] «Один был сиротой, сыном старухи». В роде Огинкогир сонинг был родом из рода Мокогир, поскольку он был рожден от беременной женщины, взятой в плен Огинкогирами; поэтому его называли сиротой.

[5] Существовало правило во время столкновений убивать мужчин только из того рода, против которого выступали. Мужчин другого рода, выросших или родившихся в этом роде, не трогали.

30. Побоище

В предании говорится о столкновении двух родов нижнетунгусских эвенков. Интересно отметить, что в данном предании впервые описываются переход на ходулях, прятание под колодой для подстерегания врагов.

[1] См. сказание 10, прим. 8.

[2] Удивление и возражение старшего брата вызывает то, что младший брат, вместо того чтобы увертываться от стрелы противника, ловит ее сухим лиственничным суком, т. е. действует по восточному способу, нехарактерному для западных эвенков.

31. Чангиты

В предании рассказывается о нападении ангарских эвенков на непских и об уводе ими женщин. Впервые в этом предании эвенк, чтобы обмануть противника, прыгает в воду с берестяными покрышками; покрышки плывут по течению, а эвенк, нырнув, всплывает совсем в другом месте, против течения. Противник принимает покрышки за преследуемого и стреляет по ним. Предание дает возможность судить о порядке движения в кочевке: сначала идут шаманы, за ними главари, а затем уже следуют все остальные.

О столкновениях непских тунгусов с ангарскими документы XVII в. упоминают не раз. Вариант этой темы использован А. Салаткиным для написания поэмы «Гегдаллукэн, Улгэриккэн» в стихах (перевод с сохранением ритма стиха опубликован, см.: журн. «Звезда», 1939, № 4). Столкновение это имело место, по-видимому, в конце XVIII в. О нем токминские эвенки хорошо помнили в 1925 г. А одна старуха показывала нам меч, якобы сохранившийся со времени столкновения.

Название рода Хунгниканн, которое указал Коненкин, рассказавший нам предание, было в XVII—XVIII вв. хозяйственным названием всех эвенков верхней половины бассейна Нижней Тунгуски и в переводе значило «собачьи». Это название группы эвенков существовало еще в XVIII в. Д. Г. Мессершмидт, проезжая по Нижней Тунгуске, записал в этом районе название группы эвенков *хундышал* («собачьи»), а в низовье этой реки — *оротонг* («оленные»).

[1] См. предание 23, прим. 2.

[2] Эвенки, живущие между Енисеем и Леной, обматывали ремешком волосы от макушки головы до конца косы; коса при этом стояла в виде дуги.

[3] См. сказание 10, прим. 6.

32. Женщина и чангит

Рассказ о том, как одна женщина убила подкравшегося врага. Подойдя к стойбищу, враг залег между кочками. Одна женщина заметила его и, вернувшись домой, предложила другой спрятать детей. Но та не послушала. Первая женщина спрятала своих детей, сама же с топором присела под покрышкой в чуме. Враг, придя, убил соседку. Когда же он вошел в чум первой женщины, та зарубила его топором. В основе этого предания лежит действительный случай, о котором рассказывали в разных местах на притоках Подкаменной и Нижней Тунгусок.

[1] См. предание 23, прим. 2.

[2] «Чангит прижал голову к земле». Обычай прятаться между кочками, чтобы незаметно напасть ночью, упоминается в фольклоре коряков (С. Стебницкий. Фолькор коряков. Рукопись. Архив Инст. этнографии).

[3] «Хуланганк ~ хулаганк» — древнее слово, не переводимое из современного языка. Употребляется для выражения досады, возмущения, гнева.

33. Женщина

Другой вариант предания 32.

[1] См. сказание 10, прим. 8. Забираться в пустоту колодины — один из способов спрятаться от врагов.

[2] См. предание 23, прим. 2.
[3] См. предание 32, прим. 3.
[4] См. сказание 1, прим. 11.

34. Эвенки и чангит

Это предание находится на стадии превращения в сказку.

Эвенки в прошлом строили свайные жилища, где жили семьи в то время, когда мужчины охотились. В предании один эвенк в погоне за зверем бросил свои рукавицы и шапку. Враг, подобрав эти вещи, приходит к свайному жилищу охотника. Бросив наверх рукавицы и шапку, которые сшила для мужа жена, он заставляет последнюю сбросить ему бревно-лесенку. Тогда он уводит ее с детьми к себе. Вернувшийся охотник, не найдя семьи, обращается за помощью к шаману. Тот указывает ему способ, при помощи которого он может вернуть жену. Охотник так и поступает.

[1] См. сказание 1, прим. 12.
[2] См. предание 23, прим. 2.
[3] «Борболе, борболе!» — припев-запев, характерный для преданий токминских, верхнеленских и северобайкальских эвенков (ср.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 187).

35. Киндыгир и чангиты

Эвенки из рода Киндыгир воевали с витимско-мамскими (Мамагатами или Мамугирами; см.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 269—270). В данном предании рассказывается об одном столкновении между ними.

[1] См. предание 23, прим. 2.
[2] См. предание 17, прим. 2.
[3] Мотив переодевания девушки в одежду брата имеется только в преданиях эвенков с Верхней Ангары и левых притоков Витима. Этот мотив заимствован из бурятского фольклора.
[4] «Заплакали по девушке». Женщин и детей во время столкновения не убивали. Потому, когда эвенки сняли платье с убитой девушки и увидели, что это не мужчина, они заплакали.

36. Бэрко и чангиты

Бэрко из рода Буллэт был женат на эвенкийке из рода Нгангагир. Две семьи свойственников летом кочевали вместе, на зиму разъезжались. В предании описывается встреча Бэрко с незнакомыми семьями Нгангагиров. Семья Бэрко бежит от них. Сам же Бэрко для отвода глаз пришельцев остается. Чтобы Нгангагиры не думали, что все ушли, был оставлен наполовину покрытый чум, за которым привязали верхового оленя для Бэрко. Нгангагиры хотели его убить, но он вырвался. Они откочевали на лыжах, в караване их были только вьючные олени. Бэрко удалось перебить всех Нгангагиров. Незамеченной осталась только одна девушка, которая убежала и сообщила сородичам о случившемся. Родные Нгангагиров, узнав, отправились мстить Бэрко. Во время этого второго столкновения были убиты люди с каждой стороны.

[1] Буллэт (множ. число от Буллэ) — название рода, потомки которого расселились по бассейну Олекмы и в верхней части бассейна Алдана. Остальные семьи жили восточнее, в бассейне Зеи.
[2] Нгангагир — название многочисленного и широко расселенного рода. В XVII в. члены этого рода расселились по бассейну Вилюя и другим левым притокам Лены выше Вилюя. В XVIII в. они перешли в бассейн Олекмы и на правые притоки Витима.

[3] Обычно на лето семьи из родов, взаимно бравших девиц в жены, объединялись, а осенью разъезжались.

[4] Вместо слова «жена» употреблено «член семьи», «семья». Муж никогда не называл свою жену по имени или обычным словом «жена». Вместо этого употреблялись другие слова: *пулгӣв* — «кочевка, ведущая караван», *гиркӣв* — «товарищ», *д'ӯган* — «семья» и др.; жена также не называла по имени мужа, употребляя для этого термины «человек», «мужчина».

[5] См. предание 23, прим. 2.

[6] «Вы покройте половину чума». Это было своего рода обманом врага. Чум, покрытый наполовину, создавал впечатление, что жители его не ушли. В действительности же семья откочевывала, а подальше от чума обычно стоял верховой олень, готовый увезти последним хозяина.

[7] См. сказание 10, прим. 6.

[8] См. предание 1, прим. 4.

[9] «Чангиты идут на лыжах». Речь идет о тех пеших охотниках, которые употребляли оленей только под вьюк, сами же переходили пешком во время кочевок.

[10] «Ложись под застругу», букв. «лезь на дно» — способ прятания в горных местах, где снегу наметает столько, что под застругами остаются глубокие впадины.

[11] Повествователь, рассказывая предание, мог передавать рассказ от первого лица — от лица своего героя, а затем снова переходить на обычное повествование (в 3-м лице).

[12] См. сказание 4, прим. 12.

[13] По представлениям эвенков в прошлом, духи — помощники враждебных шаманов (медведи, волки) могли помогать врагам найти преследуемых.

[14] Оговорка рассказчика: снаружи эвенки держали только луки, ружья же всегда находились в чуме.

37. Человек и чангит

Данное предание также находится в процессе превращения в сказку.

[1] См. предание 23, прим. 2.

[2] См. сказание 10, прим. 8.

38. Манги-чангит

Это предание распространено среди эвенков Подкаменной Тунгуски, от которых оно попало на Витим и Олекму. Описывается случай неудачного нападения группы из рода Хуладал на семью эвенков. Последние, заметив врагов, сделали вид, что не видели их, и продолжали свою обычную жизнь. Неожиданно для врагов они собрались и уплыли вниз по реке. Хуладали названы в этом предании манги и чангитами потому, что те и другие постоянно нападали на эвенков. Но в отличие от западных вариантов здесь враги — конный народ, что характерно только для зейско-амурских групп. Это предание записано на одной из рек (Тында) бассейна Зеи. Сюжеты западных эвенков могли проникнуть на Олекму и Тунгир через эвенков из рода Чилчагир и Хачакагир, основная масса которых кочевала по рекам бассейна Витима, а часть ушла на запад на Нижнюю Тунгуску и западнее (Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района. Сибирский этнографический сборник, т. IV, М.—Л., 1961). Связи между семьями одного рода сохранялись, и широко расселенные родичи, хотя и редко, ездили друг к другу в гости. Это и способствовало распространению сюжетов. В этом предании интересно сохранение памяти о безоленном прошлом олекминских эвенков.

[1] Манги (множ. число Мангил ~ Мангит) — реально существовавшая группа центральноазиатского населения. В XIII в. мангыты — одна из час-

тей гвардии Чингисхана, хорошо вооруженная и храбрая в боях. В XVI в. мангыты вошли в состав ногаев — тюркской народности. Позднее они дали начало родам Мангыт и Манги в составе разных тюркоязычных, а на востоке — маньчжуроязычных народов (S. Shirokogoroff. Psychomental complex of the tungus. London, 1931). Начинающие шаманы маньчжуров должны были знать биографии шаманов-предков. Значительная часть предков этих шаманов происходила из рода Манги. Группа верхнеленских эвенков считает свое происхождение от рода Мангиян. Все эти факты свидетельствуют о том, что манги вошли и в состав древних тунгусов, когда те жили в районе Прибайкалья—Приамурья.

[2] См. предание 23, прим. 2.

[3] В подлиннике непереводимое выражение.

39. Куривуль и манги

Кузнец Куривуль жил с женой и двумя холостыми братьями. Во время их охоты жена жила одна в жилище на сваях. Однажды манги увел ее. Как Куривуль, так и манги имели боевые доспехи и броню. Но Куривуль решил убить манги, послав ему стрелу в рот. Он выковал железные чехлы в рот для себя и для братьев, и они отправились к манги, который жил в деревянном доме. Придя, предложили ему соревноваться в ловле ртом пущенной вверх стрелы. Манги согласился. Упавшая стрела прошла насквозь и убила манги. Куривуль вернул свою жену. Но она, побывав у манги, стала ненормальной.

[1] См. сказание 1, прим. 12.

[2] См. предание 38, прим. 1.

40. Чакиптула

Охотник Чакиптула имел двух жен — молодую и старую. У молодой родился сын. В это время ощенилась собака, и старая жена сказала, что у молодой родился щенок. Чакиптула оставил жену с ребенком, сам со старой женой откочевал. Мать пошла на реку и пожаловалась налиму. Вместе с налимом они начали воспитывать мальчика. Он вырос, и мать послала его к отцу. Найдя отца, он рассказал ему обо всем. Отец оставил старую жену и с сыном вернулся к другой.

Тема о воспитании ребенка налимом распространена среди эвенков Подкаменной и Нижней Тунгусок (ср.: Материалы по эвенкийскому фольклору, т. 1. Сост. Г. М. Василевич. Л., 1936, стр. 131—132). Сюжет о налиме как воспитателе брошенного в реку мальчика был вынесен ангарскими эвенками на северо-восток и попал к юкагирам (ср.: W. Jochelson. The yukagirs, t. I. New York, 1926, pp. 39—41). Налим — тотемный предок бурят-эхиритов, с которыми ангарские эвенки были связаны (Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV. СПб., 1883; М. П. Зобанов. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1926, стр. 6). Предания кетов, соседей ангарских эвенков, объясняют происхождение рода Конэн от налима. Таким образом, в бассейне Ангары у двух народов (кетов и бурятов) был ярко выраженный тотем-налим; это представление попало и к древним тунгусам Приангарья. По-видимому, культ тотема-налима был у аборигенного населения Приангарья и Прибайкалья и от них попал к кетам и тунгусам, а позже — к бурятам. Попал он вместе с группами аборигенов, вошедших в состав указанных групп.

41. Мальчик

Другой вариант предания о Чакиптуле, записанный южнее.

42. Дептылы

Эвенки Дептылы остановились на стойбище с другой семьей эвенков и обменялись невестами. Затем Дептылы откочевали. Они берегли невестку, хорошо кормили и не давали ей работать. Они хотели принести ее в жертву и стали уже готовиться к жертвоприношению. Но невестка узнала об этом от детей и сбежала. Дептылы не нашли ее, шаман также не мог им указать, куда она делась. Тогда они решили, что чужой шаман сильнее, чем их, и откочевали. Сбежавшая женщина прибежала к своим и обо всем рассказала. Тогда родичи сняли с нее одежду, нарядили в нее девицу Дептылов, отвели последнюю на то место, где пряталась убежавшая, убили ее и ободрали ей лицо. Дептылы, вернувшись, нашли ее и, приняв за свою невестку, принесли в жертву.

Случай жертвоприношения девушки, по-видимому, был исключительным и произвел большое впечатление. Поэтому рассказ о нем распространился из района верхней части бассейнов Подкаменной и Нижней Тунгусок на восток, до р. Зеи.

43. Дептыгиры

Восточный вариант предания о Дептыгирах.

[1] В горах, в местах нагромождения каменных глыб, между ними остаются большие пустоты. В этих пустотах эвенки прятались от врагов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

УЛГУРӢЛ

1. Агдī

Кэтэннукэ̄кӯр бичэ̄тін. Тімāнна агдīва дōлдīра. Мигдімэ агдīмӣкāкӯн эмэллэн, д'ӯлватін йэ̄нэн, илэлвэ дэґивӯсинэн. Хэрэлгэрдӯ мэ̄рвэр бакатта. Иргит-тэ̄ эмэнэвэр эчэ̄л сāрэ. [Агдı] орорвотін силаттан, аґива бадарāнэ. Тоґо д'эгдэллэн. Умӯн илэ д'ӯн бичэ̄н. Бэйэ д'ӯдӯви бимуд'эрэн. Намадӯн денгин бид'эрэн. Бадарāва ичэмӣ, денгилви ганāсинан. Биралā туксасинан, д'ӯлāтін. Ичэд'эрэн — д'ӯватін тоґо д'эбд'эрэн. Илэл биралā хуррэ. Тоґо мӯвэ д'эвуллэн. Лургид'ад'ан — хурд'эрэ. Хурипкӣлвэ хата д'эґдэвкӣ. Ділилватін д'эгдīвкӣл. Буддэ упкат.

2. Агдī

Асӣ тар тīксайи айӣнāсчā. Тігдэд'эрэн. Айӣнāсшā тар ахӣ. Умнэ̄т агділлан. Асӣ тар тīксадӯйи д'икӣлчā. Тіксавāн йэ̄чэ̄ агдī. Асӣ тар хунин хорин бичэ̄. Ахӣва дэґивӯсчэ̄ уґӣскӣкāкӯн тар агдī.

3. Энӯмук

Умнэ̄кэ̄н ӣдук-вэл эвэнкӣлдулэ̄ эмэрэн энӯмук кор. Упкат ухэ̄ллэ. Шамāн айӣчӣллан. Айӣттан, айӣттан, албаран. Бунӣл кэтэтмэшэл ōд'ара. Эвэнкӣл гēва шамāнмэ гэлнэ̄рэ. Хуӊту шамāн эмэрэн, Шанайак гэрбӣн. Тэтін хуӊту — н'эливсӣпчу. Ичэтмӣ — эӊэсӣ. Шэвэнчэллэн. Этэкэ̄йӣм гӯнэн:

— Упкат авгарад'аш!

Эвэнкӣл урӯнэ, д'ӯтэлд'и орор бӯрэ. Ухэ̄мук эвкӣ этэд'эрэ. Эвэнкӣл манад'авкӣл. Мэ̄нин шамāнтін бӯрэн. Упкат бурэ, эмэ̄нмурэн умӯкэ̄н атіркāн Корболик. Ӣлӣ-дэ̄ албаллан ōд'амӣ. Даґат орор бичэ̄тін. Оноӊкӣн, тэпутчэӊкӣн, д'эптэйи. Гороллокин, албаллан.

Умнэ̄ долболтоно дōлдіран илэ гиранӣвāн. Шукэкэ̄нми гаран, орєллан:

— Гакал минэ! Гакал! Ēдā кэсэ̄ґӣтчанни? — д'алдӯви гунд'эвкӣ. — Эр энӯмук мучӯшинан.

Ōкӣлла-вал биксэ, д'алдāчӣллан «эвэнкӣлвэ гэлэ̄ктэнэ̄шиктэ. Эр бирайа шолӣлā бикичӣтін».

Тімāтнэ хулладӯви āд'энэ, д'алдāд'эчāн. Умнэ̄т дōлдīран н'уӊн'акӣл орєлватін. Илмалчаран, дōлчачӣллан. Тулӣшкӣ йӯрэн — ēкӯн-дā āчӣн. Д'алдӯйи гӯнэн: «Эр айакӣтчара, бодонми хуӊтупчэ̄н». Тэґэрэн, тэттэн, урӣлэндулэ̄ шурурэн, гэлэ̄ктэнэ̄шинэн бунил тэтілэ̄тін. Бакаран инмэквэ бурдукатайва, урӯнэн увашнан д'ӯлāйи. Колобоӊроӊ, иргӣшэви итігāран, шурурэн бирайава шолокӣ, гуннэ: «Тāлā эвэнкӣл бикичӣлтін».

Тэ̄лӣ нэлкэнӣ ōлчā. Тірга киӊлэт ӊэнэмӣ ургэпчӯ — иманна хулулчā.

Корболик тімāтнэ унэ утэҕэвкӣ, шуруммєн. Тірга иманна хулуллэкин, дэрумкӣчиливкӣ. Долболтоно н'āн шōт шурувкӣ. Туҕи наданма тірганӣл ҥэнэрэн, д'апкӣдӯтін бакаран эвэнкӣл, орор ӯд'алватін. Корболик мэ̄нҥилви бакаран. Нуҥардутін айат биллэн. Ōкӣлла-вал биксэ̄л, н'āн ухэ̄ллэ кордӯ. Шамāптін шэвэнчэллэн. Ичэҕшэ̄ ōрāн, Корболик эмэврӣвэн энӯмуквэ. Эвэнкӣл хэҥкэ̄чӣллэ. Корболик гӯнэн:

— Би бунӣлнун иланма бёгал бичэ̄в, эчэ̄в бурэ. Энӯмук мушӯнин миндук шурурэн. Эчэ̄в эмэврэ.

Ōн-дā гунд'эрэкин, эчэ̄л тэд'ӯрэ. Корболиккэ бувкэ̄нэ. Энӯмук хата эвкӣ этэрэ. Урӣлэ̄н манавд'авкӣ. Туҕ-дэ манавран упкачӣн. Упкат бурэ, эмэ̄нмурэ иланӣ: бэйэ ашӣнун, хунāт; Мучанчā, Гарпалик, Холоҥо. Нулгӣрэ гёлā урӣкӣттулэ̄. Мучанчā Гарпалиткӣ гӯнэн:

— Колобойо колобоҥкол! Мōтīмāсчалим.

Гарпалик колобоҥрон иргӣшэ̄йэн. Мучанчā мотīмāшинан. Кутудӯви мōтīва вāрэн. Иниҕӣрэн умāрва, хакинма, уллэвэ ашӯкāн. Шурурэн д'ӯлāвӣ, бирайава дāҕишӣнан. Тāкэлāвунин капургаран, Мучанчā бурурэн мӯлэ̄. Мӯдук йӯрэн, упкачӣн улаптан. Гулувӯнайи иларан, āнҥэчиллэн, олгӣчӣллан тэтіҕэ̄лви. Дōвуви луктан, ойовуви тэттэн, улапкунма. Доҥоторон. Тімāтнэ химāт шурурэн д'ӯлāви. Д'ӯлāви эмэрэн. Гарпалик арчамкана, гӯнэн:

— Би эшӣ толкӣнма айава толкӣтчāв — мōтīва вāд'иҥāш.

Мучанчā гӯнэн:

— Эчэ̄с толкӣтта, ōн аран эчэ̄в эйэ̄рэ? Тінэвэ эмэчэ̄ бимчэ̄в. Анҥэчилим тэтілви олгӣтчана. Эшӣткэ̄н улапкӯн, хуҥтуйэ тэтійэ бӯкэл.

Гарпалик бӯрэн. Тāдук уллэвэ улэ̄рэн. Мучанчā эшӣн ёва-дā д'эпшэ гунд'эвкӣ:

— Ділив энӯд'эрэн.

Тариптідук ухэ̄ллэн, бурэн. Гарпалик айат нэ̄рэн, авшайан ōран. Тāдук нулгирэ дагамāкӣкӣкāн. Ōкӣлла-вал бикшэ̄л, Гарпалик толкӣтан — Мучанча эмэрӣвэ̄н, тірукэ̄нми ҥāлӣд'ана. Эмэкэ̄йим гӯнэн:

— Ділдув тілэ̄кэл!

Болгодӯн хуклэ̄синэн. Тāдук тар-дā н'āн бурэн. Гарпалик гӯллэн д'алдӯви: «Тар минэ Мучанчā гэлнэ̄д'эчэ̄н». Тариптідук ухэ̄ллэн, бурэн. Эмэ̄нмурэн умӯкэ̄н Холоҥо. Эмукин бид'энэ, албаллан ӣлэ̄-дэ̄ ōд'амӣ. Горово туҕи бишин. Умнэ̄ дōлдіран бирайа баргӣдāдӯн ашӣ ҥачирвāн орорво. Холоҥо тукшашнан, эрӣд'энэ: «Эке-е, минэ гакал! Буд'элим!»

Ашӣ эрӣллэн:

— Экэл эмэттэ! Эмэрэкиш, вāд'эм!

Тар ашӣ сāчāн, урӣлэ̄н манавнавāн энӯмуктӯ кордӯ. Тарит ашāткāнмэ эшин эмэвкэ̄нэ. Холоҥо н'āн эмӯкин эмэ̄нмурэн болодолōн. Боло бэйэ кэрэмэ̄д'энэ, бакаран, шуруврэн Холоҥово д'ӯлāви.

4. Эвэнкӣл Кāтэнҥāлдук

Кешмадӯ нонон Момол бичэ̄тін; Кешмаду ділӣбд'ачāтін. Хāлтін Байакāннун элэ̄ эмэчэ̄тін. Эмэкэ̄йим, Байакӣл ōчāтін. Кешмадӯ Момол, Куркэ̄гир, Лопокол, Момōчар, Кордуйал ділӣбд'ачāтін. Кордуйал Куркэ̄гирилдук йӯчэ̄тін. Амāкāтін Кордуй бичэ̄н. Момōчар — Куркэ̄гирилдук. Упчумэ̄чилкэ̄йим, хāлтін хуйэ̄ттэ. Хуйэ̄ткэ̄йим, Момōчāр ōчāтін. Амāкāтін бэрин ирэ̄ктэмэ мōма бичэ̄н. Тарит нуҥан Момōчāн гэрбӣчивӯлчāн. Хутэлин Момōчāр ōлчāтін. Паҥкагир дīгэ̄р бичэ̄тін. Амāкāтін Паҥка бичэ̄н. Гунӣвкӣл — Куҥнэгир нонон Н'урумн'ал бичэ̄тін. Кēмукāгирва н'āн Чēмукāгир гунӣвкӣл. Гунӣвкӣл, тарил нонон Паҥкагир биҥкӣтін.

* * *

Агдінӣ хуркэкэ̄н бичэ̄н, йэкэ̄дівэ хāлчāн. Ахӣн йэкэ̄мнӣ бичэ̄н. Кāтэнҥā эд'ӣлэ̄ бид'эчэ̄н. Илан бэйэл ичэхинэ багдакā ӯд'алвāн. Вāмуд'эвки

н'ӧрӑхинан, д'ӯр бэйэл амардукин. Агдынӣ пэктирӧнэн, урӑрэн. Нуӈанмӑн пэктирӧнэлйн хиӈилгэкӧн дӧлйн хичйрэ. Йксӧ, чумиллан. Йӯрэн. Пэктирӧвӯнми тэврэн, гӧвран пэктирӧнэн, албаран вад'эми.

* * *

Чилчагир, киранма вӑксӑл, эчӧтин асакйлва борйра. Аксалдичӑл; гйл сурурэ Киреӈӑлӑ, тӑдук Байкал чарйдӑлӑн. Гйл ӧдӯ, Витим эвгйдӧдӯн эмӧнмурэ.

Коӈногирил Йоромоткй холйлӑ, Чилчагйрйлнун умӯкэндӯ бид'эӈкйтин Хиркэгир, Хачакӑгир Йоромо дагадӯн бид'эӈкйтин. Тарил ӧлӧ эмэксэл, Чичэгир ӧчӑтин.

Нонон умӯкӧн бэйэ Чинмэнчэ д'ашкӯн хутэчӣ бичӧн. Хутэлин ахилӑттэ-дӑ хэрэкӧлтэд'эчӧл. Паӈарӑкай, Чинмэнчэ хутэн. Утишкаткӑн, Агдынӣ, Лэвушкӧткӧн, Пайгакӑн, гйлвэ омӈом. Акаригир Чайкадӯ дуннэтӧӈкитин.

5. Вил'уй илэлин

Амим Ойогир ӧдук горолӧ балдичӑн. Вил'уй бирайадӯп. Нуӈан эвэнкӣ бичӧн. Амим Хологолнун умӯндӯ нулгйктэд'эчӧтин. Хологохол орочйл бичӧтин. Тарил йэкӧл бичӧтин. Муннэчир бид'эвкйл бичӧтин. Бу Чириндадӯ, Н'экэӈнэдӯ. Би Марка бирадӯп балдичӑв.

Кочонйл нонон Чун'адӯ нулгйктэд'эӈкйтин. Хӑлтин Таймурӑлӑ ӈэнэчӧтин. Тӑлӑ Муктэл ӧчӑтин. Мирэшкэл Чӑпэгирдук йӯчэл. Потэ йэкӧл, Бет'идук йӯчэл. Емидӑкил нонон Бахтадӯ дуннэтӧд'эӈкйтин.

* * *

Н'амӑд'и анӈанйл амаскӣ илэл ороро ачир биӈкйтин. Гиркумат нулгиктэӈкйтин. Ирӯвӯрдӯ куӈакӑрвэ ирӯӈкйтин. Мӧнӧд'эӈкйтин умӯн дуннэдӯ. Муннукӑрвэ, хорокйлва лукит вӑӈкйтин. Диливӯн тунӈа арублил биӈкйн. Сулакйкӑрд'и, кэрэмкӧрд'и тамаӈкйтин. Йӯдулӧ укйӈкйтин, пурчандавэр. Хомӧтилва авдундуктин вӑӈкйтин.

Увачӑн ороно ачин бичӧн. Увамат гиркӯктаӈкин, тарит увачӑнд'и гэрбичӧл. Эвгӯ хутэн асйн йэкӧмнӣ бичӧн. Увачӑр Чӧнадук элӧ эмэчӧл.

* * *

Бордоӈил нонон Ӈэкэӈнэдӯ бид'эӈкйтин. Упкат мэкчэрэчӧл. Бордоӈ мӧнин йэкӧ бичӧн, хамӑн бичӧн н'амӑд'и анӈанйл амаскӣ. Хутэн-хунат войпадӯ мэкчэрэчӧн. Д'ур куӈакӑрин-ахаткӑрин эмӧнмучӧл. Тикин нуӈартин Ӈӧкэӈнэдӯ хавалд'авкйл. Ошикир бирайалдӯ Курйа, тӑдук Чӧнаткӣ Лима бирайадун бид'эӈкйтин.

6. Эвэнкйл буӷаӈйлтӣн

Нононтидук ӧдӯ Чулмандӯ Кеӈас бид'эчӧ. Кеӈас эр буӷадӯ ӧд'акин, тэкэнин ӧчӑ. Кеӈастук эвэнкйл омӯкилтин ӧнатин. Эвэнкйл йэкэлнун эр буӷадӯ сэвэкйчэнмэ ӧчӑтин.

Ӧдӯ бид'эрйл эвэнкйл буӷаӈйлтин нонон хуӈтутэнэлдӯ биӈкйтин. Лоӈоркйл буӷатин билир Алдан эйӧкӧкйн бид'эрйн. Н'урмаган буӷатин. Буллэтилнун умӯкэндӯ Амуртикакй бид'эрйн. Бетум Битимдӯ бид'эӈкйтин Сологон буӷатин билир Алдан эйӧкӧкй бид'эрйн. Буйагир буӷатин Гил'уйдӯ, Амур эд'йрйкэндӯп бид'эрйн. Бутанун майскэййл эвгйдӧдӯтин. Деӈмал буӷатин Учйрвэ эйӧкӧкй. Доӈӧйил Олокподӯ Букочарпун умӯндӯ бид'эӈкйтин. Доӈӧйил сӧ кэтэ бихйтин. Буйагирил иландӯ хуйэттэ: Баттак, Куртак, Кэптуткэр.

* * *

Лоӈоркӣл буӷатін понон Йакӯскайгӣдāдӯн бичӭн. Амаргӯт кин'аситін Алдандулā хуручӭн. Ӭдук амаргут Лоӈоркӣл Д'эйэ бирайāлдулāн эмэчӭл. Эхӣткӭн Лоӈоркӣл ахӯкāн ӧчāтін. Эмӣхин тэкӭнтін Булдэ бичӭн. Булдэ хунāт пāхэннэйвэ эдīлӭчӭ. Тӭлӣ Эмихин ӧлчāл.

Пєрєворӧт ӧдалāн Д'эйэ эд'ӣӷӣкӭндӯн Ман'агӣрил бид'эӈкӣтін. Муричӣл бинэл, нуӈартін эвэнкӣлгэчӣр нулгӣктэд'эӈкӣтін. Турӭнтін син умӯн. Пєрєворӧт ӧллакин, Ман'агӣрил Китāйлā суручэтін, Амурва хэдэхӭл.

* * *

Эр буӷадӯ — Āлгэмāдӯ, даӷадӯн бихӣл биралдӯ, ӣдӯ-кэт Бута бид'эӈкӣтін. Бута-Колесовил понон Учӣрдӯ, Катун'йāдӯ бид'эӈкӣтін. Тāдук Āлгэмāлā нулгӣчӭтін. Бута-Наумовил понон Āлгэмā дэрӭнмӭн Нуйам, Налурак дэрӭрвэтін буӷатāӈкӣтін. Бута-Пудовил понон Гӭлтамдадӯ, Āлгэмāдӯ бид'эӈкӣтін. Тікин упкачӣтін колхосилдӯ бид'эрэ.

* * *

Бу аймакӣлвун ӭдӯ Учӣрдӯ эд'ӣӷӭкӭндӯ бичӭл: Кэлтэкӣ, Кӭӈдэ, Бута, Бєтум, Каӈāӷи. Кэлтэн буӷаӈӣтін Учӣр дӧдӯн бичӭн, н'āн Алдандӯ бичӭтін. Кэӈдэ буӷаӈӣтін Амӈāдӯ бичӭн. Кэӈдэ амӣнӣн йэкӭ бичӭн. Эр буӷадӯ эвэнкӣ ӧна, хутэлби балдīчāн. Хутэлин эвэнкӣл ӧчāтін. Бута, Бєтум — Учирдӯ, Āлгэмāдӯ, Гӧнамдӯ буӷатāд'аӈкӣтін. Каӈагил — Учир даптудӯн, Алдандӯ, Д'агдадӯ солокӣ буӷатад'аӈкӣтін. Эхӣткӭн бикӣчитін Даркилак — Д'агдаӈ солокӣ илан нулгӣ. Лоӈоркӣ Колтокӣнун умӯндӯ каначӣ Амгагӣдāлā.

7. Атіркāн хутэн

Атіркāн бичӭн. Хутэн бичӭн хуркӭнӭн. Мӭнӭйӭдӯн д'алин бид'эчӭл. Илан бэйэл бэйумӭчиллэ, хуркэкӭн н'āн илпāрӭн. Бэйун нуӈандулӣн эмэрэн. Тар хуркӭкӭн гарпаран. Йӯрин туркэврэн бэйунмэ, албаран вāд'эми. Тар д'алин хуркӭкӭндулӭ эмэрэ. Д'аваксāл, сиӈилгэндулӣ йэпӯрэ, киглэлд'ивэр хэкимнӭрэ, гӯнэ:

— Эсӣлэ вāпи.

Тāдук сурурэ. Илан бэйэл эмэрэ атіркāн д'ӯлāн, эпӣндулӭн. Умӯнтін гӯнэн:

— Атіркāнма вāӷāт.

Илӣтін гӯнэн:

— Эӷӭт вāтчэрэ, тоӷовӧн элэ сӣӷӭт, атіркāн доӈотовдӧн тоӷойо āчин.

Тоӷово силлактін, атіркāн тар хутакāнми дӧгӣдāлӣн ӧллава нӧдāран. Бэйэл гулувӯнма хэкимнӭрэ, сурурэ.

Хуркӭкӭн, арӯкса, сиӈилгэндук йӯрэн. Д'ӯлāви эмэрэн, эпӣндулӭви. Эмэксӭ, эпӣнэн бэйунмэ ӯд'асинэ. Бэйунмэ тāлӣ бучӭвэ бакара, хиӷӣллэ, тэлӣллэ. Тэлӣд'эрэктін, д'алин, илан бэйэл, эмэрэ. Илэлдӯ улирэ. Д'ӯрдӯ бэйэл эрӯпчут, умӯндӯ — айамамат. Эрӯпчэвэ д'эвд'эрӣл буддэ, анавра. Айава д'эбд'эчӭ эчӭ буддэ. Атіркāн тар абгарачиллан, эдӭн буддэ. Тар хуркӭкӭннун эсӣлэ тар бэйэ гиркӣ ӧдан. Бэйурэ умӯндӯ, гиркулла умӯндӯ.

* * *

Кэтэ бэйэл бичэ̄л. Д'ӯтін бичэ̄ та̄дӯ. Умӯкэ̄н атіркā̄н бичэ̄. Тар хутэн мōтīва ичэчэ̄, ахалгача̄. Ахалгака̄йӣм, хуручэ̄л тар бэйундулэ̄вэр упкат бинэл, хувӯлитін. Тар исча̄л мōтīӊмар, мурукэ̄чэ̄л, ганачӣлда̄вэр. Тар куӊака̄н бичэ̄, тар хуйукӯкэ̄н, ура̄ча̄ мōтīӊивар.

— Ēда̄ ура̄нни? — гуннэл, идака̄лча̄л нуӊапма̄н.

Тоӷово хӣвкӣл бичэ̄л. Эд'элӣкэ̄нтін хӣрэ, коколлодӯйи дīчэ̄ тоӷово — элдава. Кучува бакача̄ тар атіркā̄н, та̄дӯ илача̄. Мōтīӊми бакача, бушшэд'эрӣвэ̄. Н'энчэ̄, хигчэ̄, д'эпчэ̄ куӊака̄н энӣнӣн. Д'ӯр бэйэл, д'алин, эмэчэ̄л. Эмэкэ̄йимӣл, тэӷэчӣлчэ̄л, хилэнд'эрэкин. Атіркā̄н этэчэ̄ хилэ̄нд'эми. Тар гунд'эпэ, «Эбэй! Эбэй!» балилда̄д'ана, ēхалдулӣтін хилэтпэр эптīчэ̄. Тар хутэн хōӊпа̄шша̄ бэрилбэтін. Тар ганатча̄, нуӊарватін ва̄ча̄ хувӯлитін.

РАССКАЗЫ

1. Гроза (о подкаменнотунгусском метеорите)

Иван Куркогир, род. в 1914 г., неграмотный.
1936 г., р. Чуюнго, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Стояло много чумов. Утром услышали гром. Разразилась невероятно шумная гроза. Она разбила чумы, унесла по воздуху людей. Люди очутились на марниковом болоте. Не могли понять, куда их перенесло. Гроза, сжигая тайгу, сжарила и их оленей. Огонь распространялся. Там стоял чум одного человека. Мужик хотел попасть домой. У него в торсуке — вьючной суме были деньги. Увидев пожар, он бросился к деньгам. Побежал к реке, к чумам. Смотрит — огонь сжигает чумы [соседей]. Люди бросились в реку. Огонь пошел по воде. [Плавники] вспыхивают, они ныряют, а [огонь] зажигает и ныряющих. Обжигает [их] головы. Так все [они] и умерли.

2. Гроза

А. Мукто, род. в 1922 г., грамотная.
1935 г., р. Нидымкан, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Пошла женщина поправить берестяные покрышки [на жилище]. Шел дождь. Пока она поправляла, раздался гром. Женщина спряталась под покрышки. Гроза разбила покрышки. У женщины был красный кафтан. Гроза унесла эту женщину вверх.

3. Болезнь

Анастасия Салаткина (Вакувагир), род. в 1923 г., грамотная.
1945 г., р. Дэткон, р. Непа, Катангский район, Иркутская область.

Однажды к эвенкам откуда-то пришла болезнь — корь. Все заболели. Шаман начал лечить. Лечил, лечил, не смог [вылечить]. Мертвых очень много становилось. Эвенки сходили за другим шаманом. Пришел чужой шаман по имени Шанаяк. Облачение его иное — страшное. Со стороны посмотреть — сильный [шаман]. Начал он шаманить. Окончив, сказал:

— Все поправитесь.

Эвенки обрадовались, дали [ему] по два оленя [от каждой семьи]. Но болезнь не прекращалась. Эвенки умирали. Умер и сам шаман. Все

умерли, осталась одна старуха Корболик. Некуда ей было деться. Поблизости были олени. Ходила она за ними, забивала для еды. Но если они уходили далеко, она не могла [их догнать].

Однажды вечером она услышала шаги людей. Взяла топорик и закричала:

— Возьми меня! Возьми! Для чего мучаешь?

А сама думает: «Это болезнь вернулась».

Спустя некоторое время стала думать: «Пойду-ка я поищу эвенков. Их стойбище вверх по этой реке». Так думала она утром, лежа в одеяле. Вдруг услышала крик гусей. Вскочила, прислушалась. Вышла вон — никого нет. Думает: «Это — хорошее предзнаменование: моя жизнь изменится». Встала, оделась, пошла на стойбище искать одежду умерших. Нашла вьючную сумку с мукой, обрадовалась, притащила домой. Напекла хлеба — подорожников, собралась и пошла вверх по реке, думая: «Там стойбище эвенков».

Тогда начиналась весна. Днем на лыжах идти трудно — снег мокрый. Корболик вставала рано утром и шла. Днем, когда снег размягчался, отдыхала. Ночью опять быстро шла. Так шла она семь дней. На восьмой день нашла следы эвенков и оленей. Корболик нашла своих. У них стала хорошо жить. Но сколько-то дней прошло, и эти начали болеть корью. Шаман шаманил. Сделал вид, что Корболик принесла болезнь. Эвенки начали ее ругать. Корболик говорит:

— Я жила с мертвецами три месяца, не умерла. Мушун — [дух] болезни ушел от меня. Не принесла я [болезнь].

Но как ни говорила, не поверили. Корболик заставили покончить с собой. Но болезнь не прекращалась. Стойбище вымирало. Так и вымерли все. Все умерли, осталось трое: муж с женой и дочь — Мучанча, Гарпалик и Холонго. Откочевали они в другое место. Мучанча говорит Гарпалик:

— Напеки колобков. Я пойду охотиться за лосем.

Гарпалик напекла ему подорожников. Мучанча отправился на охоту. Ему повезло, он убил лося. Привязал к поняге (т. е. заспинной дощечке) мозг, печень и немного мяса. Пошел домой, начал переходить через реку, колодина, [по которой шел], сломалась. Мучанча упал в воду. Вышел из воды весь мокрый. Развел костер, заночевал, начал сушить одежды. Снял нижнюю одежду, надел верхнюю, мокрую. Замерз. Утром пошел быстро домой. Когда пришел домой, Гарпалик, встретив, сказала:

— Я сегодня хороший сон видела — ты убил лося.

Мучанча сказал:

— А ты не видела во сне, как я чуть-чуть не утонул? Я бы вчера пришел. Заночевал, суша одежду. Сейчас я весь сырой, дай другую одежду.

Гарпалик дала. Потом начали варить мясо. Мучанча ничего не ест, говорит:

— Голова болит.

В этот же день заболел и [затем] умер. Гарпалик сделала ему гроб, хорошо похоронила. Потом все откочевали недалеко. Прошло несколько дней. Гарпалик увидела сон — подходит Мучанча, держа в руках подушку. Придя, говорит: «Положи под мою голову». Лег к ней на колени. Потом опять умер. Гарпалик подумала: «Это за мной пришел Мучанча».

После этого дня она заболела и умерла. Осталась одна [дочь] — Холонго. Одна она ничего не могла сделать. Долго так жила. Однажды услыхала, что за рекой женщина зовет оленей. Холонго побежала, крича:

— Тетя! Возьми меня, умираю!

Женщина закричала:

— Не приходи! Придешь — убью!

Эта женщина знала о том, что стойбище вымерло от кори. Поэтому не пригласила девочку. Холонго опять осталась одна до осени. Осенью человек, белкуя, нашел и увел Холонгу [к себе] домой.

4. Эвенки с Катанги

Павел Баяки.
1960 г., пос. Полигус, Байкитский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Прежде Момоли жили в районе Кежмы. В Кежме платили ясак. Часть их с Баяканом пришла сюда (т. е. в район Полигуса). Придя, они стали называться Баяки.

В Кежме платили ясак Момоли, Куркогиры, Лопоколи, Момочары, Кордуяли.

Кордуяли выделились из [рода] Куркогир. Дед их был Кордуй. И Момочары выделились из [рода] Куркогир. Поссорившись, часть [Куркогиров] отделилась. Отделившись, стали [называться] Момочарами. Лук их деда был из лиственницы. Поэтому он и назывался Момочан. А потомки его стали Момочарами. Пангкагиры были горными жителями. Дед их назывался Пангка. Говорят, что Кунгногиры раньше были Нюрумнялями. Кемукагиров называют также Чемукагирами. Говорят, что [Кемукагиры] первоначально были Пангкагирами.

* * *

Иван Каплин (Пангаракай).
1959 г., р. Тетея, Катангский район, Иркутская область.

Агдыни еще мальчиком знал якутский язык. Жена его была якуткой. Он жил ниже [Тетеи] по Катанге. Трое мужчин пошли смотреть следы дикого оленя. Тот, который хотел стрелять, пошел вперед, двое шли сзади. Агдыни выстрелил и промахнулся. Его за промах затоптали в снег. Когда он очутился в снегу, начинало таять. Агдыни выбрался, зарядил ружье, выстрелил вторично, но не смог убить [оленя].

* * *

Иван Каплин (Пангаракай).
1959 г., пос. Хомокор, Катангский район, Иркутская область.

Чилчагиры, убив орла, не поделили его маховых перьев. Рассорились. Одни ушли на Киренгу и дальше за Байкал. Другие здесь, по эту сторону Витима, остались. Конгногиры жили вверх по Ероме вместе с Чилчагирами. Хиркогиры и Хачекагиры жили недалеко от Еромы. [Хачекагиры], придя сюда, стали называться Чичогирами.

Давно один человек, Чинмончо, имел восемь сыновей. Сыновья его женились и расходились [в разные стороны]: Пангаракай, Утышкаткан, Агдыни, Голе, Левушкоткон, Пагьякан, а других забыл.

Акаригиры бродили по притокам (букв.: речкам) Чайки.

5. Эвенки с Вилюя

Михаил Ойогир, род. в 1896 г.
1960 г., р. Нидым, Илимпийский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Мой отец Ойогир родился далеко отсюда, на одном притоке Вилюя. Он был эвенки. Мой отец кочевал вместе с Хологонами. Хологоны были оленными. Они были якутами, но жили как мы. Мы кочевали в районе [озер] Чирингда и Некогда. Я родился на реке Мархе.

Кочонили вначале кочевали по Чуне. Часть их ушла на Таймуру. Там они стали называться Муктолями. Миронко вышли из [рода] Чапогиров. Потэ — якуты, вышли из [рода] Бети. Эмидакили прежде жили на Бахте.

* * *

Семен Кунгпогир, род. в 1879 г.
1959 г., пос. Наканна, Катангский район, Иркутская область.

Сто лет тому назад эвенки не имели оленей, кочевали пешком. На волокуше они перевозили детей. Жили они долго на одном месте. Били стрелами зайцев и глухарей. Ясак тогда был равен пяти рублям. Платили также лисицами и белками. Ельцов промышляли мордами и вялили их. Медведей били в берлогах.

Увачан не имел оленей. Ходил, [кочевал], таская [все] на себе. Поэтому его прозвали Увачан. Жена его младшего сына была якуткой. Они пришли сюда с Чоны.

Бордонгили прежде жили в Наканне. Все они вымерли. Бордонг сам был якутом, шаманом; жил лет сто тому назад. Его дочь скончалась в последнюю войну. Остались две девочки. Теперь они работают в Наканне.

Ошикиры жили по рекам Курья и Лима, в направлении к Чоне.

6. Места, освоенные эвенками

Павел Михайлов (Нюрмаган), род. в 1883 г., неграмотный.
1947 г., пос. Чульман, Алданский район, Якутская АССР.

Давным-давно здесь, на Чульмане, жил Кенгас. Когда Кенгас поселился на этой земле, начался его род (букв.: корень). От [потомства] Кенгаса начались роды эвенков. Эвенки с якутами устроили в этом месте камлание. Места здешних эвенков были в разных сторонах. Земли Лонгорков были вниз по Алдану. Земли Нюрмаганов вместе с Буллэтами были в направлении к Амуру. Бэтумы жили на Витиме. Земли Сологонов были прежде ниже по Алдану. Места Буягиров были на Гилюе, по эту (т. е. левую) сторону от Амура, и на запад [от реки Учур, где жили] Бута вместе с майскими [эвенками]. Земли Дэнгмалов находились внизу по Учуру. Донгоили жили вместе с Букочарами на Олекме. Донгоилей было очень много. Буягиры разделились на три группы: Баттак, Куртак, Контуткор.

* * *

Николай Николаев (Буягир), род. в 1889 г., неграмотный.
1947 г., р. Токарикан, Алданский район, Якутская АССР.

Места Лонгорков прежде были в направлении к Якутску. Потом их «князь» (т. е. старшина) ушел на Алдан. Отсюда позже Лонгорки ушли на притоки Зеи. Теперь Лонгорков стало мало. Родоначальником Эмихин, говорят, был Булдэ. Дочь Булдэ вышла замуж за [русского] крестьянина, [говорящего по-якутски]. После того они стали родом Эмихин.

До революции вниз по Зее жили Манягиры. Они были лошадными, но кочевали как эвенки. Язык их такой же, [как у эвенков]. После революции Манягиры ушли в Китай, перейдя через Амур.

* * *

Семен Наумов (Бута), род. в 1877 г., неграмотный, р. Сутам, 1947 г., Алданский район, Якутская АССР; Дмитрий Колесов (Бута), род. в 1913 г., грамотный, р. Алгома, 1947 г., там же.

На Алгоме и на соседних речках всюду кочевали Бута. Бута-Колесовы прежде жили на Учуре и Катуни. Потом откочевали на Алгому. Бута-Наумовы прежде жили на истоках Алгомы, на истоках Нуяма и Налурака. Бута-Пудовы прежде жили на Гелтамде и на Алгоме. Теперь все живут в [одном] колхозе.

* * *

Наши роды здесь на Учуре, по нижнему течению его, жили: Колтоки, Конгдо, Бута, Бэтум, Кангаги. Места Колтоков были на самом Учуре и на Алдане. Места Конгдо были на Амге. Отец Конгдо был якутом. Поселившись в этих местах, он народил детей. Дети его стали эвенками. Бута и Бэтум имели места на Учуре, Алгоме, Гонаме; Кангаги — в устье Учура, на Алдане и вверх по реке Дягде, на расстоянии трех нулги (т. е. около 30 км); сейчас их место — Даркилак. Лонгорки вместе с Колтокилями имели родню на Амге.

7. Сын старухи

Калтан Кочони, род. в 1922 г., грамотный.
1935 г., р. Варгома, Тунгусско-Чунский район, Эвенкийский национальный округ, Красноярский край.

Жила старуха. Был у нее сын. На постоянной стоянке — мэнэене жила их родня. Трое мужиков пошли на охоту. Парень встал в засаде. Зверь шел на него. Этот парень выстрелил. Стрела ударилась в зверя, но не убила. Родственники [парня] пришли к нему, схватили его, зарыли в снег и на лыжах затоптали, сказав:

— Теперь мы его убили.

Потом ушли. Пришли трое мужиков к старухе в чум, к его матери. Один из них сказал:

— Убьем и старуху.

Третий сказал:

— Не станем убивать, загасим только ее огонь, чтобы старуха замерзла без огня.

Когда они стали гасить огонь, эта старуха спрятала в мешочек уголек. Мужики затоптали костер и ушли.

Парень, очнувшись, вылез из-под снега. Пришел домой, к матери. Придя, вместе с матерью пошел по следу зверя. Нашли там мертвого зверя, [в которого парень стрелял]. Освежевали его, стали заготавливать мясо. Когда заготавливали, пришли те трое мужиков — родственников. Их накормили. Двум мужикам дали худое мясо, одному — хорошее. Евшие худое умерли, упали. Евший хорошее [мясо] не умер. Старуха эта лечила его, чтобы не умер. С парнем этот мужик стал тогда дружить. Вместе ходили на охоту, вместе бродили.

* * *

Д. Чапагир, оз. Амо, 1936 г.

Было много людей. Был у них там чум. Жила одна старуха. Сын ее увидел лося, но не погнался за ним сразу. Пошли к тому зверю все [охотники] вместе. Вот дошли до зверя, окружили зверя, чтобы стрелять. Этот парень был еще мал и промахнулся, [только ранил].

— Почему ты промахнулся? — говоря, начали бить его.

Они погасили огонь [у старухи]. Но пока они гасили, сунула она уголек в рукавицу. Нашла трут та старуха, разожгла огонь. Нашла умиравшего лося. Освежевала его, накормила мать парня. Пришли два мужика, родственники. Придя, присели, пока она варила суп. Кончила варить старуха. Крикнув: «Обой! Обой!», она ослепила их, плеснув им в глаза. Сын ее разрубил их луки, выстрелил в них и убил всех.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

НАПЕВЫ СКАЗАНИЯ О КОДАКЧОНЕ

Для наиболее древней традиции эпических сказаний характерно сочетание двух способов звукового произнесения — мерной речи и пения. При всем разнообразии форм эпоса в них условно можно различить два основных вида: сказания, которые поются, как например руны Калевалы, русские былины, ненецкие ярабц, и сказания с эпизодически появляющимися музыкальными частями, как якутские олонхо, туркменские сказания, башкирские легенды об узюн-куях, бурятские и монгольские улигеры. К последнему типу относятся и эпические сказания эвенков. Эти два вида эпоса не являются взаимоисключающими и могут сосуществовать в фольклоре одного и того же народа, однако в таких случаях всегда можно наблюдать преобладание одного из видов или придания каждому из них особого значения.

Если поющиеся сказания имеют довольно большое количество нотных публикаций и фонограмм, то сказания с эпизодическими музыкальными частями известны только в единичных и далеко не полных записях, не дающих цельного представления о всем драматургическом комплексе поэтической и музыкальной речи. Между тем изучение этого вида эпоса чрезвычайно важно для выяснения путей развития национальных литератур и театрального искусства. Достаточно сказать о многочисленных стихотворных вставках в эпических сказаниях эвенков, которые, возможно, некогда пелись, так же как песенные реплики в русской волшебной сказке (что встречается и в фольклоре других народов), а также вспомнить русскую народную и классическую китайскую драмы, насыщенные музыкальными номерами, древние формы театральных представлений, как греческая трагедия со вставными репликами Хора, средневековые мистерии, затем более поздние формы — зингшпиль и комическую оперу, где действующие лица поют монологи, и, наконец, водевиль и оперетту. Вполне вероятно, что возникновение таких видов литературы и театральных спектаклей было связано в ряде случаев с существовавшими некогда эпическими повествованиями с поющимися эпизодами, которые являлись монологами персонажей. Здесь надо отметить, что именно эта форма эпоса, сохранившаяся у некоторых народов до настоящего времени, иногда превращается в подобие театральных пьес в концертном исполнении, как например пение реплик героев улигера помощниками сказителя или включение в сказание песен других жанров, что наблюдается при исполнении руи Калевалы.

Музыкальные эпизоды в эпических сказаниях эвенков имеют специальные напевы (как в улигерах и олонхо) и исполняются тем же лицом, которое ведет повествование. Поются только наиболее пространные реплики, которые можно условно назвать монологами; диалоги же персонажей остаются в составе прозаического или ритмизованного сказа. Монологи поются на напевы-формулы, равные одному-двум стихам. Напев пред-

ставляет собой формулу в виде двойного произношения названия рода, племени или собственного имени персонажа и выполняет роль поэтического зачина монолога. Весь последующий текст монолога исполняется на варьированное повторение заданной формулы. Иногда музыкально-поэтическая формула повторяется несколько раз внутри монолога, создавая впечатление постоянного припева.

Сказание о Кодакчоне в исполнении С. М. Савина, записанное целиком на магнитофонную ленту, дает возможность проследить некоторые закономерности соотношения музыкального и поэтического текстов и высказать предположения об их драматургической роли в эпической композиции.

Для 15 музыкальных эпизодов, содержащихся в сказании, исполнитель пользуется пятью напевами. Напев I исполняется с текстами, начинающимися словами «Геруканен! Геруканен!» (1-й эпизод — монолог женщины-птицы, матери Кодакчона) и «Кедайканен! Кедайканен!» (5-й эпизод — монолог Нурдяк — дочери старика из племени Кидан, поется на мотив отца); напев II, начинающийся словами «Генгдэ, генгдэронен!», общий для Кодакчона и Боскондяринди; напев III — «Дэвэдарэко! Дэвэдарэко!» (7-й эпизод — монолог Нурдяк, жены Боскондяринди); напев IV — «Кимо, кимоку!» (9-й эпизод — монолог Секак, жены Кодакчона); напев V — «Гунгер! Гунгер!» (10-й эпизод — монолог врага).[1]

Перед началом пения исполнитель каждый раз делает небольшую паузу и начинает первую музыкальную фразу, значительно форсируя звук; последующие фразы он поет несколько мягче. Повествовательный текст после музыкального эпизода сказитель произносит сначала на повышенном звуке, как бы продолжая финальный тон напева, что создает впечатление постепенного перехода пения в речь.

Последовательность музыкальных эпизодов напоминает форму рондо — постоянного возвращения к главной теме, которой является напев II: I—II—II—II—I—II—III—II—IV—V—II—II—II—II—II. Правда, эта схема должна бы быть несколько иной, так как исполнитель ошибочно спел две реплики врага (4-й и 6-й эпизоды) на основной героический напев, но все-таки принцип рондообразной последовательности и при таком распределении напевов сохраняется: I—II—II—V—I—V—III—II—IV—V—II—II—II—II—II.

При отсутствии звукозаписей от других исполнителей, конечно, нельзя говорить об обязательном применении такой схемы, однако можно полагать возможность ее использования, так как она обусловлена большим количеством реплик главного героя повествования.

Знатоки эвенкийской эпической традиции утверждают, что у каждого персонажа свой напев. В исполнении С. М. Савина это правило не выдержано. Однако, если не считать указанной выше ошибки, появление которой легко объяснимо, распределение напевов по эпизодам соответствует строгой логике:[2] напев I является темой родителей, чьи дети вступают в брачные отношения, напев II — тема мужчин одного рода, связанных кровными узами, главный герой которого Кодакчон (сюда же относится и реплика коня брата Кодакчона), напевы III и IV — темы женщин разных родов и напев V — тема врага. Таким образом, напевы являются некими родовыми музыкальными иероглифами, несомненно очень древнего происхождения (в особенности напев IV — «Кимо, кимоко»).

Все напевы построены на пентатонической (бесполутоновой) основе, однако у них различные диапазоны, разные опорные звуки и ритмика (ср.

---

[1] Нотации напевов I, II и IV приводятся во фрагментах, III и V — полностью.

[2] Замена напевов произошла, возможно, вследствие неоднократного замещения звуков при произнесении слов «Гэндэ» и «Денда», которые имеют самостоятельные напевы-формулы; в 6-м эпизоде эта ошибка, вероятно, произошла по закону повтора главной темы рондообразной формы.

ритмические схемы каждого напева). Наибольшим диапазоном обладают напевы I и II. Оба они производят впечатление большой энергии и силы. Но если в напеве I подчеркнуто значение нижнего тона, что создает характер устойчивости и покоя, и центральная часть его отягощена обильными мелизмами, что, правда, не лишает этот напев некоторой танцевальности, то напев II звучит более просто. Все его основные звуки украшены равномерно, а резкий взлет на септиму не закрепляется, как в напеве I, в верхней точке, что придает ему более порывистый характер, делает его похожим на боевой клич. Напев III несколько уже по диапазону (секста) и экономнее в интонационных средствах. В отличие от первых двух он равен полустишию. При первом звучании напев со словами «Дэвэдарэко! Дэвэдарэко!» украшен мелизмами, при повторах он становится проще и скромнее. Его четкая ритмика кажется ритмом танца. Напев IV по характеру мелизмов временами напоминает напев II, но он необычайно узок по диапазону. У него фактически нет звукоряда — это только два устоя, существующих на равных правах; напев может заканчиваться на любом из них. Сам характер напева героини Секак служит своеобразной характеристикой ее рода женщин-воительниц. Напев V резко отличается от всех предыдущих. Он намного меньше по диапазону, чем основной напев героя сказания, но настойчивое повторение музыкальной формулы, постепенное нарастание верхних звуков создают впечатление большой силы и угрозы. Этот напев, характеризующий врага, исполнители эвенкийского эпоса называют «грубым», что следует понимать как «жесткий», «жестокий».

Следует отметить, что Савин строго сохраняет ладо-тональность каждого напева. Это ярко обнаруживается при частых повторах главной темы, появляющейся достаточно точно на тех же звуковысотах, несмотря на соседствующие с ней другие, звучащие в иных тональностях темы. Тонально-звуковысотная последовательность первых звучаний напевов (как в редакции Савина, так и при исправлении ее) идет по восходящей линии, как бы подчеркивая напряженность развивающихся событий. Постоянное возвращение к главной теме делает всю композицию цельной и устойчивой, завершение сказания пятикратным повтором главной темы создает звуковой финал, подчеркивающий победу героя и членов его рода.

Сказание о Кодакчоне, как, вероятно, и другие, является отшлифованной веками поэтическо-музыкальной композицией, замечательным памятником древнего искусства эвенков, который, несмотря на частичные разрушения и утраты, не теряет своего художественного и научно-исторического значения.

Впервые подготавливая для публикации напевы эвенкийского эпоса, записанные на магнитофоне (до сих пор были известны только слуховые записи), нам пришлось столкнуться с рядом трудностей нотации звучания, при преодолении которых мы шли тем же путем, что и ранее, при работе над непецкими эпическими песнями. Основные, контурные звуки напева выделены крупными головками, украшения выполнены петитом. Тактовые черты выставлены в соответствии с реально слышимой акцентуацией, которая в большинстве случаев совпадает с долгими гласными. Размещение согласной под звуком или группой звуков означает продолжение ее звучания при уже сомкнутых губах, своеобразное явление «долгой согласной». Скрипично-теноровый ключ показывает звучание октавой ниже. Слова в круглых скобках — ритмические вставки, не имеющие смыслового значения.

Б. М. Добровольский.

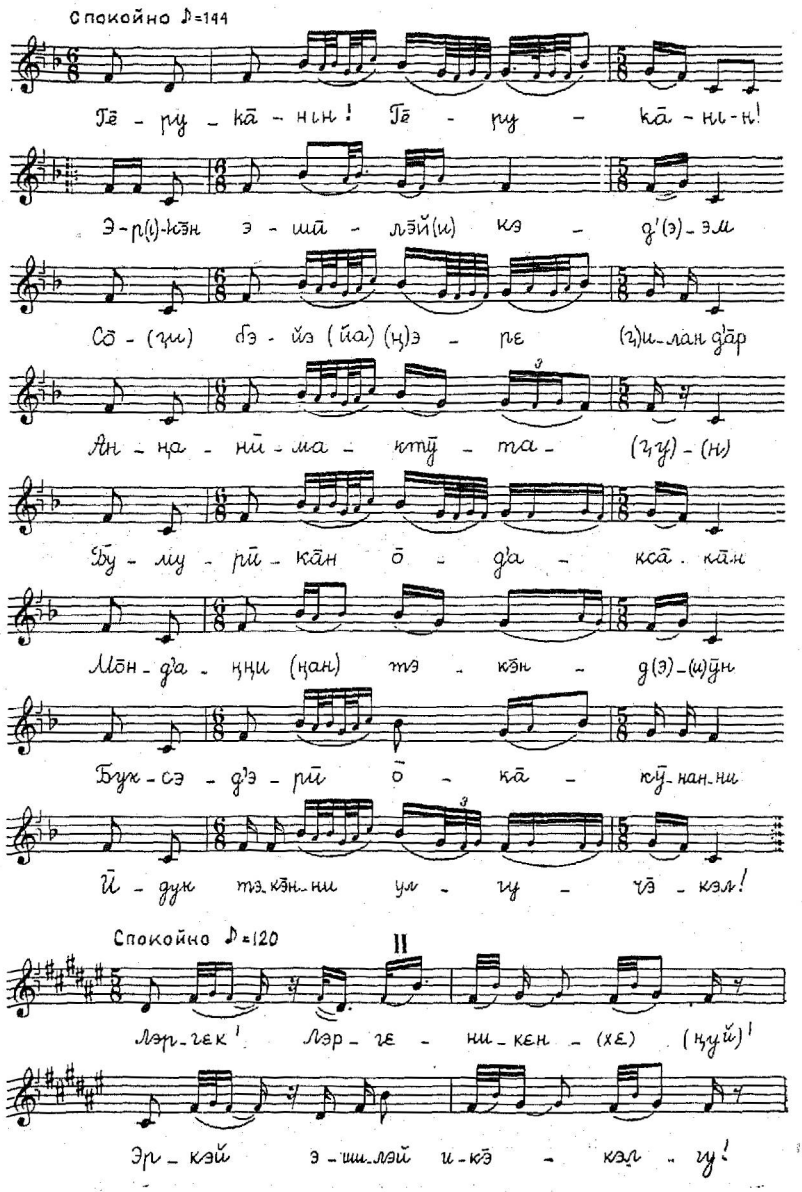
I

Спокойно ♪=144

Гē - ру - кā - нін! Гē - ру - кā - ні - н!

Э - р(і)-кэ̄н э - шӣ - лэ̄й(и) кэ - д'(э) - эм

Сō - (ҷи) бэ - йэ (йа) (ӊ)э - рє (ҷ)и - лан д'āр



Ан - ӊа - нӣ - ма - ктӯ - та - (ҷу) - (н)

Бу - му - рӣ - кāн ō - д'а - ксā - кāн

Мōн - д'а - ӊӊи (ӊан) тэ - кэ̄н - д(э) - (и)ӯн

Бук - сэ - д'э - рӣ ō - кā - кӯ - нан - ни

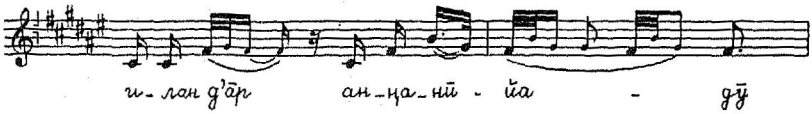
Ӣ - дун тэ - кэ̄н - ни ул - гу - чэ̄ - кэл!

Спокойно ♪=120

II

Лэр - гєк! Лэр - гє - ни - кєн - (хє) (ӊуй)!

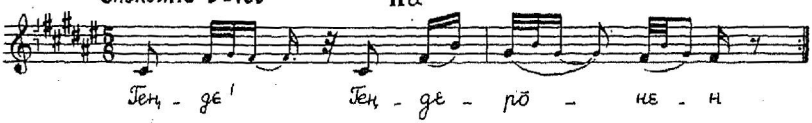
Эр - кэй э - ши - лэй и - кэ̄ - кэл - гу!


и - лан д'āр ан - ңа - нӣ - йа - дӯ

ос - кє - д'а - чā (ңан- гу)

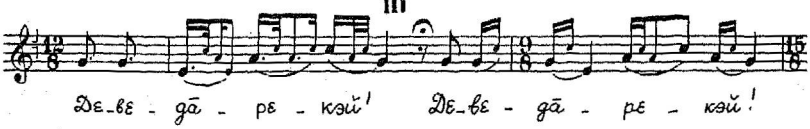
Спокойно ♪=100

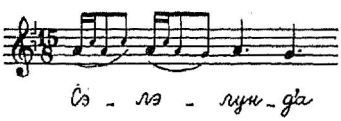
IIa


Гең - дє' Гең - дє - рō - нє - н

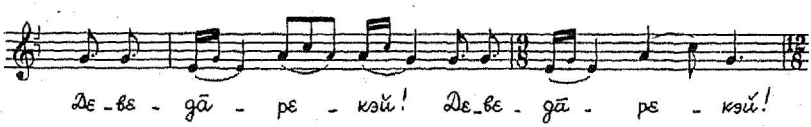
Подвижно ♩.=69

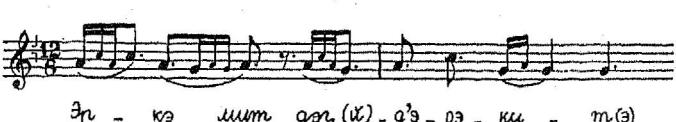
III

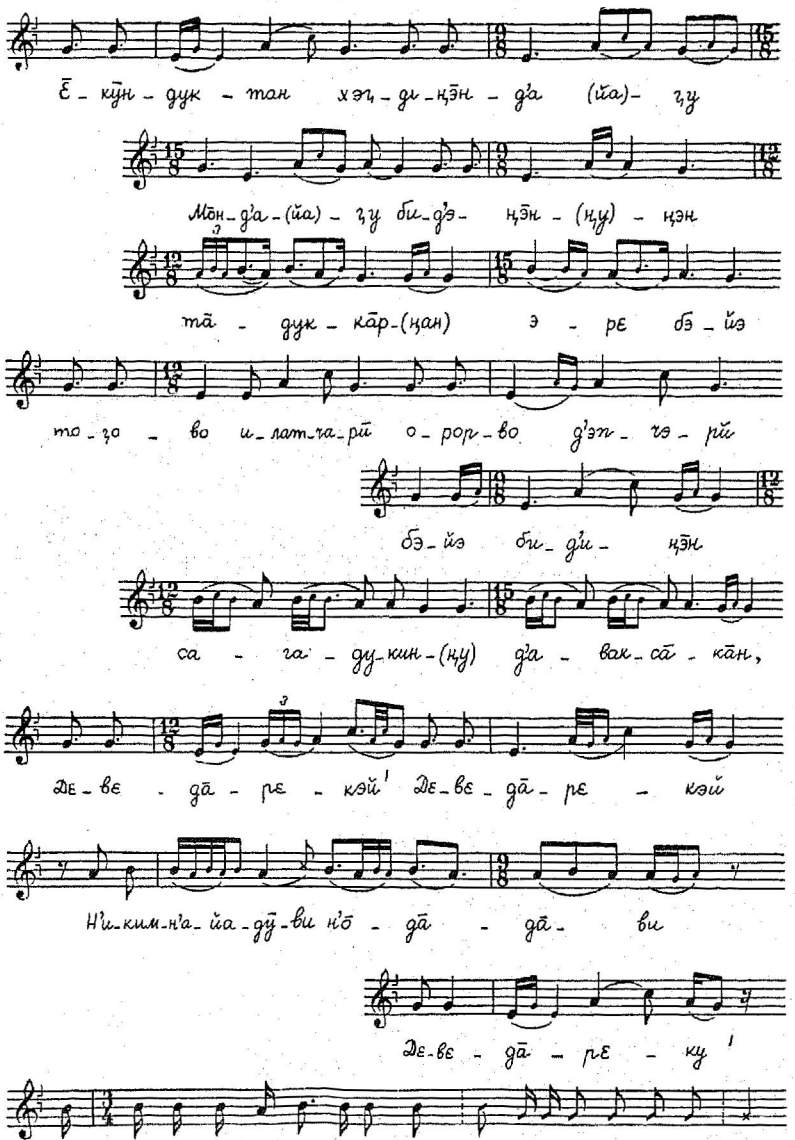

Дє - вє - дā - рє - кэй' Дє - вє - дā - рє - кэй!


Сэ - лэ - лун - д'а

а - ва - хин - д'а - ми - йа, дō - л - чāт - чэ - кэл!


Дє - вє - дā - рє - кэй! Дє - вє - дā - рє - кэй!


Эр - кэ мит дэҷ (й) - д'э - рэ - ки - т(э)



Ē - кӯн - дук - тан хэҷ - ди - ӊэ̄н - д'а (йа) - ҷу

Мōн - д'а - (йа) - ҷу би - д'э - ӊэ̄н - (ӊу) - ӊэн

тā - дук - кāр - (ӊан) э - рε бэ - йэ

то - ҷо - во и - лат - ча - рӣ о - рор - во д'эп - чэ - рӣ

бэ - йэ би - д'и - ӊэ̄н

са - га - ду - кин - (ӊу) д'а - вак - сā - кāн,

Дε - вε - дā - рε - кэй! Дε - вε - дā - рε - кэй

Н'и - ким - н'а - йа - дӯ - ви н'ō - дā - дā - ви

Дε - вε - дā - рε - ку!

Сō бэ - йэ би - д'и - ӊэ̄с, гу - нит - тэн О! Та - ра ба - гас, гу - нит - тэн

IV

Свободно ♪=160

Ки - мэ, ки-мэ-ку! Ки-мэ ки-мэ-ку!

Э-р ē-кӯн э-шӣ-ла ē-кӯн би-нэ-н

мō-йа-дук бал-дī-чā Кō-дāк-чэ-н (йо)

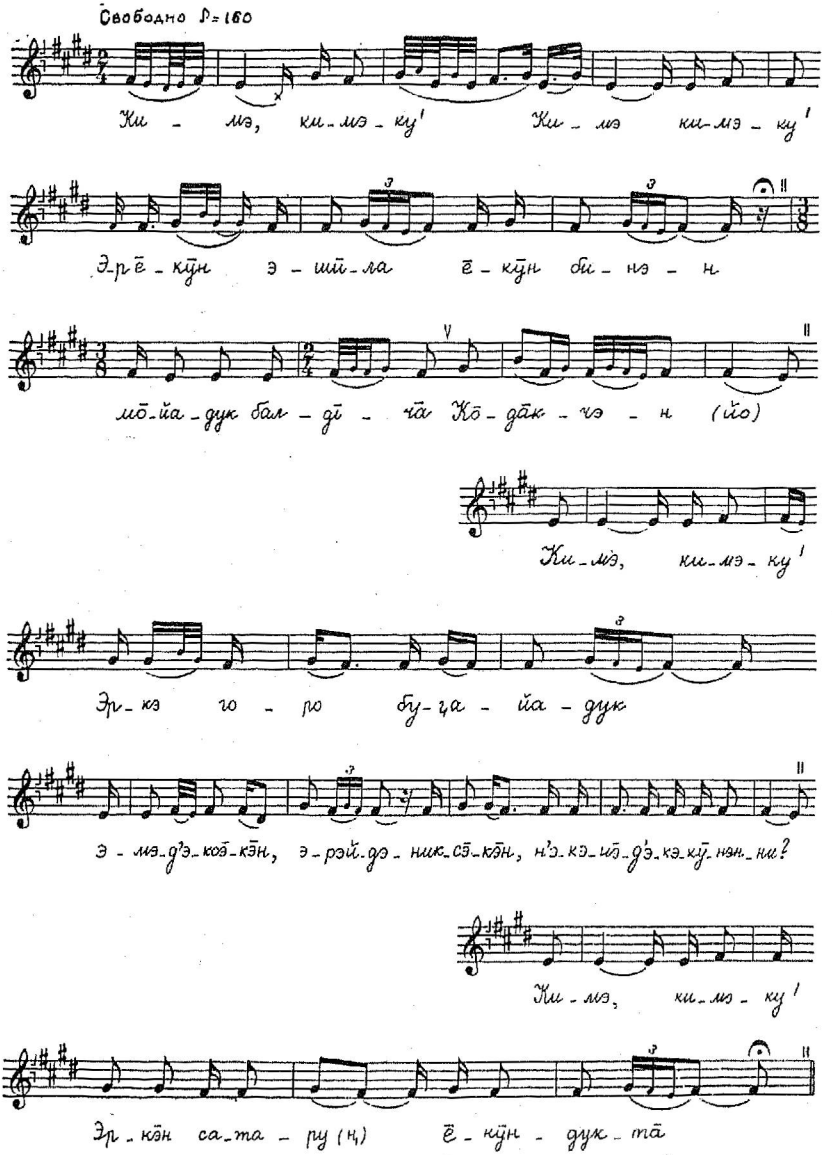
Ки-мэ, ки-мэ-ку!

Эр-кэ го-ро бу-ца-йа-дук

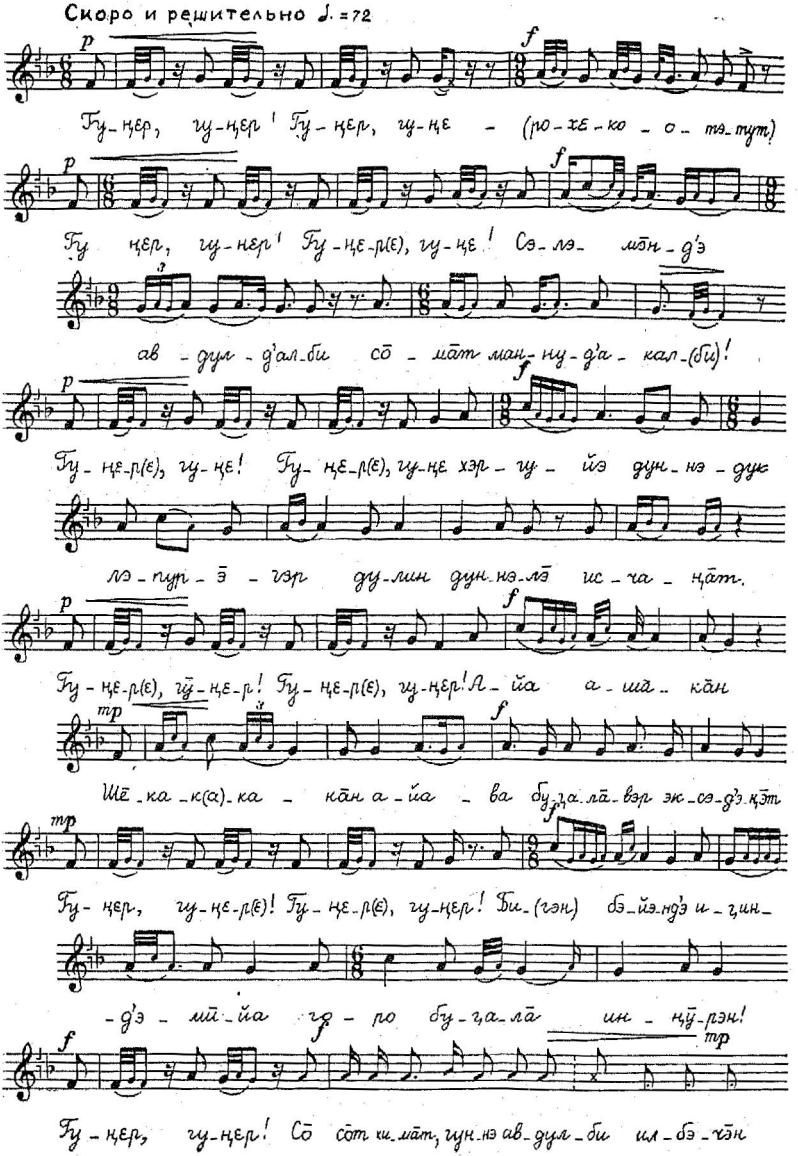
э-мэ-д'э-коэ̄-кэ̄н, э-рэй-дэ-ник-сэ̄-кэ̄н, н'э-кэ-нō-д'э-кэ-кӯ-нэн-ни?

Ки-мэ, ки-мэ-ку!

Эр-кэ̄н са-та-ру (н) ē-кӯн-дук-тā



V


Скоро и решительно ♩. = 72
Гу-ңєр, гу-ңєр! Гу-ңєр, гу-ңє - (ю-хє-ко-о-тэ-тут)
Гу ңєр, гу-нєр! Гу-ңє-р(є), гу-ңє! Сэ-лэ- мбн-д'э
ав-дул-д'ал-би со-мат ман-ну-д'а-кал-(би)!
Гу-ңє-р(є), гу-ңє! Гу-ңє-р(є), гу-ңє хэр-гу-йэ дун-нэ-дук
лэ-пур-э-гэр ду-лин дун-нэ-лэ ис-ча-ңат.
Гу-ңє-р(є), гӯ-ңє-р! Гу-ңє-р(є), гу-ңєр! А-йа а-ша-кан
Ше-ка-к(а)-ка-кан а-йа-ва бу-га-ла-вэр эк-сэ-д'э-ңэт
Гу-ңєр, гу-ңє-р(є)! Гу-ңє-р(є), гу-ңєр! Би-(гэн) бэ-йэ-нд'э и-гин-
-д'э-ми-йа гэ-ро бу-га-ла ин-ңӯ-рэн!
Гу-ңєр, гу-ңєр! Со сот ки-мат, гун-нэ ав-дул-би ил-бэ-чэн

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ПЛЕМЕННЫХ, РОДОВЫХ НАЗВАНИЙ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН[1]

Агдыни, с. и. 381.
Акаригир, р. н. 381.
Алгома, р. 382, 383.
Алдан, р. 382.
Алтанэй, с. и. 268—272, 354.
Амга, р. 383.
Амур, р. 344, 382.
Ангара, р. 296, 360—363.
Анюй, р. 204, 339, 343, 344.
Апчода, с. и. 306.
Арчамка, с. и. 306.

Багдарикан, с. и. 297.
Байкал, оз. 381.
Бакадя, с. и. 304, 305, 364.
Баттак, р. н. 382.
Баякан, с. и. 381.
Бети, р. н. 382.
Бонгача, с. и. 302.
Бордонгил, р. н. 382.
Боскондяриндя, с. и. 185—190, 341, 342.
Букочар, р. н. 382.
Булдэ, Буллэ, Буллэт, р. н. 325, 371, 382.
Бута, р. н. 382, 383.
Буягир, р. н. 382.
Бэрко, с. и. 325—330, 371.
Бэтум, р. н. 382, 383.

Витим, р. 381, 382.
Воршендэ, с. и. 253, 254.
Вояв, р. 301.

Гаданча, с. и. 299, 300.
Гарагалтун-Силин, с. и. 219, 346—348.
Гарпавулча, Гарпавулчан, с. и. 243—245, 349.
Гарпалик, с. и. 386.
Гарпани, Гарпаникан, с. и. 250—257, 350—351.
Гарпас-мата-Гарпаникан, с. и. 257, 351.
Гельтамда, р. 383.
Гельтынгачан-Кувульгат, с. и. 266, 353.
Гильбовуль, с. и. 301—303, 364.
Гилюй, р. 382.
Гонам, р. 383.

Дарпек, Дарпекчан, с. и. 228—236, 244, 245, 349, 350.
Дебульго, Девульго, Девильго, Дейдо-Девильгон, Дейдо-Девильго-Кувульгат, с. и. 225, 231.
Деерок, с. и. 306.
Дейдо см. Дебульго.
Деко, с. и. 285, 306.
Делони, с. и. 225.
Догикчон, с. и. 204—207, 343.
Донгоиль, р. н. 382.
Дэнгмал, р. н. 382.
Дэткэн, р. 311.
Дюпкулкон-Дюпкулдин, с. и. 200—206, 343, 344.
Дюрунго, с. и. 300.

---

[1] Условные обозначения:
оз. — озеро
п. н. — племенное название
пос. — поселок
р. — река
р. н. — родовое название
с. п. — собственное имя
хр. — хребет

Егинде-земля 218, 346, 347.
Енисей, р. 290, 346.
Ерома, р. 307, 365.

Зея, р. 382.

Ибде, с. и. 293, 360.
Идагурчан, с. и. 196.
Илимпея, р. 356, 366.
Илихагдэн, с. и. 268.
Ингчор-земля 342.
Ирикта, р. 301.
Иронуде, Иронучон, с. и. 216—218, 258, 351.

Каданучан, с. и. 216, 217.
Кангаги(р), р. п. 383.
Катан, с. и. 220.
Катанга, Катонга, р. 290, 301, 381.
Катунь, р. 383.
Кеда, Кедак, Кедан, п. н. 206, 225, 339, 343, 345, 347. См. также Кидан.
Кежма, р. 293, 306, 360, 363.
Кемо, Кемони, р. н. 339, 345 (ср. припев).
Кемукагир, р. н. 381.
Кенгас, с. и. 382.
Керальто-Гаральто, с. и. 268, 354.
Кеян-земля, 208, 338, 340, 345.
Кидан, Кедан, Кидани, п. н. 179, 180, 201, 208, 224—228, 339—344, 347.
Кидан-земля, Кетан-земля 179, 180, 201, 208, 224, 228, 338, 339, 343—347.
Кимо, р. п. 345.
Кимо-Кимонии, р. н. 207, 208, 247 (ср. припев).
Кимол, Кимал, р. н. 290, 345, 357.
Кимонко, р. п. 345.
Кимонори, с. и. 245, 349.
Киндыгир, р. н. 324, 325, 371.
Киренга, р. 381.
Киро, Кирэ, Кирэлту, с. и. 270—272, 354.
Киянка, р. 345.
Кият, р. н. 345.
Кодакчон, с. и. 178—197, 338, 341.
Кодорос, хр. 251.
Колтоки(л), р. н. 383.
Конгакчан, Конганкан, с. и. 253—256.
Конгдо, Конгдогир, р. н. 381, 383 (см. Кунгдогир).
Коптуткор, р. п. 382.
Корболик, с. и. 380.
Кордаку, с. п. 287.
Кордо, с. и. 301, 363.
Кордуял, р. н. 289, 301, 302, 359, 363, 381.
Котор, р. 216, 346.
Кувульгат, р. н. 230, 231, 266.
Кунгдогир, Кунгногир, р. н. 295, 360, 361, 381, 382.
Курболтун, с. и. 291, 354, 357.
Курвул, с. и. 332, 373.
Куркогир, р. н. 289, 295, 296, 300, 301, 359, 361, 363, 381.
Куртак, с. и. 382.
Курэнгой, с. и. 272—276, 354.
Кэдэронинде, с. и. 252.

Лалигир, р. н. 342.
Лимты, р. (русск. Илимпея) 310, 382.
Лонгко, с. и. 284, 285, 300, 308, 356.
Лонгорки, р. н. 382.
Лопкончо, с. и. 307, 365.
Лопоко(л), р. н. 295, 381.

Мамагат, Мамугир, р. н. 358, 371.
Манги, п. н. 332, 333, 372.
Манягир, р. н. 382.
Марха, р. 381.
Мачаку, с. и. 302.
Мирошко, р. н. 382.
Мокигдын, с. и. 213—217, 346.
Мокогдыр, с. и. 276—280, 355.
Мокогир, р. н. 317, 318, 369.
Моксо, Моксовул, с. и. 270, 272, 354.
Момо(л), р. н. 289—296, 298, 300, 304, 357, 360—364, 381.
Момочан, Момочар, р. н. 291, 356, 360, 381, 382.
Момочо, с. и. 300.
Монгол, р. н. 257, 366.
Монгруни, с. и. 225—229, 334, 339, 344, 347.
Монгукчон, Монгункон, с. и. 180—184, 209, 237—248, 338—340.
Мукилту, с. и. 354—356, 271.
Мукто(л), р. п. 382.
Мучанча, с. и. 380.
Мучугир, р. п. 362.

Наканна, пос. 357, 382.
Налурак, р. 383.
Нгангагир, р. п. 325, 371, 382.
Нивонинде, с. и. 218—221, 346.
Нидым, р. 381.
Нингтони, с. и. 198, 203—206, 339, 343.
Нурговул, с. и. 309, 310, 366.
Нуям, р. 383.
Нюнгурмок, с. и. 217, 234—237.

Нюрдяк, с. и. 191.
Нюрмаган, р. н. 382.
Нюрумня(л), р. н. 284—288, 300, 356, 357, 359, 363.
Нюшкагир, р. н. 301, 363.
Нялягир, р. н. 361.

Огинкогир, р. н. 317, 318, 363.
Ойогир, р. н. 381.
Олувул, с. и. 310, 311, 366.
Онгкочо, р. 357.
Онгчор-земля 197.
Онон, Онон-земля 180, 218, 339—347.
Оптоко(п), с. и. 284—289, 302, 356, 359.
Орель, р. н. 339, 343.
Оролдин, с. и. 190.
Отани, с. и. 223—234, 245, 347.
Оха, р. н. 200—206, 343—345.
Ошикир, р. н. 307, 308, 365, 382.

Пагьякан, с. и. 381.
Пангка, с. и. 381.
Пангкагир, р. н. 381.
Пачаки, с. и. 285, 289—300, 306, 357—360.
Потэ, р. н. 382.

Секак, Секакчан, с. и. 178, 179, 194—210, 212, 237, 258, 259, 267, 343, 345.
Секардин, с. и. 237, 239, 348.
Сергунго, с. и. 301, 302, 363.
Сивир, Сивир-земля, Шибир 178, 207—210, 215, 224, 338—347.
Сигундар, с. и. 276—284, 344, 355, 356.
Сирбут-Сирбупэй, с. и. 280—284, 356.
Соготок, с. и. 341.
Сологон, р. н. 381, 382.
Сумкольдин, с. и. 203, 344.
Сэлулэнде, Сэлэнтур, Сэлэмэнде, Сэлэмтун, Сэлэргун, с. и. 189, 192, 194, 217, 225—228, 237, 341, 345—348.

Тарундяк-земля 195, 341.
Тоган, с. и. 325, 328.
Тогондор, с. и. 194, 342.
Томкони, с. и. 342.
Топгколдин, с. и. 278, 355.
Топоко, р. н. 291, 360.
Торганэй, с. и. 260—266, 352—354.
Тура, пос. 300, 363.
Тывьенэй, с. и. 268—272, 354.
Тыргакчан, с. и. 203—205, 223—234, 339, 343, 347.

Увачан, р. н. 382.
Уговнор, с. и. 245.
Угоян, с. и. 191, 245, 342.
Ульбимчо, с. и. 289.
Умусли(кон), Умусни(кон), с. и. 210—212, 241—250, 349, 350.
Упгковул, с. и. 312, 313, 367, 368.
Унтанэй, с. и. 340.
Уранкай, п. н. 179, 204, 207, 213, 215, 218, 223, 227—229, 257, 259, 339—346.
Урон, с. и. 311—316, 367, 368.
Утольдин, с. и. 206.
Утыпка(ткан), с. и. 305, 306, 381.
Учур, р. 382, 383.

Хагданча, с. и. 307.
Халдяркай, с. и. 218.
Хачикагир, р. н. 381.
Хиркогир, р. н. 381.
Ховоко, с. и. 284—293, 306, 356—360.
Хологон, р. н. 381.
Хорбо(ль), р. н. 289—301, 362.
Хоркигир, р. н. 301, 302.
Хоролдеп, с. и. 189.
Хуладал, р. н. 372.
Хуругочон, с. и. 234—241, 266, 348, 353.

Чадобец, р. 295, 361.
Чакиптула, с. и. 333, 334, 373.
Чангит(ы), п. н. 319—331.
Чапикэй, с. и. 263—266, 353.
Чапогир 382.
Чемда(л), р. н. 296—300, 361—365.
Чилчагир, р. н. 381.
Чиндони, с. и. 255, 256.
Чиямончо, с. и. 381.
Чипа, с. и. 325.
Чиришгда, оз. 381.
Чиркимай, с. и. 265, 353.
Чичогир, р. н. 381.
Чоколдой-конь 282, 283.
Чолко, с. и. 300.
Чулуро, Чулугды, п. н. 225—229, 348.

Шанаяк, с. н. 379.

Эмидакль, р. н. 382.
Эрокчон, с. и. 197, 203, 204.

Юлтони, с. и. 243—245, 344, 349.
Юргины, с. и. 307—309, 365, 366.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3

Учӣр, Урмӣ, Чумукэ̄н, Сахалин, эвэнкӣлин нимцакӑртин 19

1. Кодӑкчэн 19
2. Кодӑкчэн 27
3. Сэ̄нак 39
4. Илан ахӑкӑр 49
5. Мэкигдын 57
6. Нивэнӣнд'э 62
7. Отанӣ 66
8. Хуругэчэ̄н 82
9. Умӯсни 89
10. Умӯслӣкэ̄н 90
11. Умӯн-Умӯснӣкэ̄н 96
12. Гарпанӣкӑн 98
13. Гарпас-мата-Гарпанӯчӑн 105

Алдан, Д'эйэ эвэнкӣлин нимцакӑртин 108

14. Тӧргӑнэй 108
15. Тӧргӑнэй, Чаникэй 111
16. Алтӑнэй 115
17. Алтӑнэй, Тывйӑнэй 117
18. Курэцэй 120
19. Мэкэ̄гдыр, Сигундар 123
20. Сирбут-Сирбӯнэй 127

Кӑтэнцӑл эвэнкӣлтын нимцакӑртин 131

1. Хэвэкэ̄, Лоцко, Эптэкэ̄н 131
2. Эптэкэ̄н Куркэ̄гир; Пачакӣ Момо 135
3. Орор 136
4. Хэвэкэ̄ 136
5. Хэвэкэ̄ Момо̄чар, Тэпэкэ̄ Момо 137
6. Лоцко 138
7. Йбд'э 138
8. Пачакӣ 139
9. Пачакӣ Момо 141
10. Пачакӣ Момо 141
11. Момол, Чэ̄мдӑл 142

Стр.

12. Чёмдāл, Хэрбэл 143
13. Момол, Куркэ̄гир, Н'урумн'ал 145
14. Кордо 145
15. Куркэ̄гир, Н'ушкāгир 145
16. Сэргуӈэ Кордӯйал 146
17. Гилбэ̄вул 146
18. Бакад'а Момо 147
19. Утішка 148
20. Д'эйэрэк 149
21. Йургині 150
22. Йургині 151
23. Нургэ̄вул, чаӈитіл 152
24. Олувул, Нургэ̄вул 153
25. Ӯрэ̄н 154
26. Ӯрэ̄н, Уӈкэ̄вул 154
27. Ганалчӣл 158
28. Дīгэр 158
29. Эгинкэ̄гир, Мэ̄кэ̄гир 159
30. Вāлдікӣт 160
31. Чаӈиткāкӯр 161
32. Асӣ, чаӈит 162
33. Асӣ 162
34. Эвэнкӣ, чаӈит 163
35. Киндіӈир, чаӈичӣл 165
36. Бэркэ, чаӈитīл 166
37. Бэйэ, чаӈит 171
38. Маӈи-чаӈит 172
39. Куривул, маӈи 173
40. Чакиптулā 174
41. Бэйэткэ̄н 175
42. Д'эптīл 176
43. Д'эптігир 177

Сказания дальневосточных (учурских, урмийских, амгунских, чумиканских и сахалинских) эвенков 178

1. Кодакчон. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 178
2. Кодакчон. *С. Савин, 1960 г., р. Урми* 185
3. Секак. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 197
4. Три девицы. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 207
5. Мокигдын. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 213
6. Нивонинде. *Н. Арсенов (Эдян), 1948 г., р. Амгунь* . . . 218
7. Отани. *Г. Эдян, 1948 г., р. Урми* 221
8. Хуругочон. *А. Пудов (Бута), 1947 г., р. Алгома* 234
9. Умусни. *М. Пикалева (Эдян), 1948 г., р. Урми* 241
10. Умусликон. *С. Чепалов, 1936 г., пос. Тугур* 242
11. Умун-Умусникон. *Н. Федорова, 1936 г., пос. Чумикан* . . 248
12. Гарпаникан. *Г. Чинков (Эдян), 1938 г., Сахалин* 250
13. Гарпас-мата-Гарпапучан. *В. Диадорова (Монго), 1948 г., р. Урми* 257

Сказания верхнеалданско-зейских эвенков 260

14. Торганэй. *А. Боярковская (Хэбгимнгу), 1947 г., пос. Тында* 260
15. Торганэй и Чаникой. *И. Романов (Бута), 1936 г., пос. Бомнак* 263

Стр.

16. Алтанэй. *А. Павлова (Булдэ), 1947 г., р. Чульман* . . . 268
17. Алтанэй и Тывьенэй. *П. Михайлов (Булдэ), 1947 г., р. Чульман* . . . 269
18. Курэнгой. *А. Боярковская (Хэбгимнгу), 1947 г., пос. Тында* . . . 272
19. Мокогдыр и Сигундар. *А. Павлова (Булдэ), 1947 г., р. Чульман* . . . 276
20. Сирбут-Сирбупэй. *А. Боярковская (Хэбгимнгу), 1947 г., р. Тында* . . . 280

Предания . . . 284

1. Ховоко, Лонгко и Оптокон. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* . . . 284
2. Оптокон Куркогир и Пачаки Момо. *П.-К. Кувачонок (Чапагир), 1935 г., пос. Байкит* . . . 289
3. Олени. *С. Куркогирский (Момо), 1960 г., пос. Куюмба* 290
4. Ховоко. *К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара* . . . 290
5. Ховоко Момочар и Топоко Момо. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* . . . 291
6. Лонгко. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* . . . 292
7. Ибде. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* . . . 293
8. Пачаки. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* . . . 293
9. Пачаки Момо. *Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны* . . . 295
10. Пачаки Момо. *Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны* . . . 296
11. Момоли и Чемдали. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* . . . 297
12. Чемдали и Хорболи. *И. Чемда, 1936 г., пос. Вановара* . . 298
13. Момоли, Куркогиры и Нюрумняли. *П.-К. Кувачонок (Чапагир), 1935 г., пос. Байкит* . . . 300
14. Кордо. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* . . . 301
15. Куркогиры и Нюшкагиры. *Л. Пангкагир, 1935 г., р. Учами* . . . 301
16. Сергунго Кордуяль. *К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара* 301
17. Гильбовуль. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* . . . 302
18. Бакадя Момо. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* . . . 304
19. Утышка. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* . . . 305
20. Деерок. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* . . . 306
21. Юргины. *К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Вановара* . . . 307
22. Юргины. *П. Баяки, 1960 г., пос. Полигус* . . . 308
23. Нурговуль и чангиты. *А. Конепкин (Хунгикал), 1931 г., р. Ика* . . . 309
24. Олувуль и Нурговуль. *И. Каплин (Пангаракай), 1959 г., пос. Бугорнан* . . . 310
25. Урон. *М. Комбагир, 1935 г., озера Некопгда и Агата* . . 311
26. Урон и Унгковуль. *П. Хирогир, 1960 г., оз. Агата* . . . 312
27. Ганальчи. *П. Комбагир, 1936 г., оз. Некопгда* 316
28. Захребетные жители. *Ч. Момо, 1935 г., р. Тычаны* . . . 316
29. Огинкогиры и Мокогиры. *А. Афанасьев (Монго), 1936 г., р. Бурея* . . . 317
30. Побоище. *Г. Лонтогир, 1931 г., р. Непа* . . . 318
31. Чангиты. *А. Конепкин (Хунгикал), 1931 г., р. Ика* . . 319
32. Женщина и чангит. *И. Лопа, 1935 г., пос. Байкит* . . . 321
33. Женщина. *А. Мукто, 1935 г., р. Нидымкан* . . . 321
34. Эвенк и чангит. *А. Салаткина (Вакувагир), 1945 г., р. Дэткон—р. Непа* . . . 322
35. Кингыгир и чангиты. *Н. Шаньгин, 1936 г., р. Верхняя Ангара* . . . 324

Стр.

36. Бэрко и чангиты. *Н. Сахаров (Чакигир), 1937 г., р. Тунгир* 325
37. Человек и чангит. *А. Бояровская (Хэбгимнгу), 1947 г., пос. Тында* 330
38. Манги-чангит. *Е. Маркова (Чакигир), 1947 г., пос. Тында* 331
39. Куривуль и манги. *К. Нюшкагир, 1936 г., пос. Ванавара* 332
40. Чакиптула. *М. Комбагир, 1935 г., оз. Некогда* 333
41. Мальчик. *Д. Момо, 1935 г., р. Тычаны* 334
42. Дептылы. *А. Салаткина (Вакувагир), 1946 г., р. Дэткон—р. Непа* 335
43. Дептыгиры. *Е. Маркова (Чакигир), 1947 г., р. Тунгир, р. Тында* 337

Примечания 338

Сказания дальневосточных (учурских, урмийских, амгунских, чумиканских и сахалинских) эвенков 338
Сказания верхнеалданско-зейских эвенков 352
Предания 356

Приложения 375

Приложение I 375

Улгурӣл 375
1. Агдӣ 375
2. Агдӣ 375
3. Энӯмук 375
4. Эвэнкӣл Кӑтэнӈӑлдук 376
5. Вилʻуй илэлин 377
6. Эвэнкӣл буґаӈӣлтiп 377
7. Атiркӑн хутэн 378
Рассказы 379
1. Грова 379
2. Грова 379
3. Болезнь 379
4. Эвенки с Катанги 381
5. Эвенки с Вилюя 381
6. Места, освоенные эвенками 382
7. Сын старухи 383

Приложение II. Напевы сказания о Кодакчоне *(Б. М. Добровольский)* 384
Указатель географических, племенных, родовых названий и собственных имен 392

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ЭВЕНКОВ

* * *

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

* * *

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Р. Е. Звендель*
Корректоры *Л. М. Бова*, *Ш. А. Иванова* и *Н. З. Петрова*

Сдано в набор 6/XII 1965 г. Подписано к печати 22/IV 1966 г. РИСО АН СССР № 152—118В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 12⅝. Печ. л. 25 + 1 вкл. (¼ печ. л.). = = 25¼ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 31.59. Изд. № 2742. Тип. зак. № 636. М-27674. Тираж 1500. Бумага типографская № 2.

Цена 1 р. 90 к. + переплет 10 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
37	5 снизу	буҷалāн	буҷалāви
92	11 »	Бу	Би
137	7 »	тукаландӯ	тулакāндӯ
174	4 »	эмэчэн	эмэчэн
334	11 сверху	пришел в этот чум	оставил [меня] в этом чуме